

ПЕРСИЯ

история
неоткрытой
страны

Алекс Бертран Громов
Сейед Нассер Табаи

Annotation

Немногие державы могли, подобно Персии, противостоять натиску легионов Римской империи и одерживать победы. Уникальные клинки работы персидских мастеров и сейчас остаются эталоном благородного оружия. Древние города, акведуки и оросительные системы Персии даже в наши дни поражают воображение. Произведения здешних поэтов и живописцев принадлежат к вершинам культурного наследия человечества – например, классические персидские миниатюры, которые часто именуют самым совершенным из всего, что создано в мировом искусстве. Поэма великого Фирдоуси «Шахнаме» не просто являет собой обширный и красочный эпос, но и породила целый свод легенд, в том числе и ту, что повествует о властителе, оценившем каждую ее строку на вес золота. Но, несмотря на всемирную славу персидских поэтов и полководцев, история этой древней страны хранит еще немало загадок.

2-е издание, дополненное.

-
- [А. Б. Громов, С. Н. Табаи](#)
 -
 - [Персия: история неоткрытой страны](#)
 - [1. От Нила до Арарата](#)
 -
 - [Кир Великий](#)
 - [Спасенный мальчик](#)
 - [«Называли его Отцом...»](#)
 - [Владыка множества земель](#)
 - [Покорение Вавилона](#)
 - [Первая столица](#)
 - [Камбис II](#)
 - [Покоритель Египта](#)
 - [Самозванец на троне](#)
 - [Дарий I](#)
 - [«Из-за превосходности его сердца...»](#)
 - [Первый Суэцкий канал](#)
 - [Греческие войны](#)

- [Персеполь](#)
- [Навруз](#)
- [Изразцы и узоры](#)
- [Ксеркс I](#)
- [Ксерксов канал и морская буря](#)
- [Битва при Фермопилах](#)
- [Саламинская битва](#)
- [Лучшие кони земли](#)
- [Артаксеркс I](#)
- [Дарий III](#)
- [Завоеватель из Македонии](#)
- [Письмо Аристотеля](#)
- [Судьба царицы](#)
- [Предательство](#)
- [Легенда о золоте Дария](#)
- [Нюансы исторических стереотипов](#)
- [2. Соперники Рима](#)
 - [Завершение завоеваний: династия Селевкидов](#)
 - [Ардашир I – воцарение Сасанидов](#)
 - [Шапур I – победитель римлян](#)
 - [Персидский поход Юлиана Отступника](#)
 - [Дуб полководца Вардана](#)
 - [«Золотой век» Хосрова I](#)
 - [Каналы и крепости](#)
 - [Владыка из легенд](#)
 - [Искусство эпохи Сасанидов](#)
 - [Хосров II Парвиз](#)
 - [Взятие Иерусалима](#)
 - [Последний шанс Ираклия](#)
 - [Полтора миллиарда драхм](#)
 - [Хосров и Ширин](#)
 - [Первый поэт Персии](#)
 - [Царица Буран](#)
 - [Йездегерд III](#)
 - [Наследие Сасанидов](#)
- [3. Величие слова](#)

-
- [Халиф Умар II](#)
- [Последний халиф](#)
- [От Аббасидов до Саманидов](#)
- [Блистательные поэты](#)
- [Рудаки](#)
- [«Калила и Димна» Рудаки](#)
- [Покровители искусств и ремесел](#)
- [Фирдоуси](#)
- [«Шахнаме» и былины](#)
- [Становление эпоса](#)
- [Эпос и архетип](#)
- [«Шахнаме» в традиционном театре](#)
- [«Шахнаме» в кино, современном театре и литературе](#)
- [«Первый в мире царь»](#)
- [Оружие древности и роль в истории](#)
- [«Тысяча и одна ночь» Персии](#)
- [Низами](#)
- [Прекрасные сады](#)
- [Миниатюра](#)
- [Наука персидского Средневековья](#)
- [Ибн Сина](#)
- [Персидская философия](#)
- [Старец Горы](#)
- [Влияние Персии на державу Тимура](#)
- [4. От Тигра до Инда](#)
 -
 - [Исмаил I – первый Сефевид на троне](#)
 - [Чальдаранская битва](#)
 - [Властитель и поэт](#)
 - [Сефевиды и Великие Моголы](#)
 - [Воцарение династии Моголов](#)
 - [«Бабур-наме»](#)
 - [Шах приютил изгнанника](#)
 - [Шедевры искусства и быта](#)
 - [Слияние традиций](#)
 - [Великие миниатюры](#)

- [«На дороге дружбы...»](#)
- [Аббас Великий](#)
- [Мосты Исфахана](#)
- [Мечеть Имама](#)
- [Дон Жуан Персидский](#)
- [Федот Котов и его путь в Персию](#)
- [Возрождение тканых узоров](#)
- [Калам и краски](#)
- [Высокая кухня Персии](#)
- [Стенька Разин и персиянка-пленница](#)
- [Марина Мнишек в гареме шаха?](#)
- [Персия в первом русском театре](#)
- [5. XVIII век: держава и соседи](#)
 -
 - [Петр I отправил посольство](#)
 - [Слон для царя](#)
 - [«Великими богатствами от шаха одарен...»](#)
 - [Восточные перспективы](#)
 - [Закат эпохи Сефевидов](#)
 - [Персидский поход](#)
 - [Пушкин о Персидском походе Петра Великого](#)
 - [Надир-шах: путь к престолу](#)
 - [«Павлиний трон» и «Гора света»](#)
 - [Мирный договор о Каспийском побережье](#)
 - [Сватовство Надир-шаха](#)
 - [Гибель Надир-шаха и «большая игра»](#)
 - [Персидская авантюра князя Потемкина](#)
 - [Недолгое «царство милосердия»](#)
- [6. Россия и Персия в первой половине XIX века](#)
 -
 - [Бурное начало столетия](#)
 - [Фетх Али-шах](#)
 - [Персидский Шах Фетали, друг Императора Наполеона](#)
 - [Финкенштейнский договор](#)
 - [Хрустальное ложе](#)
 - [Драгоценные шали](#)
 - [Ермолов и Грибоедов](#)

- [Судьба посланника Грибоедова](#)
- [Дезертиры](#)
- [Миссия принца](#)
- [Наблюдения барона Корфа](#)
- [Принц Аббас-Мирза](#)
- [Подготовка к походу и осада Герата](#)
- [Мохаммед-шах](#)
- [7. Шах-реформатор](#)
 - [Насреддин-шах](#)
 - [Интерес к созиданию](#)
 - [Амир-Кабир](#)
 - [Англо-персидская война](#)
 - [Тайны и агенты: Большая игра и Персия](#)
 - [Новый облик Тегерана](#)
 - [Водопровод и змеиная кожа](#)
 - [Железные дороги](#)
 - [Розовая мечеть](#)
 - [Судьба древних памятников](#)
 - [Прочитать неведомые письма](#)
 - [Персидское серебряное плетение](#)
 - [Миссия генерала Куропаткина](#)
 - [Имея в виду Персию...](#)
 - [Персидская казачья бригада](#)
 - [Ван Хельсинг в Персии](#)
 - [На рубеже веков](#)
- [Приложение](#)
 - [Чога-Занбиль](#)
 - [Персеполь](#)
 - [Площадь Имама](#)
 - [Тахт-е Солейман](#)
 - [Пасаргады](#)
 - [Крепость Бам](#)
 - [Солтание](#)
 - [Бехистунская надпись](#)
 - [Древние армянские монастыри](#)
 - [Банд-е Кайсар – Дамба кесаря](#)

- [Мавзолей-мечеть шейха Сефи ад-Дина](#)
 - [Тебризский базар](#)
 - [Персидские сады](#)
 - [Башня Гонбад-е Габус](#)
 - [Мечеть Джамии в Исфахане](#)
 - [Дворец Голестан](#)
 - [Шахри-Сухте](#)
 - [Культурный ландшафт Майманд](#)
 - [Сузы](#)
 - [Пустыня Деште-Лут](#)
 - [Гонабадский кяриз](#)
 - [Список литературы](#)
-

А. Б. Громов, С. Н. Табаи

Персия: история неоткрытой страны

На европейский взгляд, самый выдающийся период иранской истории – это эпоха Ахеменидов, поскольку ее наследство было воспринято культурой Греции, Рима, культурой Возрождения.

Марк Ферро

«Как рассказывают историю детям в разных странах мира»

© Фонд исследований исламской культуры, 2017

© ООО «Садра», 2017

Персия: история неоткрытой страны

Во имя Господа души и мудрости!

В условиях развивающихся в различных областях отношений между Исламской Республикой Иран и Российской Федерацией все большее значение приобретает взаимное узнавание друг друга обществами этих двух соседних стран. Я верю в то, что культурное взаимодействие и связи между людьми являются действенным фактором для упрочения тесных отношений между правительствами и укрепления сотрудничества двух стран.

Одним из важных и эффективных факторов в деле знакомства с иранским обществом является презентация книг, посвященных истории Ирана. Книг, которые могли бы достойно представить читателям величественное прошлое древней страны.

Предлагаемая вашему вниманию книга, принадлежащая перу выдающегося исследователя истории Алекса Бертрана Громова, издана при содействии московского отделения издательства «Садра» и принадлежит к числу ценных произведений, представляющих историю Ирана русскоязычной аудитории.

В книге доступным языком излагаются исторические события начиная со времени царствования Кира Великого и заканчивая XIX веком. В книге прослеживается судьба Персидской империи в различные исторические эпохи начиная с периода Ахеменидов и Сасанидов, рассматриваются географические аспекты и вопросы соперничества Персии с греками, византийцами, монголами и османами, описываются периоды взлетов и падений Персидской империи, приход ислама, расцвет персидского языка и литературы, правящие династии в постисламском периоде и т. д. Наиболее подробному анализу в книге подвергнута судьба Персии в XIX веке. Кроме того, представлена полезная информация о персидско-русских

отношениях и некоторых важных преобразованиях, происходивших во внутреннем устройстве Персии.

Книга содержит ценные сведения об истории Ирана. Надеюсь, что это достойное произведение поможет русскоязычным читателям познакомиться с богатой историей давнего соседа России – Ирана, а также историей взаимоотношений двух стран.

ДОКТОР МЕХДИ САНАИ, доцент кафедры международных отношений Тегеранского университета, Чрезвычайный и Полномочный Посол Исламской Республики Иран в Российской Федерации

В предлагаемой вниманию читателей книге подробно рассматриваются важные этапы персидской истории, а также то, как они связаны с событиями, происходившими в разных частях мира. Столь же внимательно исследуется и процесс формирования уникальной культуры Персии, которая во все времена находилась на пересечении великих путей, связывавших далекие друг от друга страны. Влияние персидской науки и достижения искусства, будь то стихи великих поэтов или изделия талантливых мастеров, распространялись далеко за пределы державы.

Следует отметить, что взаимосвязь между Ираном и Россией, двумя странами древней культуры, имеет глубокие корни и давние традиции. Обмен посольствами, торговые дела, дипломатическая переписка персидских владык и русских государей, взаимное культурное влияние – всему этому уделено внимание в книге, что позволяет читателю узнать много нового о старинных обычаях добрососедства, получающих достойное продолжение в наши дни.

ДОКТОР РЕЗА МАЛЕКИ, Руководитель Культурного представительства при посольстве Исламской Республики Иран в России

«В новом документальном издании приводятся многие малоизвестные факты из многовековой истории Персии, которая была не только обширной и могущественной, но и едва ли не единственной державой, способной противостоять натиску знаменитых легионов Рима».

Российская газета

«Необыкновенные сокровища, гениальные творения поэтов и архитекторов, знаменитые битвы – всему нашлось место в этом увлекательном документальном исследовании истории страны, которая на протяжении веков по праву владела статусом великой державы. Корни этой истории уходят в седую глубь времен, тесно переплетаясь, а потом неразрывно сливаясь с легендами о непревзойденных героях и славных подвигах».

Комсомольская правда

«Ее можно назвать «занимательной историей» Ирана – от создания могущественной державы Ахеменидов в середине первого тысячелетия до нашей эры до конца XIX века».

ParsToday

«В книге прослеживается из века в век история взаимоотношений Персии и России, рассказывается о дарах, которыми обменивались государи этих держав – здесь и драгоценный трон, подаренный Аббасом Великим московскому царю, и знаменитый алмаз «Шах», и уникальная

парадная кровать из хрусталя, отправленная в подарок Фетх-Али-Шаху от императора Николая I».

Terraart

«Основное внимание авторы уделили не столько персидским властителям, войнам и политическим интригам, сколько науке, культуре, искусству страны. Отдельные главы посвящены российско-персидским отношениям. Обширная библиография. Множество цветных и черно-белых иллюстраций».

Радио «Книга»

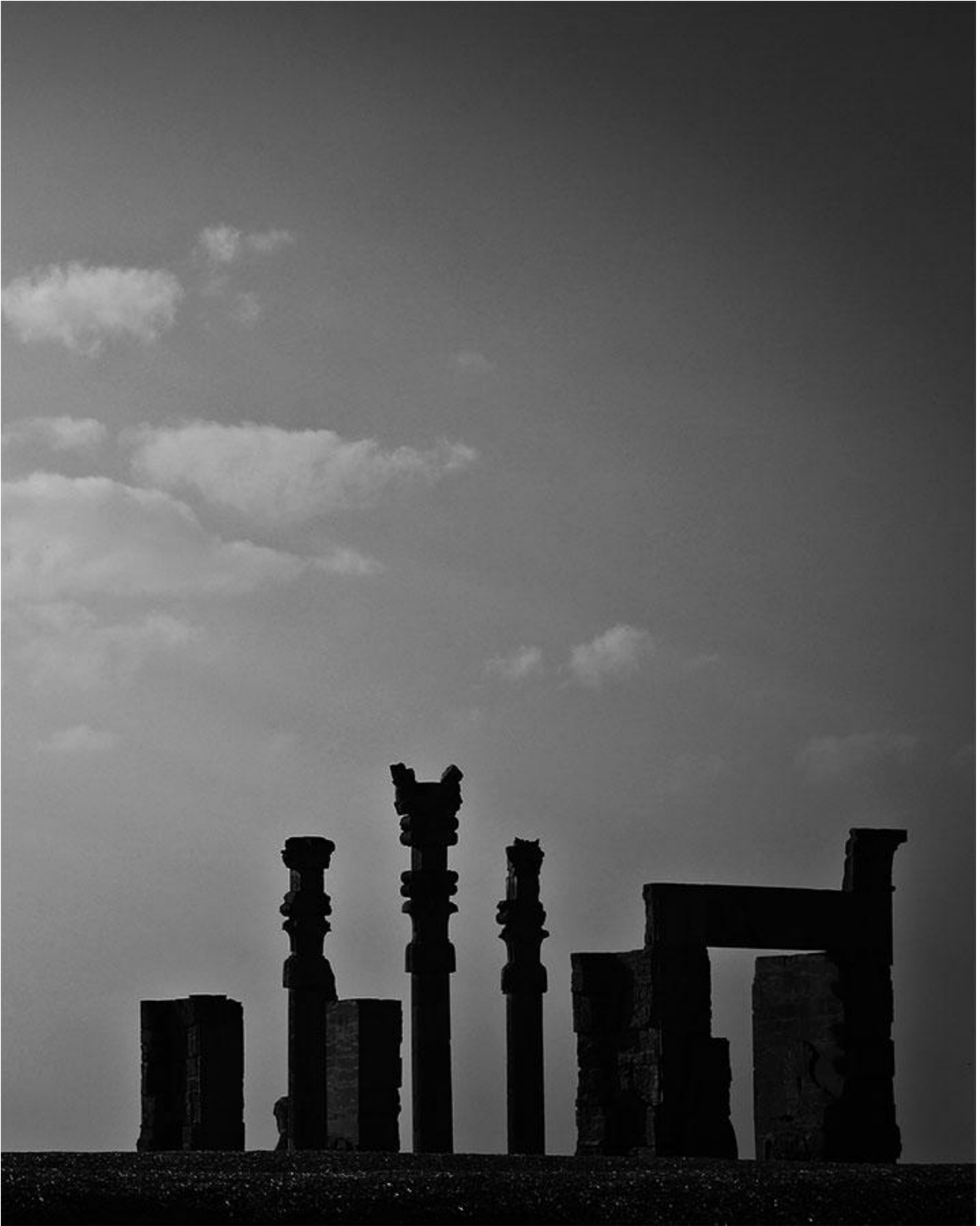
1. От Нила до Арарата

Под властью Ахеменидов цивилизованный мир подошел ближе к тому, чтобы оказаться под одной политической властью, чем когда-либо раньше или позже.

Альберт Олмстед

«История Персидской империи»

Персидская империя под властью династии Ахеменидов простиралась от реки Инд до Средиземного моря, от Индии до Балкан и от Египта и Аравии до Кавказа. Это была воистину держава мирового масштаба.

Кир Великий

Появление на карте ойкумены Персии как великой державы неразрывно связано с именем царя Кира II Великого, происходившего из династии Ахеменидов и правившего в 559–530 гг. до н. э. «Сформировав собственную империю, Ахеменидскую, персы распространили свое влияние и власть, – пишет Ахмад Хатами в книге «Иран: страна и люди». – Они избрали своей религией зороастризм и переняли у вавилонян клинописное письмо для написания древних персидских текстов. Кир Великий – один из известнейших правителей этой династии, который выпустил первую в мире декларацию прав человека. Он подготовил свод законов и наладил общественную и городскую жизнь. Освобождение им из плена евреев и человеческое обращение с ними навечно вписало его в историю».

О самом первооснователе царственного дома, легендарном Ахемене, сведений практически не сохранилось. Античные авторы

сообщали лишь, что он был правителем народа пасаргадов, обитавшего на землях, подвластных Мидии. Однако уже сын Ахемена Теисп (Чишпиш) освободился от полной власти мидийцев и сумел расширить свои пока еще не очень большие владения. Его имя запечатлено на золотой пластине, найденной в 1930 году при раскопках на территории современного Хамадана. Текст записи составлен от имени его сына Ариарамны и гласит: «Ариарамна, великий царь, царь царей, царь Парсы, сын царя Теиспа, внук Ахемена. Говорит царь Ариарамна: Эта страна Парса, которой я владею, полна хороших коней, хороших людей, великий бог Ахура-Мазда дал ее мне. Милостью Ахура-Мазды, я царь этой страны. Царь Ариарамна говорит: помоги мне Ахура-Мазда».

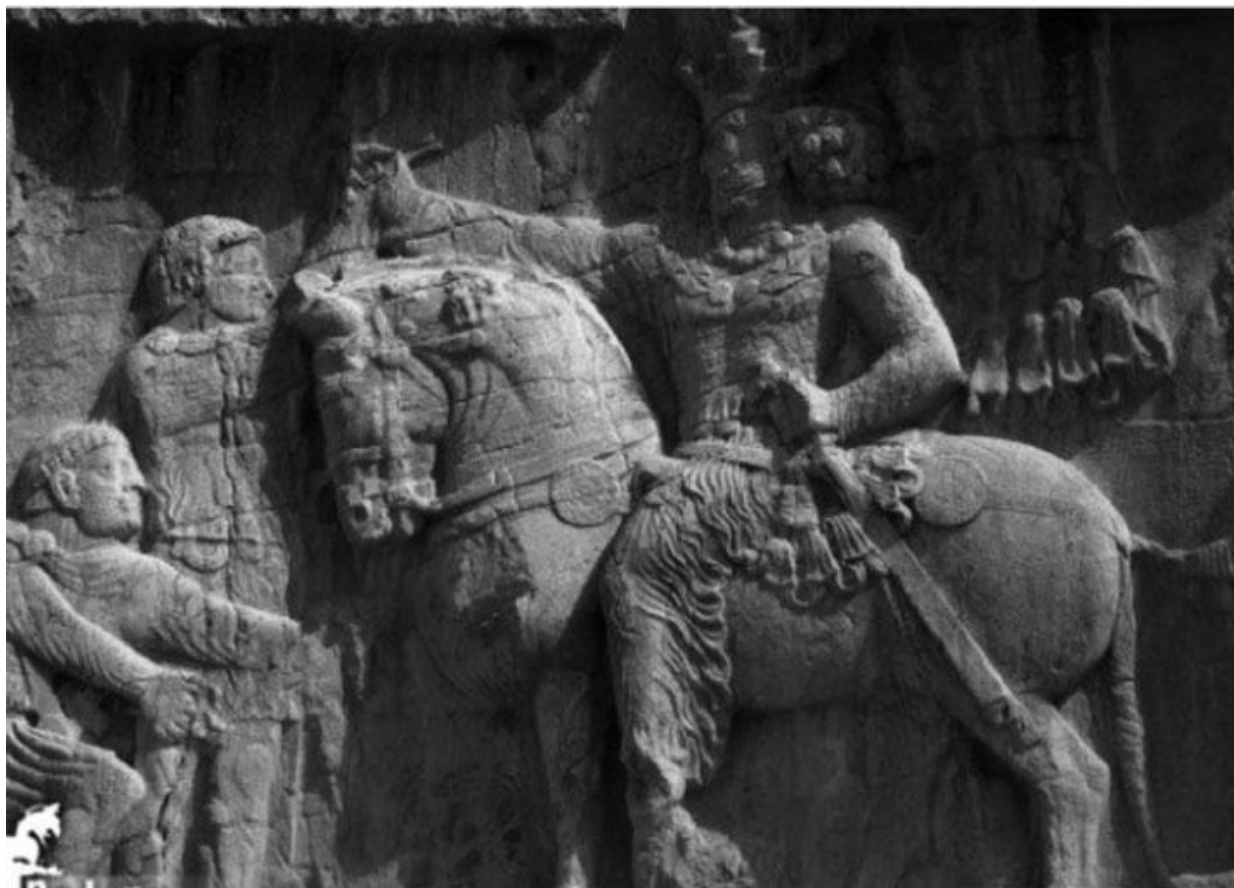
«Ариарамна, великий царь, царь царей, царь Парсы, сын царя Теиспа, внук Ахемена. Говорит царь Ариарамна: Эта страна Парса, которой я владею, полна хороших коней, хороших людей, великий бог Ахура-Мазда дал ее мне. Милостью Ахура-Мазды, я царь этой страны. Царь Ариарамна говорит: помоги мне Ахура-Мазда».

Надпись на золотой пластине, найденной в Хамадане

Спасенный мальчик

Кир Великий приходился Ахемену правнуком. Его отцом был Камбис I, а матерью – царица Мандана, предположительно, дочь царя Астиага (Иштувегу), повелителя Мидии. Историк Геродот в своем рассказе о Кире приводит легенду, согласно которой Астиагу было предсказано, что его дочери суждено произвести на свет великого владыку. Потенциальный дедушка, услышав такое, испугался за собственный престол и предпочел выдать дочь замуж подальше от дома – за персидского царя. Но незадолго до рождения у нее сына мидийский царь потребовал, чтобы дочь вернулась в отчий дворец. Геродот не уточняет, каким именно образом Астиаг заставил женщину на сносях пуститься в нелегкий путь.

Но как бы то ни было, согласно этой версии Кир родился в Мидии, после чего царь Астиаг решил его погубить, поручив это жестокое дело одному из своих вельмож по имени Гарпаг. Младенца отняли у матери, и Гарпаг отдал его пастуху, приказав отнести малыша в горы и бросить там на верную смерть от холода и на съедение хищникам. Но в то же самое время семью пастуха постигло несчастье – его жена родила мертвого сына.

«Оба тревожились друг за друга: муж страшился [исхода] родов жены, а жена беспокоилась [о том], зачем это Гарпаг послал за ее мужем (чего никогда раньше не бывало), – пишет Геродот. – Когда же муж, возвратившись, подошел к ней, то первый вопрос жены, неожиданно увидевшей его, был: зачем так поспешно вызывал его к себе Гарпаг? А муж отвечал: “Жена! Придя в город, я увидел и услышал то, что мне не следовало бы видеть и чего не должно было никогда случиться у наших господ. Весь дом Гарпага оглашался рыданиями. В испуге я все же вошел в дом. А лишь только я вступил туда, как увидел младенца, трепещущего и кричащего. На ребенке были золотые украшения, и одет он был в расшитое разноцветными узорами одеяние... Впрочем, по дороге я тотчас же узнал всю правду от слуги, который провожал меня из города и передал младенца. Слуга рассказал мне, что это дитя Манданы, дочери Астиага, и ее супруга Камбиса, сына Кира, и что Астиаг приказал убить младенца. Смотри, вот он!»

«На ребенке были золотые украшения, и одет он был в расшитое разноцветными узорами одеяние... Впрочем, по дороге я тотчас же узнал всю правду от слуги, который провожал меня из города и передал младенца. Слуга рассказал мне, что это дитя Манданы, дочери Астиага, и ее супруга Камбиса, сына Кира, и что Астиаг приказал убить младенца. Смотри, вот он!»

Геродот

И тогда пастух с женой решили не губить Кира, а воспитать как собственного ребенка. Мертвый мальчик был завернут в пеленки из дорогой ткани и оставлен в горах, а маленький царевич укрыт в скромной колыбельке в хижине пастуха.

Гарпагу пастух доложил, что исполнил все, как было велено. Сановник послал других подручных проверить его слова. Те действительно нашли в указанном ущелье мертвого младенца и поспешно похоронили его. А Гарпаг отправился к своему повелителю с докладом, что царевича больше нет в живых.

Геродот приводит и более легендарную версию тех событий, согласно которой брошенного на погибель маленького Кира защитила от других диких зверей и вскормила волчица. В Европе аналогичная легенда сложена о Ромуле и Реме – братьях-основателях одного из самых прославленных городов на планете – Рима.

Академик Борис Александрович Тураев, создатель отечественной школы истории Древнего Востока, в своем главном труде «История Древнего Востока» (1911; переиздания 1913, 1916, 1924, 1935, 2004), принесшем ученому европейское признание, писал: «Кир – Ахеменид, род его в продолжение поколений до него царствовал в Персии, подготовляя ее к будущей великой роли. Но для потомков, свидетелей великого переворота, объединившего под его властью всю Азию и начавшего новый порядок вещей, это было слишком просто. Личность Кира стояла на рубеже двух эпох, она возвела на первую роль дотоле неизвестный народ, она была виновницей многих небывалых перемен в жизни азиатских народов. Поэтому она не могла не стать предметом легенд, целый цикл которых образовался относительно происхождения Кира. Всем известны легенды, сообщаемые у Геродота и Юстина, приводящие его в связь с последним индийским царем и рассказывающие о нем сходное с тем, что повествуется о различных основателях династий или центральных личностях новых исторических эпох. Здесь налицо все мотивы. Рождению будущего великого человека предшествуют сновидения, затем он выбрасывается, спасается чудесным образом, воспитывается животными, наконец, несмотря на все препятствия, достигает того, что ему предназначено судьбой».

«Кир – Ахеменид, род его в продолжение поколений до него царствовал в Персии, подготовляя ее к будущей великой роли. Но для потомков, свидетелей великого переворота, объединившего под его властью всю Азию и начавшего новый порядок вещей, это было слишком просто. Личность Кира стояла на рубеже двух эпох, она возвела на первую роль дотоле неизвестный народ, она была виновницей многих

небывалых перемен в жизни азиатских народов. Поэтому она не могла не стать предметом легенд, целый цикл которых образовался относительно происхождения Кира».

Б. А. Тураев. «История Древнего Востока»

А греческий историк Ктесий, много лет служивший в качестве искусного врача при дворе персидского царя Артаксеркса II, приводит в своих сочинениях народную легенду, в которой Кир Великий предстает непосредственно основателем династии. По этому сказанию, он происходил из племени кочевников-мардов и нанялся на службу к Астиагу, а потом услышал предсказание о своем великом будущем...

Но по основной версии Геродота Кир рос в семействе пастуха и однажды в игре со сверстниками был избран царем. А когда один из мальчиков отказался выполнять какое-то распоряжение, Кир побил его. Пострадавший был сыном царского приближенного, началось разбирательство: как посмел коснуться его сын пастуха, возможно,

даже раба... Тут-то, дескать, и открылась истина: Астиаг с первого взгляда разглядел у внука черты фамильного сходства.

«Как-то раз во время игры ему выпало по жребию быть царем, и когда некоторые из детей стали своевольничать, он избил их кнутом. Родители наказанных пожаловались царю, негодуя на то, что дети свободных людей были, как рабы, избиты царским рабом. Царь вызвал мальчика к себе и стал его расспрашивать; но Кир, ничуть не изменившись в лице, ответил, что поступил так, как подобает царю; Астиаг подивился его упорству и вспомнил о пророческом сне и его истолковании. Семейное сходство, совпадение между возрастом Кира и временем, когда его выбросили, наконец, признания пастуха – все это заставило Астиага узнать в мальчике своего внука. Но так как он подумал, что он уже избавился от опасности, предвещенной сновидением, поскольку Кир уже стал «царем» среди пастухов, то он ограничился тем только, что укротил своеволие мальчика» (Марк Юниан Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога «История Филиппа». Книга I).

Призванный после этого прорицатель поспешно подтвердил мидийскому властителю, что да, предсказание уже исполнилось, раз мальчишки избрали юного Кира своим царем. Астиаг на том успокоился и отослал царевича в Персию к его родителям. Правда, по рассказам Геродота, царь не преминул жестоко покарать Гарпага, убив его собственного сына, ровесника Кира.

«Называли его Отцом...»

Можно предположить, что в реальности сын тогда еще зависимого от мидийской короны персидского царя воспитывался при дворе сюзерена (и, возможно, кровного родственника, а возможно, и нет) на правах почетного заложника, как это практиковалось в разных местах Азии и Европы и в последующие времена. Но именно Киру суждено было покончить с вассальной ролью Персии и самому подчинить Мидию и другие земли, создав великую империю.

Геродот так описывал его юность и начало славного пути к созданию державы: «Между тем Кир возмужал и сделался самым доблестным среди своих сверстников. Все любили его. И Гарпаг, который горел желанием отомстить Астиагу... выбрал юношу в союзники. Сперва Гарпаг поступил так: он завязал отношения со всеми знатными мидянами, побуждая их свергнуть царя (Астиаг ведь был суровым владыкой мидян) и поставить царем Кира. Когда Гарпагу удалось склонить [знать] на свою сторону и все было готово, он решил сообщить свой замысел Киру. Кир же находился в Персии, и так как все дороги охранялись, а иным путем нельзя было передать весть, то Гарпаг придумал вот какую хитрость. Он искусно приготовил зайца, а именно распорол ему живот, не повредив шкуры, и затем вложил туда грамоту, в которой объяснил свой замысел. Потом он снова зашил живот зайца и послал зверя в Персию с одним из самых преданных слуг, дав ему охотничью сеть, как охотнику. На словах же он велел передать, чтобы Кир вскрыл [живот] зайца собственноручно и без свидетелей.

Слуга выполнил это приказание Гарпага, и Кир, получив зайца, распорол ему живот. Там Кир нашел послание, взял его и стал читать. А в послании говорилось так: “Сын Камбиса! Боги хранят тебя. Иначе ведь они не уготовали бы тебе такой счастливой доли. Отомсти же Астиагу, твоему убийце! Ведь его-то умыслом ты был предан смерти и только по воле богов и благодаря мне остался жив. О своих собственных несчастьях ты, я думаю, конечно, уже давно узнал, и не только о том, что Астиаг причинил тебе, но также и мне [за то, что] я не умертвил тебя, а отдал пастуху. Теперь же, если ты только меня

послушаешь, вся Астиагова держава будет твоей. Убеди персов восстать и выступи в поход на мидян».

Кир возглавил союз народов, живших на территории Персии, и объявил об отказе подчиняться Астиагу. Хроника Набонида под 6-м годом (550 год до н. э.) гласит: «Он (Астиаг) собрал свое войско и пошел против Кира, царя Аншана, чтобы победить его. Но против Иштувегу (Астиага) взбунтовалось его войско и, взяв его в плен, выдало Киру. Кир пошел в Экбатану, его столицу. Серебро, золото, сокровища всякого рода страны Экбатаны они разграбили, и он унес это в Аншан...»

Аншан – так именовалась одна из областей на юго-востоке Элама. Одно из посланий Кира гласило: «Я – Кир... сын Камбиса, великого царя, царя города Аншана, внук Кира, великого царя, царя города Аншана, потомок Теиспа, великого царя, царя города Аншана».

Где именно произошла решающая битва между Киром и Астиагом? Есть мнение, что это произошло возле города Пасаргады, превращенного Киром в столицу Персидского государства. Ктесий рассказывает о предании, согласно которому персидские женщины ревностно напоминали своим сыновьям, мужьям и братьям о доблести и славе, побуждая их отважно сражаться. В благодарность за это Кир установил обычай: каждый царь, всякий раз посещая Пасаргады, должен был давать всем женщинам города по золотой монете.

Диодор Сицилийский («Историческая библиотека. Книга IX») свидетельствует: «Царь Мидии Кир, сын Камбиза и Манданы, дочери Астиага, был выдающимся среди людей своего времени в мужестве, мудрости и других добродетелях, ибо его отец воспитал его на царский манер и сделал его ревностным подражателем высшим достижениям. И было ясно, что он сотворит великие дела, так как не по годам проявлял свое превосходство.

Когда Астиаг, царь Мидии, потерпел поражение и пустился в позорное бегство, то обрушил свой гнев на своих солдат и лишил должностей всех командиров, назначив взамен других. Также он выбрал из всех, кто нес ответственность за бегство, и предал их мечу, думая, что, наказывая их таким образом, он мог бы заставить остальных проявить солдатскую храбрость во время опасности. Причиной этому была его природная человеческая жестокость. Это наказание породило сильный страх в армии, и жестокость царя вынудила солдат к восстанию. Следовательно, стали собираться небольшие группы и велись крамольные разговоры с целью призвать друг друга на месть за своих товарищей.

«Царь Мидии Кир, сын Камбиза и Манданы, дочери Астиага, был выдающимся среди людей своего времени в мужестве, мудрости и других добродетелях, ибо его отец воспитал его на царский манер и сделал его ревностным подражателем высшим достижениям. И было ясно, что он сотворит великие дела, так как не по годам проявлял свое превосходство».

Диодор Сицилийский

Кир, как нам говорят, был не только мужественным человеком на войне, но он был также внимательным и гуманным в обращении со своим подданными. И именно по этой причине персы называли его Отцом...»

Пленного Астиага царь Кир не только пощадил, но и назначил своим наместником в Гиркании – области, сопредельной с Мидией. Ктесий сообщает также, что Кир взял в жены дочь Астиага. Анализируя это, многие исследователи отмечают противоречие: в пересказе различных историков Кир предстает то сыном дочери Астиага, то ее мужем. Второе представляется более вероятным, поскольку в истории о предсказании судьбы царского внука слишком заметно влияние греческих легенд (хотя бы о Персее).

«Кир, как нам говорят, был не только мужественным человеком на войне, но он был также внимательным и гуманным в обращении со своим подданными. И именно по этой причине персы называли его Отцом...»

Геродот

Академик Борис Александрович Тураев в своем главном труде – «История Древнего Востока» пишет: «Кир – Ахеменид, род его в продолжение поколений до него царствовал в Персии, подготавливая ее к будущей великой роли. Но для потомков, свидетелей великого переворота, объединившего под его властью всю Азию и начавшего новый порядок вещей, это было слишком просто. Личность Кира стояла на рубеже двух эпох, она возвела на первую роль дотоле неизвестный народ, она была виновницей многих небывалых перемен в жизни азиатских народов. Поэтому она не могла не стать предметом легенд, целый цикл которых образовался относительно происхождения Кира... Здесь налицо все мотивы. Рождению будущего великого человека предшествуют сновидения, затем он выбрасывается, спасается чудесным образом, воспитывается животными, наконец, несмотря на все препятствия, достигает того, что ему предназначено судьбой».

Кир понимал, что воин, чувствуя уважительное отношение со стороны полководца и правителя, будет лучше сражаться, чем тот, кого гонят на битву силой и угрозами. Поэтому, как свидетельствует Ксенофонт в своей «Киропедии», этот царь постоянно оказывал внимание своим младшим командирам и даже рядовым: «Для себя Кир приготовил шатер, который мог вместить всех приглашенных им на обед. В большинстве случаев он приглашал к себе тех таксиархов, чье присутствие на этот раз полагал необходимым. Но он приглашал и некоторых лохагов, декадархов, пемпадархов и даже рядовых воинов. Иногда у него бывала целая пятерка, или десятка, или лох, или таксис. Он приглашал к себе и оказывал особые почести воинам, которые, как он замечал, действовали именно так, как он сам бы действовал на их месте. Всем приглашенным на обед подавались одинаковые яства, такие же, как ему самому. Гипереты, служившие при войске, получали у него одинаковое со всеми содержание. По его мнению, они заслуживали уважения ничуть не меньше, чем вестники или послы. Кир хотел иметь в их лице верных, разумных, знающих военное дело помощников, энергичных, быстрых, бесстрашных и невозмутимых».

И такое отношение приносило свои плоды. Не только воины Кира лучше сражались за него, но и другие народы, до которых доходили слухи о повелителе заботливом и мудром, хотя при необходимости и очень суровом, и о его непобедимой войске, порой предпочитали признать его власть без кровопролитных сражений.

«Кир – Ахеменид, род его в продолжение поколений до него царствовал в Персии, подготавливая ее к будущей великой роли. Но для потомков, свидетелей великого переворота, объединившего под его властью всю Азию и начавшего новый порядок вещей, это было слишком просто. Личность Кира стояла на рубеже двух эпох, она возвела на первую роль дотоле неизвестный народ, она была виновницей многих небывалых перемен в жизни азиатских народов. Поэтому она не могла не стать предметом легенд, целый цикл которых образовался относительно происхождения Кира».

Б. А. Тураев «История Древнего Востока»

Владыка множества земель

«Кир правил всеми этими народами, языки которых были ему совершенно неизвестны, да и сами они не понимали друг друга, – пишет Ксенофонт в «Киропедии». – Он смог завладеть огромными пространствами земли благодаря страху, который испытывали перед ним, – так, что все трепетали перед ним, и никто не пытался оказать ему сопротивление. Покоренным народам Кир сумел внушить такое сильное желание угождать ему, что они постоянно стремились только к одному – навсегда остаться под его властью. Сами эти народы были столь многочисленны, что одно путешествие через все эти страны могло бы считаться подвигом, будь то на восток от царской резиденции, или на запад, – или на север, или на юг».

Покорив Мидию, Кир завоевал Лидию, которой правил тогда царь Крез (др. – греч. Κροίσοϛб Крез, Крес; 595–546 до н. э.). Неисчислимы были его сокровища, вошедшие в поговорку как символ огромного богатства («Богат, как Крез»). Он тяготел к греческому образу жизни, принимал у себя тамошних ученых, а знаменитому святилищу в Дельфах подарил золотую статую льва. Но военное счастье ему изменило.

«Покоренным народам Кир сумел внушить такое сильное желание угождать ему, что они постоянно стремились только к одному – навсегда остаться под его властью. Сами эти народы были столь многочисленны, что одно путешествие через все эти страны могло бы считаться подвигом, будь то на восток от царской резиденции, или на запад, – или на север, или на юг».

Ксенофонт «Киропедия»

Решающее сражение произошло неподалеку от города Сарды. Кир направил против армии Креза верблюжьей кавалерией, лошади лидийцев испугались неведомых животных и заметались, сбрасывая всадников. Лидийцы потерпели сокрушительное поражение, остатки войска заперлись в городских укреплениях. Крепость считалась неприступной, но персидские разведчики сумели отыскать тайный ход, который вел прямо в центр города. Внезапным ударом Сарды были захвачены.

«Тотчас после завоевания Мидии персами ионяне и эолийцы отправили вестников в Сарды к Киру, – пишет Геродот. – Они велели объявить ему, что желают подчиниться персам на тех же условиях, как ранее Крезу. Выслушав их предложение, Кир рассказал им басню: “Какой-то флейтист увидел в море рыбу и принялся играть на флейте, надеясь, что рыба выскочит на сушу. Обманувшись же в своих ожиданиях, он закинул невод, поймал много рыбы и вытащил ее на берег. И вот, увидев бьющуюся в неводе рыбу, он сказал: «Прекратите теперь у меня пляску! Вы ведь даже не захотели выйти поплясать под мою флейту!»”. Эту басню Кир рассказал ионянам и эолийцам потому, конечно, что те прежде отклонили предложение Кира отложиться от Креза, а теперь, когда все было уже кончено, изъявили готовность подчиниться Киру».

О судьбе царя Креза Геродот и другие греческие историки рассказывают, что он был взят в плен живым и приговорен к казни – сожжению на костре. В тот момент, когда разжигали огонь, побежденный воскликнул: «О, Солон, как ты был прав!». Легенда гласит, что славившийся своим богатством Крез однажды призвал к себе мудреца Солона и сказал тому: «Ведь нет же никаких сомнений, что владельца столь неисчислимых сокровищ можно назвать счастливейшим из смертных?» Солон ответил: «Никого нельзя назвать счастливым прежде его смерти».

Кир, услышав слова Креза, заинтересовался, что они означают, и велел погасить костер. Одна из легенд утверждает, что выполнить

приказание не смогли – слишком уж сильно успело разгореться пламя, но Креза спас внезапный и сильный ливень. По словам Геродота, «... тотчас среди ясного неба и полного безветрия внезапно сгустились тучи и разразилась буря с сильным ливнем, которая и потушила костер. Тогда-то Кир понял, что Крез – человек, любезный богам и благочестивый. Он повелел Крезу сойти с костра и обратился к пленнику с такими словами: “Крез! Кто из людей убедил тебя идти войной на мою землю и стать мне врагом вместо друга?” А Крез отвечал: “Я поступил так, царь, тебе во благо и на горе себе. Виновник же этого – эллинский бог, который побудил меня к войне. Ведь нет [на свете] столь неразумного человека, который предпочитает войну миру. В мирное время сыновья погребают отцов, а на войне отцы – сыновей...”»

В некоторых источниках упоминается, что впоследствии Крез долгое время был советником Кира Великого и сопровождал его сына Камбиса в египетском походе.

Покорение Вавилона

Более двух тысячелетий один из самых легендарных городов Древнего мира Вавилон для европейцев был не столько географическим названием, сколько неким символом греха и гордыни, синонимом всякого большого, богатого и притом безнравственного города, олицетворением мирового зла, стремящего поработить все остальные народы. Возвращение Вавилона «в реальность» состоялось лишь в конце XIX века – его раскопки относятся к числу самых грандиозных и дорогостоящих в истории археологии.

«...тотчас средь ясного неба и полного безветрия внезапно сгустились тучи и разразилась буря с сильным ливнем, которая и потушила костер. Тогда-то Кир понял, что Крез – человек, любезный богам и благочестивый. Он повелел Крезу сойти с костра и обратился к пленнику с такими словами: “Крез! Кто из людей убедил тебя идти войной на мою землю и стать мне врагом вместо друга?” А Крез отвечал: “Я поступил так, царь, тебе во благо и на горе себе. Виновник же этого эллинский бог, который побудил меня к войне”».

Геродот

Одним из самых важных завоеваний Кира было покорение Вавилонского царства. Геродот описывает начало этого похода так: «Двигаясь на Вавилон, Кир достиг реки Гинда. Истоки этой реки находятся в Матиенских горах, течет же она через землю дарданов, а впадает в другую реку – Тигр. Тигр же протекает мимо города Опиды и впадает в Красное море. Когда Кир хотел перейти эту судоходную реку Гинд, один из его священных белых коней от резвости прыгнул в воду, чтобы переплыть реку. Однако река поглотила коня и унесла его своим течением. Тогда Кир страшно разгневался на реку за такую дерзость и повелел сделать ее столь мелкой, чтобы впредь даже женщины могли легко переходить, не замочив колена. После такой угрозы Кир отложил пока что поход на Вавилон. Разделив затем свое войско на две части, царь расположил воинов по берегам реки и велел на каждом берегу наметить по всем направлениям 180 прямых, как стрела, каналов, ведущих к реке. Потом он расставил воинов и приказал копать. При большом числе рабочих рук работа была быстро завершена, но все же на нее пришлось затратить целое лето».

Геродот никогда не скрывал, что пересказывает услышанные им предания и легенды, оговариваясь в особых случаях, что описываемое вызывает сомнения и у него самого. Но в данном случае описание гнева властителя и его желания покарать реку наводит на мысль, что греческий автор слишком пристрастен к персидскому царю. Более объективные исследователи указывают, что путь войску Кира преградила река, широко разлившаяся из-за открытия затворов гидротехнических сооружений. Следовательно, надлежало отвести воду, чем персы и занялись.

Некоторые историки рассказывают, что штурм города увенчался успехом именно из-за отводного канала, выкопанного персидскими воинами, благодаря чему уровень воды у городских стен упал и передовой отряд проник за укрепления через водосток. Б. А. Тураев в книге «История Древнего Востока» писал: «Подойдя к Гинду, т. е. Диале, Кир проявляет необычные для него инстинкты сумасбродного деспота, наказывая реку за потонувшую в ней лошадь тем, что, приостановив поход, в течение целого лета занимает свое войско рытьем 360 каналов для осушения реки. Следующей весной поход возобновляется. Вавилоняне разбиты у самой столицы. Начинается осада последней, безнадежно затянувшаяся вследствие крепости стен и обилия припасов. Тогда Кир отводит русло Евфрата в болото, а затем внезапно вторгается по безводному руслу в город, жители которого, захваченные врасплох, да еще во время праздника, не могли оказать сопротивления...»

Причем, по мнению этого видного ученого, решительный натиск мог быть предпринят далеко не сразу, а семь лет спустя. Но эти семь лет царь Кир не терял времени: «Покорение всей Передней Азии персами делало положение Вавилона безвыходным, и «Мидийская стена» могла лишь отсрочить его гибель; эта отсрочка, вероятно, и измеряется семью годами кажущегося бездействия Кира. Долго продержаться среди затопленной области, отрезанной от всего мира, Вавилон, конечно, не мог. И вот Кир начинает наступление и подходит к Диале-Гинду. То, что Геродот выставляет как самодурство, было, очевидно, вполне обдуманное предприятие – снова спустить воду с затопленной местности и сделать ее проходимой».

Геннадий Потапов в книге «Персидская империя. Иран с древнейших времен до наших дней» так описывает эти события:

«Весной 539 г. до н. э. персидское войско отправилось на покорение Вавилонии. В Месопотамии еще при царе Набукудурриуцуре (Навуходоносоре) II (605–562 гг. до н. э.) были возведены мощные укрепления. Поперек Двуречья, от Сиппара до Описа была воздвигнута стена периметром 150 км, высотой 10 м и шириной 8 м. Она защищала города Борсиппа, Вавилон, Кута и Сиппар. Сам Вавилон был опоясан двумя стенами. Наружней: в 8,3 км длиной и 7,6–7,8 м высотой и внутренней в 6 км длиной и 11–14 м высотой. Через каждые 20 метров на стенах были башни, а перед внешней стеной глубокий ров с водой. Но все эти сооружения не очень помогли. Когда войска персов приближались к Опису, в нем вспыхнуло восстание против царя Набунаида (556–539 гг. до н. э.). Восстание было подавлено еще до подхода персов. Но в августе 539 г. до н. э. в битве у того же Описа войско вавилонян под командованием сына Набунаида Бел-шар-уцура было разгромлено. Персы переправились через Тигр и осадили Сиппар. Оборону Сиппара возглавил сам Набунаид. Тем не менее 10 октября 539 г. до н. э. Сиппар пал, а 12 октября без боя сдался и Вавилон. 29 октября 539 г. до н. э. в Вавилон пожаловал и сам Куруш II, торжественно встреченный жителями города. После этого персам покорились Сирия, Финикия, Палестина и Самария».

Взятие персами Вавилона отображено даже в Библии. Ветхозаветная Книга Даниила упоминает Валтасара как последнего халдейского правителя Вавилона. Навуходоносор назван там его отцом. Описан в Ветхом Завете и внезапный штурм Вавилона персидской армией, который оказался для Валтасара роковой неожиданностью. В эту ночь он устроил грандиозный пир, на котором приказал подать на стол в качестве обычной посуды священную утварь, вывезенную еще Навуходоносором из Иерусалимского храма. Внезапно, как гласит библейский текст, на стене пиршественной залы появились огненные буквы, начертанные неведомой рукой: «мене, мене, текел, упарсин». Пророк Даниил истолковал царю грозный смысл этой надписи: «Вот и значение слов: мене – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; Текел – ты взвешен на весах и найден очень легким; Перес – разделено царство твое и дано Мидянам и Персам» (Дан. 5:26–28). В это самое время персы взяли приступом Вавилон, а сам Валтасар погиб.

«Вот и значение слов: мене – исчислил Бог царство твое и положил конец ему; Текел – ты взвешен на весах и найден

очень легким; Перес – разделено царство твое и дано Мидянам и Персам».

Ветхий Завет (Дан. 5:26–28)

Завоевание Киром Вавилона ознаменовалось завершением Вавилонского пленения иудеев, насильно переселенных в Вавилонию во времена правления Навуходоносора II. Об этом также говорится в Ветхом Завете: «А в первый год Кира, царя Персидского, во исполнение слова Господня, сказанного устами Иеремии, возбудил Господь дух Кира, царя Персидского, и он велел объявить по всему царству своему, словесно и письменно, и сказать:

Так говорит Кир, царь Персидский: «все царства земли дал мне Господь Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас – из всего народа Его, [да будет] Господь Бог его с ним, и пусть он туда идет».

При этом, как свидетельствует Ветхий Завет, была возвращена священная утварь, захваченная вавилонянами в качестве военной добычи. В первой главе книги Ездры говорится:

«7 И царь Кир вынес сосуды дома Господня, которые Навуходоносор взял из Иерусалима и положил в доме бога своего, —

8 и вынес их Кир, царь Персидский, рукою Мифредата сокровищехранителя, а он счетом сдал их Шешбацару князю Иудину.

9 И вот число их: блюд золотых тридцать, блюд серебряных тысяча, ножей двадцать девять,

10 чаш золотых тридцать, чаш серебряных двойных четыреста десять, других сосудов тысяча:

11 всех сосудов, золотых и серебряных, пять тысяч четыреста. Все это взял с собою Шешбацар, при отправлении переселенцев из Вавилона в Иерусалим» (Езд 1:1).

Стратегии и тактике ведения сражений и целых военных кампаний Кир тоже уделял большое значение. Геродот подробно описал ход его рассуждения и то, как он наставлял своих полководцев: «Ты, Хрисант, отдохни некоторое время, а затем возьми половину прибывших сюда персов и отправляйся по горной дороге. Твоя задача – занять эти горы, где, как говорят, укрывается армянский царь каждый раз, когда ему угрожает опасность. Проводников я тебе дам. Эти горы, говорят, покрыты лесами, так что у тебя есть возможность пробраться туда

незамеченным. На всякий случай вышли вперед проворных людей, которых можно было бы по одежде и по численности принять за разбойников. Пусть хватают всех армян, которые попадутся им на пути, чтобы лишить их возможности поднять тревогу. А кого схватить не удастся, пусть тех отгоняют подальше, чтобы эти люди не смогли увидеть твоего отряда и думали, будто на них напали разбойники. Постарайся выполнить все это, я же на рассвете, взяв с собой половину пехотинцев и всех всадников, направлюсь через равнину прямо к резиденции армянского царя. Если нам будет оказано сопротивление, то придется, конечно, пустить в ход оружие. Если же царь Армении попытается отступить с равнины, тогда, разумеется, мы станем его преследовать. А если он укроется в горах, твоя задача будет заключаться в том, чтобы не выпустить никого, кто попадет тебе в руки. Представь себе, будто мы на охоте преследуем зверя, а ты стоишь у тенет. Помни, что надо закрыть все выходы до того, как начнется охота, а те, кто находится у проходов в сетях, должны замаскироваться, чтобы их не было видно, если они не хотят отпугнуть бегущую дичь...» Особую важность Кир придавал грамотному отдыху, поскольку обессиленные, изнуренные люди могут уснуть прямо на своих постах в самый неподходящий момент или не иметь сил для решительных действий.

«Так говорит Кир, царь Персидский: «все царства земли дал мне Господь Бог небесный, и Он повелел мне построить Ему дом в Иерусалиме, что в Иудее. Кто есть из вас – из всего народа Его, [да будет] Господь Бог его с ним, и пусть он туда идет».

Ветхий Завет (2Пар 36:22)

Первая столица

Первой столицей империи Ахеменидов, которая была известна как «Сады Фарса», был древний персидский город Пасаргады. На карте современного Ирана этот город находится на территории современной провинции, или «остана», Фарс, на расстоянии 87 км к северо-востоку от Персеполя, примерно в 130 км от города Шираз.

В 546 году до н. э. Кир Великий приступил к строительству своей столицы, и задуманное стало осуществляться, однако ему не довелось дожить до дня окончания. Несмотря на это, город Пасаргады все же был столицей до тех пор, пока Дарий I не основал город Персеполь и не сделал его собственной новой столицей.

Роковым для Кира оказался поход против кочевников-скифов. У них не оказалось городов, которые можно было взять штурмом, а степи были бескрайними и в значительной своей части лишены воды. Тактика заманивания противника при избегании генерального сражения часто приносила скифам успех. Геродот так пишет о последнем походе Кира Великого: «Царицей массагетов была супруга покойного царя. Звали ее Томирис. К ней-то Кир отправил послов под предлогом сватовства, желая будто бы сделать ее своей женой. Однако Томирис поняла, что Кир сватается не к ней, а домогается царства массагетов, и отказала ему. Тогда Кир, так как ему не удалось хитростью добиться цели, открыто пошел войной на массагетов. Для переправы войска царь приказал построить понтонные мосты через реку [Аракс], а на судах, из которых состояли мосты, воздвигнуть башни. Томирис же, узнав, что Кир не внял ее совету, совсем своим войском напала на персов. Эта битва, как я считаю, была самой жестокой из всех битв между варварами. О ходе ее я узнал, между прочим, вот что. Сначала, как передают, противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Затем, исчерпав запас стрел, они бросились врукопашную с кинжалами и копьями. Долго бились противники, и никто не желал отступить. Наконец массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир. Царствовал же он полных 29 лет...»

«Сначала, как передают, противники, стоя друг против друга, издали стреляли из луков. Затем, исчерпав запас стрел, они бросились врукопашную с кинжалами и копьями. Долго бились противники, и никто не желал отступить. Наконец массагеты одолели. Почти все персидское войско пало на поле битвы, погиб и сам Кир. Царствовал же он полных 29 лет...»

Геродот

До наших дней сохранились мавзолей Кира, крепость Толл-е-тахт на холме, руины двух царских дворцов, уникальные четырехуровневые Сады в архитектурном стиле «чахар багх». При планировке города древние архитекторы и строители учитывали даже то обстоятельство, что строения должны выдержать довольно сильные землетрясения.

Согласно одной из многочисленных альтернативных версий сооружение, обычно именуемое мавзолеем Кира, могло быть зороастрийским Святилищем Огня. Как известно, древняя религия зороастризм существовала на землях Персии и провозглашала ответственность человеческой души за злые и добрые поступки. Зороастрийцев часто именуют «огнепоклонниками», хотя более точным является объяснение, что они почитали свет как зримый образ Всевышнего.

Также очень распространена версия, что Кир похоронен под Кубом Заратустры, который находится в некрополе Накше-Рустам. Версия, что эта гробница действительно принадлежит царю Киру, основывается на многих фактах, в том числе на соответствии данного сооружения описанию у Аристовула, но пока окончательно не доказана исследователями.

Александр Великий, посетив гробницу Кира в 330 г. до н. э., поручил Аристовулу заботиться о ее сохранности, благодаря чему гробница долгое время оставалась неприкосновенной. Однако когда Александр находился, в Индийском походе, она была разграблена. Вернувшись из похода и узнав об этом, Александр разгневался и повелел казнить грабителей. Он был воителем по характеру, но не любил мародеров и осквернителей. Когда местность заняли арабы, среди них распространилось поверье, что гробница принадлежит матери царя Соломона (пророка Сулеймана). Легенда соединяла с великим именем Соломона многие строения города Пасаргад.

Существует мнение, что для русского архитектора Щусева прототипом Мавзолея Ленина, возведенного на Красной площади в Москве, служил мавзолей царя Кира.

Недалеко от гробницы Кира высечен клинописный текст «Я – Куруш, царь, Ахеменид». Изображение крылатого мифического стража,

одетого в эламские царственные одежды и египетский головной убор богов, до сих пор бдительно охраняет бывший дворец Кира.

Камбис II

Старший сын Кира Великого – Камбис II (Камбуджия) – царствовал в 530–522 гг. до н. э. Именно в это время персы покорили Египетское царство. Но еще сам Кир провозгласил наследника царем Вавилона практически сразу после завоевания Ассирии. Камбис был коронован с соблюдением всех деталей местного церемониала 4 нисана (27 марта) 538 года до н. э. Сохранились не только некоторые государственные постановления, подписанные и Киром, и Камбисом, но и финансовый документ, посвященный делам царевича и его деньгам, находящимся на хранении у местного, говоря по-современному, банкирского дома Эгиби.

Покоритель Египта

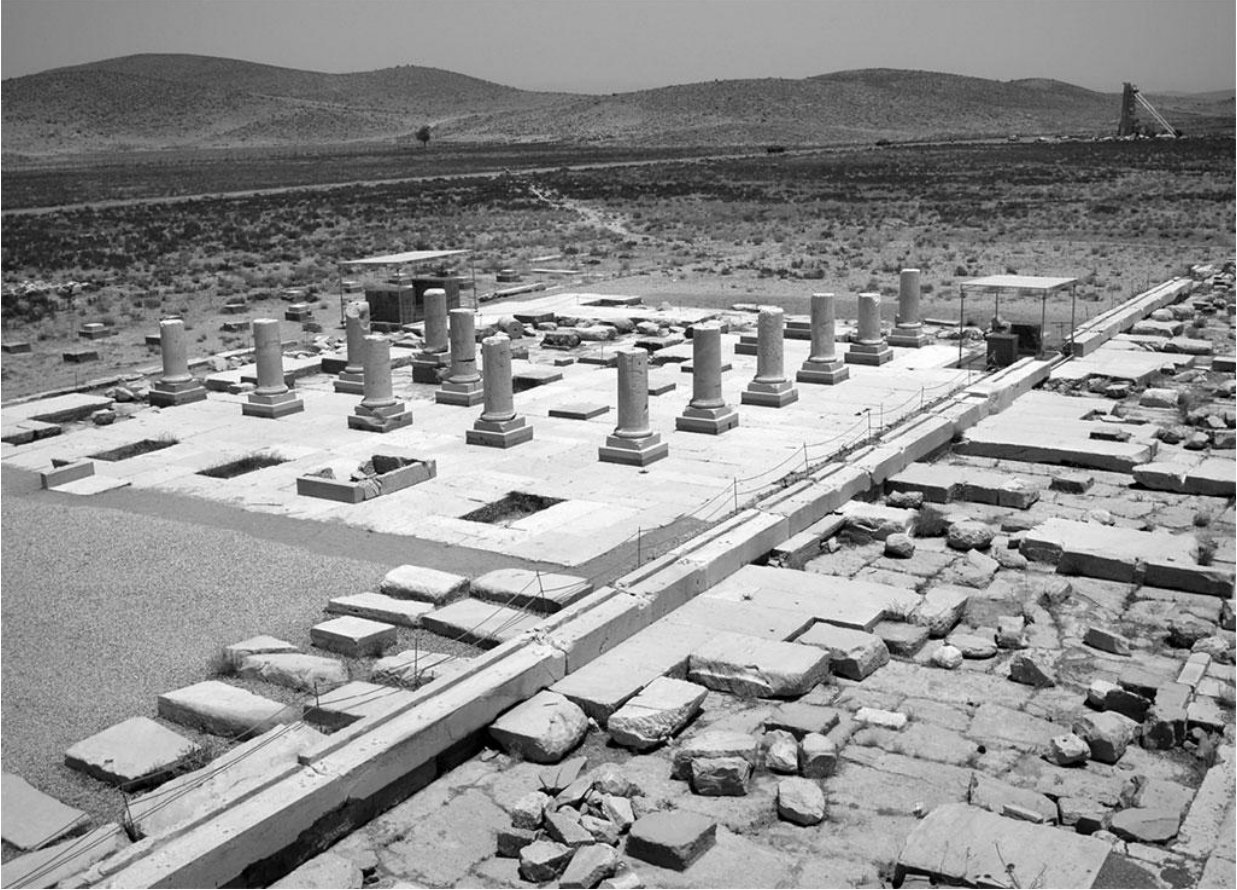
Поход Камбиса II на завоевание Египта являл собой тщательно подготовленную военную операцию, поскольку границы этой страны охраняли не только войска фараона, но и служившие естественной преградой безжизненные пески пустыни.

Впрочем, по Геродоту, этому походу предшествовали переговоры о династическом браке. «Камбис отправил вестника в Египет просить дочь Амасиса [себе в жены]. А просил Камбис по совету одного египтянина, который дал этот совет из ненависти к Амасису, за то, что царь его одного из всех египетских врачей, разлучив с женой и детьми, передал персам, когда Кир послал к Амасису просить самого лучшего глазного врача в Египте. Так вот, ненавидя царя за это, египтянин и дал Камбису совет: просить [в жены] дочь Амасиса, для того чтобы египетский царь либо огорчился, отдав дочь, либо отказом раздражил Камбиса. Амасис же ненавидел могущественных персов и вместе с тем опасался их: он не знал, как поступить, – отдать ли дочь или отказать. Ведь царь был вполне уверен, что Камбис берет ее не законной супругой, а в наложницы. Так вот, обдумывая свое положение, Амасис нашел такой выход. Была у Априя, прежнего царя, дочь, весьма видная и красивая девушка. Она одна из всей его семьи осталась в живых. Звали ее Нитетис. Эту-то девушку Амасис велел нарядить в роскошные, украшенные золотом одежды и отослать в Персию вместо своей дочери. Через некоторое время Камбис обратился к ней с приветствием как к дочери Амасиса, а девушка ответила ему: “Царь! Ты не знаешь, что Амасис обманул тебя. Он нарядил меня в эти роскошные одежды и прислал к тебе как свою родную дочь. А я на самом деле дочь Априя, его прежнего господина, на которого он вместе с египтянами восстал и затем умертвил”. Эти-то слова и эта причина побудили сына Кира Камбиса, страшно разгневавшегося, к войне против Египта. Так, по крайней мере, гласит персидское предание...»

Греческий историк оговаривается, что существуют и другие версии, изображающие ситуацию, как завязавшуюся намного раньше. Хотя за их достоверность даже Геродот, по его словам, не считает возможным поручиться: «Есть, Впрочем, еще и другое сказание (по моему, правда, оно невероятное). Одна персидская женщина пришла

будто бы как-то на женскую половину [дворца] Кира. Увидев стоящих рядом с Кассанданой ее красивых статных детей, она принялась громко хвалить и любоваться ими. А Кассандана, супруга Кира, сказала на это: “Хотя я и родила Киру таких детей, но он меня презирает, а вот эту женщину, сосватанную из Египта, носит на руках”. Так она сказала с досады на Нитетис. А ее старший сын, Камбис, при этом заметил: “Мать! Когда я возмужаю, я переверну весь Египет вверх дном”. Так сказал Камбис, будучи еще десятилетним ребенком, и женщины дивились [его словам]. И вот, помня об этом, Камбис, когда возмужал и вступил на престол, пошел войной на Египет...».

Но, конечно, трудно представить, чтобы владыка Персии руководствовался в столь масштабном предприятии одними эмоциями, тем более что спланирован египетский поход был тщательно. Весной 525 года до н. э. Камбис привел свою армию в Палестину, где заблаговременно провел переговоры с местными кочевниками. Этот союз обеспечил ему проход через Синайскую пустыню к рубежам Египта. Кочевники вдобавок снабжали персидское войско водой, которую привозили в бурдюках на верблюдах. Собственного флота Персия тогда не имела, однако Камбис заключил союз с лучшими мореходами того времени – финикийцами. Также на стороне Камбиса выступил флот Кипра.

Завоевание Египта произошло сравнительно легко, поскольку в стране имелось много недовольных правлением фараона Амасиса. На сторону Камбиса перешел посвященный во все военные планы командир греческих наемников Фанес из Галикарнаса, также есть свидетельства перехода знатного вельможи Комбафея, рассчитывавшего занять должность наместника при новом владыке, и командующего египетским флотом Уджагорресента. Фараон Амасис умер во время этой войны, а его сын Псамметих III талантом правителя не обладал.

Решающая битва произошла у крепости Пелусий, еще называемой «ключ Египта». Египтяне храбро сражались, но были разбиты и отступили к Мемфису. Пелусий был взят, и дальше Камбис не встретил особого сопротивления.

Говоря о взятии Мемфиса и поражении Псамметиха III, Геродот описывает весьма драматические сцены: «Камбис велел царевну, дочь Псамменита, одеть в одежду рабыни и послал ее за водой, а вместе с ней и других девушек, дочерей знатнейших египтян, в таком же

одеянии, как царица. Когда девушки с воплями и плачем проходили мимо своих отцов, те также подняли вопли и рыдания, глядя на поругание дочерей. Только Псамменит, увидев издали девушек и узнав [среди них свою дочь], потупил очи долу. Когда девушки с водой прошли, Камбис послал затем [на казнь] сына Псамменита и 2000 его сверстников с петлей на шее и заткнутым удилами ртом... Когда Псамменит увидел, как они проходили мимо, и понял, что сына ведут на казнь, он также потупил очи, тогда как другие египтяне, сидевшие около него, плакали и сетовали [на свою горькую участь]. После того как миновали и эти, подошел, случайно проходя мимо Псамменита, сына Амасиса, и сидевших у ворот египтян, один из его застольных друзей, человек уже весьма преклонного возраста. Он лишился всего своего добра и теперь, как нищий, просил подаяния у воинов. А Псамменит, увидев друга, громко зарыдал, назвал его по имени и стал бить себя по голове... Камбис удивился поступку Псамменита и послал вестника спросить вот что: “Псамменит! Владыка Камбис спрашивает: почему при виде твоей опозоренной дочери и сына на смертном пути ты не рыдал и не оплакивал их, а этому нищему, который, оказывается, даже не родственник тебе, воздал честь [этими знаками скорби]”. Так спрашивал вестник, а Псамменит отвечал такими словами: “Сын Кира! Несчастья моего дома слишком велики, чтобы их оплакивать. Несчастье же друга, который ныне, на пороге старости, из роскоши и богатства впал в нищету, достойно слез”. Когда вестник передал Камбису эти слова, они показались царю справедливыми. При этом, по рассказам египтян, Крез, сопровождавший Камбиса в египетском походе, заплакал; заплакали также и персы из царской свиты. Даже сам Камбис был тронут и тотчас же приказал помиловать царского сына, а самого Псамменита привести к нему...»

При всем этом Камбис по примеру своего отца вел себя как законный правитель, а не завоеватель и покоритель. Он короновался по местным обычаям, принял титул «царь Египта, царь стран» и традиционный титул фараонов «потомок (богов) Ра, Осириса». Даже взял себе египетское тронное имя Месут-Ра («Порождение Ра»), а для публичных церемоний облачался в египетские одеяния. Принял под охрану местные храмы и святилища, возместил жрецам ущерб от военных действий. Была пущена легенда, что Камбис – сын дочери предшественника Амасиса, фараона Априя, от брака с Киром Великим, то есть законный наследник египетского престола, который сокрушил узурпатора.

Тем не менее историки часто противопоставляли Камбиса его отцу, описывая Кира как правителя великого и мудрого, а Камбиса – склонным к безрассудству. Впрочем с именем Камбиса связан один из сюжетов, который за свою назидательность был весьма любим средневековыми европейскими художниками, – так называемый «Суд Камбиса». Геродот так описывал его: «Затем царь поставил сатрапом Сард своего сводного брата Артаферна и вместе с Гистиеем отбыл в Сусы. Отана же он назначил начальником войска в Приморской

области. Отец этого Отана – Сисамн – был одним из царских судей. За то, что этот Сисамн, подкупленный деньгами, вынес несправедливый приговор, царь Камбис велел его казнить и содрать кожу. Кожу эту царь приказал выдубить, нарезать из нее ремней и затем обтянуть ими судейское кресло, на котором тот восседал в суде. Обтянув кресло, Камбис назначил судьей вместо Сисамна, которого казнил и велел затем содрать кожу, его сына, повелев ему помнить, на каком кресле восседая, он судит...»

«За то, что этот Сисамн, подкупленный деньгами, вынес несправедливый приговор, царь Камбис велел его казнить и содрать кожу. Кожу эту царь приказал выдубить, нарезать из нее ремней и затем обтянуть ими судейское кресло, на котором тот восседал в суде. Обтянув кресло, Камбис назначил судьей вместо Сисамна, которого казнил и велел затем содрать кожу, его сына, повелев ему помнить, на каком кресле восседая, он судит...»

Геродот

Однако несмотря на такую суровую справедливость, по словам Геродота, брат Камбиса – Бардия (в греческом произношении Смердис) – был убит подосланным убийцей, причем сделано это было не только с ведома, но и по прямому распоряжению Камбиса. При этом смерть Бардии была сохранена в тайне, даже не всем родственникам и приближенным стало о ней известно.

Но, как гласит старая персидская поговорка, в любой стене живут мыши, то есть даже у стен есть уши, и в итоге о смерти Бардии узнали те, кто решил использовать это в своих интересах.

Самозванец на троне

Весной 522 года до н. э., когда Камбис находился в Египте, к нему начали поступать донесения, что персидский трон занял некто, именующий себя Бардией. На самом деле это был самозванец – мидийский жрец Гаумата. Он и его брат Патизиф входили в число приближенных Камбиса и о смерти Бардии знали. Поэтому Патизиф организовал мятеж, выступая от имени Гауматы как законного царя, тем более что тот вроде бы даже внешне был на Бардию похож. «Одного из них Камбис оставил в Персии управителем своего дома, – пишет Геродот. – Этот-то человек и поднял восстание, хорошо зная, что кончину Смердиса держат в тайне и что в Персии об этом известно лишь немногим, большинство же считает, что Смердис жив. На этом-то маг и построил свой замысел захватить царскую власть. Был у него брат, который, как я уже сказал, вместе с ним поднял мятеж, по внешности очень похожий на Смердиса, убитого по приказанию своего брата Камбиса. А был он не только похож на Смердиса, но даже и имя его было Смердис. Этого-то человека, своего брата, маг Патизиф убедил, что все для него устроит, и “сесть на престол пригласил”. А посадив [брата] на престол, Патизиф разослал глашатаев по разным областям [персидской державы], а также и к войску в Египет [с вестью], что отныне надлежит повиноваться Смердису, сыну Кира, а не Камбису».

Следует учитывать, что о произошедшем сообщал поданным (а значит, и историкам) уже следующий властитель – царь Дарий I. Было объявлено и о смерти Бардии с прямым указанием на причастность к ней Камбиса, и о том, что, воспользовавшись ситуацией, появился лже-Бардия.

В изложении Геродота версия о самозванце выглядела вполне последовательной: «Ты говоришь, что пришел вестником от Кирова сына Смердиса. Так вот, скажи нам правду и иди с миром: сам ли Смердис лично дал тебе это поручение или один из его слуг?» А тот отвечал: «Я-то ни разу не видел Смердиса, сына Кира, с тех пор как царь Камбис отправился в Египет. Но маг, которого Камбис назначил управителем своего дома, дал мне это поручение и сказал, что Смердис, сын Кира, так велел объявить вам». Так отвечал глашатай и сказал сущую правду. А Камбис сказал: «Прексасп! Ты честно выполнил мое поручение, ты не виновен. Но кто же в Персии восстал против меня, обманом присвоив себе имя Смердиса?» Прексасп же отвечал: «Мне думается, царь, я знаю это. Маги восстали против тебя: Патизиф, которого ты оставил управителем своего дома, и брат его Смердис...»

Камбис с войском устремился домой, чтобы навести порядок, но по дороге внезапно заболел и умер. Геродот утверждал, что Камбис, когда садился на коня, случайно поранился собственным мечом, рана оказалась загрязненной, и царь скончался от заражения крови. Прямых наследников он не оставил.

В это время «царь Бардия» никогда не покидал дворца, не показывался подданным. Один из вельмож по имени Отан заподозрил неладное. Его дочь была женой Камбиса, а теперь гарем покойного царя оказался в распоряжении Бардии. По совету отца она будто бы невзначай ощупала голову Бардии и обнаружила, что у него нет ушей, а эту особую примету Гауматы Отан знал. Тогда Дарий, Отан и еще несколько знатнейших персов: Виндафарна, Гаубарува, Видарна, Багабухша и Ардуманиш – подготовили свой переворот. Гаумата-самозванец и его брат были убиты, на престол взшел Дарий.

«Ты говоришь, что пришел вестником от Кирова сына Смердиса. Так вот, скажи нам правду и иди с миром: сам ли Смердис лично дал тебе это поручение или один из его слуг?». А тот отвечал: «Я-то ни разу не видел Смердиса, сына Кира, с тех пор как царь Камбис отправился в Египет. Но маг, которого Камбис назначил управителем своего дома, дал мне это поручение и сказал, что Смердис, сын Кира, так велел объявить вам». Так отвечал глашатай и сказал сущую правду».

Геродот

Легенда гласит, что между собой они условились: чей конь первым заржет на рассвете, тот и станет царем. Дальше, по словам Геродота, дело обстояло так: «Был у Дария конюх, сметливый парень, по имени Эбар. Этому-то человеку Дарий после собрания сказал вот что: “Эбар, вот как мы решили о царской власти. Чей конь первым заржет при восходе солнца, когда мы поедем верхом, тот и будет царем. Если ты знаешь какое-нибудь хитрое средство, то устрой так, чтобы я, а не кто другой получил [персидский престол]”. Эбар ответил так: “Господин! Если только от этого зависит, быть тебе царем или нет, то соберись с духом и не беспокойся, так как раньше тебя никто не будет царем. Есть у меня такое зелье”. А Дарий сказал ему: “Так если ты действительно знаешь какое-нибудь хитрое средство, то поспеши и не теряй времени: ведь завтра [рано утром] дело у нас должно решиться”. Услышав это, Эбар сделал вот что. С наступлением ночи он привел за ворота одну из кобылиц, которую жеребец Дария более всего любил, крепко привязал ее... На рассвете все шестеро мужей по уговору сели на коней. Когда они оказались за воротами и приблизились к тому месту, где прошлую ночь была привязана кобылица, конь Дария бросился вперед и заржал...»

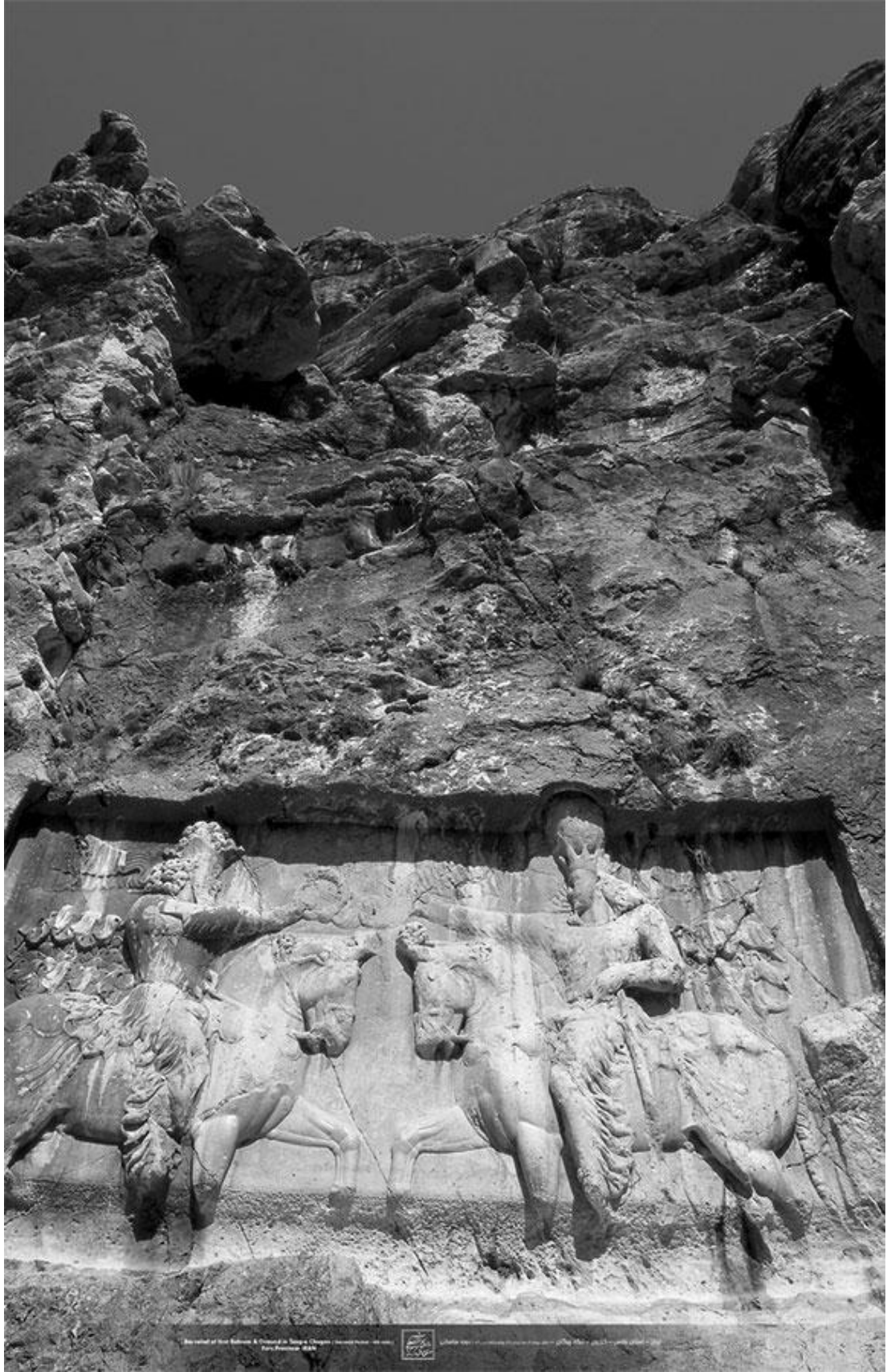
Так на престол Персидской империи взошел один из прославленнейших ее правителей.

Дарий I

Дарий позаботился о том, чтобы события, предшествовавшие его воцарению, были изложены в не допускающем двойного толкования виде и запечатлены на века. Бехистунская надпись, начертанная на скале на трех языках (древнеперсидском, вавилонском и эламском) по приказу и от имени Дария I гласит следующее: «Говорит царь Дарий: некто именем Камбис, сын Кира, из нашего рода, был здесь царем. Этот Камбис имел брата, по имени Бардия, от одного отца и одной матери. Камбис убил этого Бардию. Когда Камбис умертвил Бардию, народу было неизвестно, что Бардия убит. Затем Камбис пошел в Египет. Когда Камбис пошел в Египет, народ возмутился, ложь распространилась в стране, как в Персии, так и в Мидии, равно как и в прочих странах. Был человек, маг, по имени Гаумата, возмутившийся в Пишиявада, у горы Аракадриш; оттуда он начал бунт. В месяце виякне, 14 числа, он возмутился. Народу он лгал, говоря: „Я – Бардия, сын Кира, брат Камбиса“. Тогда весь народ отпал от Камбиса к нему, и Персия, и Мидия, и прочие страны. Он захватил власть; это было 9 гармапада (2 апреля). Тогда Камбис умер, умертвив себя... Эта власть, которую маг Гаумата исторг у Камбиса, издревле принадлежала нашему роду. Затем Гаумата отнял у Камбиса и Персию, и Мидию, и прочие страны; он присвоил их себе и стал царем. Не было ни одного человека, ни перса, ни мидянина, ни из нашего рода, который бы отнял власть у этого мага Гауматы. Люди весьма боялись его: он мог казнить многих людей, которые некогда знали Бардию, чтобы они не узнали, что он не Бардия, сын Кира. Никто не осмеливался что-либо сказать о Гаумате-маге, пока я не прибыл. Тогда я помолился Ахура-Мазде о помощи. Ахура-Мазда послал мне помощь. В месяце багаядише, 10 числа, я с немногими людьми погубил этого Гаумату и его знатнейших приверженцев. Есть крепость Сикаяуватиш в области, именуемой Нисая, в Мидии, – там погубил я его и исторг у него власть. Волей Ахура-Мазды я стал царем; Ахура-Мазда вручил мне царство. Власть, отнятую у нашего рода, я вернул и поставил ее на надлежащее место, как было раньше. Храмы, разрушенные магом, я возобновил, народу выгоды, стада и жилища – дома, отнятые Гауматой, – я возвратил. Я вернул народу его прежнее положение как в Персии, так и в Мидии, так и в прочих странах. Я

вернул, что было отнято. Волею Ахура-Мазды я все это совершил. Я трудился, чтобы вернуть нашему дому его прежнее положение, как было издревле, я старался (проложить) по воле Ахура-Мазды, как если бы Гаумата не устранил нашего дома».

As a result of the Balkans & Central in Turkey Campaign, excavations in the
area of the city of Ankara.

© 2000 The British Museum, London. All rights reserved.

«Говорит царь Дарий: Был человек, маг, по имени Гаумата, возмущившийся в Пишиявада, у горы Аракадриш; оттуда он начал бунт. В месяце виякне, 14 числа он возмутился. Народу он лгал, говоря: „Я – Бардия, сын Кира, брат Камбиса“. Тогда весь народ отпал от Камбиса к нему, и Персия, и Мидия, и прочие страны... Никто не осмеливался что-либо сказать о Гаумате-маге, пока я не прибыл. Тогда я помолился Ахура-Мазде о помощи. Ахура-Мазда послал мне помощь. В месяце багаядише, 10 числа, я с немногими людьми погубил этого Гаумату и его знатнейших приверженцев... Храмы, разрушенные магом, я возобновил, народу выгоды, стада и жилища – дома, отнятые Гауматой, я возвратил, я вернул народу его прежнее положение, как в Персии, так и в Мидии, так и в прочих странах».

Бехистунская надпись

«Из-за превосходности его сердца...»

Дарию пришлось сначала усмирять большой мятеж в Вавилонии. Войско мятежников под предводительством Нидинту-Бела, который объявил себя Навуходоносором, сыном Набонида, заняло оборонительный рубеж возле Тигра и держало под контролем мосты и переправы. Но воины Дария переплыли Тигр верхом на верблюдах и лошадях, а также держась за пустые, надутые воздухом бурдюки, и нанесли внезапный удар, разметавший вавилонские отряды.

Прибыв потом в Египет, Дарий, подобно предшественникам, всячески продемонстрировал уважение к местным обычаям, принял имя Сетут-Ра («Потомок Ра»). И повелел найти нового Аписа – священного быка – взамен скончавшегося (одна из версий гласит, что прежний Апис был убит Камбисом во вспышке гнева). На протяжении всего царствования Дария I Египет был спокоен, а жители весьма ценили этого властителя. В Демотической хронике сказано, что египтяне были послушны Дарию «из-за превосходности его сердца». Имя Дария I встречается на египетских памятниках чаще, чем имена всех остальных персидских царей, вместе взятых.

После этого Дарий провел ряд реформ в Персидской державе, разделив ее на сатрапии, руководителей которых назначал лично. При этом сатрапы были сугубо гражданскими чиновниками, у них не было военных сил. Армией руководили военачальники, подчинявшиеся только непосредственно самому царю.

Примерно в 518 году до н. э. Дарий утвердил общегосударственную налоговую систему. Все сатрапии обязаны были платить строго зафиксированные для каждой области денежные налоги, устанавливаемые с учетом количества обрабатываемой земли и степени ее плодородности.

После 517 года до н. э. Дарий реформировал финансовую систему, установив единую денежную единицу – золотой сикль, иначе «дарик». Монета весила 8,4 г и чеканилась из 97-процентного золота. Монополия на выпуск этой монеты принадлежала царю. Сатрапы, правители вассальных земель и некоторые города могли выпускать свои деньги, но только серебряные и медные. И все они были привязаны к дарикам, который на несколько веков стал основной денежной единицей в торговых делах не только Персии, но и окрестных стран.

На всем протяжении Персидской державы были проложены новые дороги, вымощенные камнем. Главная из этих трасс соединяла Сузы и Эфес. «Громадное государство нуждалось в средствах сообщения, необходимых и для контроля центральной власти над местными чиновниками, – пишет Б. А. Тураев в «Истории Древнего Востока». – Много говорят о прекрасных персидских дорогах, описанных так обстоятельно и Геродотом и Ксенофонтом в рассказе о походе Кира и при перечислении остановок и расстояний; итинерарий Исидора Харакского по Парфии также, вероятно, дает право заключать о персидских временах. Эти дороги следующие: так наз. «Царская» от Эфеса на Сарды и Сузы чрез Евфрат, Армению и Ассирию вдоль Тигра; от Вавилонии чрез Загр мимо Бехистунской скалы на Экбатану, а отсюда к бактрийской и индийской границе; от Исского залива к Синопу поперек Малой Азии и др.».

Была организована система почтовых станций со сменными лошадьми, благодаря чему гонцы могли стремительно перемещаться, развозя приказы царя и донесения сатрапов.

Держава его была весьма обширна, недаром Геродот говорит: «Большая часть Азии стала известна при Дарии. Царь хотел узнать, где Инд впадает в море (это ведь единственная река, кроме Нила, где также водятся крокодилы). Дарий послал для этого на кораблях нескольких людей, правдивости которых он доверял. Среди них был и Скилак кариандинец. Они отправились из города Каспатира в Пактии и поплыли на восток вниз по реке до моря. Затем, плывя на запад по

морю, на тридцатом месяце прибыли в то место (как я сказал выше), откуда египетский царь послал финикийян в плавание вокруг Ливии. После того как они совершили это плавание, Дарий покорил индийцев и с тех пор господствовал также и на этом море. Таким-то образом было выяснено, что Азия (кроме восточной ее стороны) подобно Ливии окружена морем».

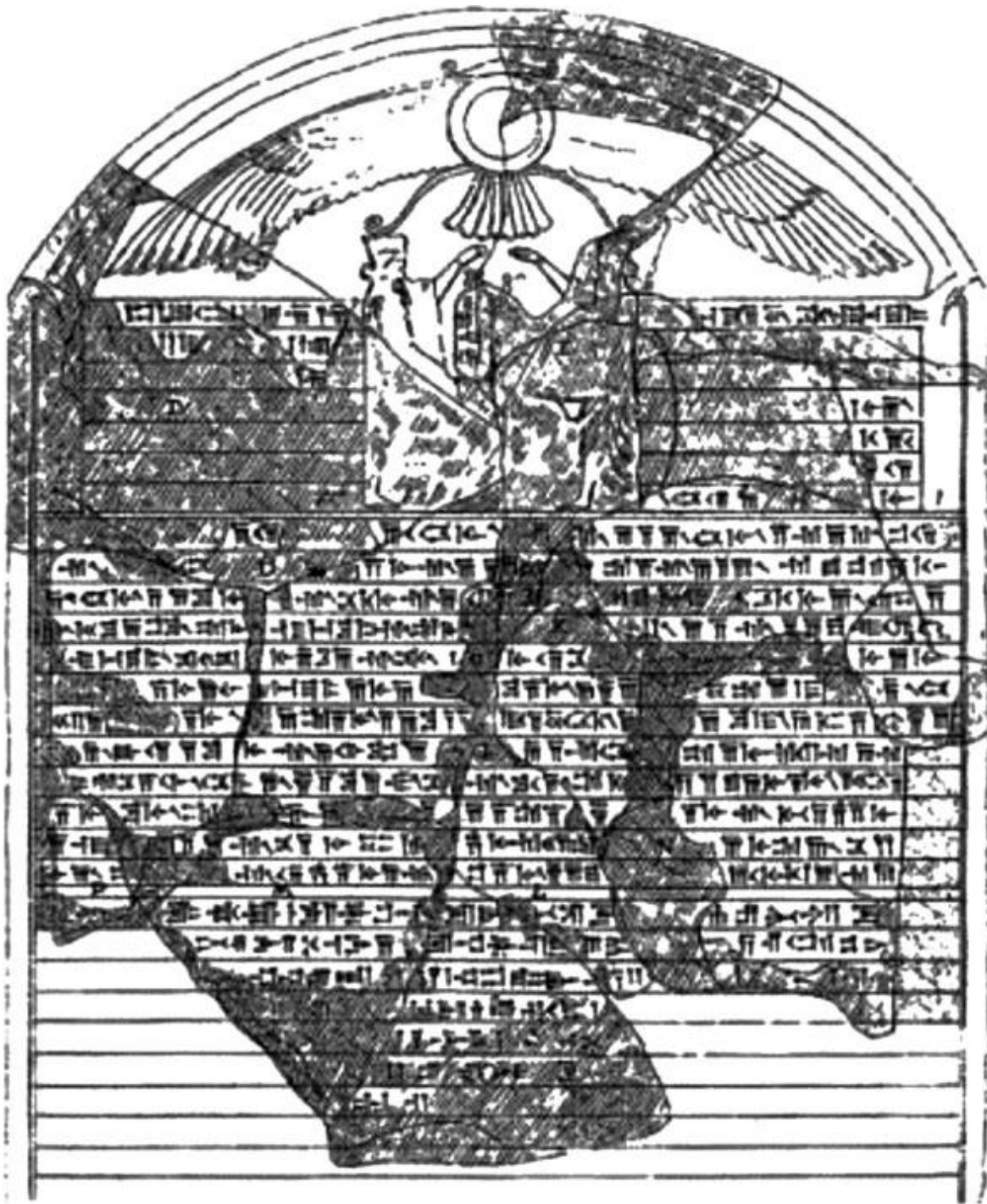
«Большая часть Азии стала известна при Дарии. Царь хотел узнать, где Инд впадает в море (это ведь единственная река, кроме Нила, где также водятся крокодилы). Дарий послал для этого на кораблях нескольких людей, правдивости которых он доверял».

Геродот

Первый Суэцкий канал

Одним из главных в мире каналов является Суэцкий, который соединяет Красное и Средиземное моря, Индийский и Атлантический океаны. Чтобы попасть более коротким путем из Европы в Азию, не огибая Африку, рискуя стать жертвами штормов и пиратов, торговцы многие века перегружали груз с кораблей на верблюдов и после короткого похода сушей грузили снова на суда. Только в середине XIX века было подписано концессионное соглашение с правителем Египта Саидом-пашой по строительству морского канала, соединяющего два моря. В 1859 году началось строительство, которое длилось долгие десять лет. Затем состоялось торжественное открытие, и по каналу, общая длина которого превышала сто пятьдесят километров, пошли первые суда. Дальнейшая история канала связана в первую очередь с борьбой за контроль над ним, банкротствами, войнами.

«Я – Дарий, шах всех шахов. Шах стран, в которых живут все нации и народности. Шах этой великой земли, имеющей широкие границы. Я являюсь персом и вместе с персами завоевал Египет. Я приказал построить этот канал от реки Нил, протекающей по Египту, до моря, по которому плавают персы. Этот канал был

построен, как я приказал. Суда отправились из Египта в Иран согласно моей воле».

Какое же отношение к Суэцкому каналу имели персы и лично Дарий I Великий? А вот тут надо обратиться к истории, в которой документально зафиксировано, кто был первым инициатором и заказчиком строительства Суэцкого канала.

Им был как раз царь Дарий I – владыка могущественной Персидской империи, по чьему приказу примерно в 500 году до н. э. персидский ученый по имени Арте строил канал между Средиземным и Красным морями. Это было уникальное гидротехническое сооружение, построенное две с половиной тысячи лет назад, когда еще Париж не был Парижем, не было ни Лондона, ни Стокгольма, ни Венеции.

Канал был построен для того, чтобы военный флот Ахеменидской империи и торговые корабли могли плавать между Ираном и Египтом. Трасса канала Дария отличалась от той, по которой был прорыт канал в XIX веке. До наших дней дошло найденное при строительстве европейцами другого канала в 1866 году – вот усмешка истории! – свидетельство существования канала, прорытого персами, – памятная стела, на которой вырезаны изображение, имя Дария Великого и текст на персидском, эламском, вавилонском и египетском языках: «Я – Дарий, шах всех шахов. Шах стран, в которых живут все нации и народности. Шах этой великой земли, имеющей широкие границы. Я являюсь персом и вместе с персами завоевал Египет. Я приказал построить этот канал от реки Нил, протекающей по Египту, до моря, по которому плавают персы. Этот канал был построен, как я приказал. Суда отправились из Египта в Иран согласно моей воле».

Греческие войны

Но сколь бы ни была обширна и рационально устроена Персидская империя, под боком у нее – через пролив Геллеспонт, можно сказать, рукой подать – оставалась Греция – беспокойный конгломерат небольших царств и городов-государств, часто враждовавших между собой. В Малой Азии, подвластной персам, находились поселения греков. И вот в 499 году до н. э. эти греческие полисы взбунтовались против персидского царя. Повстанцы отправили гонцов к соплеменникам на западном берегу Эгейского моря. Из Афин на подмогу пришли два десятка кораблей, и в итоге афиняне и восставшие сообща сумели захватить и разграбить Сарды – столицу сатрапии.

Царь Дарий приказал готовить ответную военную экспедицию в Грецию. Греческие историки называют основным мотивом жажду мести, хотя очевидно, что немалую роль играло и желание предотвратить подобные вылазки в будущем. В 492 году до н. э. персидский военачальник Мардоний захватил Фракию, а Македония тогда же признала верховную власть персидского правителя. На следующий год Дарий потребовал «земли и воды», то есть признания своей власти от всех греческих государств. Почти все сочли за лучшее согласиться. Но в Афинах и Спарте персидские послы были убиты.

Последовавшим за этим военным походом руководил племянник Дария Артаферн и опытный мидийский полководец Датис. Персы захватили острова Наксос и Эвбея, после чего двинулись в Аттику. Решающее сражение состоялось возле селения Марафон, примерно в 40 км от Афин. Афиняне, которыми командовал стратег Мильтиад, решили принять бой, одновременно отправив гонца в Спарту за помощью. Этот гонец, к слову, и был тот самый Филлипид, с именем которого в современном массовом сознании связано появление бега на марафонскую дистанцию. Причем красивая история о том, как воин из последних сил бежал в родной город, успел крикнуть на площади «Мы победили!» и упал замертво, явно придумана позже. Тур Гутос в своей «Истории бега» замечает, что такой рассказ о Филлипиде впервые появился 600 лет спустя после тех событий. Геродот ни о чем таком не пишет. Зато известно, что путь в Спарту (а это 240 км) Филлипид пробежал вполне благополучно. Ничего невероятного для

профессионального бегуна на сверхдлинные дистанции, каковыми были в древности вестники и скороходы, в этом нет и по современным меркам.

А вот самому сражению Геродот, конечно, уделяет внимание: «Битва при Марафоне длилась долго. В центре боевой линии, где стояли сами персы и саки, одолевали варвары. Здесь победители прорвали ряды афинян и стали преследовать их прямо в глубь страны. Однако на обоих крыльях одерживали верх афиняне и платейцы. После победы афиняне не стали преследовать обратившихся в бегство врагов, но, соединив оба крыла, сражались с врагами, прорвавшими центр. И здесь также победили афиняне. Затем они начали преследовать и рубить бегущих персов, пока не достигли моря. Здесь они старались напасть на корабли и поджечь их...»

Для Персии это поражение не было фатальным, поскольку империя Ахеменидов находилась в зените своего могущества, и боевые потери при Марафоне не могли подорвать мощь ее армии. А зримым

свидетельством власти и силы Персидской державы, символом процветания и несокрушимости царства Ахеменидов была призвана стать новая столица.

Персеполь

Кир Великий основал Персеполь в качестве новой резиденции примерно в 560 году до н. э. А Дарий I перенес в него свою столицу и заново его перестроил. Персеполь обязан был стать четвертой по счету царской резиденцией наряду с Сузами, Пасаргадами, Экбатаной.

Сейчас Персеполь находится на расстоянии 50 км к северо-востоку от города Шираз и 900 км к югу от Тегерана. Неподалеку проходит небольшая речка Пулвар, впадающая в реку Кур. Административно Персеполь входит в шахрестан Марвдашт (рядом с городом Марвдашт) провинции Фарс. В нем сохранились остатки древнего дворцового комплекса. Есть немало культовых сооружений и другие исторические достопримечательности.

Впечатляющие руины Персеполя – огромный дворцовый комплекс, расположенный на высокой платформе. Знаменитая царская гробница Накше-Рустам находится в пяти километрах от Персеполя. Не менее известны и примечательны скальные рельефы в Накше-Рустам и Накше-Раджаб. При изучении остатков построек и сооружений в древнем Персеполе были обнаружены водопровод и канализация. Удивительно, но подтверждено историками, что при строительстве Персеполя не был использован рабский труд. Для строительства великолепных дворцов приглашались исключительно свободные мастера.

Строительство Персеполя продлилось шестьдесят лет. Над его созданием и обликом трудились самые лучшие ваятели, мастера и архитекторы. За время строительства они успели возвести не только дворцы, предназначенные для знатных горожан, но и несколько жилых кварталов и хозяйственных сооружений. Все они были предусмотрительно защищены высокими стенами.

Ападана Дария является центром комплекса. Это сооружение поднято над террасой на 4 метра. К нему подведены две парадные лестницы. Они намеренно пологие, чтобы по ним могли проехать колесницы. Уникальность этих лестниц и всей террасы Ападаны – это рельефы. Они высечены на каменных плитах. Изображение царя Дария I, торжественно сидящего на царственном троне, можно увидеть у восточной двери Ападаны. Прямо за ним стоя изображен наследник престола Ксеркс.

Сама Ападана – обширный зал, окруженный несколькими вестибюлями. Предполагается, что крыша сооружения могла быть деревянной. Возможно, она опиралась на 72 каменные колонны. Так предположили исследователи по найденным 13 сохранившимся колоннам. Отсюда и появилось название «Зал ста колонн».

Примерно в центре террасы находился Трипилон. Его называют главным парадным залом. На его лестнице – множество рельефов с изображениями сановников. По бокам северной стороны портика стояли массивные каменные быки. На восьми каменных воротах были изображены сцены из царской жизни и битвы с демоническими силами. Парадные помещения – Ападана и Зал ста колонн – имели практически

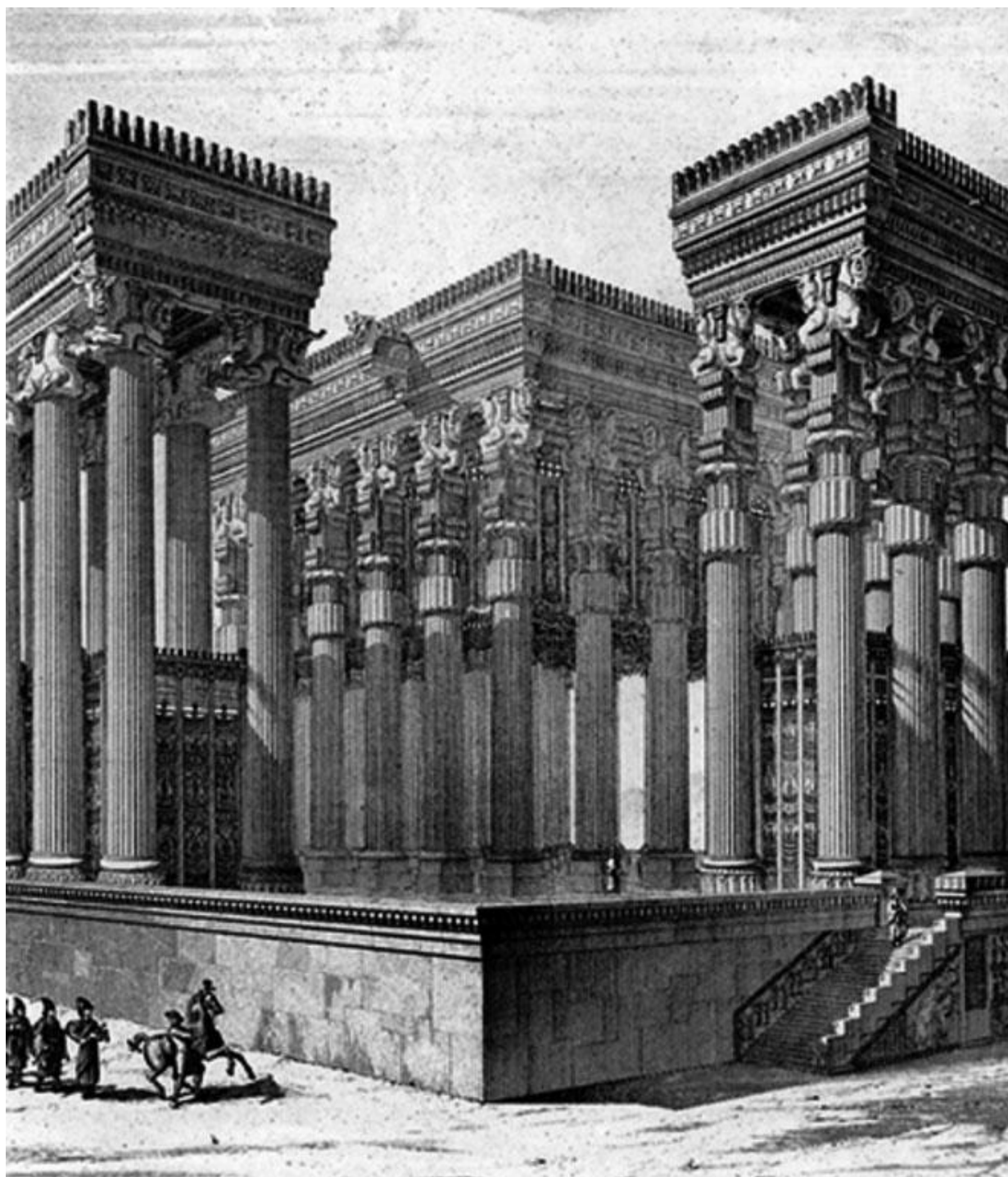
квадратную форму. Позади к дворцам примыкали тайные лабиринты, ведущие к сокровищницам, складам и жилым помещениям. Но от них мало что уцелело. Обнаружены лишь фундаменты.

Жилой дворец (тачара) Дария находится справа от Ападаны. Помимо рельефов, он украшен надписью: «Я, Дарий, великий царь, царь царей, царь стран, сын Гистаспа, Ахеменид, построил этот дворец». Сегодня от жилого дворца остался фундамент, каменные порталы с дверными проемами, а также нижние фрагменты кладок стен с уцелевшими барельефами.

Дворец Ксеркса находился в южной части платформы. Там же были жилые и хозяйственные помещения и царская сокровищница с прекрасными рельефными изображениями Дария и Ксеркса. Среди этих строений выделяется Гарем Ксеркса. Здание, названное так первым персепольским археологом Херцфельдом. Гарем состоял из 22 небольших двух-трехкомнатных залов, в которых одновременно жили множество женщин и их маленькие дети.

Основания каменных домов и разрушенных колонн, статуи мифических существ покоятся на склонах горы Милосердия (Кухе-Рахмат), возвышающейся над равниной Мерв-Дешт. Обширный комплекс дворцовых построек прилегал к горе Милосердия, его окружала тройная защитная стена.

«Александрю пришлось собрать 20 тысяч мулов и 5 тысяч верблюдов, чтобы перевезти богатства разграбленного города».

Плутарх

Барельефы дворцов были завершены только к 454 году до н. э. А сами здания были построены при Дарии и его преемниках, коими были Ксеркс, который правил в 486–465 гг. до н. э., и Артаксеркс I, правивший в 465–424 гг. до н. э.

Персеполь блистал великолепием всего одно столетие. В 330 году до н. э. город перешел в руки Александра Македонского. Александр разрешил своим воинам разграбить завоеванный город. Плутарх описывал, что «Александрю пришлось собрать 20 тысяч мулов и 5 тысяч верблюдов, чтобы перевезти богатства разграбленного города». Дворцы знати были сожжены. Согласно версии, пожар устроила Таис Афинская, в которую был тайно влюблен Александр. Это было ее мстью, за сожжение афинского Акрополя персами во времена греко-персидских войн (499–449 гг. до н. э.).

Подтверждением трагических событий служат обожженные стены, обугленные фрагменты утвари и прочее. Пол Тронного зала покрыт пеплом почти метровой толщины. Он остался от прогоревших дотла кедровых балок, на которые когда-то опирался потолок. В пламени пожара, разрушившего Персеполь, были утрачены бесценные священные тексты Авесты, написанные зороастрийцами на особом «языке Авесты». Предание рассказывало, что «на 12 тысячах бычьих шкур золотыми чернилами в текстах содержится откровение, полученное Заратустрой – основателем религии зороастризма – от божества Ахура-Мазды».

Когда Персидская империя распалась, Персеполь потерял свое особое значение. Некоторое время он еще оставался столицей Персии, но уже в качестве провинции Македонской империи (318 год до н. э.). Остатки дворцов Персеполя во времена Средневековья служили резиденцией местных эмиров. Потом пришли в запустение и были покинуты. В дальнейшем они стали источником строительного материала для жителей окрестных селений. Первые эскизы древних руин сделал датский путешественник Корнелис де Бруйн, посетивший Персеполь в 1704 году. В 1767 году Карстен Нибур из Ганновера, который состоял на службе у датского короля Фредерика I, привез в Европу найденные им неподалеку от Шираза, среди развалин города, копии клинописных текстов. Они и подтвердили существование Персеполя, долгое время считавшегося мифическим городом.

«...национальная традиция персов, передаваемая в устных преданиях до сих пор и засвидетельствованная в туземных литературных памятниках, восходящих к эпохе Сасанидов, видит в Александре одно из самых ненавистных порождений Аримана, явившегося по его повелению из Египта, неся в Иран войну, насилие и убийство; оно превратило столицу царства в пустыню, перебило князей, ученых, жрецов, сожгло священные книги».

Б. А. Тураев «История Древнего Востока»

Археологи в 1933 году нашли два каменных контейнера с золотой и серебряной табличками весом по 9,6 кг каждая. Они были спрятаны в фундаменте Ападаны. На табличках на трех языках начертаны клинописные письма. В них повествуется, что здание было заложено Дарием, хотя надпись на лестнице Ападаны приписывает ее сооружение Ксерксу.

С 1939 года раскопками в Персеполе стала заниматься Иранская археологическая служба, в обязанности которой также входит охрана памятников от дальнейшего разрушения. На данный момент Персеполь – один из самых хорошо изученных древних городов. Раскопки в нем почти завершены, и сейчас проводятся работы по реконструкции зданий. В 1979 году Персеполь был внесен ЮНЕСКО в список Всемирного наследия.

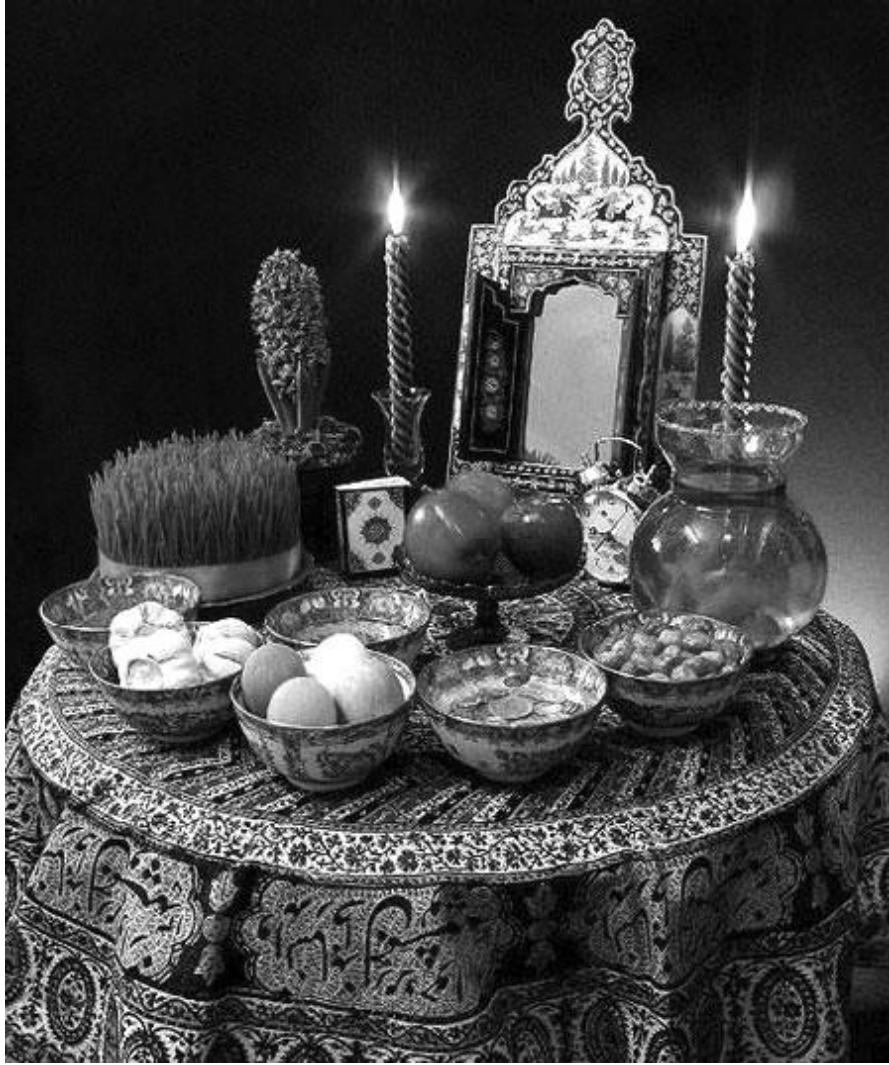
Из надписей на глиняных табличках, найденных во время археологических раскопок, иранские ученые выяснили, что цари Персии посещали Персеполь очень редко. Они прибывали с целью присутствовать на торжествах, таких как празднование Навруза (Нового года) по иранскому астрономическому солнечному календарю.

«Навруз считается одним из древнейших праздников, сохранившихся с эпохи древности, одной из наиболее ярких традиций на ниве культурной общности и фактором культурной интеграции между Ираном и странами иранского цивилизационного ареала».

Бахаре Сазманд

Навруз

Установление этого праздника традиционно связывают с именем легендарного царя Джамшида, который, как писал Фирдоуси в поэме «Шахнаме», был сыном Тахмураса (Тахма-Урупи) и праправнуком самого первого царя Каюмарса (Гайамарты). Правление Джамшида описывается как эпоха благоденствия, длившаяся 700 лет, в течение которых он изобрел шелк и воинские доспехи, искусство мореплавания, добычу драгоценных камней, медицину и лекарства, благовония и многое другое. «Навруз считается одним из древнейших праздников, сохранившихся с эпохи древности, одной из наиболее ярких традиций на ниве культурной общности и фактором культурной интеграции между Ираном и странами иранского цивилизационного ареала, – пишет Бахаре Сазманд в книге «Навруз: праздник, объединяющий народы». – Помимо Ирана, этот обычай имеет распространение также и в других странах иранского цивилизационного ареала, в том числе в Центральной Азии, на Кавказе, в соседних странах к западу и востоку от Ирана, таких как Ирак, Турция, страны южного побережья Персидского залива, Пакистан, и даже регионах Балкан и Индийского субконтинента...»

В числе обычаев, связанных с Наврузом, – прием гостей, посещение с поздравительными визитами друзей и близких, обмен подарками, приобретение новой одежды, украшение праздничного стола и приготовление особых кушаний. Среди старинных легенд о происхождении этого праздника немало напоминаний о взаимовыручке и тесной дружбе, о том, как в окруженном врагами городе люди собирали скудные запасы муки и вместе с проросшей пшеницей клали в общий котел, чтобы приготовить пищу для воинов, обороняющих крепость. Сумаляк (суманак, саману) – кашу из проростков пшеницы, растительного масла и муки – томят на медленном огне всю ночь, и даже в современных многоквартирных городских домах соседи ради этого собираются во дворе у очага. «Помимо обычая приготовления саману, в различных районах Ирана на Навруз также готовят особые

сладости и блюда, – пишет Бахаре Сазманд. – Например, жители Мазендарана и Гиляна делают на праздник сладкое печенье (колуче) и халву. В Бендер-Аббасе и на северном побережье Персидского и Оманского заливов готовят халву и печенье, а также особую сладость под названием «хальва-беренджи», которая делается из рисовой муки, растительного масла и сахара... Жители центральных районов Ирана также готовят особые сладости вроде баклавы и халвы. В провинции Фарс люди готовят в дни Навруза такие особые сладости, как сладкий хлеб (нан-е ширин), хлеб-йухе (нан-е йухе), печенье (колуче)...» Изначально Навруз знаменовал начало весенних полевых работ, поэтому принято заблаговременно проращивать зерна злаков, например пшеницы, и плоску с этой свежей зеленью ставить на праздничный стол.

Начиная с 2010 года по инициативе Организации Объединенных Наций отмечается Международный день Навруз, который призван содействовать пониманию важности семейных и дружеских уз, взаимного миролюбия и добрососедства.

Изразцы и узоры

Барельефы древнего Персеполя известны во всем мире. Они запечатлели царей в момент торжественных выходов или победы над врагами и чудовищами, а также царских сподвижников, сопровождающих государя, и представителей подвластных персидской короне народов, приносящих дань владыкам.

При раскопках в Персеполе было найдено множество образцов декоративно-прикладного искусства. В персидском искусстве на раннем этапе его развития частично отобразились лучшие достижения древней месопотамской цивилизации. В дальнейшем своем развитии персидское орнаментальное искусство приобрело замечательную глубину отражения и природы, и гармонии чистых линий.

Персидский орнамент примечателен тем, что в нем сочетаются животные в движении, геометрические узоры и стилизованные цветы.

Особой любовью мастеров пользовались гвоздики, ирисы, анемоны, цветы шиповника и нарциссы. Среди изображений животных преобладают гибкие леопарды и величественные львы, стройные газели и серны, всевозможные птицы, а также верблюды и слоны.

В эпоху Ахеменидов орнаменты были невероятно эклектичными, в них смешивались разные стили и художественные приемы. Декоративно-прикладное искусство в целом состояло из изделий из резного камня, малой скульптурной пластики из бронзы и драгоценных металлов, и, конечно, ювелирных изделий удивительной красоты и причудливости.

Золотые сосуды было принято декорировать пальметтами и лотосами, а также парными изображениями козерогов, порой крылатых. На золотых брошах и пряжках для одежды часто можно видеть изображения рогатых и крылатых львов.

Во времена Ахеменидов было доведено до совершенства искусство изготовления красочных изразцов. Глазурованные панно с рельефными многоцветными орнаментами украшают фриз дворца в Сузах. На них запечатлены воины из гвардии «бессмертных» в роскошных доспехах и ярких одеждах. Самыми любимыми цветами мастеров, создававших изразцы, были синий, белый и зеленый.

Ксеркс I

Ксеркс I («Повелитель героев») был сыном Дария I и Атоссы, дочери Кира Великого. Он правил в 486–465 годах до н. э. Начало его царствования совпало с несколькими мятежами в подвластных областях, особенно Вавилоне.

Геродот свидетельствует, что, подавив восстание, царь приказал увезти из Вавилона золотую статую божества Бела весом в 20 талантов (порядка 600 кг чистого золота). Золотая статуя Мардука тоже была отправлена в Персеполь вместе с другими сокровищами Вавилона. Греческий историк, разумеется, утверждает, что статуи были захвачены как драгоценные трофеи. Но очевидно и другое – царь Ксеркс, зная вавилонские обычаи, тем самым ликвидировал Вавилонское царство, превратив его из хоть и вассального, но государства в такую же сатрапию, как и все прочие. Ведь без статуй божеств коронация кого бы то ни было в качестве вавилонского правителя стала невозможна.

Ксерксов канал и морская буря

Адальше снова обострились отношения с Грецией. Геродот говорит, что «Ксеркс вначале вовсе не желал идти в поход на Элладу... Был при дворе Ксеркса человек, весьма уважаемый среди персов, – Мардоний, сын Гобрия (он приходился двоюродным братом Ксерксу и был сыном сестры Дария). Этот-то Мардоний обратился к царю с таким предложением: “Владыка! Несправедливо оставлять афинян без наказания за много зол, которые они причинили персам. Ныне же ты можешь выполнить свой замысел. Подавив мятеж высокомерного Египта, иди в поход на Афины. Тогда ты стяжешь себе добрую славу среди людей, и в будущем любой враг остережется нападать на твою землю”. Эти слова Мардония взывали к отмщению. Потом он добавил к этому еще вот что: “Европа, – сказал он, – страна замечательно красивая, изобилует всякого рода плодовыми деревьями и исключительно плодородная, и из смертных один только царь достоин обладать ею”».

Ксеркс тщательно готовился к походу в Грецию, заботясь не только о подготовке армии, но и о переправе через пролив Геллеспонт: были наведены два понтонных моста длиной более километра каждый. Через перешеек Халкидики был прорыт канал, чтобы корабли не нужно было вести вокруг Афонского мыса, известного опасными течениями и внезапными шквалами. Сухое русло Ксеркова канала существует и сейчас.

Персидский царь также заключил союз с Карфагеном, чтобы вынудить греков воевать на два фронта. Но силы стихии оказались непредсказуемы: буря сильно повредила те самые наплавные мосты, пострадал от шторма и персидский флот. Говоря об этом, Геродот рисует такую картину негодования владыки: «Узнав об этом, Ксеркс распалился страшным гневом и повелел бичевать Геллеспонт, наказав 300 ударами бича, и затем погрузить в открытое море пару оков. Передают еще, что царь послал также палачей заклеить Геллеспонт клеймом. Впрочем, верно лишь то, что царь велел палачам сечь море, приговаривая при этом варварские и нечестивые слова: “О ты, горькая влага Геллеспонта! Так тебя карает наш владыка за оскорбление, которое ты нанесла ему, хотя он тебя ничем не оскорбил. И царь Ксеркс

все-таки перейдет тебя, желаешь ты этого или нет. По заслугам тебе, конечно, ни один человек не станет приносить жертв, как мутной и соленой реке”. Так велел Ксеркс наказать это море, а надзирателям за сооружением моста через Геллеспонт – отрубить головы».

Битва при Фермопилах

С именем Ксеркса связана одна из самых известных легенд о греко-персидских войнах – история о битве при Фермопилах и 300 воинах Леонида, царя Спарты. Тот факт, что жестокое сражение на указанном античными авторами месте действительно происходило, подтвердили археологи. А вот легенду о всего лишь трех сотнях бойцов – нет. Даже при анализе текстов греческих историков становится ясно, что число 300 относится к тяжеловооруженным воинам-спартанцам, а кроме в них в битве участвовали илоты из Спарты и воины из других греческих городов.

Но сражение было долгим и яростным. Как пишет Геродот: «Большинство спартанцев уже сломало свои копья и затем принялось поражать персов мечами. В этой схватке пал также и Леонид после доблестного сопротивления, и вместе с ним много других знатных спартанцев. Имена их, так как они заслуживают хвалы, я узнал. Узнал я также и имена всех трехсот спартанцев. Много пало там и знатных персов; в их числе двое сыновей Дария – Аброком и Гиперанф, рожденных ему дочерью Артана Фратагуной. Артан же был братом царя Дария, сына Гистаспа, сына Арсама. Он дал Дарию в приданое за дочь все свое имущество, так как у него она была единственной. Итак, два брата Ксеркса пали в этой битве».

«В этой схватке пал также и Леонид после доблестного сопротивления, и вместе с ним много других знатных спартанцев... Много пало там и знатных персов; в их числе двое сыновей Дария – Аброком и Гиперанф, рожденных ему дочерью Артана Фратагуной. Артан же был братом царя Дария, сына Гистаспа, сына Арсама. Он дал Дарию в приданое за дочь все свое имущество, так как у него она была единственной. Итак, два брата Ксеркса пали в этой битве».

Геродот

О том, как зарождались легендарные описания Фермопильской битвы, можно догадаться, прочитав приводимую Геродотом памятную надпись:

Против трехсот мириад здесь некогда бились Пелопоннских мужей сорок лишь сотен всего...

И даже здесь рядом с непредставимыми, поэтически преувеличенными «мириадами» звучит вполне реальная цифра в 4 тысячи воинов.

Саламинская битва

В важнейшем Саламинском морском сражении погода благоприятствовала грекам. Персидский флот блокировал корабли противника в узком проливе, и казалось: исход сражения предрешен. Но внезапно разыгравшийся ветер помешал большим судам персов маневрировать и выдерживать боевой порядок. Греческий флот был слабее, подготовка моряков хуже, что неудивительно: союзниками Ксеркса были финикийцы, несравненные мореходы и строители кораблей. Но в узком проливе под сильным ветром небольшие триремы с местными лоцманами, знающими все рифы, мели и течения, имели преимущество.

Тактика греческого военачальника Фемистокла основывалась на пиратских приемах: он поместил на каждый корабль своеобразную abordажную команду, отряды воинов-гоплитов. Традиционным же оружием военных кораблей персов в то время был носовой таран, окованный медью. Один его удар мог стать роковым для вражеского судна, но верткие маленькие триремы часто уворачивались от него. Эсхил в трагедии «Персы» писал о том сражении:

*Сначала удавалось персам сдерживать
Напор. Когда же в узком месте множество
Судов скопилось, никому никто помочь
Не мог, и клювы направляли медные
Свои в своих же, весла и гребцов круша...*

Осознав возможность неблагоприятного исхода, который мог отозваться новыми мятежами в Азии, Ксеркс распорядился отступить.

Лучшие кони земли

Геродот писал: «Во время своего похода на Грецию Ксеркс в Фессалии устроил состязание между своими лошадьми и фессалийской конницей, которую он хотел испытать, так как слышал, что у эллинов это самая лучшая конница. Однако эллинские лошади далеко уступали его коням». Откуда у персидского владыки были такие замечательные скакуны? По словам того же Геродота, «есть в Мидии равнина Несея, где водятся величественные кони». Речь идет о современной Нишапурской равнине в окрестностях города Мешхед на севере Ирана. Несейские лошади славились на всю тогдашнюю ойкумену. Потомками именно этих благородных скакунов являются самые прекрасные из известных сейчас пород лошадей: ахалтекинская, карабахская, арабская... По свидетельству географа Страбона, «несейские лошади были самые крупные и самые лучшие, и ими пользовались персидские цари».

Есть мнение, что любимый конь Александра Македонского Букефал (Буцефал) был как раз несейской породы. Хозяин его так ценил, что когда во время похода в Азию местные кочевники однажды умудрились выкрасть царского скакуна, Александр заплатил за него выкуп.

Резвость и красота статей были самым важным фактором племенного отбора, поэтому масти у несейских коней могли быть разными. Но выше всего ценились лишь некоторые из них. Гомер и Аристотель, ученый и поэт, используют применительно к этим лошадям один и тот же похвальный эпитет «xanthos» («золотистый»). Более того, города Бактрии и сама эта область у древних авторов именуется «золотистоконными». Золотистая масть «цвета утренней зари» и сильный блеск шерсти были особенно характерны для персидских лошадей.

«Несейские лошади были самые крупные и самые лучшие, и ими пользовались персидские цари».

Страбон

Поэтому совсем не случайно верный спутник храброго воина Рустама, воспетого Фирдоуси, – конь Рахш – выглядит именно так: «По блеску – вода, по цвету – огонь». Эти кони славились преданностью одному хозяину и способностью не только повиноваться, но и самостоятельно ориентироваться в ситуации, порой участвуя в бою наравне со всадником, пуская в ход копыта и зубы.

И именно таким был персидский конь, которого российский император Петр I случайно по пути увидел у торговца в предместье Риги и тут же отдал за него собственную лошадь и сто червонцев в придачу. Верхов на нем император участвовал во множестве походов и сражений, а во время Полтавской битвы золотистый красавец вынес Петра невредимым из-под внезапного шквального огня противника.

Артаксеркс I

Артаксеркс I (Артахшасса – «Владеющий праведным царством») был сыном Ксеркса I и Аместриды, его царствование длилось с 465 по 424 год до н. э. Он стал царем после гибели отца и старшего брата от рук заговорщиков, во главе которых стояли начальник дворцовой стражи Артабан и евнух Аспамитра.

Несмотря на столь трагические события, сопровождавшие воцарение Артаксеркса, правление его было долгим и достаточно благополучным. «Артаксеркс наладил дела царства в соответствии с собственными выгодами. Таким образом, относительно сатрапов, исполняющих тогда должности, он уволил тех, кто был враждебен к нему, и из своих друзей он выбрал тех, кто был компетентен, и дал сатрапии им. Кроме того, он занимался как доходами, так и подготовкой вооруженных сил, а так как в целом его управлением всем царством было мягким, он пользовался среди персов наивысшим почетом», – писал о нем Диодор Сицилийский.

При его дворе был принят прежний афинский стратег Фемистокл, тот самый, который сыграл решающую роль в поражении его отца при Саламине. Афиняне не проявили благодарности к своему спасителю, и в результате интриг завистников он стал изгнанником. Царь Артаксеркс ранее обещал за его голову награду в 200 талантов. Отменить приказ было нельзя, и награда была выплачена самому (!) Фемистоклу. А потом он получил от царя в управление несколько городов.

Большинство исследователей считают, что Артаксеркс I и есть библейский Артаксеркс, во времена которого жили пророки Ездра и Неемия. Неемия получил от него разрешение восстановить стены Иерусалима.

«11 И вот содержание письма, которое дал царь Артаксеркс Ездre священнику, книжнику, учившему словам заповедей Господа и законов Его в Израиле:

12 Артаксеркс, царь царей, Ездre священнику, учителю закона Бога небесного совершенному, и прочее.

13 От меня дано повеление, чтобы в царстве моем всякий из народа Израилева и из священников его и левитов, желающий идти в Иерусалим, шел с тобою.

14 Так как ты посылаешься от царя и семи советников его, чтобы обозреть Иудею и Иерусалим по закону Бога твоего, находящемуся в руке твоей,

15 и чтобы доставить серебро и золото, которое царь и советники его пожертвовали Богу Израилеву, Которого жилище в Иерусалиме,

16 и все серебро и золото, которое ты соберешь во всей области Вавилонской, вместе с dobroхотными даяниями от народа и священников, которые пожертвуют они для дома Бога своего, что в Иерусалиме;

17 поэтому немедленно купи на эти деньги волов, овнов, агнцев и хлебных приношений к ним и возлияний для них, и принеси их на жертвенник дома Бога вашего в Иерусалиме.

18 И что тебе и братьям твоим заблагорассудится сделать из остального серебра и золота, то по воле Бога вашего делайте.

19 И сосуды, которые даны тебе для служб [в] доме Бога твоего, поставь пред Богом Иерусалимским.

20 И прочее потребное для дома Бога твоего, что ты признаешь нужным, давай из дома царских сокровищ.

21 И от меня царя Артаксеркса дается повеление всем сокровищехранителям, которые за рекою: все, чего потребует у вас Ездра священник, учитель закона Бога небесного, немедленно дайте:

22 серебра до ста талантов, и пшеницы до ста коров, и вина до ста батов, и до ста же батов масла, а соли без обозначения [количества]...»

(Ездра 7:11–22)

Тогда же разыгрались события, в память о которых установлен в иудаизме праздник Пурим: один из влиятельных сановников по имени Аман обвинил перед царем представителей еврейской общины, оставшейся в Месопотамии после конца Вавилонского пленения, в разных преступлениях и добился указа об их поголовном истреблении. Царица Эсфирь, славившаяся не только красотой, но и кротким нравом, узнала о том от своего двоюродного брата Мардохея, служившего при дворе Артаксеркса, и взмолилась перед своим господином о защите ее соплеменников. Царь, осознав, что коварство Амана направлено против неповинных – и против Мардохея, который однажды спас Артаксерксу жизнь, – приказал казнить злодея и издал указ, разрешающий евреям защищаться.

Правление Артаксеркса продолжалось более 40 лет, а после кончины он был погребен возле Персеполя в Накше-Рустам.

Дарий III

Дарию III, который царствовал в 336–330 гг. до н. э., было суждено стать последним из государей древней Персии. До вступления на престол он носил имя Кодоман и был сатрапом Армении. Взошел на престол при поддержке евнуха Багой, славившегося своими интригами и пристрастием к применению ядов. Но Дарий, против которого Багой вскоре составил уже новый заговор, сумел его одолеть. Однако в дальнейшем его преследовали несчастья, прежде всего военные поражения от армии Александра Македонского.

Историк Арриан говорил о закате царствования последнего Дария: «С этого времени он, как беглец, скитался по своей державе и умер, преданный своими близкими в самый критический момент; царь и одновременно узник, ведомый с позором, он погиб от козней, которые замыслили самые близкие ему люди. Такова была судьба Дария при жизни; когда он умер, его погребли по-царски; дети его получили от Александра такое воспитание и содержание, какое получили бы от самого Дария, останься он царем. Александр стал ему зятем. Когда Дарий III скончался, ему было около пятидесяти лет».

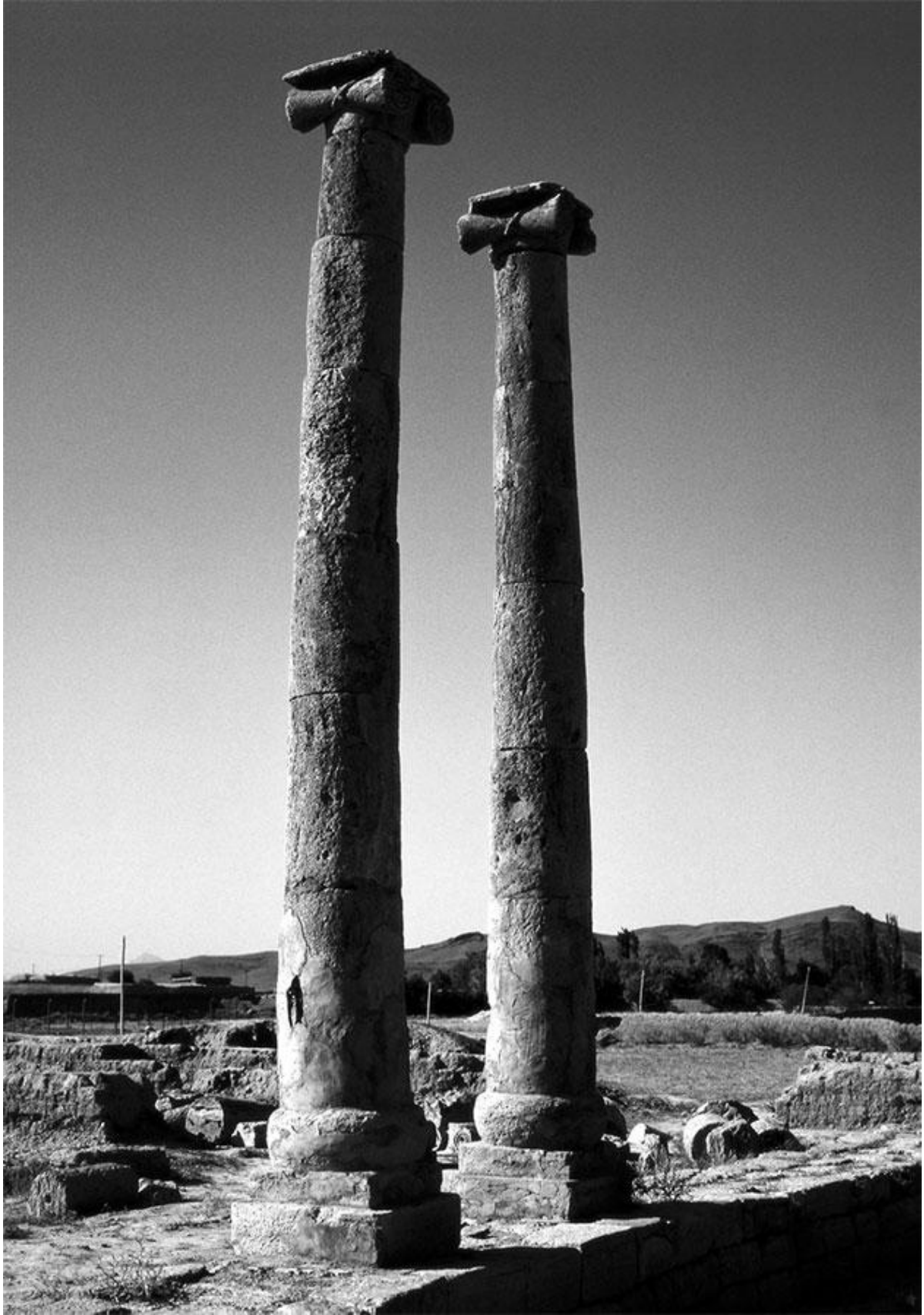

При этом, по свидетельству Плутарха, персидская армия была многочисленна, но уже не так хорошо обучена и спаяна общей дисциплиной и боевым братством, как во времена Кира Великого: «Менее всего у него ощущался недостаток в количестве солдат. Радуюсь столь многочисленному войску и слушая придворных, воспламенявших, как обычно, своей лестью его надежды, он обратился к афинянину Харидему, опытному в военном деле и ненавидевшему Александра за свое изгнание из Афин по его приказу, и стал расспрашивать его, не считает ли он его достаточно сильным, чтобы раздавить врага. Но Харидем, забывший о своем положении и гордости царя, ответил: «Ты, может быть, не захочешь выслушать правду, но если не теперь, то в другой раз я не смогу уже ее высказать. Эта столь вооруженная армия, состоящая из стольких народов со всего Востока, оторванных от своих очагов, может внушать страх своим соседям: она сверкает золотом и пурпуром, поражает богатством вооружения, которое невозможно представить себе, не увидев собственными глазами.

«Эта столь вооруженная армия, состоящая из стольких народов со всего Востока, оторванных от своих очагов, может внушать страх своим соседям: она сверкает золотом и пурпуром, поражает богатством вооружения, которое невозможно представить себе, не увидев собственными глазами».

Плутарх

Македонское же войско, дикое и без внешнего блеска, прикрывает щитами и копьями неподвижный строй и сомкнутые ряды крепких воинов. Этот прочный строй пехоты они называют фалангой: в ней воин стоит к воину, оружие одного находит на оружие другого. Фаланга обучена по первому же знаку идти за знаменами, сохраняя ряды. Солдаты исполняют все, что им приказывают: сопротивляются, окружают, переходят на фланги; менять ход сражения они умеют не хуже полководцев. И не думай, что их влечет жажда золота и серебра: эта дисциплина до сих пор крепка, ибо создана бедностью: постелью уставшим служит земля, еды им достаточно той, которую они раздобудут; а время их сна – неполная ночь. А фессалийскую, акарнанскую и этолийскую конницу, эти непобедимые в сражении отряды, разве отразят пращи и обожженные на огне копья? Тебе нужны равноценные им силы: ищи их для себя в той земле, которая их породила, пошли твое золото и серебро для найма солдат».

Завоеватель из Македонии

Популярную историю пишут не победители и тем более не побежденные, а, как правило, безвестные персонажи, причастные к рождениям долгосрочных и вполне пригодных для употребления псевдоисторических мифов.

Наглядный пример – Александр Македонский. Массовый миф, повсеместно распространенный в Европе и Америке, – великий военачальник и создатель великой империи, принесший в дикую Азию плоды цивилизации. Не перечить основанных им (ну если даже не лично – да без разницы!) городов и поэтому названных в его честь. Впрочем, как и младенцев мужского пола, ставшими Александром в честь Македонского. На завоеванных им землях стали бурно налаживаться культурные и торговые связи и получилось единое экономическое пространство Европы и Азии.

Вывод: величайший полководец древности, прекрасный (и даже нестарый) император, причем большую часть своей жизни холостой. Утешитель сирот и осиротевших женщин, подло брошенных попавшим в беду мужчиной (царем Дарием). Ну? Какие могут быть к такому величию, царю Македонии и Азии, фараону Египта, потомку уважаемого Геракла, претензии?

С Македонским связано множество легенд и преданий. В «Истории пророков и царей» Ибн Джарира ат-Табари описывается эпизод с умирающим царем Дарием, просящим Александра отомстить двум его убийцам и взять себе в жены его дочь Роксану (Рокшанек). В легендах о Македонском, содержащихся в рукописи на греческом языке, датированной III н. э. (сочинение Псевдо-Каллисфена), рассказывается о том, что он побывал в стране вечного мрака и построил стену для защиты от варваров. В другой версии рассказывается о народах Гога и Магога, запертых Александром за медной преградой.

Александр Македонский – вождь без страха и упрека – кумир европейской цивилизации, покоритель огромной восточной империи. Но почему же для некоторых классиков Востока, тех, кто, казалось бы, должен был по достоинству оценить его подвиги, Македонский – варвар, символ жестокости и тирании?

Как написал бывший главный редактор «Энциклопедии Гиннесса», «именно Аристотель пробудил в Александре интерес к философии, медицине и литературе, а томик Гомера с комментариями, подаренный наставником, был для него самой большей ценностью». Интересно, был ли этот томик за пазухой у Македонского на том самом пиру, где он приказал поджечь один из красивейших городов того времени – Персеполь? Впрочем, из греческой мифологии многим знакомы стовратные Фивы, после взятия которых войсками Александра Македонского все жители были обращены в рабство. При чем здесь прочие награбленные в Фивах ценности? Или в рабство гнали под зачитывание Гомера?

Письмо Аристотеля

Не знающая поражений армия Александра Македонского невероятными усилиями остановила дальнейшее продвижение персов и нанесла им значительный урон. Александр располагал опытным войском с закаленными в боях воинами. И в 334 году до н. э. его фантастическая по численности 35-тысячная армия пересекла пролив Геллеспонт (современное название – Дарданеллы). Не желающие отступить персы под предводительством царя Дария были готовы к последней смертельной битве.

Вероятно, они понимали, что победа будет не на их стороне. Но честь и боевая слава предков не позволяли воинам Дария позорно бежать с поля боя, спасая свои жизни.

Греки полностью одержали верх в битве при Гранике, разгромив армию Дария. И таким образом они стали хозяевами Малой Азии.

Однако этим все не закончилось. Царю Дарию удалось собрать новую армию. Персия надеялась вернуть свое бывшее величие. На ее стороне теперь были отлично подготовленные дальнобойные лучники, наездники и пехотинцы. Страшные боевые колесницы, оснащенные лезвиями, представляли большую угрозу для всех, кто был на стороне неприятеля. Дарий воевал традиционно, он был довольно консервативен, что было не удивительно для восточного правителя, но Александр был более техничен, не боялся экспериментировать и не раз применял новую тактику. В бой шли знаменитые фаланги, внушающие священный трепет и будоражащие кровь.

Две армии встретились в решительной битве при Иссе в ноябре 333 года до н. э. Однако армии Дария снова не повезло. Характер персидского правителя не позволял ему смириться с полосой военных неудач, и он задумал снова выступить против греков. Это произошло в октябре 331 года до н. э. недалеко от Арбелл. Но волей неведомой судьбы в страшной схватке Дарию снова не повезло. Его армия была окончательно повержена.

«Твоя высшая власть будет еще более славной и почетной, если ты обратишь внимание на благосостояние народа. Властвовать над свободными и знатными людьми гораздо лучше, чем господствовать над рабами, пусть даже многочисленными».

Аристотель – Александру Македонскому

Впрочем, Александру недолго пришлось наслаждаться ролью победителя, поступки и речи которого принимаются сподвижниками с восторгом. Начиная с 328 года до н. э., Каллисфен во весь голос говорил о том, о чем тихо шептались македонские солдаты и греки-наемники, – Александр забыл о том, что он всего лишь человек, пусть и царь. А тот самый Аристотель прислал в конце 330 года до н. э. своему знаменитому ученику письмо (оно, кстати, уцелело для истории только благодаря арабскому переводу VIII века):

«Правитель должен сочетать в себе два качества, являющиеся частью наиболее великих и значительных: необходимо, чтобы народ его любил и восхищался им за его деяния.

Когда речь идет о греках, не спеши придавать значение сообщениям доносчика, пытающегося опорочить их в твоих глазах. Не позволяй гневу охватывать тебя, даже если знаешь, что некоторые пытаются соперничать или желают сравняться с тобой в доблести и великих замыслах.

Не обижай другого приказом, идущим от тебя не как от правителя, а как от господина, не как от царя, а как от ненавистного тирана. Некоторые полагают, что не имеет значения, если правитель ненавидим и не подчиняется закону: отсюда-то и вся злокозненность.

Было бы хорошо, по моему мнению, для твоего авторитета, и это поспособствовало бы упрочению твоей репутации и величию, если бы ты приказал переместить (элиту) населения Персии в Грецию и Европу... по крайней мере тех из них, кто обладает почестями и влиянием.

Мне хорошо известно, что твой ум жаждет военных походов и других деяний, о которых ты постоянно думаешь и к которым готовишься. Но храни в памяти несчастья, ниспосланные роду человеческому непостоянством фортуны и превратностями.

Твоя высшая власть будет еще более славной и почетной, если ты обратишь внимание на благосостояние народа. Властвовать над свободными и знатными людьми гораздо лучше, чем господствовать над рабами, пусть даже многочисленными.

Знай, что любое посягательство на достоинство гораздо ужаснее для свободных людей, чем посягательство на их состояние или тело. Ибо они охотно отдадут свое состояние и тело, лишь бы сохранить без ущерба свое благородство и достоинство.

Знай, что имеются три вещи, с помощью которых оставляют о себе добрую память и громкую славу. Первая – это хорошее законодательство, подобное тому, что разработали Солон и Ликург; вторая – это наука ведения войны и боя, подобная той, которую оставили знаменитые Фемистокл и Брасид; третья – это основание городов. Ибо люди, строящие города, стяжают себе этим славу, и память о них сохраняется надолго. Ты сам обладаешь прекрасным военным опытом. Теперь следует, чтобы ты старался приобрести два прочих качества, а именно, чтобы ты поразмыслил о законодательстве и строительстве городов и их благосостоянии.

Помни, что время властно над всем, оно изничтожает деяния, рушит творения и изглаживает память, за исключением того, что

останется высеченным в сердцах людей любовью и что они будут передавать из поколения в поколение».

Судьба царицы

На протяжении всей истории одними из самых трагичных моментов, сопутствовавших войнам, завоевательным походам, победам одних властителей и неудачам других, была судьба близких того, кому выпало поражение. Беззащитные женщины и дети в лучшем случае могли надеяться лишь на милость победителя.

В октябре 333 года до н. э. возле малоазиатского города Исса сражение между войсками персидского царя Дария III и Александра Македонского шло с переменным успехом, но в конечном итоге удача оказалась на стороне македонцев. Меньшая по численности армия Александра была хорошо организована, а сподвижники Дария, возглавлявшие разные подразделения персидской армии, оказались ненадежными.

Разгромленная персидская армия отступила, а в руки Александра Македонского попала не только богатая добыча из лагеря Дария, но и его семья: мать, жена, две дочери и малолетний сын царя.

Плутарх свидетельствует: «Солдаты захватили много золота и серебра, предметов не вооружения, а роскоши, и, так как они набрали больше, чем могли унести, дороги были усыпаны менее ценными трофеями, которыми жадность пренебрегла, поскольку другие были дороже... Но все взоры и общее внимание обратили на себя плененные мать и жена Дария: первая внушала уважение не только своей судьбой, но и возрастом, вторая – своей красотой, не помраченной даже в ее положении. Она держала на руках сына, еще не достигшего 6 лет, рожденного для столь же счастливой судьбы, как та, которую только что потерял его отец.

А на груди старой бабушки лежали две взрослые девушки, ее внучки, подавленные скорбью не столько за себя, сколько за нее. Вокруг них стояла большая толпа знатных женщин, с распущенными волосами, в разорванных одеждах, забывших о своем прежнем достоинстве, величавших своих цариц и владычиц их истинными титулами, утратившими теперь значение».

«Солдаты захватили много золота и серебра, предметов не вооружения, а роскоши, и, так как они набрали больше,

чем могли унести, дороги были усыпаны менее ценными трофеями, которыми жадность пренебрегла, поскольку другие были дороже...»

Плутарх

Победитель не стал немедленно преследовать отступающих, предпочтя сначала захватить персидские гавани и лишить противника возможности использовать военный флот. Были без боя взяты города Арвад и Марад. Полководец Александра Парменион легко занял Дамаск, захватив там драгоценный трофей – походную казну Дария, которая составляла 2600 талантов, или примерно 78 тонн серебра. В марте Дарий отправил Александру письмо с предложением заключить мир. Персидский царь предлагал завоевателю часть владений и брак со своей дочерью, взамен просил вернуть ему семью и прекратить военные действия. Александр высокомерно отказался.

Впрочем, к родным Дария в македонском плену все же относились с подобающим почтением. Хотя нежелание захватчиков знать чужие традиции приводило порой к неприятным конфузам. Однажды по распоряжению Александра матери Дария доставили ткани, нитки и все необходимое для того, чтобы она могла заниматься рукоделием со своими внучками, как это было в обычае у жен греческих правителей. Но в Персии так не было принято, и царица Сисигамбис восприняла это как оскорбление.

В наши дни память об этой драматичной странице истории сохранена в описании звездного неба. Одна из малых планет пояса астероидов носит имя Сизигамбида – в честь Сисигамбис, матери Дария III.

Предательство

После того как Александр захватил Персеполь, Дарий, чтобы сделать свою армию более подвижной, отослал обозы к Каспийским воротам – системе крепостей, которые прикрывали два узких прибрежных прохода между горами и берегом Каспийского моря. Эти проходы открывали дорогу с севера на юг, в богатые персидские земли, по которым проходил Великий шелковый путь. Впоследствии историки будут приписывать создание оборонительных укреплений у Албанских (на западном берегу моря) и Горганских (в районе нынешнего города Горган в Иране) ворот самому Александру Македонскому, который-де желал таким образом преградить путь диким северным племенам Гога и Магога. На самом деле Горганская стена и другие сооружения были возведены персами задолго до него.

Разгромленный, но непобежденный персидский царь, остановившийся в Экбатане, обратился к собранным для последующих сражений войскам с речью: «Если бы судьба связала меня с людьми трусливыми, для которых какая угодно жизнь дороже, чем почетная смерть, я бы скорее промолчал и не расточал понапрасну слов. Но я испытал вашу доблесть и преданность на более серьезном, чем хотелось бы деле, так что должен сам стараться быть достойным таких друзей, а не сомневаться, остались ли они верны самим себе... Заклинаю вас славой предков, которые так доблестно владели всем Востоком, теми героями, которым года-то Македония платила дань, флотами из стольких кораблей, которые посылались в Грецию, сколькими трофеями ваших царей. Проявите мужество, достойное вашей славы и вашего племени, чтобы мы могли испытать с той же твердостью духа, с какой пронесли все прошлое, и то, что принесет нам дальнейшая наша судьба».

Царь Дарий был предательски убит одним из своих приближенных – сатрапом Бессом. Но Александр Македонский при всей своей жестокости такого вероломства не оценил. Он приказал казнить Бесса, а погребение Дария обставить с царскими почестями. Впоследствии Александр взял в жены одну из дочерей персидского царя.

Легенда о золоте Дария

Во все века открытий и путешествий исследователей и любителей сокровищ привлекали тайные клады древних королей и воителей. Один из значимых в истории и пока не найденных кладов – сокровища царя Дария III.

В армии Александра Македонского были организованы особые отряды для захвата богатств Дария. Вступая победителями в новый город, в первую очередь греки захватывали дворцы и дома знати, но не всегда находили там что-то, стоящее внимания. Предусмотрительный царь все же успел заранее позаботиться о своих несметных сокровищах: ценности были надежно укрыты в тайниках. И это было вполне в духе поступков настоящих царей, как и то, что, следуя традиции, свидетелей обычно не оставляли в живых. Тайну не могли рассказать ни те, кто устраивали тайники, ни их палачи. Известно также, что сокровища свозили в город Экбатана целыми караванами. Там была расположена летняя резиденция Дария, и именно туда он отправился после поражения.

Дарий приказал укрывать сокровища перед своей смертью в указанном им месте. И когда греки вошли в его дворец и учинили допрос всем слугам, их поиски были напрасны. Возможно, что слуги ничего не знали о царском кладе. Во всяком случае, хотя греки весьма настаивали, никто из слуг ничего интересного не смог рассказать.

Все последующие века эту тайну пытались открыть не раз, в том числе Марк Лициний Красс – римский полководец, имевший в народе прозвище «Богатый» и все же мечтавший о большем. Он был любимцем Фортуны, победил Спартака, и уже обладал невероятным состоянием, но сокровища Дария не давали ему покоя. И это обстоятельство позволило потомкам впоследствии назвать его одним из первых известных искателей сокровищ Ахеменидов.

Услышав немало предположений о казне Дария, Красс стал одержим навязчивой идеей ее найти. Будучи настоящим тираном и человеком жесткого характера, он использовал все доступные ему средства. Тысячи подвластных ему рабов неустанно обследовали все

окрестности, включая долины и горы Экбатаны. Опускались в глубокие и тесные расщелины и т. д. Разыскивая клад, они старательно выкопали множество рвов, вырыли глубокие шурфы. Но тайна не пожелала открыться Киру, несмотря на его великую настойчивость.

«В Персеполь больше никогда не возвратились жители, но он был отомщен: Македония Александра исчезла почти без следа».

Альберт Олмстед

Что осталось от державы Александра? Получив после победы над Дарием огромную империю, его сподвижники-диадохи очень быстро разрушили ее своими нескончаемыми войнами в борьбе за власть, и ни о каком слиянии культур не стоит даже говорить.

Были убиты и сын самого Александра Македонского, и его жена, сводный брат, мать, сестра и другие родственники. Как пишет известный историк Альберт Олмстед, «в Персеполь больше никогда не возвратились жители, но он был отомщен: Македония Александра исчезла почти без следа. Ее старая столица Эги – место, где свирепствует малярия, и ничто больше. Могилы македонских правителей, где, как предполагал Александр, он соединится со своими предками, так и не были найдены. Его собственная столица Пелла представляет собой груды бесформенных развалин... Ничто не сохранилось от изначальной Александрии...» Но зато среди мировых достопримечательностей есть Персеполь с дворцами Дария и Ксеркса, уцелевшими превосходными барельефами, не уступающими прославленным древнегреческим.

А Персию ждал новый расцвет.

دیسکون ایسکے جانیے کی تانغ

یوگیو گیم پر پ روی ال ای پانغ

ایک تانغ ارسپیدہ پانغ پانغ

بمن قی پسرین ای پانغ پانغ

کتاب ایچہ پسرین ای پانغ پانغ
تین تانغ ایچہ پسرین ای پانغ پانغ

بزم اعلیٰ پانغت قیب اختیار

بروردی کی توگنی لازول میر کاکت

توشب تویدر پانغت پانغت پانغت

کو از مذہب پانغت ایچہ پانغت کاکت

کیزب مرکب اور زان پانغت پانغت

بروردی کی توگنی لازول میر کاکت

توشب تویدر پانغت پانغت پانغت

قیب ایچہ پانغت کاکت کاکت

Нюансы исторических стереотипов

Древние греки – предполагаемые «культурные прапрапрадеды» европейской цивилизации – долгое время считались беспощадными рационалистами. Они же были и приверженцами оккультной традиции, постоянно стремясь узнать будущее, перехитрить богов и уклониться от предначертанного, от судьбы. Описывая древнегреческую культуру, английский историк и археолог Артур Джон Эванс, первооткрыватель минойской цивилизации, описывает традицию вопрошания дельфийского оракула. «Наиболее известным, благодаря описанию Геродота, является ответ, приписываемый оракулу в драматические дни, предшествовавшие второй войне греков с персами. Тогда паника охватила все греческие города. Ответ Пифии на вопрос афинян, что им делать, по крайней мере, не прибавил им мужества.

У этого эпизода было и более счастливое продолжение: испуганные афиняне по совету стратега Фемистокла попросили Пифию сделать еще одно «уточняющее» пророчество и получили в ответ, что деревянная преграда спасет Афины. Прошло время, и в качестве подтверждения правильности предсказания Пифии возникла версия, что она имела в виду деревянный флот греков, победивший в битве при Саламине.

«Что ж вы сидите, глупцы? Бегите к земному пределу,
Домы покинув и главы высокие круглого града.
Не устоит ни глава, ни тело пред гибелью страшной,
И ни стопа, и ни длань, и ничто иное средь града
Не уцелеет. Но все истребится, и град сей погубит...»

(Геродот. История. Книга VII, 140.

Перевод Г. А. Стратановского)

В историческом исследовании дважды лауреата Пулитцеровской премии Уильяма Брода «Дельфийский оракул» подчеркивается, что в золотой век Греции ее жители считали оракула «чем-то вроде особого оружия, делавшего их с политической и военной точки зрения неуязвимыми, способными разделаться с любым врагом и выиграть любое сражение». Дельфийский оракул не был единственным в тогдашней Греции. Во многих других святилищах существовали свои оракулы; присутствие предсказателей притягивало паломников и способствовало «росту богатства и могущества святыни». Уникальность дельфийского оракула заключалась в устойчивой традиции.

Всегда ли сбывались предсказания? Естественно, нет. Было множество случаев, широко известных, об ошибках древнегреческих прорицателей. Но такие ошибки чаще всего объяснялись неумелым толкованием пророчества. Дельфы остались в сознании людей, потому что существовали переводы древнегреческих и римских трактатов.

Спустя пятнадцать веков после того, как в IV столетии н. э. Дельфы были разграблены, разрушены, а потом и забыты, чопорную викторианскую Англию охватил подобный древнегреческому оккультный спиритизм. В 1882 году было создано Общество психологических исследований, членами которого были Льюис Кэррол, Артур Конан Дойл, Альфред Теннисон... В первом номере выпущенного Обществом журнала прозвучал призыв к изучению дельфийского оракула.

23 июня 1894 года в Париже, в университете Сорбонна, прошел I конгресс Международного олимпийского комитета, принявший решение о проведении новых Олимпийских игр в городе Афины. Именно тогда окончательно оформилась парадигма, в рамках которой древние греки стали для многих европейцев героями, а персы – злодеями.

Греко-персидские войны – один из самых растиражированных в мировой истории конфликтов, «зафиксированный» во множестве романов и кинофильмов, как и последующий ответный ход – поход Александра Македонского. Известный французский востоковед Жан-Поль Ру в книге «История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней» пишет о греко-персидских войнах, что «история этой борьбы, в которой самая могущественная империя, которую знал мир, находившаяся на

вершине славы и располагавшая максимальными средствами за все время своего существования, противостояла маленьким независимым городам, соперничавшим между собой, – бесспорно, красивая и назидательная. В ней находят многое: конфликт Европы и Азии, конфликт демократии и монархии, конфликт национализма и универсализма... Тут видят также победу цивилизации над варварством и чудо, спасшее эллинскую и тем самым нашу цивилизацию. Счесть персов варварами значило отнестись к ним очень несправедливо, ведь в Греции этим словом называли всех людей, не говоривших на благозвучном эллинском языке: персы имели очень высокую культуру, яркую религию, очень возвышенную этику».

В испанском издании ABC.es был опубликован материал Сесара Сервера «Легенда о «пожилом» спартанском царе Леониде I, погибшем в бою с персами», где он пишет, что бросок Леонида с отрядом личной гвардии в 300 бойцов произошел в самый разгар религиозных праздников, а самому царю уже было за 60 лет.

Несмотря на тысячелетнюю славу боя-подвига трехсот спартанцев, обычно не упоминается, что они не смогли задержать на длительное время персидскую армию и уже на следующий день после Фермопильского сражения Центральная Греция оказалась во власти персов. Помимо этого, не стоит забывать, что у свободолюбивых спартанцев были свои рабы.

«Счесть персов варварами значило отнестись к ним очень несправедливо, ведь в Греции этим словом называли всех людей, не говоривших на благозвучном эллинском языке: персы имели очень высокую культуру, яркую религию, очень возвышенную этику».

Жан-Поль Ру

Среди тех, кто в древности писал о греко-персидских войнах, был Эсхил, древнегреческий драматург, отец европейской трагедии, который лично мог быть и участником морского сражения при Саламине, и других эпизодов греко-персидских войн. В позднеримскую эпоху из пьес Эшила в большинстве источников сохранилось семь, и позже, во времена Византии, только три из них – «Персы», «Прометей» и «Семь вождей» – были «на слуху».

Впервые «Персы» были представлены в 472 году до н. э. при участии восемнадцатилетнего Перикла, впоследствии выдающегося государственного деятеля, который в детстве мог наблюдать подготовку к Саламинскому сражению. Действие трагедии «Персы» происходит в Сузах – тогдашней столице Персидской империи. В ней о персидском правителе Дарии есть следующие проникновенные строки: «Если в дни, когда на солнце ты глядел, достоин был/Только зависти твой жребий, богоравный персов царь».

Именно в древнегреческой литературе в основном и преобладал объясняемый патриотизмом показ греко-персидских войн как подвигов греков и злодеяний персов. Так, меняясь в числах и именах, к нам пришли многие мифы. Например тот, о котором пишут Кремер и Тренклер в книге «Лексикон популярных заблуждений»: «Персы в греко-персидских войнах имели огромное численное превосходство над греками. Этот миф излагает большинство школьных учебников. На самом деле численность греческих и персидских войск была примерно одинаковой: в битвах при Марафоне и Фермопилах с той и с другой сторон участвовало около 15 тыс. человек. (Пятимиллионное персидское войско, о котором пишет Геродот, физически не могло поместиться на поле битвы при Фермопилах.)»

Множество мифов связано с падением Персидской державы и возникновением новой, которая должна была объединить Восток и Запад. Победив Дария, Александр Македонский, к негодованию «старослужащих» своей армии, еще привыкших к македонским обычаям, ввел персидский этикет и требовал, чтобы ему воздавали соответствующие владыке великой империи почести. Как известно, во время Персидского похода Александр женился на принцессе Роксане из Согдианы. Но в октябре 325 года до н. э. он решил реализовать идею связать два прежде сражавшихся народа родственными узами, для чего организовал в Сузах массовые свадьбы не только для своих приближенных, но и для десяти тысяч воинов. Сам Александр взял в жены дочь Дария Статиру и дочь Артаксеркса III Парисатиду.

«Персы в греко-персидских войнах имели огромное численное превосходство над греками. Этот миф излагает большинство школьных учебников. На самом деле численность греческих и персидских войск была примерно одинаковой: в битвах при Марафоне и Фермопилах с той и с

другой сторон участвовало около 15 тыс. человек. (Пятиmillionное персидское войско, о котором пишет Геродот, физически не могло поместиться на поле битвы при Фермопилах.)»

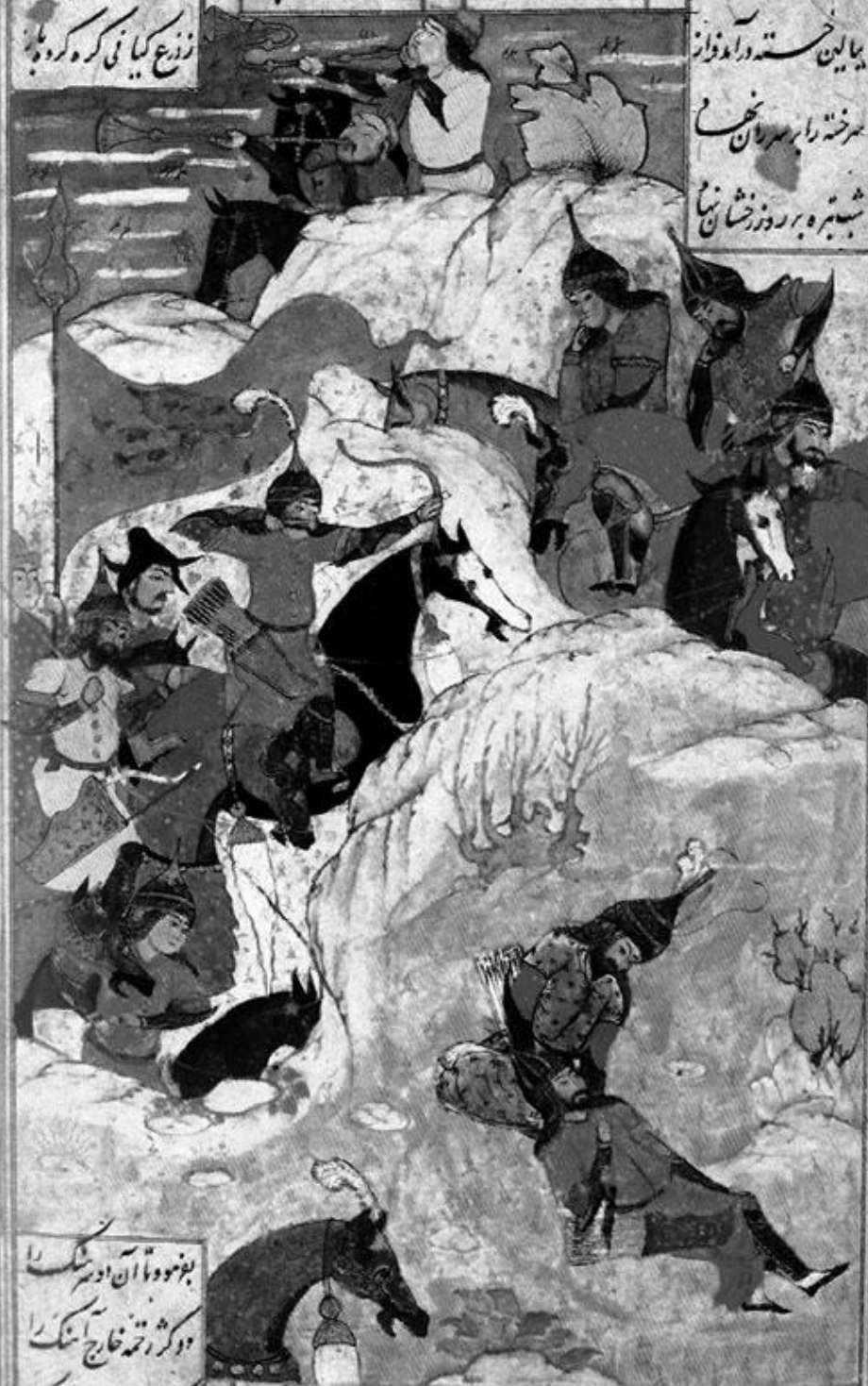
Вальтер Кремер, Гетц Тренклер «Лексикон популярных заблуждений»

نشانده دولت کی قیاد
بیالین خسته در آمد فواز
سرسشته را بر سران
شسته بر روز خشان

ورق بر ورق بر سویی بود

سکندر بیالین آن پل زود

در آمد فرو و اما ز پشت
ز زرع کیانی که کرده بود

بدلند بر جای خویش استوار

خود از جای چند شوریدار

فرو بسته چشم ازین خوابناک

بنام و ما آن او سرنگ را
دو کر رتبه خراج آنک را
بد و گفت بر خیز ازین خاک

Жан-Поль Ру подводит итог деяниям Александра Македонского: «Он уничтожил империю Ахеменидов – увы! Заменял ли он ее Македонской империей? Будем же серьезны! Он не подчинил Согдиану. Он не завоевал Восточную Анатолию, Армению, Азербайджан. Он не установил свою власть в большей части Ирана. Добился ли он слияния иранцев и греков? Многие из тех, кто женился в Сузах, развелись с женами, и это более чем символично. Он добился успеха, если его главной целью была слава, потому что стал величайшим завоевателем мира, прекраснейшим героем эпопеи, каких когда-нибудь превозносили. Он потерпел неудачу, если его цели вышли за пределы идеального мира и он столкнулся с реальностью». Реальностью стали войны на обломках великой империи Ахеменидов...

Не помогло сохранить плоды завоеваний даже то, что Александр оказался первым из живых людей, чье изображение стали чеканить на денежных знаках. Как известно, монеты в качестве универсального платежного средства были придуманы в Малой Азии – в Лидии. Именно здесь при царе Крезе началась впервые во всемирной истории чеканка золотой монеты. Это способствовало увеличению торговых оборотов и возрастанию богатства и до того процветавшей страны, впоследствии завоеванной армией Кира Великого, как это описано выше.

Многие соседние государства переняли лидийскую монетную систему, начав чеканить собственные денежные знаки, в том числе и греки. Но если на лидийских монетах красовался царский герб, поскольку деньги чеканились от имени правящего властителя и их полновесность гарантировалась царем, то в греческих городах-государствах, управлявшихся выборными коллегиальными органами,

обычно изображали на монетах божество – покровителя того или иного полиса.

А первым живым человеком, запечатленным на монетах, пусть и с атрибутами божества, стал Александр Македонский. Монеты с его чеканным изображением появились после завоевания им Персии. Примеру македонского царя последовали и его наследники-диадохи, основавшие ряд царств на месте Персидской державы. Так появилась ставшая впоследствии общепринятой традиция чеканить монеты с изображением ныне царствующего властителя.

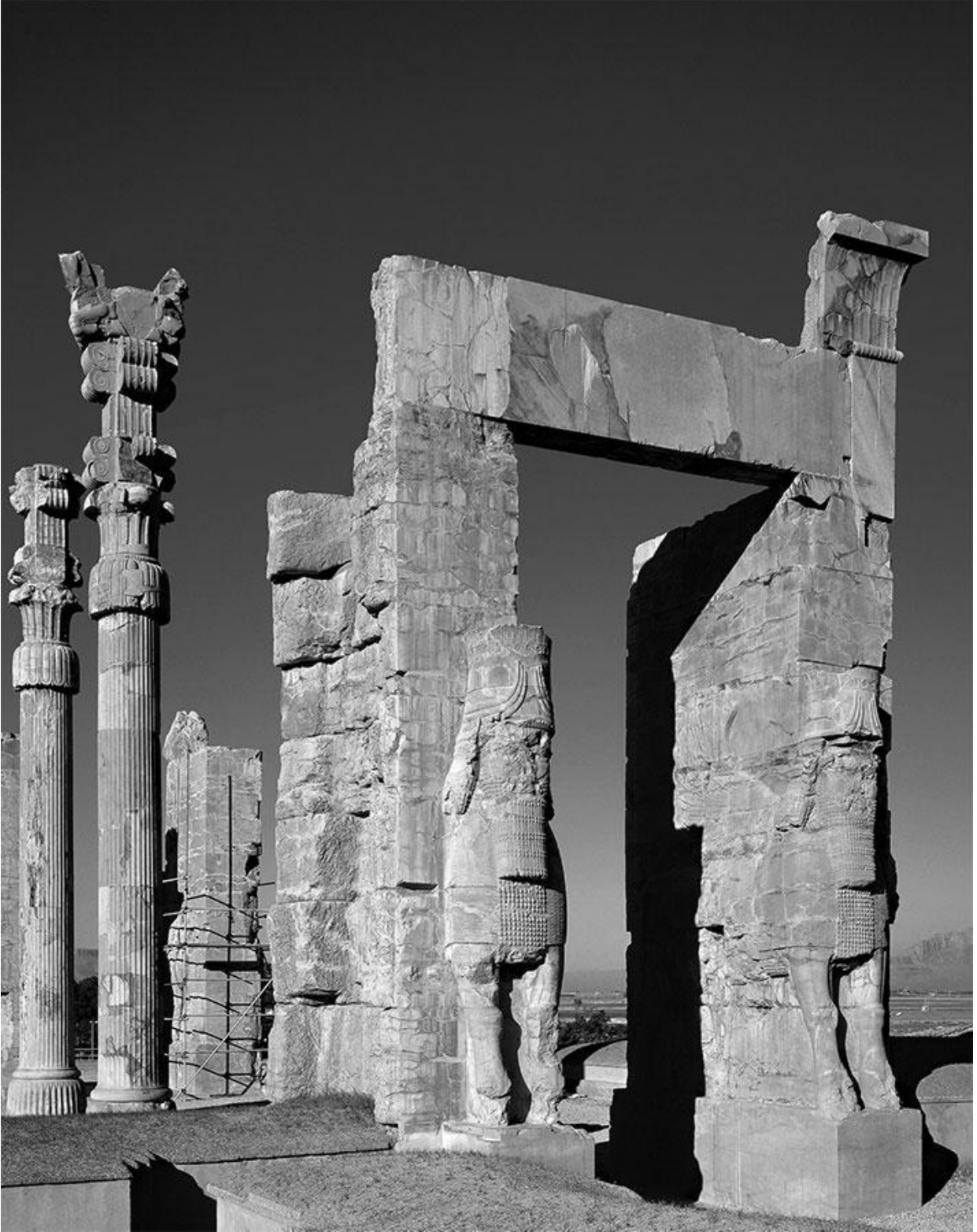
2. Соперники Рима

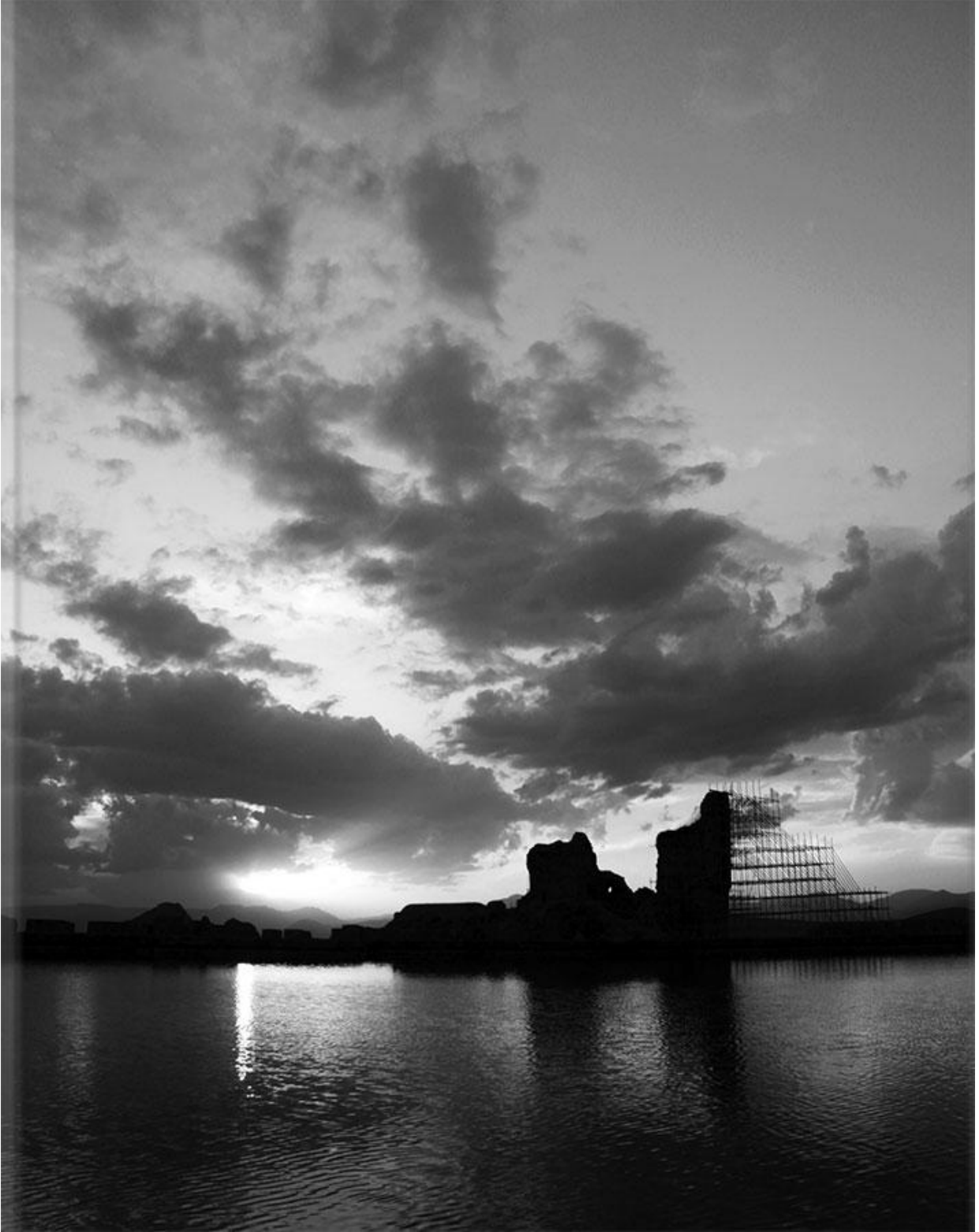
...для Ирана славная эпоха величия страны – время правления Сасанидов... великая Персия не знала соперников именно в эпоху Сасанидов. Располагавшаяся рядом с ней соседняя Римская империя клонилась к упадку под ударами варваров.

Марк Ферро

«Как рассказывают историю детям в разных странах мира»

Митридат II принял титул «царя царей» – шахиншах. Он был владыкой земель, простиравшихся от Индии до Месопотамии. При этом парфянские цари считали себя прямыми наследниками державы Ахеменидов.

Завершение завоеваний: династия Селевкидов

Империя, созданная в ходе завоевательных походов Александра Македонского, начала распадаться сразу после его смерти. Последовала череда ожесточенных схваток наследников-диadoхов между собой. Один из ближайших сподвижников Александра, популярный среди воинов полководец Селевк стал сатрапом Вавилонии. Ему пришлось выдержать борьбу сначала с азиатским наместником Эвменом, потом с собственным прежним союзником Антигоном. Однако в итоге Селевк утвердился в Вавилонии и создал царство, включавшее Сузиану, Мидию, Персию и восточный Иран. Античные авторы утверждают, что Селевк пользовался приверженностью не только своих войск, но и местных жителей, поскольку проявил себя как правитель достаточно справедливый и к жестокости не склонный. Из диadoхов он прожил дольше всех, но все равно был предательски убит в соперничестве, по некоторым версиям, за корону Македонии, на которую у единственного (на тот момент) оставшегося в живых друга Александра были немалые шансы.

Однако основанная им династия Селевкидов какое-то время еще просуществовала. Его сын и наследник царь Антиох I остался в истории благодаря так называемой Битве слонов, точная дата которой неизвестна. В ней войска Селевкидов противостояли вторгшимся в начале III века до н. э. на Балканы, а потом и в Малую Азию кельтским племенам галатов. Силы были неравные: галаты к этому времени успели освоить военные приемы и греков, и персов, поэтому легкой пехоте и лучникам, составлявшим основу спешно собранного воинства Антиоха, противостояла тяжелая пехота-фаланга в центре и мощные отряды конницы на флангах, а также боевые колесницы с косами по образцу персидских.

Решающую роль в исходе сражения сыграли боевые слоны из Индии, которых еще сам Селевк недавно выменял у тамошних правителей на часть земельных владений. В начале битвы слоны были укрыты от глаз противника, а потом погонщики направили их вперед. К этому времени войска только сблизилась, но вступить в рукопашный бой еще не успели. Галаты и их лошади, оказалось, никогда не видели слонов, а потому испуганные кони перестали повиноваться всадникам и

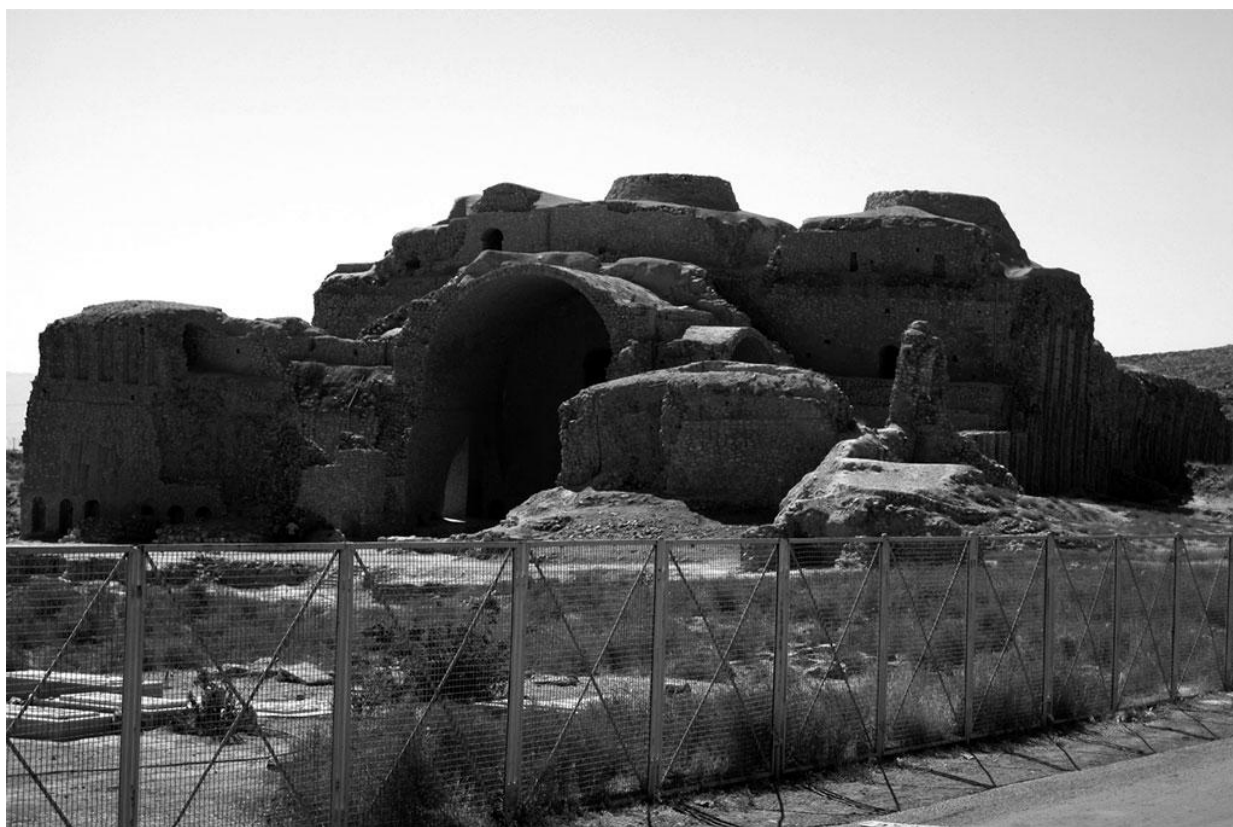
помчались прочь, порой топча собственных пехотинцев, которые тоже обратились в паническое бегство. Кони, запряженные в колесницы, также впали в ужас, и знаменитые грозные косы в итоге нанесли немалый урон самим галатам. На смятый строй обрушились сначала слоны, а потом и воины Антиоха, довершившие полный разгром галатов. Но Антиох, хоть и получил после этой битвы прозвище Сотер – «спаситель», по словам римского писателя Лукиана, весьма трезво оценивал собственные заслуги: «Да будет нам стыдно, воины: только этим шестнадцати животным мы обязаны нашим спасением, – если бы невиданное зрелище не поразило врагов, что мы с вами могли бы против них сделать?». На монументе в честь победы царь повелел изобразить только слона.

Но в дальнейшем силы царства Селевкидов постепенно убывали. Они постоянно теряли части своих владений. Антиох III попытался вернуть былое величие, завоевал Палестину, Финикию, заново покорил Парфию и Бактрию, но потерпел сокрушительное поражение от римлян в битве при Магнезии в 190 году до н. э. На этом былая мощь Селевкидов закончилась навсегда.

Александр Широкоград в книге «Персия – Иран. Империя на Востоке» пишет: «После смерти царя Александра его полководцы поделили империю на части. Иранское нагорье досталось начальнику

македонской конницы Селевку, основателю династии Селевкидов. Вскоре местная знать начала борьбу против иноземцев. В сатрапии Парфия, расположенной к юго-востоку от Каспийского моря в местности, известной под названием Хорасан, восстало кочевое племя парнов и изгнало наместника Селевкидов... Между парфянами и Селевкидами велись непрерывные войны, закончившиеся лишь в 141 года до н. э. после захвата парфянами под предводительством Митридата I города Селевкии на реке Тигр – столицы Селевкидов». На противоположном берегу Тигра Митридат, чья власть распространилась на значительную часть Иранского нагорья, основал новую столицу Ктесифон. А следующий правитель Митридат II принял титул «царя царей» – шахиншах. Он был владыкой земель, простиравшихся от Индии до Месопотамии. При этом парфянские цари считали себя прямыми наследниками державы Ахеменидов.

Среди знатных парфянских семейств главное место занимали Аршакиды, потомки Аршака; именно из этого рода происходили парфянские цари. Но правителям постоянно приходилось учитывать то

обстоятельство, что они хоть и восседают на престоле, но все же являются лишь первыми среди равных. А значит, умение лавировать, учитывая порой противоположные интересы других аристократических родов, имело огромное значение. В книге Михаила Мочалова и Дмитрия Полежаева «Держава Сасанидов» говорится: «Аршакиды, теперь уже парфянские цари, в военном отношении всецело зависели от поддержки знатных родов и вынуждены были терпеть такое положение дел. Силу, противостоящую фрондерству нобилитета и готовую защитить трон, парфянские цари нашли в лице гвардии, которую составили наемные всадники из кочевников, которыми изобиловали земли Средней Азии и Кавказского региона. Вместе с номадами в парфянское войско периодически проникали новейшие военно-технологические «ноу-хау» евразийских всадников. Таким образом, войско Парфянской державы составляли гвардейцы-наемники плюс ополчение из знати и их вассалов. Одну, бóльшую, часть войска составляла легкая конница из лучников (их насчитывалось порядка 40 тысяч). Меньшую, но в то же время элитную часть армии составляли конные воины-копейщики – знаменитые катафрактари». И это было воинство, успешно противостоявшее знаменитым легионам Рима.

Ардашир I – воцарение Сасанидов

Долгое время Парфия воевала с Римской империей, с переменным успехом: то парфяне разгромят войска Марка Лициния Красса в сражении при Карах, то армия императора Траяна возьмет штурмом Селевкию... Джавахарлал Неру в книге «Взгляд на всемирную историю» писал: «Именно эти парфяне в Персии, или в Парфии, как тогда называлась страна, и разбили римлян в последний период республики, а сменившей ее позднее империи так и не удалось нанести парфянам решающее поражение... Сами персы поднялись против чужеземных правителей и поставили на их место человека своего племени и своей веры. Это был Ардашир I, его династия называется династией Сасанидов...»

Непрерывные битвы ослабили как парфянское государство в целом, так и его власть над Иранским нагорьем. Александр Широкоград пишет: «Сатрап Фарса (Парсы) Ардашир... объявил себя правителем как прямой потомок Ахеменидов. Он разбил несколько парфянских армий и убил в битве последнего парфянского царя Артабана V, взял Ктесифон и нанес сокрушительное поражение коалиции, пытавшейся восстановить власть Аршакидов». Так была основана вторая Персидская империя – Ираншахр. Ее столицей стал город Фирузабад. Правящая династия получила имя Сасанидов в честь ее родоначальника Сасана, деда царя Ардашира.

Существует целый ряд легенд, посвященных родословной Ардашира, а также «Книга деяний Ардашира Папакана», составленная при его праправнуке Шапуре II. Согласно этому тексту, Сасан был отцом Ардашира и единственным уцелевшим законным потомком и наследником Ахеменидов. А Папак, в других вариантах именуемый его отцом, – его дедом по матери и царем Парса, который однажды увидел вещий сон, открывший ему происхождение Сасана, после чего выдал за него замуж свою дочь.

«Сами персы поднялись против чужеземных правителей и поставили на их место человека своего племени и своей веры. Это был Ардашир I, его династия называется династией Сасанидов...»

Джавахарлал Неру

Об этом писал и Фирдоуси в «Шахнаме», возводя родословную Сасанидов к Ардаширу Бахману, которого историки отождествляют с Артаксерксом I.

Существует также драматичное, но с благополучным финалом предание о том, как Ардашир женился на дочери поверженного противника, а ее братья устроили против него заговор, вынуждая сестру подать своему мужу кубок с ядом. Царь в гневе приказал казнить и их, и свою жену, несмотря на то, что она ждала ребенка. Однако некий добросердечный вельможа, или в другом варианте зороастрийский священнослужитель, спас и укрыл в своем доме царицу, а потом и рожденного ею мальчика, которого назвали Шапур. И однажды, когда Ардашир стал сокрушаться о том, что у него нет семьи и наследника, спаситель царицы поведал, что она и юный сын шаха живы. Как бы то ни было, царевич Шапур был не только объявлен наследником отца, но и стал его помощником и сподвижником, а в последние годы и соправителем. В так называемом Кельнском кодексе Мани есть свидетельство об этом, гласящее, что в 24-й год рождения Мани (это 240 год) «Ардашир покорил город Хатра и царю Шапуру, своему сыну, водрузил на голову большую (царскую) диадему». Абу Али Мухаммад ибн Мухаммад Балами, бывший визирем при саманидских правителях в X веке, автор древнейшего исторического труда на новоперсидском языке, тоже указывал на это: «Ардашир своей собственной рукой возложил корону на голову Шапура».

Исследователь Рассел Робинсон в книге «Доспехи народов Востока» описывает изображения, свидетельствующие, что отец и сын сражались плечом к плечу: «На огромных наскальных рельефах в Фирузабаде изображен персидский правитель Ардашир I (224–241), сражающийся с парфянским правителем Артабаном V. Показано, как его сын Шапур сбрасывает с коня парфянского великого визиря, а персидский воин врукопашную схватился с врагом. На голове Ардашира, поражающего противника копьем, нет шлема, его сбившиеся в ком волосы стянуты повязанной надо лбом лентой, концы ее развеваются. Он одет в облегающую рубашку-кольчугу с длинными рукавами, прикрывающую бедра. Две пересекающиеся перевязи поддерживают на груди округлую пластину, изготовленную по ассирийскому образцу. Изображение ног правителя не сохранилось,

выскажем предположение, что они защищались такими же чешуйчатыми пластинками, которые носили его сын и сидящий в седле воин. На принце Шапуре надет простой круглый шлем и такая же кольчуга, как на его отце. Его грудь защищена широким щитком с двумя наплечными украшениями в форме гранатов. Отчетливо видны места соединения чешуйчатых наголенников...»

شاه با جوز و دو ریک نظر دید

در گردش از مونس کند

بر پای و لش ز عشق تبندی

سیران شد حال خود و کردید

Легенды также гласят, что сам Шапур полюбил дочь враждебного Ардаширу царя и она родила сына по имени Ормазд. От Ардашира это скрывали, но однажды он увидел, как лихо мальчик держится в игре чоуган и пожелал узнать, чей это сын. Оказалось – его собственный внук, которого царь и признал. Кстати, как свидетельствует В. В. Григоревич в книге «Физическая культура стран Древнего Востока», в Персии было принято обучать мальчиков в специальной придворной школе вышеупомянутой конной игре, а также стрельбе из лука, метанию копья, борьбе, бегу. Игра чоуган, ближайшим аналогом которой можно назвать конное поло, причисляется историками к древнейшим видам спорта. В персидских летописях запечатлены состязания, происходившие за 600 лет до н. э. Об игре чоуган говорится и в народных песнях, и в царских надписях, например в «Надписи Ардашира» и стихах классиков персидской поэзии.

Воцарение Ардашира знаменовало начало формирования могучей державы, которой предстояло несколько столетий занимать господствующее место на всем Ближнем Востоке. Ардашир не только полностью подчинил Парфию, но и расширил границы Персидской империи на восток до Хорезма и низовьев Амударьи. Подобно эпохе Ахеменидов под властью Персии было объединено большинство ираноязычных народов.

Шапур I – победитель римлян

Шапур I стал шахиншахом и продолжил дело своего отца в расширении и укреплении державы. Исламский историк и богослов Абу Джафар Мухаммад ибн Джарир ат-Табари, живший в IX–X вв., в своем труде «Истории пророков и царей» так говорит о царе Шапуре: «Еще до прихода Шапура к власти, при жизни его отца, персы на многих примерах убедились в его уме, великодушии, познаниях, узнали его великую храбрость, красноречие, милость к подданным и кроткое мягкосердечие. Когда Шапура короновали, знать собралась вокруг него, пожелала долгой жизни и много говорила о его отце и его выдающихся достоинствах. Он ответил, что осчастливлен их словами о своем отце, и дал им добрые обещания. Затем царь послал в сокровищницы за деньгами, одарил собравшихся людей богатыми подарками и распределил деньги между почтенными людьми, воинами и теми бедняками, которых счел этого достойными. Он также написал наместникам разных земель и стран, чтобы они распорядились деньгами таким же образом. Так-то его щедроты и благодеяния распространялись повсюду, на знатных и ничтожных, высоких и низких, и для всех их жизнь стала легче...»

Сирийская хроника Арбелы гласит: «Шапур воевал с хорезмийцами и горными мидийцами в первый год своего правления и победил их в жестоком сражении. Оттуда он отправился и покорил гилянцев, деламитов и гирканцев, живущих в далеких горах вблизи Каспийского моря». Но основным противником оставался Рим. В феврале 244 года войска Шапура разбили римлян на Евфрате и в Вавилонии. Ответные военные действия на какое-то время помогли Риму отвести угрозу немедленного взятия персами Антиохии. Римский историк Юлий Капитолин в труде «Трое Гордианов» утверждал, что император Гордиан III выступил в этот поход «с огромным войском и таким количеством золота, что мог бы легко победить персов» даже с помощью наемников, не говоря уже о собственных легионерах. Однако наступление на Месопотамию оказалось неудачным, а лично возглавлявшему войска императору эта кампания стоила жизни. Византийский историк Иоанн Зонара писал, что «император был сбит с коня в битве, сломал бедро и умер от этой раны».

«Когда Шапура короновали, зная собралась вокруг него, пожелала долгой жизни и много говорила о его отце и его выдающихся достоинствах. Он ответил, что осчастливлен их словами о своем отце, и дал им добрые обещания. Затем царь послал в сокровищницы за деньгами, одарил собравшихся людей богатыми подарками и распределил деньги между почтенными людьми, воинами и теми бедняками, которых считал этого достойными».

Абу Джафар Мухаммад ибн Джарир ат-Табари

«И тогда, когда я стал править страной, Гордиан, цезарь, собрал войска со всей Римской империи, от готов и германцев, и выступил к Асурестану (Ассирии) на Ираншахр и на нас. И у границ Асурестана, у Месиха, великое сражение произошло. Гордиан, цезарь, был убит. И римское войско было рассеяно. И римляне сделали Филиппа цезарем. И Филипп, цезарь, пришел к нам, прося мира, и дав нам 500 тысяч динаров за жизнь своих друзей, став нашим данником».

Надпись на Кубе Заратустры в Накше-Рустам

Императорский венец перешел к Филиппу по прозвищу «Араб», который поспешил заключить мир с Персией, согласившись выплатить контрибуцию в 500 тысяч золотых денариев (почти 3 тонны золота). Надпись на архитектурном памятнике в Накше-Рустам, именуемом «Куб Заратустры» («Кааба Зороастра»), посвящена этому событию: «И тогда, когда я стал править страной, Гордиан, цезарь, собрал войска со всей Римской империи, от готов и германцев, и выступил к Асурестану (Ассирии) на Ираншахр и на нас. И у границ Асурестана, у Месиха, великое сражение произошло. Гордиан, цезарь, был убит. И римское войско было рассеяно. И римляне сделали Филиппа цезарем. И Филипп, цезарь, пришел к нам, прося мира, и дав нам 500 тысяч динаров за жизнь своих друзей, став нашим данником. И мы Месих поэтому назвали Пероз-Шапур («Победитель Шапур»).

Также Рим по условиям договора де-факто отказывался от Армении, сохранив там лишь номинальную власть. Прошло десять лет, в Риме началась череда переворотов, и тогда римляне решились снова

вторгнуться в Месопотамию. Этой военной экспедицией командовал легат Сирии. В конце 255 года при Барбалиссе на правом берегу Среднего Евфрата произошла решающая битва, в которой римские легионы были полностью разгромлены. После этого Шапур послал сразу две армии – одну под командованием своего сына Ормазд-Ардашира на Киликию, Каппадокию и Малую Армению, а другую лично возглавил и повел в Сирию. Персидские войска захватили и Армению, и главные города Сирии, включая ее столицу Антиохию. Римский историк Аммиан Марцелин так описывал этот стремительный натиск: «... когда однажды в Антиохии, во время глубокого мира один мимический актер со своей женой во время театрального представления изображал выхваченные из жизни сценки и публика залюбовалась изяществом исполнения, жена его вдруг сказала: «Если это не сон, то вот персы!..» Публика повернула головы и, стараясь спастись от тучи пущенных в нее стрел, рассеялась, кто куда мог...»

Затем Шапур осадил римский гарнизон в крепости Эдесса на Евфрате. Тогда считалось, что Эдесса – самый мощный из укрепленных городов на всем Востоке. Чтобы выволить осажденных, легионеров к Эдессе повел сам император Валериан. Однако в июне 260 года персидские войска наголову разбили римлян. Император попал в плен. Сохранился каменный барельеф, запечатлевший его на коленях перед персидским царем. Валериан провел в плену два года и умер. Вместе с ним в плен попало множество солдат. По распоряжению Шапура силами пленных был построен в Персии новый город Гондешапур, а также огромную плотину и мост у Шауштара (ныне Шуштар на юго-западе современного Ирана), которую царь Шапур повелел именовать Банд-э-Кейсар – «Дамба Цезаря». Фрагменты этой ирригационной системы сохранились до наших дней.

Персидская армия в правление Шапура дошла до земель нынешней Туркмении. Ормазд-Ардашир, сын Шапура, стал царем Армении. Также под властью шахиншаха были края до Бактрии, Согдианы и теперешнего Ташкента, а также юго-восточный берег Каспийского моря. Тем самым установились границы державы, называемой историками Сасанидским Ираном.

«Иран дважды оказал могущественное религиозное воздействие на весь запад, – отмечает в своей книге Б. А. Тураев. – Культ древнего иранского бога света Митры, хотя и подвергшийся влиянию вавилонского богословия и малоазийских представлений, победоносно шествовал на запад еще с эпохи усиленного синкретизма в начале эллинистической поры, особенно в римское время, начиная с Каппадокии и Понта, распространяясь сначала среди военной аристократии персидского происхождения, потом особенно среди солдат во всей западной половине римской империи, привлекая к себе сердца тем характером деятельности благочестия и энергичного служения правде, верности и культуре, которые были обусловлены иранским дуализмом. В лице Митры Иран был близок к духовному господству над человечеством: Коммод велел посвятить себя в мистерии этого бога, а в 307 г. Диоклетиан, Галерий и Лициний провозгласили в Корнунте Митру покровителем империи. Но это было всего за шесть лет до Миланского эдикта...»

Как пишет Оливер Хогг в книге «Эволюция оружия», влияние построения персидской армии на римскую также несомненно:

«Тяжелая кавалерия – катафрактары – стала более поздней инновацией легиона, появившейся во время правления Константина Великого. Всадники, а также их лошади были защищены доспехами. Аммиан Марцеллин утверждает, что римские тяжелые кавалеристы были аналогичны персидским клибанариям».

Стамбул-Константинополь отчасти обязан своим возникновением Персии. По мнению профессора лондонского Королевского колледжа Джудит Херрин, изложенному в книге «Византия. Удивительная жизнь средневековой империи», Константин Великий с уважением и опасением относился к персидской державе. «После победы над Лицинием (императором Востока. – *Прим. авт.*) Константин решил, что империи нужна столица на востоке, ближе к самому серьезному противнику – Персии, постоянно угрожавшей вторжением. Рассматривался вариант древнего города Трои. Вместо этого Константин выбрал колонию, созданную греками из Мегары, якобы в VII в. до н. э., на европейском берегу Босфора. Так возник Византий (Византион), который быстро стал процветать, контролируя судоходство через коварные воды, связывающие Черное море с Мраморным, которое, в свою очередь, соединяется с Эгейским морем проливом Дарданеллы».

«Константин решил, что империи нужна столица на востоке, ближе к самому серьезному противнику – Персии, постоянно угрожавшей вторжением. Рассматривался вариант древнего города Трои. Вместо этого Константин выбрал колонию, созданную греками из Мегары, якобы в VII в. до н. э., на европейском берегу Босфора. Так возник Византий (Византион)...»

Дж. Херрин

Персидский поход Юлиана Отступника

Персидская держава была основным соперником Римской империи за влияние в цивилизованном мире. И император Гордиан был не единственным римским владыкой, кому поход против персов стоил жизни. Именно персидский поход против Шапура II стал роковым для императора Юлиана Отступника.

...Юлиан Флавий Клавдий (331–363) был племянником Константина I Великого. Пока он был ребенком, все его близкие родственники по приказу двоюродного брата Констанция, ставшего императором, были уничтожены. Получив разрешение от императора закончить свое образование, Юлиан обучался в прославленной Пергамской школе неоплатонизма. В 29 лет кабинетный затворник, привыкший беседовать с философами, назначается соправителем императора и отправляется в поход против галльских и германских племен. К удивлению императора, рассчитывавшего отделаться от нежелательного родственника, недотепа-ученый провел удачную военную компанию и стал популярным в войсках. Резиденцией Юлиана после побед в Германии стал Париж (Лютеция), где солдаты провозгласили его императором. Констанций, собиравший войска для похода на мятежного родственника, внезапно умер в самый разгар подготовки. Это было воспринято как «воля богов», и Юлиан стал единоличным правителем империи. Он был известен тем, что отменил установленные Константином привилегии для христиан и вернул все права приверженцам традиционных культов. В июле 362 года после встречи с иудейскими старейшинами в Антиохе Юлиан разрешил иудеям вернуться в Иерусалим и восстановить их храм, разрушенный в 70 году н. э. римлянами.

Деяния Юлиана напоминают царствование египетской царицы Клеопатры, тщетно пытавшейся спасти свое древнее царство от нашествия нового безжалостного времени, олицетворяемого суровым Римом. Так и Юлиан пытался спасти древнюю традицию и древние знания Европы и Азии от грядущей унификации, забвения и запрета. Он предвидел, что через несколько веков на Европу нахлынет тьма Средневековья. Слишком много будет забыто: медицина, картография,

уникальные библиотеки с тысячами пергаментов, лаборатории и школы.

Доверенным лицом Юлиана, сопровождавшим его в походах, был Аммиан Марцеллин, ставший «последним великим историком античности». Он так писал о Юлиане: «Он делил свои ночи между тремя занятиями: отдых, государство, музыки. Он всегда сражался в первых рядах. Его счастье было чрезвычайным, как будто на плечах самой Фортуны, которая некоторое время была доброй направительницей его судьбы, он преодолевал в победном шествии невероятные трудности...»

Вскоре после коронации Юлиан начал подготовку к военным действиям против Персии. Как писал Аммиан Марцеллин, императора «снедала жажда брани по двум причинам: во-первых, потому что он не выносил вообще покоя и бредил боевыми сигналами и сражениями, во-вторых, потому что... он горел желанием присоединить к своим славным военным отличиям титул Парфянского». Вдобавок, если бы Риму удалось взять под свой контроль проходящие по Передней Азии отрезки больших торговых путей, это сулило большую выгоду.

Филипп Гюиз в книге «Древняя Персия» подчеркивает: «Транзитная торговля давала и Сасанидам значительные доходы, поскольку у них была монополия на продажу шелка-сырца. Они регулярно поднимали цены, вынуждая таким образом византийцев к экономической зависимости от импорта этого товара наземным путем. Эта монополия закончилась в VI в., когда византийцы сумели переселить шелковицу в свою страну. В противоположном направлении двигались вавилонские ковры, драгоценные камни и сирийские ткани, кораллы и жемчужины Красного моря, наркотики из Малой Азии, иранская краска для ресниц, весьма ценившаяся китайцами. В сасанидскую эпоху города Нисибин, Артаксата (Армения) или Ктесифон стали важнейшими торговыми перекрестками и перехватили пальму первенства у Пальмиры, которая до II в. была главным торговым центром. Торговцы вели переговоры о своих товарах на полпути между сирийским берегом и Мезеной, из которой путь лежал к портам Персидского залива. С самого начала V в. Сасаниды контролировали также берега от Каспийского моря и Персидского залива (где они основали несколько портов) до Инда, господствуя таким

образом над морской торговлей с Индией и Цейлоном в течение всего VI в.».

Поначалу римляне уверенно продвигались вперед. Решающее сражение состоялось у стен Ктесифона, римляне вроде бы взяли верх, но захватить укрепленный город не смогли. Персидские военачальники избрали тактику постоянных беспокоящих ударов, которые наносили легионерам конные отряды. В одной из таких схваток император Юлиан был ранен в правый бок дротиком. До сих пор точно неизвестно, метнул ли тот дротик персидский воин или кто-то из свиты императора. Но рана оказалась смертельной, и через несколько часов Юлиан скончался. Римские легионы, оставшиеся без предводителя, провозгласили императором Иовиана, начальника личной охраны Юлиана...

Вскоре римские войска были окружены персидской армией, которой командовал сам Шапур II. Положение было безвыходным, и новый император согласился на все условия мира, предложенные

персидским владыкой. По этому договору Рим уступал Персии пять областей в Месопотамии и отказывался от всяких притязаний на Армению. Иовиан смог тогда сохранить свои легионы, но отступление римлян больше напоминало бегство.

Дуб полководца Вардана

Армения постоянно была местом столкновения интересов окружавших ее тогдашних сверхдержав. Один из почитаемых сейчас в этой стране праздников – отмечаемый за 8 недель до Пасхи Вардананк (иначе – Святой Вардананц), установленный в память битвы на Аварайрском поле. В 448 году персидский шах Иездигерд II послал в Армению, которая с начала IV века была первым в мире христианским государством, письмо, в котором требовал принять зороастризм. В Арташате был созван собор высшего духовенства и знатных людей, который отверг притязания шаха, несмотря на то, что земли Армении были в это время подвластны ему.

Обычно персидские государи были склонны проявлять веротерпимость. Зороастризм был государственной религией, но подданные иной веры имели возможность ее исповедовать. Однако в этот раз Иездигерд II решил настоять на своем. Персы двинули в Армению войска, а местные жители подняли восстание и стали собирать ополчение, лидером которого стал Вардан Мамиконян. За оружие взялись не только мужчины, но и женщины, подростки, старики, даже монахи, покинувшие ради этого свои обители. Персидская армия численностью превосходила армянское ополчение более чем в три раза, но армяне сражались столь доблестно, что нанесли противнику огромные потери. С армянской стороны тоже было множество погибших, пал и полководец Вардан Мамиконян. Однако от идеи внедрить в Армении зороастризм шах после этого отказался, вернувшись к традиции веротерпимости. До конца XX века в Армении в области Тавуш рос огромный древний дуб, окруженный всеобщим почитанием. Считалось, что это дерево Вардан Мамиконян посадил накануне той самой битвы.

«Золотой век» Хосрова I

Одним из самых прославленных правителей династии Сасанидов был Хосров I Ануширван, правивший с 531 по 579 год. Начало его царствования было нелегким. Отец Хосрова – шах Кавад оказывал покровительство Маздаку, проповеднику учения, которое отрицало многое из того, на чем строилась жизнь персидского общества. Маздакисты отнимали имущество у тех, кто казался слишком богатым, присваивали чужие земли и не признавали традиционный брак. Возможно, поначалу шах Кавад стремился с помощью Маздака и его приверженцев ослабить влияние аристократии и зороастрийского духовенства. Но достаточно быстро деятельность маздакитов вышла из-под всякого контроля. Расправы над аристократами подорвали военное могущество Персии. Также пришли в упадок торговля и другая экономическая деятельность. В стране вспыхнул мятеж против Кавада и Маздака, который возглавил родной брат шаха. Кавад был свергнут и заточен в темницу, но сумел бежать и вернуть себе престол. Постепенно он все же постарался отдалиться от Маздака, но тот уже начал пользоваться доверием Кавуса, старшего сына Кавада.

Решающим оказалось вмешательство Хосрова. По его распоряжению во время публичного диспута Маздака и его ближайших сподвижников окружили воины, и схваченных маздакитов немедленно казнили. Кавад назвал своим наследником именно Хосрова, отстранив его старшего брата.

Вступив на престол, Хосров постарался загладить вред, причиненный державе и ее жителям действиями маздакитов. «Он убил большое количество тех, кто ходил и отбирал имущество людей, и вернул имущество его собственникам, – писал в своих «Историях пророков и царей» Мухаммад ат-Табари. – Он распорядился, что всякий

ребенок, относительно происхождения которого существовало сомнение, был приписан к тем лицам, у которых он находился, если не был известен его отец, и получал долю наследства после того лица, к которому он был приписан, если тот его признавал. Относительно женщин, которые были насильно принуждены отдаваться, он распорядился, чтобы с насильника был взыскан в пользу женщины махр, который удовлетворил бы ее семью, а затем ей представлялось по собственному выбору либо остаться у него, либо выйти замуж за другого, если только у нее уже не было раньше мужа, а в последнем случае она возвращалась мужу. Далее Хосрой распорядился, чтобы со всякого человека, причинившего ущерб имуществу другого человека или насильно что-либо отнявшего у него, взыскивалось то, что следует, а затем насильник подвергался наказанию в соответствии с совершенным им проступком. Хосрой распорядился также, чтобы дети знатных, потерявшие своего кормильца, записывались за ним, но дочерей он выдавал замуж за ровню, и приданое приобреталось за счет государственной казны. Юношей он женил на девушках из знатных домов, платил за них (выкуп за невест), обеспечивал их и приказывал им быть при его дворе, чтобы использовать их в своих делах».

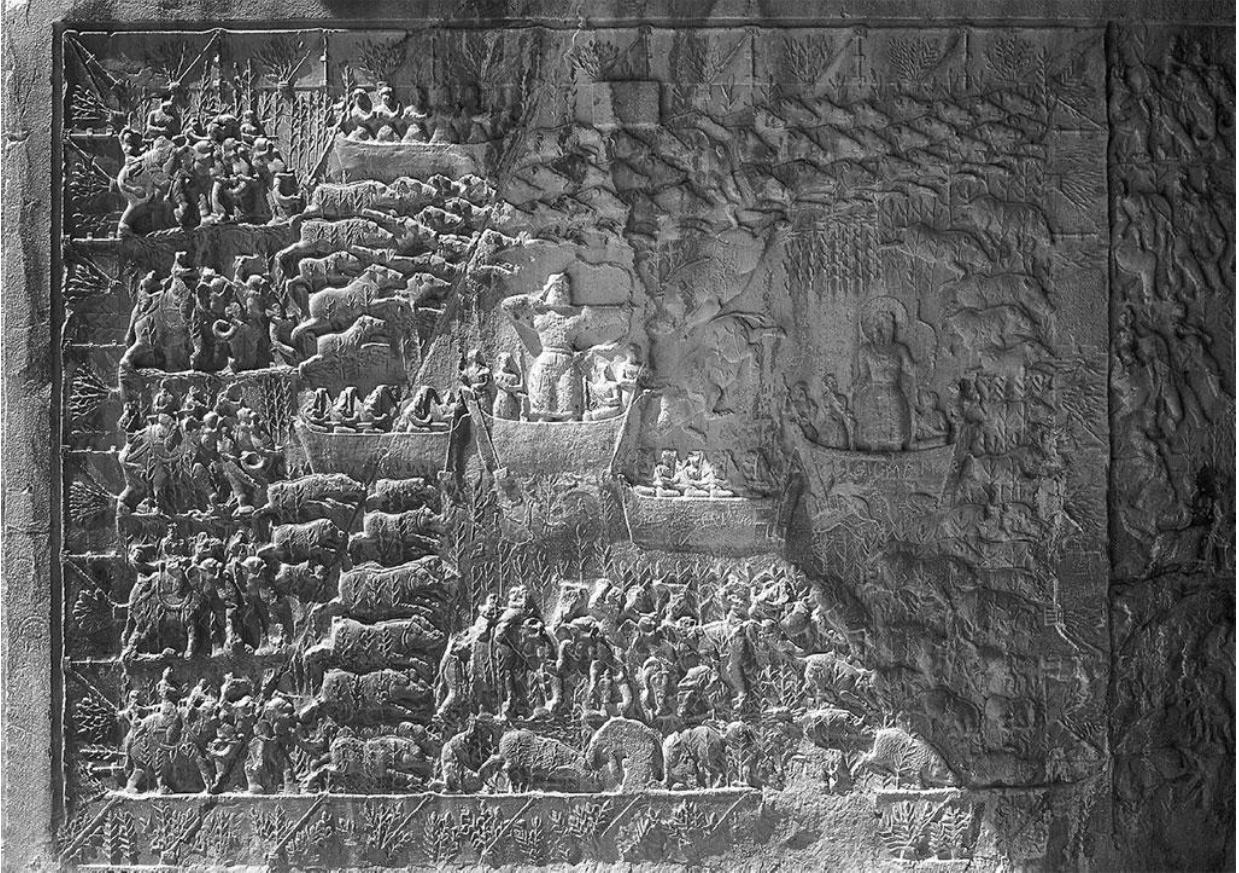
«Далее Хосрой распорядился, чтобы со всякого человека, причинившего ущерб имуществу другого человека или насильно что-либо отнявшего у него, взыскивалось то, что следует, а затем насильник подвергался наказанию в соответствии с совершенным им проступком. Хосрой распорядился также, чтобы дети знатных, потерявшие своего кормильца, записывались за ним...»

Абу Джафар Мухаммад ибн Джарир ат-Табари

Но жестко отказавшись от неудачных начинаний отца, Хосров продолжил его полезные для державы деяния. Так, была полностью реформирована налоговая система. До того налоги взимались с количества выращенного урожая и, как правило, в натуральном виде, то

есть продуктами, что неминуемо тормозило экономику страны. Хосров повелел составить реестр всей обрабатываемой земли с указанием урожайности, возделываемых культур, необходимости орошения и иных важных сведений. Была установлена твердая ставка налога за единицу площади обрабатываемой земли (в том числе виноградников) или за группу плодовых деревьев (а также финиковых пальм или олив). Этот налог выплачивался серебряными деньгами. В случае неурожая или иных бедствий налог не взимался. По свидетельству Фирдоуси, шах говорил: «Богатство мое – правосудие, мне рать – дехкане...» Впоследствии подобную систему налогообложения перенял Арабский халифат.

Особое внимание Хосров уделил реформе армии. До того в ней служили пехотинцы, не отличавшиеся высокой боеспособностью, – а в пехоту попадал всякий, кто не мог купить себе боевого коня, сбрую и снаряжение. Конные отряды формировались из знатных людей, что ставило шаха в зависимость от аристократии. Теперь Хосров стал обеспечивать кавалерию всем необходимым за счет казны и платить воинам жалованье, сформировав 12 полков тяжелой кавалерии. Таким образом он создал новое регулярное и надежное войско. Главнокомандующим был сам правитель.

Изменилась и административная структура государства. Хосров поделил Иран на четыре куста (kwst – сторона). «Во времена Дария II (423–404 гг. до н. э.) в арамейском документе, происходящем из Египта, управляющий обозначается как “защитник седьмой части”, – поясняет Филипп Гюиз в книге «Древняя Персия». – К концу сасанидской эпохи Хосров I (531–579) в рамках своих военных и административных реформ разделил территорию Эраншахра на четыре географические части (среднеперс. raugos), согласно основным направлениям: север (среднеперс. abaxtar), восток (среднеперс. xvarasan), юг (среднеперс. nemroz) и запад (среднеперс. xvarvaran). Эта непродолжительная реформа послужила моделью для военных реформ в Византии при Ираклии (610–641). Введение четырехчастного деления империи Сасанидов, долгое время бывшее известным только на основании арабо-персидских и среднеперсидских источников постсасанидской эпохи, недавно было подтверждено появлением на рынке нескольких административных сасанидских печатей той эпохи».

В каждый куст были назначены гражданские правители и военачальники, стоявшие над ними. На все значимые должности отныне назначали не по родовитости и наследству, а по указанию самого шаха. То же самое произошло и в области судебной власти: она была передана судьям, которых опять же назначал лично Хосров. «Сасанидские судьи подразделялись на две категории – младших судей и старших, каждая с собственной, хорошо определенной компетенцией, – пишет Филипп Гюиз в книге «Древняя Персия». – Они были очень знающи как в гражданском законодательстве, так и в духовном праве. Некоторые случаи разрешались двумя судьями или даже коллегией судей, и можно было обжаловать решение младшего судьи. В случае неправильного поведения или пристрастия судьи сами могли подвергнуться санкциям».

«Этот Хозрой, прозванный Ануширван, в дни своего правления утверждал порядок в стране, ибо он был миролюбив и строителен».

Себеос

При Хосрове появились сборники канонического права – «Судебники». Каждый назначаемый на должность получал от шаха подробную инструкцию. Между 557–570 гг. было составлено «Письмо Тансара» – социально-политический трактат, определявший многие важные правила и порядок действий подданных персидского владыки. К примеру, текст гласил: «Еще то, что ты написал: «Шахиншах требует от народа доходов и работы». Следует знать, что народ в вере составляет четыре члена; и во многих местах в священных книгах без спора, истолкования, возражения и противоречий написано и разъяснено, что это называют четырьмя членами, и главой тех [четырех] членов является государь.

Член первый – люди веры. И этот член сверх того распределяется по подразделениям: судьи, совершающие служение [богу], подвижники, надзиратели [храмов] и наставники.

Член второй – сражающиеся, то есть люди битвы. И они делятся на две категории: конных и пеших, кроме того различающихся по степеням и делам.

Член третий – писцы. И они также делятся на разряды и виды: писцы посланий, писцы счетоводства, писцы судебных постановлений, юридических (нотариальных) записей и контрактов, писцы жизнеописаний; и врачи, поэты и астрологи входят в разряды их [т. е. писцов].

Член четвертый называют [людьми] промысла, и они суть земледельцы, пастухи, торговцы и все [люди] ремесла.

И происхождение людей по этим четырем членам останется неизменным в мире, пока он продолжается. И категорически не должен один с другим перемещаться, за исключением того, если один из нас во врожденных качествах проявит способность. Того представляют шахиншаху. После испытаний мобедами и хирбедами и продолжительных освидетельствований, если признают достойным, повелят присоединить к другому сословию» (Моджтаби Минови, Намэ-и Тансар, Тегеран, 1932; Аббас Экбаль, Ибн-Исфендиар, Тарих-и Табаристан, Тегеран, б. г., т. I).

Каналы и крепости

Строительство при Хосрове действительно велось значительное. Ат-Табари свидетельствовал: «Хосрой велел рыть каналы и водопроводы, велел выдавать ссуды владельцам культурных земель и оказывать им поддержку; равным образом он велел восстановить все разрушенные плотины и сломанные каменные мосты и все разрушенные селения, приведя их в наилучшее состояние, в каком они находились ранее... Он организовал надзор за храмами огня, привел в порядок общественные дороги и построил на дорогах замки и крепости». Было завершено строительство крепости Дербент, Кавказской стены и Горганской стены общей протяженностью 240 км. «...когда воцарился Хосрой, он велел построить в стране Сул ряд городов, крепостей, валов и много других сооружений из камня, добытого в области Горган; все это должно было служить защитой и убежищем для населения его страны в случае нападения на них врага».

«Хосрой велел рыть каналы и водопроводы, велел выдавать ссуды владельцам культурных земель и оказывать им поддержку; равным образом он велел восстановить все разрушенные плотины и сломанные каменные мосты и все разрушенные селения, приведя их в наилучшее состояние, в каком они находились ранее...»

Абу Джафар Мухаммад ибн Джарир ат-Табари

В эпоху Сасанидов в селении Нушабад (ныне город в шахрестане Кашан) был сооружен уникальный подземный город Уи, который при необходимости служил местным жителям убежищем от вражеских набегов. В наши дни его случайно нашел человек, копавший колодец у себя во дворе. Подземный город состоит из множества коридоров и небольших комнат на нескольких уровнях, также к нему примыкает обширная цистерна для хранения воды, есть внутренние каналы. В городе существовала продуманная система вентиляции, подававшая свежий воздух на все уровни. Для освещения использовались керамические масляные лампы.

Высокого уровня достигло и мастерство орошения. Ричард Фрай в книге «Наследие Ирана» писал: «...чтобы спасти драгоценную воду от раскаленного солнца или провести ее без потерь сквозь пористую почву, была изобретена замечательная система подземных каналов. Строительство и поддержание такой оросительной сети было настоящим подвигом инженеров древности». Причем некоторые из этих каналов, способных подавать воду на километры от источника, существуют и сейчас.

В 532 году, в самом начале правления Хосрова I, Персия заключает с Византией «Вечный мир». Но когда византийцы стали нарушать условия этого договора, Хосров провел большую военную кампанию, в результате которой новый мирный договор обязал Византию выплачивать дань Персии и оплатить работы по перестройке и укреплению оборонительных сооружений вдоль Большого Кавказского прохода и крепости Дербент.

Шахиншах Хосров был просвещенным владыкой, он покровительствовал наукам и искусствам. В Персии нашли приют философы и ученые из афинской Академии, когда ее закрыли византийцы. В этот период на персидский язык переводилось множество греческих и индийских ученых трактатов. Известно имя персидского ученого врача Барзуя, которому приписываются многие переводы с санскрита, в том числе знаменитого сборника «Панчатантра», который впоследствии был переведен на арабский и вошел в мировую культуру под названием «Калила и Димна». Хосров

повелел издать медицинскую энциклопедию, причем лично участвовал в диспутах ученых медиков и задавал вопросы, ответы на которые тут же записывались для включения в эту книгу. При нем была создана и настоящая медицинская академия с библиотекой, учебными помещениями и больницей при ней.

Во времена Хосрова в Персии появилось подробное руководство по шахматам и были изобретены нарды.

Владыка из легенд

Хосрову посвящено множество легенд и преданий. В них он предстает образцом мудрого и справедливого владыки. Один из текстов «Сиасет-наме» содержит легенду о том, как Хосров пригрозил отрубить руку собственному сыну за то, что тот хотел отнять верблюдов у молодого арабского купца. Тот араб был будущий халиф Умар, и он по возвращении рассказал об этом Пророку Мухаммаду, который воскликнул: «Неверный, а какая правосудность!»

В этом предании, очевидно, слава поборника справедливости шаха Хосрова I соединилась с именем Хосрова II, который более соответствует эпохе жизни Пророка и халифа Умара.

Начало литературному образу Хосрова как идеального правителя положил Фирдоуси в своей поэме «Шахнаме». В дальнейшем Хосров стал героем многих народных сказаний, повествований, музыкального фольклора. Многие восточные средневековые правители стремились вывести происхождение своих династий от великого Хосрова.

Искусство эпохи Сасанидов

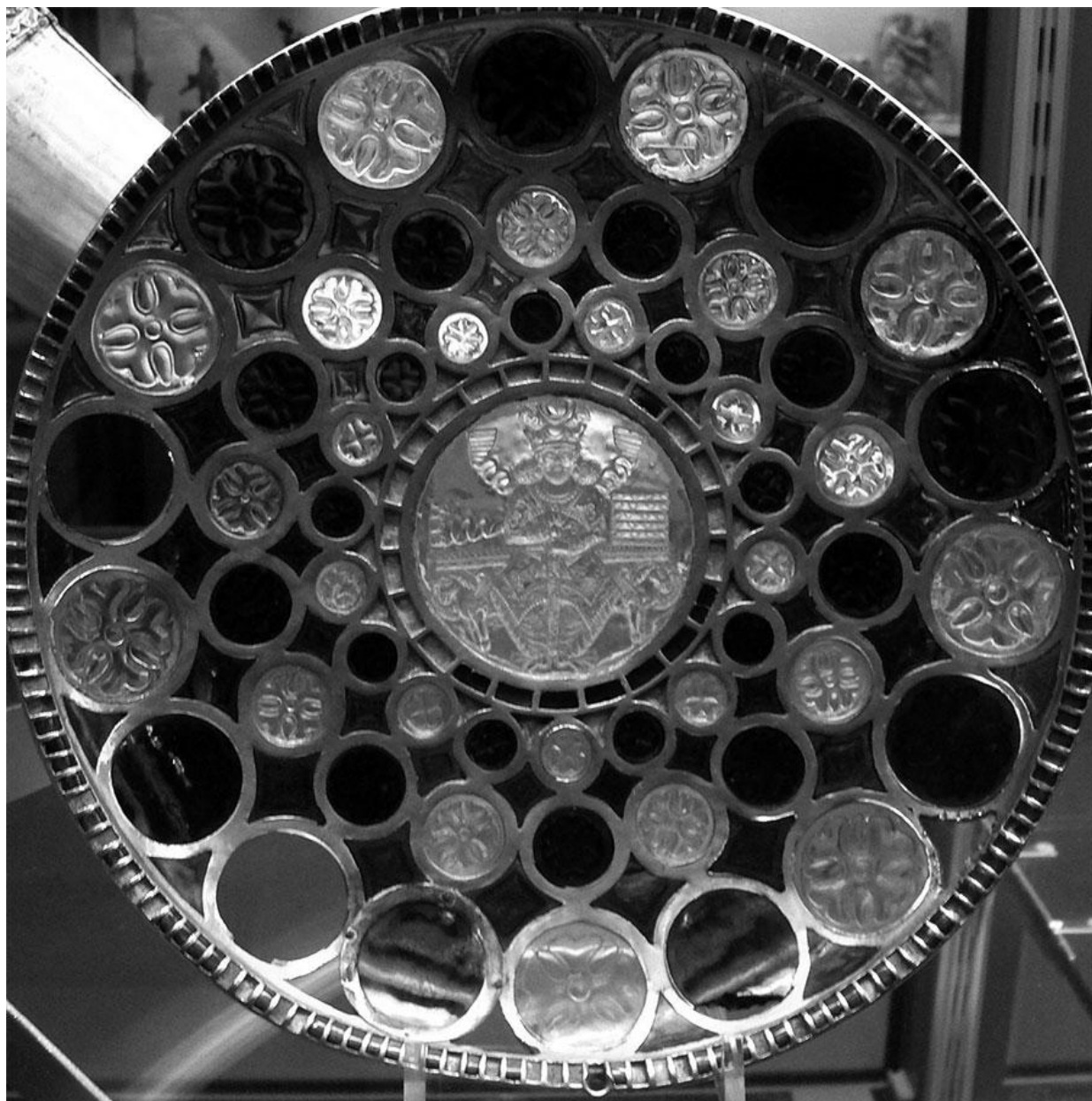
Влияние Персии простиралось тогда далеко за пределы ее границ. Как пишет Филипп Гюиз в книге «Древняя Персия», «сасанидское искусство само оказало очень большое влияние на искусство соседних, как западных, так и восточных народов, именно на византийскую и романскую архитектуру (во Франции и в Испании), текстильное производство коптов и эфиопскую миниатюру, а также на геометрические и изобразительные сюжеты искусства Центральной Азии. К этому добавляется настенная роспись, которая попала в Китай дорогами Шелкового пути. Следы сасанидов были обнаружены даже на юге России, а также в Киренаике и Нубии, а сасанидские монеты были обнаружены даже на острове Занзибар. Что еще более удивительно, парфянская и арабосасанидская посуда была обнаружена даже в Мозамбике и в других регионах африканского побережья».

«Великолепное сасанидское блюдо, нынче хранящееся в Парижской Национальной библиотеке, выполнено в хрустальных кружочков и цветного стекла, вставленных в золотую оправу. Предполагают, что оно относится к периоду правления Хосрова I (531–579). Хрустальное основание блюда украшено рельефной резьбой с изображением коронованного правителя, сидящего на троне, который поддерживают крылатые кони. Из этих истоков мусульманское искусство впитало любовь к горному хрусталу и пронесло ее через века», – отмечает Барбара Бренд в книге «Искусство ислама».

В эпоху Сасанидов обрели популярность серебряные изделия: бутылки, кувшины, вазы – с изображением женских фигур, танцующих или несущих дары. Тогда же распространился узор в виде медальонов, заключавших в себе изображения реальных и мифических животных или декоративные розетки, образующие круг.

В то же время блестяще расцвело текстильное искусство – на коврах и тканях появились уже знакомые орнаменты, а также павлинопсы, симурги, грифоны, крылатые скакуны. Хорошо известен также сохраняющий широкую популярность орнамент «индийский огурец» (бута), который некоторые исследователи считают стилизованным изображением пшеничного колоса. Есть также версии, что это стилизованное пламя (что собственно и значит на санскрите

слово «бута» – «огонь»), цветок хлопка, миндальное зернышко. Он считается символом плодородия и развития.

Костюмы знатных людей тоже были порой сложными, красочными и дорогими. «В первых веках сасанидской эпохи мужчины часто изображались в чем-то вроде легкого плаща, завязывающегося спереди лентой или застегивающегося пряжкой, – пишет Филипп Гюиз в книге «Древняя Персия». – К середине сасанидской эпохи грудь царских охотников была защищена чем-то вроде кожаного доспеха,

закрепленного диагональными полосками, которые соединялись под розеткой. К концу сасанидской эпохи цари все сильнее тяготели к тяжелым кафтанам, богато украшенным по краям. В текстах упоминается множество разновидностей качественных тканей для любого времени года (шерсть, шелк, мех и т. д.)».

Цветовые решения этого периода выдержаны в мягких полутонах: пользовались популярностью голубой и аквамариновый оттенки, бледно-розовый, мягкий терракотовый красный, размытые оттенки синего, зеленоватые, охристые. Обычный вариант – небесно-голубой фон, а на нем зеленые листья и белые цветы.

С персидскими коврами и их орнаментами связана легенда о принце, который умел ткать ковры. Будучи захвачен разбойниками, сумел убедить их, что продавать сделанные им ковры выгоднее, нежели убить пленника. Однако в узорах ковров он зашифровал свою историю и призыв о помощи, поэтому вскоре был спасен.

Действительно, орнамент на персидских коврах никогда не бывает случайно расположен – он определяется как давними традициями, так и замыслом мастера, вкладывающего в произведение определенный смысл. В центре ковра находится медальон, обычно похожий на большой раскрывшийся цветок, остальные детали располагаются вокруг него в строгом порядке. Медальон обычно понимают как знак всевидящего ока Всевышнего и напоминание о присутствии Божества в этом мире.

Узор из стилизованных роз символизирует человеческую жизнь, а охотничьи сцены считаются символами вечного райского блаженства. Древним и неизменно популярным был орнамент в виде золотисто-бежевых чешуек – махи. Существует старинное персидское поверье, что в лунные ночи рыбы в озерах поднимаются к поверхности, чтобы полюбоваться светом луны, и вся вода покрывается узором из их чешуйчатых спин.

Хосров II Парвиз

Еще один известнейший правитель из династии Сасанидов – Хосров II Парвиз, внук Хосрова I Ануширвана. Отец Хосрова II – Ормизд не пользовался особой поддержкой аристократии. А военачальник Бахрам Чубин, которого шах обвинил в присвоении большей части военной добычи в одном из походов, поднял мятеж. При этом он постарался скомпрометировать и наследника престола, ради этого, как писал Абу Ханифа ад-Динавари в «Книге длинных известий», «принялся чеканить дирхемы с изображением Кисры Абарвиза, сына царя, его портретом и именем. Выбил он для него (Кисры) десять тысяч дирхемов и распорядился дирхемами: тайно они были перевезены, достигли Мадаина и распространились среди населения. Стало об этом известно царю Хормузу, и он не усомнился в том, что это его сын Кисра покушается на царствование и что именно он приказал выбить эти дирхемы. И то, что пожелал Бахрам, то он и сделал: царь задумал убить своего сына Кисру. Ночью Кисра бежал в сторону Азербайджана, пока не прибыл туда и стал там жить». Против Ормизда выступили братья его жены, они низложили правителя и возвели на трон своего племянника Хосрова.

Молодому шаху пришлось нелегко: многие подозревали его в причастности к свержению отца, оба дяди желали влиять на дела в государстве, и вдобавок продолжался мятеж Бахрама. Хосров поначалу пытался примириться с могущественным бунтовщиком, предлагая ему высокую должность и обещая неприкосновенность. Но Бахрам Чубин не только ответил отказом от таких милостей, но и потребовал передать ему персидскую корону: «...Письма, свидетельствующие об убожестве и ничтожности твоего ума, я получил, но твоих дерзновенных предложений я не принял; тебе не следует применять по отношению к нам ни царских писем, ни царских даров, особенно когда твое избрание вызвало такие беспорядки в персидском государстве и когда благородные и достойные уважения лица не были участниками голосования...»

На это послание шах счел возможным ответить, хотя и не без иронии: «Мы получили твое письмо с напоминанием о многопрославленной твоей храбрости и, узнав, что ты находишься в

добром здоровье, обрадовались. Но были в это письмо вставлены некоторые выражения, которые исходили не от твоего сердца, но, конечно, тот, кто писал это письмо, сильно упившись вином и охваченный неумеренным сном, вписал сюда свои пустые и неестественные сновидения. Но так как деревья в эти дни потеряли свою листву и потому сновидения не имеют силы, то мы не были приведены в смущение. Ведь мы и царский престол получили с почетом и не нарушили законов персидских...»

Возле реки Большой Заб разыгралось решающее сражение между войсками Чубина и Хосрова. Победа была на стороне мятежника, хотя, по словам Фирдоуси, сам молодой шах отважно сражался, пока не был вынужден отступить в числе последних уцелевших воинов. С немногочисленными сторонниками он отправился в Эдессу, откуда обратился за помощью к византийскому императору Маврикию. Не всем византийским царедворцам понравилась идея помочь персидскому правителю в изгнании, однако император думал иначе. Он дал Хосрову войско под командованием полководца Нарсе и выделил 40 кентинариев золота, а это без малого полторы тонны драгоценного металла. В свою очередь персидский шах уступал византийцам обширные земли в Армении (к северу и западу от озера Ван), Иберии и Месопотамии. Чтобы закрепить этот союз, как свидетельствуют Ат-Табари и Фирдоуси, был заключен брак между Хосровом и дочерью императора Марией.

Вскоре в битве при Ганзаке воинство Бахрама Чубина было сокрушено, сам он бежал в Тюркский каганат, где его вскоре настиг кинжал подосланного убийцы. Несметные сокровища мятежника достались Хосрову. Он послал императору Маврикию богатые дары, раз в пять превосходившие по стоимости те 40 кентинариев, вернул Византии некоторые города, завоеванные его предшественниками, отменил византийскую дань. Между Персией и Византией наконец-то был заключен прочный мир, который даже породил в Армении поговорку о беззаботности «словно во дни Маврикия».

Однако мирное соседство оборвалось из-за трагических событий. В 602 году император Маврикий с сыновьями был убит в результате заговора Фоки. В столицу Персии – Ктесифон – прибыло посольство, чтобы сообщить о новом императоре, причем возглавлял его Лилий, который ранее был во главе тех, кто убил Маврикия. А незадолго до

этого к Хосрову явился молодой человек, назвавшийся старшим сыном убитого императора – Феодосием. Хосров повелел объявить траур по Маврикию, признал императором Византии упомянутого юношу, а посла Фоки посадил в темницу. И двинул войска против Византии, объявив, что это – отмщение за убийство благодетеля и друга шаха.

В следующие годы персидская армия громила византийцев на всех направлениях, тем более что Фока, опасаясь заговоров, казнил или вынудил бежать многих полководцев. К 607 году персы властвовали в Сирии и Армении, заняли Феодосиополь и Дару. В 610 году Фока был свергнут и казнен. Императором стал Ираклий, сын африканского экзарха. Он пытался примириться с Хосровом, но получил ответ, что персы считают законным правителем Византии Феодосия, сына Маврикия, а Ираклия – самозванцем. По словам Феофана Исповедника, «Ираклий, вступивши на престол, нашел совершенный упадок в римском управлении. Европу опустошали варвары, Азию всю заняли персы, города пленили и римское войско на сражениях истребили. Смотри на это, он был в недоумении, что ему делать».

Взятие Иерусалима

Весной 614 года войска Хосрова после двадцатидневной осады пробили стену Иерусалима и взяли город, захватив огромные трофеи и множество пленных. Хосров тогда написал Ираклию: «Любимый богами господин и царь всей земли, рождение великого Ормузда, Хозрой – Ираклу, бессмысленному и негодному рабу нашему. Не желая отправлять службу рабскую, ты называешь себя господином и царем; ты расточаешь сокровища мои, находящиеся у тебя, и подкупаешь рабов моих. Собрав разбойничьи войска, ты не даешь мне покоя. Разве я не истребил греков?.. Неужели ты и теперь не знаешь, что я подчинил себе море и сушу; разве я теперь не могу подкопать Константинополя; но я отпускаю тебе все твои преступления. Возьми жену свою и детей и приди сюда; я дам тебе поля, сады и оливковые деревья, которыми ты можешь жить, и мы с любовью будем смотреть на тебя... Если ты сойдешь в бездны моря, я протяну руку и схвачу тебя, и тогда увидишь меня, каким бы ты не желал видеть».

«Но ничто не могло сдержать атаки персов: Антиохия пала, в 614 г. был разграблен Иерусалим. В 619 г. персы заняли Александрию и не выпустили зерновой флот в Константинополь».

Дж. Херрин

После этого персидская армия вышла на берег Босфора напротив Константинополя, и штурму византийской столицы помешал лишь недостаток кораблей. «Константинополь выдержал многочисленные нападения, самым крупным из которых может считаться совместная атака аваров, славян и персов в 626 г., а также несколько продолжительных осад, – подчеркивает Дж. Херрин в книге «Византия. Удивительная жизнь средневековой империи». – Нападение 626 г. было коротким, но очень серьезным, потому что императора Ираклия (610–641) не было в городе. Он вел длительную кампанию против персов на востоке, оставив Константинополь на патриарха Сергия и генерала Бонуса. Авары и славяне блокировали столицу с суши и отрезали

снабжение ее водой, уничтожив акведук, а персидские силы прибыли на азиатское побережье Босфора. Бонус велел военно-морским силам не дать славянам переправить персов через Босфор...»

В 616 году падгоспан запада Шахин захватил на восточном берегу Босфора город Халкидон. В дальнейшем войска под командованием полководца Шахрвараза заняли Египет, при этом внезапный шторм прибил обратно к берегу все корабли, на которых византийцы пытались вывезти ценности из Александрии. «Но ничто не могло сдержать атаки персов: Антиохия пала, в 614 г. был разграблен Иерусалим, – пишет Дж. Херрин. – В 619 г. персы заняли Александрию и не выпустили зерновой флот в Константинополь. Ираклий с помощью патриарха Сергия (610–638), который короновал его императором, сосредоточил все свое внимание на поражении Персии. Десять лет он совершенствовал вооруженные силы Византии и планировал новые стратегии, которые были использованы в длительной кампании 622–628 гг., когда император проводил годы вдали от столицы, заключая союзы с кавказскими племенами и планируя вторжения вглубь персидской территории. Но в его отсутствие персы сумели

договориться с аварскими племенами, которые теперь имели влияние на своих славянских союзников, и вышли на побережье Босфора. Осада 626 г. была решающим моментом в истории империи».

Именно тогда Хосров II получил в народе прозвище «Парвиз» («Победоносный»). Михаил Сириец писал, что «персы захватили ромейские области Месопотамии, Сирии, Киликии, Палестины, Египта и всего побережья, ограбили и полонили бесчисленное количество народа. Они перевезли в персидскую землю рабов, всякого рода имущество, даже колонны из мрамора и великое множество плит». Но при этом хронист отмечал, что персидские воины «совершенно никому не вредили, кроме ромеев, которых повсюду, где находили, убивали», а местных жителей не трогали.

«Персы захватили ромейские области Месопотамии, Сирии, Киликии, Палестины, Египта и всего побережья...»

Михаил Сириец

Однако почти отчаявшийся император Ираклий все же сумел собрать силы для обороны и даже ответного наступления. Он занял крупные суммы у богатых жителей Константинополя, а также велел переплавить в монеты драгоценную посуду и даже светильники из собора Святой Софии. Договорился о перемирии с аварами, чтобы не воевать на два фронта, и о союзничестве – с хазарами. Император приказал доставить ему все книги и карты, содержавшие сколь-нибудь полезные сведения о Персии, и несколько месяцев, удалившись из столицы, в уединении изучал всю эту информацию и разрабатывал план предстоящей военной кампании.

Последний шанс Ираклия

В апреле 622 года Ираклий переправился с войском в Малую Азию, где возле города Никомедия начались учения. Византийский хронист Феофан писал об этом: «В провинциях набрал войско и к нему присоединил новобранцев. Начал упражнять их и приучать к военным действиям; разделивши войско на две стороны, приказал им делать ряды и бескровные нападения друг на друга, приучал их к военному крику, шуму и возбуждению, чтобы на войне они не пугались, но смело, как бы на игрище, шли против неприятеля. Сам царь... шел на сражение, давши клятву воинам вместе с ними сражаться насмерть и разделять с ними все опасности, как с собственными детьми. Он желал управлять ими не страхом, но любовью. Но нашедши в воинах беспечность, робость, беспорядок, неустройство, как в собранных из разных земель, он привел в одно стройное тело; и все согласно и единодушно воспевали силу и мужество царя... Потом, вооруживши войско для военных упражнений, поставил в две колонны, и явились трубы, фаланги из щитов и в латах воины, ряды мужественно стояли, и царь велел им сделать вид сражения: пошли сильные снемы и взаимные столкновения, будто на действительной войне, представилось страшное зрелище без убийства и опасности, взаимные угрозы убийственные без кровопролития и обороты без необходимости, чтобы всякому занять безопасное место с доказательствами своего мужества, среди безбедного побоища».

Кстати, Ираклий при подготовке новой армии многое перенял у персов. Недаром В. А. Дмитриев в книге «Всадники в сверкающей броне. Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн» пишет: «особая система комплектования войска: его главной ударной силой, костяком являлась формирувавшаяся из многочисленного слоя средней и мелкой аристократии тяжелая конница... Стратегия персов... была основана на действиях кавалерийских частей, в то время как пехота выполняла второстепенные функции... Именно под воздействием сасанидского военного дела в римской армии произошли серьезные структурные изменения, повлекшие за собой глубокие перемены и в других областях общественной жизни... Чисто военное заимствование («появление в поздней империи отрядов тяжеловооруженных всадников... по персидскому образцу»)... привело к важным системным изменениям... возникло особое военное сословие, представители которого несли службу в рядах тяжелой конницы. В западной части римского мира этот социальный слой в перспективе стал моделью для формирования рыцарства, явившегося ядром всей феодальной системы западноевропейского средневекового общества».

На подготовку армии потребовался год, а в апреле 623 года византийцы через Армению двинулись против Ирана с севера. Была разорена провинция Атурпатакана. К тому моменту, как подступили персидские войска (Шахин с армией от Халкидона, Шахраваз из Сирии), византийцы отошли на заранее приготовленные позиции в междуречье Куры и Аракса. Но поход Ираклия, хоть и был тщательно подготовлен, поначалу не принес победы. Более того, персы снова вышли к Босфору, а потом договорились с аварами, и те осадили летом 626 года Константинополь. Но взять византийскую столицу штурмом не удалось.

Ираклий с союзниками-хазарами тем временем осадил Тбилиси, но персидский гарнизон крепости осаду выдержал. Осенью 627 года Ираклий двинулся в Месопотамию. Ему противостоял полководец Рахзад, который писал шаху, что сил у него недостаточно. Сражение

состоялось возле Ниневии. Ираклий сам повел войска в бой, и византийцы, на стороне которых было численное преимущество, одержали победу. Они заняли летнюю резиденцию шахиншахов в Дастегерде. А в начале 628 года император двинулся на Ктесифон. Оборонять столицу с оружием в руках готовы были даже женщины, но на подступах к городу византийцев все же удалось остановить.

Эта война имела трагические последствия для самого Хосрова II. Среди его придворных возник заговор, который возглавлял старший сын шаха Кавад Шируйе. Он с отрядом воинов, сопровождаемый толпами горожан, застиг отца во дворце Вех-Ардашир, причем вся свита шаха разбежалась заранее, и защитить его было некому. Одна из легенд гласит, что оставшийся в одиночестве владыка долго сидел в саду, пока люди его сына рыскали по дворцу, но ощутил голод и попросил садовника купить ему на базаре еду. Денег при себе у шаха не было, он отрезал в уплату кусок пояса, вышитого драгоценными камнями. Это вызвало подозрение у торговца, и перепуганный садовник, не знавший правителя в лицо, рассказал, что камни дал ему неизвестный человек, который сидит у цветника...

Хосрова схватили и отправили в заточение, а вскоре после этого убили.

Полтора миллиарда драхм

Имя Хосрова II Парвиза, который в начале своего правления был вынужден просить помощи у византийского императора, а потом стал обладателем обширной державы и неисчислимых сокровищ – количество серебра в его казне измерялось тысячами тонн – стало символом богатства и роскоши. О долгом правлении этого владыки свидетельствует необычайное обилие и разнообразие сохранившихся монет Хосрова II. Когда в 603 году была произведена перечековка монеты, то в казне после всех выплат оказалось 3296 тонн серебряной монеты в 200 тыс. кошелей. Через семнадцать лет, на 30-м году его правления, казна содержала сумму вдвое больше – 400 тыс. кошелей, то есть более чем полтора миллиарда драхм.

Талиби в «Истории персидских царей» так описывает трон Хосрова II: «Это был трон, сделанный из слоновой кости и из тикового дерева, доски и перила которого были сделаны из серебра и золота. Длина его была в сто восемьдесят локтей. На ступенях были вставки из черного и эбенового дерева, обрамленные золотом. Над тронном размещался балдахин, сделанный из золота и ляпис-лазури, где были изображены небо и звезды, знаки зодиака и семь видов погоды, а также цари в различные моменты жизни – на пиру, в сражении или на охоте. Имелся также механизм, который указывал время дня. Трон сам был полностью покрыт четырьмя покрывалами из парчи, расшитой золотом и украшенной жемчугом и рубинами, и каждое из этих покрывал предназначалось для определенного времени года».

Архитектура тоже достигла немалого совершенства. И. Лосева и М. Дьяконов в книге «Искусство Древнего Ирана» указывают: «Крупнейшим памятником сасанидского зодчества является царский дворец в Ктесифоне... Сохранились тронный зал и примыкавшие к нему второстепенные помещения. Последние, однако, не были видны с лицевой стороны. Их закрывала высокая фасадная стена, прорезанная посередине гигантской аркой пролетом в 20 м. Пространство огромного тронного зала было открыто наружу; архитектор создал большое, свободное внутреннее пространство. Пользуясь новыми строительными возможностями, он достиг цели при помощи свода, без опор и колонн. Новым в архитектуре является также сопоставление на фасаде

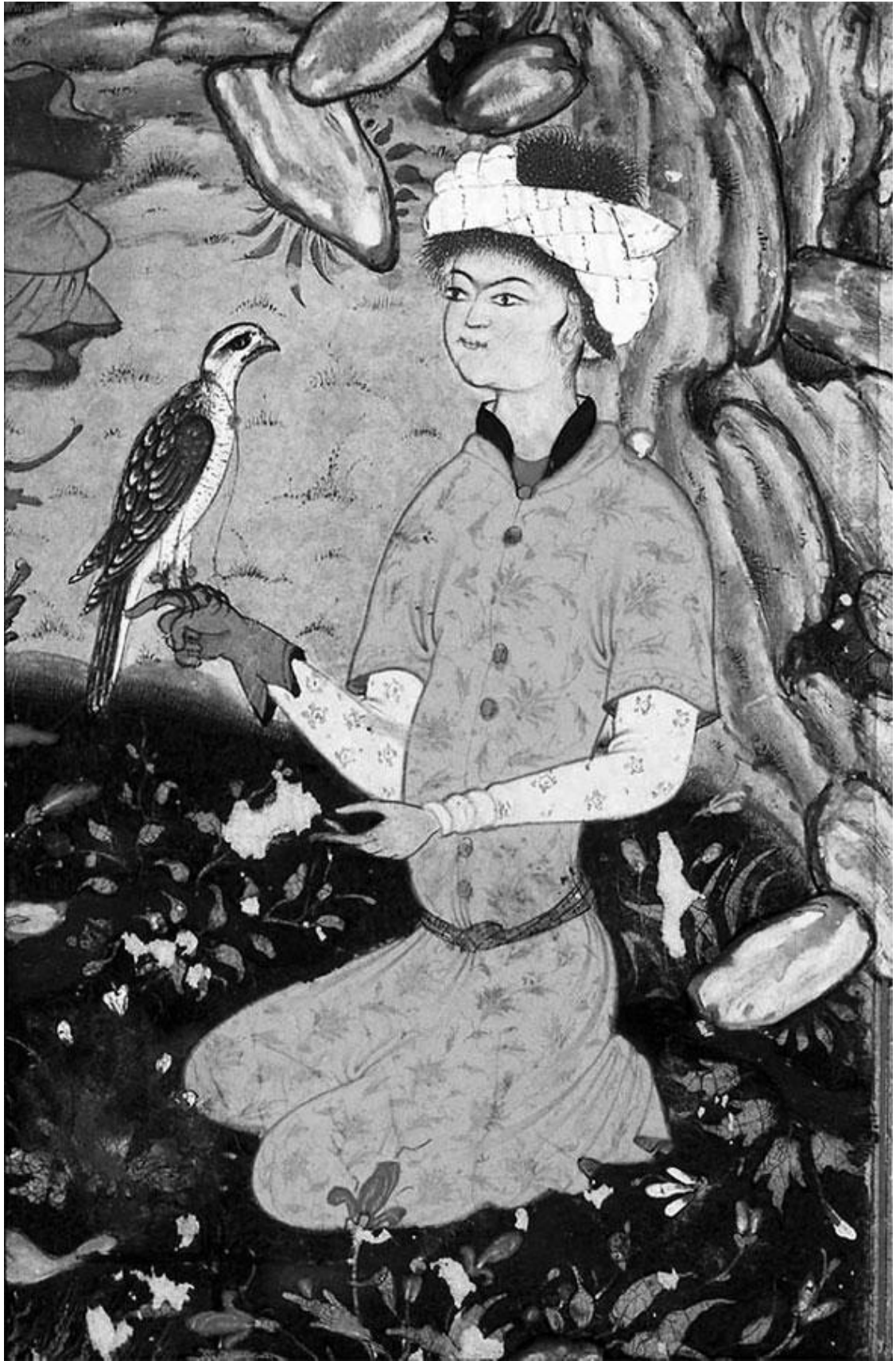
огромной арки зала и небольших ложных арок... Архитектурная масса здания благодаря контрасту размеров арок кажется особенно грандиозной и монументальной».

Кроме того, как отмечают те же авторы, согласно преданиям «стены зала имели серебряную облицовку, а пол будто бы был покрыт драгоценным ковром такой величины, что, когда арабы-завоеватели, разграбившие Ктесифон в 637 году, разрезали его на части, каждому арабу-воину досталось по куску. В глубине зала, затененный тяжелыми занавесами, помещался высокий трон, над которым висела на золотых цепях многопудовая корона царя царей».

Дж. Херрин в книге «Византия. Удивительная жизнь средневековой империи» указывает на сильное влияние, оказанное великолепием персидского царского двора на Византию: «Имперская идеология снабжала все аспекты жизни византийского двора римскими символами власти и новыми ловушками, перенятыми у Персии. Диоклетиан был первым императором, надевшим диадему, расшитые золотом одежды и регалии, импортированные с Востока, и он ожидал,

что люди будут падать ниц перед ним. Правители IV в. усложнили эти обычаи из Персии, где «царь царей» – шахиншах – сидел на троне под золотыми деревьями с золотыми птицами, которые могли петь, а рядом лежали рычащие львы. Феодосий II соорудил площадку для поло, так что византийские императоры могли заниматься царским спортом – еще один импортный товар из Персии».

Искусные мастера изготавливали для шаха и вельмож множество драгоценных чаш, ваз, блюд и прочей утвари из золота и серебра. «Известен рассказ о мазандеранском вельможе, который оказался в трудном положении, пригласив на пир около тысячи гостей, когда золотой посуды у него было только на пятьсот человек». В те времена было доведено до совершенства искусство изготовления малой скульптурной формы, мелкой пластики из золота и серебра, такими рельефными картинками украшали вазы и кувшины. В российском Эрмитаже хранится обширная коллекция шедевров сасанидских мастеров. Многие из этих сосудов были найдены в кладах на Урале, в Пермском крае. Это породило интересные версии не только об обширных торговых связях здешних жителей с Персией, но и о существовании на пермской земле почитаемого зороастрийского святилища (куда и приносились в дар драгоценные вазы и чаши), возможно, связанного с местом рождения самого Заратустры.

«Сокол – лучший друг правителя. Этой хищной птице присущи то же достоинство и чистота, что и царской особе».

Омар Хайам

Очень часто на вазах и чашах изображались сцены соколиной охоты. Фирдоуси писал, что шах Бахрам Гур из династии Сасанидов, знаменитый своим охотничьим искусством, был первым, кто смог приручить для охоты сокола. Впоследствии ученый и поэт Омар Хайам подчеркивал особую роль хищных птиц при дворе: «Сокол – лучший друг правителя. Этой хищной птице присущи то же достоинство и чистота, что и царской особе».

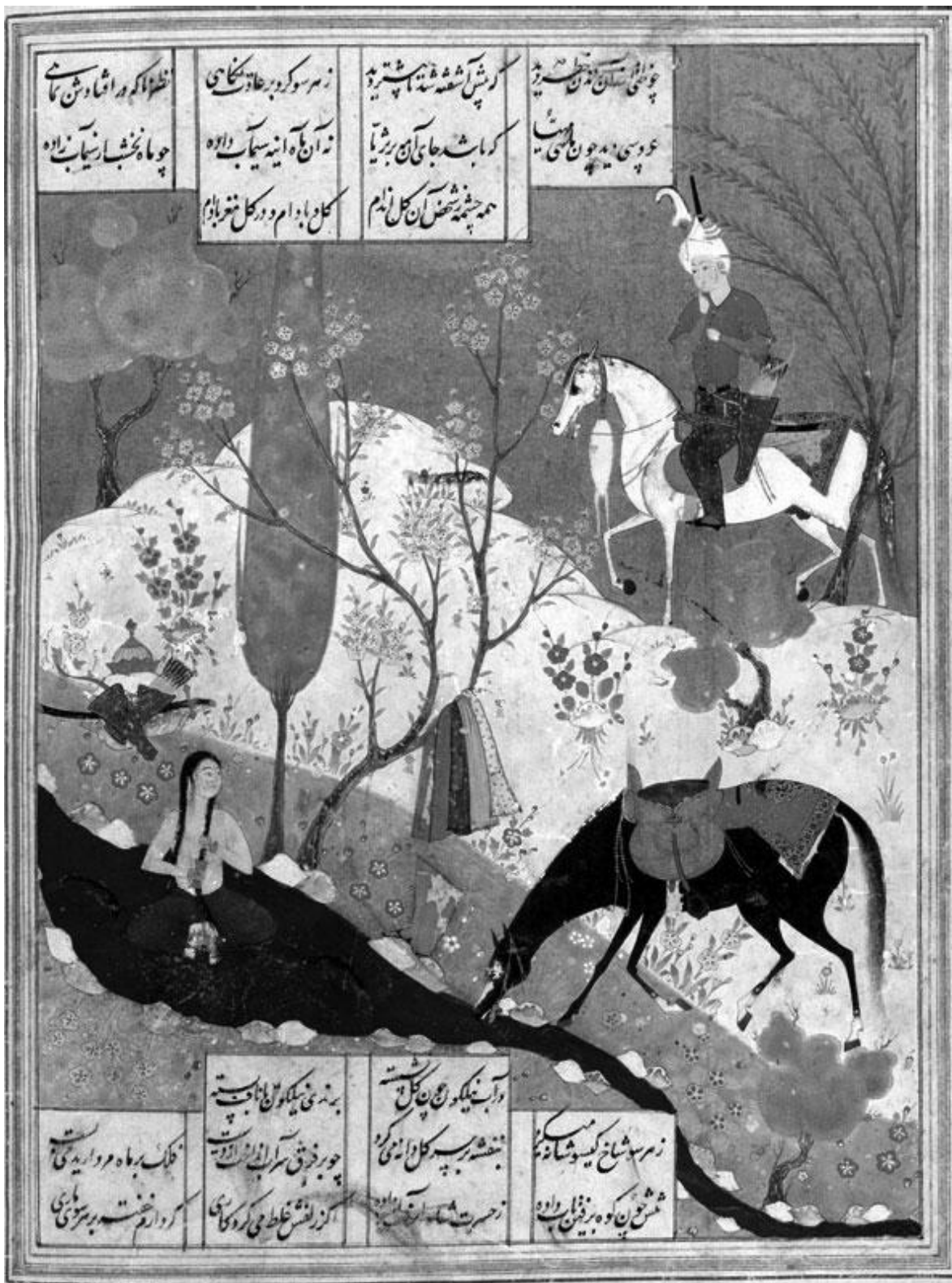
И хорошо известная притча о споре между соколом и вороном – почему, мол, ты, ворон, живешь триста, а я тридцать лет? – в которой благородная птица отказывается питаться падалью, тоже имеет персидское происхождение. До наших дней дошли старинные трактаты о соколиной охоте «шекар-наме» с подробными разъяснениями о приручении и содержании ловчих соколов. Шах на соколиной охоте – один из самых популярных сюжетов знаменитых персидских миниатюр.

Хосров и Ширин

С Хосровом II связана и одна из самых трогательных историй любви, не раз вдохновлявшая впоследствии великих поэтов. Фирдоуси в знаменитой поэме «Шахнаме» писал о том, как юный царевич Хосров полюбил красавицу Ширин, несмотря на то, что она была простого происхождения. Когда он вззошел на престол, то забыл о своей любви, но однажды, направляясь на охоту, проехал мимо ее дома и увидел Ширин, стоящую на плоской крыше. Все чувства ожили вновь, и шах решил жениться на возлюбленной. Вельможи были против: «С чистейшим отцом недостойная мать / Жизнь сыну не могут достойную дать...» Однако шах сумел убедить их, прибегнув к образному изложению – предъявив сначала драгоценную чашу, полную крови, а потом ту же чашу с лучшим вином.

*... Какой
Пред нами – все тот же сосуд иль иной?...
Получив ответ,
Царь молвил: «Ширин, что средь града жила
И чаше с отравой подобна была, —
Как чаша с вином у меня в терему
И благоуханью под стать моему...*

По некоторым сведениям старшего сына Хосрова подтолкнуло к заговору то, что шах собирался передать престол не ему, а сыну от Ширин.

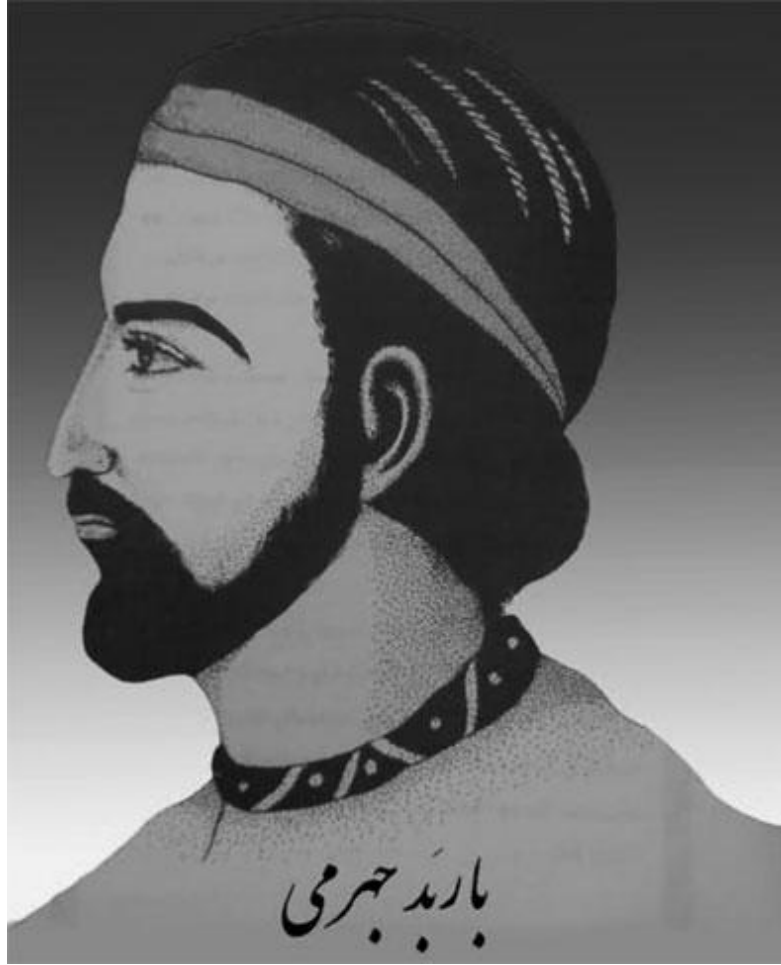
Прославленный классик персидской поэзии Низами Гянджеви в поэме «Хосров и Ширин» описывает, как царевич Хосров видит

купающуюся Ширин (Низами именует ее армянской принцессой) и сразу влюбляется в нее. Она отвечает взаимностью, но потом Хосров вынужден жениться на Марии, дочери византийского императора. Однако тоска по любимой заставляет его отвергнуть все земные выгоды и все-таки вернуться к Ширин. Но сын Хосрова и византийки свергает отца, а затем убивает его спящего. Хосров умирает молча, чтобы не потревожить Ширин. А она, очнувшись от сна, видит рядом окровавленное тело любимого мужа. Совершив погребальные обряды, Ширин закалывает себя кинжалом на могиле Хосрова.

Существует также рассказ о том, что Ширин была и в то время настолько прекрасна, что Шируйе пожелал сделать ее своей женой. Но она, попросив небольшую отсрочку, скрылась в гробнице Хосрова и выпила принесенную с собой отраву.

Первый поэт Персии

Во времена Хосрова II Парвиза жил легендарный поэт Барбад, которого принято считать основоположником песенной и поэтической традиции Ирана. Точных биографических сведений о нем нет: известный арабский философ и поэт Джахиз считал его уроженцем Мерва (город на юго-востоке нынешнего Туркменистана), а персидский поэт и философ Шамс ад-дин Рази называл родным городом певца Джахров в провинции Фарс. Легенда, рассказанная Фирдоуси, гласит, что Барбад, желая попасть ко двору, но не имея возможности выступить перед шахом – завистники препятствовали, – однажды, когда шах пировал с гостями, влез на дерево в дворцовом саду и спел под собственный аккомпанемент несколько песен. Хосров был восхищен и взял его на должность главного придворного поэта. Одна из известных песен Барбада называется «Машкдане», то есть «Крупница мускуса». Она посвящена любимой жене Хосрова – Ширин. В поэме Низами «Хосров и Ширин» перечисляется тридцать песен Барбада, приуроченных к тридцати дням зороастрийского месяца. Песни Барбада известны под общим названием «Хосровани», их классифицируют по рифме, стихотворному размеру, содержанию и событию, в честь которого они написаны. В песнях говорится о дворцовой этикете, пиршествах и церемониях, восхваляются достоинства шаха, его доблесть и мужество в бою и на охоте, мудрость в государственных делах. Легенды гласят, что и после гибели Хосрова певец остался верен своему государю, продолжая до собственной смерти исполнять посвященные ему песни.

Царица Буран

После гибели Хосрова II на престол взошел его сын Кавад II по прозвищу Шируйе, но правил он недолго, меньше года. Мир с вторгшимися в пределы Ирана византийцами был при нем заключен, но условия полностью диктовал император Ираклий. После смерти Кавада II шахом был провозглашен его малолетний сын Арташир. И тут взбунтовался один из видных военачальников – Шахрвараз, который не только сверг юного правителя, но и захватил персидский трон. Впрочем, и он долго на нем не продержался. Однако потом, как писал Фирдоуси в «Шахнаме»:

*...Венчаться на царство никто не хотел.
Искали меж витязей множество дней —
Нигде не сыскали потомка царей.*

В отличие от поэтических строк потомки Сасана все же имелись. И впервые за всю историю Сасанидов женщина, благодаря которой пал узурпатор Шахрвараз, взошла на трон. Ее имя – Борандохт, или Буран, дочь Хосрова II. Восточные летописцы Средневековья писали, что матерью Борандохт являлась византийская принцесса Мария. В этом случае она была бы внучкой императора Маврикия, и это родство могло активно способствовать ее избранию на царство. В то время практически у самых рубежей западной части Ирана, на территории Сирии, базировались легионы влиятельной Византии.

Иранские власти всячески показывали Византии свою лояльность. Существует версия, что Шахрвараз не только своими силами поднял мятеж. Это могло случиться с негласного одобрения и заинтересованности Ираклия. Даже свержение узурпатора можно было использовать как повод для войны с Византией. И мощная, считающаяся непобедимой империя, несомненно, не проиграла бы.

Передать трон тому, кто является наследником двух законных правителей, было отличным политическим решением. И кроме того, такое решение вызывало самое теплое одобрение Византии. Придя к власти, Буран, не теряя времени, первым делом позаботилась о

пресечении конфликтов с ромеями. Для этого она послала в Византию посольство, возглавляемое несторианским католикосом Ишоябом II. Ираклий, который находился в Алеппо, благосклонно принял ее послов.

Впоследствии этот дружественный прием во дворце Ираклия для многих недовольных стал удобным предлогом для обвинения Ишояба в измене несторианству. Но царствующая Буран надежно покровительствовала ему и защищала его от обвинений и подозрений единоверцев.

Фирдоуси упоминал Буран как образованного человека: «книг царских немало читала она». О ней с редким единодушием положительно отзывались мусульманские и христианские историки. Кроме того, именно при этой деятельной царице произошло немало важных для страны и полезных перемен. Например, восстановление разрушенных ирригационных систем, освобождение жителей от уплаты недоимки в казну. Потому в народной памяти Буран осталась как «самая благочестивая и справедливая царица». Фирдоуси писал о ней: «Заботливо, мудро царила жена, \ Державу от гроз ограждала она».

Точная причина смерти Буран остается загадкой. По одной из версий ее задушил военачальник-заговорщик Пероз (по свидетельству автора сирийской «Хроники Сеерта»). Согласно другой версии, царица Персии угасла через неделю болезни. Это произошло в октябре 631 года. Точных дат ее правления тоже пока не существует. Предположительно, оно было недолгим и продолжалось от 1 года и 4 месяцев до двух лет. В сообщении аль-Балазури упоминается, что Буран являлась регентшей, пока Йездигерд III не достиг совершеннолетия. Надпись на сохранившейся с тех времен драхме, золотой монете ее правления, гласит: «Буран, восстановительница рода Богов». Все правители династии Сасанидов увековечивали себя на монетах, как «Происходящие от Богов». Буран пришла к власти в июне 630 года и царствовала до октября 631 года, если судить по выпущенным при ней монетам. Драхмы с ее именем имеют отметки 12 монетных дворов: два в Вавилонии, по одному в Хузистане, Парсе, Кермане, Рейе, Варджане, Абаршахре, Амоле, Гургане, Герате и Сакастане.

Следующая правительница Азармедохт приходилась ей родной сестрой. Все драхмы Азармедохт датированы первым годом ее правления и отчеканены только на двух монетных дворах: в Нижнем

Вех Каваде (это был пригород столицы) и Шираджане. В переводе Борандохт означает «дочь дождя», Азармедохт – «дочь огня». Оба значения (дождь и огонь) являются очень благоприятными и почитаемыми. За всю историю Ирана эти царицы были единственные коронованные женщины-правительницы Ирана. То, что в 1967 году Мухаммед Реза, последний шах династии Пехлеви, короновал собственную супругу Фарах Дибя, не учитывается, потому что он все равно оставался правителем.

Йездегерд III

Шахиншаху Йездегерду III, правившему в середине VII века, выпала нерадостная участь: быть последним государем из династии Сасанидов. Ахмад Хатами в книге «Иран: страна и люди» так описывает причины заката династии: «Сасаниды правили Ираном больше четырехсот лет, но многочисленные внутренние и внешние факторы, такие как распространение зороастризма и притеснения исповедующих иные религии, слишком большая концентрация власти в руках мобедов – зороастрийских жрецов, тирания классового строя и угнетение, творимое высшими сословиями по отношению к низшим, бедным слоям общества, что наряду с реформами Ануширвана и многочисленными войнами с Римом постепенно готовило почву для ослабления их власти».

Существует предание, что Хосров II получил предсказание о гибели своего царства, когда станет правителем сын его сына, у которого будет некий изъян. Хосров даже запретил сыновьям вступать в брак и брать себе наложниц, но Шахрияр, сын прекрасной Ширин, благодаря помощи матери нашел себе возлюбленную, которая и родила Йездегерда. Хосров, узнав о том, пожелал увидеть внука и был готов признать его, но вдруг заметил тот самый роковой недостаток (по одной из версий – шрам на ноге) и хотел казнить ребенка. Но потом шах уступил просьбам Ширин и пощадил мальчика. Однако Йездегерда отправили в ссылку прочь от царского двора.

Этот внук Хосрова II и прекрасной Ширин взошел на престол в юном возрасте, а Персидская держава была в это время охвачена беспорядками и расштатана войнами с внешними противниками. Даже коронация нового правителя прошла в Стахре, поскольку Ктесифон был занят врагами. «...воцарился Газкерт, сын Кавата, внук Хозроя, который царствовал в страхе потому, что войска персидские в раздорах разделились на три части, – писал армянский историк и епископ Себеос. – Одна часть – в Персии – в странах восточных; другая, состоявшая из войск Хорема, – в ассирийской стране; третья – в стране атрпатаканской».

Внутренние раздоры были не единственным бедствием Персии в то время. В начале правления Йездегерда весной 633 года на страну двинулось большое арабское войско, которым командовал Саад ибн Абу Ваккас. Удар был направлен на Хиру и Оболлу. Второй из городов был хорошо укреплен, его арабы взять не смогли, а Хиру, где вообще не было городских стен, захватили в начале лета 633 года.

Только через год с лишним регенту Рустаму удалось собрать достаточно сильное регулярное войско под руководством опытного военачальника Вахмана Джазвайха (Бахмана Джадуйе), которое нанесло арабам заметное поражение в конце ноября 634 года на берегах Ефрата. Однако в столице вспыхнула новая междоусобица, войска понадобились там. Уже весной следующего года арабы снова пошли в наступление и разбили персидские отряды.

В начале декабря 636 года разразилась битва при Кадисии. Перед тем большая регулярная армия персидского шаха, имевшая в своем составе, кроме воинов, 30 боевых слонов, смогла потеснить арабов и отвоевать Хиру. На позициях у расположенной неподалеку от Хиры крепости Кадисия находились войска арабского халифа, которыми командовал Саад ибн Абу Ваккас. Разведчики, засылаемые персами, характеризовали арабов как «народ босой, нагой, голодный, но весьма храбрый». Сходное мнение приводит в книге «Объясняя мир: Истоки современной науки» и нобелевский лауреат Стивен Вайнберг: «В период античности арабов считали варварами, живущими на границе Римской империи и Персии в землях, которые «только служат границей между пустыней и посевами».

Рустам, осознавая опасность продолжения войны, пытался договориться о мире, но согласовать условия стороны не сумели.

Сражение при Кадисии длилось несколько дней. В жестокой битве погибла треть арабского войска, но персы были полностью разбиты. Арабы захватили легендарный символ – расшитое драгоценностями древнее знамя стяг Каве. Самой тяжелой потерей оказалось то, что в бою погибли и полководец Вахман Джазвайх, и регент Рустам. Брат регента Хурразд поспешил увести уцелевшие и оставшиеся в повиновении войска для обороны Ктесифона.

Однако и дальше события развивались неблагоприятно для персидской армии. Арабами был быстро захвачен город Сабат, причем его правитель не только сдал крепость без боя, но и показал завоевателям, как строить метательные машины, из которых потом велся постоянный обстрел Вех-Арташира на правом берегу Тигра (напротив Ктесифона). Хурразд предпочел переправить своих воинов непосредственно в столицу. После этого были разрушены все мосты, и осажденные очень надеялись, что арабы переправиться не смогут, тем более что вода была высокая – Тигр разлился. Но среди арабов нашлись те, кто смог переплыть широкую реку, занять плацдарм на другом берегу и обеспечить переправу армии.

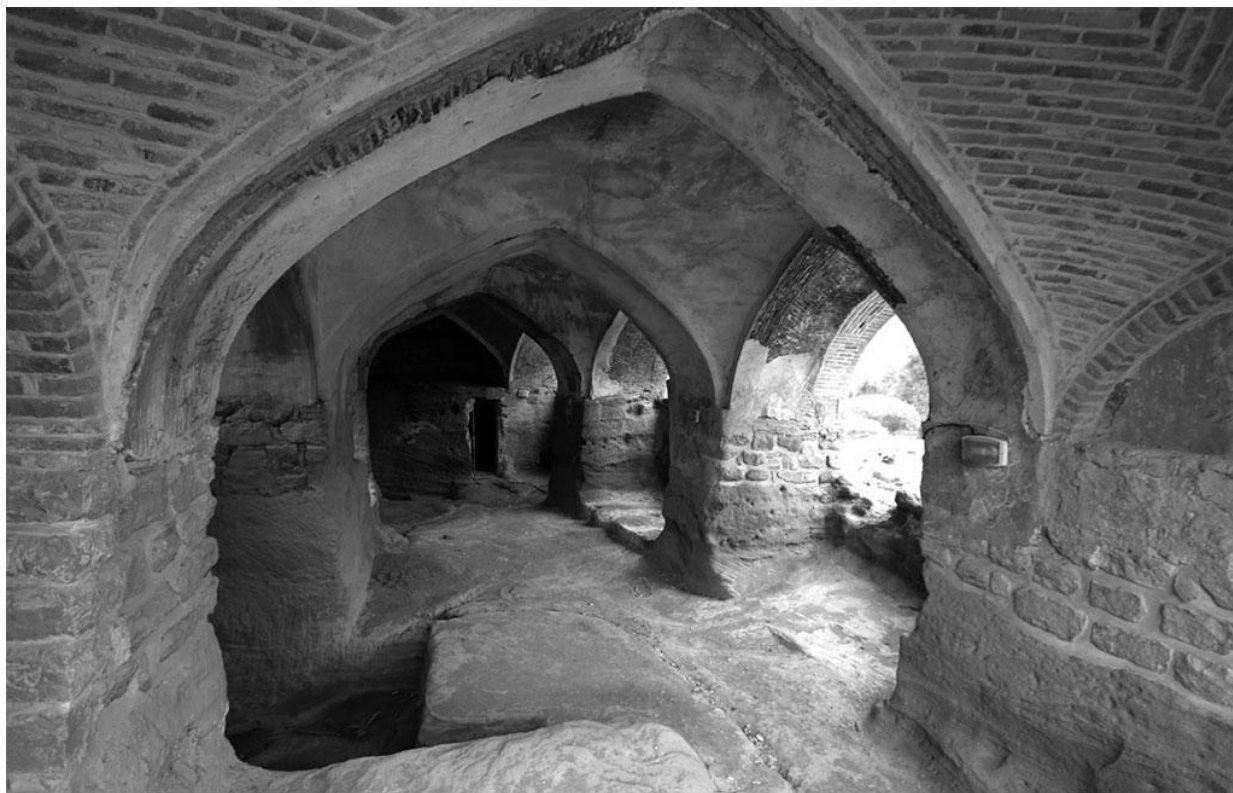
«В период античности арабов считали варварами, живущими на границе Римской империи и Персии в землях, которые «только служат границей между пустыней и посевами».

Стивен Вайнберг

Шах Йездегерд III, забрав казну, уехал с приближенными в Хульван. Туда же вскоре отправился и Хурразд, потерявший надежду отстоять город. Низам аль-Мульк в книге «Сиасет-наме» писал об этом времени: «Говорят, что Йездеджерд, сын Шахриара, отправил посланника к повелителю правоверных Омару, – милость Господня над ним! – говоря: «Во всем мире нет двора более многолюдного, чем наш двор, нет казнохранилища более благоустроенного, чем наше казнохранилище, нет войска более отважного, чем наше войско, никто не имеет столько людей и снаряжения, сколько находится у нас». Омар послал ответ: «Да, двор ваш многолюден, но челобитчиками; ваше казнохранилище благоустроено, но неправильными налогами; ваше войско отважно, но непослушливо. Когда уходит державность, не

приносит пользы снаряжение и многолюдство. И все это является доказательством вашей бездержавности».

Даже без государственной казны добыча, доставшаяся арабам, была невероятно богатой: золото и серебро, запасы ценнейших пряностей и благовоний, шелка и ковры, драгоценные одежды, золотая посуда. Каждому всаднику досталось примерно по 12 тысяч драхм, пешему воину – по 4 тысячи, а тысяча драхм в данном случае эквивалентна примерно 4 кг серебра. И это не считая того, что было отправлено халифу, включая огромный златотканый ковер площадью почти 100 квадратных метров, на котором был изображен прекрасный сад.

Следующая битва при Джалуле стоила жизни и командующему Хурразду. «Персы обратились в бегство, а арабы не перестали преследовать их до ворот Ктесифона, – гласит сирийская хроника тех лет. – Персы собрали вновь второй сбор и срезали мосты через Тигр, чтобы арабы не могли их перейти. Затем приехали арабы на своих конях. Они восхищались и говорили друг другу: „Бог, который помог нам на земле, он спасет нас и на водах“, и они въехали верхом в Тигр,

перебрались и переехали, и ни один из них, ни из их животных не погиб. Они напали на лагерь персов, преследовали и убивали их, забрали добычу их лагеря. Они захватили Ктесифон, захватили его сокровища и хранилища вместе с царскими людьми и людьми богатых. Вновь собрал Яздегерд третий сбор в месте, называемом Гаула, но и там настигли их арабы, преследовали их и убивали их. Вновь собрали персы четвертый сбор на горе Мидии у города, называемого Нехавенд, и вновь пришли арабы и прикончили их мечом. Овладели арабы царством персидским в один год. Яздегерд бежал в землю Сегистан».

Наместник Хузистана Хурмузан пытался противостоять арабам, но вместе с войском был осажден в крепости города Тустар и предпочел сдаться. Согласно преданию, Хурмузана доставили к халифу Умару, и когда он попросил воды, то, получив чашу, сказал халифу: «Боюсь, ты убьешь меня, когда я буду пить». «Не бойся ничего, пока не выпьешь ее», – ответил халиф. Хурмузан сразу отбросил чашу, сказав, что раз он не выпил из нее, значит, и казнить его было бы несправедливо. Халиф согласился с этим. Хурмузан принял ислам и стал одним из советников Умара.

Шах Йездегерд III предпринял усилия, чтобы переломить ход событий, но сил на это уже не нашлось. После еще одной битвы – при Нехавенде – армии у него практически не осталось. Эпоха Сасанидов уходила.

...И век настал великого Омара.
И стих Корана зазвучал с минбара.

Фирдоуси

Халиф Умар повелел, чтобы на завоеванных землях не чинили излишних притеснений жителям, новые владения оформлялись договорами халифа с местными правителями. Поэтому многие, не надеясь уже на защиту шаха, переходили на сторону завоевателей.

Город Стахр, где заперлись отчаянно сопротивлявшиеся персы, был взят штурмом в 650 году. Шах отступил на самую окраину бывшей державы – в Мерв. Тамошний наместник Махуйе из корыстных соображений, желая завладеть сокровищами, которые еще были у правителя, подстроил ссору между Йездегердом и тюркским князем

Бижан-Тарханом, который готов был предоставить ему в помощь своих воинов. Но союзнчества не произошло, наоборот, вспыхнула взаимная обида, имевшая роковые последствия. Когда дружина Бижан-Тархана напала в пути на небольшую свиту шаха, наместник приказал запереть перед правителем-изгнанником городские ворота, отрезав путь к спасению. Оставшись в одиночестве, Йездегерд в поисках пристанища зашел на мельницу неподалеку от города и попросил убежища. Мельник пустил его, но потребовал платы, шах дал ему денег. Той же ночью мельник, желая угодить наместнику или просто позарившись на драгоценности гостя, убил его во сне и выбросил тело в канал, где оно и было найдено. Фирдоуси в поэме «Шахнаме» писал, что Бижан-Тархан, очевидно, несмотря на обиду, ужаснувшись такому злодеянию, приказал жестоко казнить наместника. А построил для последнего Сасанида гробницу и похоронил его несторианский епископ Илия.

Существует целый свод преданий, повествующих о дочерях последнего шахиншаха – Сасанида. Главнейшие из них посвящены Шахр Бану – дочери Йездегерда III. Согласно этим легендам она была привезена в Медину и стала женой Имама Хусейна, матерью его сына Али.

Наследие Сасанидов

Эпоха владык Сасанидов завершилась. Однако ее многочисленные достижения были переняты не только в государствах, созданных новыми арабскими правителями, но и во многих других странах Европы и Азии. «Завоевание всего иранского мира одарило мусульманских правителей как иранским художественным вкусом, так и массой искусных ремесленников, обученных иранским технологиям», – отмечает видный исследователь Олег Грабар в своем фундаментальном труде «Формирование исламского искусства». Это влияние Сасанидского Ирана можно заметить, обращаясь к крупным архитектурным сооружениям, произведениям декоративного искусства и утилитарно-бытовым предметам, способным, тем не менее, многое поведать о развитии художественного вкуса и мастерства.

Так, описывая Ухайдир (укрепленный дворец аббасидских халифов к юго-западу от современного города Кербела), в котором фортификации делились на меньшие, независимые блоки, что отличало его от распространенного варианта планировки с центральным двором, который был окружен портиками и помещениями, выстроенными вдоль стен, профессор Грабар делает вывод, что «отчетливой параллели внутренней планировке Мшатты и Ухайдира в средиземноморской архитектуре нет, но существуют прототипы в Сасанидском Иране, такие как дворцы в Фирузабаде и Каср-и-Ширин. Это дает возможность – и, вероятно, самую простую – считать второй тип планировки иранским по происхождению и до сих пор первым примером ощутимого воздействия со стороны несредиземноморской части исламского мира».

«Завоевание всего иранского мира одарило мусульманских правителей как иранским художественным вкусом, так и массой искусных ремесленников, обученных иранским технологиям».

Олег Грабар

Уже в позднейшие времена была переведена на другие языки и использовалась в качестве одного из источников для составления законодательства различных восточных государств, порой играя роль не меньшую, чем знаменитый свод «римского права», «Книга тысячи судебных решений», иначе именуемая «Сасанидский судебник». В Европе она стала известна лишь в XIX веке, когда в руки ученых попали уникальные листы с текстом на персидском языке, где приводились примеры различных дел, которые успешно разбирались в суде при Сасанидах. «Если ответчик за дачу противоречивых показаний был приговорен, а впоследствии выясняется, что истец доискивался ложного судебного решения, то истец вещь, забранную им у ответчика, вместе с принесенными этой вещью плодами должен – также в качестве штрафа – вернуть ответчику...»

Причем память и влияние Сасанидов сохранились на долгие века даже в тех землях, которые были отвоеваны ими у Византии на какое-то время. Уже описанный успешный штурм Александрии, когда в руки персов попали огромные сокровища, привел не только к пополнению казны Сасанидов, но и к изменению облика Египта. Михаил Молчанов и Дмитрий Полежаев в книге «Держава Сасанидов. 224–652 годы» так описывают это влияние: «В июне 619 года Шахрвазар подошел к стенам Александрии. Еще до этого александрийский патриарх Иоанн и брат императора экзарх Никита бежали морем в Константинополь, оставив город на произвол судьбы. Византийцы погрузили все сокровища своего города на корабли и попытались их эвакуировать, но из-за сильного шторма флот прибило к побережью... Весь Египет покорился персам к 621 году. Отсюда персы совершили походы в Ливийскую пустыню и Эфиопию и даже пытались дойти до Карфагена. Хосров принялся внедрять в плодородной долине Нила свою администрацию и налаживать фискальную систему... На александрийском монетном дворе Хосров инициировал чеканку медной

монеты по византийскому образцу, но со своим портретом». Во многом эта денежная система и структура государственного управления была потом позаимствована арабскими завоевателями. «Кому-то из сасанидской аристократии удалось найти прибежище на окраине Средней Азии и сохранить там персидскую культурную традицию». Эта традиция оказалась прочной и жизнеспособной, поэтому на ее основе сформировалась и распространилась по всему Среднему Востоку та новая волна культурного и научного расцвета, которую справедливо называют персидским Ренессансом.

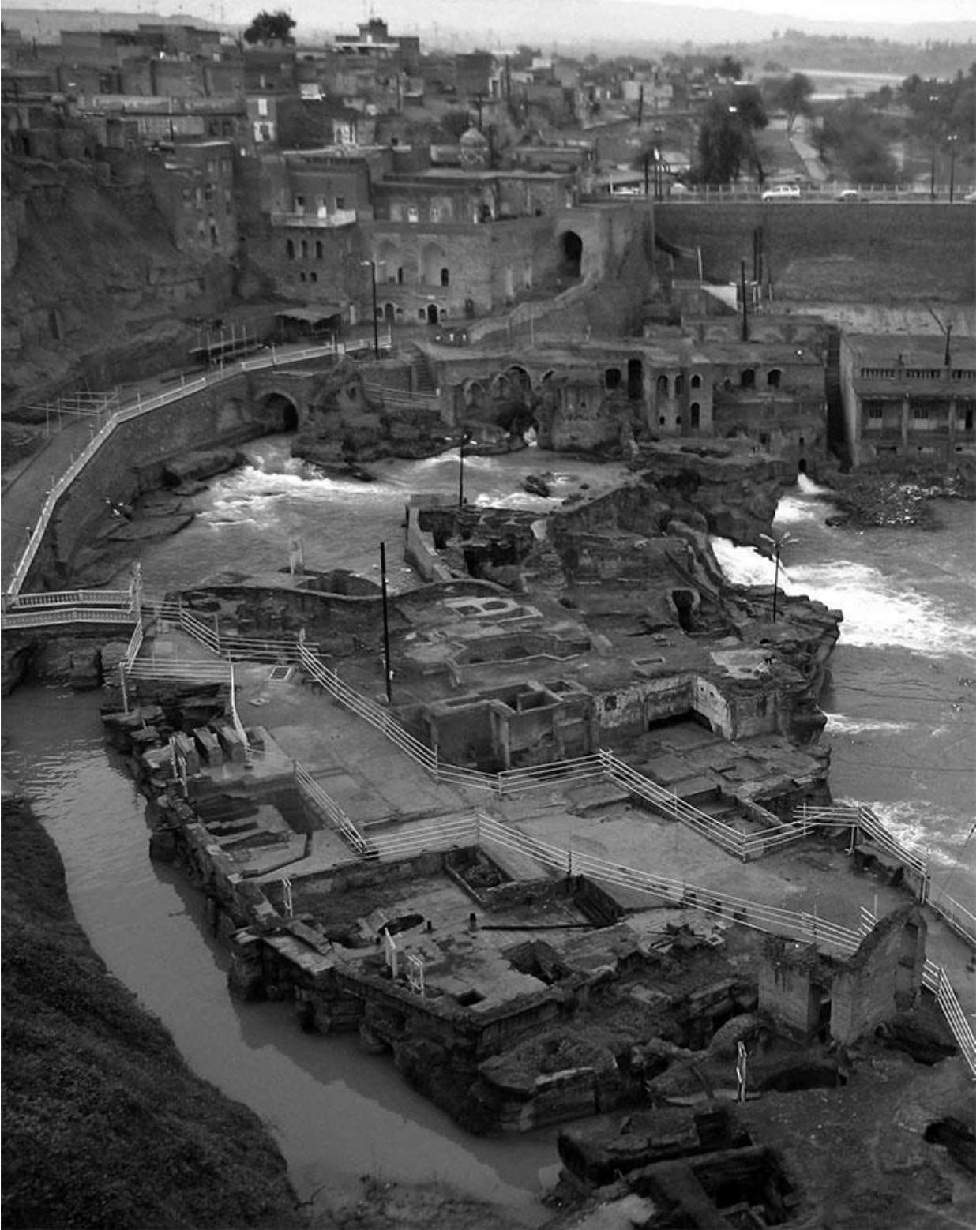
3. Величие слова

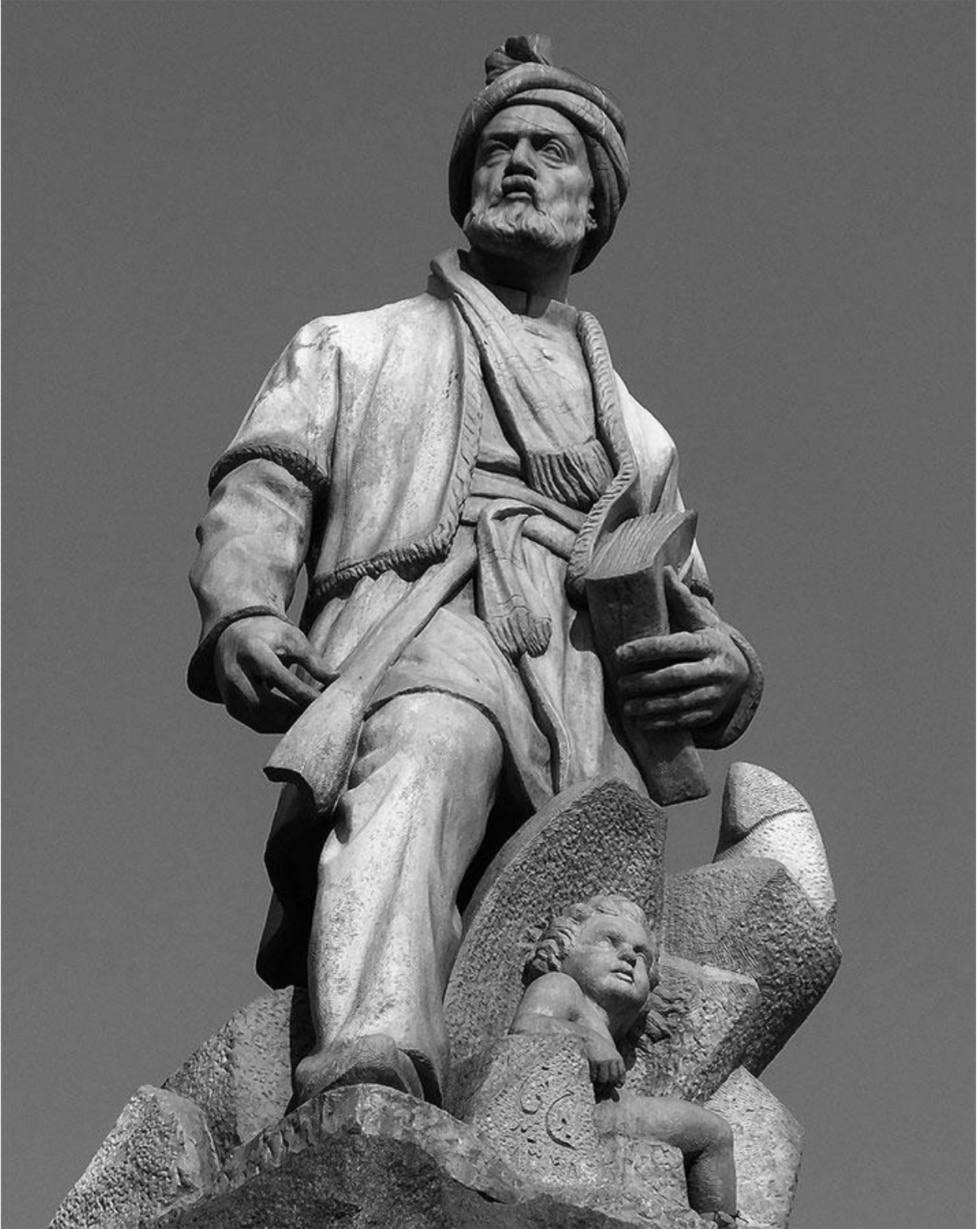
В истории Ирана период с конца сасанидской эпохи до начала сефевидской эры принято называть эпохой Средневековья и временем правления племенных царей. Однако, в отличие от средневековой Европы, средневековый разрозненный Иран совершил заметное продвижение в науках, литературе и философии.

Марк Ферро

«Как рассказывают историю детям в разных странах мира»

После арабского завоевания начался новый период, эпоха новых династий: с одной стороны, кровопролитных войн, осад городов и сражений, а с другой – великих мудрецов, поэтов и ученых. С 652 года в Персии установилась власть арабских халифов из династии Омейядов. Владения Халифата включали Аравию, Египет, Северную Африку, а также территорию современного Пакистана, Афганистана, Средней Азии, Иран, Ирак, Закавказье, Испанию...

Халиф Умар II

В эпоху халифата Омейядов древняя и богатейшая персидская культура стала основой того духовного, интеллектуального и творческого расцвета, который принято называть «золотым веком» ислама. Среди правителей особую известность снискал халиф Умар II (Умар ибн Абд аль-Азиз), который занимал престол в 717–720 гг. Он получил прекрасное образование, обучаясь у прославленных ученых. И при всем своем богатстве был благочестив и очень скромен в повседневной жизни. Став халифом, он отдал все свое состояние в государственную казну, пользовался только доходом с принадлежавшего ему земельного участка. И на слова о том, что сам «великий Омар» – Умар I принимал государственное содержание, отвечал, что у того правителя не было других источников дохода, а у него, Умара II, имеется кусок земли.

Предания гласят также, что халиф в своем аскетизме не имел даже лишней смены одежды. «Аллах послал Мухаммеда, да благословит его Аллах и приветствует, направлять на прямую стезю, а не выжимать налоги!» – говорил он.

Умар II обеспечивал подданных халифата возможностью свободно передвигаться: по его распоряжению были проложены новые дороги, построены постоянные дворы для путников, вырыты колодцы. Всенародно был объявлен указ Умара: «Кого притеснили, пусть входит ко мне без разрешения».

Когда один из наместников высказался за применение силы против жителей Хорасана и начал перечислять их провинности, правитель в негодовании воскликнул: «Ты лжешь! Их исправит только справедливость и истина. Не забывай, Аллах погубит тех, кто бесчинствует».

Умар II скончался внезапно, и многие подозревали, что он был отравлен собственными родственниками и прежними царедворцами, которым он закрыл доступ к государственной сокровищнице. Зато ученым он платил жалованье из казны, чтобы у них не было необходимости думать в ущерб научным занятиям, как заработать на жизнь.

Но в целом такая скромность не была свойственна Омейядам. Стремление к роскоши, как пишет Али Акбар Велаяти в книге «Исламская культура и цивилизация», сыграло роковую роль в судьбе правящего дома: «Значительную часть доходов исламского государства они тратили на свои увеселения, пиры, строительство дворцов и роскошных зданий, что вызывало общественное недовольство и в результате привело к уничтожению этой династии».

Захватив возделанные земли и накопленные веками сокровища персидских владык, кочевники-воины быстро превращались в изнеженных сибаритов, забывавших не только о добродетельной скромности, но порой и о благочестии. Али Акбар Велаяти пишет: «Халиф был полномочным правителем исламских земель, а потому все доходы с этих территорий поступали в его распоряжение. Очевидно, что состояние халифа превосходило состояние любого из его подданных. На ступень ниже с точки зрения богатства стояли наместники и военные руководители (эмиры), так как они ведали сбором податей, которые назначали по своему усмотрению. Естественно, что чем больше у человека материальных средств, тем лучше ему хочется жить... В первый раз Умар, увидев роскошные одежды на Муавии, возмутился и сказал: «Муавия, ты вырядился, как персидский шах Кейхосров!» Омейядские халифы испытывали слабость к шелковым тканям, украшенным цветами и другими узорами. Известно, что у Хишама б. Абд ал-Малика имелось двенадцать тысяч комплектов такой шелковой одежды».

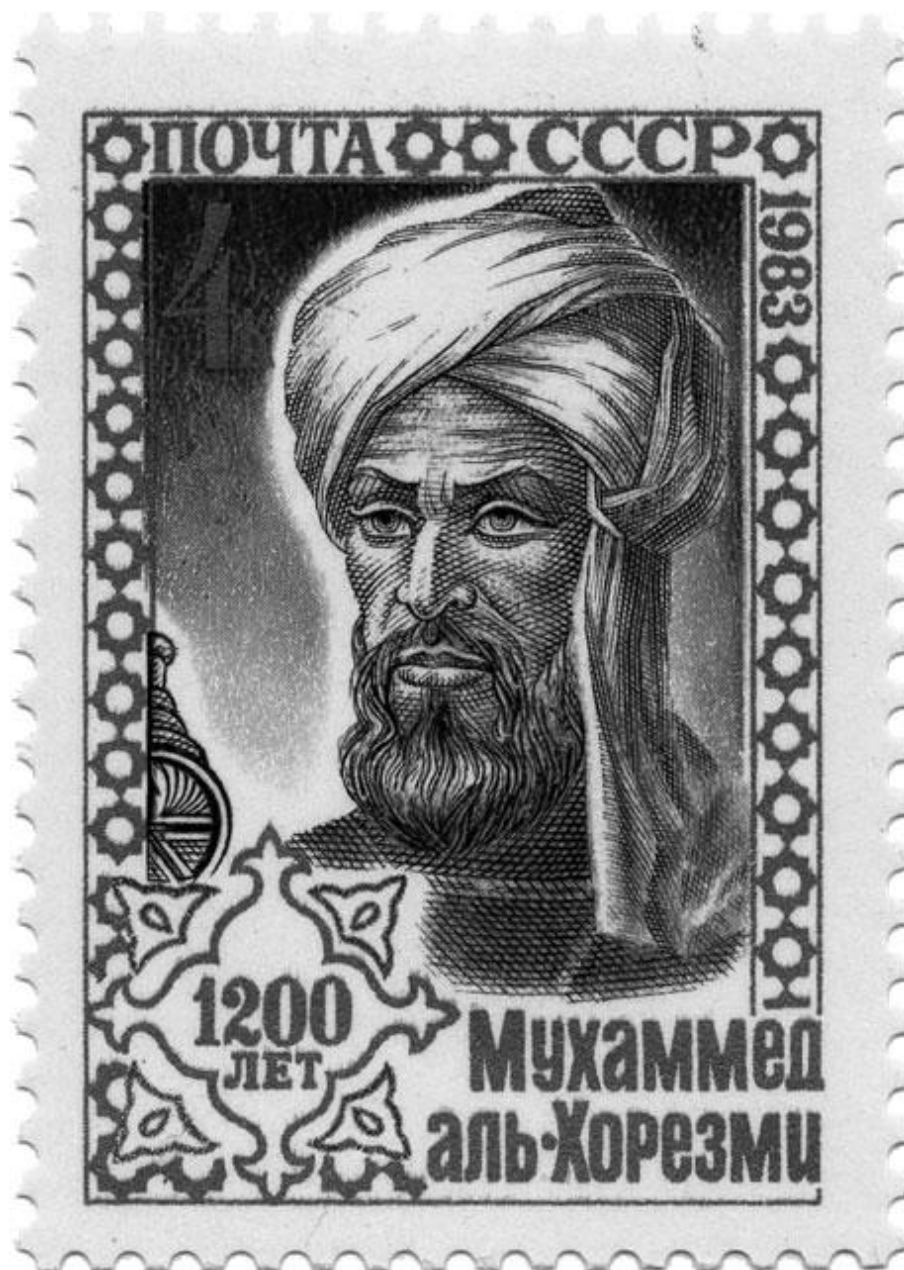
«Иран стал еще одним научным центром, сумевшим в значительной степени обогатить исламскую цивилизацию научными знаниями того времени».

Али Акбар Велаяти

Однако эта эпоха была отмечена и расцветом науки, литературы искусства. Исламская цивилизация заимствовала и продолжила развивать лучшие достижения и традиции ученых как Персии, так и Индии, и Греции. «Иран стал еще одним научным центром, сумевшим в значительной степени обогатить исламскую цивилизацию научными знаниями того времени, – пишет Али Акбар Велаяти. – В этом плане особо следует выделить роль города Гонди-Шапур, расположенного

между Шуштаром и Дезфулем. Здесь еще во времена Хосрова Ануширвана были выстроены школа и больница, где трудились ученые из разных стран... По повелению Ануширвана были переведены на пехлевийский язык некоторые книги Платона и Аристотеля. А после покорения Ирана мусульманами естественно было ожидать того, что начнут переводиться книги с персидского на арабский язык. Одной из таких книг стала работа «Зидж Шахрийар» («Астрономические таблицы Шахрийара»), которого с пехлевийского на арабский перевел Абу Сахл б. Ноубахт. Впоследствии эта книга сыграла важную роль в развитии астрономических знаний в исламской традиции».

Труды персидских ученых оказали влияние не только на развитие науки в исламском мире, но и на сохранение драгоценного многовекового наследия лучших умов античного мира. Произведения величайших философов, естествоиспытателей и врачей времен расцвета Греции и Рима были переведены на персидский и арабский языки, снабжены комментариями и тем самым спасены от забвения. Впоследствии идеи античных ученых были продолжены принципиально новыми трудами персидских мудрецов, наука вышла на следующий уровень развития.

В книге Чрезвычайного и Полномочного Посла Исламской Республики Иран в России Мехди Санаи «Мусульманское право и политика: история и современность» говорится: «В период правления Умайядов, а также в эпоху Аббасидов процесс развития культуры в мусульманском мире стал еще более интенсивным... Во дворце аббасидского халифа ал-Ма'муна (813–833) мусульманские ученые занимались переводом сочинений Платона, Аристотеля, Галена, определяли земные меридианы и параллели, изучали особенности

небесных светил и земной коры. «Дом мудрости» при дворе халифа ал-Ма'муна, который представлял собой своего рода академию наук, с огромной библиотекой и астрономической обсерваторией, сыграл важную роль в изучении, совершенствовании и распространении научных достижений античного мира и раннего Средневековья». Тем самым были сохранены для всего мира сокровища научной мысли времен античности, умноженные в дальнейшем трудами великих ученых, среди которых – один из основоположников медицины Ибн Сина, создатель алгебры Ал-Хварезми, прославленный химик Джабир ибн Хайан и многие другие.

O...
matena...
luno fir...
matena lapidio...

Deben:

phus:

Quae et
natura non
facit filii:

R. IOV. RABETI

Последний халиф

Правление Омейядов закончилось при халифе Марване II. Изначально он был наместником халифа в Закавказье, вел военные действия против Грузии, а также против хазар и аланов. Он приобрел известность как весьма умелый полководец и, опираясь на собственный опыт, занялся реформой армии. Традиционно войско халифата формировалось на клановой основе. Марван переделал его в регулярную армию, служившую не столько по принципу преданности племенному вождю, сколько лично халифу за жалованье. Командование частями было поручено опытным военачальникам.

В 744 году тогдашний халиф Аль-Валид II назначил наследниками престола двух своих сыновей, рожденных невольницей. Это стало причиной недовольства среди родственников и последующего заговора, в результате которого Аль-Валид II был убит. Халифом стал его двоюродный брат Язид III, сын Аль-Валида I от наложницы, знатной персиянки, – недаром он называл себя потомком четырех властителей, в том числе шаха Хосрова. Но и ему недолго удалось удержаться на престоле. В разных концах державы пылали мятежи, один из повстанческих походов привел к гибели правителя. Новым халифом стал сын Аль-Валида II – Ибрахим, но его царствование продлилось меньше двух месяцев. Полководец Марван захватил столицу халифата и провозгласил себя правителем.

Но, несмотря на принятые им жесткие меры, удержать власть силой оказалось и для него невозможно. Начались новые массовые восстания в разных областях халифата. А в 750 году персидский военачальник Абу Муслим повел войска против Марвана II. 25 января 750 года произошло грандиозное сражение у реки Большой Заб. Традиционной главной ударной силе в войсках халифов – коннице – Абу Муслим противопоставил сплошной строй пеших воинов, вооруженных длинными тяжелыми копьями по образцу древнегреческих сарисс. Арабская кавалерия помчалась в атаку, но копьеносцы не дрогнули. Таким образом, первый же натиск армии халифа Марвана оказался неудачным, а последующей контратакой войск Абу Муслима силы Омейядов были полностью разгромлены. Погибли многие родственники халифа, а сам он бежал в Египет, но там

был убит в августе того же года. От великой державы Омейядов остался только Кордовский эмират (впоследствии халифат) на территории современной Испании, названный так по имени столицы – города Кордова.

От Аббасидов до Саманидов

Правителем земель, в состав которых входила и территория Персии, стал Абуль-Аббас Абдаллах, правнук Аббаса ибн Абд аль-Мутталиба, дяди Пророка Мухаммада. Спустя четыре года трон наследовал брат Абу Джафар, ставший прославленным правителем и прозванный аль-Мансур – «Победитель». При нем была заложена новая столица Багдад неподалеку от места прежней сасанидской столицы Ктесифона. Так к власти пришла династия Аббасидов, при которых халифат достиг наивысшего расцвета. При них персидские правители областей получили некоторую самостоятельность, персы смогли занимать высокие должности при дворе халифа. Более того, потомки Аббаса, организуя государственное управление, взяли за образец систему устройства власти, существовавшую при персидской династии Сасанидов.

При Аббасидах продолжилось развитие культуры, впитавшей в себя многовековую персидскую традицию в сочетании с лучшими достижениями античной Эллады. «Переводы с греческого на арабский

язык начали появляться очень рано под влиянием христиан; одним из любителей греческой науки был уже омейядский царевич Халид, сын халифа Йезида I, умерший в 704 году, не достигнув 40 лет (в 683 г., в год смерти его отца, он был еще мальчиком); ему приписывается перевод некоторых сочинений по астрономии, медицине и химии; утверждали даже, что Халиду удалось найти “философский камень” – средство для искусственного приготовления золота... – писал Василий Бартольд в книге «Культура мусульманства», впервые вышедшей в России в 1918 году. – В XIII в. Египет и Сирия, благодаря победам египетских султанов, избежали монгольского завоевания; тем не менее, разоренная монголами Персия оставалась средоточием культурного прогресса, даже продолжала оказывать влияние на Египет; именно в эту эпоху в государственной жизни Египта арабские названия должностей все более вытесняются персидскими. Сасанидская Персия была для самих арабов идеалом благоустроенного государства; введение учреждений персидского типа, казалось, только укрепляло ислам и его державу; поэтому персидские советники халифов и их наместников могли называть себя правоверными мусульманами и верноподданными халифов».

«Сасанидская Персия была для самих арабов идеалом благоустроенного государства».

Василий Бартольд

При Аббасидах халифат стал не столько арабской, сколько общемусульманской державой. К началу IX века под властью Аббасидов находились земли современных арабских стран, а также Персия, южная часть Средней Азии, Северная Африка. В 762 году халиф Абу Джафар аль-Мансур основал на реке Тигр новую столицу – Багдад.

Аббасиды не вели активных завоеваний, но долгое время весьма успешно обороняли границы. Им удалось победить китайцев в битве у Таласа в 751 году. Также они одерживали победы в приграничных столкновениях с Византией. Однако внутри державы периодически было неспокойно. Слишком разнородными были территории, объединенные под верховной властью халифов, а потому не раз начинались беспорядки, например мятеж Мукаанны в Мавераннахре

(776–783 годы), Бабека в Азербайджане (816–837), зинджей в Ираке (869–883 годы), карматов в Бахрейне и Аравии в конце IX – начале X века. Более того, местные правители и наместники в окраинных землях постепенно забирали власть в свои руки, сохраняя лишь формальное подчинение верховной власти халифа.

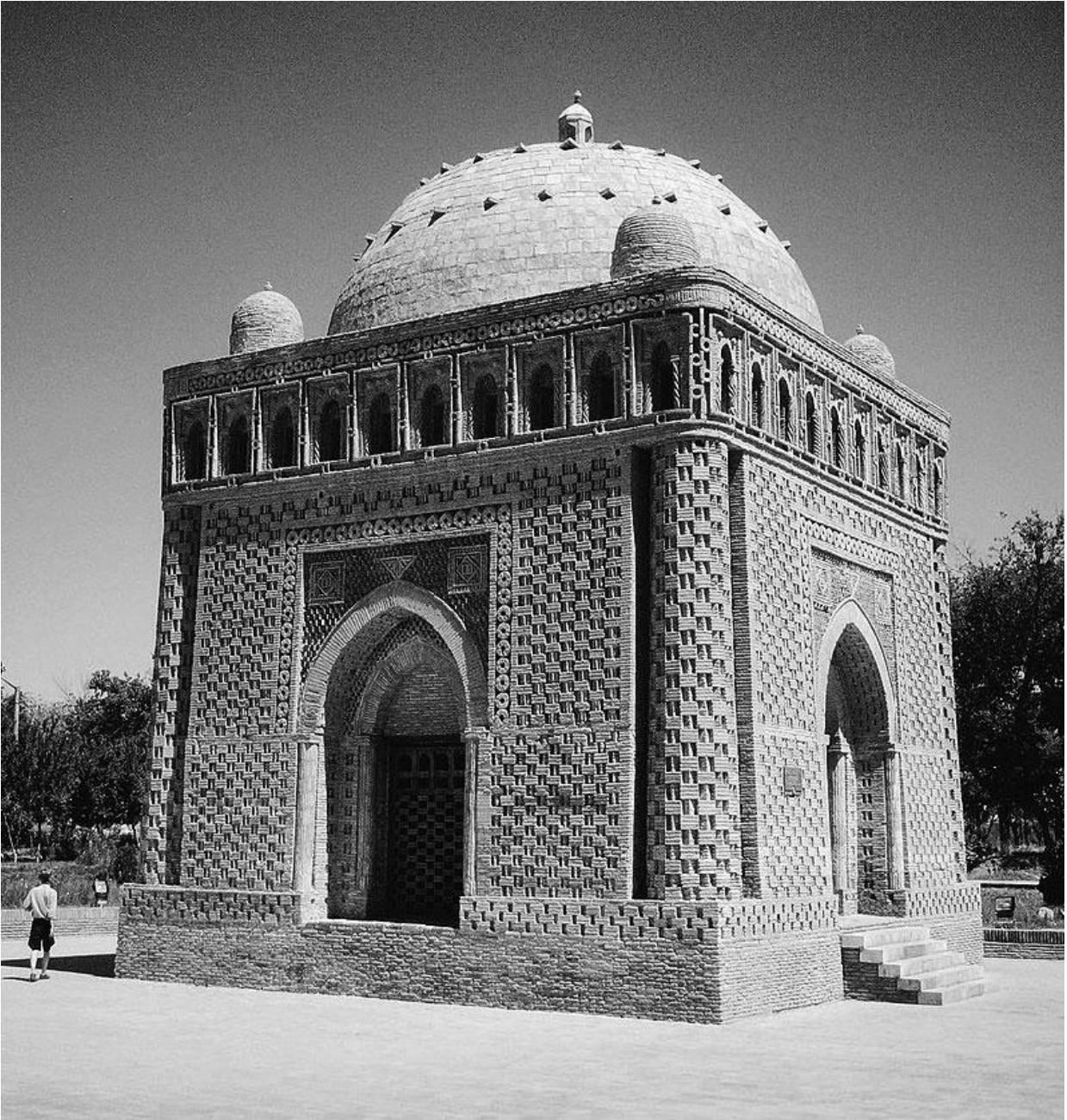
Именно таким образом впервые после арабского завоевания к власти в Хорасане в 822 году пришла чисто персидская династия, когда тамошний правитель Тахир бен-Гусейн бен-Мусаб объявил свою провинцию государством. А себя, соответственно, ее повелителем и родоначальником нового царственного дома – Тахиридов. Полностью независимым от власти Аббасидов ему стать не удалось, хотя именно при Тахиридах началось становление просвещенного абсолютизма, который на новом историческом этапе прославил Персию не только как мощную державу, но и как оплот науки и культуры.

В полной мере Персия освободилась от арабского правления, когда у власти в Хорасане и Мавераннахре утвердилась династия Саманидов, царствовавшая в 819–999 годах. Основателем этой династии был Саман-худат, получивший свое имя по названию селения Саман. Поскольку селений с таким названием известно несколько, то исследователи до сих пор не пришли к единому мнению, из какого Самана – того, что в Балхе, или того, что возле Самарканда, – происходил родоначальник Саманидов. Есть также мнение, что предками Саманидов был один из знатнейших парфянских родов.

Поначалу главным городом государства Саманидов был Самарканд, но в 888 году Исмаил ибн Ахмад одержал победу над собственным братом, которого звали Наср – тот был назначен халифом аль-Мутамидом наместником Мавераннахра, а резиденцию имел как раз в Самарканде, – и после его смерти в 892 году стал верховным правителем Саманидов. «В 888 г. Исмаил победил в сражении и взял своего брата Насра в плен, – описывает эти события американский иранист Ричард Никсон Фрай. – Обращение с Насром Исмаила записано в истории, дабы показать великодушные характера последнего. Повествование сообщает, что, когда Исмаил встретился со старшим братом, он спешился и поклонился, прося прощения за свои грехи и ошибки. Затем отправил Насра в Самарканд, оставив его главой рода Саманидов и наместником Трансоксианы. Наср был тронут таким отношением, а Исмаил заслужил вошедшую в историю репутацию доброго и чуткого правителя».

Исмаил ибн Ахмад перенес столицу в Бухару и там тоже славился как заботливый властитель. Причем эта его слава сохранилась, несмотря на прошедшие столетия. Два века спустя Низам аль-Мульк, бывший великим визирем при дворе Сельджукидов, писал о правлении первого Саманида с глубочайшим восхищением. В своем знаменитом труде «Сиасет-наме» («Книга о правлении») Низам аль-Мульк описывал, как Исмаил каждый день выезжал верхом из дворца без всякого сопровождения, свиты и охраны и останавливался посреди главной площади Бухары. Там он находился, пока муэдзины не призовут к полуденному намазу. И происходило это летом и зимой в любую погоду. Правитель пояснял, что считает необходимым дать возможность обратиться к нему с жалобой на беду или несправедливость всякому человеку, которого иначе бы не допустили к владыке. Абу Бакр Мухаммад ибн Джафар Наршахи в своей «Истории Бухары» писал, что Исмаил освободил подданных от платы за строительство и ремонт укреплений города, говоря, что пока он жив, он сам – стена Бухары.

Он же успешно воевал против тюркских кочевых племен, что в немалой степени способствовало экономическому процветанию государства и развитию торговых путей. Серебряные монеты Саманидов имели хождение по всей Центральной Азии и не только. В течение многих веков различные персидские предметы оказывались на русских землях. Некоторые из них сохранились до наших дней в краеведческих и художественных музеях. Так, в книге Нины Бедняковой «Музей Саратовской губернской ученой архивной

комиссии. Страницы истории. 1886–1919» в описании нумизматического отделения упоминается и персидская монета, «... сдѣланная въ подражаніе монетам самонидскихъ эмировъ Измаила-бенъ Ахмеда 892–907 гг. и Насръ-бенъ Ахмеда 914–943 по Р. Х. Монета эта пожертвована В. Д. Чесноковымъ въ Казанской губерніи, Спасскомъ уездѣ, близъ села Кокрядъ, среди серебряныхъ монетъ Самониды Измаила-бенъ Ахмеда-Шашъ 899–901 г. по Р. Х.».

Вскоре государство обрело полную независимость от халифов. Растущее богатство позволяло правителям Саманидам оказывать щедрое покровительство поэтам и ученым. Персидский историк и государственный деятель Малик ибн Мухаммед Джувейни, автор трактата «История Мирозавоевателя», писал о тогдашней Бухаре: «Вокруг нее исходит сияние великолепия учености ее врачей и законовѣдов, ее украшаютъ высочайшія достиженія образованности и исключительныхъ знаній».

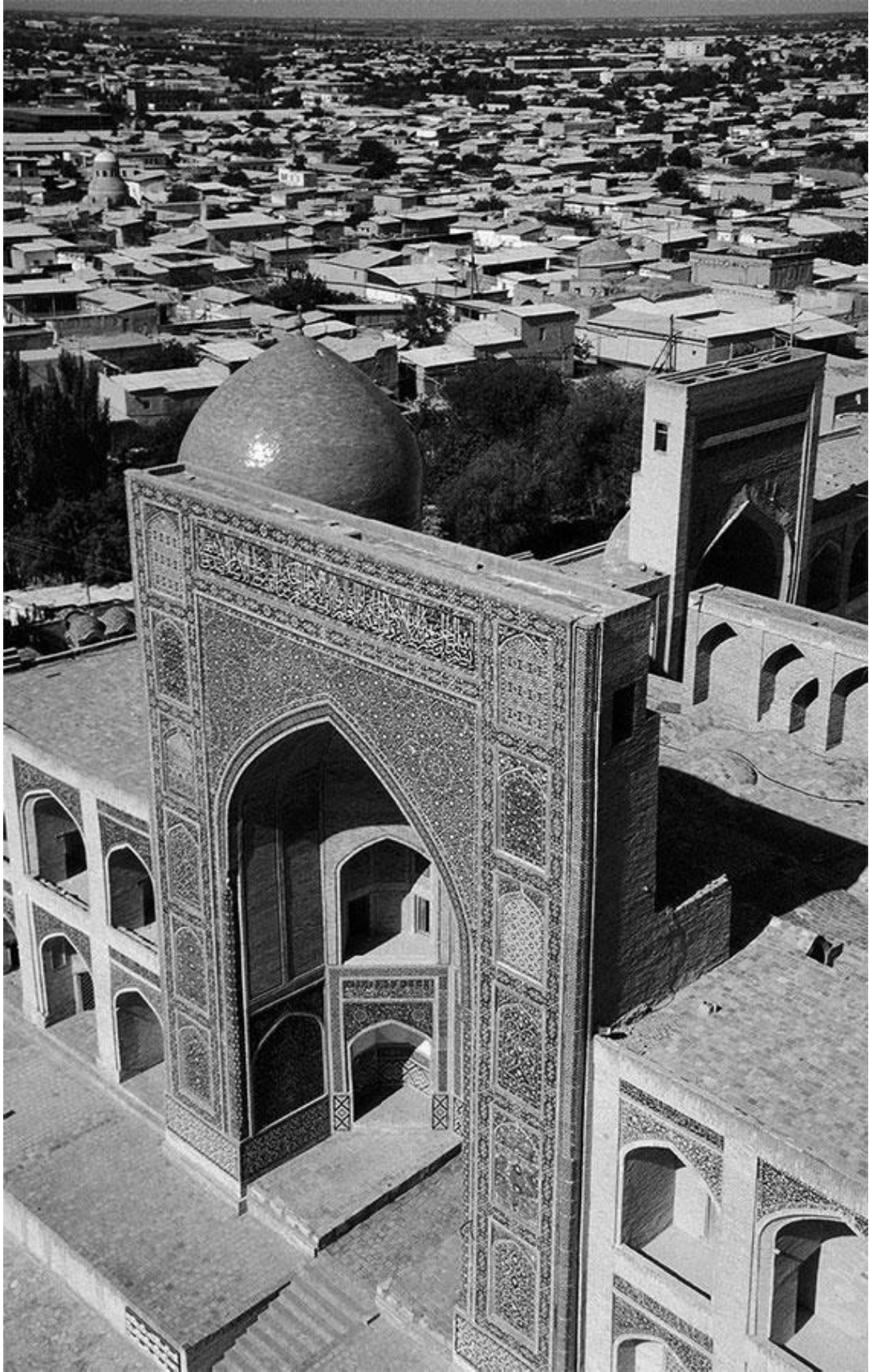
Придворный историк правителей из династии Газневидов, уроженец Нишапура Абу Мансур ас-Саалиби в своей книге «Жемчужина века» так описывает научное и творческое сообщество саманидской столицы: «Бухара под правлением Саманидов являлась средоточіемъ великолепія, святыней имперіи, местомъ встречи самыхъ исключительныхъ умовъ столетія, горизонтомъ мировыхъ литературныхъ звездъ и ярмаркойъ величайшихъ ученыхъ своего времени. Абу Джафаръ аль-Мусави рассказывалъ: «Мой отецъ, Абул-Хасанъ, получилъ приглашеніе въ Бухару въ дни эмира Саида [Насра], и тамъ были собраны самые выдающіеся образованные люди города... И сказалъ мнѣ мой отецъ: «О сынъ мой, это выдающійся и памятный день; славьте Господа за то, что собраны вместе талантливые люди такого полета и самые несравненные ученые этого времени, и, когда меня не станетъ, помните сей день, какъ одинъ изъ величайшихъ среди выдающихся событій нашего времени и памятныхъ моментовъ жизни вашей. Ибо мнѣ съ трудомъ вѣрится, что въ потоке летъ вамъ доведется лицезрѣть подобное собраніе знаменитостей».

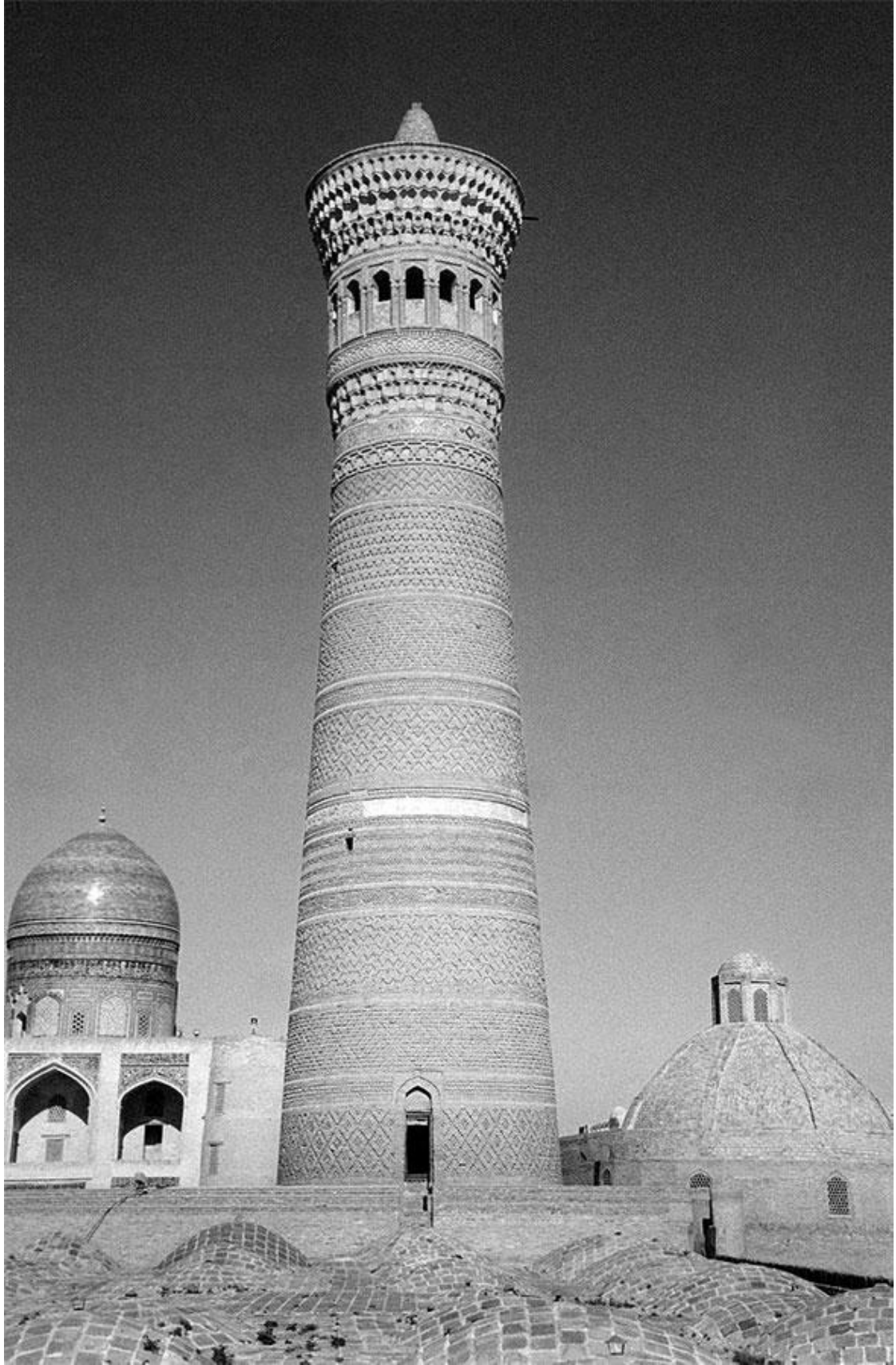
Бухара стала центром, где сосредоточилось развитие персидского языка и литературы на нем. «...золотой век Бухары пришелся на X столетие, когда во владениях Саманидов начала расцветать новоперсидская литература», – отмечает в своем исследовании «Бухара в Средние века» американский иранист Ричард Никсон Фрай. Он же указывает, в свою очередь, на прочные связи между державой Саманидов и Русью, да и всей Восточной Европой: «Большинство отправлявшихся в Восточную Европу товаров представляли собой предметы роскоши, такие как изделия из лучшего шелка и хлопка, медные и серебряные блюда, оружие, драгоценности и т. п. Из Восточной Европы обратно шли меха, янтарь, мед, овечьи шкуры... Во времена Саманидов также процветал Великий шелковый путь в Китай, и в то время Китай отправлял во владения Саманидов такие предметы роскоши, как керамические изделия, специи... Китайцы, в свою очередь, ввозили лошадей и среди других товаров стекло, которым так славились Самарканд и другие центры Трансоксианы».

«...золотой век Бухары пришелся на X столетие, когда во владениях Саманидов начала расцветать новоперсидская литература».

Ричард Никсон Фрай

В старинных русских хрониках Каспийское море именовалось Хвалынским или Хорезмийским. «Огромный объем торговли с Восточной Европой, – пишет Фрай, – как нельзя лучше подтверждается значительным количеством саманидских серебряных монет, обнаруженных в России, Польше и Скандинавских странах. X в. стал периодом экспансии викингов, поэтому столь обширные контакты не выглядят чем-то необычным. Обнаружены клады монет Саманидов, как и меньшие запасы монет Бухар-худа, многие из которых оказались разрубленными на две половины, что позволяет предположить, что серебряные монеты использовались в Восточной Европе как в качестве наличных денег, так и для простого обмена. В степях серебро всегда выполняло роль наличности, и купцы из саманидских владений обнаружили, что кочевники Средней Азии и Южной России охотно принимают их монеты. Но монетам полагалось быть из хорошего серебра, потому что мы находим в скандинавских и русских кладах совсем немного серебряных монет невысокого качества».

Уже в те времена в Ферганской долине умели добывать нефть, которая иногда использовалась для светильников, но чаще всего – для изготовления зажигательных боевых снарядов. Было придумано множество приспособлений, с помощью которых при осаде города через стену перебрасывали емкости с горячей нефтью или пропитанную ею подожженную паклю. Через Южную Русь эти изобретения были завезены в Западную Европу и часто использовались в тамошних войнах.

Многие русские купцы, постоянно торговавшие с Персией, обустроивали собственные склады в иранских городах. А поскольку подобная торговля обычно была занятием всей семьи, то кто-то из сыновей, братьев или племянников переселялся туда, дабы вести дела. Исторические хроники свидетельствуют о существовании русских общин в Бухаре и других крупных городах эпохи Саманидов.

Блистательные поэты

Немалую роль в возрождении национального самосознания персов сыграло развитие персидской литературы. Кто были ее родоначальники, ученые спорят до сих пор. Составители поэтических сборников и историки литературы называют разные имена, рассказывая о первых персидских поэтах. «Некоторые упоминают имя Абу Хафса Согди, другие же говорят, что первым поэтом был Абульаббас Марвази, – пишет Ахмад Хатами в книге «Иран: страна и люди». – Говорят также, что неизвестный автор книги «История Систана» – это Мохаммад бин Васиф Сагзи. Фируз Машреки, Махмуд Варрак, Бассам Курд Хареджи и Мохаммад бин Мохаллад – другие поэты, чьи несколько бейтов приводятся в старинных поэтических антологиях...»

Зато имена обладателей блестящих талантов, которые расцвели в эпоху правления династии Саманидов благодаря поддержке просвещенных властителей, известны всем истинным ценителям классической литературы – это Рудаки, Абу Шакур Балхи, Шахид Балхи, Дагиги, Абу-Исхак Касаи Марвази... Они прославились не только красотой образов, но и легкостью слога, и простотой изложения, сочетавшейся с глубоким смыслом. По словам Ахмада Хатами, «они излагали на бумаге те идеи и мысли, что приходили им на ум, в такой же форме, и не утруждали себя созданием новых выражений, а описания и аллегии черпали из вполне осязаемых, видимых, логичных и воображаемых предметов. Лучшие образцы поэзии в таком стиле можно найти в стихах «Отца персидской поэзии», «Султана поэтов» – Рудаки. Его стихи – простые, нежные, плавные и далекие от любой неуклюжести. Музыкальные познания Рудаки также повлияли на его поэзию. Его стихи создают глубокую душевную связь с читателем. Он – единственный из поэтов, который писал разными стилями, и преуспел в каждом из них».

«Некоторые упоминают имя Абу Хафса Согди, другие же говорят, что первым поэтом был Абульаббас Марвази. Говорят также, что неизвестный автор книги «История Систана» – это Мохаммад бин Васиф Сагзи. Фируз Машреки, Махмуд Варрак, Бассам Курд Хареджи и Мохаммад бин

Мохаллад – другие поэты, чьи несколько бейтов приводятся в старинных поэтических антологиях...»

Ахмад Хатами

Рудаки

Рудаки, признанный основоположник персидской литературы, также является основателем поэзии на языке фарси-дари, создателем особых поэтических жанровых форм. Полное имя поэта – Абу Абдуллах Джафар Рудаки. О точной дате рождения поэта исследователи делали разные предположения, прежде всего основываясь на дате смерти. А также учитывали информацию из отдельных фрагментов его высказываний. Существует мнение известного русского историка А. Е. Крымского о том, что поэт родился, когда «Бухара перешла из рук Саффаридов в руки Саманидов (874 г.)».

«Его стихи – простые, нежные, плавные и далекие от любой неуклюжести. Музыкальные познания Рудаки также повлияли на его поэзию. Его стихи создают глубокую душевную связь с читателем. Он – единственный из поэтов, который писал разными стилями, и преуспел в каждом из них».

Ахмад Хатами

Место его рождения тоже вызывало споры вплоть до 1940 года. Многие утверждали, что родиной великого поэта была Бухара. Однако некоторые называли его родиной Самарканд. Было и предположение, что Рудаки появился на свет в селении Панджруд. Знаменитый

таджикский писатель и литературовед Садриддин Айни, изучая различные письменные свидетельства и сравнивая их с устными народными преданиями, пришел к выводу, что родина поэта – селение Рудак. Более того, благодаря проведенным исследованиям, он установил и место захоронения поэта в кишлаке Панджруд.

Рудаки первоначально приобрел славу как певец и музыкант-рапсод. И вместе с тем он был одарен незаурядным поэтическим талантом. Он имел схоластическое образование, в том числе в совершенстве владел арабским языком. Хорошо знал Коран. Рудаки писал много и увлеченно. В числе его творений: поэмы, лирические газели и рубаи, касыды, кит'а, лугз... Более 130 тысяч двустиший, считающихся написанными этим автором, дошло до нашего времени.

Об образе жизни поэта почти не сохранилось достоверных сведений. Но о его молодых годах говорится в книге Мухаммада Ауфи «Лубаб ал-албаб» («Сердцевина сердец»). Также, основываясь на строках одного бейта Рудаки, можно предположить, что он происходил из бедной семьи:

*[Носил] я чарьики, [ездил] на осле, а теперь достиг того,
Что признаю китайские сапоги и арабского коня.*

С другой стороны, видный востоковед А. Т. Тагирджанов предположил, что отец Рудаки был достаточно образованным человеком и даже мог принадлежать к духовенству. Это основано на том, что существуют свидетельства, что уже в возрасте восьми лет Рудаки декламировал наизусть Коран. Для такого заучивания необходимо понимание текста и ежедневные занятия по несколько часов в сутки. Следовательно, с ребенком занимались просвещенные родители или его наставником был имам.

«Для возрождения персидской литературы более всего было сделано династией Саманидов (875–999), к которой после некоторого перерыва перешло от Тахиридов верховное господство над Хорасаном и завоеванной мусульманами уже в то время частью Туркестана, – писал Василий Бартольд. – Столица Саманидов, Бухара, привлекла к себе большое число поэтов и ученых; их государство считалось в X в. одним из самых благоустроенных. Саманиды происходили из Балха и по национальности были иранцами, языком государственного

производства при большей части правителей из этой династии был персидский...»

Когда именно Рудаки служил при дворе Саманидов, не установлено. Вероятнее всего, он был современником саманидского эмира Насра ибн Ахмада, который правил Хорасаном в 913–943 гг. При этом А. Крымский, С. Нафиси, М. И. Занд и А. М. Мирзоев предположили, что поэт мог начать службу при саманидском дворе еще во время Исмаила Самани, в 890-х гг. Эмир Наср ибн Ахмад

покровительствовал поэту и сделал его своим приближенным. Это принесло Рудаки процветание, о нем тогда говорили, что «двести рабов, четыреста верблюдов бывало в его караване...».

«Для возрождения персидской литературы более всего было сделано династией Саманидов (875–999), к которой после некоторого перерыва перешло от Тахиридов верховное господство над Хорасаном и завоеванной мусульманами уже в то время частью Туркестана. Столица Саманидов, Бухара, привлекла к себе большое число поэтов и ученых; их государство считалось в X в. одним из самых благоустроенных. Саманиды происходили из Балха и по национальности были иранцами, языком государственного производства при большей части правителей из этой династии был персидский...»

Василий Бартольд

Одна из легенд, посвященных Рудаки, гласит: его стихи настолько сильно и ярко передавали эмоции, что однажды он сумел убедить эмира Насра прекратить долгий военный поход и повернуть домой: «О Бухара! Возликуй и пребудь в веках! \ Эмир к тебе, радуясь, держит путь. \ Эмир – кипарис, а Бухара – сад. Кипарис возвращается в свой сад. \ Эмир – месяц, а Бухара – небеса. \ Месяц восходит на небеса». Об этом поэта просили уставшие и истосковавшиеся по своим семьям военачальники. Согласно преданию, эмир был так впечатлен, что приказал немедленно поворачивать к дому и даже вскочил на коня, не успев надеть сапоги.

Некоторые считали, что Рудаки был слеп от рождения, но это обстоятельство научно опровергнуто ученым М. М. Герасимовым. Опровержение основано на методе восстановления внешнего облика человека. По останкам костей скелета было выяснено, что слепота могла наступить не ранее, чем поэт достиг возраста шестидесяти лет.

Ученый Саид Нафиси из Ирана считал, что поэт Рудаки и правитель Наср принадлежали к исмаилитам. В 940 году против исмаилитов произошло восстание. Визирь, завидовавший успеху и состоянию поэта, донес на него, обвиняя в ненадежности. Разгневанный хитроумным наветом, правитель отдал приказ ослепить

поэта и конфисковать все имущество, что ему принадлежало. После этого другой придворный поэт посвятил гневному правителю такие строки: «В истории ты запомнишься как правитель, ослепивший великого поэта».

Одумавшись и проведя расследование, эмир Наср выяснил истинные причины интриги завистливого визиря против Рудаки. Он казнил визиря и приказал щедро одарить Рудаки. Однако поэт не принял даров и предпочел смерть в нищете. Он ушел из жизни на родной земле, в селении Панджруд.

До нашего времени из произведений Рудаки полностью сохранились лишь касыда «Мать вина» (933 год). А также автобиографическая касыда «Жалоба на старость». Это не считая около 40 четверостиший (рубай). Остальное поэтическое наследие Рудаки представляет собой фрагменты произведений панегирического, лирического и философско-дидактического содержания. Среди них отрывки из поэмы «Калила и Димна» и еще пять поэм.

В стихотворениях Рудаки наряду с темами восхваления и анакреонтическими мотивами явственно звучит тема веры в силу человеческого духа и знания. Он вдохновенно призывает к действию и добродетели, способной изменять жизнь. Яркость образов, легкость и чистота его поэтических выражений являются характерной чертой созданного им и его соратниками узнаваемого стиля, который существовал до конца XII века и стал известен как хорасанский стиль.

«Калила и Димна» Рудаки

Одним из знаменитых произведений персидской классической литературы, входящих в золотой фонд всемирной культуры, является сборник притч и поучительных рассказов «Калила и Димна». Известный исследователь Жан-Поль Ру в своей книге «История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней» подчеркивает значение этого произведения: «Наибольший резонанс произвел персидский перевод «Калилы и Димны», произведения, которое со времен появления в своей древней арабской версии всегда приводило читателей в восторг, а теперь обрело вторую молодость».

Но на самом деле перевод, о котором идет речь, был как минимум вторым появлением персидской версии «Калилы и Димны», поскольку арабский сборник был в свою очередь переводом с персидского. Тот, самый первый, перевод был выполнен по распоряжению знаменитого правителя шаха Хосрова Ануширвана примерно в 550 году. Его подготовил придворный врач и ученый по имени Барзавейх, а первоисточником послужила индийская рукопись, впоследствии получившая известность под названием «Панчатантры». В середине VIII века именно с этого персидского варианта был выполнен широко известный арабский перевод, авторство которого приписывают Ибн-аль-Мокаффа.

کلیله گنت ایرد تبارک و تعالی خیر و جرت و صلاح و سلامت بدین غمیت و صمیمت مرخند مخالف
مغرون دارد دمنه برفت و بر شیر سلام کرد شیر از نزدیجان خود پرسید که گیت گشت فلان فلان
گشت آری پدرش را شستم او را بخواند و گنت بجای باشی گنت بدرگاه ملک میتم شده ام

Изначальный персидский текст был утерян, поэтому и появилась новая версия – перевод с арабского (вернее, несколько различных вариантов). На это произведение, в частности, опирался Фирдоуси при создании «Шахнаме». А прославленный поэт Рудаки сочинил поэтическую версию «Калилы и Димны», состоявшую из 12 тысяч бейтов. До наших дней из них дошло всего 129.

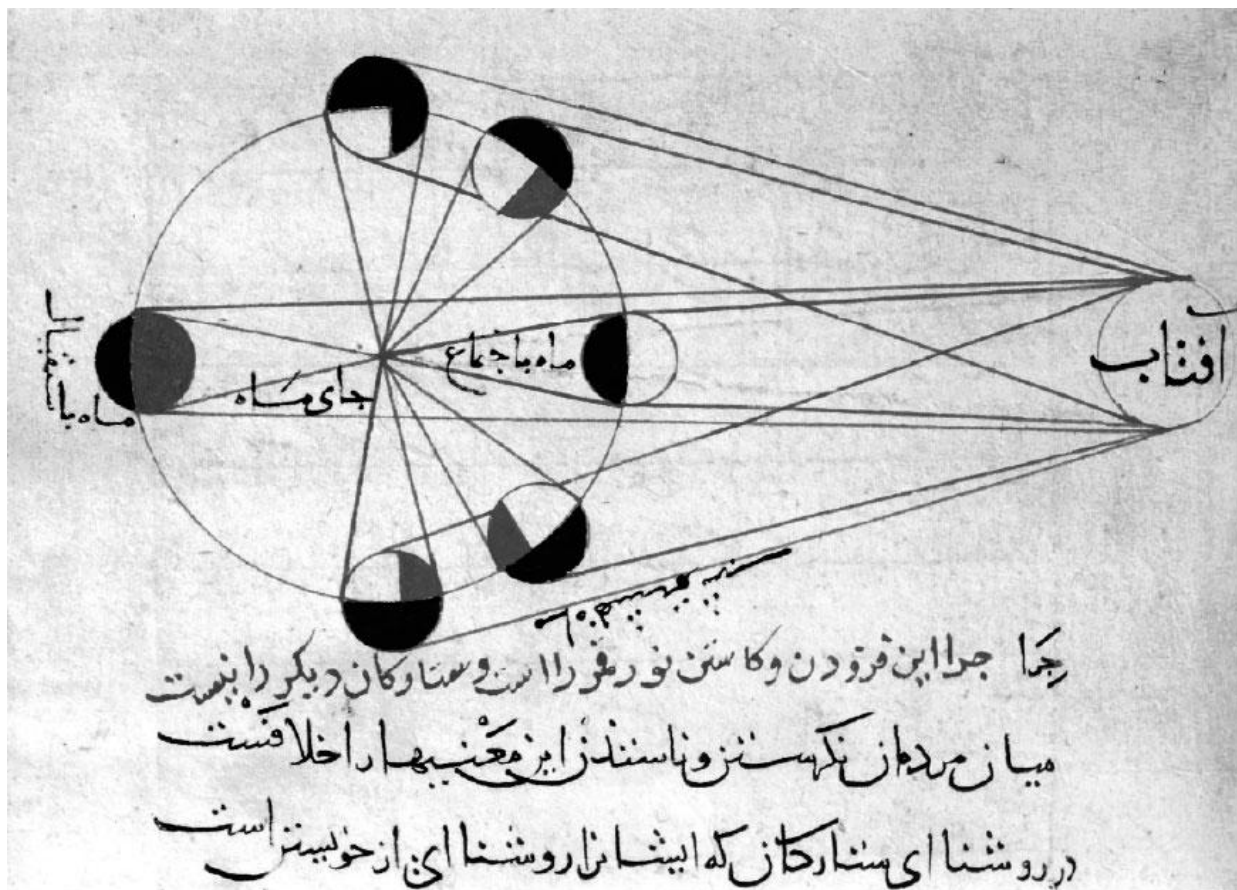
Но в свое время новая персидская «Калила и Димна», как книга назидательных и одновременно остроумных рассказов, была переведена на множество языков, включая славянские, а также на латынь. Ее влияние литературоведы усматривают даже в творчестве таких европейских писателей, как Ариосто и Боккаччо.

Покровители искусств и ремесел

В 962 году, в царствование Мансура I, один из высших военачальников и наместник Хорасана Алп-Тегин, будучи смещен со своей должности, восстал против правителя, разбил высланные против него войска и обосновался в городе Газни на территории современного Афганистана. Тамошнего правителя он сверг и основал собственную царствующую династию Газневидов. Но развитию персидской культуры и науки эти потрясения не повредили, так же как и последующее воцарение Сельджукидов, при которых столица была перенесена в Исфахан. Газневиды покровительствовали ученым и поэтам, в том числе: Аль-Бируни, Утби, Абу-ль-Фазл Бейхаки, Гардизи, Фирдоуси и многим другим.

«Для каждой отрасли ремесла как в Иране, так и в Армении была присуща свойственная только ей легенда. Наличие легенд в уставах свидетельствует о древнем происхождении того или иного вида ремесла. Как правило, ремесленные легенды Ирана основаны на коранических сказаниях, они не только проповедуют определенные нравственные нормы, но и поясняют происхождение ремесла».

Динара Атаджанова

Часто произведениями искусства именуют лишь то, что изначально было создано для украшения жизни – например, многоцветные мозаики или изысканную посуду для торжественных пиршеств. Однако не все так просто. «Для каждой отрасли ремесла как в Иране, так и в Армении была присуща свойственная только ей легенда. Наличие легенд в уставах свидетельствует о древнем происхождении того или иного вида ремесла. Как правило, ремесленные легенды Ирана основаны на коранических сказаниях, они не только проповедуют определенные нравственные нормы, но и поясняют происхождение ремесла», – свидетельствует Динара Атаджанова в книге «Армения – Иран: История. Культура. Современные перспективы взаимодействия». Более того, изделия ремесленников, так же, как и иные предметы, предназначенные для повседневного использования, например монеты, способны отобразить процесс развития культуры столь же (а иногда и более) ясно, как и уникальные работы выдающихся мастеров.

Олег Грабар, профессор Йельского университета, в своем фундаментальном труде «Формирование исламского искусства» наглядно демонстрирует, что само понятие искусства намного обширнее и сложнее, нежели сравнительно краткий перечень выдающихся произведений. И столь же сложным и многообразным является персидское влияние на культуру не только сопредельных земель, но и Аравии, и Египта, и более далеких краев. По его словам, на древней иранской основе образовался «чрезвычайно широкий диапазон исламского искусства в пространстве и времени. Оно обнаруживается в Испании в VIII веке и в Индии в XVIII столетии, и почти все страны и все столетия в этих пределах питали его развитие. Хотя есть достаточно оснований, чтобы рассматривать такие огромные территории на протяжении этой тысячи лет как единое целое, в равной степени. Верно и то, что к этому неизбежно привели значительные изменения – региональные или продиктованные временем».

При этом можно заметить, что культурные традиции времен Ахеменидов или Сасанидов, воплощенные в декоративном искусстве, архитектуре и многом другом, трансформируясь и встраиваясь в новые реалии, обретали новую жизнь, продолжая впечатлять поколение за поколением. «Некоторым формам могли придаваться конкретные значения, – пишет профессор О. Грабар. – Без существенных изменений своих очертаний башни становились минаретами, ниши – михрабами, а концентрация нефов на одной стороне здания указывала киблу всякий раз, когда эти черты обнаруживались в мечети. Арабские надписи – видимые частично, как в верхней части мозаичного декора Купола Скалы, или легко доступные обозрению, как на фасаде тимского мавзолея, на михрабе Кордовской мечети, либо на керамических тарелках из Северо-Восточного Ирана – стали конкретными иконографическими элементами, которые определяли конкретное значение памятника». Причем на этот процесс оказывали влияние многочисленные разновидности исторических, интеллектуальных, функциональных, эстетических, теоретических и других факторов, оказывавших влияние на этот процесс.

«Можно привести множество историй и сообщений, которые указывают на то, что омейядские принцы и халифы приняли как свою собственную древнюю ближневосточную традицию преобразования развлечений и удовольствий в

официальную деятельность, иллюстрирующую могущество и величие правителя. Ко времени мусульманского завоевания эта традиция преимущественно ассоциировалась с династией Сасанидов в Иране...»

Олег Грабар «Формирование исламского искусства»

Сохранились увлекательные свидетельства моментов, когда различные культуры смешивались и переплавлялись воедино, формируя уникальную традицию. «Можно привести и множество других историй и сообщений, которые указывают на то, что омейядские принцы и халифы приняли как свою собственную древнюю ближневосточную традицию преобразования развлечений и удовольствий в официальную деятельность, иллюстрирующую могущество и величие правителя, – указывает Олег Грабар. – Ко времени мусульманского завоевания эта традиция преимущественно ассоциировалась с династией Сасанидов в Иране, и независимо от того, какое впечатление это могло произвести в Риме, оно было намеренно преуменьшено, если не отброшено полностью в официальных византийских церемониях. Можно только размышлять относительно того, почему мусульмане... довольно быстро подхватили иранскую церемониальную схему неподвижной фигуры монарха, являющегося во всем величии, или развлечений, удостоверяющих его царскую сущность».

Эту особенность отмечают многие исследователи. «Искусство эпохи Саманидов представляло собой смесь местных традиций, влияния сасанидского Ирана, в основном раннего исламского периода, и нового исламского искусства, развившегося при Аббасидах, – отмечает Ричард Фрай. – Последнее лучше всего представлено находками, сделанными во временной столице Аббасидов, Самарре, по имени которой и получил свое название самаррский стиль. Во-первых, самаррский стиль в украшении характеризуется волнистыми поверхностями в плоскостях высокого и низкого рельефа, идеальными для штукатурки и лепнины. Так называемая гробница эмира Исмаила, точнее, мавзолей Саманидов в Бухаре демонстрирует схожесть с Самаррой, но здесь также предполагается изначальная резьба по дереву, поскольку украшения или узоры подчеркнуты множественными

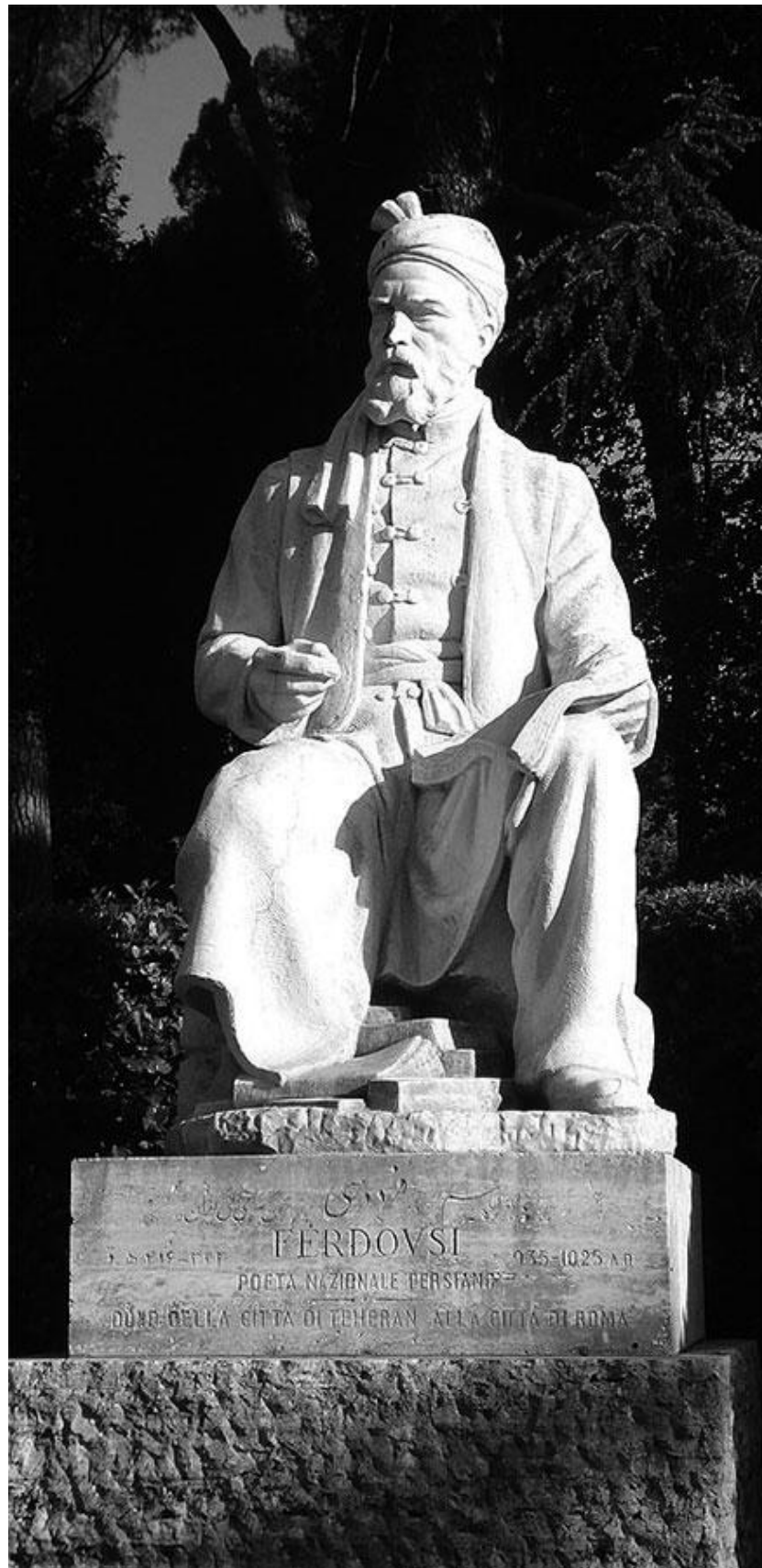
заостренными плоскостями высокого и низкого рельефа, а не волнистыми поверхностями. Что касается архитектуры мавзолея, то его конструкция походит на разновидность храма огня, известного в Иране как «чахар так», или четыре арки, увенчанные невысоким куполом».

<p>می رانده بود ای کف چرا ترا که خواستار آمد ناید که اندازد روز شکست کوزه گری را امید ناشدند روز را و سفید برای و میری که سهراب سرش زده گشته زیم کرد که چه شنیدی از غولان سوار همان ز راهی انداخت نه جویش خوردند کرد نرسید که از زشتی بران دل آمد از سخن گویی بیالهی وزین روز گشتند زوی می آید با لب خوش با ده شد و دل را در</p>	<p>ز رسم جویشد کف بگویند که سفید را امید بنام ز چهری که با بد شوم بش او گویند بر ز نوید و گرا ز کرد نام امید بنام کبی جو سفید بار بیامند زمان را به بر مند بر سید از فرخ سفید بار همه دیده بش بند با کف بیامند نون لب هر مند بدو کف که مردم سرفراز ز رسم می سبک گویی بزود که با سبزه زین گشتند ازین سخن و سوزی سوزند</p>	<p>بگویند بر مایه سفید بار بزود که کاشان روید دران ز سر مایه ز جاده ندانند شناسند چنان گشتند بدو رنگت و نه گو مال بیخ بگویند که درم کس دران روی که بر افروخته همه بود بر بند بر بای ز بخام و باغ می کرد با نمک و بر از ز راهی تل در این سر کج خور کی او از ز راه نشند را می آید با لب خوش بسوی بر کرده سفید</p>	<p>همه فرخ کیم ز یاد دار که اید ز برده کسستان روید جان هم که گفتم که او شاه کوی آمد از شاهی دیر نام از کج و گوهر درخ زواره بدو کف در این زواره بیامند بر کمال جوهر سلیمان برده برای نخست در روز ز رسم بداد دل ز سر در از ز راه سیل ز سر را شغل سفید بار بو کرد که از کجا بد جوانی می سازد از سخن بیامند زمان را به بر مند</p>	<p>کیام جر کرد با بدستند زواره فرامرز را فرخ آمد بود هم با سر و آب و خمید بر آید و ز رخ و آمد ز راه و ز راه آمد سر زه میلان سازد کرد ندانند ز راهی که کرد همه بود که از در روز بگفت آنچ بگفت از سر بر بندگی نبرد را سخن نام چه دارد می باوران فرستی با شای دیر و سرک کی از شهر چنگ اور مسال بر شد با فرخ سفید بار</p>	<p>بریم ز سدار شاه بسند همین بره بر زمانه گشتند با چو خاصه زین گشتند کی زود که باور شاه آمد اگر تکی می آمد سر زود بی کز آن راه که گشتند بیامند مرد خرد کار بد غارت کرد که برش رود جویشد بگفت بر سید بدو کف چون رسم به سخن بدیدار شاه آمد از سخن و کرد که از راهی بر ترک چنین کف بر شای بران بی از کف که امور صد سوار همین ز خشک در راه می رود</p>
					
<p>مان در سخن رای فرخ هم بدین از روی بو کرد بر سید و سید از سخت شای سید بر تو چون روز یاد که دم ز شاه و در سخن بود لیلی از روزگار در</p>	<p>نشینم بر جای و با چه دم که روی سبزه گشت بد خنک شمران کف همه ساله سخن بر روز یاد کی زده سبزه ای جهان خنک که گشتند از سخن</p>	<p>سوزن در ساقی اسپاه نردم چای در روغ بالا و نواز سید در زده که با بدیم باد بر خوشنود سقا در وقت بی باخ بندگی بر باند</p>	<p>کی توان و در راه جاده که ز رخ و سخن فرخ خنک ما که جویش در همه دستان از زود هم باد ز سلسله را هر در کف خنک که چون فرخ بر باد</p>	<p>همه خوانم با و در نهایی نردم ز سخن نهایی مران از جاده همه بدستند از یاد فرود آمد از کجا آمد بلان جاده خنک در</p>	<p>سای فرخ که کرد خدای چنان دان که بر ز کجا گشت نامه سبزه سبزه زدم سخن که با بود جویشد کس از زین گشتند خنک که با سبزه زین</p>

Однако, по мнению специалистов, важнейшую роль в расцвете «персидского Возрождения» сыграло не только многообразие достижений искусства, но прежде всего литература, поэзия. Особое значение для формирования культуры и всего мировоззрения жителей иранских земель имела знаменитая поэма Фирдоуси «Шахнаме».

Фирдоуси

Фирдоуси (935–1020) – персидский поэт, автор эпической поэмы «Шахнаме» («Книга царей»). Будучи почитаемым поэтом в Иране, он также прославлен в Таджикистане, Афганистане и Узбекистане. На персидском языке его полное имя таково: Хаким Абулькасим Мансур Хасан Фирдоуси Туси. Имя Фирдоуси дословно означает «Райский». В народе он известен как «Хаким», что означает «мудрец», «ученый».

Фирдоуси родился в Хорасане, в окрестностях города Туса, приблизительно между 932 и 936 годами в семье местного землевладельца. Владения семьи были не такими уж большими и доходными, потому достаток был очень скромным. Вдобавок материальное благосостояние семьи значительно ухудшали постоянные войны тех лет. К сожалению, достоверных сведений о детстве знаменитого поэта не сохранилось. Однако известно, что, несмотря на трудности и тяжелое время, он получил достойное образование и отлично знал два литературных языка Ирана. В то время это были персидский и арабский. Фирдоуси особо высоко почитал знание и не раз выражал это в своих стихах:

*К словам разумным ты ищи пути,
весь мир пройди,
чтоб знания обрести.*

Юность Фирдоуси пришлась на сложный период истории его страны. Аристократы и землевладельцы, долго подавляемые арабским господством, наконец получили свободу от захватчиков и даже смогли вернуть себе некоторую власть в отдаленных частях халифата.

Фирдоуси жил в Газни на протяжении нескольких лет. Он служил у султана Махмуда Газневидского. Поэма «Шахнаме» посвящена ему. Но султану Махмуду она не очень понравилась. Основная идея произведения – мысль о том, что только потомки царей – истинные

носители царской власти и только у них есть право на трон. В делах наследования султан был сторонником применения силы и считал вполне справедливым право более сильного, а не столько право наследования, при котором трон мог занять даже слабевольный правитель.

Существует легенда, что султан Махмуд попросту не захотел заплатить автору за поэму. Фирдоуси был мудрым человеком, как все поэты, тонко чувствующим и эмоциональным. Он сильно расстроился. На жадность и непонимание ответил соответственно: написал сатиру и в ней уличил султана в низком происхождении, а точнее, происхождении от раба. Махмуд был разгневан таким творением поэта и начал его преследовать. Поэту пришлось покинуть страну и до конца дней своих странствовать и жить в нищете. По мотивам этой печальной легенды Д. Б. Кедрин создал свое стихотворение «Приданое».

«В тени пальм движутся верблюды, нагруженные индиго и другими драгоценными товарами; они посланы владельцем страны в дар тому, чьи песни – радость народа, слава страны, тому, кого зависть и клевета изгнали из родной страны. Караван приближается к маленькому городку, где певец нашел убежище; из города выносят навстречу каравану бедный гроб. Хоронят как раз того, кого ищет караван: Фирдоуси. Тернистый путь славы пройден им до конца!»

Ханс Кристиан Андерсен

Также существует предание, по которому незадолго до смерти поэта султан Махмуд услышал от своего придворного несколько трогательных строк из «Шахнаме». Он спросил об авторе и узнал, что это строки из «Книги Царей», которая посвящена самому Махмуду. А ее автор – поэт Фирдоуси, живущий в Тусе в крайней бедности. Тогда Махмуд послал поэту щедрый дар. По сообщению Арузия, это было 60000 серебряных дирхемов. По более поздним версиям, этот дар состоял из 60000 золотых червонцев. Но подарок опоздал: великий поэт покинул земной мир. Говорили, что «в то время, когда через одни городские ворота выносили для похорон тело поэта, в другие городские ворота входили верблюды с дарами...». В философском эссе «Тернистый путь славы» знаменитого Ханса Кристиана Андерсена тоже есть строки, навеянные этим печальным преданием: «В тени пальм движутся верблюды, нагруженные индиго и другими драгоценными товарами; они посланы владельцем страны в дар тому, чьи песни – радость народа, слава страны, тому, кого зависть и клевета изгнали из родной страны. Караван приближается к маленькому городку, где певец нашел убежище; из города выносят навстречу каравану бедный гроб. Хоронят как раз того, кого ищет караван: Фирдоуси. Тернистый путь славы пройден им до конца!»

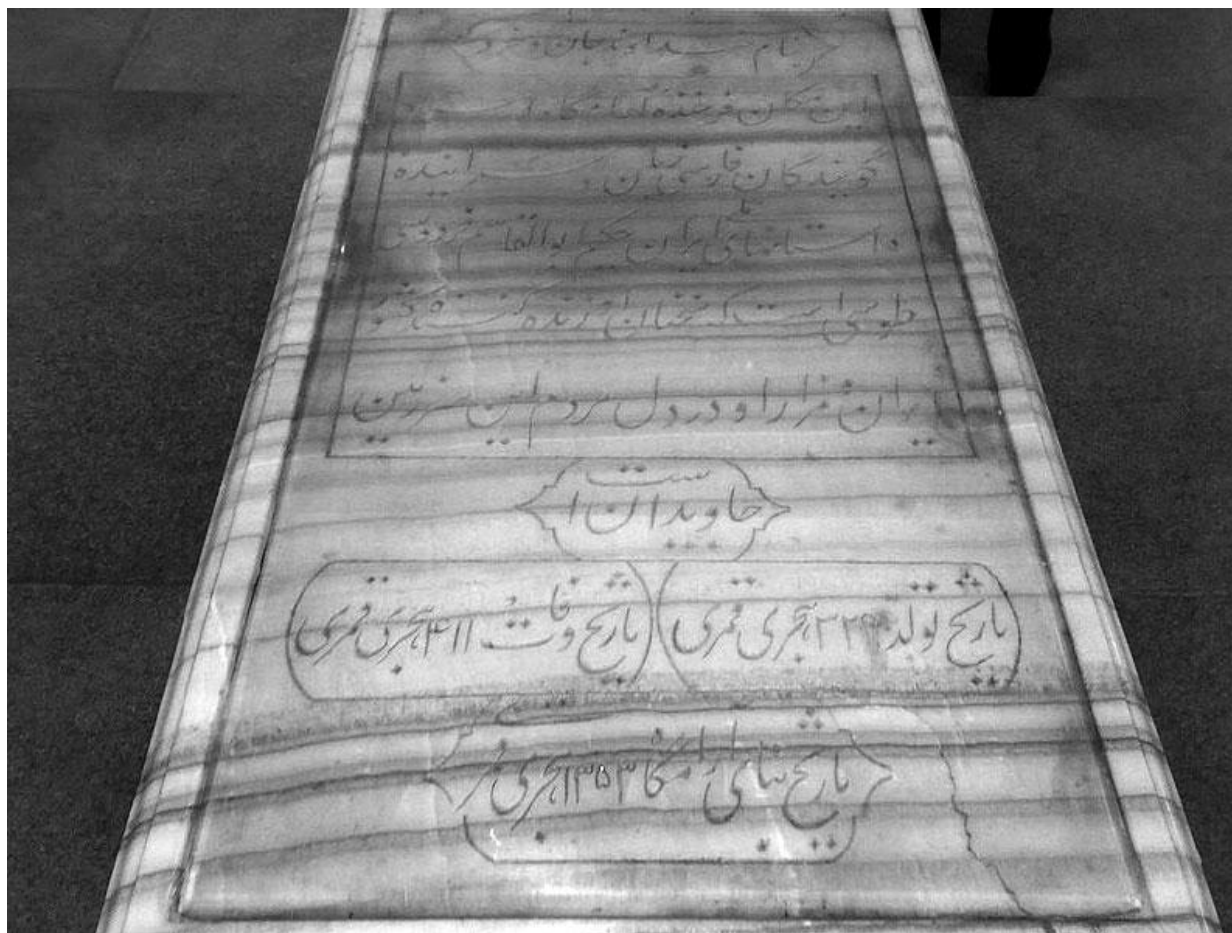

Фирдоуси был похоронен в Тусе, в принадлежащем ему саду. Над его могилой правитель провинции Хорасан распорядился построить мавзолей. И через некоторое время место погребения Фирдоуси стало объектом массового поклонения и паломничества. Когда оно пришло в упадок, его приказал восстановить Реза-шах, что и было выполнено к дате тысячелетия со дня рождения поэта (в период с 1928 по 1934 г.). Реконструкцию осуществило Общество по национальному наследию Ирана. После восстановления могила Фирдоуси получила статус национальной святыни Ирана.

О произведениях Фирдоуси было немало споров. Поэма «Шахнаме» является единственным произведением Фирдоуси, авторство которого достоверно установлено. Возможно, за свою жизнь он написал много других произведений, но они, к сожалению, не сохранились до наших дней.

По некоторым сведениям, Фирдоуси является автором поэмы «Юсуф и Зулейха» на библейско-коранический сюжет об Иосифе Прекрасном. Также некоторые исследователи спорят об авторстве сатирической поэмы о жадном султани Махмуде Газневи. Например, Низами Арузий, один из первых биографов Фирдоуси, сообщал, что текст поэмы о султани был уничтожен неким доброжелателем.

Осталось только шесть безобидных строк. Ради этого доброжелатель выкупил поэму у автора за тысячу дирхамов.

Изучая характеристики отдельных фрагментов текста поэмы «Шахнаме», эти сохранившиеся сатирические стихи часть исследователей считают сфабрикованными, а другие не сомневаются в их подлинности.

«Шахнаме» и былины

Многие исследователи русского эпоса заметили сходство некоторых его сюжетов с теми, которые характерны для эпоса иранского. Так появилась версия, что в основу популярного сказания о славном богатыре Еруслане, ставшего основой для многочисленных повестей и лубков, положен пересказ знаменитой поэмы Фирдоуси «Шахнаме».

Повести о Еруслане стали широко распространяться на Руси с начала XVII века. Истории о подвигах отважного героя, который при этом был почитателен и заботлив по отношению к своим престарелым родителям, добр к тем, кто нуждался в его защите, и несокрушим перед лицом опасности, пользовались огромным успехом среди народа. Очень быстро повести о «Еруслане Лазаревиче» стали одним из самых распространенных сюжетов лубка, который представлял собой красочные гравюры с развернутыми подписями, объяснявшими изображение, то есть фактически средневековый аналог современных комиксов.

Имя главного героя Еруслана представляет собой трансформированное Арслан («Лев»), а именно такое прозвище получил за свою доблесть витязь Рустам. Отчество «Лазаревич» получилось из первоначального «Залазарович», как более привычное для русского человека, ведь в первых вариантах сказания отец главного героя звался Залазар. Это сразу заставляет вспомнить имя отца Рустама – Заль-зар. И даже чудесный конь, верный помощник героя, в историях о Еруслане зовется Араш, что также созвучно эпосу о Рустаме, чей конь звался Рахш.

Имя главного героя Еруслана представляет собой трансформированное Арслан («Лев»), а именно такое прозвище получил за свою доблесть витязь Рустам. Отчество «Лазаревич» получилось из первоначального «Залазарович», как более привычное для русского человека, ведь в первых вариантах сказания отец главного героя звался Залазар. Это сразу заставляет вспомнить имя отца Рустама – Заль-зар. И даже чудесный конь, верный помощник героя, в историях о

Еруслане зовется Араш, что также созвучно эпосу о Рустаме, чей конь звался Рахш.

سوی زرش رخشان بادبان
 دوست اندک آرد و زده بر سرش
 میزوش برنگ تار کرده
 دوی را بدان چاره چنان کرد

بوازش می کشید زرش آفران
 مان نیز زمان پرشت اندرش

چو پادشاه پستم نیز چنگ
 جهان دید پرشیر تارک ونگ

کرفت یک با پیش کن کارزار
 کن یکا بنه و کار ز کاران
 تهنه نوازش آتش استنوه
 غیرت بایت بر خیز غیر

بکوز کشیدی باز دران
 بنو زرشید رزده ساز نیزه کوه
 یک راه پیش آتش ناکر نیز

من این پروانه غم چنگ عوی
 تن جانک باش که کشیدی
 نیزه ان یکی و دست کشیده

چنین گفت کانی زرش ماهوشیا
 لکرتو شدی گشته به دست او
 سرم که ز خواب آتش لکرتو شدی
 نیزه شش سرتو زین بنیاد

В повестях о Еруслане присутствует и один из известных сюжетных ходов «Шахнаме» – поединок не узнанных друг другом отца и сына. Специалисты по истории народной литературы отмечают, что влияние сказаний о Еруслане заметно даже в некоторых былинах об Илье Муромце. Более того, этот момент был внесен в сценарий первого советского широкоэкранного художественного фильма «Илья Муромец» (1956). Там Илья Муромец сражается с собственным сыном Сокольниковом, который вырос, не зная отца, в плену у вражеского царя, и узнает его только по перстню, который был подарен богатырем жене еще до рождения наследника.

شاهنامه فردوسی

از دکانم نم زخمش پسته برد
بر او نخت بختش با بارها
نمون بر او در کمر بسته بود
بروی جادو چیتنخا و دشمنان

بر او نخت از زمین کوه انجمن که بر گشته بختش بد روزگار نخون گشته از زخم دول شتاب که تارن گذر کرد از آن جنگا په بر شمشیر گزید بر بی پسته اگر نه بر چه سوخت آسمان جو در زخمش پسته نه شده ایمان دهان نه پس شاه جویان پست	فرو آمد و سر بر پیش رفتن بر آید دایم با کاران در بزنشند از یک از سپاه چو گاه مشد نامور پادشاه نمی خاست که ز در به بگذرد بختی بر کس گذر در گمان اگر شیر پاست اگر کله بان پسپاه انجمن که بود جوان پست	که بگفت بنیام و چون دلو که از نام و اران و کردان ببسته شد و کمر بی کینه خواه در لور شده بد تا جاده آرد خدای جو بر از پیش روی بنهاد و نرفت په سوز که گشتای چون بند کوش که با کس نپاشد هیچی از کار که پسوی بیابان نمان کرد	یکی سینه ز در کمر بنداد بزمود تارن سیار از نهاد بگشند جندی از تاران سپاه فوزان سو که دشناه نو در گامی نخعی گشت و لشکر همه بر گرفت بشیر گشت دشمنانی تیر توش خیزان پست کردون پادار جواز اسپاب که بی نیش
---	--	---	--

چو اساس چاپ مسکو

Становление эпоса

Фирдоуси опирался не только на исторические хроники и произведения поэтов-предшественников, но и на традиционные предания. Важнейшее место в древнем иранском эпосе занимает Симург – птица, обликом подобная благородному соколу, но с головой пса или льва. Симург – птица женского рода, в легендах она является хранительницей мудрости и знаний. Эта удивительная мифическая птица и была воспета Фирдоуси в поэме «Шахнаме». Именно она воспитала сына персидского царя Сама, брошенного по распоряжению отца на безжизненных склонах горы Эльбурс. Ведь мальчик, получивший имя Заль, родился альбиносом, что очень испугало всех, кто видел младенца, в том числе и самого царя. И казалось, Заль обречен на гибель, но его плач услышала птица Симург, которая унесла малыша к себе в гнездо, обогрела и вырастила.

Когда Заль подрос, Симург стала рассказывать ему об окружающем мире, о прошлом и настоящем, щедро делаясь своей мудростью. Однако, став взрослым, Заль захотел вернуться к людям. Симург была опечалена таким решением, но отпустила приемного сына, дав ему на прощание три своих пера. «Если понадобится помощь, – сказала она, – подожги перо, и я немедленно примчусь на выручку».

Принц Заль вернулся в родительский дом и решил обзавестись семьей. Его избранницей стала принцесса Рудаби. Но когда настало время появиться на свет их сыну, то оказалось, что наследник слишком велик, чтобы его рождение прошло благополучно. Однако благодаря помощи птицы Симург, которая, исполняя свое обещание, подросла вовремя, ребенок благополучно явился в мир. Это был будущий великий герой Рустам.

Предание о птице Симург не только вдохновило Фирдоуси, но и породило одну из известных иранских пословиц. Когда неожиданно появляется человек, которого только что вспоминали в беседе, то говорят «словно мы его перо подожгли».

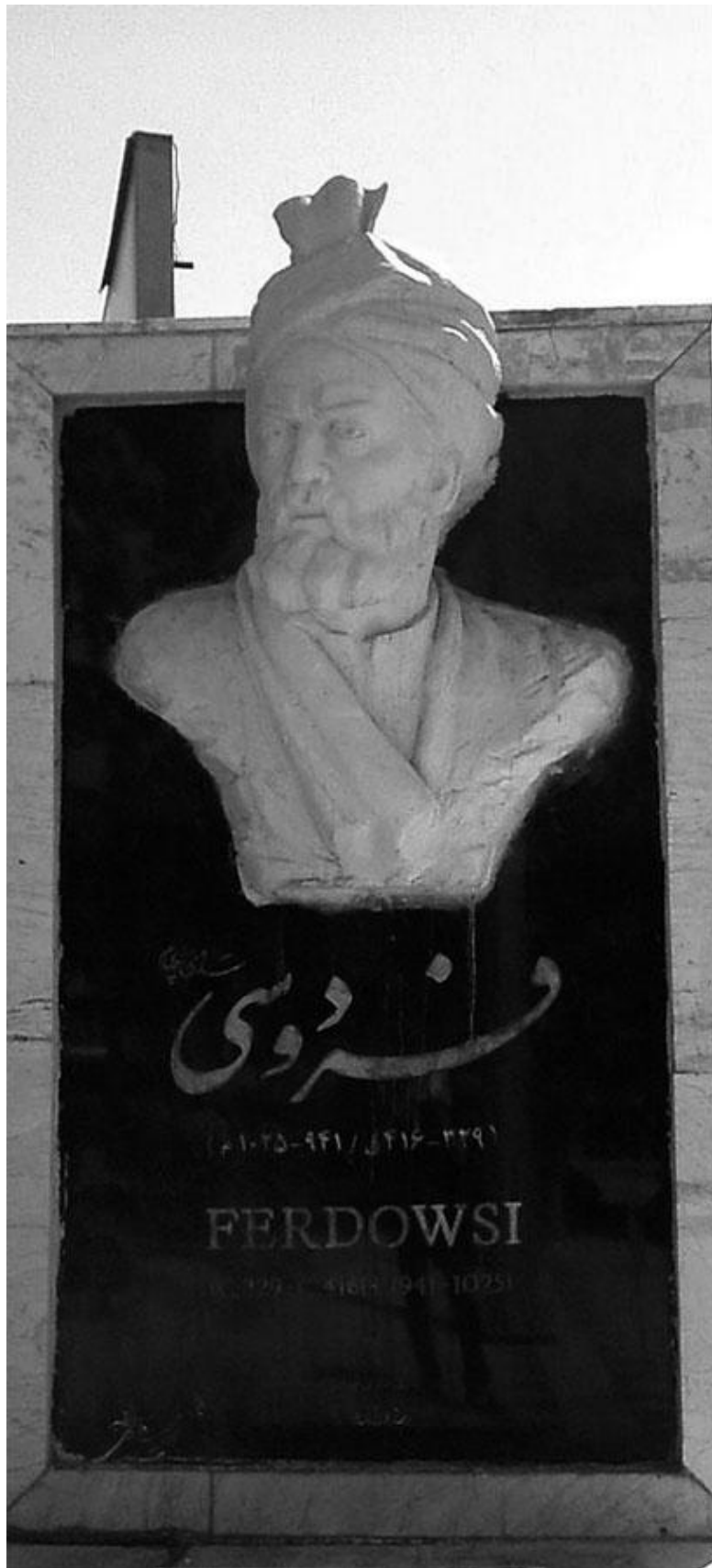
«Именно гений Фирдоуси объединил стихи Дакики, народные традиции и песни и сведения из письменных

источников в единую поэтическую книгу, ставшую национальным иранским эпосом».

Ричард Фрай

В итоге поэма «Шахнаме», вобрав в себя множество элементов истории и преданий, сама постепенно обрела статус подлинного эпоса.

«Именно гений Фирдоуси объединил стихи Дакики, народные традиции и песни и сведения из письменных источников в единую поэтическую книгу, ставшую национальным иранским эпосом, – пишет Ричард Фрай. – Лишь она одна стала национальным эпосом, ибо городская цивилизация требовала написанную определенным стилем, связную и, можно сказать, утонченно-изысканную поэму, а не различные сочинения уличных певцов и исполнителей, декламирующих баллады о героях Древнего Ирана перед воинами или дехканами на их ночных пиршествах. Я уверен, что Фирдоуси, хотя и отражал литературные предпочтения и интересы класса дехкан, сочинил свою поэму для двора, для городских жителей... Таким образом, по мнению многих, его «Шахнаме» сохранилась в качестве величайшего литературного произведения новоперсидского языка... «Шахнаме» написана не как народный эпос, взятый дословно из уст уличных исполнителей; это скорее доведенная до совершенства литературная поэма». И степень этого совершенства столь высока, что авторская поэма во мнении народа оказалась поднятой на уровень всеобъемлющего предания, в котором сосредоточены огромные духовные и творческие силы, дающие людям поддержку и радость на протяжении столетий.

سید
فردوسی

(۱۰۱۰-۹۶۱ / ۲۱۶-۲۲۹)

FERDOWSI

(۱۰۱۰-۹۶۱ / ۲۱۶-۲۲۹)

۱۳۳۲

Эпос и архетип

Специально для этой книги О. А. Дыдыкина, кандидат филологических наук, провела подробный анализ прославленной «Книги царей» и связанного с ней традиционного эпического наследия, а также архетипов, которые прослеживаются в произведении Фирдоуси и позволяют оценить масштаб его влияния на культуру сопредельных стран.

«Богатейший народный эпос Ирана, который лег в основу «Шахнаме» Фирдоуси – уникального памятника мировой литературы, – отразил важную историческую роль древних иранских народов, их широкие культурные связи с соседними народами. Как отмечал Ж. Дармстетер, этот эпос вобрал в себя сказания, восходящие к единому общеиндоевропейскому мифу (прамифу), и сам, в свою очередь, оказал влияние на мотивы, сюжеты, образы эпических поэм разных народов. Коран и Библия, индийские веды, русские былины и лубочные сказки, скандинавские саги и европейские средневековые баллады перекликаются с «Шахнаме» – поэмой монументальной и по форме, и по содержанию, подчеркивал Р. Фрай.

Поэма насыщена яркими архетипичными образами, мотивами и сюжетами. Классическая параллель: «Шахнаме» – древнегреческий эпос. «Бронзовотелый» Исфандияр – образ, связанный с общеиндоевропейским мифом о неуязвимом герое, и столь же неуязвимый Ахиллес Гомера. Иранист А. А. Стариков писал в связи с этим: «Если бы, например, какой-нибудь греческий автор – Гомер позднейшего времени – отразил в единой поэме, в десятки раз превышающей объем «Илиады» и «Одиссеи», весь цикл греческих сказаний, включая ранний исторический период, эпопею персидских войн, расцвет и падение Афин, возвышение Македонии, чудесный поход Александра на Восток, перипетии борьбы диадохом и эпигонов и закончил бы эпопею битвой при Пидне и обращением Эллады в римскую провинцию, то мы имели бы подобие «Шахнаме» Фирдоуси в древнегреческой литературе».

«Богатейший народный эпос Ирана, который лег в основу «Шахнаме» Фирдоуси – уникального памятника

мировой литературы, – отразил важную историческую роль древних иранских народов, их широкие культурные связи с соседними народами».

Ричард Фрай

Мировой мифологический архетип могучего богатыря (царя) сближает поэму Фирдоуси с другими мировыми эпосами. Образ Рустама, которому не суждено пасть в бою, роднится с русским богатырем Ильей Муромцем, который, согласно пророчеству, тоже не погибнет. Так же как и Рустам убивает своего неузнанного сына Сухраба, Илья Муромец убивает своего сына Сокольника на поединке. Неуязвимость, нечеловеческая сила, храбрость и доблесть богатыря в сочетании с его внешней красотой присутствуют в эпосах разных народов и восходят к общемировому архетипу божественного происхождения богатыря-героя. Царь-богатырь у Фирдоуси наделен «фарром» – божественным сиянием и происходит от богов. В индийских и греческих эпосах, имеющих общеиндоевропейские корни с иранской мифологией, этот архетип встречается неоднократно. В «Махабхарате» пятеро пандавов рождаются от богов Сурьи, Дхармы, Ваю. В «Рамаяне» Рама и его братья родились, после того как жена Дашаратхи выпила напиток, врученный царю самим Вишну во время жертвоприношения. Вавилонский Гильгамеш – сын богини Нинсун, Ахиллес – сын Фетиды, Эней – Афродиты, Сарпедон – Зевса.

Другой типичный для эпосов архетип – борьба бесстрашного героя с чудовищами, змеями и драконами. Зигфрид из «Песни о Нибелунгах» так же кует меч для боя с драконом, как и правитель Хушенг в «Шахнаме». Герой древнего прамифа изначально мыслил себя подчиненным темным силам природы и вынужден был бороться с ними – они олицетворены в страшных чудовищах и драконах. По мере развития социального и технического прогресса, установления государственности этот архетип претерпевает изменения. Так, в исторической части «Шахнаме» на раннем этапе возникновения государства Сасанидов его основателю Ардаширу Бабакану приходится бороться с Червем Хафтвада, а с уничтожением этого червя в государстве Сасанидов сразу же прекращаются внутренние распри, и наступает стабильность.

«Фирдоуси по-библейски основательно показывает типажи правителей Персии. На всем протяжении поэмы он пытается найти типаж если не самый идеальный, то хотя бы

близкий к нему, который должен стать образцом для подражания потомков...»

О. А. Дыдыкина

Фирдоуси по-библейски основательно показывает типаж правителей Персии. На всем протяжении поэмы он пытается найти типаж если не самый идеальный, то хотя бы близкий к нему, который должен стать образцом для подражания потомков, как первоцарь-первочеловек Кеюмарс. Цари с набором отрицательных качеств тоже присутствуют в поэме в качестве антипримера. Таков злобный царь Зохаг, который, как и Ирод, избивавший младенцев, чуть не убил замечательного младенца Феридуна, все равно ставшего царем.

По словам Т. Нёльдеке, исследователя и переводчика Фирдоуси, «Ни в одной из литератур мира эпопея не вобрала в себя так органически всю мифологию, народные эпические сказания и историю, не объединила их в такое композиционное законченное целое, как в «Шахнаме» Фирдоуси».

«Шахнаме» в традиционном театре

Известный исследователь Арти Д. Александер специально для этой книги рассматривает примеры того, как поэма Фирдоуси, став культурным явлением высокого ранга, вернулась обратно к своим корням, связывающим ее с жанром народного сказительства, и обрела воплощение как одно из самых значимых произведений, представляемых в традиционном театральном искусстве.

فتان داد مادر مراد پند
کنون کز تو آرب با منی نوی

نصیر از راه روانم بس

مکای بستن با پیش زدوی

چنان بان بادم بران روی
دیا چون شب از سیاهی نوی

در چون ستاره شوی بر سپهر
نخواه مهرز تو پدر کین من
که سپهر کبسته است و اکمله
پشتاد از پای به پیش گشت
بوماه داری ز رستم
نیزه خردیش اندک خوش
به گفت اگر آن که رستم نوی
کنون بدین ای از چشم
مکان از رفتن سخن گفت

چو نیند که طشت با این من
بماید است که آن کوه استار
همی ای آن نایب بی گشت
که که باه نامش ز گشت آن
عجب کند روی امی ز دور
بگشتی از خیره بر بد فری
بر خنده چن آن تن روشنم
یکی همزه بر از روی من بست

زین نامداران که در گشت آن
چو بپوشید رستم سر کبیره
پرسید از نسیل که به هوش
که رستم تنم کم مانا و نام
چو سهراب گیسوم بر آن
زیر کوه بودم تورا ده تهای
چو ز رستم دار کوس از دم
مرا گفت کین از پدر با و کار

بیری زدوی زین باک
کسی هم بر زنده در چشم آن
جهان پیشش کی تر گشت
به وقت باله با خورش
نشد او بر ما تمثال سام
که افتاد در پیش دگر گشت رسید
بچشم به پند زه عزیز گای
سایه بگر خون در سرخ ما دم
ببار و بهین تا کی آمد بکار

«Шажнаме» смог стать популярным на Индостане для мусульманской аристократии и интеллигенции, и для проживающих там выходцев из Пакистана... Его не раз интерпретировали на свой язык уличные и странствующие театральные труппы, а также эту историю не раз исполняли в переложенном на местный фольклор виде, в варианте песенного представления. «Шажнаме» завоевывала свое место среди других значимых произведений культуры и искусства, также как вечная, но притягательная по смыслу трагическая история «Лейлы и Меджнуна», также имеющая на Индостане множество вариантов исполнения. В том числе такие спектакли и песни нередко исполняют актеры театров, где все даже женские роли традиционно исполняют мужчины, эта традиция появилась во времена, когда наиболее важным было оградить искусство от искажения истинного смысла, а охранять от лишних домыслов, ставя своей целью не отвлекать зрителей от истинного смысла произведения на женское очарование, и не внося туда ничего предосудительного.

«Такие спектакли и песни нередко исполняют актеры театров, где все даже женские роли традиционно исполняют мужчины, эта традиция появилась во времена, когда наиболее важным было оградить искусство от искажения истинного смысла, а охранять от лишних домыслов, ставя своей целью не отвлекать зрителей от истинного смысла произведения на женское очарование...»

Арти Д. Александр

Веками на Индостане развивалось устное поэтическое искусство. Благодаря коммуникациям с другими регионами и народами народный эпос постоянно пополнялся новыми легендами и историями. Например, в штате Раджастан, занимающем наиболее выгодное положение на карте Индии для караванных путей с запада и севера. На этой обширной территории, почти каждое селение сложило собственные сказания о доблести и чести, а заимствованные истории в устах местных сказителей и странствующих актеров приобрели новую эмоциональную окраску и яркие цвета героических племен пустыни.

Помимо этого штату Раджастан – что буквально значит «Страна Королей» (раджей), издавна присуще великолепие древних королевских династий, величественные крепости-дворцы, неприступные стены цитаделей. И вместе с этим сложился целый раздел особых сказаний о битвах и борьбе за справедливость и вполне естественно, что все близкое этому по духу попадало на благоприятную почву и воспринималось близко к сердцу. Как это и произошло с «Шахнаме».

Самым ценным на этой земле является не материальное богатство, а сохранение традиций предков, часть этого сокровища – народное творчество, эпос и сказания о событиях прошлых времен и о великих людях. Это стало возможным благодаря тому, что Индия, несмотря на быстрое развитие и технический прогресс, все еще достаточно консервативна и в ряде ее штатов, по-прежнему неприкосновенны реалии Средневековья. А именно – касты и их традиции, среди которых особое положение занимают касты факиров и целителей, певцов-менестрелей, художников, актеров, поэтов, странствующих семейных трупп циркачей и театров. Благодаря кастам и передаче профессии «от отца к сыну» они существуют в современном мире практически в первозданном виде, их мастерство не угасло и радует нас до сих пор. Их поле деятельности – это многочисленные праздники, свадьбы, фестивали, знаменательные исторические, культурные и религиозные даты.

«Певцы и актеры выступают по несколько часов, без перерыва, создавая свои импровизации на основе когда-то услышанных стихов, поэм, историй, событий, эпоса и литературных произведений»

Арти Д. Александер

В дни фестивалей количество зрителей на этнических и национальных ярмарках может достигать десятки тысяч человек. Пересказывая или интерпретируя на свой лад какую-либо историю, индийский менестрель вносит в нее местный колорит и пояснения, оставляя неизменной ее суть. Популярность добавляет и то, что крестьяне и ремесленники очень верят в сверхъестественные силы сказителей – снисходящие к ним во время выступления, это объясняется тем, что некоторые из них неграмотны и суеверны. Духи героев сказаний исцеляют не только людей, но и животных, что актуально для владельцев, разводящих верблюдов, овец и коз... Злые духи и любые бесы всегда вынуждены отступить перед величием добрых дел. И кроме этого есть поверье, что, пересказывая прошлое, сказители видят будущее. Певцы и актеры выступают по несколько часов, без перерыва, создавая свои импровизации на основе когда-то услышанных стихов, поэм, историй, событий, эпоса и литературных

произведений. Большие сезонные индийские ярмарки проходят за пределами городов и селений, обычно на обширном поле, чтоб огромные толпы гостей и участников, прибывающих со всех концов Индии с семьями, домашним скотом и товарами, могли расположиться там с максимальным комфортом и пользой. Театральные действия и выступления начинаются, как только утихает шум и суета ярмарки, с заходом солнца, и каждую ночь, пока длится фестиваль, а люди имеют возможность узнать нечто большее, чем их скромная и полная обычных забот, собственная жизнь. И зрители слушают, замирая от волнения, истории, которые их вдохновляют».

«Шахнаме» в кино, современном театре и литературе

Сказания о Рустаме и Сухрабе – одни из самых известных в мире. В XX веке на этот сюжет неоднократно были сняты фильмы и сделаны постановки. Так в 1910 году по мотивам великой поэмы была создана мугамная (в одном из основных жанров азербайджанской традиционной музыки) опера Узеира Гаджибекова (основоположника современного профессионального музыкального искусства Азербайджана, автора гимна Азербайджанской ССР и гимна Азербайджана) «Рустам и Зохраб».

Ее премьера прошла 12 (25) ноября 1910 в Баку в театре Г. З. Тагиева, построившего здание театра на свои деньги. Режиссером «Рустама и Зохраба» был Гусейнкули Сарабский – азербайджанский оперный певец (тенор), композитор, драматург, актер театра, режиссер-постановщик. Дирижером являлся сам Узеир Гаджибеков. В главных ролях в опере выступали Гусейнкули Сарабский (Зохраб), Ахмед Агдамский (Тахмина), М. Х. Терегулов (Кейкавус) и другие.

Второй раз опера, уже в переработанном виде, была поставлена в театре Г. З. Тагиева на бенефисе композитора Муслима Магомаева (дед певца Муслима Магомаева) в марте 1915 года.

Это эпическое сказание о подвигах легендарного древнеиранского богатыря Рустама – смелого воина, готового всегда прийти на помощь тому, кто в ней нуждается. На экране герои эпоса: певец, говорящий правду жестокому властелину, и дэв, постоянно меняющий свои обличья.

«Сказание о Рустаме»

Индийский мусульманин Ага Мухаммад-шах (по прозвищу Ага-Хашара Кашмири), изучавший арабский и персидский языки у лучших ученых Бенареса, в 1929 году написал на урду пьесу «Рустам и Сухраб».

В 1963 году индийским кинематографистом Вишрамом Бедкара был снят художественный фильм «Рустам и Сухраб» с Притхвираджем Капуром в главной роли.

17 апреля 1972 года в Советском Союзе состоялась премьера фильма «Сказание о Рустаме». Картина была снята режиссером Борисом Кимягоровым по сценарию Григория Колтунова. Операторы: Давлат Худоназаров, Заур Дахте, композитор Ариф Меликов. Художник Шавкат Абдусаламов. Длительность – 2 часа 27 минут. В главных ролях: Бимболат Ватаев, Хашим Гадоев, Отар Коберидзе, Махмуджан Вахидов, Светлана Норбаева, Мухамеджан Касымов, Марьям Исаева, Алим Ходжаев, Ходжакули Рахматуллаев, Гурминч Завкибеков.

Как гласила аннотация фильма, это – эпическое сказание о подвигах легендарного древнеиранского богатыря Рустама – смелого воина, готового всегда прийти на помощь тому, кто в ней нуждается. На экране герои эпоса: певец, говорящий правду жестокому властелину, и дэв, постоянно меняющий свои обличья.

2 января 1973 года в СССР состоялась премьера фильма «Рустам и Сухраб», тоже снятого режиссером Борисом Кимягоровым по сценарию Григория Колтунова. Операторы: Заур Дахте и Давлат Худоназаров. Длительность – 1 час 38 минут. В главных ролях снялись: Бимболат Ватаев, Хашим Гадоев, Отар Коберидзе, Махмуджан Вахидов, Гурминч Завкибеков, Сайрам Исаева, Алим Ходжаев, Таризель Касимов, Абдусалом Рахимов, Б. Садыков. В аннотации к этому фильму он был назван историей о поэтичной любви Рустама к прекрасной Тахмине, о предательстве и вероломстве коварного и завистливого шаха Кавуса.

5 декабря 1977 года в Советском Союзе прошла премьера фильма «Сказание о Сиявуше», снятого режиссером Борисом Кимягоровым по сценарию Григория Колтунова. Оператор Давлат Худоназаров, композитор Ариф Меликов. Художники: Шавкат Абдусаламов и Леонид Шпонько. Из трех фильмов, снятых Борисом Кимягоровым на тему «Шахнаме», этот – самый длинный, 2 часа 56 минут. В главных ролях: Марк Жозеф, Светлана Орлова, Отар Коберидзе, Бимболат Ватаев, Хабибулло Абдураззаков, Турахон Ахмадханов, Дилором Камбарова, Талгат Нигматулин, Асли Бурханов, Гурминч Завкибеков.

Как гласила аннотация фильма, картина повествует о воспитаннике Рустама – царевиче Сиявуше, сыне шаха Кавуса. Воспылала к нему страстью мачеха Судаба, а когда юноша отверг ее любовь, стала мстить ему. На землю Ирана вторгается войско Афрасиаба, но Сиявуш разбивает захватчиков. Афрасиаб просит мира и присылает заложников, но старый шах отказывается от мира и приказывает отрубить

заложникам головы. Потрясенный Сиявуш покидает родину. По дороге он встречает дочь Афрасиаба прекрасную Фарангиз и становится ее мужем. В диких степях создает он город, населенный лишь молодыми. Но и здесь настигают Сиявуша интриги мстительной мачехи. Афрасиаб, поверив ее клевете, приказывает казнить зятя. Понимая, что казнь вновь толкнет отца и тестя к войне, Сиявуш кончает жизнь самоубийством, чтобы предотвратить кровопролитие.

Спектакль «Рустам и Сухраб» на сцене Русского драматического театра им. Маяковского в Душанбе в постановке главного режиссера Султона Усманова представил зрителям свой вариант классической версии поэмы. В 2009 году спектакль был представлен в Москве в рамках театрального фестиваля имени А. П. Чехова и благожелательно воспринят как театральной публикой, так и критиками, похвалившими его в своих рецензиях, в том числе – за этнографический колорит.

Согласно аннотации спектакля, в нем рассказывалось об истории подвигов богатыря Рустама, победившего многих врагов и не узнавшего в одном из врагов собственного сына Сухраба. Подчеркивалось, что это повествование входит в поэму классика персидской поэзии Фирдоуси, черпавшего сюжеты из ирано-таджикского эпоса. Как далее отмечалось, русский театр из Душанбе при постановке легендарного сюжета использовал и элементы народного театра: актеры весь спектакль находятся на сцене и вступают в круг, когда приходит их очередь играть. Также в драматическом спектакле были задействованы музыканты, исполняющие национальные мелодии на старинных инструментах.

«Тогда мужчины кинулись в битву с дэвами, женщины завизжали, а дети все разбежались, словно зайчата. Гремел Ахриманов рык, густая тьма надвигалась на землю, с каждой минутой становилось всё темнее и темнее. Люди попрятались в глубоких пещерах. Ахриман торжествовал. Казалось, спасения нет!..»

Мохаммад Реза Юсефи

«Первый в мире царь»

К сюжетам из «Шахнаме» также регулярно обращаются авторы детской литературы, поскольку это эпическое произведение является важной частью культурного пространства, в котором растут дети не

только в современном Иране, но и во многих других странах. Кроме того, в «Шахнаме» прослеживаются как мотивы древних преданий, тесно связанные с народными сказками, так и внесенные автором провозглашения нравственных принципов, что делает эту поэму чрезвычайно важным – и при этом доступным пониманию детей – элементом в деле образования и воспитания подрастающего поколения.

Известный иранский писатель Мохаммад Реза Юсефи пересказал для юных читателей самые примечательные моменты этого произведения. На русском языке эти книги издаются в детской серии «Шахнаме». Например, в повествовании «Первый в мире царь» говорится о том, с чего поэма Фирдоуси начинается, – как однажды воплощение тьмы и зла Ахриман вознамерился завладеть всей землей, погрузив ее в крошечный мрак, и выпустил своих страшных прислужников. «Дэвы завопили и завыли, они похватили огромные камни и взлетели с ними в воздух. А люди жили тогда в горах и степях, одеждой их были только листья да кора деревьев. Увидев дэвов, они заметались. Дэвы же стали носиться над их головами и швырять в них камни. Тогда мужчины кинулись в битву с дэвами, женщины завизжали,

а дети все разбежались, словно зайчата. Гремел Ахриманов рык, густая тьма надвигалась на землю, с каждой минутой становилось все темнее и темнее. Люди попрятались в глубоких пещерах. Ахриман торжествовал. Казалось, спасения нет!». Но тут люди призвали на помощь Кейумарса, который «нес свет». Он примчался и собрал все живое, от людей до маленьких птичек на решительную битву с общим врагом. И дэвы были повержены, а над землей снова ярко засияло солнце. Тогда люди, звери и птицы собрались вокруг Кейумарса, провозгласив его первым в мире царем, он же стал учить людей обрабатывать землю, строить жилища и добывать драгоценные камни. А в книге «Рустам и Сухраб» повествуется о предыстории роковой встречи отца – богатыря Рустама – с неузнанным сыном и их поединке.

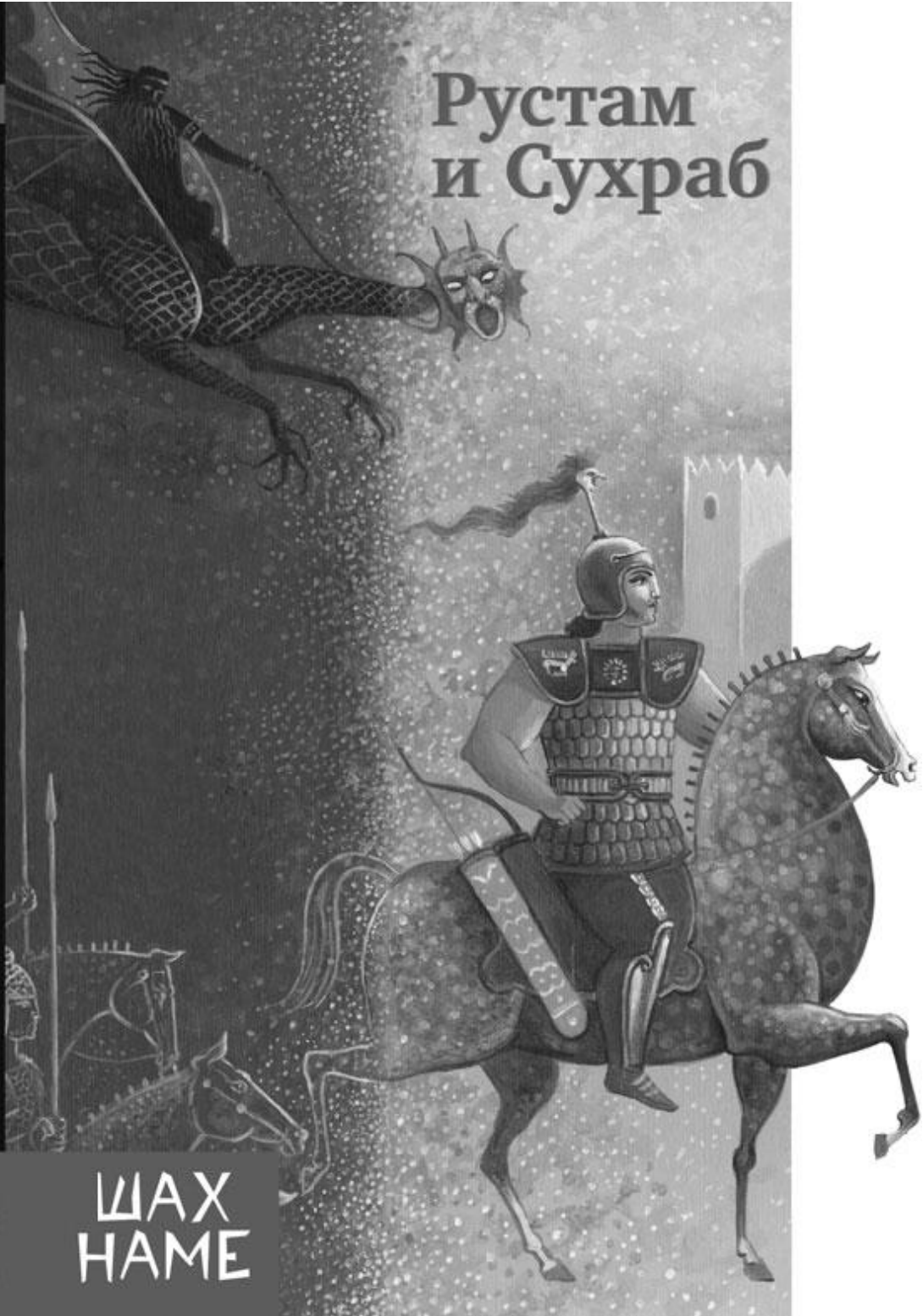
9

Рассказы по мотивам «Шахнаме»

РУСТАМ И СУХРАБ

ШАХНАМЕ

Рустам и Сухраб

Оружие древности и роль в истории

Повествования о подвигах, как документально-исторические, так и художественно-эпические, в том числе и «Шахнаме», не обходят вниманием легендарное оружие прославленных героев. Уделяется внимание и боевым клинкам с их замечательными, порой волшебными свойствами, и доспехам, защищавшим не только самого воина, но и его верного коня.

Так, к примеру, в «Шахнаме» (русский перевод В. В. Державина) весьма подробно описано снаряжение и вооружение героя: «Сказал Рустам: «Достань мой меч булатный. Шлем боевой и весь доспех мой ратный; Аркан и лук; кольчугу для коня; Кафтан из шкуры тигра для меня»... Кольчугою стальной облек он плечи, Надел доспехи, взял оружие сечи... И прискакал он в степь, щитом сверкая, Своей тяжелой палицей играя».

Ученым известна рукопись «Шахнаме», датируемая примерно 1429 годом и проиллюстрированная миниатюрами живописца так называемой гератской школы. На некоторых рисунках можно рассмотреть доспехи воинов, изображенные во всех подробностях – кольчуги, чешуйчатые оплечья, а также и набедренники с наколенниками. А на иллюстрациях к рукописному изданию «Шахнаме» середины XV века (сейчас хранится в Англии – в Королевском Азиатском обществе) отчетливо видно, что многие запечатленные на них воины носили не только остроконечные шлемы, но и бармицы, закрывающие нижнюю половину лица, и кольчужные пелерины для защиты шеи и плеч.

«Мечи и по сей день связывают с некими тайными ритуалами и торжественными церемониями, они часто были оружием избранных, и владельцы не жаждут выставлять их напоказ».

Арти Д. Александер

1

2

О том месте, которое отводилось оружию в былые времена, о классических видах клинков и их отображении в искусстве специально для этой книги рассказывает известный исследователь Арти Д. Александер.

«Старинному оружию персидских мастеров посвящено немало книг и энциклопедий. Прекрасные мечи разных эпох выставлены в музеях мира, и среди них персидские занимают почетное место. Однако есть вещи, более скромные по размерам, но без которых когда-то не обходился ни один воин и даже мирный путник. Да и сейчас они

являются желанным и дорогим подарком, достойным для вручения президентам, эстетам или охотникам. Если мечи были привилегией людей определенного характера, а также профессией, то эти вещи в прошлом являлись для многих жизненной необходимостью. Мечи в наше время в основном хранятся в музеях и частных коллекциях. Исключение из этого составляют потомки аристократов и военных кланов, где их берегут как фамильную реликвию в семьях – и там они остаются малодоступными для посторонних взглядов. Мечи и по сей день связывают с некими тайными ритуалами и торжественными церемониями, они часто были оружием избранных, и владельцы не жаждут выставлять их напоказ.

Более демократичное отношение сложилось к старинным ножам и кинжалам, в некоторых странах ими принято хвалиться перед гостями как светлой и героической памятью о предках. И если древний меч предков мы вряд ли увидим сегодня как часть национального костюма или в витрине среди ценностей в гостиной обычного дома, то кинжал, изготовленный в прошлых столетиях и перешедший по наследству, вполне может оказаться на своем законном месте, на поясе – в дни особых торжеств, или висящим в ножнах на ковре в доме уважаемого человека почтенных лет. Как и меч, кинжал – это символ независимости, и также оружие справедливости. Любой клинок рождается в чистоте огня, и потому он оружие чести, не важно, меч это или маленький нож, а бесчестным оружие может сделать лишь сам человек.

Нож, в отличие от мечей и другого оружия, можно отнести к более универсальным вещам, знакомым не только воинам, но и простым домохозяйкам. История восточных ножей и кинжалов уходит корнями в далекое прошлое. Настолько древнее, что до сих пор некоторые моменты – такие как «кто был первым» или истинное происхождение, вызывают споры среди экспертов и исследователей. Нож способен на многое в умелых руках и при наличии умной головы, например, помочь человеку обеспечить себя пищей, добыть воды даже в пустыне и джунглях, защититься от диких зверей и от злых людей... Многие путешественники прошлых веков выжили в экстремальных условиях благодаря крепким и удобным ножам восточных мастеров, такие изделия всегда особо ценились, причем в любой части света. Ведь прочность и качества этих изделий, в случае необходимости и за неимением ничего другого, не раз служила инструментом для изготовления посоха, лука или стрел... Нож, привязанный к древку, становился подобием копья, им можно потрошить дичь, резать и копать.

«Как и меч, кинжал – это символ независимости, и также оружие справедливости. Любой клинок рождается в чистоте огня, и потому он оружие чести, не важно, меч это или маленький нож, а бесчестным оружие может сделать лишь сам человек».

Арти Д. Александер

Некоторые из персидских ножей помогали путникам вынуть из тела застрявший наконечник стрелы, сделать в походных условиях небольшую операцию раненому, при необходимости могли послужить запугивающим фактором на допросе пленных, плененным – помочь освободиться от связывающих веревок, делать метки или «выбить» искру для разведения костра. На Востоке были распространены традиции, которые предусматривали особую и почетную роль для благородного оружия. В далекой древности оно даже служило именем для отдельного воина или целого рода. На клинках клялись и клинками обменивались в знак верности и братства. Со временем такие ножи и кинжалы, как персидские совершенствовались не только с функциональной точки зрения, но и эстетической. Это было поистине

царским оружием, достойным уважения и восхищения. Его форма учитывала особенности местного этикета и даже стиль одежды, становясь не просто «продолжением руки», но и знаком его положения в обществе. Персидские клинки мастера; делали очень удобными для ладони и легкими в действии. В разных местах и на местных диалектах их названия приобретали новое произношение.

4

«На Востоке были распространены традиции, которые предусматривали особую и почетную роль для благородного оружия. В далекой древности оно даже служило именем для отдельного воина или целого рода. На клинках клялись и клинками обменивались в знак верности и братства».

Арти Д. Александер

Самые изящные из них предназначались для женщин, хотя оружие для женщин вовсе не являлось обязательным атрибутом. В основном оружие, изготовленное специально для женской руки, имели и умели с ним неплохо обращаться именно знатные дамы и принцессы. Возможно, потому, что нет ничего опасней хитрых и коварных дворцовых интриг, когда борьба за власть не позволяла жаждущим делать разницу между мужчиной и женщиной. Обязательным атрибутом костюма для царских династий Персии были прекрасные и надежные кинжалы, некоторые закладывались на пояс так, чтоб виднелась их рукоять, покрытая тонкой резьбой или драгоценной

инкрустацией. Изогнутая форма и прочные ножны позволяли всадникам безопасно сидеть в седле, это оказалось очень полезным изобретением для тех, кто большую часть жизни проводил в военных походах, в поисках славы и побед. Хотя и для пастуха, вынужденного отбиваться от разбойников или волков, это оружие было не менее полезным, но конечно совсем другим по виду и по стоимости.

5

Некоторые виды изделий персидских мастеров обрели свои имена, как нож «кхаджар». Каджарами также называли народ на севере Персии, образовавший военную касту, название происходит от одного из кызылбашских племен. Последняя азербайджанская династия на территории Персии была известна как «династия Каджаров». Ее основателем был Ага Мохаммед-хан Каджар.

Немного истории: основатель династии Ага-Мухаммед-хан Каджар был не просто предводителем тюркского племени каджаров, он объединил Персию и сделал Тегеран своей новой столицей. Каджары (которых в России также именовали «Принцы Персидские») – это династия, правившая Персией с 1795 по 1925 год. Исторически каджары были тюркским племенем, которые после вторжения монголов переселились в Армению. В XIII–XIV веках их предки из Средней Азии пришли в Переднюю Азию. В составе племенного союза кызылбашей они поддержали персидских шахов династии Сефевидов, правивших персидской провинцией Азербайджана, а после и всей Персией. Опорой государства Сефевидов являлась каджарская военная элита. В XVI–XVII веках каджары переселились в район Мерва и долину реки Горган, разделившись на 2 группы: юхарибаш и

ашагыбаш. В XVII–XVIII веках они обосновались в Карабахском ханстве, 50 тысяч каджарских семейств осели в Эривани, Гяндже и Карабахе. В 1554 году утвердились в Гяндже (Ганжа) и распространили свое влияние на весь Карабах. В то время его низменности и предгорья входили в мусульманские ханства, а его горы принадлежали армянским князьям, сам Карабах являлся всего лишь одной из провинций. Императорская династия Персии, это также ханы Гянджи и Мерва, наследственные сардары и беглербеги Эривана, Астрабада, Горгана, Мазандерана и др. С момента, когда Ага-Мохаммед Каджар взойшел на шахский трон Персии, члены клана Коюнлу (Гаванлу) племени каджар стали царствующей династией. Когда-то коронованные каджары владели землями от Большого Кавказского хребта до пустыни Кара-Кум, и воинственная блистательная элита грозно сверкала доспехами. А сейчас этнические каджары – это малочисленный, практически исчезающий народ в Персии и Азербайджане. Мало изученные каджары-гаджары, целые кланы, роды и отдельные семьи, сегодня утрачивающие свою родословную. Следы этого же народа обнаруживаются в Азербайджане, Армении, Грузии, Дагестане, Турции, Туркмении, Узбекистане, Казахстане, Афганистане и Индии... Каджары – субэтнос азербайджанцев, а их язык считается одним из архаичных диалектов языка «азербейджан-дили». Они – мусульмане, и, как большинство населения Ирана, каджары – шииты. Хотя, по некоторым данным, значительное количество каджаров – сунниты.

7

Официально, как этническая общность и национальность каджары еще существуют и до сих пор прослеживаются в достоверных исторических местах, лишь в одной стране, в Персии. Несмотря на это, персидские каджары вплоть до середины XX века предпочитали кочевой образ жизни. Например, сегодняшние горные каджары-юхари – скотоводы, все еще кочующие по своим пастбищам. Равнинные каджары-ашаги давно стали земледельцами.

В Средневековье и по сей день слово «Каджар» существует как имя и встречается у разных тюркских народов. Так, Каджар – основатель и правитель Персии, упомянутый в хрониках начала XIV века, оставил в наследство свое имя целой династии и народу. Поздняя персидская «История Каджаров» («Тарих е Каджарийе») детально рассказывает об этом. Согласно книге, у всех каджаров в стародавние времена был один родоначальник по имени Сартак-нойон, происходящий из племени джалаир. Знаменитый летописец, государственный деятель, врач и ученый-энциклопедист, министр государства Хулагуидов и автор «Джами' ат-таварих» – «Сборника летописей», признанного важнейшим историческим источником, Рашид ад-Дин пишет о нем: в дни детства Аргун-хана – Сартак, эмир Орды (главнокомандующий монгольскими войсками Персии), сардар (наместник) Хорасана и Мазандерана, самых богатых восточных провинций...

8

«В некоторых тюркских языках слово «каджар» (или «гаджар») означает «крепкий». Слово «ханжар» в качестве определения боевого ножа встречалось в персидском языке практически с X века».

Арти Д. Александер

В некоторых тюркских языках слово «каджар» (или «гаджар») означает «крепкий». Слово «ханжар» в качестве определения боевого ножа встречалось в персидском языке практически с X века. Персия владела нынешним Оманом, Бахрейном и Эмиратами несколько веков и даже сейчас имеет некоторые территориальные претензии. И вполне понятна основная причина, это то, что там, в основном, проживает шиитское население.

9

10

Но, например, в Омане этот тип оружия стал известен как ханджар, или «арабский кинжал» (традиционный для арабов султаната Оман). У этого вида кинжалов отсутствует гарда («ограничитель», играющий защитную роль). Лезвие, следуя традиции, должно быть выковано вручную, и в зависимости от длины его можно использовать как меч

или кинжал. В ряде регионов Аравии такое оружие являлось обязательной частью национального мужского костюма, и в прошлом мужчина не выходил из дома без него на своем поясе. Даже сейчас оманские ханджары возможно увидеть в сельской местности. Без них не обходятся во время местных праздников или семейных торжеств. Их особенность – изогнутые в середине и почти под прямым углом ножны. А лезвие изогнуто в самом конце и в меньшей степени. Ханджар сейчас является национальным символом султаната Оман и изображен на его гербе и флаге. Оманские ханджары часто имели крепящийся на ножнах с обратной стороны маленький ножик. Аналогичная гениальная идея пришла в голову или была позаимствована мастерами Индостана и непальскими кузнецами – «ками». Например, нечто подобное имеет и изогнутый тяжелый нож «Кхукри» (№ 1 фото старинный «Кхукри») непальской армии «нож гуркхов». В комплекте с ним идут два специальных ножа (фото № 2), крепящиеся у горловины ножен: «карда» – для мелких работ и «хакма» – незаточенный стальной отрезок с рукояткой в том же стиле (обычно черного цвета, из рога водяного буйвола), который можно использовать и для разжигания огня. Кхукри, как и персидские кинжалы, играет важную ритуальную и статусную роль, помимо боевой. Предполагается, что этот вид распространился на Среднем Востоке из Африки, повлияв на форму разных местных ножей, или прошел долгий путь с армией Александра Македонского. Как и кхаджары, кукри делятся на четыре группы: парадные – «катриморас», боевые – «бунспати» и «сирупати», которые имели узкое лезвие, рабочие «анг кхола» и «бходжпури», с прочным толстым клинком, напоминающим широкий лист. И дополнительно особый – «джанавар катне», длиной от 40 см, и с менее толстым клинком, чем «рабочий кхукри». Условно этот изогнутый нож тоже можно отнести к «непальской разновидности джамбии», а «индийские джамбии», встречающиеся в коллекциях, могли быть изготовлены как подражание арабским или сделаны для арабов в Индии. Клинок «кхукри» отличается характерной формой «крыла сокола», с односторонней заточкой, идущей по внутренней грани (то есть это нож с так называемым обратным изгибом), ножны традиционно изготавливаются из палисандрового дерева, обтянутого кожей водяного буйвола и окованного металлом, крепятся сзади на поясе...

Ножны и рукоять типичного ханджара окованы тонким листовым металлом с художественной работой (фото № 3 «Кханджар»). Например, от похожей на него Йеменской «джамбия» его отличают такие ее детали, как рукоять – из рога, с орнаментом из маленьких гвоздиков или декорированная монетами, ножны – обтянутые кожей или оплетенные кожаным шнуром. Хотя у них почти одинаковые размеры рукояти, ханджар вдвое меньше джамбии, однако он заметно тяжелее, что при наличии методов владения и делает его более опасным. Способы ношения кинжалов тоже были различные. Даже мало понимая в этих кинжалах, их названия можно определить по способам ношения. Ханджар – подвешен ремешками за колечки по бокам ножен, на узком поясе с внешней стороны, с заметным наклоном под левую руку. Джамбия – заткнута строго вертикально за широкий пояс, а резкий изгиб ножен, как держащий крюк, не дает ножнам выпасть при движении или извлечении клинка. В происхождении кинжалов следует учитывать не только территориальный, но и этнический фактор, и в том числе миграции. Так, в «странах Персидского залива» этнический состав ОАЭ, – это преимущественно выходцы из Йемена и из Ирана. Во многих семьях присутствуют йеменские традиции, обычаи и фамильное оружие. Но за века, прошедшие на восточном побережье Аравии, «персидский кинжал» называется там именно ханджаром, несмотря на то, что приобрел свои

специфические местные черты. По обе стороны Аравийского залива, в музеях оба вида этих кинжалов подписаны, как «кханждары», и делить их согласно политическим границам современных государств просто бессмысленно, потому что данные границы появились на картах преимущественно в XX веке, и по сей день они активно игнорируются отдельно взятыми вольнолюбивыми племенами.

Чтобы привести пример статусности подобных кинжалов, можно вспомнить, что в Йемене сохранилось как минимум три класса джамбий. Каждый класс соответствует определенному положению или клану владельца.

1. «Тума». Клань Сайидов и Кадис, аристократия. Внешний вид – богато украшена. Располагают под углом к поясу, с правой стороны. Класс ниже «Сайиди» – небольшие вожди и учителя, тоже имели право носить «Туму», но располагали строго в центре или слева. Внешний вид в основном отличался рукоятью.

2. «Ассиб». Низшие и все остальные кланы. Внешний вид – практически без украшений, часто с кожаными шнурами на ножнах. Располагают вертикально по центру пояса.

3. «Джехаз». Для низших классов, живущих в основном на юге. Внешний вид – предельно простой. Располагают под углом в центре, иногда без пояса, просто затыкая за край мужской юбки-фута.

Йеменский и оманский кинжал различали по ножнам – на «оманском ханжаре» прямой угол изгиба ножен. На них может быть от двух до пяти колец, а вариант с семью изобрела жена персидского повелителя Сайида Саида бин Султана (1806–1856). Он так и называется «Сайиди Ханжар». Известно, что изначально семь колец носили только владыки. Рукояти, ножны и украшения, а также форма клинков могут иметь собственные этнические различия, но все они неизменно являются боевыми ножами исламского ареала.

«Хорошее оружие, доставляемое купцами из Персии, служило предметом зависти, но также оно эффективно развивало международные торговые отношения. Оно входило в список самых актуальных и востребованных вещей, даже больше, чем персидские ковры или посуда».

Арти Д. Александер

В Индии в зависимости от места нередко произносят «кханджар» или «кхаджар» и т. д. Родственница этого кинжала с близким названием, индо-персидская сабля – каджар шамшир (Khadjar). В Северной части Индии ее называют просто – «шамшир» (shamshir), в других регионах «шамшер» и «самшир», иногда произносится, как «самзир», «самшер» или «шемшир». Слава персидских оружейников шагнула так широко, что известны даже уйгурские шамширы, ручной работы. Хорошее оружие, доставляемое купцами из Персии, служило предметом зависти, но также оно эффективно развивало международные торговые отношения. Оно входило в список самых актуальных и востребованных вещей, даже больше, чем персидские ковры или посуда. Интересно, что в гористой области Аястана, где раньше проходил участок караванного Шелкового пути, и до сих пор уцелели предназначенные для путников остатки «караван-сараев», сейчас находится город Каджарáн – что в переводе значит «Обитель Храбрецов» – город, основанный на западе Сюникской области, в Армении, на восточных склонах Зангезурского хребта, на Закавказском нагорье. Между землей Каджарана и Ираном всего 50 км – это примерно два часа верхом в далеком прошлом, как утверждают местные жители, давно пересевшие на хорошие современные машины. На территории Персии продолжением хребта является хребет Кара-Даг. Когда-то в той области добывали металл и жили оружейные мастера, не исключено что происходили они из разных народностей и говорили на разных языках, так как властители Сюника чаще предпочитали сотрудничать, чем воевать, идти в ногу со временем, строили гостиницы для купцов и паломников, мосты и мастерские и были весьма прогрессивны в своих деяниях.

Боевые искусства не случайно называются именно искусствами. Связь оружия и искусства обширна и охватывает разные сферы деятельности. Иногда неожиданные, на первый взгляд, или не такие очевидные, как кажется не искушенным в этом вопросе. Рассказывая об оружии Персии, нельзя не упомянуть, что сабли и кинжалы периода Каджаров (1796–1925) применялись не только в битвах, но и в театральных действиях, а также являлись разновидностью «оружия специального назначения» – для ритуалов дервишей и зороастрийцев. Оружие театров не всегда было чистой бутафорией, и не всегда актеры были лишь актерами, бывало, им так же, как и воинам, приходилось браться за оружие и защищаться от врагов. Жизнь странствующих по Персии актеров была непростой и опасной. В театрах оружие играло свою роль. Например, тазийе – трагическая опера. Это один из видов персидских театральных жанров. Религиозно-драматическое представление, в котором содержание полностью или частично передается при помощи музыки и речитатива. Тазийе для европейского восприятия напоминает оперу. Это персидское представление обладает некоторым сходством с мистериями Средневековья. Но при этом в нем могут участвовать каскадеры и фехтовальщики на мечах. Центральный сюжет традиционного шиитского тазийе – битва при Кербеле и гибель Имама Хусейна. Но подобные представления появились на территории Персии задолго до распространения ислама. Примечательно, что в те доисламские времена сюжетом служила трагедия Сиявуша, любимого народного героя «Шахнаме».

«Оружие театров не всегда было чистой бутафорией, и не всегда актеры были лишь актерами, бывало, им так же, как и воинам, приходилось браться за оружие и защищаться от врагов».

Арти Д. Александер

«Тазийе для европейского восприятия напоминает оперу. Это персидское представление обладает некоторым сходством с мистериями Средневековья. Но при этом в нем могут участвовать каскадеры и фехтовальщики на мечах».

Арти Д. Александер

Печальная история о легендарном принце Персии, сыне шаха Кей-Кавуса, безвинно погибшего по вине своей мачехи Судабе. Даже пройдя невредимым через огонь и этим подтвердив свою невиновность, Сиявуш был сослан в Туран. И там был убит по приказу мстительного туранского короля Афрасиаба, неосмотрительно забывшего, что его может настичь кровная месть избегнувшего участи погибшего отца, сына. В дальнейшем развитии страны трагедия принца оказала значительное влияние на все персидское искусство и литературу. Важным элементом тазийе можно назвать яркие костюмы, в которых цвет и боевые атрибуты имеют значение. Сторонники Имама Хусейна одеты в зеленое, это цвет надежды и веры. Сторонники Йезида – в красных одеждах, как цвет крови. Во время представления актер-воины садятся на коней (настоящих или импровизированных), в их руках – мечи. Оружие и доспехи даже в самом небогатом районе Персии стараются сделать максимально достойными и красивыми. Так что, помимо своей основной функции, оружие является и преданным хранителем традиций.

Кинжалы относятся к группе боевого оружия (ножей), наиболее известны коллекционерам древностей такие их разновидности, как «кривые», с изогнутым лезвием – каджар, рух, фулам... Ножи-кинжалы были богаты своим разнообразием не только по форме (прямые, изогнутые и пр.). Но и различались в материалах: с золотом и позолотой, украшенные серебром и камнями, в том числе «нефритовые» – с нефритовой отделкой рукоятки. Однако если покажется, что конфигурация и дизайн создавались на неумеренной фантазии и амбициях мастеров, то это впечатление ошибочно. Каждая форма и деталь обязательно имеют свое объяснение и любое изделие – результат кропотливого поиска наилучшего решения. Основанного на опыте, традиции, практическом применении... А многообразие всегда неизбежно в поиске, потому что рациональность всегда приводит к усилению одних качеств перед другими.

«Среди иранских кинжалов были очень замысловатые, ритуальные и парадные, но при этом лаконичные по исполнению. Такими кинжалами пользовался весь Восток, и обладать ими мечтали многие европейские знатоки».

Арти Д. Александер

Примером могут служить изображенные на фото старинные кинжалы. С тонким золотым орнаментом на «пятке» клинка, «ограничителе» и рукоятке, с фигурной «спинкой» и ножнами с металлическими накладками и разным оформлением сторон (фото № 4 – Кханджар 18-й век, № 5 – спинка клинка, № 6 и № 7 – ножны). Серебряные ножны и прямой нож с костяной рукоятью (фото № 8 – старинный нож Персия, № 9 – серебряные ножны). Нож с изящно изогнутым клинком покрытым растительным орнаментом, с двойными желобами «дол» для придания жесткости и уменьшения массы, с рукоятью из металла и рога, близкий традициям Персии, благодаря тому, что влиятельные властители Индии нередко выписывали персидских мастеров для собственного престижа, создания новых шедевров для своих сокровищниц и дальнейшего развития ремесла в стране (фото № 10 – нож Индия, XVII век).

Среди иранских кинжалов были очень замысловатые, ритуальные и парадные, но при этом лаконичные по исполнению. Такими кинжалами пользовался весь Восток, и обладать ими мечтали многие европейские знатоки. Так как торговые и культурные связи и даже военные действия между народами обеспечивали возможность обмена самыми передовыми технологиями и погоню за улучшениями, мастера постоянно были в курсе новинок. Они стремились совмещать традиции с требованиями своих покупателей и постоянно искали идеал».

«Тысяча и одна ночь» Персии

Происхождение одного из самых знаменитых шедевров мировой литературы – собрания сказок «Тысяча и одна ночь» – долгое время было загадкой. Исследователи искали корни этого прославленного произведения в Аравии и Индии, но в конечном счете стало очевидно, что родина «Тысячи и одной ночи» – Персия. Известный ученый Жан-Поль Ру в своей книге «История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней» подчеркивает: «Тысяча и одна ночь», обширное собрание чудесных коротких рассказов, непрерывно обогащалась новыми сюжетами, но старейшие тексты, должно быть, переведены на арабский во второй половине VIII в. Здесь все окутано плащом ислама, но основа – по преимуществу иранская, как показывают имена главных героев – царя Шахрияра, царевен Шехерезады (Шахрезады) и Дуньязады (Динарзады) – и как признано в аннотированном каталоге арабской литературы 987 г., цитируемом ал-Масуди: «Первыми, кто сочинял сказки, кто посвящал им книги, были персы. Этот жанр широко распространился и имел большой успех при сасанидских царях, а арабы переложили эту литературу на свой язык». Как заметил, несколько преувеличивая, Бертольд Шпулер, «так называемая арабская литература во многом была создана персами».

بمدرت روی تو چو غایت و با فرار و جرم ما زینت

دو صف بریدند ایستاد و با ما

Немало споров породил и вопрос о единовременности или постепенности создания этих сказок. Сторонники второй версии придерживаются мнения, что расторопные книготорговцы, которых осаждали покупатели, жаждавшие продолжения историй о великом царе и его супруге-рассказчице, сами собирали новые варианты «Тысячи и одной ночи», дополняя персидские сказания и легенды другими сюжетами, подогнанными под общий стиль. Распространена также и гипотеза, что у изначального сборника «Тысячи и одной ночи» был один автор-составитель, задавшийся целью составить обширный и максимально содержательный свод сказок, которые он сам собирал и обрабатывал. Один из тех, кто познакомил европейцев со сказками «Тысячи и одной ночи», – Пети де ла Круа утверждал, что книга была собрана неким дервишем из Исфахана. И это не единственное предание о таинственном авторе. Хотя на самом деле историки считают, что основа сказочного цикла, известного по персидскому сборнику «Хезâр-эфсâне», очень древняя, он восходит еще ко временам Ахеменидов.

Низами

Одним из виднейших мастеров классической персидской поэзии является Абу Мухаммед Ильяс ибн Юсуф, более известный под именем Низами Гянджеви. Ему удалось гармонично соединить в своем творчестве размах и величие эпических поэм, реалистичную доходчивость изложения и живость простой разговорной речи. Он в равной степени опирался на официальные царские летописи и устное народное творчество. Пять больших поэм («Хамсе»), принадлежащих его перу, насыщены не только великолепно созданными образами, но и разнообразной информацией из разных областей тогдашнего знания. Эти произведения и поныне занимают почетное место в перечне шедевров мировой литературы.

Его стихи на протяжении столетий влияли на многих поэтов и драматургов как в самой Персии, так и в прилегающих странах. Среди тех, кто в начале своего творческого пути вдохновлялся поэзией Низами, были и такие, в свою очередь, великие поэты, как Хафиз Ширази, Джалаладдин Руми и Саади. Хафиз утверждал, что «все сокровища прошедших дней не могут сравниться со сладостью песен Низами». На творчество самого Низами, несомненно, оказала влияние легендарная эпическая поэма Фирдоуси «Шахнаме», на которую он ссылается в собственных произведениях, особенно в «Искандер-наме». Низами величал Фирдоуси хакимом – мудрецом. Среди других авторов, в чем-то повлиявших на него, можно назвать Катрана Тебризи, Санай, Фахраддина Гургани. Несомненно также, что Низами внимательно изучал труды историка Ат-Табари.

Низами родился предположительно около 1141 года в Гяндже на территории современного Азербайджана – городе, где в то время преобладало персидское население. Исследователи делают предположения о точной дате его рождения, опираясь на отрывок из поэмы «Хосров и Ширин», который гласит: «Мой знаешь гороскоп? В нем – лев...». То есть, поскольку поэма была начата в 1181 году и автору, как он сам оговаривается, было в тот момент 40 лет, то,

обратившись к зодиакальным таблицам, можно получить период между 17 и 22 августа 1141 года.

К этому времени прошел почти век, как в Иране и Закавказье правили султаны Сельджукиды. Еще в середине XI столетия они завладели территорией Хорасана, Хорезма, Западного Ирана, а также современного Азербайджана и Ирака. Халиф-Аббасид аль-Каим признал основателя сельджукской династии Тогрул-бека (1038–1063) султаном, «повелителем Востока и Запада». Формально сельджукский султан был наместником халифа, но фактически сам халиф имел уже только номинальную власть и титул. Своей столицей Тогрул-бек избрал город Рей. В поисках надежных сподвижников султаны стали опираться на иранскую знать, в особенности на высокопоставленных чиновников-персов, которые были заинтересованы в существовании сильной централизованной власти.

При этом Сельджукиды, как отмечает историк Рене Груссе, отнеслись с уважением к культурному наследию Персии, более того – сами «добровольно стали персами и, подобно древним великим сасанидским царям, защищали иранское население». Персидский язык оставался основным языком поэзии и повседневного общения, а культура переживала расцвет, несмотря на то, что к моменту начала работы Низами над знаменитыми пятью поэмами верховная султанская

власть не была особо прочной: происходили волнения и порой даже беспорядки.

Гянджа задолго до того был богатым городом и заметным культурным центром с развитыми традициями поэтического творчества, которое современные исследователи относят к так называемой западной школе хорасанского стиля, для которой была характерна тенденция к созданию глубоких философских метафор и сложных образов. Именно эта особенность ярко проявилась в поэзии Низами.

Хотя будущий великий поэт рано потерял сначала отца, а потом и мать, о нем заботился дядя по материнской линии. Низами получил превосходное образование. Недаром по его поэмам заметно, что автор знал не только персидскую и арабскую литературу, философию, историю, а также сказания, передававшиеся в устной традиции, но и был сведущ в области математики, астрономии и астрологии, алхимии, медицины, ботаники. Кроме этого, он знал богословие и исламское право, был знаком с догматами христианства и иудаизма.

Немалые познания Низами проявлял, говоря об изобразительном искусстве и музыке. Более того, во всех поэмах из его «великой пятерки» настолько подробно описаны музыканты, их инструменты и приемы игры, что эти поэтические строки являются едва ли не самым полным источником исторической информации о персидском музыкальном искусстве XII века.

Лирические произведения Низами дошли до нашего времени не все, насколько можно об этом судить по свидетельствам средневековых авторов. Сейчас известны 6 касыд, 116 газелей, 2 кит'а и 30 рубаи.

Все пять поэм, иначе именуемых «Пять драгоценностей», написаны двустишиями («маснави»). Поэма «Сокровищница тайн» состоит из 2260 маснави, «Хосров и Ширин» – порядка 6500 маснави, «Лейли и Меджнун» – 4600 маснави, «Семь красавиц» – 5130 маснави, а «Искандер-наме» в двух частях – это более 10 тысяч двустиший.

Вся вселенная – лишь тело, а Иран – душа.
Говорю об этом смело, правдою дыша.
Дух земли – Иран. И ныне – внемли каждый слух:
Пусть прекрасно тело мира – выше тела дух.

Низами

NİZAMI
GƏNCƏVİ
1141-1209

Низами посвящал свои поэмы правителям: «Лейли и Меджнун» – ширваншаху Ахситану I, «Искандер-наме» – малеку Ахара Носрат-ал-Дин Бискин бин Мохаммаду, «Семь красавиц» – атабеку Ала ад-Дину, «Хосров и Ширин» – сельджукскому султану Тогрулу III, атабеку Мухаммаду ибн Элдигизу Джахан Пахлавану и его брату Кызыл-Арслану, «Сокровищница тайн» – правителю Эрзинджана Фахр ад-дину Бахрам-шаху. Причем придворным поэтом он никогда не был. Хотя атабек Ала ад-Дин и приглашал его к своему двору, но Низами отказался, поскольку опасался, что в такой роли ему не удастся сохранить честность и остаться свободным в своем творчестве. Тем не менее правитель щедро наградил поэта, послав ему золото – пять тысяч динаров, а после наделив земельными владениями. О жизни Низами мы знаем немного, но известно, что у него была любимая, «величаявая обликом, прекрасная, разумная» жена – половчанка по имени Афак. Правитель Дербента Дара Музаффарр ад-Дин подарил ее поэту как пленницу-рабыню. Низами дал ей свободу и вступил с ней в законный брак. Афак родила сына Мухаммеда, но через несколько лет умерла, в то время, когда Низами завершал работу над поэмой «Хосров и Ширин».

Поэма «Хосров и Ширин» – первая из написанных Низами – создана отчасти под впечатлением от поэмы Фахраддина Гургани «Вис и Рамин». При этом Низами полностью переработал первоисточник, послуживший отправной точкой для его вдохновения. Это произведение Низами, посвященное драматической истории любви великого правителя и прекрасной принцессы, стало знаковым для классической персидской поэзии в целом, поскольку в нем впервые было достигнуто полное единство структурного построения и художественного замысла.

В «Сокровищнице тайн» преобладает тема философских и мистических размышлений. Поэма состоит из двадцати монологов-притч, каждый из которых можно назвать законченным трактатом на ту или иную тему из области богословия и этики. Автор проповедует справедливость царей, непозволительность лицемерия, размышляет о сохранении чистоты души и суетности этого мира.

Поэма «Лейли и Меджнун» основана на старинной арабской легенде о трагической любви юноши Кайса, получившего прозвание «Меджнун» («безумец»), к красавице Лейли. Но Низами перенес

действие в Персию, превратив изначальных персонажей-кочевников в благородных горожан. Причем в этой поэме Низами разработал стиль, который сам наименовал «гариб», то есть «новый», «необычный». Поэма написана в высшей степени афористичными стихами, что позволило строкам из нее разойтись в виде крылатых выражений, пословиц и поговорок.

Поэма «Семь красавиц» основана на реальных событиях персидской истории, которые переплетаются с преданием о том, как сасанидский принц Бахрам Гур увидел в одном из дворцовых покоев миниатюры с изображением семи прекрасных девушек – принцесс из разных государств. Взойдя на престол, Бахрам нашел красавиц и взял их в жены, построив для каждой великолепный дворец. Но его ждало и испытание взросления: изнеженный юноша по ходу действия поэмы становится мудрым и справедливым властителем.

Поэма «Искандер-наме», которую сам Низами считал главным своим произведением, построена на основе исторических сведений и многочисленных преданий об Александре Македонском. В ней этот завоеватель уже предстает в качестве идеального правителя, ведущего войны только ради восстановления справедливости.

Творчество Низами оказало сильное влияние на развитие не только персидской, но и восточной, и всей мировой литературы. Существует обширный свод поэтических текстов – посвящений и подражаний Низами – созданных разными авторами, среди которых Алишер Навои, Амир Хосров Дехлеви и другие прославленные поэты. Также особую роль поэмы Низами сыграли в развитии классической персидской живописи: самое большое количество иллюстраций было создано мастерами миниатюры к его поэмам (а также к «Шахнаме» Фирдоуси).

«Сокровищница тайн» ярко показывает многозначность и глубокий смысл, который в персидской поэзии воплощен в прекрасном цветке – розе. Роза олицетворяла величие – божественное или царское, а также воплощала собой квинтэссенцию красоты. Любовь соловья к розе – традиционный образ, символизирующий стремление души к Богу.

При этом символика цветов имела и реальное значение, тесно связанное с традицией создания персидского сада. Он имел вид четырехчастного архитектурного сада («чагарбаг») и вел свою родословную еще от древних «райских садов» эпохи Ахеменидов. Розы

В таких садах выращивались непременно и занимали одно из самых почетных мест.

Прекрасные сады

Сады играли особую роль в персидской культуре. Традиционные исламские сады отличаются не только красотой и благоуханием, но и также радуют глаз гармонией и пропорциями, внутренним порядком и симметрией. Их планировка основана на принципе «чор-багх» – «четыре сада». Сад состоит из квадратов, одного или многих, иногда разделенных стенами, увитыми плющом и виноградом или живыми изгородями. Каждый квадратный фрагмент непременно снабжен водоемом или фонтаном, украшенным изразцами и мозаикой. Растения для такого сада подбираются непременно пышно и ярко цветущие и благоухающие.

Титус Букхард, историк и исследователь философии культуры, так говорит о своеобразии и таинственности исламского сада: «В конце неувимых коридоров человек обнаруживает себя в скрытых дворах, вокруг которых комнаты сгруппированы как бы случайно. Никогда нельзя догадаться, какие другие миры могут быть спрятаны за стенами. Это похоже на восточную сказку о путешественнике, который был

брошен в соляной карьер и обнаруживает там подземный дворец, наполненный фруктовыми деревьями и девушками, в котором живет двенадцать лет, пока однажды не открывает тайную дверь, которая ведет его в еще более прекрасный дворец...» На садовых фонтанах порой вырезали суры – как на постаменте фонтана, расположенного в Львином дворе в Альгамбре. Среди стихов из Корана, относящихся к райским садам, можно привести такой: «А тому, кто боится сана Господа своего, – два сада» (55:46).

«Роза может цвести только час: сад мой будет цвести вечно».

Саади

Сады были источником поэтического вдохновения: Саади в поэме «Гулистан» («Розовый сад») говорит: «Роза может цвести только час: сад мой будет цвести вечно». В «Пяти поэмах» Низами Лейла и Меджнун используют растения и цветы для передачи тайных посланий. В рукописях «Шахнаме» XVI века есть персидские миниатюры с изображением кипариса, цветущего фруктового дерева и тутового дерева, обвитых виноградной лозой.

По мнению великого Руми, подлинное искусство служит восхвалению нашего Создателя: «Деревья погружены в молитву... фиалка склонилась в благоговении». Описывая в своей поэзии не только зримое, но и невидимое («внутренний сад»), Руми отмечает: «Настоящие фруктовые сады и зелень находятся в самой сущности души: отражение в ней того, что вне ее, является отражением в текущей воде. В воде есть только призрак фруктового сада, который подрагивает из-за утонченного свойства воды. Настоящие фруктовые сады и их плоды находятся в сердце: отражение их красоты падает на эту воду и землю».

В 2011 году девять сохранившихся персидских садов на территории Ирана (в городах: Пасаргады, Исфахан, Кашан, Шираз, Махан, Йезд, Аббасабад, Акбарих, Пахлеванпур) были включены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Миниатюра

Сады и розы часто изображались мастерами еще одного всемирно признанного традиционного персидского искусства – живописной миниатюры. Известный исследователь традиционного искусства и цивилизации Титус Буркхардт в своей книге «Искусство ислама. Язык и значение» отмечает, что «подлинная персидская миниатюра, несомненно, самое совершенное изобразительное искусство в мире». По мнению Буркхардта, эта миниатюра была создана по образу китайской живописи и является идеальным сочетанием каллиграфии и иллюстрации. Поэтому в персидской миниатюре «полностью сохранилось предельное упрощение пространства и гармония человеческих фигур и ландшафта. Но сильные и изящные мазки китайской кисти уступили место точной и непрерывной текучей линии, протянутой каламусом в подлинной манере арабской каллиграфии, а намеченные контуром поверхности были заполнены чистыми, беспримесными красками. В персидской миниатюре, принадлежащей в целом искусству книги, главной остается связь между почерком и изображением».

ز دل سبزه دادند و دل گران
نی شایسته پیش اندر گران

از آن صورت گزیدند و گزیدند

ماوراء و ماوراء پیش از این

Тем не менее известна красивая легенда о китайских мастерах, которые приехали ко двору Саманидов в составе свиты принцессы из Поднебесной. Царственная красавица, согласно этому преданию, была просватана за сына того самого Насра, который славился как идеальный правитель, и взяла с собой не только готовые произведения прикладного искусства, но и тех, кто мог создавать новые. И так, сообщая, китайские и персидские живописцы, взяв лучшее из обеих художественных традиций, создали уникальный стиль классической персидской миниатюры. Первым его ярким образцом, по этой версии, стал цикл иллюстраций к поэме «Калила и Димна» в переводе Рудаки.

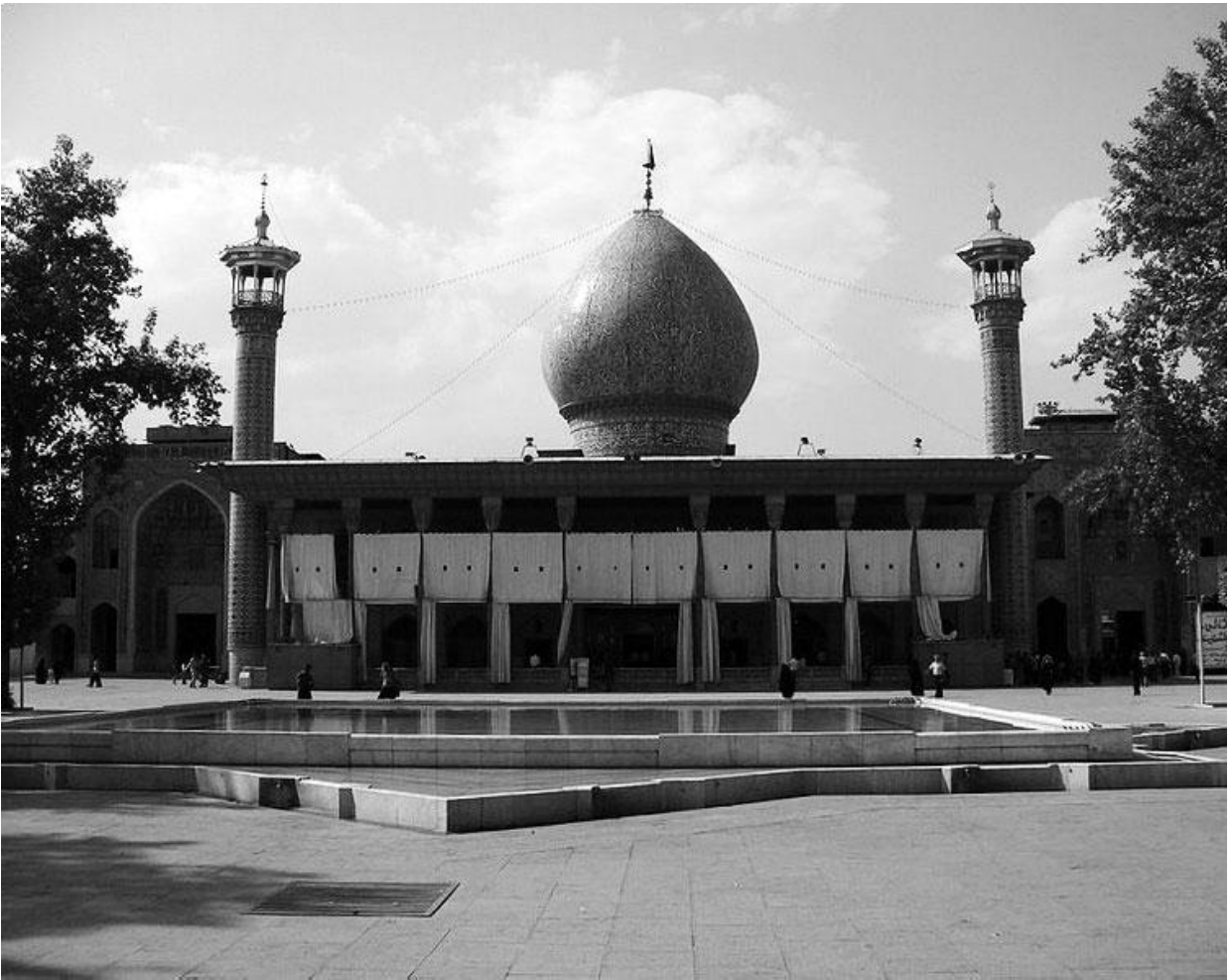
Искусство миниатюриста состояло в том, чтобы создать прекрасное произведение, которое радует взгляды изящными линиями и изысканными оттеками красок. Строгой реалистичности запечатленного сюжета при этом не требовалось. «В общих чертах, персидская миниатюра не стремится изображать окружающий мир таким, каким он обычно представляется органам чувств со всеми их дисгармониями и случайностями, – отмечает Буркхардт. – То, что она опосредованно отражает, есть «неизменные сущности» вещей, благодаря которым, конь – не просто отдельно взятый представитель своего рода, но конь по преимуществу. Именно это родовое качество и пытается постигнуть искусство миниатюры. И если непреходящие «сущности» вещей, их архетипы, не доступны восприятию, ибо расположены по ту сторону формы, они, тем не менее, отражаются в созерцательном видении. Поэтому качество грезы – а не пустого воображения – характерно для самых прекрасных миниатюр. Ясной и просвечивающей грезы, как бы озаренной изнутри». Именно этим великолепием запечатленных отражений совершенства персидская миниатюра как искусство покорила весь мир.

«Подлинная персидская миниатюра, несомненно, самое совершенное изобразительное искусство в мире».

Титус Буркхардт

Наука персидского Средневековья

Культурная жизнь распадающегося Халифата постепенно переходила из Багдада и Басры в большие города Персии – Рей (к юго-востоку от нынешнего Тегерана), Исфахан и Шираз, где правителями собирались книги и устраивались большие библиотеки. «Богословы даже решились утверждать, – отмечает упоминавшийся выше исследователь Бартольд, – что по-персидски говорили древнейшие пророки до Исмаила (сына Авраама), предка арабов; еще в XII в. существовало мнение, что Авраам проповедовал свое учение при дворе персидских царей». Покровительством государей пользовались и точные науки: в Ширазе была обустроена обсерватория с самыми совершенными по тем временам инструментами. Сеййид Хусейн Наср в книге «Философы ислама: Авиценна (Ибн Сина), ас-Сухраварди, Ибн Араби» рассказывает о том, какое большое значение имел перевод древних рукописей на арабский язык для последующего развития философии и других наук. «Для того, чтобы составить конкуренцию византийским центрам образования, персидские цари организовали школу в Джандишапуре, куда в качестве преподавателей были приглашены индийские, христианские и еврейские философы и ученые. В этом центре произошло смешение индийской и греческой медицинских традиций, Сасаниды познакомились здесь с астрономией и астрологией индусов, с помощью индийских астрономов были составлены знаменитые астрономические таблицы. Большая часть греческих, вавилонских, индийских и персидских знаний полностью сохранилась как живая традиция в таких городах как Джандишапур, Харран, Эдесса и Нусайбис. Но стоило мусульманам обратить внимание на доисламские достижения в различных областях знания и приступить к их интеграции, как тут же нашлись люди, способные перевести соответствующие тексты на арабский язык... В период с 750 г. н. э. до 1000 г. н. э. на арабский язык был переведен огромный корпус философских и научных произведений с греческого, сирийского, пехлеви и санскрита». Таким образом были унаследованы и сохранены, а затем и многократно приумножены достижения науки разных стран и народов.

Ибн Сина

Самый видный и знаменитый персидский ученый известен в Европе как Авиценна, а его настоящее полное имя – Абу Али Хусейн ибн Абдуллах ибн аль-Хасан ибн Али ибн Сина. Он являлся придворным врачом саманидских эмиров и дайлемитских султанов, также занимал в Хамадане должность визиря. Еще в детстве близкие юного ибн Сины заметили его интерес к наукам и чтению. В десять лет мальчик выучил наизусть Коран почти полностью. А в школе, будучи самым младшим из учеников, он скоро так продвинулся, что с ним советовались не только другие учащиеся, но и преподаватели. Логiku и философию, геометрию и астрономию он начал осваивать под руководством приехавшего в Бухару ученого Абу Абдаллаха Натили.

Ибн Сина интересовался практически всеми областями естественных и математических наук. С 14 лет он стал учиться самостоятельно: «Я занялся изучением медицины, пополняя чтение наблюдениями больных, что меня научило многим приемам лечения, которые нельзя найти в книгах». Ему было всего 16 лет, когда он получил приглашение ко двору бухарского эмира в качестве врача. «В детстве он был не по годам развитым ребенком, – пишет видный французский ученый, специалист по истории религий и философии Анри Корбен в книге «История исламской философии». – Его

образование было энциклопедическим и включало в себя знание грамматики и геометрии, физики и медицины, юриспруденции и богословия. К восемнадцати годам он получил представление обо всех науках – ему лишь оставалось углубить свои знания». Но после того как Саманиды потерпели поражение в борьбе с Газневидами и Бухара была захвачена вражеской армией, ученому пришлось покинуть родной город и переехать в Ургенч, ко двору правителей Хорезма. Султан Махмуд Газневи приглашал «князя врачей» к себе на службу, но ибн Сина отказался, несмотря на то, что такое решение обернулось для него изгнанием и долгими скитаниями.

«Я занялся изучением медицины, пополняя чтение наблюдениями больных, что меня научило многим приемам лечения, которые нельзя найти в книгах».

Ибн Сина

В 1015–1024 гг. ученый провел в Хамадане, продолжая свои научные изыскания и участвуя в государственных делах. Интриги недругов привели к его опале и новому изгнанию. Правда, ощутив очередной приступ болезни, хамаданский правитель повелел найти ибн Сину и вернуть ему все звания и почести.

Ибн Сина пытался переехать в Исфахан, но поначалу ему это не удалось, новый эмир Хамадана даже заточил ученого в крепость. Однако после ибн Сина все же поселился в Исфахане, став придворным врачом и советником эмира Ала ад-Давла. Здесь великий ученый был окружен вниманием, ему были созданы все необходимые условия для плодотворной работы. Именно в этот период он завершил свой знаменитый труд «Канон врачебной науки» («Китаб ал-Канун фи-т-тибб») и другие трактаты. Также он сопровождал исфаханского правителя во время военных походов, в одном из которых самого ибн Сину поразила тяжелая болезнь, приведшая впоследствии к его смерти. Перед кончиной он распорядился освободить всех своих невольников, наделив их деньгами, а остальное имущество раздать бедным. Ибн Сина был погребен в Хамадане, а несколько месяцев спустя перезахоронен в Исфахане, в мавзолее эмира.

Великий ученый запечатлел в своих трудах многие открытия – например, в «Каноне врачебной науки» он высказал предположение, что заразные болезни вызваны распространением и проникновением в человеческий организм неких невидимых простым глазом существ. Он описал симптомы основных болезней, вызывавших большие эпидемии, и отобразил их отличия. Особое внимание Ибн Сина уделял изготовлению лекарств из растений. Кроме «Канона», ученый написал множество специализированных трудов, посвященных лечению отдельных недугов.

Его справедливо считают и одним из основоположников диетологии. Предания также гласят, что именно Ибн Сина изобрел плов как универсальное блюдо для походного рациона воинов. Поскольку готовить его даже в полевых условиях несложно, он хорошо насыщает, но при этом не вызывает сильной жажды. Плов – одно из древнейших блюд, известных человечеству. Его изначальные варианты, еще без мяса, на основе только риса и овощей, предположительно, появились в регионах, где рис издревле был традиционно выращиваемой культурой. В качестве праздничного блюда неоднократно упоминается плов в знаменитом памятнике средневековой литературы «1001 ночь». Именно его видит на столе в разбойничьей пещере голодный бедняк Али-Баба и на радостях наедается так, что от сладостей и халвы вынужден отказаться. А корни современных рецептов специалисты по истории кулинарии находят в Персии, где появилась традиция дополнять рис мясом и подкрашивать шафраном.

Ричард Нельсон Фрай, говоря о значении Ибн Сины для всего мира, указывал, что его главные труды, к примеру «Китаб аль-Шифа» – «Книга исцеления», имели огромную известность и пользовались уважением в разных уголках мира на протяжении столетий. «В XII в. книгу перевели на латынь, и она заслужила огромную популярность в Западной Европе. Другой важной работой стали «Канун фил-Тииб» – «Каноны медицины», закрепившие за их автором титул «второго Галена». Книгу также рано перевели на латынь, и почти пять столетий она оставалась востребованным пособием медицинских факультетов Западной Европы. Ибн Сина являлся не только собирателем и классификатором знаний, хотя в этом деле его вклад просто неоценим, но и выдающимся мусульманским философом, создавшим

всеобъемлющую и непротиворечивую систему мышления. В Европе Авиценну (от испанского произношения его имени) называли «философом Бытия», поскольку он очень много писал об этом».

В книге И. Б. Маттиева «Взгляды Ибн Сины о здоровом образе жизни» говорится: «Ученый является основоположником науки о здоровье человека. Ибо в его произведениях были определены нормы охраны здоровья и принципы профилактической медицины. Ибн Сина отмечал, что человек должен заниматься деятельностью защиты здоровья всю жизнь. Он считал, что здоровье человека основывается на здоровом образе жизни... Ученый, убежденный в том, что на организм человека значительное воздействие оказывает внешняя среда, еще в XI веке отмечает, что человек болезнями может заразиться через воздух и воду. Им была разработана своеобразная система упражнений по физическому воспитанию».

Ибн Сина подчеркивал: «Если заняться физическим воспитанием, отпадет потребность во многих лекарствах...», а также: «Благодаря физкультуре и сдержанности большинство людей могут не чувствовать потребность в медицине». Он указывал, как уже говорилось, на необходимость гармоничной системы питания, сдержанность в еде. Ученый, будучи одним из основоположников учения о темпераменте человека, считал весьма важным сохранение душевного спокойствия. Он же был и ревностным сторонником физкультуры.

Ибн Сина совместно с Аль-Фараби признан основоположником науки о музыкальных инструментах, равно как и математической теории музыки. В трудах Ибн Сины даны подробные разъяснения по классификации типов музыкальных инструментов, существовавших на тот момент, и описание их устройства. Сам ученый изобрел новый струнно-смычковый инструмент «гиджак», состоящий из круглого резонатора, натянутого кожей, длинного грифа и нескольких струн, по которым исполнитель водит смычком. В Персии подобный инструмент носит название «кеманча», он запечатлен даже на классических миниатюрах, где изображены музыканты.

«Доисламские персы славились своими музыкальными достижениями и мастерством, и многие инструменты исламского мира имели сасанидское или даже более раннее происхождение. Тахириды известны своим покровительством музыке, и несколько их наследников... написали трактаты по музыке, – подчеркивает Ричард

Фрай. – Из различных письменных источников нам известно, что во времена Саманидов некоторые мелодии или музыкальные формы, звучавшие и в империи Сасанидов, оставались по-прежнему популярными и много веков спустя».

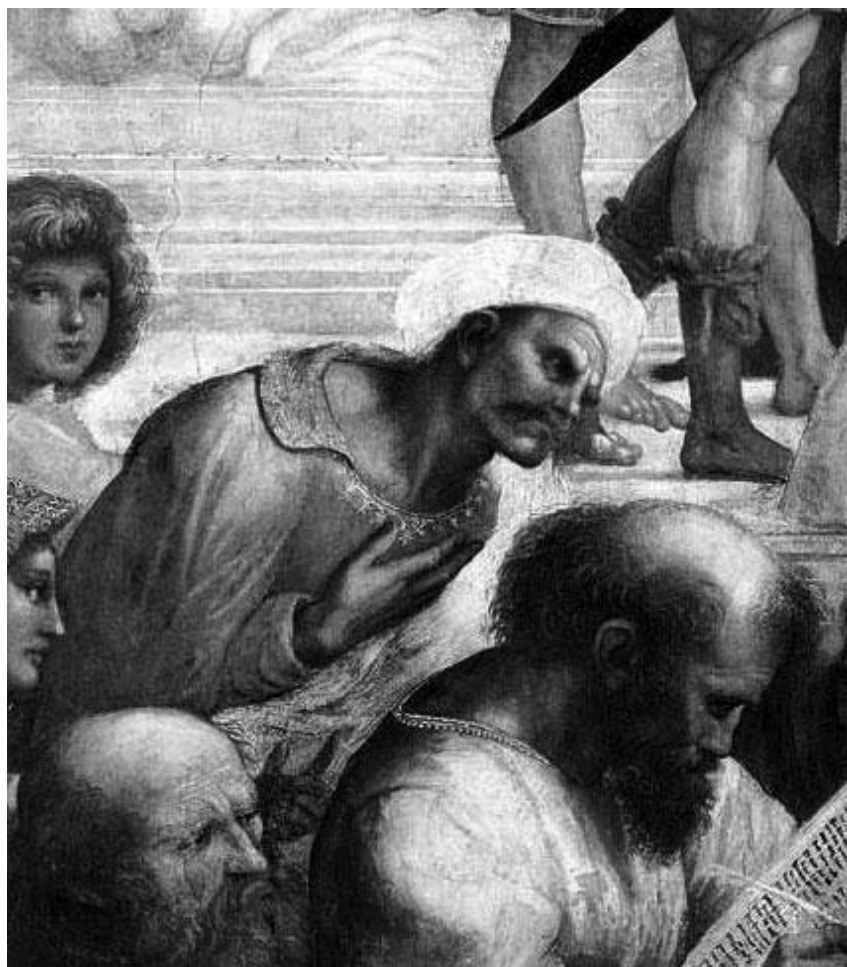
И действительно, такие прославленные ученые, как автор комментариев к сочинениям Аристотеля и Платона, виднейший философ и математик аль-Фараби, врач, алхимик и философ ар-Рази, обретший широкую известность даже в Европе, где он на латинский манер именовался Разес, обращали серьезное внимание на музыку, разрабатывали ее теорию и посвящали музыкальному искусству развернутые сочинения.

Персидская философия

Но, кроме прикладной науки, в Персии развивалась и философская мысль. Анри Корбен в книге «История исламской философии», исследуя возникновение философской мысли в исламе, культурных связей и влияния Востока на Запад, поясняет: «С Бактрией и бактрийцами связана деятельность Бармакидов (эта семья в 752–804 гг. вершила все дела в халифате), которая заложила предпосылки для нарастания иранского влияния при дворе Аббасидов. Имя их предка – «Бармак» – представляет собой титул наследственного великого жреца буддийского храма Навбахар в Балхе, который в более позднем предании стал Храмом Огня. Все, что Балх, «матерь городов», со временем получил от греческой, зороастрийской, буддийской, манихейской и несторианской культур, продолжало жить в нем (он был разрушен, но затем вновь отстроен Бармаком в 726 г.). Говоря кратко, центры математики и астрономии, астрологии и алхимии, медицины и минералогии, а вместе с ними – псевдоэпиграфической литературы находились в городах великого пути на Восток, по которому некогда прошел Александр».

Авен Рушд, вошедший в историю под латинским именем Аверроэс, знаменитый философ, появившийся на свет в 1126 г. в Кордове, написал комментарии к большинству произведений Аристотеля, причем для некоторых трактатов Аверроэс составил целых три комментария. «Что же касается латинского аверроизма, то его истоки восходят к латинским переводам комментариев Аверроэса к Аристотелю, – отмечает Корбен, – выполненных Михаилом Скоттом, возможно, во время его пребывания в Палермо (1228–1235) в качестве астролога при дворе императора Фридриха II Гогенштауфена». Он настолько прославился своими комментариями к Аристотелю, что они, будучи переведены на латынь, стали основой целого философского направления – авверроизма.

«В то время как на Западе авиценнизму был отпущен очень короткий срок, в Иране он дожил до наших дней, плодотворно повлияв на духовную и мистическую ситуацию».

Анри Корбен

А Ибн Араби, появившийся на свет в знатной арабской семье в Андалузии, создал множество метафизических трактатов и суфийских поэм, в которых гностические аспекты представлены с помощью лирических образов. «В то время как на Западе авиценнизму был отпущен очень короткий срок, в Иране он дожил до наших дней, плодотворно повлияв на духовную и мистическую ситуацию, – указывает Корбен. – Латинский же аверроизм в XIV в. выродился в политический аверроизм Жана де Жандуна и Марсилия Падуанского. С этой точки зрения, имена Авиценны и Аверроэса могут быть рассмотрены в качестве символов духовных судеб соответственно Востока и Запада».

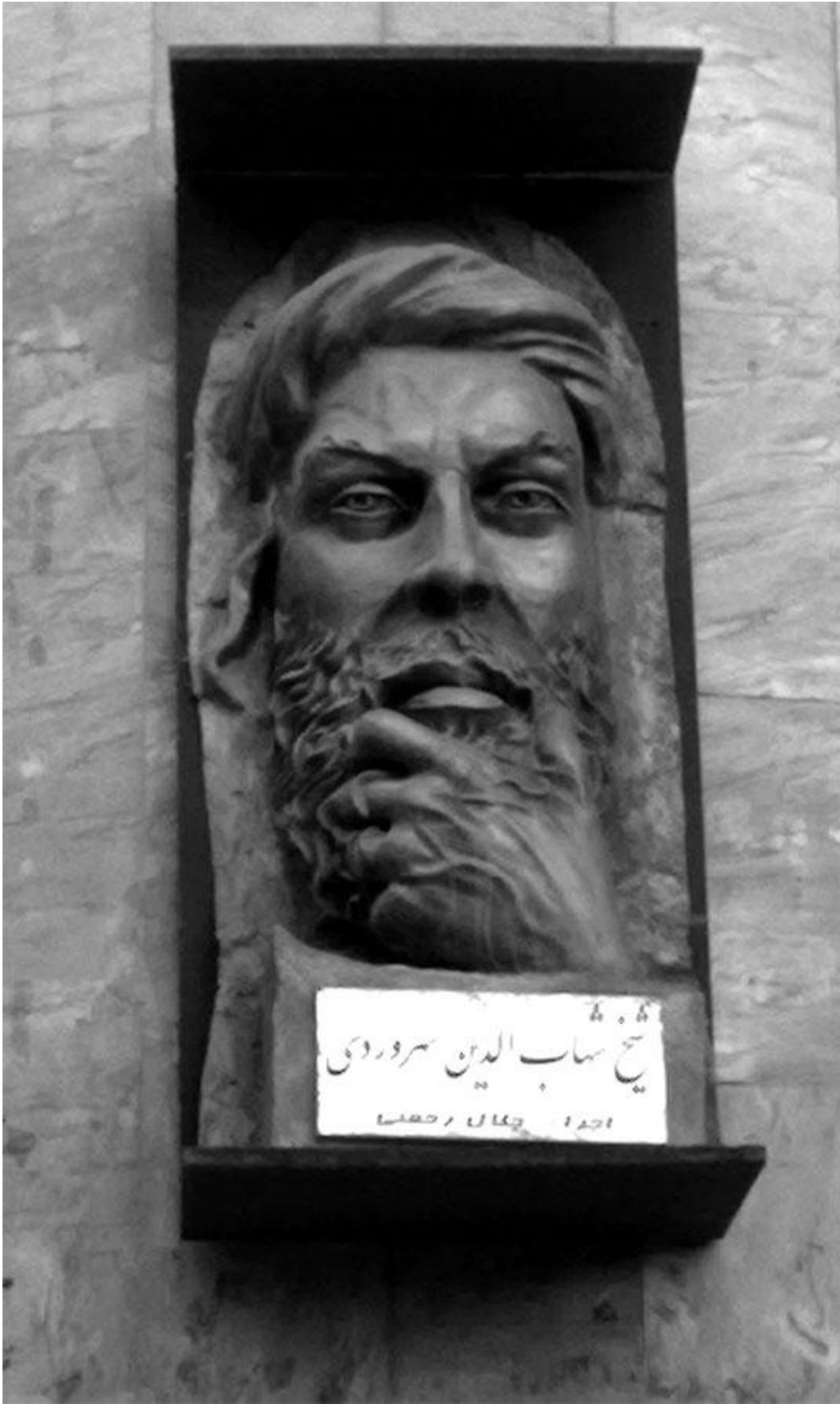
Ибрахим ибн Саййара ан-Наззам славился не только мудростью, но и удивительной памятью, благодаря которой знал наизусть священные книги разных народов, и блестящим полемическим даром. Его литературные способности позволяли работать во всех стилях классической арабской словесности от прозы до изысканных стихов. Также он проводил эксперименты в сфере естественных наук: молодой Ибрахим, изучая свойства алкоголя совместно с эмиром Басры ал-Хашими, выяснил в результате опытов, что из рептилий наиболее подвержена воздействию алкоголя ящерица.

Ахмад ибн Мухаммад ибн Йа'куб, известный как Мискавайх, достигший высот в литературе и таких науках, как философия, этика, химия, медицина, история, сам свидетельствовал, что в юности немало предавался праздности и развлечениям, но впоследствии все же сумел преодолеть пагубные побуждения, обратившись к научным занятиям и высоким помыслам. «Кто в детстве не получит достойного воспитания, – писал Мискавайх, – кого отец взрастит примитивными стихами и лживыми рассказами, облагораживая скверности и прививая сладострастие, а затем он найдет путь в чертоги вельмож, где за подобные стихи дают награду, сольется с друзьями, которые призывают к плотским наслаждениям, и пристрастится к скапливанию яств, одежд,

скота и украшений, – как это все случилось со мной, – тот лишится счастья...»

Шейх Ишрак (Сухраварди) считал задачей философии поиск истины и был уверен, что это одна из главных задач человека с самых юных лет: «Никогда не подражайте ни мне, ни другим, но ищите доказательства». Поэт и мудрец Мавлави рос в семье, представители нескольких поколений которой были учеными, поэтами, богословами, и он сам рано приобщился к ученым занятиям, выказывая немалое рвение. Ходжа Насир ад-Дин Туси тоже был уверен в важности правильных ориентиров в детстве: «Мой отец много путешествовал, общался с людьми разных сословий и всегда поощрял меня изучать искусства и науки и внимать речам духовных наставников». Его перу принадлежат значимые труды по этике и педагогике.

Широкую известность в Средние века обрел классический труд «Насафиев символ веры», автором которого был Наджм ад-дйн Абӯ Хафс ‘Умар ибн Мухаммад ибн Ахмад ан-Насафӣ, прославленный мудрец и признанный знаток традиционного права, хадисов, истории и литературы, подвизавшийся в Мавераннахре и Хорасане в XII веке. Он родился между 1068 и 1070 годами в городе Несеф. В дальнейшем, когда настало время получить всестороннее образование, он ради изучения права и хадисов отправился в Бухару, где в течение какого-то времени обучался у виднейших ученых этого города. Впоследствии он сам обрел известность и уважение, а его книга в течение нескольких веков занимала почетные места в библиотеках от Египта и Турции до Индии и современного Пакистана.

شیخ سہاب الدین سروردی
۱۸۵۱ - ۱۹۱۱

«Мой отец много путешествовал, общался с людьми разных сословий и всегда поощрял меня изучать искусства и науки и внимать речам духовных наставников»

Ходжа Насир ад-Дин Туси

В ней ученый размышлял о степени познаваемости мира и о том, как проверить достоверность полученных сведений. «У творения есть три средства познания: здоровые органы чувств, достоверные предания и разум. Органов чувств – пять. Это – слух, зрение, обоняние, вкус и осязание. Посредством каждого из этих чувств постигается то, для познания чего оно предназначено. Достоверные предания бывают двух видов. Первым из них выступает единогласное (мутавāтир) предание, т. е. сообщаемое группой людей, сговор которых ради лжи невообразим. Таковое служит причиной необходимого знания, как, например, знания о правителях прошлых времен и далеких странах. А второе – это предание посланника [Божьего], миссия которого подтверждается определенным чудом».

Также в произведении анализировались такие вопросы, как волеизъявительные действия человека и их связь с Божественной волей, понятие добра и зла (прекрасного и безобразного), значение наставничества, понятие способности в двух ипостасях: наличие у человека физических и материальных предпосылок к совершению того или иного действия и собственно способности это действие совершить, и многие другие философские проблемы.

Старец Горы

Одна из основных тем, которая вспоминается при упоминании средневекового Востока вообще и прежде всего Персии, – это ассасины и пугающие легенды об этих неуловимых убийцах. Еще в 1818 г. вышла «История ассасинов» австрийского писателя и востоковеда фон Хаммер-Пургштала, в котором тот, продолжая домыслы крестоносцев и Марко Поло о злодеяниях ассасинов, подозревал их даже в тех преступлениях, которые в то время в Европе считались совершенными иезуитами и франкмасонами. По мнению Анри Корбена, «сильным было влияние личности Хасана Саббаха, сведения о котором следует черпать в самих исмаилитских текстах, поскольку в работах неисмаилитов они искажены до неузнаваемости. Его роль в образовании исмаилитских крепостей в Иране была решающей...»

Объявив о создании государства, Ибн Саббах первым делом упразднил сельджукидские налоги. Он повелел жителям Аламута незамедлительно приступить к строительству. Его новому государству требовались удобные дороги, надежные цитадели и водоснабжающие каналы.

«...сильным было влияние личности Хасана Саббаха, сведения о котором следует черпать в самих исмаилитских текстах, поскольку в работах неисмаилитов они искажены до неузнаваемости. Его роль в образовании исмаилитских крепостей в Иране была решающей...»

Анри Корбен

Его агенты и миссионеры, занимающиеся особой миссией, свозили к нему со всего света добытые ценные рукописи и книги. Его интересовали знания в разных областях наук. Он также, не стесняясь средств, похищал самых прославленных и талантливых людей, которые его интересовали своими умениями, в случае, если они не принимали его приглашение. Его вольными и невольными гостями были специалисты разных наук, инженеры и изобретатели. В списке его интересов также были строители, алхимики и врачи. Благодаря этому

ассасины обеспечили себе самую продвинутую в том времени систему фортификаций и опередили возможности обороны на несколько веков.

Ибн Саббах обустроил свою штаб-квартиру в горной крепости Аламут. При нем была образована специальная школа для подготовки разведчиков и террористов. Школа крепости Аламута в середине 90-х гг. XI века считалась самой эффективной в мире среди существующих школ тайных агентов. Ее кажущиеся простыми действия и способы достижения целей впечатляли результатами.

Умберто Эко в книге «История иллюзий: легендарные места, земли и страны» так живописно описывал крепость ассасинов: «Но особенно страшным представляется Аламут в преломлении легенды. Построенная на гребне отвесных скал длиной 400 метров и шириной местами всего несколько шагов, от силы 30, крепость возникала перед взором путника, идущего Азербайджанской дорогой, и издали казалась естественной стеной, белой в ослепительном дневном свете, голубоватой на фоне пурпурного заката, бледной на рассвете и кроваво-красной в первых лучах восходящего солнца; в иные дни ее контуры едва проступали в пелене облаков или внезапно озарялись вспышками молний. Когда крепость была цела и там жили люди, наверх поднимались по потайной винтовой лестнице, выдолбленной в скале, и для ее охраны хватало одного лучника. Так описывали Аламут, неприступный оплот ассасинов, куда попасть можно было, только прилетев на орле».

«Но особенно страшным представляется Аламут в преломлении легенды. Построенная на гребне отвесных скал длиной 400 метров и шириной местами всего несколько шагов, от силы 30, крепость возникала перед взором путника, идущего Азербайджанской дорогой, и издалека казалась

естественной стеной, белой в ослепительном дневном свете, голубоватой на фоне пурпурного заката, бледной на рассвете и кроваво-красной в первых лучах восходящего солнца; в иные дни ее контуры едва проступали в пелене облаков или внезапно озарялись вспышками молний...»

Умберто Эко

Средневековый европейский хронист Арнольд Любекский в «Славянской хронике» пишет о вожде ассасинов следующее: «Этот правитель имеет в горах многочисленные и прекраснейшие дворцы, окруженные очень высокими стенами, так что проникнуть туда можно только через небольшую и тщательно охраняемую дверь. В этих дворцах он велит с малолетства многих сыновей своих крестьян обучать их различным языкам, а именно: латинскому, греческому, романскому, сарацинскому и многим другим. Их учителя внушают им с раннего детства и до совершеннолетия, что они должны повиноваться своему повелителю во всех его словах и приказах».

Ибн Саббах вел очень аскетичный образ жизни, он всегда служил наглядным примером для своих подданных. Его отличало хладнокровное отношение ко всем нарушающим его требования. В наказании он не делал различий в том, кем являлись провинившиеся и когда установленный закон был нарушен его родным сыном, Ибн Саббах велел его казнить.

Бернард Гамильтон пишет в книге «Тамплиеры, сирийские ассасины и король Амори Иерусалимский»: «Франкские правители Антиохии и Триполи очень по-разному отреагировали на появление новых соседей. Раймунд из Пуатье, князь Антиохии (1135–1149), заключил союз с назиритским лидером Али ибн-Вафой против их общего врага, правителя Дамаска Нур ад-Дина, и оба погибли в битве при Инабе. Традицию добрососедства поддержал сын Раймунда, Боэмунд III, который в 1180 году выделил фьеф Бикисраил, расположенный недалеко от северной границы низаритской территории, ордену Святого Иакова Компостельского. Среди земель фьефа, перечисленных в грамоте Боэмунда, есть и «замок Жерен (Gerennes) с прилегающими землями, за исключением поместий, которые мы дали шейху ассасинов...» Вплоть до третьего крестового похода низариты не ссорились с христианами, и Раймунд был их

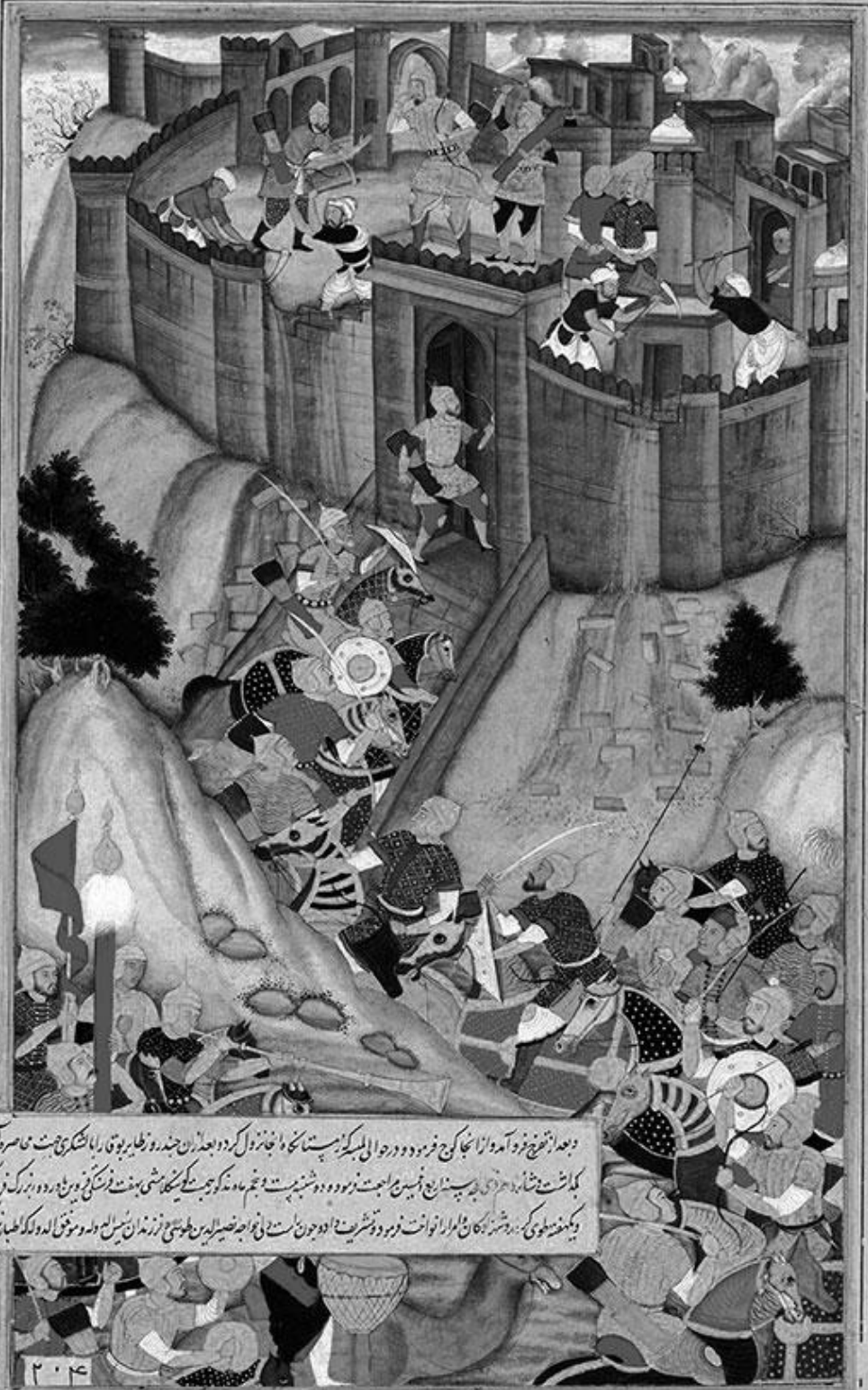
единственной жертвой среди важных франкских лидеров. Вполне возможно, что его смерть была ответом на создание тамплиерской сеньории в Тортосе. Конечно, поначалу тамплиеры боролись с низаритами, но ко времени правления короля Амори было найдено мирное решение».

Жак де Витри писал об ассасинах: «Ибо они были в то время данниками братьев Храма, платя им две тысячи безантов каждый год, чтобы удерживать определенную часть своей земли...» Описанная во многих рассказах методика устрашения тамплиеров оказалась не слишком эффективной, как свидетельствовал английский хронист Вильям Ньюбургский, утверждавший, что Старец Горы «знал, что добьется малого руками своих эмиссаров, если сможет устранить любого магистра этого ордена – ведь они тотчас же выберут другого и будут ему жестоко мстить за свою потерю...».

Тем не менее воины-смертники Ибн Саббах властвовали во всем государстве Сельджукидов. Их главной цитаделью была неприступная горная крепость. Но к тактике терроризма смертников Ибн Саббах обратился благодаря случаю. Об этом рассказывает одна из легенд. Миссинеры его учения действовали в исламском мире. И по приказу Ибн Саббаха в этом деле они не жалели собственной жизни. Проповедники-хашшашины, чтобы не быть раскрытыми, в 1092 году в городе Сава, на территории Сельджукидского государства, убили местного муэдзина, который узнал об их деятельности и мог донести на них. В качестве возмездия главный визирь сельджукидского султана Низам аль-Мулька казнил предводителя местных исмаилитов. Предводителя предали мучительной медленной смерти, а его тело публично протащили по улицам Савы. После этого труп казненного висел на главной базарной площади, пугая людей в течение нескольких суток.

В среде хашшашинов это породило волну гнева. Жители Аламута толпой осадили дом своего духовного наставника и лидера, который являлся также и правителем государства. Согласно легенде, Ибн Саббах вышел на крышу своего дома и сказал так, чтоб услышали все: «Убийство этого шайтана предвосхитит райское блаженство!» Молодой человек Бу Тахир Аррани, который пришел с вместе толпой, так проникся словами Ибн Саббаха, что, опустившись перед ним на колени, выразил готовность исполнить его волю. Абу Тахир Аррани пообещал

привести в действие смертный приговор любой ценой, даже если придется заплатить собственной жизнью.

دو بعد از فتح خود آمد و از آنجا که فرمود و در آنجا که ایستاد و با جانزوال کرد و بعد از آن چند روز ظاهر بودی را با لشکری بیست می سر آمد
 که داشت و شاه را هم می برد پس شایع نویسیج اجابت نمود و دو شب زبهرت و پنج ماهه که کوه جسته کجا شای بیست و شش نفری ازین درود و بزرگ نو آمد
 و یکمشت طوی که در شهر کجا ان ملو را نوانست فرمود و شریف او در آن است بی خواج نصیرالدین طوسی فرزند ان سید طوسه و موثق الدو که کجا بزرگ

۲۰۴
 سخن

فتح قلعه الموت و سبانشا در آمدن ملا کو خان بک قلعه و بعد از خروج ویران
 طرح بیان علی شند کویاری

С благословения Ибн Саббаха отряд фанатиков-хашшашинов, разделившись на маленькие группы, ушел в направлении столицы государства Сельджукидов. 10 октября 1092 года Бу Тахир Арран уже находился внутри высоких стен, окружающих дворец визиря. Он никогда не видел визиря, но предполагал, что месть будет не просто исполнить, ведь визиря будет окружать свита и телохранители. Рано утром, тайно проникнув в зимний сад, он, вооруженный большим отравленным кинжалом, подстерег свою жертву. Через несколько часов, примерно, в полдень, на дорожке сада показался богато одетый человек в сопровождении группы слуг и телохранителей. Аррани подумал, что это не кто иной, как сам визирь.

Телохранители проявляли беспечность, полагаясь на неприступность внутренней территории дворца. И сам визирь считал свою личную внутреннюю охрану лишь частью традиции.

По этой причине Аррани удалось, использовав удобный момент, наброситься на визиря. Три удара отравленным ножом были молниеносными и неотвратимыми. Стража ничего не успела сделать, чтоб спасти жизнь своего господина. Еще до того, как был схвачен и растерзан убийца, визирь уже корчился в предсмертных судорогах. Аррани выполнил обещание и умер практически вместе со своей жертвой. Для хашшашинов гибель Низама аль-Мулька была равносильна призыву к началу действий, они окружили и предали огню дворец визиря.

После убийства главного визиря и реакции исламского мира Ибн Саббах понял необходимость создания движения исмаилитов-низаритов. Это движение стало частью его государственной доктрины обороны. При этом он эффективно продумал, как обойтись без вложения огромных средств и не тратиться на регулярную армию.

В частности, Ибн Саббах предусмотрел спецслужбу, главным в деятельности которой являлись запугивание и показательное уничтожение всех, кто мог быть помехой. Людей спецслужбы не могли остановить никакие преграды. Для них не имели значения ни неподкупные телохранители, ни армия, ни неприступные замки или вооружение.

Однако для вступления в орден Ибн Саббах придумал непростой экзамен. Поэтому обычно из двухсот претендентов в итоге оставалось

не более десяти самых стойких.

Всем вступающим за внутренние стены крепости было известно, что обратного пути нет. Получившим тайное знание, пока они живы, будет невозможно оставить орден.

Испытание претендентов происходило еще до начала проверки на пригодность. Ибн Саббах подвергал кандидатов проверке по методу, заимствованному из практик древних китайских школ боевых искусств.

Желавших вступить в орден неделями заставляли ожидать перед закрытыми воротами и пропускали внутрь лишь самых стойких. Во внутреннем пространстве двора они также ожидали приглашения войти и полуголодными сидели несколько дней на холодном каменном полу без крыши над головой. Кормили их лишь остатками еды. Неважно, какая была погода: снег или дождь.

Специально обученные агенты Ибн Саббаха из числа уже прошедших первую степень посвящения старались вывести ожидающих из себя. Они оскорбляли и избивали измученных ожиданием людей, проверяя непоколебимость воли и желания вступить в орден хашшашинов. Лишь прошедшие первую ступень испытаний могли войти в дом Великого Владыки. И тогда им открывали особые знания, «врата иной жизни». На этом этапе кандидатам позволяли отмыться от грязи, хорошо кормили и каждому предоставляли теплую одежду...

В боевые отряды хашшашины отбирали только физически сильных и молодых. От воинов ордена требовалось отречься от семьи и близких, поэтому сироты были предпочтительней семейных кандидатов. Владыку члены ордена именовали «Старцем Горы». После принятия в ряды хашшашинов жизнь и смерть любого из них была полностью в руках Старца Горы. Ибн Саббах разработал простую и эффективную систему подготовки воинов, прозванных «фидаинами». Жилище «Старца Горы» называлось «храмом первой ступени на пути в Рай».

Существует легенда о том, что популярное название ассасинов, или, более близкое к настоящему произношению, «хашшашинов», произошло от названия используемого ими гашиша. По легенде, каждого претендента приглашали в дом Старца Горы и там одурманивали гашишем в ритуальных целях.

Однако существует версия, что в ритуальных действиях низаритов в действительности использовалась не трава, а опиумный мак. Свое название хашшашины, что значит «травоеды», могли получить по причине своей бедности. Известно, что назариты в те времена жили в крайней нужде и бедности.

Кандидата в фedaины во время тайного ритуала с применением опиума повергали в наркотический сон и перемещали в специально подготовленный для этих целей прекрасный «райский сад».

В саду его встречали красивые райские девственницы-гурии и ожидал настоящий пир с изысканными яствами и вином. Девы приветливо одаривали смущенного молодого человека ласками. Они были обученными и произносили будущему смертнику разные обещания. И самым важным из них было обещание возвращения в этот рай сразу после героической смерти в бою.

Через некоторое время юноше снова давали наркотик и после погружения в сон возвращали из райского сада в прежнее помещение. После пробуждения каждый искренне верил, что увидел настоящий рай и с тех пор настоящий мир терял свою привлекательность. Дело в том, что XI веке прелюбодеяние являлось тяжким преступлением, за которое могли забить камнями. Для бедного мужчины женщина являлась недостижимой мечтой, если не было денег, чтобы заплатить за невесту традиционный выкуп – «калым». Единственной его мечтой становилось лишь заслуженное возвращение в далекий и волшебный рай.

Ибн Саббах также был человеком, любящим спецэффекты и неплохо разбирающимся в психологии. В крепости Аламута, в одном из многочисленных помещений, стоял медный поднос. В каменном полу под ним была скрыта яма. В центре поднос имел ровно вырезанный круг. По приказу Ибн Саббаха один из его адептов изображал «отрубленную голову». Для этого адепт прятался в яме, а голову просовывал через отверстие в центре подноса. Грим, нанесенный на лицо, создавал отличную дополнительную иллюзию правдоподобия.

Таким образом, молодым адептам показывали говорящую «отсеченную голову». В дополнение фокуса к ошеломленным юношам выходил из темноты сам Ибн Саббах. Владыка совершал магические пассы и произносил на неизвестном языке заклинания над «отсеченной головой». «Голова» неожиданно открывала глаза и начинала говорить. Все, кто находился в помещении, имели право задавать ей вопросы о рае. И «мертвая голова» очень искренне отвечала, вселяя глубокие надежды.

А когда приглашенные покидали помещение, Ибн Саббах приказывал на самом деле отрубить голову помощнику, сыгравшему роль «мертвой головы». Утром следующего дня ее как доказательство реальности рая помещали перед воротами крепости.

Хашшашины проводили немало времени на ежедневных тяжелых физических тренировках. Каждый смертник обязательно умел владеть различными видами холодного оружия: был метателем ножей, метким лучником, бойцом на саблях, – а также мог сражаться без всякого оружия. Помимо этого, хашшашин изучал силу и действие ядов. Для достижения особой выносливости адепты школы убийц в любую

погоду могли по много часов просидеть на корточках или неподвижно простоять, сливаясь со стеной.

Смертники проходили подготовку в четком соответствии с условиями и требованиями региона, где им придется выполнять свою службу. В том числе они изучали языки мест, где им придется выполнять задание. В программу обучения входили уроки актерского мастерства. Для успешного выполнения миссии требовался талант перевоплощения, что порой ценилось даже больше боевых искусств.

Хашшашин легко мог обернуться странствующим монахом-христианином, бродячим циркачом, святым дервишем, целителем или купцом-торговцем с Востока... Исполнив данный Владыкой приговор, смертники не стремились сохранить себе жизнь и скрыться. Они принимали свой последний бой и с гордостью умирали или убивали себя сами. Демонстрируя фанатичную веру, во время страшных пыток они всеми силами старались улыбаться в лицо палачам. В народе их нередко называли «саббахиты», что значит «люди горных крепостей».

Влияние Старца Горы простиралось за пределы исламского мира. Правители европейских государств платили ему дань в целях сохранения мира и собственной жизни. Так, не оставляя своей крепости, Ибн Саббах подчинил своей воле средневековый мир с помощью своих хашшашин-смертников.

Не имея полного представления о Владыке или внутренней структуре ордена, европейцы называли последователей Старца Горы «горными шейхами» и верили, что они вездесущи и скрыться от них невозможно.

Существование такого ордена в дальнейшем послужило примером для создания тайных обществ Запада и Востока. Им подражали, пытаясь применять у себя их систему обучения. Кроме того, воссоздавали в своих условиях подобные школе хашшашин дисциплину, знаки, символы и эмблемы, ступени перехода в ранги и многое другое.

Хулагу, внук Чингисхана, в 1250-х годах вторгся в Западную Персию. Исмаилиты к тому времени были неспособны ему противостоять, и ослабленное государство было побеждено. В 1273 году египетский султан Бейбарс I стер с лица земли убежище хашшашин в горных районах Сирии, в котором держали оборону последние из них. 1256 году орден хашшашин прекратил свое

существование. Это случилось после захвата крепостей Аламут и Меймундиз.

В своей «Книге о разнообразии мира», в XLIII главе, Марко Поло не совсем точно упоминает дату и имя последнего «Старца Горы», или «Имама ассасинов»: «Так-то был взят и убит старец Ала-один вместе со всеми своими; с тех пор и поныне нет более ни старца, ни ассасинов. Кончились и владычество старца, и злые дела, что творил он в старину». На самом деле последним «Старцем Горы» хашашшинов, убитым монголами после взятия крепости Аламут, был не Ала ад-Дин Мухаммад III, который правил с 1221 по 1255 год. Последним был его сын Рук ад-Дин Хуршах, являвшийся «Старцем Горы» с 1255 по 1256 год.

Легенда об ассасинах, появившаяся в Европе благодаря книге венецианского путешественника Марко Поло, была довольно проста. В саду, подобном мусульманскому раю, устроенном в труднодоступном тайном месте в стране Мулект, когда-то жил горный старец Алах-од-Дин. Он призывал к себе на службу молодых юношей от 12 до 20 лет. Давая им сонное зелье, переносил в свой райский сад. Проснувшись, юноши проводили там один день, предаваясь утехам с прекрасными девами и женами, но вечером им снова давали сонное зелье и переносили обратно ко двору старца. Пробудившись и вспоминая о рае, юноши были «готовы и на смерть, лишь бы только попасть в рай; не дождутся дня, чтобы идти туда... Захочет старец убить кого-нибудь из важных или вообще кого-нибудь – выберет он из своих ассасинов и куда пожелает, туда и шлет его. А ему говорит, что хочет послать его в рай и шел бы он поэтому туда-то и убил бы таких-то, а как сам будет убит, то тотчас же попадет в рай. Кому старец так прикажет, охотно делал все, что мог; шел и исполнял все, что старец ему приказывал». В «Книге о разнообразии мира» Марко Поло (главы XLI, XLII, XLIII) нет упоминания об употреблении гашиша: «сперва их напоят, сонными брали и вводили в сад; там их будили».

При этом власть легенды оказалась столь сильна, что многие европейские средневековые ордена и тайные общества заимствовали структуру и атрибуты из рассказов о Старце Горы и его неуловимых и непобедимых воинах.

Влияние Персии на державу Тимура

Но времена менялись, и на передний край истории выходили другие силы. Из степей Дальнего Востока неудержимо наступали монголы, и Персия оказалась на их пути. В 1220 году с северо-востока в Хорасан вторглись армии Чингисхана. А полностью завладел персидскими землями только его внук Хулагу, который создал там свое государство под верховной властью Орды и стал править с титулом ильхана.

Следующая волна завоеваний началась при Тимуре. В 1386 году он начал первый, обычно называемый «трехлетним», поход в западные области Персии. В конце следующего года он занял Исфахан и Шираз. А в ходе следующего, «пятилетнего», персидского похода Тимур захватил земли, прилегающие к Каспийскому морю, западную Персию и Багдад, а потом Закавказье.

Тимур и его наследники, подобно многим другим завоевателям, были и сами покорены научными достижениями иранских мудрецов, многообразным великолепием древней и прекрасной персидской культурой. Главным городом своей державы Тимур сделал Самарканд – первую столицу Саманидов. Здесь проходил Великий шелковый путь. Чтобы придать стольному граду достойный облик, были привезены персидские мастера и строители, которые создали в Самарканде те величественные архитектурные ансамбли, которые сейчас почитаются как всемирные шедевры зодчества.

Желая усилить впечатление от величественной столицы, Тимур повелел назвать ближайшие селения в честь прославленных городов. Так возле Самарканда появились Багдад, Дамаск, Шираз... Посол Кастилии, которому довелось посетить Самарканд во времена «сеньора Тимура», так описывал свои впечатления: «Самарканд расположен на равнине и окружен земляным валом и очень глубокими рвами. За городом выстроено много домов, примыкающих к нему с разных сторон как предместья. Весь город окружен садами и виноградниками. В этих загородных садах много больших и знаменитых построек, и у

самого сеньора там есть дворцы и погребя. Сеньор очень хотел возвеличить этот город и, когда завоевывал какие-либо земли, отовсюду приводил людей, чтобы они населяли город и окрестные земли. Особенно он собирал мастеров по разным ремеслам. Из Дамаска он прислал разных мастеров, каких смог найти: всевозможных ткачей, умельцев по лукам для стрельбы и оружейников, тех, кто обрабатывает стекло и глину, – и эти мастера считаются лучшими в мире... Он привел арбалетчиков и других умельцев, каких смог найти: каменщиков, золотых дел мастеров, сколько их нашлось, и столько их нашлось, и столько их привез, что в городе можно найти любых мастеров и умельцев».

При наследниках Тимура Самарканд стал культурным и научным центром, опиравшимся на многовековые персидские традиции науки и искусства. Внук Тимура Улугбек, который был не только правителем, но и выдающимся ученым, построил здесь замечательную обсерваторию, где проводил наблюдения за звездным небом. На формирование научных интересов Улугбека оказали сильное влияние личность и достижения великого персидского ученого Насир ад-Дина ат-Туси – еще в детстве ему довелось посетить руины обсерватории, которую тот когда-то построил в Мараге.

Главным инструментом в обсерватории Улугбека был стенной квадрант с радиусом 40 метров и рабочей частью от 20° до 80° – ничего подобного тогда в мире больше не было. Трудями Улугбека были определены длина звездного года: 365 дней, 6 часов, 10 минут, 8 секунд (с погрешностью + 58 секунд) и наклон оси Земли: 23,52 градусов (наиболее точное измерение). Главный итог научных работ Улугбека – создание «Зиджи джадиди Гурагани» – сборника астрономических таблиц, над которым ученый трудился 30 лет. Этот астрономический справочник был впоследствии переведен на латынь и вплоть до XVII века заслуженно считался образцом точности как в странах Востока, так и в Европе.

При Улугбеке в Самарканде жил и работал виднейший историк Хафиз Аbru, уроженец Герата, который сопровождал еще Тимура в его походах, а потом служил придворным летописцем его сына Шахруха

(отца Улугбека). Его перу принадлежат подробные труды по истории и географии Ирана, об образе жизни народов, населявших его в те времена. В сочинение Хафиза Аbru «Зубдат ат-таварих» включен «Дневник путешествия Гийас ад-Дина Наккаша в Китай» о странствии, которое продолжалось с 1419 по 1422 год. Причем историк отмечает: «Ходжа Гийас ад-Дин, начиная с того дня, как он выехал из стольного града Герата, чтобы совершить путешествие в Китай, до того дня, как возвратился в Герат, какой бы местности не достигал, день за днем, записывал в виде дневника все, что он видел в отношении состояния дорог, вилайетов, их благоустройства, обычаев городов, великолепия падишахов и образа их правления, а также некоторых редкостей...»

Запечатлены в трудах Хафиза Аbru и события, очевидцем которых был он сам: «Убежав из Узбекского улуса, сыновья Ходжи-Лака прибыли к его Величеству Шахруху и таким образом доложили: «В большей части той страны народ гневается, и на большей территории смуты и распри. Возможности правления, когда весь народ и улус ему подчиняется и его указ слушает, не существует. Народ, обитающий там, по причине боязни полонения, рассеялся, а те, кто остались, проводят время в тревоге и беспокойстве». Его Величество, отмеченный правлением, – да увековечит Всевышний Аллах его царствование и власть его! – обращаясь с ними с особой милостью, оказал благорасположение и сострадание... Мирза Улугбек, хранитель истины и веры, в начале священного месяца мухаррем 819 года отправившись на берег реки Ходженд, 17 мухаррема упомянутого на берегу Ходженда напротив Шахрухии раскинул царственный шатер. Туда прибыл некто из Хорезма и доложил, что по божественному предопределению Джаббар-Берди прогнал Чингиз-оглана и захватил Узбекский улус. Двадцатого [следующего месяца] его Величество Мирза Улугбек Гурган, построив мост через Сейхун, пересек его и через несколько дней, проведенных в той местности, решив вернуться в стольный град Самарканд, 23 сафара вступил в столицу...»

Следует отметить, что книги Хафиза Абра были написаны на персидском языке. И когда уже становилось достоянием истории правление Тимуридов, в истории самого Ирана открывалась новая блистательная страница.

4. От Тигра до Инда

Своим умелым правлением он сумел преодолеть неурядицы и признаки слабости, проявившиеся в Иране. При этом монархе могущество Ирана во всем мире было признано настолько, что европейские монархи и Папа Римский стали направлять к его двору своих послов.

Али Акбар Велаяти о шахе Аббасе I

Победный путь шаха Исмаила начался в 1500 году, когда ему было 14 лет. Исмаил выступил из Гиляна во главе кызылбашей и воинов из других союзных племен и с этой 7-тысячной армией двинулся на Ширван. Решающее сражение произошло в местности Джабани у стен крепости Гюлистан. Армия Исмаила – будущий шах отважно дрался в первых рядах – сокрушила противника.

Исмаил I – первый Сефевид на троне

Начало следующего расцвета Персидского государства было связано с именем шаха Исмаила I, основателя новой правящей династии Сефевидов. Он славился как талантливый военачальник и не раз демонстрировал личную доблесть в сражениях. Исмаил пришел к власти, опираясь на движение кызылбаши – «красноголовых», которых так прозвали за обычай носить чалму с 12 красными полосами, которые были призваны символизировать 12 имамов.

Родоначальником Сефевидов, в честь которого была названа вся династия, считается шейх Сефи ад-Дин, основавший в начале XIV века в Ардебиле суфийско-дервишский орден «Сефевийе». Отец будущего владыки шейх Гейдар возглавлял племенной союз кызылбаши. А его мать Алим-шах бегим была дочерью Узун-Хасана, правителя Ак-Коюнлу (государство туркоманских племен в восточной Анатолии и западном Иране, существовало до воцарения Сефевидов) и греческой принцессы Феодоры Деспины из рода Великих Комнинов, правивших Трапезундской империей.

В 1488 году шейх Гейдар был убит в битве с ширванцами, а в 1495 году его столицу Ардебиль захватили войска Ак-Коюнлу. Шейх Али, старший сын шейха Гейдара, был убит, а младшего Исмаила верные кызылбаши спасли и укрыли, вывезя мальчика сначала в Решт, а потом в Гилян. Там, в Гиляне, во дворце Каркия Мирзы Али он и провел последующие несколько лет, получив хорошее образование под руководством видных ученых.

Победный путь Исмаила начался в 1500 году, когда ему было 14 лет. Исмаил выступил из Гиляна во главе кызылбашей и воинов из других союзных племен и с этой 7-тысячной армией двинулся на Ширван. Решающее сражение произошло в местности Джабани у стен крепости Гюлистан. Армия Исмаила – будущий шах отважно дрался в первых рядах – сокрушила противника, ширваншах Фаррух Ясар был убит, а победители взяли столицу Ширвана – город Баку.

«В 1501 г. он захватил Баку, победил Ак-Коюнлу Алванда и при Нахичевани, что отдало под его власть весь Азербайджан, а затем вступил в Тебриз, где, короновавшись в 1502 г. в качестве шаха, основал династию Сефевидов. Даже если своим успехом он был во многом обязан окружению, невозможно отрицать, что новый монарх был вундеркиндом».

Жан-Поль Ру

«Исмаил I стал вооруженной рукой расширять пределы своих владений. Военные походы следовали один за другим, и его армии кызыл-башей в большинстве случаев сопутствовали убедительные победы».

Алексей Шишов

«Выступивший с небольшим отрядом, оцениваемым приблизительно в полторы тысячи человек, Исмаил прибыл в Эрзинджан (нынче в Восточной Турции) летом 1500 г. с силами, которых стало в пять-шесть раз больше, – пишет Жан-Поль Ру в книге «История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней». – Он немедленно начал действовать. В 1501 г. он захватил Баку, победил ак-коюнлу Алванда и при Нахичевани, что отдало под его власть весь Азербайджан, а затем вступил в Тебриз, где, короновавшись в 1502 г. в качестве шаха, основал династию Сефевидов. Даже если своим успехом он был во многом обязан окружению, невозможно отрицать, что новый монарх был вундеркиндом».

Да, Исмаил продолжил свое восхождение на трон победой над Алванд-ханом, правившим в одной из частей, на которые распалось Ак-Коюнлу после смерти Узун-Хасана и его сына. Алванд-хан, получив донесение о блестящей победе Исмаила над ширванцами, выступил против него из Тебриза во главе 30-тысячной армии. Исмаил повел войска ему навстречу и разбил наголову. Это произошло под Шаруром, а потом победитель Исмаил вступил в Тебриз, и там в июле 1501 года провозгласил себя шахом и начал чеканку собственной монеты.

А далее, как пишет в своей книге «100 великих полководцев Средневековья» Алексей Шишов, «Исмаил I стал вооруженной рукой расширять пределы своих владений. Военные походы следовали один

за другим, и его армии кызыл-башей в большинстве случаев сопутствовали убедительные победы. Они начались с того, что в 1503 году в большой битве было разгромлено войско султана Мурада Ак-Каюнлу (брата Альванда Ак-Каюнлу). Побежденному пришлось с остатками своих воинов бежать в Багдад. После этого большого успеха кызылбаши в 1503–1504 годах занимают на территории современного Ирана города (с областями) Казвин, Кум, Кашан, Исфаган, Шираз, Йезд и Керман. Так образовалась историческая «сердцевина» Сефевидской державы. В 1506 году шах Исмаил I начал новую серию завоевательных походов, которая завершилась в 1510 году. Хорошо организованные, полные боевого духа тюрки-кызылбаши завоевывают Армению, Курдистан и арабский Ирак (Месопотамию) с древним городом Багдадом». Столицей Сефевидского государства стал город Тебриз; впоследствии столица была перенесена в Казвин, а оттуда – в Исфахан.

Чальдаранская битва

Но успешные завоевательные походы шаха Исмаила встревожили правителя Османской империи, и это привело к прямым военным столкновениям. Исмаил стремился объединить усилия с другими противниками турок, например с венецианцами, обладавшими сильным флотом и множеством прибрежных крепостей. Еще в январе 1505 года шах писал дожу Венецианской республики Леонардо Лоредано: «Мы завоевали всю страну Аджамию, которая теперь процветает. Надеемся на всемогущество Бога и с этой надеждой одержим еще много больших побед, потому что Бог всемогущ и милосерден. И под его образом мы надеемся, что одержим победу над нашими врагами».

«Мы завоевали всю страну Аджамию, которая теперь процветает. Надеемся на всемогущество Бога и с этой надеждой одержим еще много больших побед, потому что Бог всемогущ и милосерден. И под его образом мы надеемся, что одержим победу над нашими врагами».

Шах Исмаил I – дожу Венеции Лоренцо Лоредано

Обращался он с предложением союза и к великому магистру рыцарей-госпитальеров, чьим оплотом был остров Родос в Средиземном море: «...Мы снова просим твою многоуважаемую персону и, демонстрируя нашу добрую волю, выражаем наше огромное желание, чтобы ты пошел против турка – нашего врага... И если ваше правительство соизволит удовлетворить эту нашу просьбу, наша дружба многократно увеличится и окрепнет».

Например, Императору Священной Римской империи Карлу V, шах писал: «Если по Божьей воле это письмо достигнет Вас, то Вы узнаете, что некий Петр прибыл к нам с письмом от короля Венгрии и прочли мы письмо этого государя с удовольствием. Теперь же мы отправляем с вышеупомянутым Петром настоящее письмо и надеемся, что получение его вызовет Ваше удовлетворение. Я очень надеюсь, что Вы внимательно отнесетесь к моим просьбам. Мы должны в начале весны одновременно с двух сторон напасть на нашего общего врага –

османского султана. Мы должны начать войну с апреля месяца и продолжать ее до тех пор, пока победа не будет уделом нашим. Как слышал я от подданных османских, христианские государи находятся в войне и вражде друг с другом. Это вызывает удивление, так как при виде распри между ними враги станут еще более дерзкими.

Исходя из этого, я направил письмо королю Венгрии, призывая его воздержаться от вражды с европейскими государями. Я знаю, что он собрал войско с целью повоевать с Его величеством и отправкой ко мне посла с письмом желает сделать меня соучастником в этом деле. Однако я постоянно отказывал в его просьбе, потому что, как Вы говорите, желаю быть Вам другом в счастье и беде, и тот, кто оставит своего союзника и предаст его, заслужит кары Всемогущего Бога. Поэтому Вам необходимо скорее приступить к подготовке войска, и я думаю, что нет нужды еще раз писать, чтобы побудить Вас к этому. Расстояние большое, и пересылка писем представляет трудности, особенно в связи с тем, что османский султан господствует на морях, а отправка другого посла, кроме настоящего, не представляется возможной.

«Мы должны в начале весны одновременно с двух сторон напасть на нашего общего врага – османского султана. Мы должны начать войну с апреля месяца и продолжать ее до тех пор, пока победа не будет уделом нашим».

Шах Исмаил I – императору Карлу V

Конечно, не доверяйте османскому султану. Султан – человек, который не придает значения союзу, клятвам о верности и не пренебрежет ничем, чтобы уничтожить Вас.

Этот старый враг столь вероломен, что отнюдь не будет искренне говорить с великим шахиншахом, царствующим на территории Германии. Слава Аллаху, владыке миров. Аминь. Аминь. Написано в шаввале 924 г. х. Искренне преданный и любящий Вас шах Исмаил Сефеви, сын шейха Хейдара».

Ответное письмо Карла V шаху Исмаилу I гласило: «Высокому царевичу и могущественному властелину, Исмаилу Суфи, Шахиншаху Ирана, брату и лучшему другу нашему.

Карл, высокий царевич, который по милости Божьей является императором Рима и католического мира, государем Германии и Испании, областей Сицилии и Наварры, Гренады, Балеарских островов, Индии, новооткрытой золотой страны, повелителем отдаленных земель Африки, княжеств Германии и Франции и т. д.

Благочестивому и счастливому шаху Исмаилу Сефеву, падишаху Ирана, брату и лучшему другу нашему.

О высокий государь и любимый брат! В прошлом году некий по имени Петр из маронитских священников ливанских гор принес нам письмо Вашего величества, в котором убежище пышности и величия предлагает нам быть готовыми начиная с прошлого апреля вместе начать войну с нашим общим врагом – султаном османских турок. К несчастью, письмо не было еще получено нами в то время, которое было назначено Вашим величеством, чтобы спокойно принять необходимые решения по этому поводу...

В довершение всего государь Франции начал с нами войну, и в войне этой он потерпел ряд поражений, и, наконец, после того, как почти все его войско полегло на поле битвы, он сам живым попал в руки наших войсковых предводителей. Теперь, когда по милости Божьей нам досталась победа и так как мы всегда желали мира и всеобщего спокойствия... считаем, что нашим неотложным делом является то, чтобы мы по обоюдному желанию и воле нашей двинули свои войска против турок. С этой целью я и отправляю обратно к Его величеству известного вам гонца, чтобы он довел до Вашего сведения наше решение воевать. Вы мнение свое должны довести до нас, послав человека, полностью заслуживающего Ваше доверие. В этом деле поспешность была бы полезной. Потому что мы совершенно готовы со своим и союзным войском Вашего величества начать военные действия с врагом, который, в самом деле, бесстыден и нагл. Да сохранит Всевышний Его величество в добром здравии и да разрешит все волнующие его дела».

«Теперь, когда по милости Божьей нам досталась победа и так как мы всегда желали мира и всеобщего спокойствия... считаем, что нашим неотложным делом является то, чтобы

мы по обоюдному желанию и воле нашей двинули свои войска против турок. С этой целью я и отправляю обратно к Его величеству известного вам гонца, чтобы он довел до Вашего сведения наше решение воевать».

Император Карл V – шаху Исмаилу I

В 1512 году шах Исмаил разгромил войско турецкого наместника и захватил города Карахисар и Малатья. Но в том же году в Османской империи сменился правитель – на престол взошел султан Селим I, жестокий и энергичный. В 1514 году он двинул армию против шаха Исмаила. Битва разыгралась в августе того же года на равнине Чальдаран. И там удача отвернулась от первого Сефевидов – слишком неравными оказались силы. Османлы уже реформировали свою армию по европейскому образцу, что означало в первую очередь перевооружение. Произошло драматическое столкновение доблести с непривычной еще мощью порохового оружия. «В отношениях Сефевидов с Османской империей было место и для войны, и для мира,

о чем свидетельствуют многочисленные боевые столкновения между ними, после которых заключались мирные договоры. Самое крупное сражение между Ираном и Османской империей произошло при Чальдаране, его причиной послужила поддержка шахом Исмаилом взбунтовавшегося османского принца султана Мурада, а также религиозные противоречия между двумя странами... В битве при Чальдаране Сефевиды не смогли противостоять османской армии, вооруженной огнестрельным оружием и артиллерией, – отмечает Али Акбар Велаяти в книге «Исламская культура и цивилизация». – В иранской армии такого оружия не было, что ставило ее в заведомо невыгодное положение перед лицом более подготовленного противника».

«В отношениях Сефевидов с Османской империей было место и для войны, и для мира, о чем свидетельствуют многочисленные боевые столкновения между ними, после которых заключались мирные договоры. Самое крупное сражение между Ираном и Османской империей произошло при Чальдаране...»

Али Акбар Велаяти

В центре боевых порядков османов была поставлена артиллерия – около трех сотен пушек. Для прикрытия и маскировки перед ними стояли пехотинцы-азабы, а после линии пушек – стрелки-янычары. Зная, что самая грозная сила персидской армии – кавалерия, турки сделали все возможное, чтобы затруднить стремительным и грозным кызылбашским всадникам перемещение по полю сражения и прорыв турецкого фронта. Пушки были скреплены между собой цепями. Обозных мулов и верблюдов, а также повозки, тоже соединив цепями, расположили перед янычарами и по бокам как своеобразные стены.

Поначалу казалось, что счастье сопутствует шаху Исмаилу. Конница так яростно и быстро ринулась на фланги турецких войск, что на левом фланге, где войска в атаку вел лично сам шах, боевые порядки противника были смяты, и даже пушки не успели нанести заметный ущерб мчащимся всадникам. Но на правом фланге конники попали под ураганный обстрел и были вынуждены отступить. Султан направил все силы против Исмаила и его воинов. Шах отважно сражался, он одолел

прославленного турецкого воина Али-бека Малкуч-оглу, но, несмотря на эту доблесть, все шло к неблагоприятной для него развязке. Янычары обстреливали шаха и его сподвижников, укрывшись за скрепленными повозками. Исмаил был дважды ранен, причем легенды, сложенные после битвы, гласили, что незадолго до ранения в руку он разрубил своей саблей ствол одной из пушек. Но потом, раненый, он выронил клинок. Саблю нашли на поле битвы и принесли султану, рассказав о случившемся. Тогда тот сам ударил этой саблей по пушке, но на стволе не осталось даже зазубрины. «Это не та сабля!» – воскликнул султан. Когда эта история дошла до Исмаила, он сказал: «Сабля, может, и та, но не та рука».

Однако в сражении шах Исмаил едва уцелел. Его конь споткнулся и рухнул наземь вместе со всадником. Вокруг были враги, но Исмаила ценой собственной жизни спас Солтанали-мирза Афшар – он был внешне похож на правителя и в тот момент ринулся вперед, выкрикивая приказания, как если бы он был шахом. Османы ринулись к нему, а тем временем один из приближенных Исмаила подвел ему другого коня. Вокруг шаха собрались несколько сотен уцелевших воинов, они прорвали кольцо вражеского окружения и смогли добраться до Тебриза.

Турецкая армия, не встречая сопротивления, устремилась на Тебриз, но в это время в Анатолии взбунтовались янычары. Султану Селиму пришлось прекратить войну с Исмаилом ради подавления беспорядков в собственной стране. После Чальдаранской битвы шах Исмаил счел за лучшее не рисковать благополучием своей страны, отказавшись от новых завоевательных походов и сосредоточив внимание на благоустройстве городов, дорог, оросительных систем. Также он покровительствовал поэтам и ученым. Он снова активизировал дипломатические отношения с европейскими странами – Венецианской республикой, Венгрией, а также с королями из рода Габсбургов, желая создать союз, который позволит если не сокрушить османов, то создать некое равновесие, которое будет сдерживать завоевательную жажду султанов.

Я воин – меня не пугают бои!
Орел я, парящий над лезвием Кафа,
Завидуют песням моим соловьи.

Исмаил Хатаи

Но в 1524 году в возрасте 37 лет шах Исмаил внезапно умер. Случилось это в Ардебиле, куда он приехал, чтобы почтить память своего отца. Исмаил был погребен в усыпальнице Сефевидов Даруль-Иршад.

Властитель и поэт

Шах Исмаил I обрел славу не только как мудрый правитель и доблестный военачальник, но и как искуснейший стихотворец. Он создавал свои поэтические произведения под именем Хатаи и, следуя традициям персидской лирики, воспевал в них силу чувств («Я ныне властитель державы любви!») и красоту возлюбленной, оплакивал неразделенную страсть («Тоска и беда – вот визири мои. \ В костях моих мозг, словно воск, растопился, \ Огонь поселился в безумной крови!») и выражал готовность поспорить с судьбой («Я воин – меня не пугают бои! \ Орел я, парящий над лезвием Кафа, \ Завидуют песням моим соловьи» (перевод Д. Голубкова)).

Сидит под черешней моя луна —
Как луна между звездами, блещет она.
В десять тысяч кафтанов оделись луга,
На жасминах одежды белы, как снега.

Исмаил Хатаи

Перу Исмаила Хатаи принадлежат многие произведения, центральное место среди которых занимает поэма «Дехнаме» – «Десять писем»: «Пронеслась зима, весна пришла. \ Мак зацвел, и роза расцвела. \ Подымают птицы крик любви. \ Вновь огонь любви горит в крови. \ Мир луга и рощи расцвел \ И уста молчания открыл...» (перевод В. Державина). Также им написана поэма «Насихат-наме» («Книга наставлений») и отдельные стихотворения, традиционно объединяемые в два сборника.

*До сотворения мира началом начал был я,
Тем, кто камней драгоценных ярче сверкал, был я.*

*Алмаз превратил я в воду, она затопила мир.
Аллахом, который небо и землю зачал, был я.*

Потом я стал человеком, но тайну свою хранил.
Тем, кто в сады Аллаха первый попал, был я.

Я восемнадцать тысяч миров обойти сумел.
Огнем, который под морем очаг согревал, был я.

С тех пор я узнал все тайны Аллаха, а он – мой.
Тем, кто истины светоч первым познал, был я.

Я – Хатаи безнадежный, истины свет постиг.
Тем, кто в неверном мире все отрицал, был я.

(Перевод Б. Лебедева и Л. Кацнельсона)

Старейшая из существующих сейчас рукописей стихов Исмаила Хатаи датируется 1535 годом, она была создана известным каллиграфом Шах Махмудом Нишапури в царствование шаха Тахмаспа I, сына Исмаила. Этот драгоценный манускрипт, содержащий 262 касыды и газели и 10 четверостиший, хранится в Ташкенте.

*Говорит: уходи! Ты лишь горе и боль мне принес.
Пожелтело лицо от кровавых, от огненных слез.*

*Я всегда представляю тебя молодым и прекрасным.
Мое сердце с твоим навсегда, мой жестокий, срослось.*

*Если горя клинок пополам твое тело разрубит —
Знай, что вместе с тобою погибнуть и мне довелось.*

*Ты меня не ищи – я с тобою везде неразлучна,
Я полна твоих мыслей, страстей неумных и грез...*

*Говорит: уходи... Как уйду я от взгляда газели?
Как любовь обойду – предо мною она, как утес!*

*Берегись, Хатаи! От горячих очей тонкостанной
Стать бы тонким, как волос гордячки, тебе не пришлось!*

(Перевод Д. Голубкова)

С именем первого Сефевида многие исследователи связывают известный дастан «Шах Исмаил» – поэтическое лирическое предание, существующее примерно в десяти различных вариантах. Дастан повествует о наследнике трона по имени Исмаил и его возлюбленной Гюльзар, которую пытается отнять у него жестокий отец. После множества приключений влюбленные обретают счастье, Исмаил вступает на престол и становится великим владыкой.

*Сидит под черешней моя луна —
Как луна между звездами, блестит она.
В десять тысяч кафтанов оделись луга,*

*На жасминах одежды белы, как снега.
И сверкают цветы плодовых ветвей,
Словно руку волшебную вздел Моисей.
А цветы обрызганы теплым дождем,
И нарцисс в полудреме стоит перед сном.
Плещут розы в лиловых отсветах зари,
Как зрочки лиловые птицы Гумири.
И цветок на рассвете закрыл лицо,
Чтобы утренний ветер не бил в лицо.
На лугах многоярусная роса,
А в атласном небе сияет слеза.*

(Перевод В. Державина)

Кроме поэтического таланта, шах Исмаил хорошо рисовал и владел техникой каллиграфического письма, умел играть на музыкальном инструменте – барбате.

Воцарение шаха Исмаила совпало с началом принципиальных перемен в расстановке сил в тогдашнем мире. Прежде всего речь о торговле: ведь несмотря на перемену правящих династий, в течение столетий Персия и сопредельные страны владели ситуацией на торговых путях, которые вели из Китая и Индии в Европу.

Ситуация изменилась с появлением на Востоке чужеземцев. «Иран, Турция, Египет, весь восточный мусульманский мир остолбенело смотрел, как рушатся вековые устои после появления здесь португальцев, – указывает Жан-Поль Ру в книге «История Ирана и иранцев». – Чтобы это полностью понять, им не понадобилось много времени, и они были вынуждены констатировать: мало того, что они лишились монополии на торговлю между Индией и Дальним Востоком, с одной стороны, и Европой – с другой, но с каждым годом они теряли еще небольшой сектор рынка. За двадцатью кораблями дальнего плавания, которые в 1502 г. привел в Индийский океан Васко да Гама и которые начали изгонять все мелкие арабские, персидские или китайские суденышки, ранее обеспечивающие перевозку товаров, последовали другие флотилии, которые ежегодно на Пасху отчаливали от побережий христианской Европы и месяцев через шесть подходили к индийским берегам». И это были не просто торговцы, наполнявшие

трюмы товарами и уходившие прочь. Пришельцы укоренялись, строили фактории и обустривали постоянные базы.

«За двадцатью кораблями дальнего плавания, которые в 1502 г. привел в Индийский океан Васко да Гама и которые начали изгонять все мелкие арабские, персидские или китайские суденышки, ранее обеспечивающие перевозку товаров, последовали другие флотилии, которые ежегодно на Пасху отчаливали от побережий христианской Европы и месяцев через шесть подходили к индийским берегам...»

Жан-Поль Ру

Война с Османской империей при шахе Исмаиле не стала полномасштабной. Султан Селим после бунта своей армии, по словам Ру, «отложил завоевание Ирана на будущее и вернулся в Стамбул. Он его так и не совершил, потому что умер у себя в столице в 1520 г. Его преемник Сулейман I Великолепный (1520–1566) тоже этого не сделал – как союзник Франциска I против Австрии он был слишком занят в Европе. Нападая на Иран (трижды), он никогда как следует не готовился к походам, не извлекал никаких уроков из неудач и в конечном счете потерпел поражение. После его восшествия на престол Иран во всех отношениях получил передышку. Сулейман отменил блокаду, введенную отцом, и это, несмотря на присутствие португальцев, позволило международной торговле несколько оживиться. Обменялись посольствами. Начались переговоры. Но смерть шаха Исмаила и юный возраст его преемника шаха Тахмаспа (1524–1576) – десять лет! – казалось, давали османам благоприятную возможность напасть на персов...»

Сефевиды и Великие Моголы

Две прославленные династии владык Азии – Персии и Индии – связывали политические и культурные отношения, начавшиеся практически с момента прихода первого Сефевиды к власти в Персии.

14 февраля 1483 года родился император Бабаур (Захир-ад-дин Мухаммед Бабаур), иначе – Бабур, основатель империи Великих Моголов в Индии, полководец и поэт. Он являлся прямым потомком легендарных Тамерлана (по отцу) и Чингисхана (по матери). Когда Бабуру исполнилось одиннадцать лет, погиб его отец, и юноша стал повелителем родной Ферганы. Но на эти земли претендовали слишком многие, и Бабуру пришлось с остатками армии и приближенными уйти на территорию Афганистана, где он и создал новое государство, собираясь со временем вернуться в Фергану. В 1504 году Бабур взял Кабу (где через четыре года создал Сад Верности) и затем принял титул падишаха, но так и не смог вернуться на Родину, которой уже успешно завладел другой. Но тут вмешалась Персия...

«Его преемник Сулейман I Великолепный (1520–1566) тоже этого не сделал – как союзник Франциска I против Австрии он был слишком занят в Европе. Нападая на Иран (трижды), он никогда как следует не готовился к походам, не извлекал никаких уроков из неудач и в конечном счете потерпел поражение».

Жан-Поль Ру

Узбекский хан Шейбани-хан (упоминаемый как Шайбак, Шайбек и Шахибек), Чингизид, основатель Бухарского ханства и династии Шейбанидов, сделал роковую ошибку, отправив ему во время обмена дипломатическими подарками деревянную плошку для сбора подаяния, оскорбив шаха Исмаила I. В ответ владыка Персии отослал Шейбани-хану прялку... В ходе начавшейся войны Шейбани-хан потерпел поражение, попав в засаду. Как пишет историк Бэмбер Гаскойн («Великие Моголы. Потомки Чингисхана и Тамерлана»), «вскоре за добрыми новостями последовало возвращение к Бабуру его сестры

Ханзады, вдовы Шейбани, которую шах Исмаил освободил и отправил с почетным эскортом и дорогими подарками в Кабул к брату. То был первый дипломатический контакт Бабура с Персией... Его помыслы были все еще обращены к Самарканду, и вскоре стало ясно, что шах охотно помог бы ему вернуть столицу предков... шах рассчитывал воспользоваться законными правами Бабура на Самарканд как средством присоединить эту область к своей империи. В обмен на военную помощь Бабур обязывался чеканить монету от имени Исмаила и упоминать в хутбе имя шаха, а поскольку то были два непеременимых символа суверенности, Бабур, по сути дела, превращался в вассала, управляющего Самаркандом по воле персидского шаха. Но поскольку Бабуру было дозволено чеканить свою монету и упоминать свое имя в хутбе в Кабуле, он, далекий от фанатизма, видимо, решил, что ничего не теряет, возвращаясь хотя бы окольным путем в свой возлюбленный Самарканд, и принял... условия шаха».

عاشته که در یک جایی فرود آمده و نشسته بنوعی سیم دریا بباری زود نزدیک رسیده
و آدم محل آن تعاضا نکند و همین که فرود آمد فرصت نیافت زانورده دریا قلم در اصطلاح

حالشده

«В обмен на военную помощь Бабур обязывался чеканить монету от имени Исмаила и упоминать в хутбе имя шаха, а поскольку то были два неперенных символа суверенности, Бабур, по сути дела, превращался в вассала, управляющего Самаркандом по воле персидского шаха».

Бэмбер Гаскойн

Вступив в военный и политический союз с персидским шахом Исмаилом I против узбеков, Бабур при поддержке персов сумел вернуть себе Бухару. В октябре 1511 года состоялся торжественный въезд (после десятилетнего отсутствия) Бабура в Самарканд (как пишет Гаскойн Бэмбер, «лавки на базарах были задрапированы золотой парчой и увешаны живописными изображениями, люди всех сословий толпились на улицах, выкрикивая приветствия»), но позже не сумел удержать город. Но поскольку все его походы в направлении Центральной Азии заканчивались неудачами, Бабур поменял направление своего натиска и завоевал к 1529 году всю Центральную Индию.

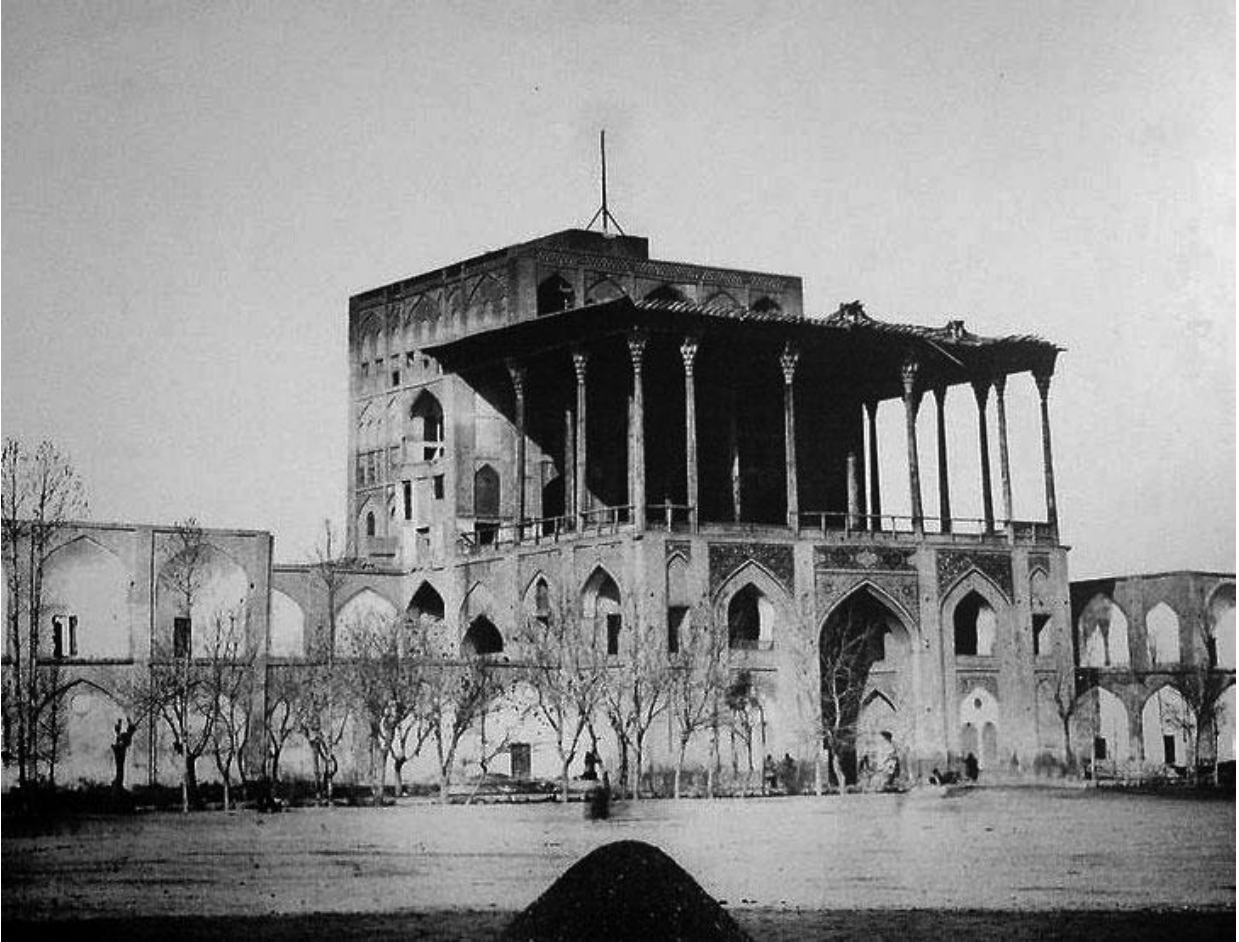
Воцарение династии Моголов

В книге «Великие Моголы. Потомки Чингисхана и Тамерлана» Бэмбер Гаскойн рассказывает о том, как зарождались честолюбивые планы Бабура, приведшие в итоге к созданию прославленной династии: «Он постоянно возвращался в мыслях к молниеносному завоеванию Индии Тимуром в 1399 году. Хизр-хан, которого Тимур оставил управлять Пенджабом в качестве своего вассала, впоследствии стал султаном Дели и основал династию Саййидов, но даже при этом он открыто подтверждал свою верность дому Тимура, отказываясь именовать себя шахом, а при сыне Тимура Шахрухе утверждал, что он в Индии всего лишь наместник. Этот факт представлял для Бабура особую важность, и он, уже деятельно занимаясь подготовкой к захвату Хиндустана, отправил к султану Ибрахиму в Дели посла «во имя сохранения мира» и предложил, вероятно, самый оптимистичный в истории обмен. «Я послал ему ловчего ястреба-тетеревиатника, – писал Бабур в своих воспоминаниях, – и попросил у него земли, которые исстари зависели от тюрок».

«Я послал ему ловчего ястреба-тетеревиатника и попросил у него земли, которые исстари зависели от тюрок».

Бабур

Решающим сражением в его индийском походе стала битва при Панипате между войсками Бабура и армией Ибрахим-шаха Лоди, правившего в Дели. Это сражение, произошедшее 21 апреля 1526 года, стало вдобавок одним из первых, если вспомнить Чальдаранскую битву, в которых активно использовалось огнестрельное оружие и артиллерия. Бабур учел печальный опыт шаха Исмаила и решил положиться не только на отвагу своих воинов, но и на пушки. Кроме того, он повелел устроить передвижную крепость из повозок, расположив в ней стрелков, вооруженных ручным огнестрельным оружием.

Армия Ибрагим-шаха Лоди имела численное преимущество, однако Бабур сумел сначала спровоцировать делийцев на фланговую атаку, а потом разгромить их артиллерийским огнем. Боевые слоны, на которых Ибрагим-шах весьма надеялся, испугались грома пушек и ринулись на свои же войска, сменяя боевые порядки. К середине дня битва завершилась полной победой Бабура. Ибрагим-шах погиб, но победитель распорядился похоронить его с подобающими почестями. А в качестве памятника своей победы велел разбить в Панипате обширный прекрасный сад.

Победа в битве при Панипате позволила Бабуру почти беспрепятственно занять Дели и Агру, подчинив себе таким образом всю Северную Индию. Почти сразу же после сражения Бабур отправил своего сына Хумаюна с небольшим отрядом взять под охрану драгоценности и золото, хранившиеся в Агре. А сам с остальным войском двинулся к Дели и беспрепятственно вступил в город. Он провел в Дели время, необходимое для того, чтобы в пятницу в мечетях

города возгласили хутбу, в которой упоминалось его имя: по традиции, выслушивание хутбы означало, что народ принял власть нового правителя. Так и произошло, жители не взбунтовались. Настало время правления Великих Моголов.

«Бабур-наме»

Бабур являлся просвещенным правителем: он сочинял стихи и переписывался с одним из выдающихся поэтов того времени – Алишером Навои. В последние годы жизни правителя в его лирике отчетливо звучала тема тоски по родной земле:

*Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек.
В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек.*

Ты на чужбине – и забыт, конечно, человек!
Жалеет только сам себя сердечно человек.
В своих скитаньях ни на час я радости не знал!
По милой родине скорбит извечно человек.

Бабур

Также родоначальник Моголов написал автобиографию «Бабур-наме», подробно описывающую предпринятые походы и нравы покоренных им народов. Видный востоковед Луи Базан в предисловии к французскому изданию «Бабур-наме» 1980 года подчеркивал, что «автобиография (Бабура) представляет собой чрезвычайно редкий жанр в исламской литературе».

Перу венценосного ученого и литератора принадлежит целый ряд сочинений («Деван», «Мубаййин», «Аруз Рисоласи», «Рисолаи Валидийя», «Харб иши»). Изучением его творческого наследия занимаются ученые крупнейших университетов и научных центров всего мира. Следует отметить, что дочь Бабура – Гульбадан бегим, продолжая литературную традицию отца, написала историческое повествование «Хумаюн-наме».

Книга «Бабур-наме», объединившая в себе исторические и биографические записки, этнографические и географические

наблюдения, была переведена на персидский язык в 1589 году при шахиншахе Акбаре I Великом, внуке Бабур. Этот властитель, подобно своему деду, покровительствовал искусствам и наукам, при нем была собрана богатейшая библиотека, насчитывавшая более 20 тысяч книг, также Акбар лично перевел на персидский ряд произведений. В эпоху правления Акбара было создано множество замечательных живописных работ, стены его дворцов были расписаны великолепными фресками.

Одним из самых удивительных произведений художественной школы той поры стал цикл иллюстраций к «Бабур-наме», состоявший примерно из пяти сотен миниатюр. Сейчас уникальные рисунки находятся в различных музеях мира. Российское собрание миниатюр к «Бабурнаме» было составлено в начале XX века известным меценатом Саввой Морозовым, который приобрел эти листы у персидских купцов на ярмарке в Нижнем Новгороде. На 57 листах, находящихся сейчас в коллекции московского Музея Востока, размещены 69 миниатюр, где запечатлены придворные пиры, охотничьи сценки, жанровые сюжеты, битвы, а также изображены прекрасные цветы, величественные деревья и экзотические звери.

В 1530 году, незадолго до своей смерти, Бабур отправил посла к московскому великому князю Василию Ивановичу. Посол добрался до Москвы только в 1533 году. Эта история была описана в книге В. А. Уляницкого «Сношения России с Среднею Азиею и Индией в XVI–XVII вв.», изданной в Москве в 1889 году.

Умер Бабур 26 декабря 1530 года.

Шах приютил изгнанника

Индийские владения унаследовал сын Бабура – Хумаюн. Тогда завязался новый виток отношений, не всегда простых, между Сефевидами и Моголами. Бембер Гаскойн пишет: «Вступивший на трон сын Бабура, Хумаюн, в результате мятежа его брата Камрана-мирзы, а также битвы с войсками афганского наместника Шер-хана Сура в 1540 году, потерпев полный разгром, был вынужден бежать к Сефевидам с просьбой о помощи. Хумаюн был принят при дворе шаха Тахмаспа. Взамен за обещанную военную помощь Хумаюн передал Сефевидам Кандагар, а также признал себя вассалом Сефевидов. При помощи сефевидских войск Хумаюну удалось разгромить своих противников, вернув себе трон. На период правления Хумаюна между двумя державами установились мирные и дружественные отношения...»

«Хумаюн был принят при дворе шаха Тахмаспа. Взамен за обещанную военную помощь Хумаюн передал Сефевидам Кандагар, а также признал себя вассалом Сефевидов. При помощи сефевидских войск Хумаюну удалось разгромить своих противников, вернув себе трон».

Бэмбер Гаскойн

Сохранились письма, которыми обменивались в те времена падишах Хумаюн и шах Тахмасп. Эти тексты демонстрируют всю красочность принятого тогда эпистолярного стиля. Царственные авторы пересыпают свою письменную речь изысканными стихами, украшают ее витиеватыми оборотами и пышными метафорами. Вот, к примеру, как писал Хумаюн своему иранскому собрату:

«Вечное бытие и постоянное правление принадлежит не нам – лишь Всевышнему принадлежит вечное бытие и непрерывное правление!

Моя чистая душа, которая является зеркалом божественных тайн и несомненных предначертаний, выражая искренние чувства дружбы и преданности, сообщает, что в день сотворения в существо этого любящего раба Божьего вложена беспредельная любовь к священному роду Пророка и невинным Имамам. И по велению величественного Господа – Вершителя судеб этот ничтожный раб Божий по мере своих сил и возможностей проявлял усилие и усердие по выполнению всех предписаний и осуществлению догм шариата главы посланников. И в этом деле не осталось никакой заботы и тревоги в сердце этого от души любящего и вечного друга Пророка и его рода – все желания, которые появлялись, нашли свое осуществление благодаря милости и щедрости того ни в чем не нуждающегося господина, за исключением того, что мне не довелось иметь счастье обойти вокруг могил святых Имамов, особенно Мешхеда Резы – султана ангелов и людей, то есть покровителя обездоленных Абульхасана Али ибн Муса ар-Реза, – тысячи ему приветствий и восхвалений!

*Тот, пыль с ног которого служит тутией для наших глаз,
Тот, который является нашим Имамом и предводителем в
обоих мирах!*

Всегда, день и ночь, я непрерывно молился Повелителю миров, чтобы он способствовал достижению такого счастья. И вот появились плоды этих молений – благоухающий ветерок милосердия донесся до жителей дома скорби и разлуки, и ангел-вестник постучался в дверь с благой вестью и сообщил о возможности посещения гробницы Его Величества Имама:

*Твоя обитель – это небеса,
И стыдно тебе прийти и обосноваться в мире праха!*

Как только эти слова донеслись до ушей моего разума, я очистил свое сердце от земных привязанностей, украсил свое внутреннее зеркало предельной искренностью, преданностью и праведностью и отправился в путь. Но, несмотря на это, я ждал разрешения Его Величества на то, чтобы совершить паломничество в священный город

Имама. И наконец этот находящийся в ожидании преданный любящий удостоился чести получить высокопочтимое письмо, что послужило источником бесконечной радости. И высказав эти слова:

*Твое приветствие служит успокоением для души,
Твои слова служат ключом для сокровищницы удач! —*

с караваном надежды отправился в сторону Каабы желаний...»

«Надеюсь, что после нашей полезной встречи будет столько удач и побед, что о них узнают во всех уголках Хиндустана, Туркестана, Ирана и Турана и их будут вспоминать веками».

Шах Тахмасп – падишаху Хумаюну

Не менее изысканным был и ответ шаха Тахмаспа, в котором он обещал Хумаюну поддержку и военную помощь в делах борьбы с соперниками и возвращения на трон:

«Письмо, вышедшее из-под пера не имеющего себе равных, избранника Всевышнего, любящего Мухаммеда, Али и их святого рода, слова которого были подобны жемчужинам, дошло в самый счастливый час, и прочтение этого славного и драгоценного письма породило искры любви, и поскольку в этом письме, являющемся пределом красноречия, были выражены забота и любезность...

*Если ты соизволишь прийти к нам,
То птица-Феникс окажется в нашем силке!*

И поскольку из содержания этого высочайшего письма выяснилось, что источником Вашего внимания и великодушия для начала этого дела является только путь любви и покорности к указывающему правителю дорогу роду Пророка, и нет сомнения, что в результате этой веры, о правильности которой свидетельствуют слова Всевышнего, удастся добиться таких побед, что все люди мира будут воспевать их такими словами:

*Мир подчиняется нашему желанию, небеса подвластны нам,
ангелы служат нам,
Наша надежда обновилась, государство усилилось, судьба
помолодела.
Слева от нас – победы, справа – возвышения,
Небосвод держит наше стремя, а бразды мира находятся в
наших руках!*

И вести о победах и поражениях врагов в результате помощи и содействия дойдут до небес, и сад любви к роду Пророка расцветет еще пышнее. Надеюсь, что после нашей полезной встречи будет столько удач и побед, что о них узнают во всех уголках Хиндустана, Туркестана, Ирана и Турана и их будут вспоминать веками. С помощью Его Величества Хумайуна я сровняю с землей завистников и сеятелей раздора в Индии, огненным мечом разгромлю негодяев, превращу тьму неверия того края в свет истинной веры, и все люди земли будут наблюдать за победами и успехами нашего освещающего весь мир меча...»

Благодаря персидской помощи Хумаюну удалось сокрушить противников и не только вернуть себе власть, но и значительно укрепить ее. Связи между двумя державами стали еще прочнее, причем это было заметно в самых разных сферах.

Али Акбар Велаяти в книге «Исламская культура и цивилизация» так пишет о персидском влиянии на культуру империи Моголов: «При Хумайюне Хумаййуне каллиграфия получила большое распространение благодаря присутствию при дворе иранских мастеров каллиграфии – Ахмада Му'тамина Казвини и Мир Касима... С точки зрения отношений с Ираном, большое значение имеет правление Хумайюна. Он жил в Иране и был хорошо знаком с иранцами, что естественным образом сблизило две династии. К его двору прибывали многочисленные иранцы, самым выдающимся из них был его визирь Бирам-хан».

«С точки зрения отношений с Ираном, большое значение имеет правление Хумайюна. Он жил в Иране и был хорошо знаком с иранцами, что естественным образом сблизило две

династии. К его двору прибывали многочисленные иранцы, самым выдающимся из них был его визирь Бирам-хан».

Али Акбар Веляти

Более того, Бирам-хан сыграл немалую роль и в удачном начале правления наследника Хумайюна – Акбара. Когда он был провозглашен властителем, ему было всего 14 лет, но трудности вступления во власть он благополучно преодолел, опираясь на мудрого наставника.

Шедевры искусства и быта

После войн и раздоров наступил период «золотого века», когда вернувшийся в Индию император Хумаюн привез с собой персидских ювелиров и ремесленников. Как пишет Жан-Поль Ру в книге «История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней», отражая отношения между двумя династиями: «с Индией Великих Моголов отношения были скорее хорошими с тех пор, как Хумаюн, сын Бабура, после десяти лет царствования (1530–1540) был изгнан узурпатором Шершахом Суром, попросил убежища при дворе Тахмаспа, был очень хорошо принят и смог при поддержке шаха в 1556 г. отвоевать свой трон... Хумаюн и его преемники так же хорошо служили делу иранизма, как и служило бы семейство Сур, если бы сохранило трон. Изгнанник вернулся пропитанным персидской культурой и привез с собой из Ирана двух очень талантливых художников, заложивших основы прекрасной школы индийской миниатюры».

Расцвет искусства финифти в странах Востока в XVI веке произошел под влиянием Персии, где эта техника изготовления ювелирных украшений была известна давно. Одно из направлений традиционной техники эмалевых украшений предполагает создание двусторонних изделий. Эмаль покрывает обратную сторону украшения, а лицевая покрыта камнями. Сначала изготавливают обратную сторону золотого украшения и резцом прочерчивают рисунок, после чего наполняют его смесью стекла и красок и кладут изделие в глиняную печь, нагреваемую до высокой температуры, для запекания и прочного закрепления эмалевых вставок в основе. Неровные края аккуратно обтачивают вручную.

«Хумаюн и его преемники... хорошо служили делу иранизма... Изгнанник вернулся пропитанным персидской культурой и привез с собой из Ирана двух очень талантливых художников, заложивших основы прекрасной школы индийской миниатюры».

Жан-Поль Ру

В XVI веке, когда была основана династия Великих Моголов, персидские традиции получили у придворных ювелиров этих властителей новое развитие и небывалый размах, заставляющий вспомнить о великолепных уборах древних царей Персии. Потом традиция распространилась по всей Центральной Азии. На оборотной стороне украшений чаще стали появляться покрытие эмалью с изображением тонкого растительного узора, а лицевую сторону инкрустировали драгоценными неограниченными камнями большого размера. Именно такое богатство украшений, как «тюрбан, украшенный рубином без оправы размером с орех, с другой стороны – равный по величине бриллиант, пояс из жемчуга, рубинов, бриллиантов, цепочка и браслеты из различных драгоценных камней...», описывали в своих мемуарах первые европейские путешественники, побывавшие при дворе Великих Моголов и иранских шахиншахов времен расцвета династии Сефевидов.

Персидские мастера, кроме цветной эмали, умели делать и удивительную «зеркальную эмаль», почти не отличимую в своем блеске от игры бриллиантов чистой воды, притом что эмалевые вставки – обычно вытянутые гладкие «капли» – имели форму кабошона, то есть были без граней. Они традиционно сочетаются в узоре с круглыми эмалевыми вставками, складываясь в «листочки» и «цветы» или абстрактные орнаменты.

Секреты Моголов сумели повлиять на развитие ювелирного искусства настолько, что каждая вещь стала особой миниатюрой. Ее обратная сторона была эмалевой, с изображениями всевозможных животных, птиц, цветов и орнаментов. На лицевой стороне украшения располагались драгоценные камни.

По мнению Арти Д. Александер, «особенностью «могольской» работы с камнями было явное нежелание уменьшать их объемы огранкой, им нравились не ограненные камни и мода того периода благополучно дожила до современности. Правда, в больших вещах не всегда присутствовал большой вкус... Пояса императоров переплетали нитями безупречно гладкого и ровного жемчуга, на тюрбанах закрепляли рубины без оправ; бриллианты размером с орех, изумруды еще большего размера как нечто вполне обыденное присутствовали в одеяниях местной знати. Ожерелья составляли из невиданного крупного жемчуга, чередующегося с просверленными рубинами и алмазами, все пальцы унизывали перстни, локтевые и запястные браслеты имели по 3–4 ряда драгоценных камней...»

«Пояса императоров переплетали нитями безупречно гладкого и ровного жемчуга, на тюрбанах закрепляли рубины без оправ; бриллианты размером с орех, изумруды еще большего размера как нечто вполне обыденное присутствовали в одеяниях местной знати. Ожерелья составляли из невиданного крупного жемчуга, чередующегося с просверленными рубинами и алмазами, все пальцы унизывали перстни, локтевые и запястные браслеты имели по 3–4 ряда драгоценных камней...»

Арти Д. Александер

«Я видел огромный город, превосходивший Лондон по размерам и числу жителей».

Ральф Фитч

Посещаемый современными туристами Фатехпур Сикри, более известный как «Мертвый город», был окружен оборонительной стеной, а с четвертой стороны находилось большое искусственное озеро, давно уже высохшее. Высота городских стен – 9,6 м (при толщине 2,4 м). В город вели 8 ворот, построенных по единому плану. Сегодня главный въезд в него проходит через ворота, ведущие в Агру (37 км). Среди множества прочих достопримечательностей – Сангин Бурдж, массивная башня, выполнявшая не только военные функции (контролировавшая доступ к «Слоновьиим воротам»), но служившая местом размещения музыкантов, встречавших появление императора барабанным боем. Сейчас это уникальный пример заброшенного индийского города XVI века. Построенный императором Акбаром, город был столицей Индии с 1571 по 1585 г.

В записках падре Монсаррата, иезуита, посетившего Фатехпури-Сикри в 1580 году, рассказывается, что великий император сам участвовал в строительстве (тесал вместе с мастеровыми камень). Великолепием и изяществом отличались дворцовые (Диван-кхас – Зал личных аудиенций) и культовые части города (Соборная мечеть Джама-Масджид, знаменитый Ибадаткхана – молитвенный дом, где Акбар встречался с представителями всех религий, желая создать единую).

По оценкам историков, население города в период его короткого расцвета составляло не менее 220 тысяч человек. Побывавший в нем в 1584 году английский купец Ральф Фитч писал: «Я видел огромный город, превосходивший Лондон по размерам и числу жителей».

Акбар покинул новую столицу, отправившись сначала в Лахор, а потом в Агру... До сих пор нет точного объяснения всеобщего «исхода» – версия, что жители ушли из-за отсутствия в городе воды, опровергнута учеными.

Фатехпури-Сикри и сейчас остается большой загадкой: из 118 средневековых построек ученые смогли определить назначение только 53. За прошедшие 400 лет город стал легендой, постепенно исчезающей во времени.

Слияние традиций

Исследователь Бембер Гаскойн в своей книге «Великие Моголы. Потомки Чингисхана и Тамерлана» пишет о тесной и многообразной связи персидской культуры и традиции с культурой Тимуридов и впоследствии Великих Моголов: «И каменщики, и слоны, вероятно, поработали в Самарканде на строительстве величественной гробницы повелителя, называемой Гур-Эмир. Ее прекрасный бирюзовый купол, созданный под влиянием персидского искусства, может считаться предтечей грядущего великолепия. Тимур велел доставить индийских мастеров в Самарканд, где они должны были следовать персидским художественным образцам, но его потомки передали персидские идеи мастерам Индии, а те, используя обе традиции, стали создавать купола более высокого стиля, заслужившие мировую известность».

Гробница Хумаюна в Дели известна не только своими архитектурными достоинствами, как таковыми, но и тем, что это – памятник супружеской любви и скорби: она была воздвигнута по распоряжению Хаджи Бегам, вдовы Хумаюна. «Зодчий, выбранный ею, Мирак Мирза Гияс, вероятно всего, был персом, – отмечает Бэмбер Гаскойн, – и по его проекту в Индии появилось первое сооружение с куполом в персидском стиле – таком же, как и гробница Тимура в Самарканде. Купол – исключительная примета мусульманской архитектуры в Индии (в индуистских храмах, где используются главным образом горизонтальные опорные балки, этот принцип неприемлем), однако купола мусульманских сооружений в Индии имеют уплощенную форму, напоминая половинку грейпфрута, в противоположность высоким персидским куполам, как бы поднимающимся на стройной шее. Чтобы привести в соответствие красивые внешние линии с не слишком высокой внутренней камерой, на персидских куполах делают два покрытия с некоторым пространством между ними, и гробница Хумаюна следует этому образцу. Работы начались в 1564 году, и Хаджи Бегам, совершив паломничество в Мекку, основала свою резиденцию непосредственно возле лагеря строителей и наблюдала за строительством вплоть до его

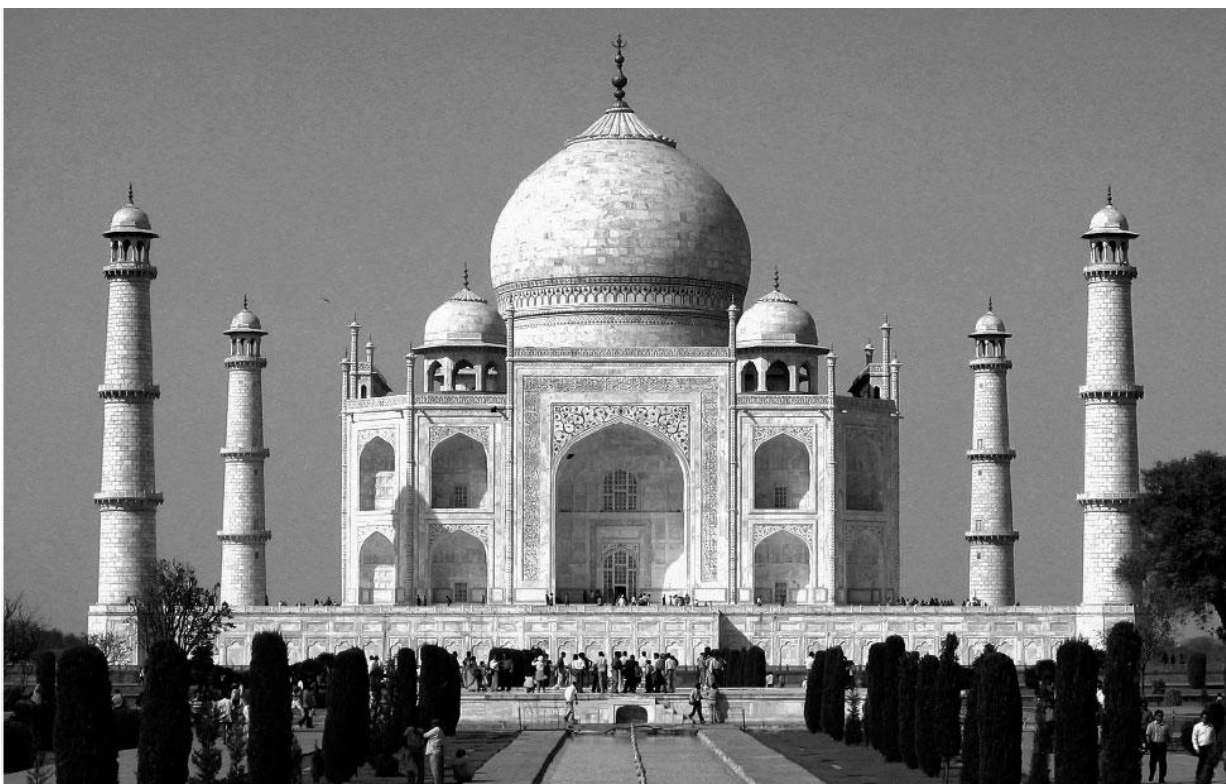
окончания в 1573 году. Однако выбранный ею проект оформления гробницы опередил время... стиль этот забыли в Индии вплоть до того времени, когда он возродился в усовершенствованной форме через шестьдесят лет при создании Тадж-Махала».

«Тимур велел доставить индийских мастеров в Самарканд, где они должны были следовать персидским художественным образцам, но его потомки передали персидские идеи мастерам Индии, а те, используя обе традиции, стали создавать купола более высокого стиля, заслужившие мировую известность».

Бэмбер Гаскойн

Тадж-Махал – беломраморная мечеть-мавзолей в Индии, в городе Агра – занимает одно из почетных мест среди величайших памятников архитектуры мирового значения. Это великолепное сооружение было воздвигнуто по приказу Шах Джахана, правителя из династии Великих Моголов, в память о его любимой супруге Мумтаз Махал. В 1983 году Тадж-Махал получил статус объекта Всемирного наследия ЮНЕСКО и был назван «жемчужиной мусульманского искусства, одним из общепризнанных шедевров наследия, которым восхищаются во всем мире».

Само название «Тадж-Махал» происходит от персидского «великий дворец». Важной была и роль мастеров из Персии при его создании. Главным архитектором этого грандиозного строительства, согласно многим старинным хроникам, был персидский зодчий Устад Иса Ширази. Нанесением надписей на стены и арки руководил каллиграф из Шираза по имени Аманат Хан. Тадж-Махал возведен из мрамора, который доставляли за 300 км, полированный полупрозрачный камень сияет белизной при дневном свете, кажется розовым на рассвете, а ночью в свете луны выглядит серебристым.

Для создания Тадж-Махала были применены уникальные по тем временам технологии и вспомогательные средства. Сначала провели дренаж строительной площадки площадью 1,2 гектара, а потом ее уровень был поднят на 50 метров от уреза воды в протекающей рядом реке Джамна. Опорой сооружению стал фундамент, в основе которого забутованные камнями глубокие колодцы. Строительные леса сами по себе представляли капитальную постройку: они были сложены из кирпича. Чтобы доставлять к месту строительства мрамор и другие материалы, соорудили многокилометровый пандус из утрамбованной земли и разработали для больших каменных плит специальные повозки, в которые запрягали быков. На месте эти плиты поднимали и устанавливали в растущие стены с помощью механизма из блоков и рам. Необходимую для строительных работ воду поднимали из реки в больших резервуарах по канатной дороге, а потом распределяли ее с помощью сложной системы труб.

«Чтобы привести в соответствие красивые внешние линии с не слишком высокой внутренней камерой, на персидских куполах делают два покрытия с некоторым

пространством между ними, и гробница Хумаюна следует этому образцу... стиль этот забыли в Индии вплоть до того времени, когда он возродился в усовершенствованной форме через шестьдесят лет при создании Тадж-Махала».

Бэмбер Гаскойн

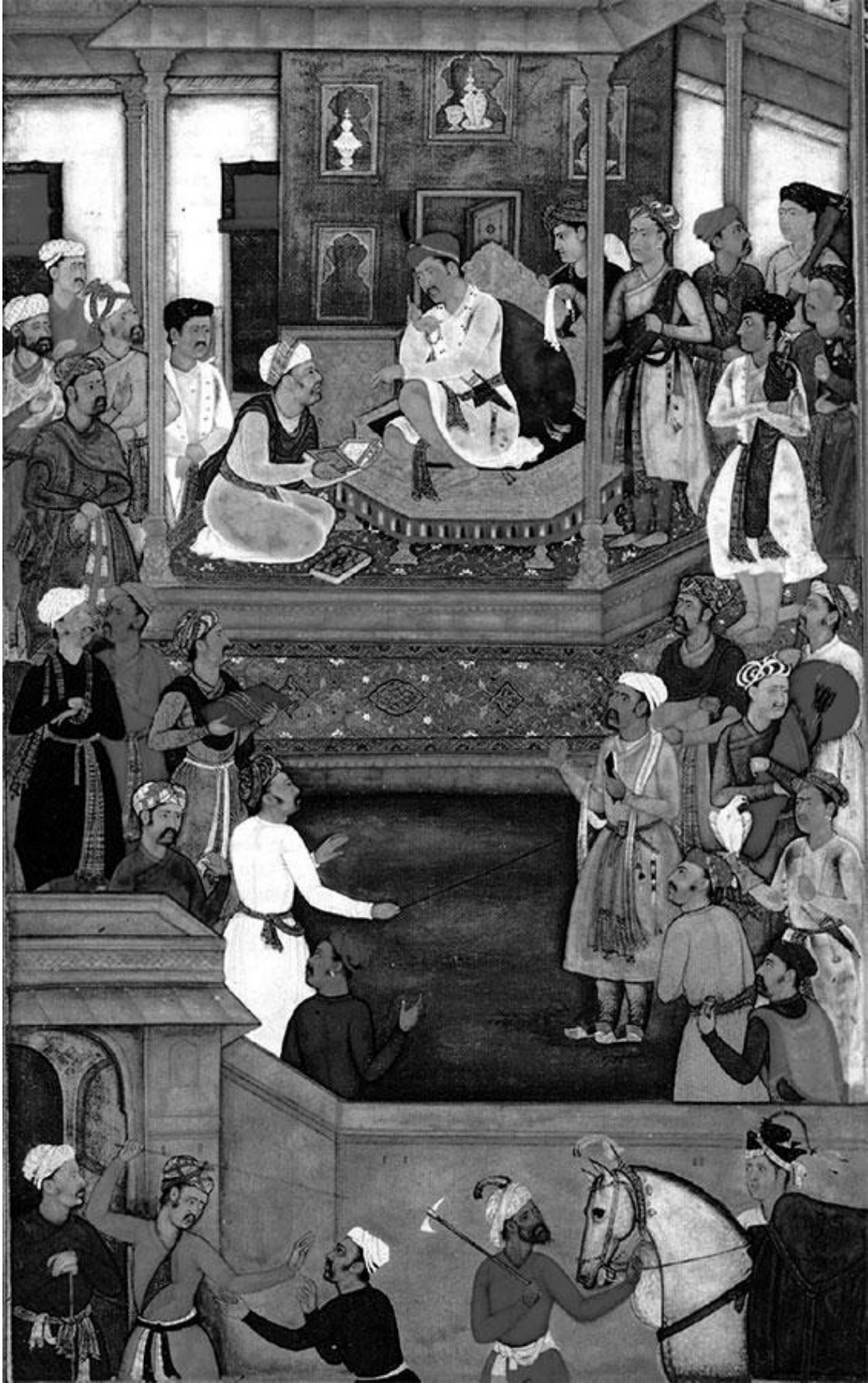

Существует легенда, что приближенные владыки опасались, как бы разборка лесов не заняла времени еще больше, чем само строительство, продолжавшееся примерно с 1632 по 1653 год. Однако Шах Джахан приказал глашатаям объявить окрестным жителям, что всякий желающий может забрать кирпичи из лесов себе, после чего, как гласит легенда, эти грандиозные леса были разобраны меньше чем за сутки.

Великие миниатюры

Абд ас-Самад – один из самых известных персидских художников XVI века. Он жил в Ширазе, а затем в Тебризе, где прошел обучение в мастерской шаха Тахмаспа I.

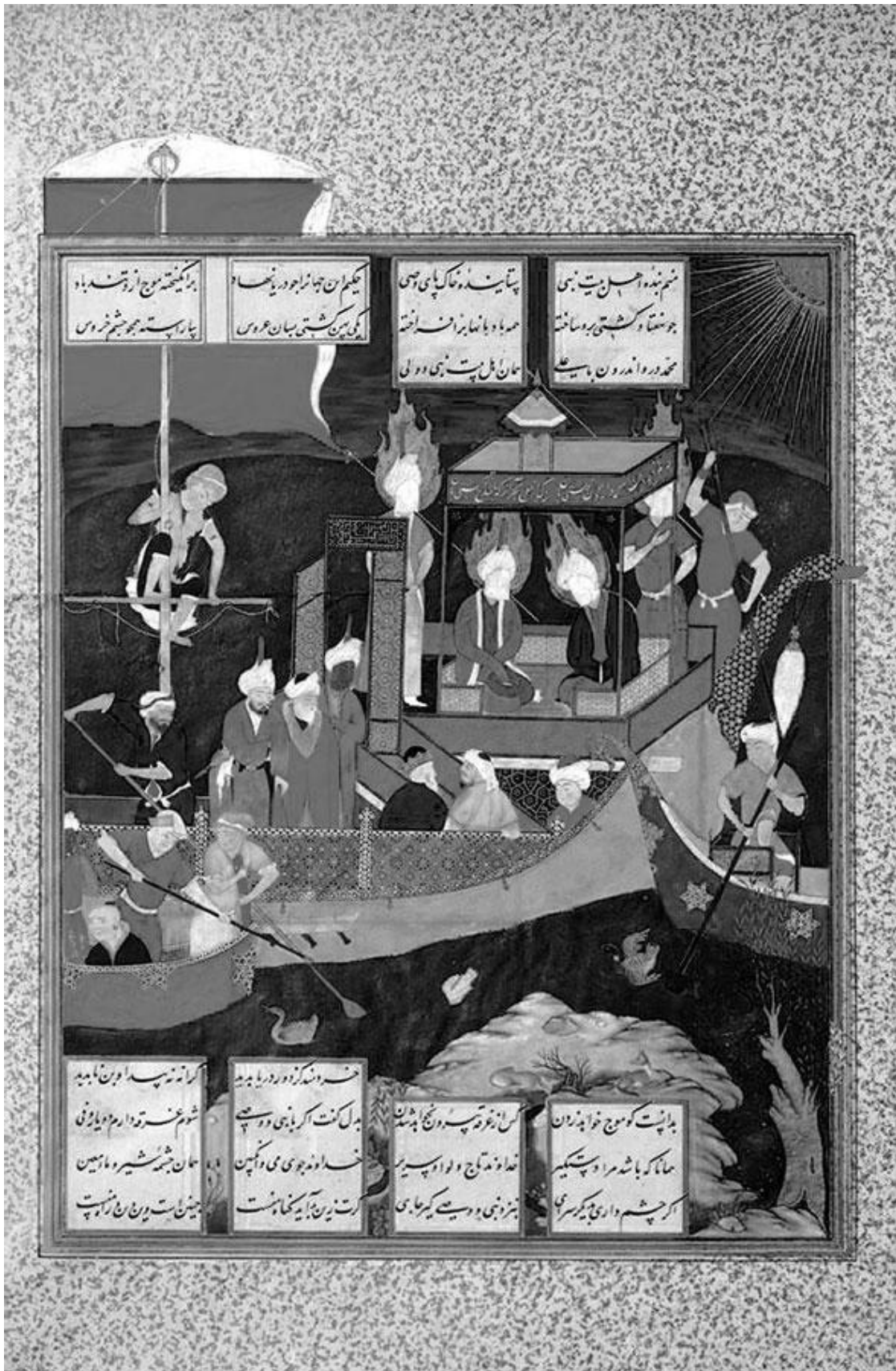
Историк Акбара Абул Фазл в написанной на персидском языке летописи, описывающей историю Империи Великих Моголов («Акбарнаме»), сообщает о встрече художника и императора: «...к удивительному и чудесному Ходже Абд ас-Самаду Ширин Калам (сладчайший калам), который служил в этом городе, ценитель всего изящного (т. е. Хумаюн) отнесся с большим уважением».

Абд ас-Самад стал придворным живописцем императора Хумаюна и в 1549 году последовал за ним в отвоеванный им Кабул. При участии художника были созданы многие иллюстрации к роману «Хамза-наме». За мастерство, проявленное при создании своих работ, Абд ас-Самад был удостоен почетного прозвища Ширин-Калам – «Сладостная Кисть». Двое сыновей мастера, Мухаммад Шариф и Бехзад, тоже стали известными художниками. «Акбар в новом городе Фатахпуре организовал государственную школу живописи, в которой работало более сотни художников, обучавшихся у иранских мастеров, – пишет Али Акбар Велаяти. – По мере того, как вырастали новые деятели искусства, изменялся и стиль живописи. Постепенно портреты знатных военачальников и князей и даже придворных дам, выполненные в новой технике и с использованием новой цветовой гаммы, стали доминирующим направлением в живописи. В эпоху Акбара творили такие живописцы, как Абд ас-Самад, Бес-аван-Басаван, и Бишан Дас и Абд ас-Самад».

«Акбар в новом городе Фатахпуре организовал государственную школу живописи, в которой работало более сотни художников, обучавшихся у иранских мастеров».

Али Акбар Велаяти

Для шаха Тахмаспа был создан один из прославленных среди ценителей антиквариата экземпляров «Шахнаме», известный как «Шахнаме Хаутона». Факсимильное издание книги было выполнено в 1971 году в честь 2500-летия основания Персидской державы. Созданный мастерами (миниатюры приписывается художнику Ага Мираку) в 1525–35 гг. по заказу персидского шаха Тахмаспа I, покровителя персидской школы изобразительного искусства, этот экземпляр «Шахнаме» стал одним из самых дорогих шедевров Востока.

نمونه حسنیت نبی
چو ستمنا و کشتی برسانند
محمد در اندرون با سینه

پستایند و خاک پای نبی
مردا و بانها برافشانند
مانان مل پست نبی دولی

یکم از چهارم در پانصد
یکی کشتی بنام عروسی
پیار است به جو ششم خروسی

برای کینه موج از دست باد
پیار است به جو ششم خروسی

پادشاهت کومج خواهد زدن
مانا که باشد مرا دستگیر
اگر چشم داری بگر سرخی

کس از خود سپه و کج پادشاه
نهادند تاج و کلاه سپهر
بجز نبی و دستگیر ماری

خس و نه که زور در با پرید
بر کنت اگر بانی دو سپه
خس او نه جوی می و کپین
کرت زین آری کجا نه است

کمانه سپه او بن نابید
شوم خس تو دارم و یارانی
مان شمشیر و ما همین
چنین است دین از نه است

В апреле 2011 г. иллюстрированный лист из этого издания поэмы «Шахнаме» был продан на аукционе Sotheby's за 7,4 миллиона фунтов стерлингов (12 миллионов долларов), тем самым был установлен новый рекорд стоимости произведений исламского искусства. По словам организаторов торгов, «Шахнаме» был «повсеместно признан одной из величайших иллюстрированных рукописей всех времен или культур и находится в числе величайших произведений мирового искусства», и поэтому они ожидали, что лот принесет 2–3 миллиона фунтов, но в результате интереса антикваров цена была повышена более чем в три раза.

«При шахе Акбаре в 1582 г., персидский язык стал официальным государственным языком. Акбар проявлял особое внимание к персидской культуре и литературе и даже создал что-то вроде Дома переводов, чтобы там осуществлялись переложения старинных индийских текстов, написанных на санскрите и других языках, на персидский язык».

Али Акбар Велаяти

«Как пишет Аннемари Шиммель, известный немецкий исламовед, правление Гурканидов в Индии стало периодом наивысшего расцвета персидской литературы в этой стране, – отмечает Али Акбар Велаяти. – Доказательством этому служит обилие поэтов, а также разнообразие тем, отражавших современное положение и носивших чисто художественный характер. В то время многие персоязычные литераторы отправлялись из Ирана ко двору Гурканидов (Бабуридов), которые их привечали и щедро вознаграждали их за труды. При шахе Акбаре в 1582 г. персидский язык стал официальным государственным языком. Акбар проявлял особое внимание к персидской культуре и литературе и даже создал что-то вроде Дома переводов, чтобы там осуществлялись переложения старинных индийских текстов, написанных на санскрите и других языках, на персидский язык. Одной из причин жанрового и тематического разнообразия персидской поэзии того времени можно считать близкое знакомство поэтов с индийской литературой».

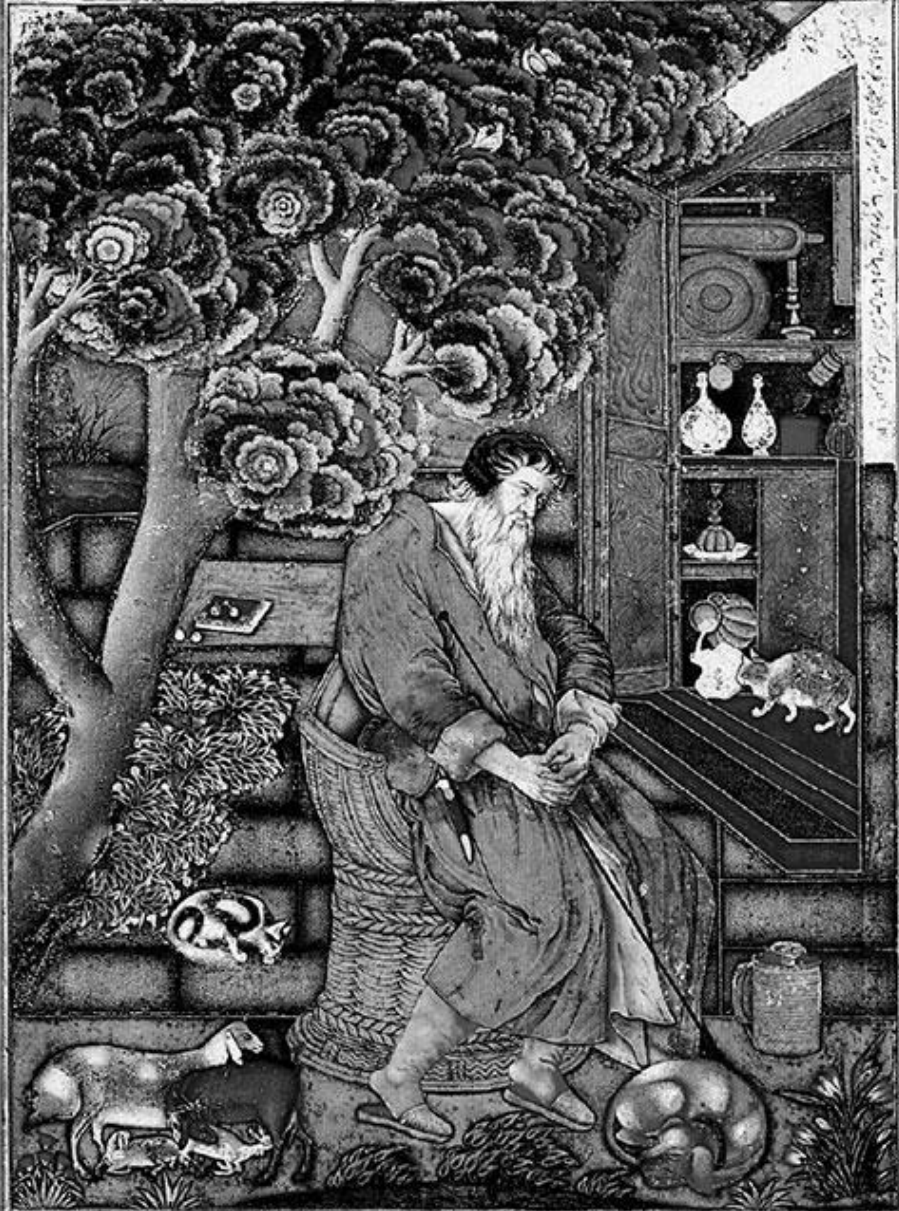
مستقل شفا و احکام کمال
سیرت پاک و باطن
که هم بر تو مرکب در این
انواعیات و صفات در این

در جود و لطف و عطسه کانی
شود و از اشارت
ایمان کنه از این پیشانی
که در آن زمین از شفا و

در این موعظه رساله
در این موعظه رساله

بر سر آسین تم نماده پایتختان / این از بلای باکو زده ایشان / بر بالای دشت چون سردارین را در ز کشته بی ان در ماورا در

بمکان او دندان بر باس / کوب نخایش می برود دیگر / او سینه نماد که لطفش را می

عمل فرزند

Упомянутое выше уникальное издание обычно сравнивают с еще одним, предшествовавшим, шедевром иллюстраций – «Шахнаме» Байсонкура, тимуридского принца (внука Тимура и брата Улугбека, выдающегося астронома и поэта), являвшегося государственным деятелем и покровителем искусств. В 1426 году Байсонкур заказал иллюстрированное издание «Шахнаме» для библиотеки дворца. Работа над манускриптом продолжалась четыре года. Размеры уникального рукописного издания – 38×26 см. В манускрипте 346 страниц. Миниатюры, по мнению современных ученых, сделали художники Мулла Али и Амир Халил, а переплет – Мавлана Киям ад-Дин. Используя богатую цветовую гамму (оттенки красного, зеленого, черную, белую, коричневую и золотую краски, охру, оттенки синего), мастера создали уникальные миниатюры, по которым можно «рассмотреть» далекое прошлое – или то, как его представляли в XV веке – интерьеры дворцов владык и внешний вид построек, одеяния и оружие героев, лошадей и других животных.

В самом предисловии к манускрипту говорится, что его текст не был скопирован, как обычно, только с одной рукописи «Шахнаме», а был составлен из нескольких различных вариантов этого великого произведения с целью представить самый полный свод эпоса. «Шахнаме» Байсонкура – образец прекрасного оформления, искусной каллиграфии и непревзойденного мастерства переплета. Известный французский востоковед Жан-Поль Ру писал, что для рисунков «характерны изысканный колорит, которого не найти в других местах, чувство композиции и умение передавать движение, бесподобное изящество в изображении стройных тел с маленькими, но очень выразительными головкам, иногда склоненными к плечу...».

«На дороге дружбы...»

Персидский шах Аббас I и индийский властитель Акбар подобно своим предшественникам регулярно обменивались письмами. «И наилучших приветствий и славословий заслуживает тот, – гласит одно из посланий Аббаса, – кто своей высокой, как небосвод, пророческой миссией стал украшением человечества, и если бы не было его, то венец пророчества не сверкал бы так.

*Украшение престола звезд и небес,
Светило мастерской земли.
Небосвод – это порог его двора,
Эмпиреи – это подстилка его храма!*

...Правителям страны красноречия и взыскующим сокровенные истины известно, что... священные души человеческие до того, как встретиться и общаться в материальном мире, имели связь и близкие отношения в духовном мире, и это не что иное, как отражение божественной любви, поэтому корыстные отношения сего бренного мира не могут сравниться с ними. И такая близость и дружба бывает прочной, не подвергается превратностям, не испытывает нарушений и ослаблений. Особенно тогда, когда основы таких отношений заложены предками и переданы по наследству из поколения в поколение.

«Хотя дальность расстояния и препятствует нашей встрече и общению, однако оно не может преградить путь духовной и душевной близости».

Шах Аббас I – императору Акбару

Хотя дальность расстояния и препятствует нашей встрече и общению, однако оно не может преградить путь духовной и душевной близости.

На дороге дружбы не может быть и речи о близости и дальности,

Если между друзьями будет даже сто тысяч привалов!

شبهیه حضرت جهانگیر شاه که شبیه حضرت اکبر شاه را می بیند

Тем не менее искренний характер часто не удовлетворяется этим и хочет, чтобы эта внутренняя связь проявлялась во внешних доказательствах, поэтому, прибегая к помощи писем и посланий, посредством их подтверждает свое единство и преданность и старается искренними и дружелюбными словами, вышедшими из-под искусного пера, порадовать душу и освежить разум друзей. Исходя из этого шлю самые искренние приветствия и пожелания, свидетельствующие о нашей преданности, в адрес Его Величества, могущественного правителя, обладающего умом Феридуна, храбростью Рустама, щедростью Джамшида, справедливостью Нуширавана, богатством Сулеймана и величием Искандера.

*Справедливый и благородный шахиншах, который с ног до головы одарен божественной милостью.
Возвышающийся над покровительством Аллаха,
Освещающий пиршество правления.*

От него исходят благодеяния, он благоустраивает мир, в результате чего с каждым днем возвышается его слава, ему сопутствуют удачи и победы.

*Он – сияющая Луна из неба бытия,
Он – драгоценный жемчуг из океана щедрости,
Он – украшает корону правления,
Он – владеет тронном Искандера.
Птица-Феникс под этим голубым небосводом
Бросает свою тень лишь на его голову!*

В его подчинении находятся огромные территории на суше и море, он обладает мощной и непобедимой армией... Он – распространяющий мир и безопасность и удостоившийся божественной щедрости и милости, великодушный и величественный хаган Джалал ад-Дин Акбар-шах – да продлит Аллах его правление! Со всей сердечностью пожеланий и искренностью намерений, что в правилах преданных друзей, мы молимся Всевышнему, чтобы тот еще больше возносил его

положение и увеличил его могущество и богатство, расширил его владения, что в интересах всех людей. Надеемся, что эти мольбы будут услышаны и наши сердечные пожелания найдут свое осуществление.

Пусть его дворец возвышается так, чтобы небеса стали подстилкой его порога.

«И хотя между нашими династиями – да продлится их правление до вечности! – издавна существовали отношения дружбы и единства, но я не уделял достаточного внимания поддержанию этого единства, преданности и искренности, и об этом невозможно писать в письме и трудно представить. Моя убедительная просьба и искреннее желание состоят в том, чтобы до тех пор, пока небосвод вращается и звезды светят, эти добрые отношения находились в центре внимания Его Величества, чтобы до дня Страшного Суда сад дружбы и преданности не подвергался тлению...»

Император Акбар – шаху Аббасу I

Хотя и не удостоился чести созерцать Ваше счастливое лицо, но в пиршествах дружеского общения мой внутренний взор постоянно устремляется в лицо не имеющего себе равных правителя.

*Хотя мои глаза лишены возможности видеть тебя,
Но глазами сердца я всегда созерцаю твое лицо.*

После всех этих приветствий и искренних пожеланий, что необходимо для проявления благожелательности и преданности, доводится до Вашего сведения, что всем известна прочная дружба и единство, которые имели место в отношениях моего покойного деда – покровителя ислама и обитателя рая – и твоего почтенного и могущественного отца – да освятит Аллах их могилы и поместит их души в райских садах! И когда Его Величество Хумайун пожаловал к нам, два счастливых правителя заключили прочный союз и договорились, что и впредь должны сохраняться дружба и единство

между сторонами. Это со всей ясностью было подтверждено во время восшествия на престол того счастливого правителя. И пока эти славные повелители находились на престоле правления, они так безупречно соблюдали эти договоренности, что лучше трудно себе вообразить. Они постоянно предпринимали шаги в сторону укрепления дружественных отношений, поддерживали непрерывную связь посредством писем и посланий, чему завидовали многие знаменитые правители того времени...»

Характерно, что за всеми красотами красноречия можно рассмотреть реальные проблемы, возникавшие в отношениях двух могущественных государей: «Когда Его Величество Хумайун, оставив этот бранный мир, переселился в мир вечного блаженства и шахский престол был украшен Твоим восшествием, ожидалось, что Ты будешь следовать по пути, намеченному тем правителем – обитателем рая Хумайуном, и бутоны дружбы и преданности превратятся благодаря этому в благоухающие розы... Однако величественный падишах, вопреки ожиданию, проявил равнодушие к правилам дружбы и преданности... Тем не менее, когда я находился в Герате и обучался делу управления государством, у меня часто возникала мысль о том, чтобы послать к Вам кого-нибудь для возобновления и укрепления давней дружбы... Но пока я вынашивал эту идею, жестокая судьба ниспослала нам большое горе – ушел из жизни мой славный и отважный брат Абулгалиб султан Хамза мирза – да освятит Аллах его могилу!

И на этот раз мы ожидали, что со стороны могущественного покровителя Акбара прибудет кто-нибудь, чтобы выразить соболезнование, однако и это ожидание не осуществилось, так как никто не пожаловал к нам с Вашей стороны. Наконец в эти дни по велению судьбы мне пришлось покинуть Хорасан и прибыть в столицу, чтобы взять в свои руки бразды правления и вступить на наследственный престол. И после того как я навел порядок в стране и упорядочил государственные дела, у меня вновь воскресла мысль о том, чтобы восстановить дружественные отношения между сторонами, укрепить основы доверия и преданности во взаимоотношениях. Поэтому Ядгар, султан Румлу, который обладает совершенным умом и величием, отличается от всех своим мастерством в красноречии и является одним из самых приближенных и почтенных людей,

отправляется к Вам, чтобы передать Его Величеству наше письмо, свидетельствующее о нашей любви и преданности, и довести до его сведения наши искренние намерения. И поскольку мы всегда и при любых условиях готовы соблюдать правила искренних дружеских отношений, если Его Величество предложит и посоветует что-нибудь важное в решении трудных вопросов государственного управления, мы с благодарностью будем делать все возможное, чтобы осуществить это, и ожидаем, что такой же путь будет избран им, и до дня Страшного Суда ничто не сможет нарушить нашу дружбу, наоборот, она будет развиваться и расширяться.

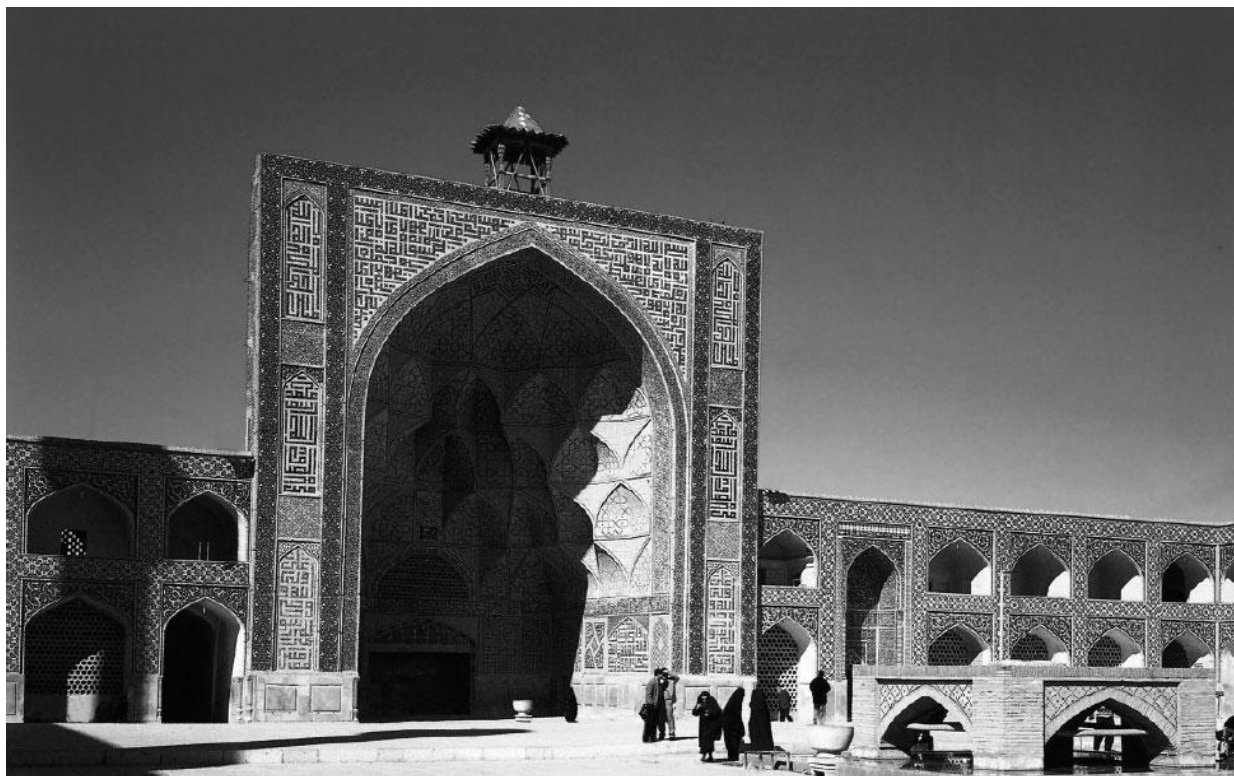
Желаем, чтобы милостью и покровительством Аллаха Вы постоянно находились на высоком престоле правления для осуществления мер на благо всех людей. Да защитит Всевышний Ваше господство и правление от ослабления и упадка».

Владыка Акбар так отвечал царственному собрату из Ирана: «... Начало движения пера, слагающего песни, и начало любого письма, содержащего тонкие смыслы, должны связываться с именем того не имеющего начала, благодворящее и щедрое бытие которого не имеет конца и начала. Он своим всемогуществом превратил жалкое небытие в совершенное бытие и двумя буквами «каф» и «нун» сотворил беспредельный и безграничный мир, снабдив его всем необходимым – абстрактной и материальной субстанцией, разумом и душой, светом и тьмой, созвездиями и небесами, цветом и запахом. И из числа всех сотворенных проявил особое милосердие к роду человеческому, который представляет собой квинтэссенцию материального и божественного миров, что нашло свое подтверждение в аяте: «Мы сотворили человека наилучшим образом». И отметил высокое положение и достоинство человека: «И Мы оказали щедрость роду человеческому». И после этого из числа людей избрал пророков и посланников, имеющих связь с божественным миром, которые призваны в свете Его откровений посредством дозволений и запретов наставлять сбившихся с пути на путь истины, знания и мистического познания. И в конце этого ряда поставил драгоценнейшую печать – самые лучшие приветствия Ему! А завершение этого дела возложил на потомков и родственников того славного предводителя – да благословит их Аллах и приветствует! И после этих рангов поручил управление странами мира и осуществление необходимых дел в интересах людей

султанам и падишахам, которые то силой мстят врагам государства и религии, то милосердием и щедростью проливают бальзам на раны сердец угнетенных.

«Наконец в эти дни по велению судьбы мне пришлось покинуть Хорасан и прибыть в столицу, чтобы взять в свои руки бразды правления и вступить на наследственный престол. И после того как я навел порядок в стране и упорядочил государственные дела, у меня вновь воскресла мысль о том, чтобы восстановить дружественные отношения между сторонами, укрепить основы доверия и преданности во взаимоотношениях...»

Шах Аббас I – императору Акбару

Далее обращаюсь с наилучшими приветствиями и бесконечными восхищениями к могущественному владыке, отличающемуся от всех правителей времени своей справедливостью, всаднику коня мудрости и смелости.

*Он обладает благородным нравом и приятной речью,
Глубоким разумом и бесконечным умением.
Он – щедрее всех на свете, он озаряет мир своим
Совершенным талантом и всесторонними знаниями.*

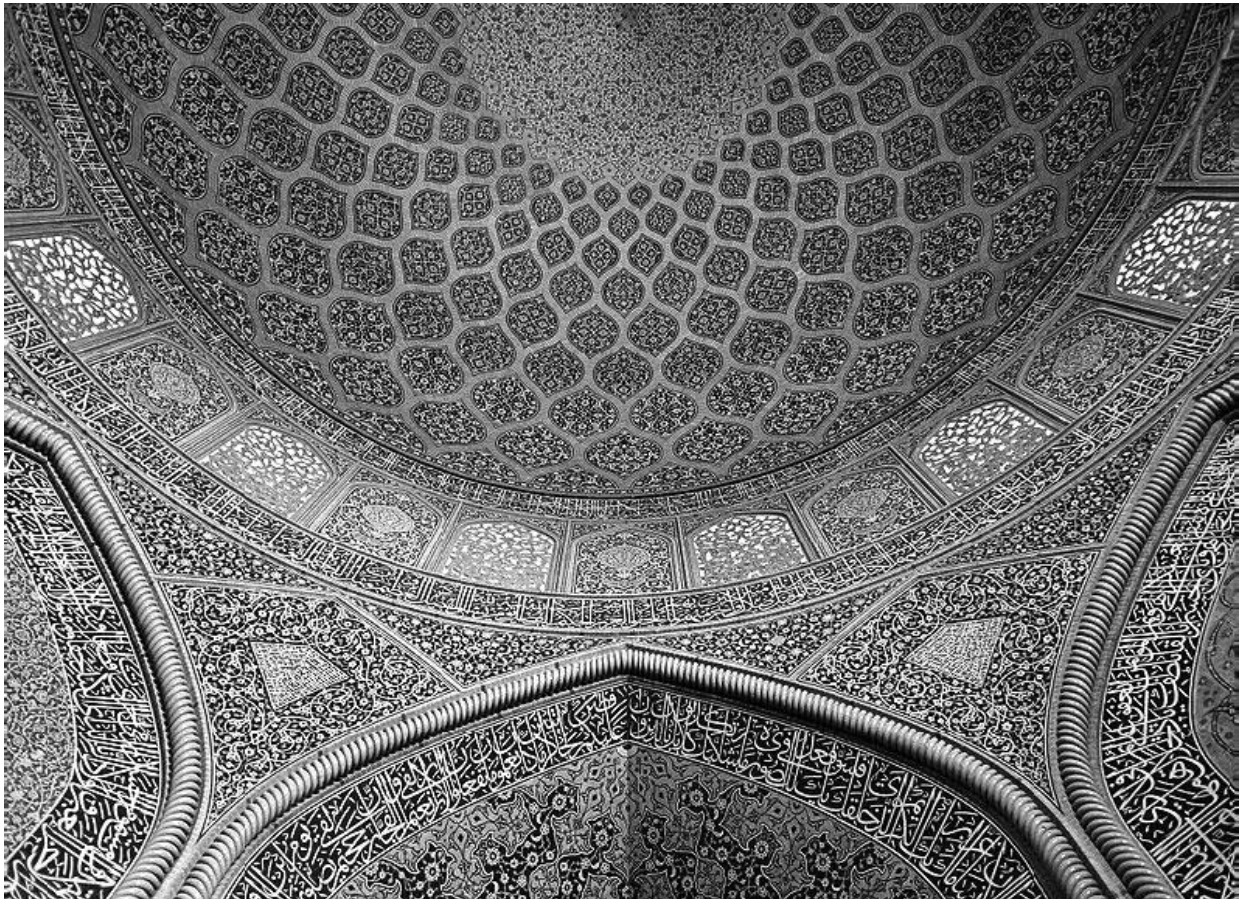
Это счастливый и удачливый покоритель стран, обладающий богатством Сулеймана, наследник могущественных правителей мира, потомок гаавы Пророков и его священного рода – невинных Имамов, возбуждающий зависть в сердцах падишахов времени, освещающий тьму гнета и несправедливости, то есть падишах, покровительствующий всему миру, величественный шах Аббас! Пусть продлится его жизнь и правление до дня Страшного Суда, пусть крепнут основы его государства, пусть улучшатся дела страны и народа под покровительством его силы и разума!

После этих приветствий и восхвалений, во-первых, пусть будет известно светлой душе Его Величества, которая является вместилищем тайн материального и божественного миров, что хотя моим видящим истину глазам не довелось созерцать озаряющее мир лицо падишаха Аббаса, но я много слышал о его благородных и совершенных качествах. И хотя между нашими династиями – да продлится их правление до вечности! – издавна существовали отношения дружбы и единства, но я не уделял достаточного внимания поддержанию этого единства, преданности и искренности, и об этом невозможно писать в письме и трудно представить. Моя убедительная просьба и искреннее желание состоят в том, чтобы до тех пор, пока небосвод вращается и звезды светят, эти добрые отношения находились в центре внимания Его Величества, чтобы до дня Страшного Суда сад дружбы и преданности не подвергался тлению, чтобы, забыв о поре разобщенности, Его Величество способствовал развитию дружеских связей, регулярно присылал письма и радовал наши преданные и чистые души, превратив их в предмет зависти райских садов.

«Это счастливый и удачливый покоритель стран, обладающий богатством Сулеймана, наследник могущественных правителей мира, потомок гаавы Пророков и его священного рода – невинных Имамов, возбуждающий зависть в сердцах падишахов времени, освещающий тьму

гнета и несправедливости, то есть падишах, покровительствующий всему миру, величественный шах Аббас!»

Император Акбар – шаху Аббасу I

Во-вторых, Ваше высокочтимое письмо, отправленное через украшающего и пользующегося большим и заслуженным доверием Манучехр бека эшикагасибаша, который обладает тонким умом и проницательностью, величием и благосклонностью превосходит других с точки зрения знания условий исполнения обязанностей посланника, было получено нами в благоприятный и счастливый час и стало толчком к обновлению и усилению давней дружбы и единства, которые всегда были присущи отношениям двух могущественных династий»

(Тексты писем приводятся по изданию «Сефевиды и Великие Моголы в мусульманской дипломатике». СПб. СПбГУ. 2004, пер. А.

Фарзалиева и Р. Мамедовой).

Аббас Великий

Один из виднейших правителей Персии – шах Аббас I Великий приходился внуком шаху Тахмаспу. Его отец Мохаммад I Худабенде был возведен на престол кызылбашами, они же в 1582 году провозгласили шахом его младшего сына. Но юный правитель Аббас был наделен немалыми державными способностями, поэтому именно ему удалось реформировать армию и привести страну к процветанию. «Своим умелым правлением он сумел преодолеть неурядицы и признаки слабости, проявившиеся в Иране, – пишет о нем Али Акбар Велаяти. – При этом монархе могущество Ирана во всем всем мире было признано настолько, что европейские монархи и Папа Римский стали направлять к его двору своих послов».

Наблюдая, как кызылбаши оказались силой, которая, подобно древнеримским преторианцам, решала, какому правителю взойти на престол, Аббас быстро осознал опасность как для себя лично, так и того, что по прихоти этих воинственных кланов страна может быть ввергнута в полный хаос.

«До начала царствования шаха 'Аббаса и создания современной армии основу иранского войска составляли кызылбашские части, – подчеркивает в своей книге Али Акбар Велаяти. – Это была грозная

военная сила, которая вызывала уважение даже у османских правителей. Но после битвы при Чальдаране стало совершенно очевидно, что следует менять всю структуру армии. Шах Тахмасп набрал молодежь в пятитысячный полк, названный «курчи» и составивший ядро небольшой армии, которая впоследствии была развита усилиями шаха 'Аббаса Великого. Таким образом, была проделана необходимая работа для последующих военных реформ этого монарха».

«Шах Тахмасп набрал молодежь в пятитысячный полк, названный «курчи» и составивший ядро небольшой армии, которая впоследствии была развита усилиями шаха 'Аббаса Великого».

Али Акбар Велаяти

Он приступил к изменению структуры вооруженных сил, планомерно заменяя кызылбаши наемными войсками из сопредельных земель. Кроме того, он привлек к реформированию персидской армии военных специалистов из Европы, поскольку было ясно, что войска старого образца терпят крах при столкновении с подразделениями европейского образца. Особую роль в обновлении персидской армии при Аббасе сыграли братья Ширли.

Англичане Энтони и Роберт Ширли в 1598 году прибыли в Персию – по разным версиям, то ли в качестве посланников королевы Елизаветы I, намеревавшейся заключить с Аббасом союз против турок-

османов, то ли целенаправленно в качестве военных советников. Относительно союза Аббас I ответа тогда не дал, но предложил братьям службу при своем дворе. Они согласились, но год спустя шах отправил старшего из них, Энтони, с дипломатической миссией в Европу, и обратно тот не вернулся.

А Роберт остался служить у шаха, и ему было поручено руководство военной реформой. Л. С. Васильев в книге «История Востока» указывает, что в результате реформы был создан «12-тысячный корпус стрелков-мушкетеров и 12-тысячный корпус артиллеристов, что вместе с корпусом гвардейцев-гулямов, в основном, из кавказцев, составило ядро регулярной армии... Все это укрепило позиции шаха». Теперь Аббас I мог опираться на преданную лично ему дисциплинированную и качественно оснащенную армию. «Шах Аббас создал новую регулярную армию с особой дисциплиной на основе ядра из «шахсенов» («сторонников шаха»), представлявших различные национальные меньшинства страны, – пишет Али Акбар Велаяти. – При помощи братьев Ширли шах получил ценные военные знания, соответствующие требованиям той эпохи и уровню военного дела».

В Персии впервые появились пехота, кавалерия и артиллерия в новейшем понимании. Было организовано производство пушек и боеприпасов. «С этой-то хорошо вооруженной и модернизированной армией он обрушился на кызылбашей, – пишет Али Акбар Велаяти. – Заодно обеспечил безопасность страны и упорядочил ее экономическую систему. Шах 'Аббас придавал огромное значение торговле, особенно внешней. Он активно развивал отношения с европейскими странами. Многочисленность его послов при европейских дворах свидетельствовала о том, насколько активно велась работа по установлению внешних связей Ирана в то время. Одним из свидетельств успешности деятельности шаха 'Аббаса стало то, что Шарден, посетив Иран, отметил, что такого величия страна уже не сможет добиться после смерти этого великого шаха».

«Шах Аббас создал новую регулярную армию с особой дисциплиной на основе ядра из «шахсевенов» («сторонников шаха»), представлявших различные национальные меньшинства страны. При помощи братьев Ширли шах получил ценные военные знания, соответствующие требованиям той эпохи и уровню военного дела».

Али Акбар Велаяти

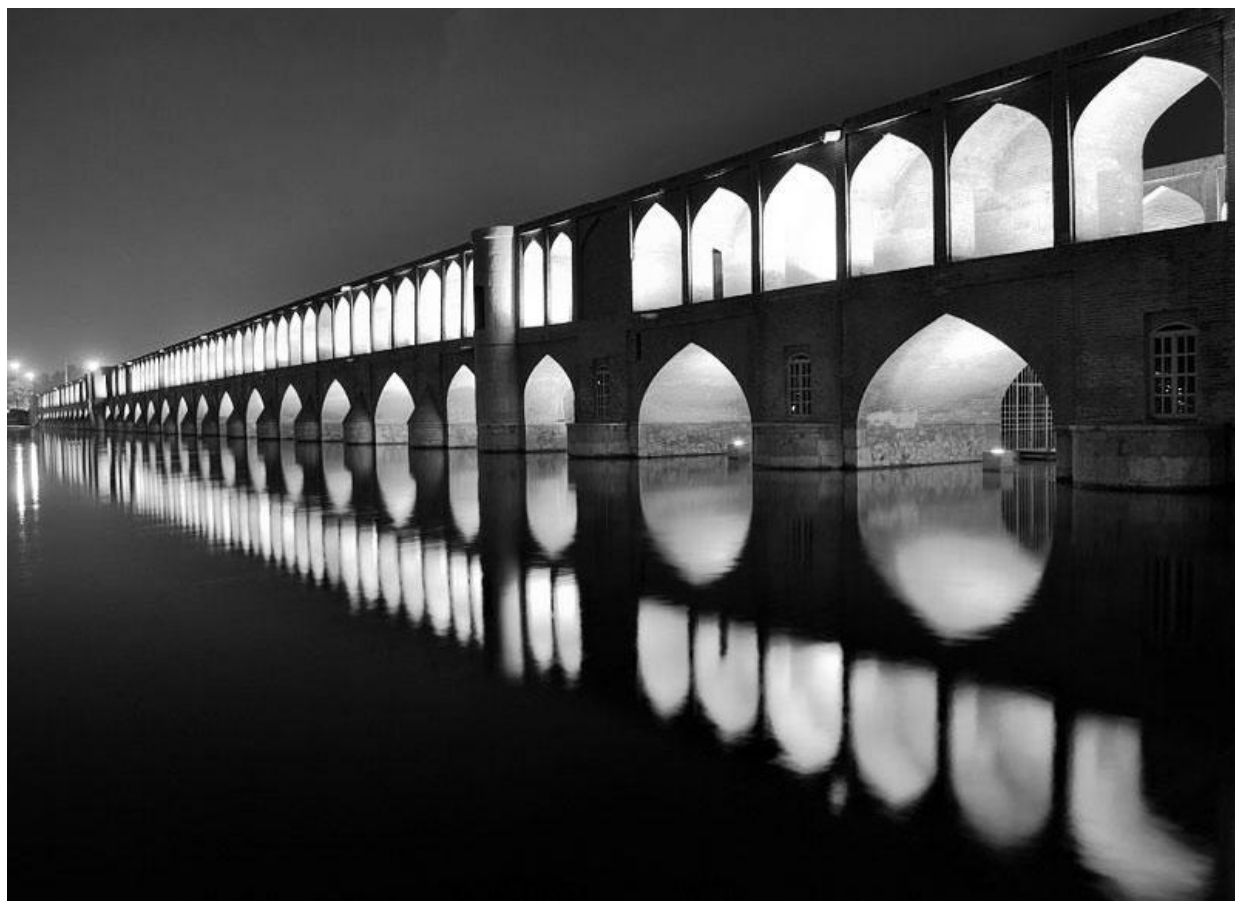
Кроме реформы армии, шаху Аббасу потребовалось осуществить и денежную реформу, поскольку за 11 лет постоянной смены власти в Персии финансовая система пришла в совершенно расстроенное состояние. Аббас ввел монету «аббаси», достоинство которой равнялось одному мискалю серебра.

Шах Аббас I провел ряд удачных завоевательных походов, присоединив к своим владениям Хорасан, Гилян и Мазандеран, а также Лурестан и Кандагар. Он успешно воевал с турками, вернув потерянные после Чальдаранской битвы территории – часть Армении и Грузии, а также Ширван, – и снова занял Багдад в 1623 году.

Следует отметить, что шах Аббас был первым иноземным государем, который признал воцарившуюся на Руси новую династию Романовых. Он выделил русскому правительству заем в размере 7 тысяч рублей. В 1625 году шах Аббас прислал в подарок царю Михаилу великолепный трон.

Мосты Исфахана

Владения династии Сефевидов теперь простирались от Тигра до Инда. Шах Аббас перенес столицу в Исфахан и позаботился, чтобы он выглядел, как подобает главному городу державы. Исфахан и поныне славится своими достопримечательностями, среди которых его знаменитые мосты, пересекающие реку Заянде. Самый известный мост называется Си-о-се Поль, что в дословном переводе означает «тридцать три моста», он состоит из 33 пролетов. Этот мост длиной 290 метров был возведен по приказу шаха Аббаса I в 1602 году. Иначе его называют мостом Аллаверды-хана – по имени визиря, возглавлявшего строительство. Этот приближенный шаха Аббаса руководил возведением и других знаменитых архитектурных ансамблей Исфахана, а также занимал пост бегларбега провинции Парс.

«Многочисленность его послов при европейских дворах свидетельствовала о том, насколько активно велась работа по установлению внешних связей Ирана в то время. Одним из свидетельств успешности деятельности шаха Аббаса стало то, что Шарден, посетив Иран, отметил, что такого величия страна уже не сможет добиться после смерти этого великого шаха».

Али Акбар Велаяти

В середине моста Си-о-се Поль расположена традиционная чайхана, откуда открывается прекрасный вид на реку и город. Впрочем полюбоваться пейзажами можно и из многочисленных арок. Мост не только соединяет между собой районы города, но и служит при необходимости плотиной: в пролетах имеются ворота, которые можно закрыть для того, чтобы выше по течению реки накопить воду и направить ее на орошение возделываемых земель и знаменитых исфаханских садов.

Еще один прославленный мост Исфахана – мост Хаджу, также способный при необходимости служить дамбой, регулирующей уровень воды в реке. Он был построен при Аббасе II в 1650 году и стал одним из любимых мест отдыха владыки. В центре моста строители соорудили специальный, роскошно отделанный павильон, где шах проводил вечера, любуясь закатом. Еще два павильона были построены на обоих концах моста. Павильоны и сам мост отделаны многоцветными изразцами, образующими причудливые узоры, и это оформление сохранилось до наших дней в неприкосновенности.

Мечеть Имама

В Исфахане находится и построенная по велению Аббаса I одна из самых красивых мечетей в мире – мечеть Имама. Ее стали строить в 1612 (в ряде источников называется 1611) году с южной стороны центральной площади Исфахана – Мейдани-Шах (площади Имама), одной из самых больших в мире – 165×510 метров. До наших дней дошла легенда, рассказывающая о том, что самый первый камень в основание заложил сам шах Аббас Великий. Мечеть получила название Шахской. Ее строительство продолжалось почти двадцать лет (четыре года строили парадный вход) и было закончено в 1629 г. Владыке Персии удалось увидеть исполнение своего великого замысла воочию, что в те далекие века случалось нечасто.

«Шах Аббас жил в мире, покое и довольстве, отдыхая в своих поместьях, наслаждаясь победами, одержанными над врагами и покоренными провинциями...»

Орудж-бек

Строили мечеть персидские зодчие и мастера – главным архитектором называют Усто Абуль-Касима, а начальником каллиграфов и художников – Али Резу, – создавшие поистине уникальный памятник архитектуры.

Это грандиозное сооружение, строительство которого началось более четырех веков назад, дошло до наших дней в почти в первозданном виде. Лишь вскоре после окончания строительства, в 1630, а затем в 1666 году укрепили часть фундамента (который для такого огромного здания оказался недостаточным), были сделаны художественные работы. При строительстве мечети применялись самые передовые и необычные строительные решения того времени, до сих вызывающие уважение архитекторов. Для того чтобы даже облицовка здания приобрела особую выразительность, по приказу владыки Персии мастера использовали не простую керамическую мозаику, а многоцветные глазурированные плитки, расписанные в технике «хафт-ранги» («семицветный», «радуга»), которых было использовано более 470 тысяч!

Среди достопримечательностей мечети можно отметить уникальную акустику: под одним из сводов здания любой звук повторяется эхом двенадцать раз. Имам в мечети может говорить, совершенно не повышая голос, и его услышит каждый, кто находится в здании, и здесь невозможно произнести ни одного слова, чтобы не быть при этом услышанным, где бы говорящий ни стоял. Поэтому мечеть еще называют и Шепчущей.

Общая площадь здания составляет около 20 тысяч квадратных метров, длина – 100 метров, ширина – 130 метров. Главный купол достигает в высоту 54 метра. Главный двор окружен сводчатыми галереями, ведущими в небольшие боковые дворики, являющиеся уголками уединения и прохлады. В северо-западном дворике сохранились каменные солнечные часы, созданные персидским ученым и изобретателем шейхом Баха Аль-Дином Мохаммедом Амили, известным еще как шейх Бахаи. С его именем связана причудливая

история-легенда о строительстве в этом городе бани, на протяжении многих столетий обогревавшейся за счет единственной свечи.

После революции 1979 г. Шахская мечеть была переименована в мечеть Имама – Масджид-и-Имам в честь духовного руководителя революции имама Хомейни. Мечеть Имама внесена в список памятников Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Дон Жуан Персидский

Это имя носил реально существовавший человек, которого на родине в Персии звали Орудж-бек. Он родился не ранее 1560 и не позже 1567 года и являлся сыном Султанали-бека (Султан-Али-бека Баята), занимавшего важные посты при дворе сефевидского шаха Мухаммеда Худабенде (1578–1587), сына шаха Тахмаспа I.

Чтобы добиться поддержки эмиров, шах Мухаммед Худабенд, по словам известного персидского историка (автора крупнейшего источника по истории Сефевидского государства «Тарих-и алем арай-и' Аббаси» («История украшателя мира Аббаса» Искандера Мунши) «открыл дверцы» государственной казны и «достиг предела расточительности». В конце концов шах, который был покинут своим войском, передал корону в руки своему сыну, молодому и энергичному Аббасу I.

После восшествия на престол шаха Аббаса I Орудж-бек принимал участие во всех его военных компаниях, в том числе сопровождал шаха в его победоносном походе 1589 года против узбеков в Герат. «Когда персидские войска достигли границ Герата, шах Аббас, который все еще оставался в Исфахане, прискакал верхом и присоединился к ним, став во главе армии, – вспоминал Орудж-бек. – Талим-хан в юном рвении жаждал открытого боя: он немедленно атаковал нас, и тогда шах принял вызов, хотя мы, персы, имели только 100 тысяч человек против 160 тысяч татар. В тот день, однако, удача сопутствовала нам, так как, начав великую битву против нас, татары поняли истинную цену того, как по-иному могут бороться наши командиры и солдаты, если ими командует лично их шах. Татары оказались совершенно не способными отразить наши атаки и повернули назад, спасаясь бегством, потеряв всю славу, которую они приобрели, и в то же самое время потеряв и господство над провинцией Хорасан. В своем беспорядочном бегстве они оставили своего предводителя Талим-хана, который попал к нам в плен и немедленно был казнен по приказу шаха Аббаса. Тогда мы освободили Герат, взяв в плен более 6 тысяч татарских солдат и вдобавок такое же число их женщин. Видя, что все его враги побеждены, шах отдал армии приказ вернуться в столицу Исфахан».

«Когда персидские войска достигли границ Герата, шах Аббас, который все еще оставался в Исфахане, прискакал верхом и присоединился к ним, став во главе армии. Талимхан в юном рвении жаждал открытого боя: он немедленно атаковал нас, и тогда шах принял вызов, хотя мы, персы, имели только 100 тысяч человек против 160 тысяч татар. В тот день, однако, удача сопутствовала нам, так как, начав великую битву против нас, татары поняли истинную цену того, как по-иному могут бороться наши командиры и солдаты, если ими командует лично их шах».

Орудж-бек

Будучи приближен к шаху, Орудж-бек стал одним из его доверенных лиц в Европе. Произошло это, когда стала очевидной неизбежность новой войны с турками. «Шах Аббас жил в мире, покое и довольстве, отдыхая в своих поместьях, наслаждаясь победами, одержанными над врагами и покоренными провинциями, когда к персидскому двору прибыли с посольством Мухаммед-ага, великий чавуш султана Турции Мухаммеда III в сопровождении свиты из трехсот владетельных особ и знати. Требованием султана было, чтобы шах Аббас послал своего сына Сефи-мирзу в Константинополь ко двору султана – престолонаследнику в то время было двенадцать лет – веселить и развлекать султана. Царь, зная по собственному опыту жестокие нравы османского двора, отвечал послу таким образом: царь в действительности только слуга своего сына, так как в Персии, когда рождается принц-престолонаследник, он номинально становится царем страны, поэтому он скорее сам отправится засвидетельствовать свое уважение его величеству султану и окажет честь его двору; но, если будет отослан его сын, даже если он захочет послать его, придворные вельможи никогда не согласятся отправить принца».

Но в борьбе против могущественной Османской империи, угрожавшей существованию и многих европейских стран, шах Аббас решил найти союзников в Европе. Ко дворам европейских государей были отправлены персидские посольства. Так, в 1604 г. шах направил своих представителей – посольства Рахуллы-бека и Али Кули-бека – к австрийскому императору Рудольфу II и польскому королю Сигизмунду III. Спустя пять лет посольства возвращались на родину через русские

земли, послом вместо умершего в Астрахани Рахуллы-бека стал Тахмасп-бек.

«В Астрахани мы пробыли шестнадцать дней, и нам был оказан превосходный прием, и поскольку была осень, то в стране в изобилии было дынь и яблок очень хорошего качества, – записывал Орудж-бек свои впечатления. – Здесь не только земля приятная, но также и люди; так, генерал-губернатор, которого великий князь Московии назначил сюда правителем, велел объявить, чтобы никто не смел требовать с нас деньги за то, что мы пожелаем купить, а за непослушание – наказание в двести плетей. Город Астрахань – правильнее Астархань – имеет население в 5 тысяч домовладельцев (или 22 500 душ); все дома деревянные, за исключением одних крепостей; хорошо укреплена усадьба, где проживает генерал-губернатор. Это высокое здание и сделано из очень толстых каменных стен; оно охраняется большим гарнизоном, и никто не смеет войти туда без особого разрешения...»

«В Астрахани мы пробыли шестнадцать дней, и нам был оказан превосходный прием, и поскольку была осень, то в

стране в изобилии было дынь и яблок...»

Орудж-бек

Но прежде всего шах Аббас в 1599 году отправил посольство ко двору испанского монарха для заключения союзного договора против Османской империи. Одним из руководителей этой дипломатической миссии стал Орудж-бек.

Если верить описаниям испанских знакомых, которые прилагаются к тем старинным запискам сотрудника персидского посольства, то Орудж-бек выглядел привлекательно и импозантно: стройный мужчина в расцвете лет, обладающий густой и волнистой шевелюрой, темпераментный и изысканный, мастерски владевший шпагой, пером и кистью. Большинство из того, что мы знаем о этом персидском дипломате и писателе, известно из его же записок. Они впервые увидели свет более четырех веков назад, в 1604 г., в Вальядолиде, городе на северо-западе Испании, являвшемся в то время местопребыванием двора испанских владык.

Вышедшая на испанском языке книга впервые поведала читателям не только о существовавшей на Востоке великой державе, но и многом другом. Записки Орудж-бека состоят из трех книг, в первой из которых содержатся разнообразные сведения о государстве Сефевидов, правителях и населении. Во второй книге уделено внимание истории персидской державы с древнейших времен до начала XVII века и приводятся подробные версии происхождения правящей во время путешествия Орудж-бека династии. В третьей книге детально описывается путешествие посольства из Персии в Испанию, причем уделено внимание и Российскому государству, его столице и приему персидских послов русским государем.

«Огромный дворец (Кремль) окружен стеной, и он настолько обширный, что сам по себе является приличного размера городом. Дворец весь построен из камня и прекрасно сконструирован, особенно царские покои, которые спланированы на итальянский манер».

Орудж-бек

«Его столица называется Москва, и она очень густонаселена... само название происходит от реки Москвы, которая омывает город Москву. Река берет свое начало в девяти милях от города, и судоходство по ней затруднено по причине извилистости ее русла, особенно между столицей и городом Коломной... Население города, я подсчитал, составляет 80 тысяч дворов (или 360 тысяч душ) и более. Они живут в отдельных домах с сараями и амбарами, и, следовательно, количество земли, занимаемой здесь людьми, более чем необходимо... Город, однако, не обнесен стеной и стоит на открытой местности, и защитой ему служат болота, реки и лагуны, окружающие его. Огромный дворец (Кремль) окружен стеной, и он настолько обширный, что сам по себе является приличного размера городом. Дворец весь построен из камня и прекрасно сконструирован, особенно царские покои, которые спланированы на итальянский манер».

По дороге в Испанию посольство со своим секретарем Орудж-беком посетило Германию и Рим, где было встречено владыками и знатными европейскими вельможами, побывало на устроенных в их честь торжественных приемах и получило подарки для своего персидского владыки. Прибыв в итальянскую Верону, персидское посольство тщетно ждало встречи с венецианским дожем. Официальной причиной отказа главы Венеции вести переговоры с представителями шаха Аббаса I было то, что сейчас у него гостит посол Османской империи, и поэтому, мол, он не может принять одновременно послов двух враждующих между собой стран. Зато персидское посольство принял римский папа Климент VIII (1592–1604).

В записях Орудж-бека рассказывается и о том, что посольство было с достоинством принято в Праге императором Священной Римской империи Рудольфом II (1576–1612), ценителем всевозможной экзотики и тайных знаний. При его дворе жило много художников и философов, врачей и искателей «философского камня».

«Мы застали его величество стоящим на прекраснейшем ковре в верхнем конце зала; за пределами ковра стоял готовый к услугам его главный секретарь, бывший переводчиком и владевший многими языками и который пользовался исключительной благосклонностью императора. Наш посол

вышел вперед и с выражением почтения встал на колени и вручил императору послание царя Персии...»

Орудж-бек

«В конце недели, когда мы отдохнули, его величество послал к нам своего секретаря с приказами, и на следующий день на пяти экипажах нас привели в большой императорский дворец (Hradschin), самое роскошное и прекрасное здание, которое мы когда-либо видели. От внешних ворот до первой лестницы выстроились по обе стороны четыре различных отряда императорской гвардии, с различным оружием, и мы прошли между ними. Когда мы достигли конца лестницы, навстречу вышли камергеры его величества и вместе с присутствовавшими там вельможами и дворянами нас привели к императорской передней. Мы вошли в большой зал, где нас ожидал его величество; камергеры и придворные при этом отстали, и мы вошли одни. Мы застали его величество стоящим на прекраснейшем ковре в верхнем конце зала; за пределами ковра стоял готовый к услугам его главный секретарь, бывший переводчиком и владевший многими языками и который пользовался исключительной благосклонностью императора. Наш посол вышел вперед и с выражением почтения встал на колени и вручил императору послание царя Персии...»

(Текст воспроизведен по изданию «Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята – Дон Жуана Персидского». СПб. СПбГУ. 2007. Перевод О. Эфендиева, А. Фарзалиева).

Но, увы, случались и неприятные инциденты: сопровождавший персов британец Антоний Шерли был обвинен в краже посольских ценностей, предназначенных в подарок самому владыке Ватикана – Папе Римскому. Так что можно догадаться, по какой причине он более не появился в Персии.

Вскоре после того, как он закончил свой труд, Орудж-бек, которого называли в Испании Дон Жуаном Персидским, погиб. Надо иметь в виду, что в то время имя Дон Жуан еще не стало нарицательным, одним из «вечных образов» литературы Нового времени, представлявшим собой образ ненасытного обольстителя женщин. При этом первый художественный образ дона Жуана создал около 1630 года испанский

драматург и доктор богословия Тирсо де Молина в пьесе «Севильский распутник и каменный гость».

На три с лишним века записки Орудж-бека, получившие громкое название «История Дон Жуана Персидского», оказались забыты. Лишь в 1926 г. они были переведены на английский язык и опубликованы в британской столице известным ученым-ориенталистом Г. Ле Стренджом, который снабдил их своими комментариями.

Вскоре после окончания Второй мировой войны в Мадриде было напечатано второе издание книги на испанском языке. В 1959 г. книга о путешествии персидского посольства была переведена на персидский и опубликована в Иране под названием «Дон Жуани Ирани». На русском языке (перевод с английского издания) книга появилась в Баку в 1988 г. Затем она была переиздана с расширенным указателем издательством Санкт-Петербургского университета. Записки Орудж-бека являются ценнейшим свидетельством жизни Московского царства, содержащим множество уникальных подробностей: «Когда мы достигли верхнего конца зала, увидели там великого князя; он сидел на троне, на ступенчатом возвышении. Это сиденье было сделано из массивного золота, инкрустированного драгоценными камнями. Великий князь был одет в мантию из золотой парчи, отороченную мехом куницы, застегнутую на множество бриллиантовых пуговиц, и на нем была шапка, имеющая вид митры. В его руке был скипетр, похожий на пастуший посох, и позади князя стояли сорок вельмож, и каждый держал серебряный жезл в руке, который был для них знаком отличия. Кроме того, великий князь брал скипетр с собой, когда отправлялся на войну.

Когда мы предстали перед ним, то пали ниц, а особый посол Персии, который был, как мы уже говорили, послан в Московию, вышел вперед. Его звали Пиркули-бек, и он был из персидской знати самого высокого ранга. Перед тем как представиться, он поцеловал письмо, которое привез, а затем вложил его в руки его величества. При этом великий князь поднялся со своего сиденья и, получив письмо, также поцеловал его, а затем отдал его переводчику, который тотчас прочел и перевел его на язык русской страны. Затем наш посол, держащий путь в Испанию, вышел вперед и отдал свое письмо, в котором великого князя просили оказать нам покровительство в благоприятном проезде; и он тотчас обещал сделать это. Его величество

разрешил нам сесть, и мы заняли места на длинных скамьях, покрытых бархатом и подбитых перьями».

«Великий князь был одет в мантию из золотой парчи, отороченную мехом куницы, застегнутую на множество бриллиантовых пуговиц, и на нем была шапка, имеющая вид митры. В его руке был скипетр, похожий на пастуший посох, и позади князя стояли сорок вельмож, и каждый держал серебряный жезл в руке, который был для них знаком отличия».

Орудж-бек

Федот Котов и его путь в Персию

Миллионы людей слышали о путешествии русского купца Афанасия Никитина и его записках «Хожении за три моря». Но был на русской земле и другой путешественник – Федот Афанасьевич Котов, отправившийся в 1623 году в персидские земли и оставивший об этом путешествии подробные записи.

Федот Афанасьевич Котов происходил из видного купеческого рода, его предки в XVI веке успешно занимались торговлей со странами Востока и, скорее всего, бывали в Персии. После окончания Смутного времени на Руси снова оживилась торговля. Прибывший в 1620 г. в Москву английский посол Мерик при переговорах с государем Михаилом Федоровичем стал просить разрешения на транзитную торговлю с Персией через русские земли. Русский царь, собрав именитых отечественных купцов, рассказал им об английском предложении, сказал также, что сейчас в Русском государстве «во всем скудость и государевой казны нет нисколько», а английские купцы за дорогу в Персию готовы платить державе деньги. На вопрос царя «Если дать английским гостям дорогу в Персию, то не будет ли от того московским гостям и торговым людям помешки и оскуденья?» предусмотрительные купцы сказали государю, что «на то воля государева», а если на них не будет опалы, то они выскажут свое мнение.

«Боятся наша братья того: только Англичанам дать дорогу в Персию – и их промыслы станут; но этого не угадать, всякому своя часть, – и большим товаром торгуют, и малым промышляют, как кто сможет... иные Персияне станут с Англичанами торговать в Персии, а другие поедут в Астрахань, одним Англичанам своими товарами как Персию затворить? Много в Персии охочих торговых людей поедут за русскими товарами».

Федот Котов, русский купец

Выступил тогда и московский купец Родион Котов. Есть две версии – это был брат Федота Котова, либо имя неправильно записали, и это был сам Федот Котов. Котов смело сказал царю: «Боятся наша братья того: только Англичанам дать дорогу в Персию – и их промыслы станут; но этого не угадать, всякому своя часть, – и большим товаром торгуют, и малым промышляют, как кто сможет... иные Персияне станут с Англичанами торговать в Персии, а другие поедут в Астрахань, одним Англичанам своими товарами как Персию затворить? Много в Персии охочих торговых людей поедут за русскими товарами». По всей видимости, ответ, да и сам купец, Михаилу Федоровичу и его боярам понравился, и спустя три года он, по поручению русского царя, «в купчинах, с государевой казною», отправился в персидские земли.

5 мая 1623 года Котов с отрядом из восьми человек покинул столицу и 8 августа прибыл в Астрахань. Спустя шесть дней он добрался по Каспию до Ширвана, а затем по суше прибыл 20 июня в Исфахан. Котов купечествовал с товарами российского царя, что, по всей видимости, избавляло его и от множества бюрократических хлопот и препятствий. Затем купец побывал также в «Турской земле», «Индеи» и «городе Индейском Урзуме», вернувшись на родину лишь в следующем году.

История этого торгового путешествия была им подробно изложена в записках «О ходу в персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индию и в Урзум, где корабли приходят», содержащих описание самых разнообразных подробностей жизни простых и знатных жителей Персии, дорог и городов, климата и ирригационных

сооружений, одежды и обычаев, традиций и главных мусульманских праздников. Котов описывает и встречу жителями персидской столицы шаха Аббаса, возвращавшегося после взятия Багдада. Со временем сочинение стало литературным памятником, и в 1958 году был выпущен перевод рукописи Котова на современный русский язык.

(«Текст воспроизведен по изданию «Хождение купца Федота Котова в Персию». М. Изд. вост. литературы. 1958. Пер. Н. А. Кузнецовой)

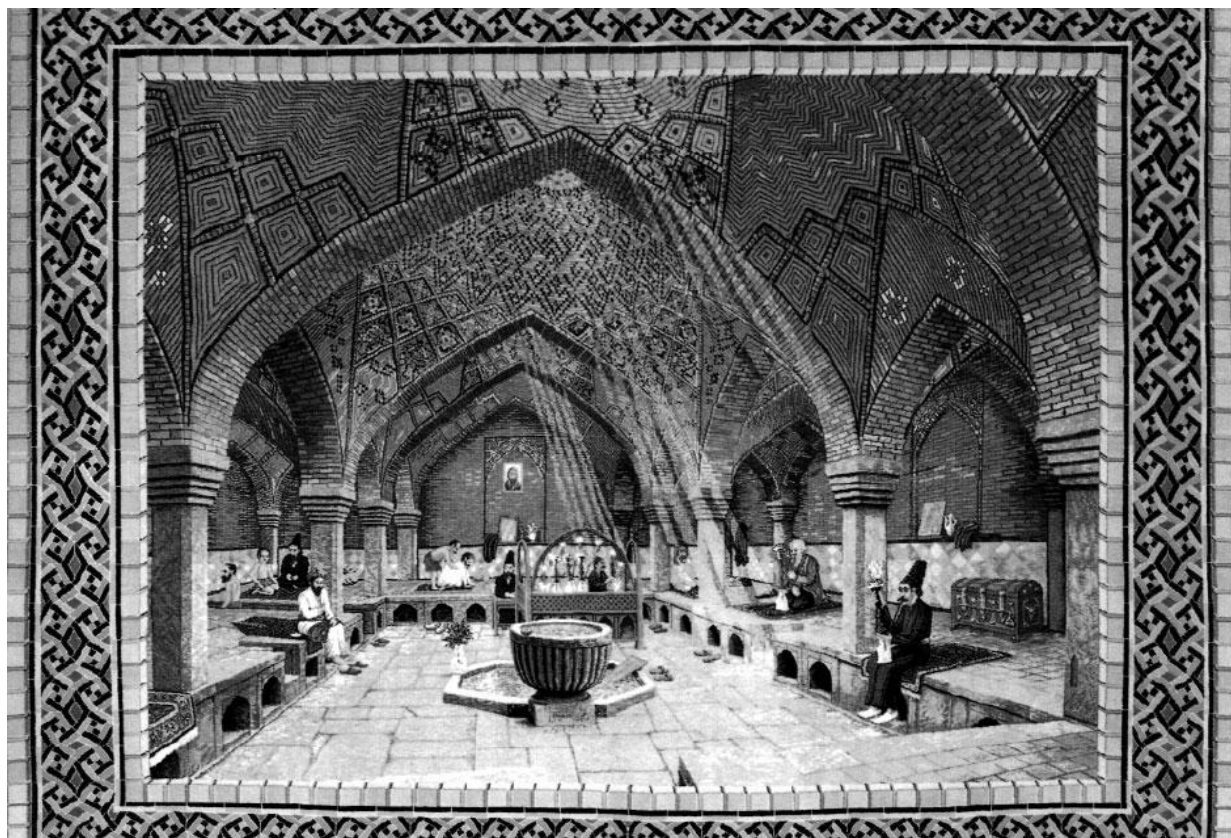
Возрождение тканых узоров

Слава многоцветных персидских ковров распространилась далеко за пределы страны еще до воцарения династии Сефевидов, однако при этих правителях – а именно при шахе Тахмаспе I и шахе Аббасе I – произошел новый виток развития в искусстве изготовления ковров. Этот период возрождения ковроткачества оставил потомкам порядка 3 тысяч ковров, которые являются украшением крупнейших музеев и коллекций, заслуженно входя в золотой фонд культурного наследия человечества. Так, знаменитый «ковер Ардабиля», изготовленный для гробницы Шейха Сафауддина Ардабили, предка Сефевидов, – жемчужина собрания лондонского Музея Виктории и Альберта.

Возрождение этого изысканного мастерства, органично сочетающего умение ремесленника с талантом художника, началось еще при первом Сефевиде – шахе Исмаиле. Но наивысшего расцвета оно достигло во времена правления Аббаса Великого, когда благодаря установившемуся в державе миру и процветанию выдающиеся живописцы могли пользоваться покровительством властителя и спокойно создавать эскизы будущих орнаментов для ковров, а мастера-ткачи – до совершенства оттачивать свои навыки. Ковры, сотканые при шахе Аббасе, получили отдельное название «ковры школы Аббаси». На коврах той эпохи были запечатлены прекрасные цветники, сады, охотничьи угодья владык, сложные причудливые орнаменты.

«Сефевиды превратили ковроткачество из ремесла сельских жителей в общенациональное промышленное производство, которое стало одной из важнейших составляющих всей экономики страны, – пишет в своей книге «Исламская культура и цивилизация» Али Акбар Велаяти. – Можно предположить, что первый ковровый цех был построен при Аббасе Великом в Исфахане. Самым древним образцом иранского ковроткачества той эпохи, дошедшим до нас, является известный ковер «Ардабиль», хранящийся в лондонском Музее Виктории и Альберта. Он датируется 942/1506 г. При шахе Аббасе имелось значительное количество шахских ковровых мастерских, где на заказ изготавливались драгоценнейшие ковры. Так, польский король Сигизмунд III закупленные в Иране ковры дал в приданое своей дочери».

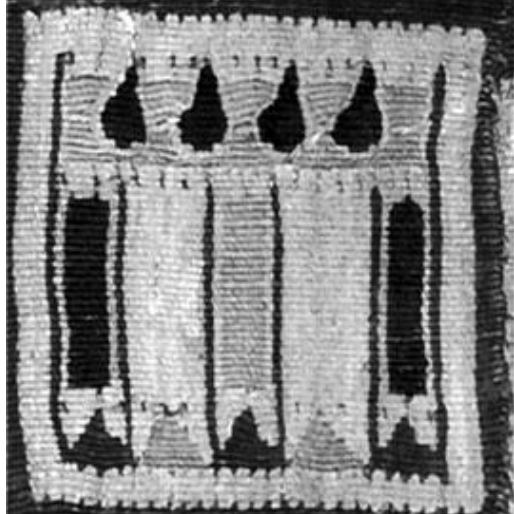
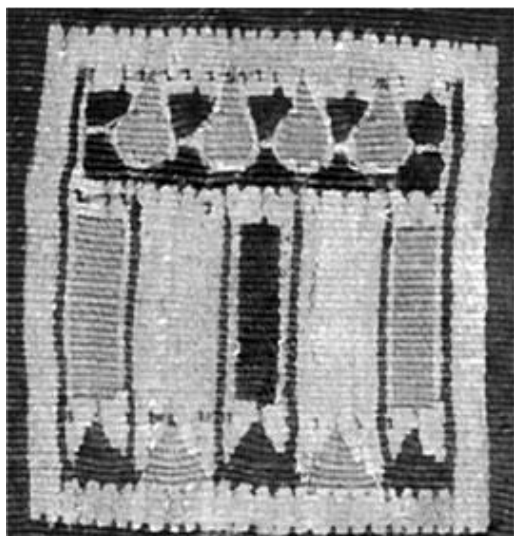
Одновременно с ковроткачеством переживало расцвет и текстильное производство. «Рассказывают, что на исфаханском базаре производством тканей занимались 25 тысяч рабочих, а глава текстильного цеха был одним из влиятельнейших людей в стране... – пишет Али Акбар Велаяти. – Ежегодно в Европу экспортировалось 22 тысячи тюков шелковых тканей». Летописцы свидетельствуют, что шах Аббас регулярно посещал мастерские и лично наблюдал за изготовлением ковров и шелковых полотен.

«Сефевиды превратили ковроткачество из ремесла сельских жителей в общенациональное промышленное производство, которое стало одной из важнейших составляющих всей экономики страны. Можно предположить, что первый ковровый цех был построен при Аббасе Великом в Исфахане».

Али Акбар Велаяти

Официально признанной родиной шелка – самого экологичного, качественного и красивого материала, по мнению большинства ученых, является Китай. Предания говорят, что примерно в 2700 году до нашей эры китайской принцессой Си Линчъжи были изобретены способы получения нити из коконов шелковичного червя. Долгие века под страхом смертной казни за измену императору было запрещено разглашать тайну его изготовления, а также вывозить за пределы страны гусениц шелкопряда или семена тутовника.

Поэтому и процветал Великий шелковый путь. Но в легендах рассказывается, что однажды некий персидский купец решил во что бы то ни стало раскрыть этот секрет. Не сразу, но ему удалось завязать тайные знакомства на тутовых плантациях и вывезти в складках чалмы сначала семена тутовника, а потом и немного грены – яичек шелкопряда. По другой версии того же предания, купец спрятал в головном уборе не грены, а несколько коконов с живыми куколками.

Шелк носили императоры и знать Рима и Византии, недаром в летописях их называли «ткаными ветрами». Шелк ценили владыки восточных стран. Не были равнодушны к шелку и Великие Моголы, индийские навабы и могольская знать. В «Айни Акбари» Абдула Фазала рассказывалось о развитии шелкоткачества во времена императора Акбара.

Обращая внимание на ковроткачество и текстильное ремесло в эпоху Великих Моголов, можно отметить, что оно, как пишет Али Акбар Велаяти, «несло в себе сильный иранский элемент, на котором это искусство было основано. Ковровые мастерские располагались в таких городах, как Агра, Фатахпур и Лахор. Мастерами и наставниками там были иранские ковроткачи из Кашана, Исфахана, Кермана и Сабзеvara, а образцами служили иранские ковры с цветочным узором».

«...в мозаиках Хирбат Минья и Хирбат аль-Мафджар, ковры обозначаются оставленными кистями, а в одном случае – явным указанием на технику тканья. Иные переносы не столь откровенны. Однако можно утверждать, что непрерывные цепочки иранских сенмурвов, или собакоголовых мифических животных, в росписях Хирбат аль-Мафджар копируют персидские ткани».

Олег Грабар

Более того, традиционные узоры персидских ковров влияли на орнаменты и цветовые решения настенных росписей и мозаик во многих сопредельных странах. Олег Грабар в книге «Формирование исламского искусства» пишет об этом: «...в мозаиках Хирбат Минья и Хирбат аль-Мафджар, ковры обозначаются оставленными кистями, а в одном случае – явным указанием на технику тканья. Иные переносы не столь откровенны. Однако можно утверждать, что непрерывные цепочки иранских сенмурвов, или собако-головых мифических животных, в росписях Хирбат аль-Мафджар копируют персидские ткани».

Калам и краски

Искусство создания многоцветных и красочных тканей имеет богатую историю, в которой существуют самые разные направления и традиции. С Востока богатые ткани везли во все концы земли. В знаменитом княжестве Голконда, где долго правили владыки-мусульмане, под влиянием персидских традиций сложился «коромандельский» стиль. В тамошних мастерских производили узорчатый материал «каламкари».

Каламкари представляет собой ручную роспись на ткани своеобразной кистью-«пером», каламом. Изначально силуэт выполняется в черной гамме, остальные детали – серыми тонами, а потом узор расписывается яркими красками. Калам изготавливался из высушенного тростника, конец которого специальным образом затачивался (для традиционного рисования имела значение его длина и толщина острия), а при необходимости к нему прикрепляли кусочек холста. Для ткани каламкари традиционными являются такие цвета, как шафран, розовые, охра, красный, черный, синий.

Наиболее выразительно персидский стиль прослеживается в тканях, которые изготавливали в Мачилипатнаме. Процветающий торговый центр текстиля и порт – город Мачилипатнам – экспортировал ткани каламкари не только по всему Востоку, но и в Западную Европу, где их называли «вощенный ситец». При Великих Моголах особенной популярностью пользовались цветные ткани из хлопка, из них делали не только одежду, но и перегородки ширм, шамианы (красочные шатры-палатки) и многое другое.

Часто мастера работали по рисункам, предоставленным персидскими заказчиками, иногда дополняя их оригинальными художественными элементами на свой вкус. «Самым известным орнаментом был рисунок «Древо Жизни», – отмечает дизайнер и исследователь Арти Д. Александер. – На узорчатых тканях персидского стиля, изготавливавшихся в Мачилипатнаме, изображено раскидистое цветущее Древо, растущее на возвышении. На его ветвях с ажурной листвой сидят фантастические птицы, а по обе стороны подножия два павлина держат в клювах змей. В нижней части ткани традиционно

изображалось море и обитающие в нем рыбы, черепахи, раковины...»
Блеск водной стихии передавала знаменитая синяя краска – индиго.

«Самым известным орнаментом был рисунок «Древо Жизни». На узорчатых тканях персидского стиля, изготавливавшихся в Мачилипатнаме, изображено раскидистое цветущее Древо, растущее на возвышении. На его ветвях с ажурной листвой сидят фантастические птицы, а по обе стороны подножия два павлина держат в клювах змей. В нижней части ткани традиционно изображалось море и обитающие в нем рыбы, черепахи, раковины...»

Арти Д. Александер

Высокая кухня Персии

Персидскую кухню часто называют матерью всемирной кулинарии, потому что именно с древней иранской земли по всему свету распространились многие кушанья, без которых теперь не мыслят свой стол самые разные народы. Среди таких блюд – пирожки санбуса (самбуса), которые повсюду знамениты под сходными названиями, будь то самбусак Магриба, самса Средней Азии или португальская шамуса. Вариантов приготовления существует великое множество. Классическая самса имеет треугольную форму, но допустимы и квадратная, и круглая. В оболочке из хрустящего теста скрывается сочная начинка из приправленного луком и специями рубленого мяса, курдюка, картофеля, тыквы, гороха, чечевицы. В приморских регионах и на берегах крупных рек самсу-самбусу готовят с начинкой из рыбы.

Появление одного из самых известных в наши дни видов традиционного иранского хлеба – сангак – историки относят ко временам шаха Аббаса I. А непосредственно честь изобретения «каменного хлеба», согласно преданиям, принадлежит Шейху Бахаи, прославленному ученому и поэту, советнику шаха.

Аббас Великий, справедливо почитаемый не только как правитель, но и как выдающийся полководец, неоднократно вел военные действия. Но, кроме стратегического таланта военачальника, успех любой военной кампании определяется и умелым решением повседневных

проблем, например снабжения войска пропитанием. А как накормить воинов в походе хотя бы хорошим горячим хлебом, если нет ни очагов для выпечки, ни даже гарантированно качественной муки?

Чтобы решить эту проблему, Шейх Бахаи предложил печь хлеб из зерна, которое поставляли крестьяне, – размолотое на маленьких мельничках-зернотерках, оно смешивалось с водой. А потом тонкие и длинные куски получившегося теста выпекались на прогретой кострами насыпи из множества камешков. Причем этот импровизированный очаг перемещался вместе с армиями шаха Аббаса в «разобранном» виде – каждый воин вез при седле или нес в котомке маленький мешочек с галькой. На привале камешки ссыпались вместе, и на них выпекали хлеб.

Тогда же на дворцовой кухне, а потом и по всей стране появились всевозможные виды долмы – блюда из фарша, которым начиняются плоды, овощи или листья, которое ведет свою историю из Ирана и прилегающих стран. Кушанье это весьма древнее и может иметь как самый привычный вид фаршированных виноградных листьев, так и представлять собой наполненные начинкой овощи или фрукты. Одна из самых старинных разновидностей этого блюда – айва, которую традиционно начиняют мясным фаршем, благо кисло-сладкая мякоть и мясо очень хорошо дополняют друг друга как в смысле гармонии вкуса, так и применительно к пользе для пищеварения. В свежем виде айва почти не съедобна, а будучи запеченной или сваренной на пару, она еще сильнее проявляет свой характерный и приятный аромат, а также обретает вкус и консистенцию, которые делают ее прекрасным лакомством.

О соня, пробудись!
И от подушки небреженья подними главу,
Окинув взором Торжище Жизни:
Сколь много яств тут
Для укрепления естества.
Иначе от тебя останется лишь абрис на стене!

Бусхак

Сочетание мяса с кисло-сладкими фруктами можно встретить и в долме из виноградных листьев. Для иранской кухни, где вообще-то рис пользуется большим почетом, характерен фарш для долмы, наоборот, без риса – только рубленое мясо и фрукты. Немалой популярностью и сейчас пользуется долма в виде фаршированных баклажанов, здесь позволительна даже более жирная, чем обычно, начинка, поскольку баклажаны способствуют быстрому и благополучному усвоению даже тяжелой пищи. Баклажаны и фарш из баранины считаются одним из лучших взаимодополняющих сочетаний продуктов.

Еще одним из самых древних кулинарных изобретений можно с полным правом назвать прохладительный напиток шербет (от персидского слова «sharbat»). Традиционно он был не только, а порой и не столько, сладким, но и кисловатым, и пряным. Основой служил сироп или настой из ягод шиповника или кизила, особый аромат давали розовые лепестки, непременно добавляли в напиток корицу, шафран, пряные травы. Несладкие шербеты существуют и сейчас, обычно они готовятся из кислых фруктов и насыщенного настоя ароматических трав. Их употребляют по ходу трапезы, когда на стол подаются мясные блюда, особенно если кушанье приготовлено из жирного мяса. Предание гласит, что знаменитому путешественнику Марко Поло, с именем которого связывают появление шербета в Европе, в первую очередь довелось попробовать именно такой шербет, призванный помогать пищеварению после обильной и тяжелой еды.

Стенька Разин и персиянка-пленница

К общему русско-персидскому прошлому, несомненно, относится и широко известная история о том, как знаменитый мятежный казак – атаман Степан Разин – утопил в Волге свою возлюбленную – персидскую княжну. К такой жестокости, согласно преданию, подтолкнули его насмешки сподвижников. И даже первым кинофильмом, снятым и вышедшим на экраны «электротeatров» в Российской империи в 1908 году, стала «Понизовая вольница», поставленная на студии Ханжонкова режиссером Владимиром Ромашковым на основе этого сюжета.

В картине влюбленный в княжну атаман, постоянно задерживающий войско для своих «гулянок», прочитав подброшенное есаулами письмо, в котором говорится, что княжна изменяет ему с «принцем Хасаном», в гневе топит ее. «Картина эта до известной степени делает эру в истории русского кинематографического театра, – писал журнал «Сцена» в 1908 году. – В ней впервые наш синематограф вступает на национальную почву, в ней впервые он дает роскошную и выдержанную в историческом колорите картину. Театр «Колизей», благодаря своему огромному экрану, смог блестяще поставить эту картину. Не останавливаясь ни перед какими затратами, он пригласил хор певчих, которыми будут исполнены «Вниз по матушке по Волге» и «Из-за острова на стрежень». Кто не знает красивую легенду о Стеньке Разине и персидской княжне, послужившей содержанием картины?»

На этот же сюжет написал когда-то стихотворение Пушкин:

*Как по Волге-реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка,
Как на лодке гребцы удалые,
Казаки, ребята молодые.
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.
Не глядит Стенька Разин на царевну,
А глядит на матушку на Волгу.
Как промолвил грозен Стенька Разин:
«Ой ты гой еси, Волга, мать родная!
С глупых лет меня ты воспоила,
В долгу ночь баюкала, качала,
В волновую погоду выносила.
За меня ли молодца не дремала,
Казаков моих добром наделила.
Что ничем еще тебя мы не дарили».
Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке ею поклонился.*

А повествующая о том же самом знаменитая песня «Из-за острова на стрежень...» вообще порой считается народной и дошедшей из глубины столетий, хотя на самом деле ее текст был написан Д. Н. Садовниковым лишь в середине XIX века.

*Как по Волге-реке, по широкой
Выплывала востроносая лодка...
На корме сидит сам хозяин,
Сам хозяин, грозен Стенька Разин,
Перед ним красная девица,
Полоненная персидская царевна.*

А. С. Пушкин

И мало кто задумывается, имеет ли эта песенно-кинематографическая история какое-то отношение к реальности. Действительно, мятежные казаки под предводительством Разина на воде и берегах Каспийского моря не раз вступали в столкновение с войсками персидского шаха Сулеймана, а однажды им даже удалось захватить летний дворец персидского правителя. Причем посланник русского царя Пальмар доставил шаху грамоту от своего государя с предупреждением о бунтовщиках, с которыми церемониться не следует («побивали бы их везде и смертью уморяли без пощады»), поэтому всерьез переговоров с ними никто не вел. Несмотря на то (об этом речь пойдет далее), что имеется ряд свидетельств, Степан Разин заявлял о готовности стать подданным шаха.

Историю с возможным захватом благородной пленницы большинство исследователей связывает с морским сражением весной 1669 года возле острова, ныне именуемого Сари, неподалеку от Ленкорани. Тогда флотилию Разина атаковали корабли, которыми командовал Мамед-хан (иначе – Менада-хан), наместник Астрабада, в чьем распоряжении были и сухопутные силы, занявшие остров. Как

сообщал шведский посланник в Персии Э. Кемпфер, у Разина имелось три десятка речных стругов и мелкокалиберные пушки на каждом из них. Русские донесения гласили, что у мятежников наличествовало примерно двадцать судов, но большая часть – морские, то есть более крупные струги с артиллерией в 20 больших и 20 малых пушек. В любом случае, персидский флот имел двойное превосходство в количестве кораблей – не меньше полусотни больших высокобортных боевых судов. Мамед-хан приказал соединить корабли цепями, чтобы противник не мог вырваться из окружения.

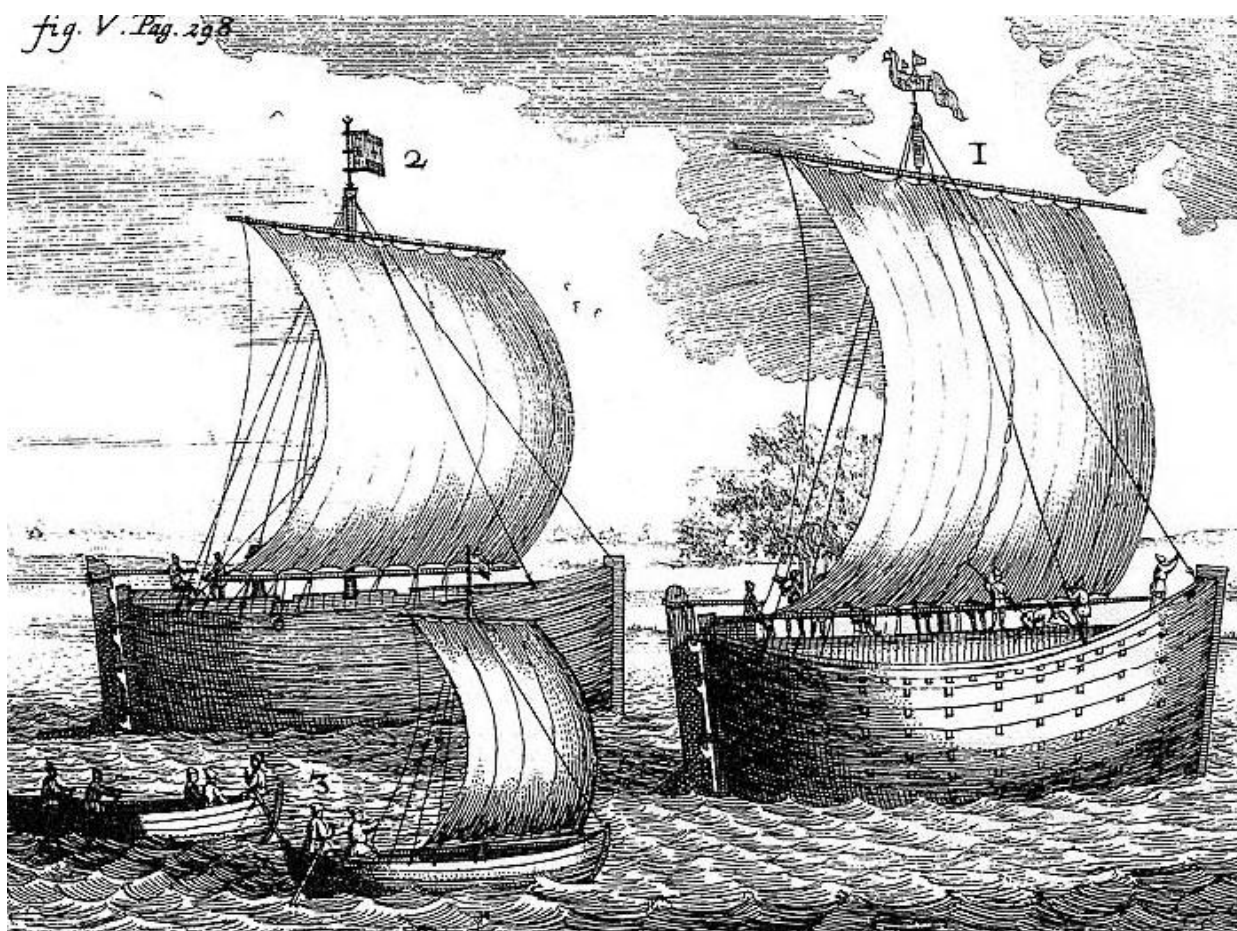
«Самый распространенный миф: Разиным была утоплена именно персидская княжна – дочь Менады-хана, чью флотилию казаки разбили у Свиного острова. Однако в плену у Разина был сын хана, и это факт, установленный множеством документов, о дочери же ни единого упоминания нет».

Максим Чертанов

Однако применив обманный маневр, притворно отступая, Разин сумел выманить преследователей в открытое море, а там его пушкари, сосредоточив огонь на флагманском корабле, подожгли его особым ядром, начиненным хлопком и нефтью. Корабль Мамед-хана запылал, взорвался пороховой погреб. Из-за цепей начали тонуть и соседние суда. Командующий успел покинуть горящее судно, но боевые порядки уже смешались, и в итоге победа осталась за Разиным. Во время этого сражения в плен к казакам попал сын Мамед-хана, впоследствии переданный русским властям.

«Самый распространенный миф: Разиным была утоплена именно персидская княжна – дочь Менады-хана, чью флотилию казаки разбили у Свиного острова. Однако в плену у Разина был сын хана, и это факт, установленный множеством документов, о дочери же ни единого упоминания нет», – пишет Максим Чертанов в книге «Степан Разин». По его же словам, «сценарий фильма «Стенька Разин» писал даже Е. И. Замятин в 1933 году для студии «Вандор-филмз»; предполагалось, что играть главную роль будет Шаляпин, но, увы, проект не был реализован. Там княжна и Разин обожают друг друга, но на пленницу

положил глаз коварный Василий Ус и подбил казаков возмутиться поведением атамана; конец все тот же».

Источником версии, что вместе с сыном наместника была пленена сестра, вскоре погибшая от рук атамана, являются мемуары голландского путешественника Яна Стрейса, опубликованные им в 1676 году в Амстердаме: «При нем была персидская княжна, которую он похитил вместе с ее братом. Он подарил юношу господину Прозоровскому, а княжну принудил стать своей любовницей. Придя в неистовство и запьянев, он совершил следующую необдуманную жестокость и, обратившись к Волге, сказал: «Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести, славы, и тьфу на меня за то, что я до сих пор не принес ничего в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу быть более неблагодарным!» Вслед за тем схватил он несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды,

затканые золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и другими драгоценными камнями, как королева. Она была весьма красивой и приветливой девушкой, нравилась ему и во всем пришлась ему по нраву. Она тоже любила его из страха перед его жестокостью и чтобы забыть свое горе, а все-таки должна была погибнуть таким ужасным и неслыханным образом от этого бешеного зверя».

Доктор исторических наук В. Н. Королев в своем обстоятельном исследовании «Утопил ли Стенька Разин княжну?» отмечает явную мифологичность этого сюжета: «По одной из легенд, Разин привез из Персии волшебный ковер, а «девка-предательница» его подменила, почему атамана и схватили. В некоторых преданиях, враждебных Разину, он представлен как «друг и любовник Маринки-безбожницы» (Марины Мнишек?)... Утопление разинской любовницы само по себе также вызывает большие сомнения и походит на занимательный фольклорный рассказ. Атаман в произведениях устного народного творчества постоянно что-то кидает с борта судна (удобно кидать?): то бросает в воду двадцатипудовые камни, то отправляет на небо персидский половник, в результате чего образуется известное созвездие из 7 звезд, то кидает с Каспия через Кавказский хребет в Черное море ступку-самобойку, непрерывно вырабатывающую соль (кусочек ступки откальвается и падает в Маныч). И коль скоро есть судно, вода и несдержанный атаман с любовницей, то почему бы ему и ее не бросить в воду?»

«При нем была персидская княжна, которую он похитил вместе с ее братом... Он совершил следующую необдуманную жестокость и, обратившись к Волге, сказал: «Ты прекрасна, река, от тебя получил я так много золота, серебра и драгоценностей, ты отец и мать моей чести, славы, и тьфу на меня за то, что я до сих пор не принес ничего в жертву тебе. Ну хорошо, я не хочу быть более неблагодарным!» Вслед за тем схватил он несчастную княжну одной рукой за шею, другой за ноги и бросил в реку. На ней были одежды, затканые золотом и серебром, и она была убрана жемчугом, алмазами и другими драгоценными камнями, как королева».

Ян Стрейс

Однако этому нет подтверждений ни в официальных документах, включая приговор Степану Разину, где подробно перечислены все его преступления, ни даже в аутентичном песенном фольклоре. В приговоре атаману указано, что он «грабил жителей Персии и отнимал товары у купцов, а то и убивал их... разорил... некоторые города», убил «нескольких именитых купцов шаха персидского и других иноземных купцов: персов, индийцев, турков, армян и бухарцев, приезжавших в Астрахань». Но об убийстве благородной пленницы там нет ни слова.

Не слишком известная, но примечательная деталь разинского бунта состояла в том, что атаман выражал недвусмысленную, документально зафиксированную готовность принять персидское подданство вместе со всеми своими людьми. С. Ф. Платонов в «Учебнике русской истории» (глава «Движение Разина») пишет о том: «Разин зазимовал в этом городке; а в марте следующего 1668 года он со своими ватагами поплыл к персидским берегам. Вести о его удачах привлекли с Дона новые шайки голутвенных. Так, по Волге пробрался атаман Сережка Кривой с несколькими сотнями товарищей, на Бузане побил загородивший ему путь стрелецкий отряд и вышел в море. По Куме пришли Алешка Каторжный с конными казаками и запорожец Боба с хохлачами. С прибытием сих подкреплений силы Разина возросли до нескольких тысяч человек, и он с большою свирепостью погромил прибрежные татарские города и селения от Дербента и Баку до Решта. Тут Разин вступил в переговоры и даже предложил шаху свои услуги, если ему дадут землю для поселения».

«Персия им показалась наиболее справедливой, где лучше других обращались с подданными, вот почему они приняли решение предложить себя в неволю персидского шаха; из любви к королю они станут шах-севен, и теперь они надеются на великодушие этого великого монарха, что он выслушает их мольбы и предоставит им убежище и землю для поселения...»

Жан Шарден

Французский путешественник Жан Шарден описывает в своих воспоминаниях как нападения разинцев на персидское побережье, так и их попытки предложить шаху свою службу. Шарден объясняет это их

намерением выиграть время и запутать преследователей, посланных за ними и русской, и персидской стороной: «Чтобы лучше скрыть свои намерения, они послали ко двору четырех из своих как депутатов с аккредитивными грамотами, как будто бы это было посольство. Люди губернатора Шемахи их проводили в Исфахан, куда они прибыли немного времени спустя после того, как туда пришло известие об их вторжении. С ними обошлись довольно хорошо, предоставили им жилище, освободили от пошлин, как обычно поступали с другими посланниками. Они попросили аудиенции короля, но им отказали под предлогом, что по характеру их посольства они не могли претендовать на эту честь и что они казались даже врагами. Им предложили аудиенцию первого министра, на что они согласились. Тогда же они заявляли, что они депутаты от 6000 казаков, их товарищей, находившихся на Каспийском море, что они действительно были подданными империи московитов, но, утомленные дурным обращением, которое они там претерпевали, они решили бежать из своей страны с детьми и женами и с имуществом, которое они могли увезти; после обсуждения места их убежища Персия им показалась наиболее справедливой, где лучше других обращались с подданными, вот почему они приняли решение предложить себя в неволю персидского шаха; из любви к королю они станут шахсевен, и теперь они надеются на великодушие этого великого монарха, что он выслушает их мольбы и предоставит им убежище и землю для поселения».

(Текст воспроизведен по изданию «Путешествие Шардена в Персию», Киевские университетские известия, № 9. 1873.)

О том же говорится и в рукописи уже упоминавшегося посланника Э. Кемпфера «Записки о Персидском походе С. Разина». Этот автор подробно описывает разгромленные разинцами прикаспийские городки, историю о том, как они хотели купить у одного из шахских наместников провиант, а получив отказ, ограбили местный базар. Кемпфер даже пишет о взятии казаками Баку, в чем современные историки сомневаются, хотя и не отрицают, что учинить набег на предместья этой мощной крепости Разин вполне мог. «В начале 1667 года он обратился к шаху (the King), прося даровать ему немного земли, – утверждает Кемпфер, – причем давал самые решительные заверения, что его люди будут вести себя как настоящие шахсивен, что на местном языке значит быть верными монаршему величеству или быть верными слугами государя и верноподданными, и что они всегда будут готовы защищать его и служить ему...» Многие русские документы и донесения персидских купцов также содержат сведения о том, что Разин отправлял послов к шаху.

«В начале 1667 года он обратился к шаху (the King), прося даровать ему немного земли, – утверждает Кемпфер, – причем давал самые решительные заверения, что его люди будут вести себя как настоящие шахсивен, что на местном языке значит быть верными монаршему величеству или быть верными слугами государя и верноподданными, и что они всегда будут готовы защищать его и служить ему...»

Э. Кемпфер

Марина Мнишек в гареме шаха?

Впрочем, Степан Разин был не первым на Руси мятежником, который надеялся обрести персидское подданство и тем спастись от законного гнева московского государя. Когда, освободив от поляков Москву, в столице венчали на царство Михаила Романова, казалось, что Смутное время закончилось, но во многих городах, где даже и не подозревали о воцарении Михаила, продолжались мятежи. Марина Мнишек (тоже раньше венчанная на царство и имевшая сына от Дмитрия Само званца) с казачьим атаманом Иваном Заруцким в марте 1613 года направились к Воронежу, где мятежников догнало государево войско под командованием Ивана Одоевского. После двух дней боев Заруцкий с Мариной отступили на Дон, а весной 1613 года добрались до Астрахани. После этого Заруцкий отправил посольство в Персию, чтобы сообщить, что Астраханское царство хочет перейти в подданство персидского шаха. Правитель Персии – это был шах Аббас – вроде бы даже поинтересовался, как выглядит царица Марина.

«Внешность Марины была на любителя: одним она казалась красавицей, другим не нравилась, – пишет Кирилл Резников в книге «Мифы и факты российской истории. От лихолетья Смуты до империи Петра». – Маленького роста и худощавая, Марина не могла похвалиться пышными формами, модными в те времена. Судя по портретам, лицо ее благородного овала, с высоким лбом и правильными чертами, портили тонкие сжатые губы. Положение спасали красивые, выразительные глаза под изящно выгнутыми бровями и густые темные волосы». Но достойный классической мелодрамы сюжет – прекрасная полячка, бывшая русская царица оказывается в гареме персидского владыки – не сложился. Как не помогли немного ранее и самому Дмитрию Самозванцу его планы заключить союз с Персией.

«Внешность Марины была на любителя: одним она казалась красавицей, другим не нравилась. Маленького роста и худощавая, Марина не могла похвалиться пышными формами, модными в те времена. Судя по портретам, лицо ее благородного овала, с высоким лбом и правильными чертами,

портили тонкие сжатые губы. Положение спасали красивые, выразительные глаза под изящно выгнутыми бровями и густые темные волосы».

Кирилл Резников

Персия в первом русском театре

Первая в русской истории профессиональная театральная постановка тоже имела прямое отношение к Персии. В царствование Алексея Михайловича в июне 1672 года был издан царский указ: «... иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедию, а на комедии действовать из Библии «Книгу Есфирь»...» Иоганн Готфрид Грегори взялся за работу. Вскоре пьеса, являвшая собой характерный пример популярного в те времена в разных странах дидактического театра, где ставились спектакли просветительского и назидательного свойства, была написана и получила название «Артаксерксово действо».

В основе сюжета – история о том, как один из влиятельных сановников при дворе царя Артаксеркса по имени Аман обвинил представителей еврейской общины, оставшейся в Месопотамии после конца Вавилонского пленения, в разных преступлениях и добился указа об их поголовном истреблении. Царица Эсфирь, славившаяся не только красотой, но и кротким нравом, узнала о том от двоюродного брата Мардохея и поведала владыке правду. Царь, осознав, что коварство Амана направлено против неповинных – и против Мардохея, который однажды спас Артаксерксу жизнь, – приказал казнить злого лжеца. По мнению ученых, библейский Артаксеркс – это исторический царь Персии Артаксеркс I.

«...иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедию, а на комедии действовать из Библии «Книгу Есфирь»...»

Указ царя Алексея Михайловича

Для представления «Артаксерксова действия» в селе Преображенском началось строительство «Комидийной хоромины» со сценой и декорациями. Первый спектакль, в котором были заняты 60 актеров, состоялся 17 октября 1672 года. На премьере присутствовал сам царь Алексей Михайлович с боярами и царица Наталия Кирилловна с детьми и придворными боярынями. Несмотря на то, что спектакль продолжался почти 10 часов, царь досмотрел его до конца и остался очень доволен. «Артаксерксово действие» имело такой успех, что впоследствии спектакль был неоднократно повторен.

Но история Персии не только хранила классические достижения, но и продолжала развиваться.

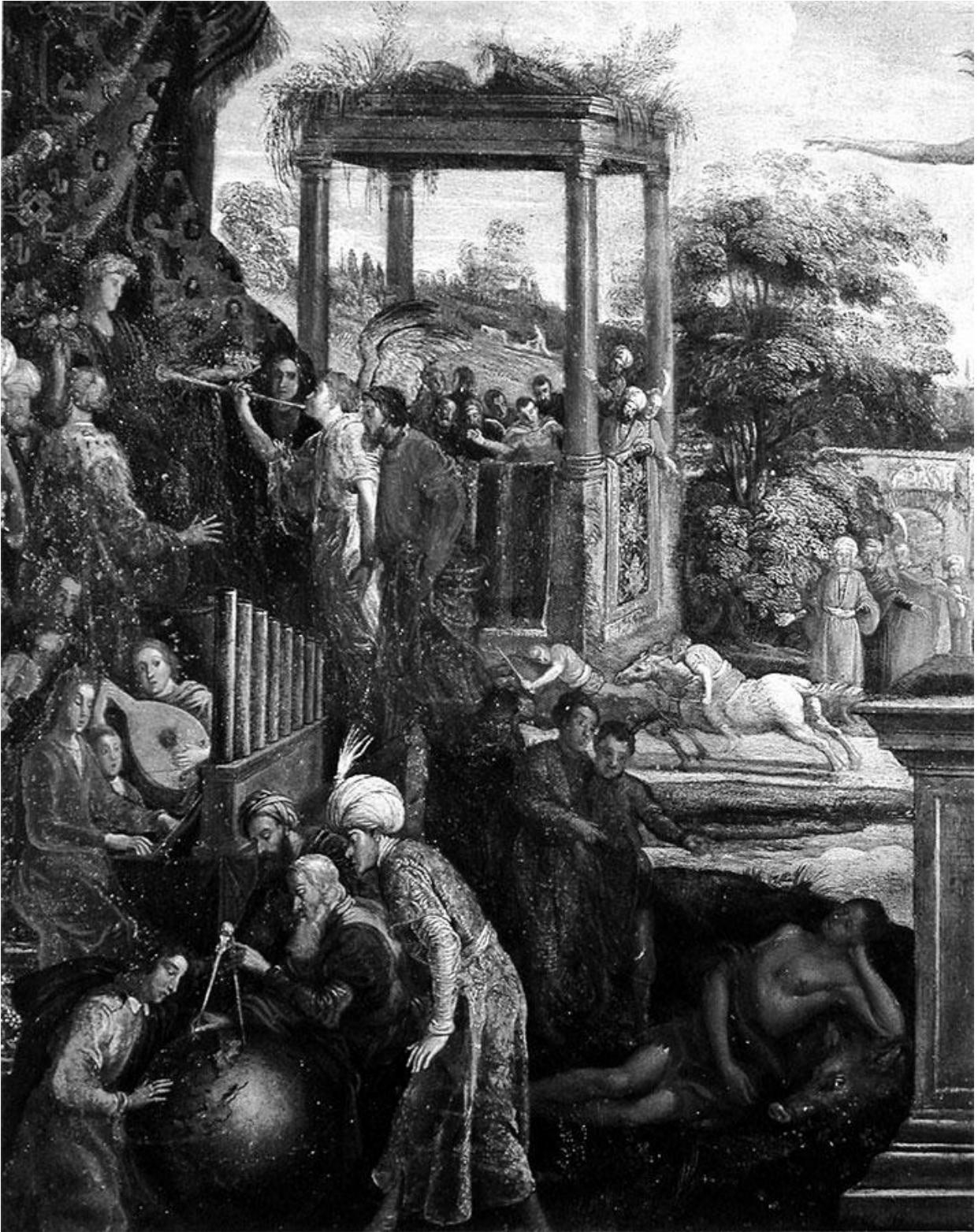
5. XVIII век: держава и соседи

Имам-кули Надир, который станет Надир-шахом, остается загадочной фигурой для историков, хотя его авантюры, его личность, его головокружительная военная эпопея, последняя в азиатской истории, казалось бы, должны побудить направить на него все прожекторы. Его биография полна подвигов, колоритных, забавных, а чаще жестоких историй, словесных острот, надменных отповедей. Разве не была хлесткой реплика, которую он бросил в ответ тем, кто заметил, что он имеет недостаточно знатное происхождение, чтобы жениться на дочери Великого Могола, руки которой он пожелал: «Да, но я сын своей сабли?»

Жан-Поль Ру

«История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней»

История первых двух десятилетий XVIII века Персии неразрывно связана с российским государством. К торговым интересам добавлялись военные и политические. Царь Петр, еще не ставший императором Петром I, но уже разгромивший шведского короля и полководца Карла XII, стал проявлять интерес к восточным территориям.

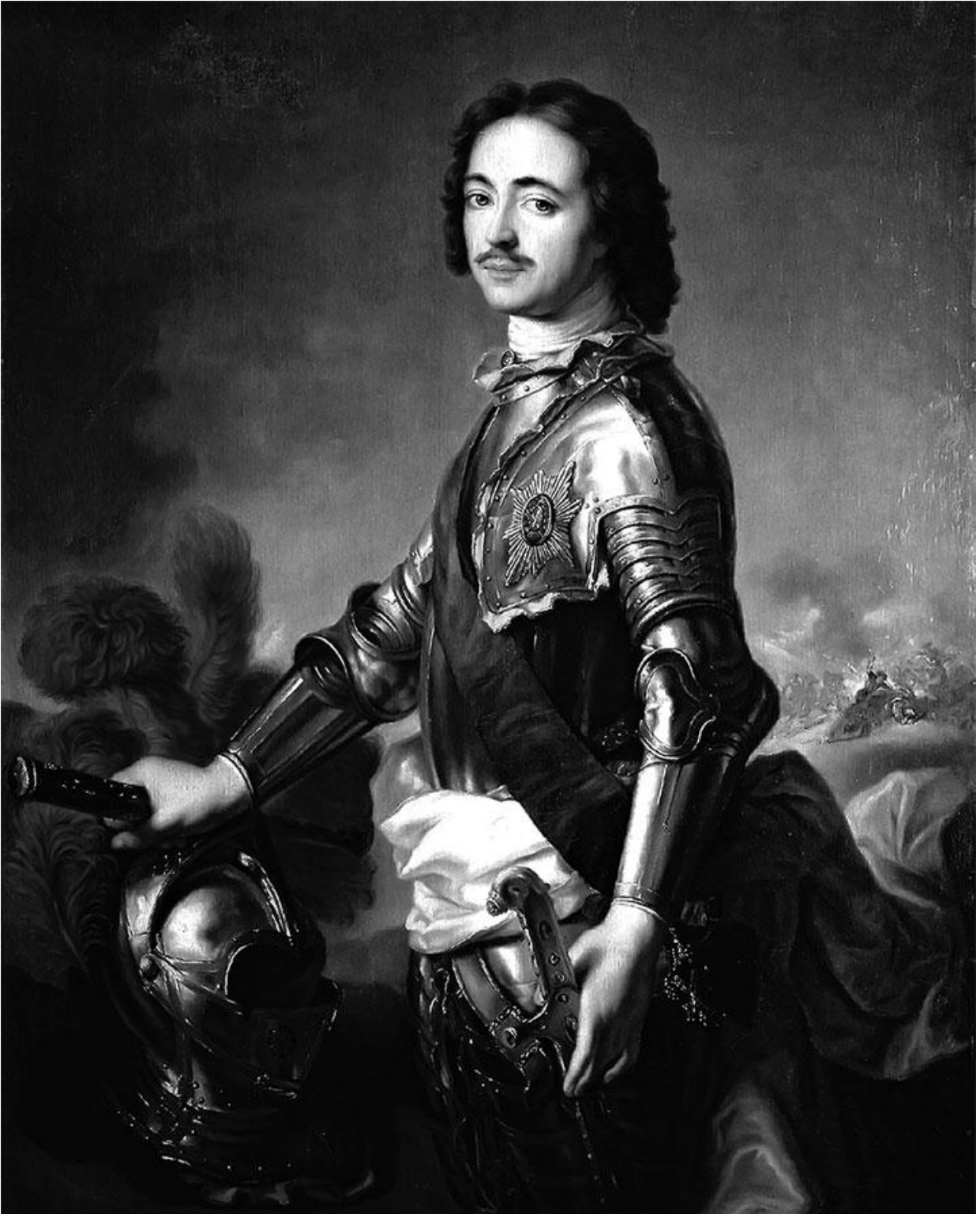

Петр I отправил посольство

История первых двух десятилетий XVIII века Персии неразрывно связана с российским государством. К торговым интересам добавлялись военные и политические. Царь Петр, еще не ставший императором Петром I, но уже разгромивший шведского короля и полководца Карла XII, стал проявлять интерес к восточным территориям, торговым путям и наличию полезных ископаемых.

В 1715 году правитель России решил отправить в Персию одного из своих доверенных лиц – Артемия Петровича Волынского (1689–1740), состоявшего при Петре Павловиче Шафирове (втором по рангу после Гаврилы Головкина дипломате петровского времени) во время Прутского похода. В 1711 году вице-канцлер Шафиров заключил с Османской империей Прутский мирный договор и затем вместе с графом М. Б. Шереметевым остался у них заложником. В октябре 1712 года все русское посольство, 205 человек, в том числе Артемия Волынского, по приказу турецкого султана Ахмеда II бросили в подвалы Семибашенного замка, прикрыв сверху решеткой, на «шести сажнях и в двадцати локтях от земли», где те «от вони и духу опасались исчезнуть». В своих воспоминаниях Волынский так описывает свои беды: «Когда я был в турках и посажен в тюрьму, отец мой, имев меня одного сына, опечалился и впал в параличную болезнь, отчего и язык отнялся у него; в то время мачиха моя, которая была весьма непотребного состояния, разорила дом весь». Поэтому Артемий Петрович (среди его приятелей был и предок А. С. Пушкина Абрам Ганнибал) был в курсе турецких нравов и непростых отношений Османской империи с Персидской державой.

Из дошедшего до наших дней текста подробных инструкций, которые царь Петр дал Волынскому – «Инструкция господину

подполковнику Артемию Волынскому. Ехать к шахову величеству Персидскому в чине его царского величества посланника и быть при нем, шаху, впредь до указа на резиденции, о чем ему дана его царского величества к нему шаху верующая грамота публичная», – очевидно, что Артемия Петровича направляли не только в качестве посланника для установления торгово-политической связи с соседским Сефевидским государством.

«Ехать к шахову величеству Персидскому в чине его царского величества посланника и быть при нем, шаху впредь до указа на резиденции, о чем ему дана его царского величества к нему шаху верующая грамота публичная».

Инструкция Петра I А. П. Волынскому для выполнения дипломатической миссии в Персии

Волынскому были даны секретные указания тщательно изучить обстановку в Персии (в том числе в Азербайджане) и позаботиться о получении русскими купцами торговых привилегий. Пункт 7 петровских инструкций посланнику гласил: «Домогаться ему, чтоб позволен был российским купцам во всей Персиде свободной торг и повелено б было покупать всякие товары, как и у него царского величества в землях. А особливо трудиться ему пристойными способами шаха склонять, чтоб во области его шаховой, в Гиляне, и в протчих провинциях позволено было российским купцам шолк-сырец покупать и в Российское государство бес препятія вывозить, в чем доньне от шаха российским купцам по проискаам армянским весьма заказно, кроме некоторых немногих особ и то знатно по подущении армянском. Також де надлежит ему, господину посланнику, стараться склонять шаха, дабы подданным его армяном жульфинцом повелено было весь свой торг с шолком-сырцом обратить проездом в Российское государство, в чем им самим по близости пути и в безопасном проезде великая будет польза».

Помимо этого, в инструкции российскому посланнику было поручено узнать о состоянии шахских крепостей и войска: «... присматривать и разведывать удобновозможными способами, однако ж со осторожностью, чтоб не подать в том суспиции сколько у шаха в его

области каких крепостей, и в которых местах, коликое число войска, конницы и пехоты, артиллерии и иного ружья, и в каком состоянии все оное и в каком надзирании те крепости, и в каком порядке войска и артиллерия и прочее обретаются и не умножают ли где оно, и тщательно ль или слабо в том всем поступают и не вводят ли европейских обычаев в войне».

«Будучи ему тамо присматривать и разведывать удобновозможными способами, однако ж со осторожностью, чтоб не подать в том суспиции, сколько у шаха в его области каких крепостей, и в которых местах, коликое число войска, конницы и пехоты, артиллерии и иного ружья, и в каком состоянии все оное и в каком надзирании те крепости, и в каком порядке войска и артиллерия и прочее обретаются и не умножают ли где оно, и тщательно ль или слабо в том всем поступают и не вводят ли европейских обычаев в войне».

Инструкция Петра I А. П. Волынскому для выполнения дипломатической миссии в Персии

Также русского царя интересовали взаимоотношения Сефевидов и владык Османской империи, о чем узнать Волынскому было указано особо: «Тако ж прилежно ему всегда разведывать и предостерегать, какое шах персидской обхождение имеет с турками и нет ли их, персов намерения против их, турков к начинанию войны, и за что оную начинать причину имеют, и сколь охотно к тому склонность их является или не желают ли они, персы, против их турок для безопасности своей с кем в союз вступить. И о всем вышеописанном, что он присмотрит и уведает, писать ему ко двору его царского величества немедленно. А сколько мочно им персом добрыми способами внушать, какие главные неприятели, они турки их государству и народу суть, и какова всем соседям от них есть опасность против того же представлять и внушать им о дружбе его царского величества и что во всяких случаях делает, с его шаховым величеством содержать добрую соседственную приязнь».

Летом 1715 года под руководством подполковника Волынского было сформировано посольство в Персию. В состав входило семьдесят два человека, в том числе крепостной астраханского коменданта М. И.

Чирикова, «зело искусный» в восточных языках Семен Аврамов (1696 года рождения), знающий персидский (вместо взятого ранее Волынским с собой переводчика, который, по его словам, оказался «дураком и пьяницей»), и британский врач Джон Белл (который оставил подробные заметки о путешествии на Восток), также сопровождающие с пушками солдаты конвоя.

Посольство везло персидскому шаху Солтану Хусейну, от царя Петра ценные подарки: ловчих птиц, соболей, «мамонтову кость». Передвигалось посольство не спеша, зиму провело в Казани и снова двинулось в путь. Доехав до Астрахани, Волынский с сопровождающими отправился морским путем в Дербент, куда прибыл 28 августа 1716 года, далее – в Ниязабад (30 августа) и Шемаху. Здесь посланник провел время с 27 сентября по 4 декабря 1716 года.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в последующем столетии сообщал русским читателям о Шемахинском ханстве следующее: «...составлявшее сначала часть Ширвана, потом сделавшееся самостоятельным, граничило на севере с Кубинским владением, на востоке с Бакинским, на юге с рекой Курой, на западе с ханством Шекинским по реке Гок-чай, имея в длину от Каспийского моря до Гок-чая около 150 верст, а с севера до реки Куры около 100 верст. По покорении Ширвана персидским шахом Измаилом Сефи в 1501 г., Ш. владение только временно выходило из-под власти персидских шахов во время войн с турками...» (С.-Пб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907).

До наших дней дошла и «Записка о встрече и выезде посланника Волынского к Шемахинскому хану». В ней подробно описаны прошедшие 30 сентября 1716 года переговоры между Волынским и ханом, и те вопросы, которые они обсуждали, а также многочисленные детали обстановки. «И как приехали на двор ханской, где у них поставлены были их солдаты с ружьем с 200 по обе стороны крыльца, также и перед крыльцом (например, как баталион де Каре в ту меру, чтоб близко к крыльцу не приехать). Однакож посланник перед ним своим велел итти и всем же, солдаты их, за которыми и сам поехал. В чем оне уступили. И, приехав... слез с лошади, потом пришел в зал (где сидит хан), который услан изрядными коврами, а остредине иной зделана фонтана. Хан сидел перед ним в месте, подле стены, а по обе стороны подле боковых стен сидели салтаны и протчие, которые было

человек с 60, а перед каждым поставлены большие мисы сахаров, по кальяну, также и перед ханом. По правую сторону подле хана одно порожнее место с подушкой, перед которым также поставлена миса с сахаром. По левую сторону хана сидел дербенский салтан, зять ево только по дале и бес подушки. И как посланник пришел к хану, тогда он недопустя сажени за две встал и поздравил посланника и просил, чтоб сел на то порожнее место. И посланник сел. Потом принесли кальян и поставили перед посланника, и подносили кофе и чай, а между чем имели разговор портикулярной, а при гем и о том хан спросил, знает ли посланник, где ныне князь Черкаской. Посланник сказал, что когда он из Астрахани суда поехал, а оной туда тог день приехал, а ныне где, не знает. Потом хан спросил, чего ради он в прошлом годе ездил и ныне поедет ли? Посланник сказал, что ездил в прошлом годе осматривать места, можно ль какую построить малую крепость ради купечества. И обыскав место, ныне едет для построения оной, что чинится с общаго согласия с ханом фидинским и с трухменцами (которым оне больше верят, а с фидинцами имеет сами частые ссоры) для лутчаго безопасения купечеству, которые у нас с теми народами, ибо желает оное купечество больше умножить, нежели прежде сего было.

«И, приехав... слез с лошади, потом пришел в зал (где сидит хан), который услан изрядными коврами, а остредине иной зделана фонтана. Хан сидел перед ним в месте, подле стены, а по обе стороны подле боковых стен сидели салтаны и протчие, которые было человек с 60, а перед каждым поставлены большие мисы сахаров, по кальяну, также и перед ханом. По правую сторону подле хана одно порожнее место с подушкой, перед которым также поставлена миса с сахаром».

«Записка о встрече и выезде посланника Волынского к Шемахинскому хану»

Хан сказал, те народы зело непостоянны и большая часть у них разбойников, того ради от них не безопасно.

Посланник сказал, что и цар. величеству известно подлинно о состоянии их и о том, что у них против их ханов живут частые бунты и того ради для опасения придается ему, князу Черкасскому, некоторые малы число войск наших.

Хан спросил: ныне при нем будет войск и какие войска, регулярные или нет? Посланник сказал: войск ныне будет с ним тысячи с три или малым больше, а из того числа половину регулярных. Хан сказал, что лучше бы туда купечество иметь чрез сухой путь, нежели чрез море, и не так бы убыточно было. Посланник сказал, что лучше бы убыточнее чрез сухой путь, нежели чрез море, и не так бы убыточно было».

«В XVIII веке получает широкое развитие торговля со странами Востока, откуда поступают китайский фарфор, персидские ткани, мебель, безделушки, определившие вкус законодателей моды».

Р. В. Захаржевская «История костюма: От античности до современности»

Весной 1717 года посольство Волынского достигло столицы Персии Исфахана. «В иранской столице Волынский начал трудные переговоры с главным фаворитом и первым вельможей шаха Султана Хусейна «эхтема девлетом» Фатх Али-ханом Дагестани, – пишет Игорь Курукин в биографии «Артемий Волынский». – С русской стороны сыпались «обнадеживания» в «крепкой его царского величества дружбе и приязни»; с персидской – восточная утонченная вежливость сменялась недипломатичным отказом в шахской аудиенции, изоляцией посла и его людей, бесконечными протокольными придирками».

4 мая 1717 года шах Султан Хусейн дал посланнику Волынскому аудиенцию в дворцовом саду, в летнем павильоне, и после исполнения традиционных дворцовых церемоний угостил обедом: пловом, фруктами и шербетом. 30 июля того же года был подписан торговый договор с Персией, который позволял русским купцам свободно торговать на всей персидской земле с уплатой обычных пошлин и давал им право закупать в любом количестве шелк без уплаты лишних сборов за вывоз, ограждал их от злоупотреблений шахских и ханских чиновников. Шелковые ткани и другие изделия были в тот время очень выгодным товаром, ведь, как отмечает в книге «История костюма: От

античности до современности» Р. В. Захаржевская, «в XVIII веке получает широкое развитие торговля со странами Востока, откуда поступают китайский фарфор, персидские ткани, мебель, безделушки, определившие вкус законодателей моды».

Текст договора, иначе «капитуляции», – тогда это слово еще не имело современного значения сдачи одного из воюющих государств, а означало всего лишь договор между государствами о правах подданных одного из них на территории другого – гласил: «Понеже прежде сего было в Персидских государствах, которые суды содержатся под властью высокоагаша, онаго высокоместнаго государя купцам в их купечестве великие обиды и налоги чинятся, того ради согласием обоих стран и презрением шахова величества постановлено: когда купцы российские во всякое время с товарами со своими в Низовую или в другие места прибудут, и тогда в тех вышеявленных купцов не задерживали и товары их не развязывали бы, ибо начальники для своих прибытков у тех российских купцов товары развязывают».

В тексте договора было подробнейшим образом расписано и то, какие меры будут приняты персидскими властями для защиты русских торговцев от воинственных кочевников и откровенных разбойников на дорогах: «Когда караван российской из Низовой в Шемаху поедут, то б на каждые на 10 верблюдов по два человека караульщиков давали и в Низовой от стороны высокоагаша несколько человек караульщиков давали б для караула, чтоб от воров остерегали бы, при которых был и один начальник, правдивый и верный, дабы в пути идучи оные караульщики и другие люди обид, налогов и нападков не чинили... Высокий указ по сему состоялся. Как караван российский поедит из Низовой в Шемаху, то б канвоев и караульщиков колико человек им потребно будет, дать на их коштах и надлежит памянутому канвою и караульщиков по их воле путешествие иметь и от всяких случаях, и от воровских людей, и от разбойников оберегать без всякой отговорки, и одного человека над ними канвоями и провожатыми учинить начальника, чтоб оный накрепко смотрел и не допускал, дабы от них кто компании российской обиды и нападки не чинились под опасением жестокого наказания. Писано месяца рамазан 1129 году, при том и печать».

«Понеже прежде сего было в Персидских государствах которые суды содержатся под властью высокоагаша, онаго

высокоместнаго государя купцам в их купечестве великие обиды и налоги чинятся, того ради согласиём обоих стран и презрением шахова величества постановлено: когда купцы российския во всякое время с товарами со своими в Низовую или в другие места прибудут, и тогда в тех вышеявленных купцов не задерживали и товары их не развязывали бы, ибо начальники для своих прибытков у тех российских купцов товары развязывают».

Торговый договор между Россией и Персией

Была оговорена и всевозможная правовая защита торговых людей по прибытии их к месту назначения, чтобы там они могли реализовать свой товар и закупить то, что намеревались везти обратно, без проблем, проволочек и вымогательства: «Как купцы с товарами в Шемаху приедут и на определенных на гостиных дворах станут, то тогда в продаже тех их товаров им никаких принятии ни чинили и не запрещали, дабы оные по своей воле продавали или на персидские товары меняли, для того, что как бегляр беги, так и другие чиновники люди у них товаров берут насильно и ценою малую дают, а иногда и без цены емлют, того ради запрещено им было, дабы таких обид и нападков не чинили. А ежели товары хотят купить, то б принуждены были надлежащую цену заплотить и взять. Також, ежели купцы российские принуждены будут в своих делах купеческих или в обидах и нападках бить челом или на кого жаловаться тутошным судьям или начальствующим людям, то б им показать правосудия, и десятыя деньги и других харчей о них не брали б, и в том им купцам никаких утратов и изъянов не чинили б, как прежде сего бывало... Как российские купцы приедут в Шемаху и им в продаже своих товаров никакого мешательства ни чинили, и надлежит поступать каждому по их воле, и с кем у них торг сойдется, то по согласию обоих сторон да торгуются. А ежели у них согласия не будет и торг не сойдется, тогда беглер бегом и другим начальникам и судьям отнюдь их не озлоблять и в том их не принуждать, и противными и лживыми коварствами или щетами им в купечестве их похищения не учинять, и когда оные будут просить о своих похищениях товаров или в других случаях, тогда беглер беги и другие судьи им всякое вспоможение показали, не пожелая от них дешеков или каких самим интересов без замедления, как проводушие

надлежит в правде без обиды их кантентовать под опасением жестокого наказания. Писано месяца рамазана 1129 года, при том и печать».

Конечно, не осталась без внимания и сфера взаимных расчетов во избежание задержки платежей: «Российские купцы всегда бывали не в малых обидах в том, что когда товаров своих продадут или когда в долг отдадут, то от персидских купцов и от других тем российским купцам немалые обиды и нападки чинили, у купцов российских товаров берут и по сие время держут и назад отдают. Того ради ныне, как сей капитуляции заключится, то по сем времени должно каждому по договору своему пороль свой воздержать тцалися денег отдавать или взятых товаров не задерживая возвращать назад, а за срок их товаров не задержали. Ежели кто за срок товаров задержит и в деньгах продолжать будет, то б оные принуждены были б на всякой месяц на 1000 тумян по одному тумяну дать процент без всякого отлагательства...»

«Российские купцы всегда бывали не в малых обидах в том, что когда товаров своих продадут или когда в долг отдадут, то от персидских купцов и от других тем российским купцам немалые обиды и нападки чинили, у купцов российских товаров берут и по сие время держут и назад отдают. Того ради ныне, как сей капитуляции заключится, то по сем времени должно каждому по договору своему пороль свой воздержать тцалися денег отдавать или взятых товаров не задерживая возвращать назад, а за срок их товаров не задержали. Ежели кто за срок товаров задержит и в деньгах продолжать будет, то б оные принуждены были б на всякой месяц на 1000 тумян по одному тумяну дать процент без всякого отлагательства».

Торговый договор с Персией

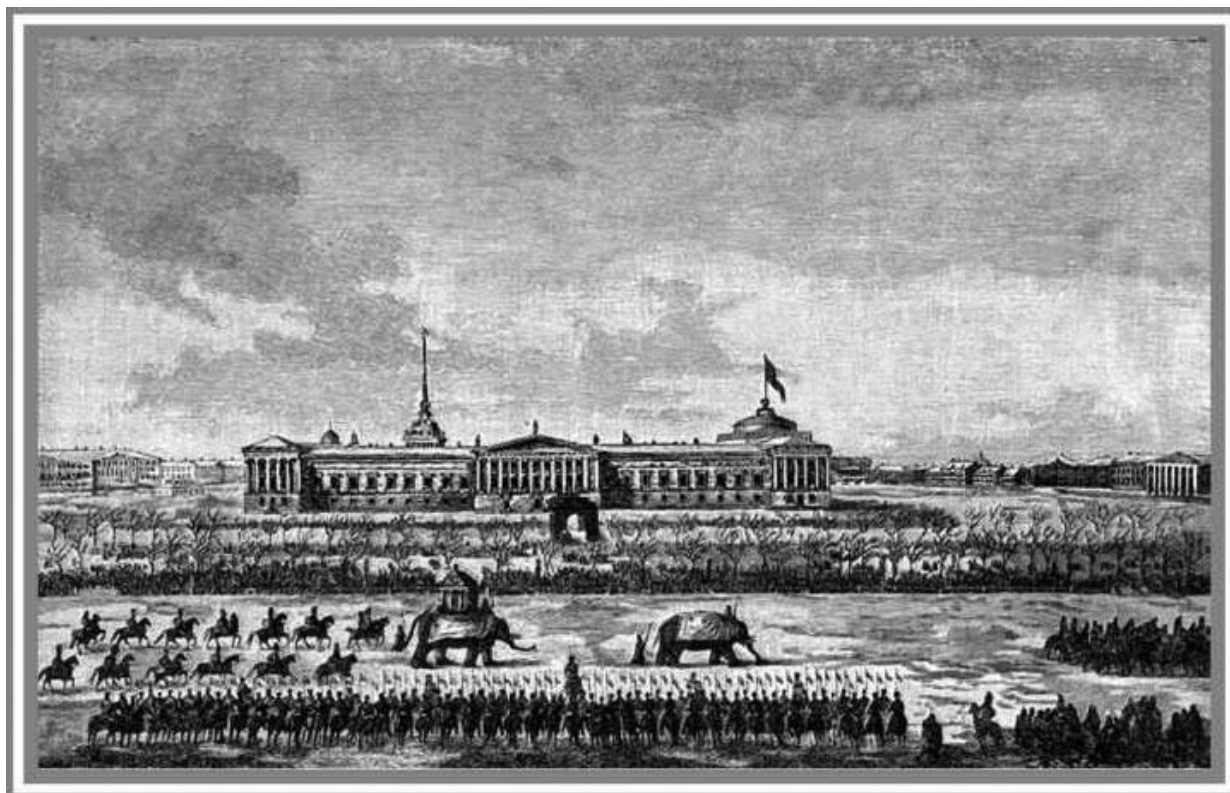
На основании этого договора через три года в Персии – в Исфахане и Шемахе – стали работать русские консулы. В их должностные обязанности входил сбор относящихся к торговле сведений, а также выдача паспортов русским подданным и заверение их обязательств, завещаний и подписанных сделок.

Перед возвращением в Россию посланник был принят шахом, который подарил ему парчовый халат и двух лошадей. Царю Петру

персидский шах передал ценные живые подарки: двух львов, двух барсов, шесть обезьян и трех попугаев. И самое главное – слона.

Слон для царя

С древнейших времен слон во многих странах считался символом непобедимой мощи и благосостояния. Слоны не только участвовали во многих великих сражениях древности, но и содержались при дворе владык, поражая своим обликом чужеземных послов и радуя местных жителей, привыкших к дружелюбию «своих» слонов.

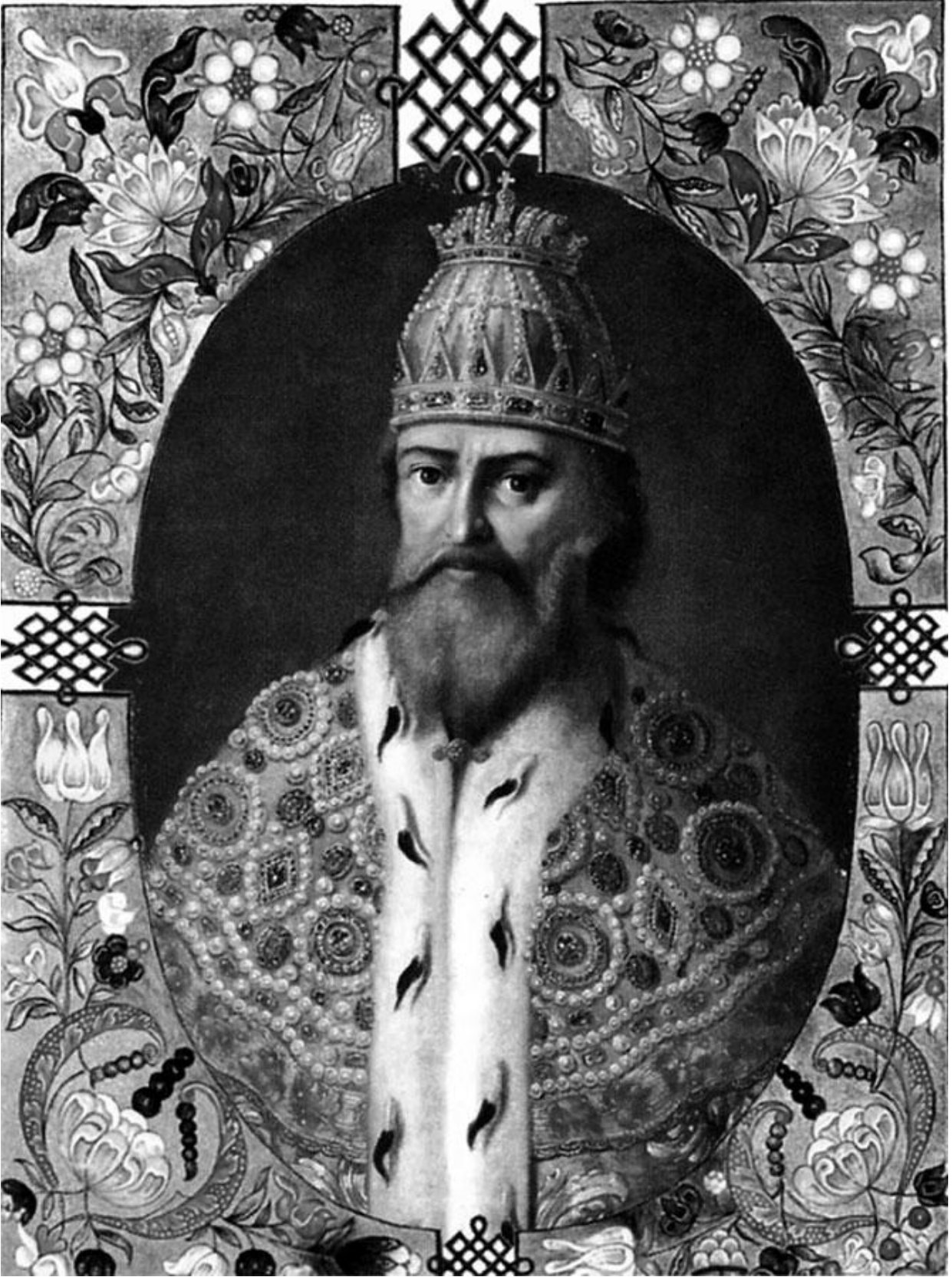

Когда же слоны появились на Руси? Одна из гипотез приписывает эту инициативу как раз Петру I, вернее, царю Петру, поскольку он тогда еще не был императором, и не было у него порядковой римской цифры. И звали его тогда традиционно, по батюшке, Петр Алексеевич.

Побывав в Европе, царь Петр (кстати, путешествовавший со своими Великим посольством, но инкогнито, дабы свободно приобщаться к зарубежным передовым технологиям) на одной из ярмарок увидел слона, и тот его так поразило исполнением различных трюков по команде дрессировщика, что государь решил непременно

завести в России такое умное и могучее животное. Прошли годы, и первый слон – из Персии – появился в новой российской столице Санкт-Петербурге.

Но в дошедших до нас записках говорится, что еще за полтора века до «петровского слона» на Руси уже жил персидский слон – его подарили первому русскому царю Ивану Грозному. Может быть, этот царь и прежде не видел слонов (и даже не мечтал получить его в подарок), но так сложилась мировая история.

В те времена Россия и Персия имели общего могущественного недруга – Османскую империю, захватывавшую все новые и новые земли. И вот в 1569 году Иван Грозный, надеясь заполучить союзника, отправил в далекую Персию (очень далекую – ведь тогда не было ни железных дорог, ни самолетов) посольство во главе со своим доверенным лицом А. А. Хозниковым. Посольство везло владыке Персии шаху Тахмаспу I необходимое для обороны страны от османов оружие – сто пушек и больше пятисот ружей.

«Тогда араба и его слона сослали в опале в посад Городецкой. Араб умер там, и великий князь послал дворянина с наказом умертвить слона при помощи крестьян... и посадских. Слон стоял в сарае, а кругом сарая был тын. Неподалеку от него схоронили араба. Тогда слон проломил тын и улегся на могиле...»

Генрих Штаден, опричник Ивана Грозного

Этот ценный оружейный дар был принят персидским шахом благосклонно и в ответ русскому царю были отправлены дорогие подарки, среди которых, конечно, выделялся слон.

История этого персидского слона может послужить сюжетом для исторического романа, полного перипетий судьбы и непоколебимой верности этого животного. В Москве слона разместили в самом центре, рядом с Кремлем – возле Никольских ворот Китай-города. Там на потеху отечественной публике был устроен зверинец, и специальный служитель – тот самый погонщик, который привел слона из Персии – заботился о нем. Но случилась беда: проблемы с продовольствием в столице вызвали массовый голод, а следом пришла эпидемия чумы. Тогда нашлись злые и невежественные люди, объявившие причиной бедствий появление слона и сопровождавших его чужеземцев. Опасаясь бунта, царь велел отправить и слона, и погонщика в ссылку. О дальнейшем немец-опричник Генрих Штаден рассказывал: «Тогда араба и его слона сослали в опале в посад Городецкой. Араб умер там, и великий князь послал дворянина с наказом умертвить слона при помощи крестьян... и посадских. Слон стоял в сарае, а кругом сарая был тын. Неподалеку от него схоронили араба. Тогда слон проломил тын и улегся на могиле...»

«...превелий слон зверь, всадника правяща его на шеи имея, при нем на нем узрети его, аки врабия; высоту бо зверя сего глаголют и видится быти аршина с полпята, имея нози длиною с человека толсты яко бревно, толстотелесен, безшерстен, великоглав, черновиден, горбоспинен, задопокляп, ступанием медведоподобен, от верхняя губы имея нос или губа или хобот, яко рукав платна висящ до земли, им же яко рукою брашно и питье приимет, и согнув в уста своя отдает. От верхних зубов два зуба велики вне торчатъ сюду и сюду, уши имея велики, яко заслоны печныя, рожки малы, подобны агнчим, хвост подобен воловьему...»

Андрей Денисов «Повесть риторическая о срете в Москве слона персидскаго»

А тому слону, который был подарен Петру I, выпала намного более благополучная участь. Первая отечественная газета «Санкт-Петербургские ведомости» подробно описывала путешествие слона «из Персиды» в Астрахань по суше и дальнейший путь, когда толпы астраханцев на протяжении десятков верст пешком провожали невиданное животное. Жители волостей, через которые проходил слон, даже получили от этого долговременную пользу – местным властям было приказано починить или выстроить заново ветхие мосты.

Этому слону посвящен интересный литературный памятник – «Повесть риторическая о срете в Москве слона персидскаго», написанная современником, а изданная в 1880 году под названием «Встреча в Москве персидскаго слона в царствование Петра I. Рассказ очевидца». Автор повести, писатель-раскольник Андрей Денисов, ученик Феофана Прокоповича, был впоследствии признан одним из самых ярких литературных деятелей эпохи Петра Великого.

«Бысть убо нынешняго (года) в третий день октября, персидскаго посла со зверьми и птицами приезд в Москву, ему же и честно славная стреча и многонародное зрение... – писал Денисов. – Понеже узресе иже николиже в Москве видесе, и увидесе чудо не во океанском, но в Московском народном мори, не бывалое зрителище – превелий слон зверь, всадника правяща его на шеи имея, при нем на нем узрети его, аки врабия; высоту бо зверя сего глаголют и видится быти аршина с полпята, имея нози длиною с человека толсты яко бревно,

толстотелесен, недалог по высоте, безшерстен, великоглав, черновиден, горбоспинен, задопкляп, ступанием медведоподобен, от верхняя губы имея нос или губа или хобот, яко рукав платна висящ до земли, им же яко рукою брашно и питье приимет, и согнув в уста своя отдает. От верхних зубов два зуба велики вне торчатъ сюду и сюду, уши имея велики, яко заслоны печныя, рожки малы, подобны агнчим, хвост подобен воловьему...»

При этом очевидец усматривает в небывалом диве, представшем глазам москвичей, и глубокий философский смысл, особенно в том, сколь мирно и степенно огромный зверь шествовал среди густой толпы «ниже бо народи далече убешати могуще, ниже зверя потопта или досади кого, но абие не вредя людей, обратяся водим всадником, в путь свой идяше. Тако сие чудо, народы окружаемо, с покровов и с высот зремо и удивляемо, в Москву вниде. Сице с славою и честью посол во уготованный ему дом в вечер глубок прииде...»

В Санкт-Петербурге Петр распорядился разместить слона в одном из собственных своих домов, а потом был выстроен «Слоновый двор». Были приняты меры по защите слона от холода российских зим – изготовили теплую меховую попону на суконной подкладке, не забыв и специальный капюшон на хобот, назначили истопника и служителей для ежедневной доставки дров. «Ведомости» сообщали, что слону назначено официальное довольствие: рацион его составлял ежедневно 50 фунтов риса и кукурузы, «в летнее время воз травы; в зимнее время по 5 пудов сена и тростнику», а также очень дорогой в те времена сахар и лучшие специи, включая даже шафран.

«Великими богатствы от шаха одарен...»

1 сентября 1717 года посольство Артемия Волынского покинуло персидскую столицу, оставив только при шахском дворе Семена Аврамова. В его обязанности входило собирать сведения, относящиеся к торговле с Россией, и опекать купцов. Также Аврамов должен был своевременно сообщать российскому начальству обо всех важных событиях, происходящих в Персии.

В своих записках Волынский отмечал, что «Во всей Персии я почитаю лутчие провинции, начав от границы турецкой, Эривань и Тебриз, которые не безхлебные бывали, тако ж и комерциею немалой интерес Персии приносят, ибо великие караваны турецкия (по несколько сот верблюдов) для купечества туда приходят, а большая часть привозит серебра (нежели иных товаров), которые в Тебризе турецкие купцы сами отдают мастерам переделывать персидскую монету, и потом на готовые деньги, какие товары хотят, в Персии покупают, паче же сырец шолк... провинции, лежащие подле Каспийского моря, Ширванская и Гилян, ис которых великая польза персиянам. И где я ни был, но прибыточнее оных не видел...» В Ширване же «жилых мест не мало и многолюдно и во всем довольствие и имеют, понеже земля зело плодоносна и множество родитца хлеба (которым и другие многие места довольствуютца), виноградов и протчих изрядных фруктов, каких я и в Турецкой области не видал; также и лесов довольно, а особливо около моря. К тому ж зело много диких изрядных зверей и птиц; также и скотом довольны и рыбами, а особливо лутчей интерес их шолк, которого довольно везде родитца и редкая деревня, где бы не было толковых заводов, как около моря, так и до самой реки Кура». Описывая Гилян, Волынский отмечает, что «здешний шолк выше протчих... Шолку... зело оного родитца много, с которого только одних пошлин (как слышал я сам от эхтадевлета шахова) собирается в казну шахову до 900 000 рублей, кроме иных доходов. Также и пшена зело много родитца и такова во всей Персии нет, откуда весь дом шахов довольствуетца».

«Во всей Персии я почитаю лутчшие провинции, начав от границы турецкой, Эривань и Тебриз, которые не безхлебные бывали, тако ж и комерциею немалой интерес Персии приносят, ибо великие караваны турецкия (по несколько сот верблюдов) для купечества туда приходят, а большая часть привозит серебра (нежели иных товаров), которые в Тебризе турецкие купцы сами отдают мастерам переделывать персидскую монету, и потом на готовые деньги, какие товары хотят, в Персии покупают, паче же сырец шолк... провинции, лежащие подле Каспийского моря, Ширванская и Гилянъ, и с которых великая польза персиянам».

Артемий Вольтер

Посольство покинуло персидские земли в мае 1718 года, причем большинство трудностей передвижения было связано именно с доставляемым царю Петру зверинцем – только довольствие слона

обошлось посланнику почти в тысячу рублей. А это были по тем временам огромные деньги. Но зато насчет крепостей Волынский рапортовал начальству, «Сколько я персидских мест видел – нет крепости ни одной». Невысоко Волынский оценивал и шахских приближенных, и персидскую армию. Описание Артемия Волынского, позже вошедшее в архивы под названием «Журнал русского посланника А. П. Волынского», дошло до наших дней.

Поспешая из Персии в новую российскую столицу с докладом и дарами для царя, Волынский загонял лошадей (в одной из жалоб на посланника говорится, что он не удовольствовался полученными от коменданта города Петровска 250 подводами, и требовал еще 200 подвод!), но его обгоняли слухи, что посольство из Персии возвращается с «великими богатствами от шаха одарен», хотя Волынский и отрицал это...

Восточные перспективы

Известный российский историк Сергей Соловьев в своем фундаментальном труде «История России с древнейших времен» (том XVIII) пишет, что «Волынский продолжал писать Петру о необходимости действовать в Персии и на Кавказе вооруженною рукою, а не политикою. Как видно, в Петербурге внушено было Волынскому, что до окончания шведской войны трудно начать непосредственно войну персидскую, но что он может ускорить распадение Персии поднятием зависевших от нее народов кавказских; 15 августа Волынский писал царю: «Грузинский принц (Вахтанг) прислал ко мне и к сестре своей с тем, чтоб мы обще просили о нем ваше величество, дабы вы изволили учинить с ним милость для избавления общего их христианства, и показывает к тому способ: 1) чтоб ваше величество изволили к нему прямо в Грузию ввести войск своих тысяч пять или шесть и повелели засесть в его гарнизоны, объявляя, что он видит в Грузии несогласие между шляхетством; а ежели войска ваши введены будут в Грузию, то уже и поневоле принуждены будут многие его партию взять. 2) Чтоб для лучшего ему уверения изволили сделать десант в Персию тысячах в десяти или больше, чтоб отобрать у них Дербент или Шемаху, а без того вступить в войну опасен. 3) Просил, чтоб изволили сделать крепость на реке Тереке между Кабарды и гребенских козаков и посадить русский гарнизон для свободной с Грузиею коммуникации и для его охранения. И как видится, государь, по моему слабому мнению, все его предполагаемые резоны не бессильны. Вахтанг представляет о слабом нынешнем состоянии персидском, и какая будет вам собственная из оной войны польза, и как персияне оружие вашему противиться не могут; ежели вы изволите против шаха в войну вступить, он, Вахтанг, может поставить в поле своих войск от 30 до 40000 и обещается пройти до самой Гиспагани...»

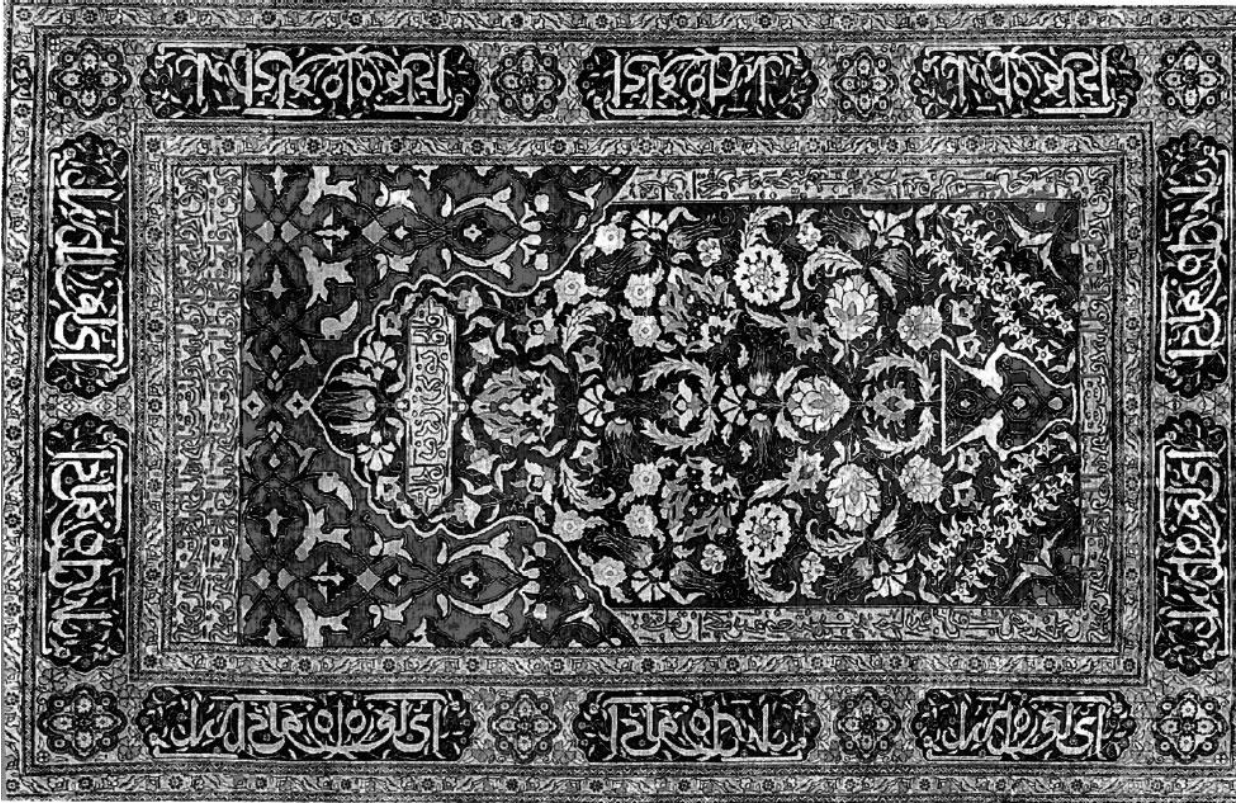
Царь Петр I оказался доволен деятельностью посольства в Персии, и в марте 1719 года Артемий Волынский был произведен в полковники

и назначен начальником только что основанной Астраханской губернии.

Многим «птенцам гнезда Петрова» после победы над Швецией стало казаться, что восточные империи – соседи России – теперь должны признать ее силу и возросшую роль на Востоке. Артемий Волынский был одним из советчиков Петра I – сторонников организации Персидского похода (и его участником), и в подведомственной ему Астраханской губернии он сделал немало приготовлений к предстоящей войне с Персией.

Через несколько лет, казалось, уже достигнув почти самых вершин власти, Волынский был низвергнут недругами, арестован, допрошен и 27 июня 1740 года публично казнен.

При обыске имущества в кабинете министра Волынского было найдено и много персидских вещей: убранный персидским коноватом (разновидность шелковой ткани) «угловая зала», персидские ковры, две пары персидских башмаков, подвеска персидская золотая с жемчужными зернами «бурмицкими», халат «шахов верхней» парчовый с золотыми кистями и шнурками, «завой» с персидской чалмы, персидские «генжинские», гилянские, казвинские, «ордевинские», шемахинские и другие монеты, хранившиеся в двенадцати мешочках, бумажных пакетах и глиняной кубышке (Волынский был нумизматом) и даже две персидские пищали.

Закат эпохи Сефевидов

Солтану Хусейну I, царствовавшему с 1694 по 1722 год, выпало стать фактически последним правителем Персии из династии Сефевидов. Хотя после него титул шаха носили еще несколько представителей этого рода, но их правление было большей частью номинальным. Его отец, шах Сулейман, говоря о выборе наследника, указывал, что для спокойной жизни царедворцам имеет смысл поддержать его старшего сына, а это был как раз Солтан Хусейн. Но ради укрепления могущества державы было бы лучше, если бы корона перешла к младшему сыну Сулеймана по имени Аббас. Однако приближенные предпочли Солтана Хусейна.

Ему довелось взойти на престол в непростое время, когда от правителя требовалась твердая воля и умение стратегически мыслить. Начались беспорядки в нескольких провинциях, арабийские пираты нападали на принадлежащие Персии острова, и в довершение всего началась эпидемия чумы. Но шах Солтан Хусейн редко пытался побороть искушение передать заботы о решении государственных дел не только своим вельможам, но и родной тетушке, которая была весьма властолюбивой особой.

Это не принесло стране благоденствия, а правителю славы. Солтан Хусейн получил прозвище «Очень хорошо!», поскольку именно этими словами он торопливо одобрял представляемые ему проекты указов. И при всем этом он вошел в историю как тот, кто не смог со всей ответственностью отнестись к государственным обязанностям. Но ему довелось пережить нашествие удачливых завоевателей, плен и страшный момент, когда афганский эмир Мир Махмуд-хан приказал убить всю его семью. Солтан Хусейн спас тогда двух маленьких сыновей, но сам был ранен.

Этому предшествовало состоявшееся 8 марта 1722 года около селения Гулнабад, в окрестностях Исфахана, решающее сражение между вторгшимися афганцами и персидской армией. Войска Солтана Хусейна имели превосходство по численности и вооружению, но разногласия между военачальниками стали причиной тяжелого поражения. Шах с остатками армии отступил к Исфахану, где и был осажден противником. Сын шаха Тахмасп-мирза смог пробраться

сквозь кольцо осаждающих и поспешил в Мазандаран, надеясь собрать там войска для освобождения столицы от осады.

Но 22 октября 1722 года Исфахан был занят армией Мир Махмуда, который провозгласил себя новым шахом Персии. Тем же титулом именовал себя Тахмасп-мирза, который попросил помощи у российского императора Петра I. В 1722–1723 годах части русской армии заняли города Дербент, Баку и Решт, взяв под контроль Дагестан и Северный Азербайджан. Были взяты и другие города. В сентябре 1723 года в Санкт-Петербурге был подписан договор, по условиям которого к Российской империи отошли Дербент, Баку, Решт, провинции Ширван, Гилян, Мазендеран и Астрабад.

«Мое слабое мнение доношу по намерению вашему к начинанию, законнее сего уже нельзя и быть причины: первое, что изволите вступить за свое; второе не против персиян, но против неприятелей их и своих...»

Артемий Вольнский – Петру I

Персидский поход

Поводом к вторжению русских в Персию стали действия лезгинского князька Дауд-бека и казы-кумыцкого князька Суркая. 21 июля 1721 г. Дауд-бек и Суркай подошли к городу Шемахе, 7 августа взяли город и стали грабить и жечь богатые дома. Русские купцы, обнадеженные завоевателями, что их грабить не будут, оставались спокойны. Однако вечером того же дня около четырех тысяч вооруженных лезгин и кумыков напали на русские лавки в гостином дворе, приказчиков разогнали саблями, а некоторых и побили, товаров же разграбили на 500 тысяч рублей. Один только Матвей Григорьев Евреинов – богатейший в России купец – понес убытки на 170 тысяч рублей и вконец разорился.

Волынский немедленно отписал царю: «Мое слабое мнение доношу по намерению вашему к начинанию, законнее сего уже нельзя и быть причины: первое, что изволите вступить за свое; второе не против персиян, но против неприятелей их и своих; к тому ж и персиянам можно предлагать (ежели они бы стали протестовать), что ежели они заплатят ваши убытки, то ваше величество паки их отдать можете (т. е. завоеванное), и так можно пред всем светом показать, что вы изволите иметь истинную к тому причину. Также мнится мне, что ранее изволите начать, то лучше и труда будет меньше».

В декабре 1721 года Петр отвечал Волынскому: «Письмо твое получил, в котором пишете о деле Дауд-бека и что ныне самый случай о том, что вам приказано предуготовлять. На оное ваше мнение отвечаю, что сего случая не пропустить зело то изрядно, и мы уже довольную часть войска к Волге маршировать велели на квартиры, отколь весною пойдут в Астрахань. Что же пишете о принце грузинском, оного и прочих христиан, ежели кто к сему делу желателен будет, обнадеживайте, но чтоб до прибытия наших войск».

Ранее оставленный в Исфахане Аврамов на родину вернулся в начале 1718 года. Но затем – поскольку знатоков Персии (да к тому знающих язык!) было немного – Семена отправили обратно, на этот раз консулом в Исфахан. В Шемахе был назначен консулом А. Баскаков. Перед обоими русскими консулами в Персии была поставлена задача узнать, «коликое число в тех провинциях купечества и поселян, и от

чего болше пожитки имеют, и в чем их интерес состоит, и что с них собираетца шаху в год доходов». До наших дней дошли сведения о прибытии Семена Аврамов в октябре 1721 года в Гилян, а через несколько месяцев он отправился в Казвин.

«Письмо твое получил, в котором пишете о деле Даудбека и что ныне самый случай о том, что вам приказано предуготовлять. На оное ваше мнение отвечаю, что сего случая не пропустить зело то изрядно, и мы уже довольную часть войска к Волге маршировать велели на квартиры, отколь весною пойдут в Астрахань».

Петр I – Артемию Вольнскому

Именно Семену Аврамову прибывший в июле 1722 года перед Персидским походом в Астрахань Петр I отправил инструкции, дабы тот объяснил шаху, что русская армия пересекла границу не для того, чтобы воевать с Персией, а лишь «для искоренения бунтовщиков, которые нам обиду сделали». Российский император предлагал владыке Персии свою военную помощь в изгнании его недругов при условии передачи Российской державе «некоторых по Каспийскому морю лежащих провинций».

Уже находясь с этим посланием по пути в Исфахан, русский консул узнал об отречении шаха Салтана Хусейна от престола – тот, как уже отмечено выше, уступил корону вождю вторгшихся в Персию афганцев Мир Махмуду. Но Семен Аврамов решил передать предложение Петра I не Мир Махмуду (по всей видимости, не надеясь на его длительный успех), а сыну прежнего шаха, в Казвине провозгласившему себя шахом Тахмаспом II.

«Во время персидского похода Петр не терял надежды на успех. Во время одной из поездок по побережью капитан Федор Соймонов убеждал государя, что в Китай и Америку российским морякам и купцам «много б способнее и безубыточнее» плавать с берегов Камчатки. Но император торопился получить доступ к богатствам Востока через Каспий, а потому ответил: «Знаешь ли, что от Астрабата до Балха и до Водокшана... и на верблюдах только 12 дней ходу?»

А там во всей Бухарии средина всех восточных комерцей. И видишь ты горы? Вить и берег подле оных до самага Астрабата простирается. И тому пути никто помешать не может».

Игорь Курукин «Артемий Волынский»

15 июля 1722 года Петр издал «Манифест к народам Кавказа и Персии», в котором говорилось, что «подданные шаха – лезгинский владелец Дауд-бек и казыкумский владелец Сурхай – восстали против своего государя, взяли приступом город Шемаху и совершили грабительское нападение на русских купцов. Ввиду отказа Дауд-бека дать удовлетворение принуждены мы... против предреченных бунтовщиков и всезлых разбойников войско привести». Манифест написал князь Дмитрий Кантемир, который хорошо владел персидским, а также и турецким языком. Он даже изготовил соответствующий шрифт и напечатал в походной типографии этот манифест.

Тahмасп-мирза сам обратился за помощью уже на правах законного наследника персидского престола, поэтому персидский поход был продолжен, хотя Петр имел виды и на деловую его полезность. «Во время персидского похода Петр не терял надежды на успех, – отмечает в книге «Артемий Волынский» Игорь Курукин. – Во время одной из поездок по побережью капитан Федор Соймонов убеждал государя, что в Китай и Америку российским морякам и купцам «много б способнее и безубыточнее» плавать с берегов Камчатки. Но император торопился получить доступ к богатствам Востока через Каспий, а потому ответил: «Знаешь ли, что от Астрабата до Балха и до Водокшана (Бадахшана. – Прим. авт.) и на верблюдах только 12 дней ходу? А там во всей Бухарии средина всех восточных комерцев. И видишь ты горы? Вить и берег подле оных до самого Астрабата простирается. И тому пути никто помешать не может».

Петр произвел Матюшкина в генерал-лейтенанты. 17 сентября царь писал новому генерал-лейтенанту: «Поздравляю со всеми провинциями, по берегу Каспийского моря лежащими, понеже посол персидский оные уступил».

Договор был подписан в Петербурге 12 сентября 1723 г. и состоял из следующих главных статей:

«1. Его императорское величество всероссийский обещает его шахову величеству Тахмасибу добрую и постоянную свою дружбу и высоко-монаршеское свое сильное вспоможение против всех его бунтовщиков и для усмирения оных и содержания его шахова величества на персидском престоле изволит, как скоро токмо возможно, потребное число войск в Персидское государство послать, и против тех бунтовщиков действовать, и все возможное учинить, дабы оных ниспровергнуть и его шахову величество при спокойном владении Персидского государства оставить.

2. А насупротив того его шахову величество уступает императорскому величеству всероссийскому в вечное владение города Дербень, Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, такожде и провинции: Гилян, Мазандеран и Астрабат, дабы оными содержать войско, которое его императорское величество к его шахову величеству против его бунтовщиков в помощь посылает, не требуя за то денег».

«Его императорское величество всероссийский обещает его шахову величеству Тахмасибу добрую и постоянную свою дружбу и высоко-монаршеское свое сильное вспоможение против всех его бунтовщиков и для усмирения оных и содержания его шахова величества на персидском престоле изволит, как скоро токмо возможно, потребное число войск в Персидское государство послать, и против тех бунтовщиков действовать, и все возможное учинить, дабы оных ниспровергнуть и его шахову величество при спокойном владении Персидского государства оставить».

Русско-персидский мирный договор 1723 г.

Однако договор хоть и был подписан, но обеспечение его соблюдения было совсем не простым делом. «Тем не менее для

удержания прикаспийских областей...требовались большие силы, – отмечает Александр Широкопад в книге «Персия – Иран. Империя на Востоке». – Так, в 1729 г. там дислоцировалось 17 пехотных и 7 конных полков. Кроме того, имелись иррегулярные конные отряды из грузин, армян и горных черкесов. Несмотря на смерть Петра I, русские войска не ушли с южного побережья Каспия. Алексашка Меншиков, правивший от имени Екатерины I, приказал генерал-лейтенанту Матюшкину вновь двинуться в Персию. В 1725 г. русские войска заняли Астрабад и Торку. После этого шах был вынужден ратифицировать договор 1723 года».

Пушкин о Персидском походе Петра Великого

Александр Сергеевич Пушкин собирался написать «Историю Петра», посвященную одному из самых драматических периодов отечественной истории. До наших дней дошли лишь подготовительные тексты, при жизни Пушкина ничего из них так и не было напечатано. Первый отрывок был опубликован в 1855 году, а полностью – лишь в выпущенной к столетию гибели поэта десятом томе шестнадцатитомного собрания сочинений Пушкина. Второе издание, в которое был внесен важный ряд исправлений и уточнений, вышло в свет в 1958 году. В тексте Пушкина-историка есть и строки, посвященные истории Персии и персидско-российских отношений.

«Гусейн шах в то время тиранствовал, преданный своим евнухам, изнеможенный вином и харемом. Бунты кипели около него, – писал в набросках Пушкин. – В поминутных мятежах истребился род Софии. На отдаленных границах Персии, близ Индии, кочевал дикий и воинственный народ: авганцы, происшедшие из Ширвана, близ Касп. <ийского> моря... Мирвейс, происшедший из их рода, умел при дворе шаха снискать его доверенность, и он был назначен глав.<ным>

начальником над своими единоплеменниками во время наместничества Мансур-хана. Несколько времени после Мирвейс возмутился... истребил всех персиян, находившихся в Авганской земле, и объявил себя кандагарским ханом. Шах посылал противу мятежника свои войска. Они были разбиты, и Мирвейс умер <в> 1717 году, быв спокойным властителем похищенной области. Мир-Махмуд, сын его, ему наследовал. В 1720 году он с 15,000 авганцев вторгнулся в Персию и, вскоре умножа свое войско 60,000, пошел прямо на Испагань. Испуганный шах отправил к Петру 3-х посланников, одного за другим...»

«Наследником избран второй сын, Тахмасиб (или Тахмас). Он успел с 500 воинами пробиться сквозь осаждающих Испагань и поспешил в окрестных областях набрать войско для освобождения столицы. Тогда-то Петр прибыл в Астрахань. Устрашенные мятежники Дауд-бег и Сурхай искали покровительства Порты, обещая ему за то области, близ Касп.<ийского> моря лежащие...»

А. С. Пушкин

Далее поэт намеревался описать мятеж Дауд-бека и Сухрая, а также историю выбора наследника шаха Солтана Хусейна. «У шаха были 3 сына и дочь. Старший Мирза-Зефи был его любимец. Шах взял его из харема и сделал его своим наместником. Евнухи, опасаясь деятельности и властолюбия молодого человека, нашли способ его низвергнуть. Мирза-Зефи по повелению отца был заключен в темницу и ослеплен. Наследником избран второй сын, Тахмасиб (или Тахмас). Он успел с 500 воинами пробиться сквозь осаждающих Испагань и поспешил в окрестных областях набрать войско для освобождения столицы. Тогда-то Петр прибыл в Астрахань. Устрашенные мятежники Дауд-бег и Сурхай искали покровительства Порты, обещая ему за то области, близ Касп.<ийского> моря лежащие...»

По словам Пушкина, именно перспектива вмешательства в ситуацию османов заставила Петра поспешить с организацией похода, ускорив его начало на целый год. «25 июня Петр писал к Сем.<ену> Аврамову, консулу в Испагани, чтоб он с шахом вступил в переговоры и предложил ему помощь с тем, чтоб близ-каспийские области были ему уступлены». Причем поэт приводит распоряжения императора относительно того, чтобы во время похода войска не причиняли вреда местному мирному населению.

Надир-шах: путь к престолу

22 апреля 1725 года Мир Махмуд был убит заговорщиками, во главе которых находился его двоюродный брат Мир Ашраф-хан. Он и завладел тронном. Но с другой стороны Персии угрожала Османская империя, двинувшая свои войска в пограничные районы. Летом 1723 года турки вошли в Восточную Грузию и Восточную Армению, взяв Тифлис и Ереван. В 1724–1725 гг. османы захватили города Мераге, Хой, Нахичевань, Ордубад, Тебриз, Ганджа и Ардебиль, а также провинцию Луристан, города Нехавенд, Казвин и Хамадан.

Осенью 1726 года багдадский наместник Ахмед-паша привел войска к Исфахану и заявил в письме к Ашраф-хану, что намерен вернуть престол законному правителю. Ашраф-хан приказал убить Солтана Хусейна, пообещав Ахмад-паше «полное удовлетворение на острие своего меча и копья».

Принц Тахмасп-мирза был признан как Российской империей, так и османами законным наследником своего отца – шахом Тахмаспом II. Он обосновался в Астрабаде, а в 1726 году его главным военачальником стал выходец из кызылбашского племени афшар по имени Надир, назначенный наместником Мазандарана и Хорасана и принявший титул Тахмасп-кули хан. Осенью 1729 года он разгромил Мир Ашрафа, изгнав его из Исфахана. Тахмасп II вернулся в столицу и был коронован. На следующий год Надир-хан вытеснил османов из Керманшаха и Южного Азербайджана.

Но потом Тахмасп II решил самостоятельно начать новые военные действия против турок и был ими разгромлен так, что заключил мирный договор, по которому уступал все земли до реки Аракс. Надирхан потребовал от султана возвратить все занятые земли, а сам с войском явился в Исфахан и сверг шаха Тахмаспа. Правителем был провозглашен его сын-младенец Аббас III. В 1740 году по приказу хорасанского наместника Риза-Кули-мирзы, старшего сына Надиршаха, Тахмасп был убит в заключении в Себзеваре.

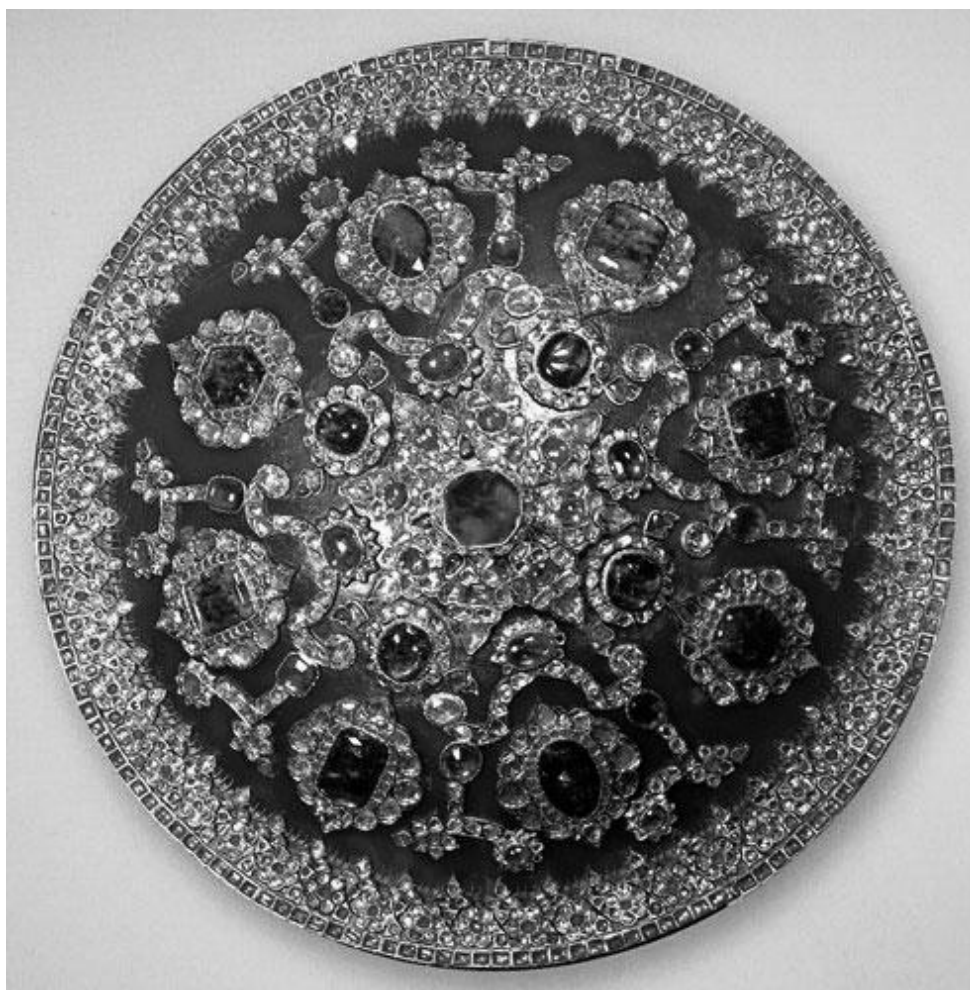

«Надир после изгнания турок расположился лагерем в местности, называемой Муганом (степь между Курой и Араксом). Здесь он, разослав людей, собрал всех правителей и вельмож персидских и на торжественном собрании выступил со следующей речью: «Ведомо ли вам, ради чего я созвал вас? Вот который уже год я ради вас не выпускаю из руки меча и сумел изгнать из нашей страны врагов ваших, вырвав из их рук все города нашего царства персидского, и сейчас, завершив все, я вернулся, явившись сюда. и вот после того, как покорил всех врагов и установил незыблемый мир, надлежит вам возвести на престол царя...» И они все совместно написали грамоту и скрепили печатью, что Кулихан – наш царь и нет у нас иного царя, кроме него...»

Абраам Ереванци

Армянский историк XVIII века Абраам Ереванци так описывает восхождение Надир-шаха на престол: «Надир после изгнания турок расположился лагерем в местности, называемой Муганом (степь между Курой и Араксом). Здесь он, разослав людей, собрал всех правителей и вельмож персидских и на торжественном собрании выступил со следующей речью: «Ведомо ли вам, ради чего я созвал вас? Вот который уже год я ради вас не выпускаю из руки меча и сумел изгнать из нашей страны врагов ваших, вырвав из их рук все города нашего царства персидского, и сейчас, завершив все, я вернулся, явившись сюда. И вот после того, как покорил всех врагов и установил незыблемый мир, надлежит вам возвести на престол царя...» И они все совместно написали грамоту и скрепили печатью, что Кули-хан – наш царь и нет у нас иного царя, кроме него, вручили ему грамоту, устроили ему торжество воцарения, продолжавшееся много дней, и сделали его царем». Ереванци, по мнению современных исследователей, был прямым очевидцем многих событий. Простота языка, которым написана книга «История персидского царя» (впоследствии получила название «История войн 1721–1736 гг.» и была издана на армянском языке в 1938 году и годом позже на русском), а также очевидные познания автора в военном деле наводят на мысль, что он был либо

купцом, постоянно следовавшим за армией, либо воином – участником боевых действий. Единственная рукопись книги, где описано завоевание афганцами Исфахана, падение государства Сефевидов, войны 1725–1736 годов между Османской империей и Персией, хранится в армянском монастыре на острове Сан-Ладзаро, рядом с Венецией.

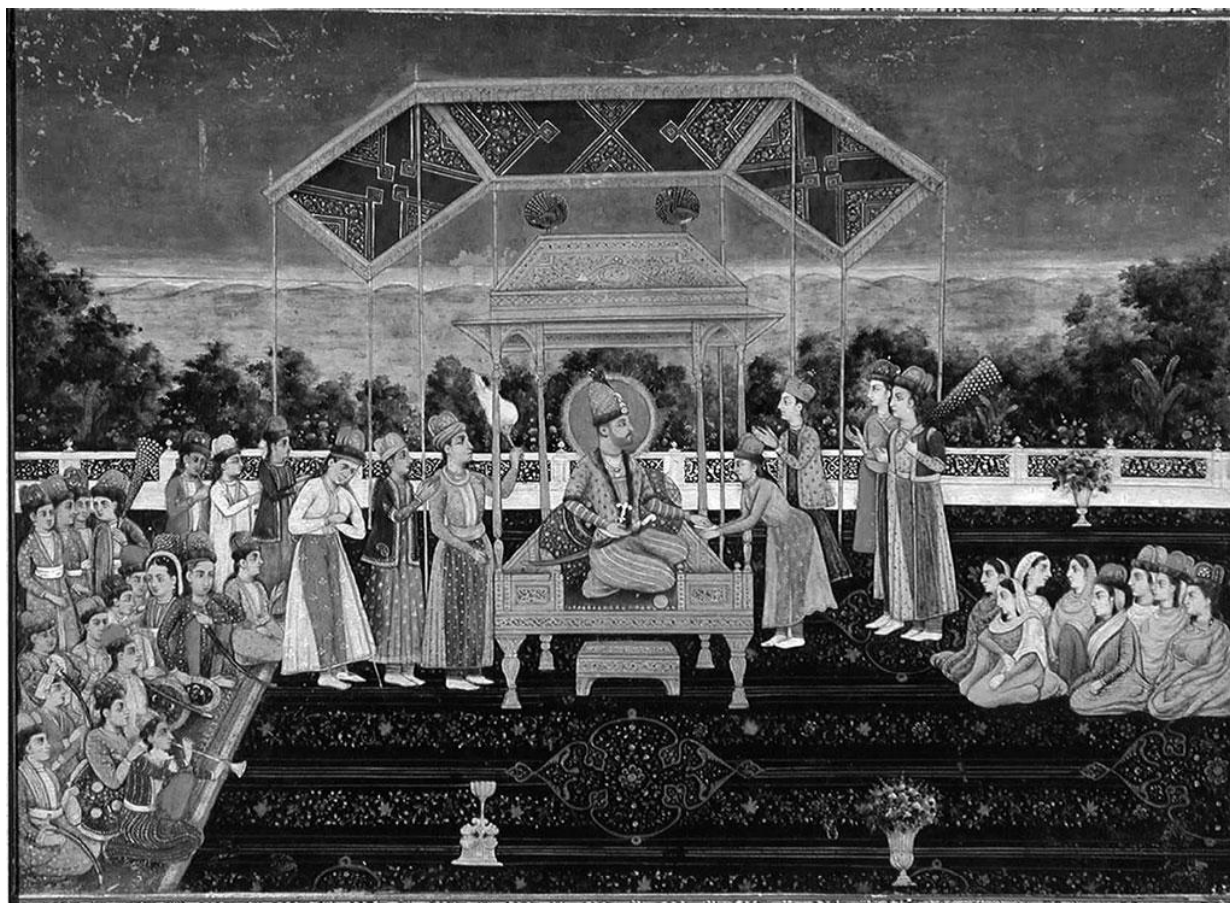
«Захватив Иран и утвердив свою власть, он заодно изгнал захватчиков: с одной стороны – османов, у которых в 1732 г. отобрал Месопотамию и которых вынудил в 1736 г. подписать мир, восстанавливавший границы 1639 г., с другой стороны – русских, которых в 1738 г. вытеснил из Армении и Азербайджана, – пишет Жан-Поль Ру в книге «История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней». – Более того, он совершил молниеносные рейды на Согдиану и Хорезм, где подчинил оба ханства – Бухарское и Хивинское, в 1739 г.

ходил на Индию и дошел до самого Дели, откуда несметную добычу, в числе которой всегда упоминают знаменитый «Павлиний трон»...»

«Павлиний трон» и «Гора света»

«Павлиний трон» Великих Моголов получил свое название из-за изображенных на его спинке фигур двух павлинов с раскрытыми веерами хвостов из золота, алмазов, рубинов, изумрудов и крупных жемчужин. Сам трон был изготовлен из чистого золота и расписан цветной эмалью. Спинку трона венчал уникальный бриллиант «Кох-и-Нур» – в переводе «Гора света».

Сокровища великих владык во все века будоражили воображение, об убранстве парадных дворцовых залов слагали легенды сказители и писали в своих книгах путешественники. «Над троном размещался балдахин, сделанный из золота и ляпис-лазури, где были изображены небо и звезды, знаки зодиака и семь видов погоды, а также цари в различные моменты жизни – на пиру, в сражении или на охоте. Имелся также механизм, который указывал время дня...»

По преданию, камень «Гора света» получил это название после того, как прославленный персидский полководец и правитель Надир-шах захватил столицу Моголов. Иногда камень называют «Великий Могол». Он был добыт в Голконде, первоначально весил 780 карат. В данное время является собственностью королевской семьи Великобритании. У него есть близкий «родственник» – «Дарья-и-нур» («Море Света») – бриллиант, хранящийся у шахов Ирана (в Индии его захватил Надир-шах, как и «Горную Луну», похищенную им, а ныне украшающую корону русского царя).

«Захватив Иран и утвердив свою власть, он заодно изгнал захватчиков: с одной стороны – османов, у которых в 1732 г. отобрал Месопотамию и которых вынудил в 1736 г. подписать мир, восстанавливавший границы 1639 г., с другой стороны – русских, которых в 1738 г. вытеснил из Армении и Азербайджана. Более того, он совершил молниеносные рейды на Согдиану и Хорезм, где подчинил оба ханства – Бухарское и Хивинское, в 1739 г. ходил на Индию и дошел до самого Дели, откуда несметную добычу, в числе которой всегда упоминают знаменитый «Павлиний трон»...»

Жан-Поль Ру

«Кох-и-нур» был преподнесен Бабуру в после прибытия в Агру его сыном Хумаюном. Этот камень был передан сыну владыки семьей раджи Гвалиора, которая в то время укрылась в крепости Агры и была взята Хумаюном под свою защиту. По словам Бабура, «Хумаюн передал его мне, когда я приехал в Агру. Я просто вернул ему камень», хотя он уже подсчитал, что стоимости сокровища достаточно для «пропитания на два с половиной дня для всего мира».

Затем драгоценный камень оказался в Персии – его передал Хумаюн шаху Тахмаспу. Владыка Персии отправил его в подарок Низам-шаху в Декан, а затем бриллиант снова оказался в сокровищнице Великих Моголов – у императора Шах Джахана. Но после того, как в 1739 году Дели был захвачен персидским владыкой Надир-шахом, ему достались многие драгоценности. Он сумел завладеть «Павлиньим трон», но там уже не было знаменитого алмаза. Вездесущие шпионы

донесли владыке, что алмаз надо поискать в тюрбане побежденного правителя Шаха Рангила. Во время пира Надир Шах предложил тому в знак мира и дружбы обменяться тюрбанами...

Вскоре победитель поспешил в свои покои, где собственноручно размотал тюрбан и, увидев сияющий камень, воскликнул: «Гора света!». По словам Тавернье, французского ювелира и путешественника, «Кох-и-Нур» имел вес 420 карат и был огранен в форме розы для того, чтобы наилучшим образом представить игру световых лучей.

Дальше, как пишет Гаскойн Бэмбер, «от внука Надир-шаха он перешел к царствующей фамилии в Кабуле, от них – к Раджиту Сингху,

знаменитому сикхскому правителю Пенджаба, а когда Пенджаб был в 1849 году аннексирован британцами, камень передали верховному комиссару сэру Джону Лоуренсу, который был столь очевидно не заинтересован в приобретениях для империи, что шесть недель таскал драгоценность в жилетном кармане, позабыв о ней. Наконец камень был отправлен им королеве Виктории и прибыл как раз вовремя, чтобы стать главным экспонатом Великой выставки 1851 года и попасть потом в лондонский Тауэр, из которого ничто не исчезает».

Во время междоусобиц, после гибели Надир-шаха в 1747 году, «Павлиний трон» был похищен из Хорасана и разделен на отдельные части. Но считается, что некоторые подлинные элементы его были потом вмонтированы в «Солнечный трон», иногда также именуемый Павлиньим, трон персидских шахов из династии Каджаров. В настоящее время он украшает экспозицию музея в Тегеране.

Мирный договор о Каспийском побережье

О том, как Российская империя предпочла вернуть земли у берега Каспийского моря, существуют достаточно подробные документальные сведения. В 1733–1734 гг. в Польше Станислав Лещинский попытался завладеть престолом, чтобы возродить, как он надеялся, могущество Речи Посполитой. Императрица Анна Иоанновна послала туда войска, однако в ответ Оттоманская империя, имевшая на Польшу свои виды, начала подготовку к войне против России. Поэтому российское правительство сочло необходимым заключить союз с Персией против Турции.

«Персы к этому времени находились в состоянии войны с Турцией. Русское правительство ради войны с турками решило пожертвовать прикаспийскими землями, – пишет Александр Широкопад в книге «Персия – Иран. Империя на Востоке». – Русский посол князь С. Д. Голицын 16 декабря 1734 г. объявил Тахмаспу Кули-Хану, что императрица Анна Иоанновна, «имея полную надежду на скорое очищение Персии от неприятелей, согласна... возвратить ему остававшиеся в русском владении персидские города под тем условием, что города эти никогда не будут отданы в неприятельские руки... Тахмасп Кули-хан так обрадовался, что изменился в лице и объявил, что готов все сделать, чтоб отблагодарить императрицу, за такую милость пусть императрица располагает им как своим последним слугою, и, обратясь к стороне Генжи, крикнул: «Горе вам! Не только вы все, но и сам ваш султан погибнет от персидской сабли, если Бог продолжит мою жизнь». В 1735–1739 гг. русские войска оставили южное побережье Каспия, а также Баку и Дербент. Персидский поход был последним и далеко не самым удачным походом Петра Великого. Баку, Дербент, Энзели и Решт могли быть заняты небольшими десантными отрядами, что позже и произошло. Однако удержать территории на юге Каспийского моря было крайне сложно...», так что решение, принятое Анной Иоанновной, было вполне логичным.

«...Тахмасп Кули-хан так обрадовался, что изменился в лице и объявил, что готов все сделать, чтоб отблагодарить императрицу, за такую милость пусть императрица

располагает им как своим последним слугою, и, обратясь к стороне Генжи, крикнул: «Горе вам! Не только вы все, но и сам ваш султан погибнет от персидской сабли, если Бог продолжит мою жизнь». В 1735–1739 гг. русские войска оставили южное побережье Каспия, а также Баку и Дербент».

Александр Широкоград

Сватовство Надир-шаха

Могло случиться и так, что к давним торговым и культурным связям России и Персии добавились бы брачные узы между царственными особами. Осенью 1741 года в Россию было отправлено посольство от повелителя Персии Надир-шаха – владыка сватался к царевне Елизавете, дочери Петра I. В начале октября 1741 года жители Санкт-Петербурга были потрясены удивительным зрелищем. По улицам столицы проходила длинная пышная процессия.

Верблюды и мулы в нарядной сбруе везли тюки с дарами от шаха: золотой посудой, драгоценным оружием, украшениями тончайшей работы. Важно шествовали четырнадцать слонов в роскошных пополах, со сверкающими драгоценными камнями султанами на головах. На великолепных конях ехали послы и сопровождавшие их воины. Европейский автор так описывал эту картину: «Впереди шагал хор музыкантов, затем следовали конные и пешие воины и тысяча белых, богато одетых невольников, которых шах посылал в подарок великой княжне, позади них грузно ступали четырнадцать слонов; первый, белый, был навьючен только драгоценностями, жемчугом, золотом и серебром, прочие несли на спине чудесные индийские и персидские ткани, ковры и ценные меха. Потом влачилась тысяча черных, словно из эбенового дерева выточенных рабов, которые несли в руках попугаев или вели на серебряных цепях прирученных львов, тигров либо пантер. Сто невольников исключительно красивой наружности следовали за ними с опахалами из страусовых перьев, посланцы же на горячих конях, в пестрых восточных нарядах, усеянных алмазами, и второе подразделение воинов замыкали шествие».

Однако брак русской великой княжны и персидского шаха не состоялся. По одной из версий историков, отказом на сватовство владыки ответил канцлер Остерман, который, желая услужить тогдашней правительнице Анне Леопольдовне – матери «императора-младенца» Иоанна Антоновича, даже не позволил персидским посланникам увидеться с Елизаветой. По другой – от брачного предложения шаха уклонилась сама великая княжна, опасаясь, что в случае не то что ее согласия, но даже проявленного интереса сторонники Анны Леопольдовны заподозрят ее в притязаниях на

власть. Эти подозрения и так преследовали Елизавету Петровну все время правления ее кузины Анны Иоанновны, которая и завещала корону Иоанну Антоновичу.

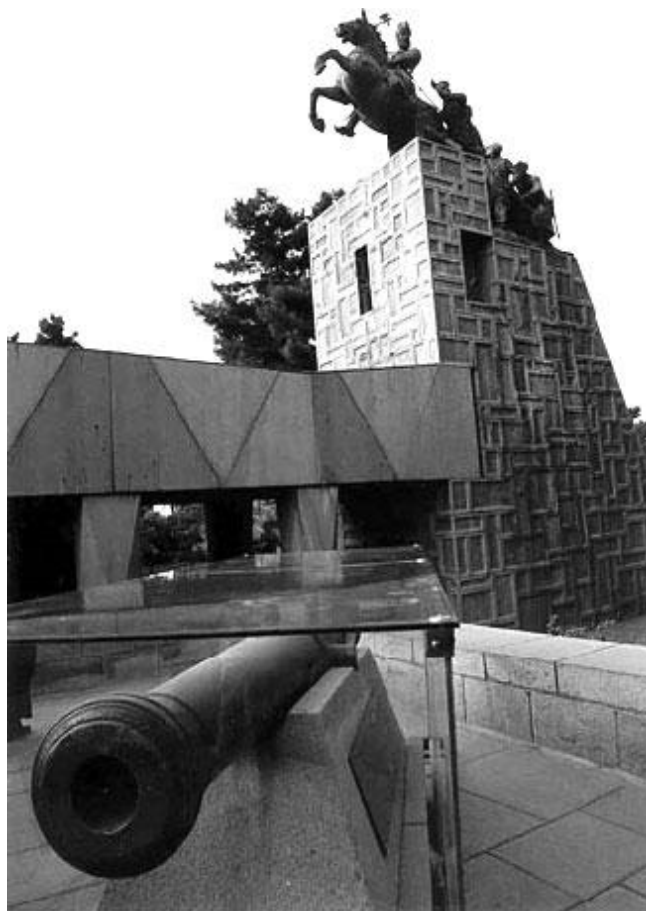
Среди современников бытовало мнение, что именно принятое без ее участия решение отказать Надир-шаху окончательно утвердило Елизавету в намерении отстаивать свои права. Не прошло и двух месяцев после прибытия персидского посольства, как дочь первого императора при поддержке гвардейцев Преображенского полка заняла российский престол и весной 1742 года была коронована как императрица Елизавета Петровна.

Гибель Надир-шаха и «большая игра»

20 июня 1747 года Надир-шах был убит заговорщиками в своем военном лагере под Хоросаном в Восточном Иране. Российский канцлер Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, докладывая императрице Елизавете Петровне о гибели персидского шаха, предложил на это вдобавок отреагировать со всей поспешностью и отправить в Гилян русские войска «на помощь персиянам против турок в случае внезапного нападения последних». Помимо этого, Бестужев-Рюмин вновь вернулся к высказанному ранее своему предложению «о сожжении построенных в Персии кораблей и о захвачении Элтона».

Речь шла об англичанине по фамилии Элтон, за деятельностью которого русские агенты уже внимательно следили какое-то время. Он какое-то время обретался в пределах Российской империи, а именно в Оренбурге, потом осуществлял картографическую съемку каспийского побережья, а далее подрядился построить для персидского флота несколько кораблей.

Это вызвало большую тревогу. Через два месяца императрица решила вновь обсудить положение в Персии. Она совещалась в Коллегии иностранных дел с графом Румянцевым, генерал-прокурором князем Трубецким, генералом Бутурлиным, адмиралом Апраксиным, а также тайным советником бароном Черкасовым. В итоге было принято такое решение: «1) удостовериться в смерти шаха Надира... 5) отправить нынешней же осенью как можно скорее к гилянским берегам до 1000 четвертей пшеничной муки для продажи тамошним жителям на деньги или для мены на шелк; 6) воспользоваться смутю в Персии и смертью шаха для искоренения корабельного строения, заведенного Элтоном: для этого предписать находящемуся в Гиляни резидентом Черкасову подкупить из бунтовщиков или других персиян, чтоб сожгли все корабли, построенные или еще строящиеся, сжечь также заведенное там адмиралтейство, анбары, парусные и прочие фабрики и инструменты, что можно будет, то бы все сожгли, а иное разорили б до основания, к чему хотя несколько их разных людей уговорить, чтоб они это сожжение как можно скорее сделали, и за то им хотя бы и знатную сумму из казенных денег выдать.

«...тайно или под видом разбойников съездить в Ленгерут и случая искать находящиеся там корабли и всякое адмиралтейское строение сжечь и до основания разорить. Равномерно и о том стараться, чтоб заводчика этого корабельного строения Элтона оттуда достать, или уговорить, или тайно схватить, или у персиян за деньги выпросить и немедленно в Астрахань отослать».

Из распоряжения императрицы Елизаветы Петровны

Если б это не удалось, можно тем командирам, которые на судах с продажным хлебом к гилянским берегам будут отправлены, поручить, чтоб они как на походе в море, так и в бытность при берегах всегда примечали и, где им персидские корабли попадутся, всячески старались если возможно, скрытно, а по нужде хотя и явно зажечь и таким

образом сделать, чтоб они вовсе пропали; также командиры приложили бы старание, будучи там на малых судах, тайно или под видом разбойников съездить в Ленгерут и случая искать находящиеся там корабли и всякое адмиралтейское строение сжечь и до основания разорить. Равномерно и о том стараться, чтоб заводчика этого корабельного строения Элтона оттуда достать, или уговорить, или тайно схватить, или у персиян за деньги выпросить и немедленно в Астрахань отослать».

То, что впоследствии будет названо «большой игрой», уже набирало обороты. Британские агенты, равно как и Ост-Индская компания, проявляли к Персии и сопредельным землям большой интерес, и присутствие России им отнюдь не нравилось. Интересы же самой Персии ими вообще не принимались во внимание.

Персидская авантюра князя Потемкина

27 января 1779 года у супруги наследника российского престола – великой княгини Марии Федоровны родился второй сын. Он был назван Константином, поскольку его блистательная бабушка – императрица Екатерина прочила младенцу великое будущее, а именно престол Константинополя, который она мечтала отобрать у турок-османов, возродив заново Византию. Особо ревностно стремился к осуществлению этого плана князь Потемкин, хотя и видел его несколько иначе. В его версии, путь через Персию в Индию был едва ли не важнее. Константин был еще малышом, когда светлейший начал действовать.

«10 мая 1781 года... Потемкин отправил графа Марка Войновича, выходца из Далмации, на персидский берег Каспийского моря, – пишет

историк Саймон Себаг-Монтефиоре в книге «Потемкин». – Этот план он вынашивал целый год, параллельно ведя переговоры с Австрией. 11 января 1780 года, за десять дней до того, как Иосиф предложил встретиться с Екатериной в Могилеве, светлейший приказал генералу Суворову, самому способному из своих военачальников, собрать в Астрахани боеспособный корпус. Кораблям, строившимся с 1778 года на Волге, в Казани, он приказал двигаться на юг. Заключение союза с Австрией могло потребовать еще несколько лет, а тем временем Россия, оставив в покое Османов, прозондировала бы почву в Персии. Персидская империя в те годы охватывала южный берег Каспийского моря, включая Баку и Дербент, всю территорию сегодняшнего Азербайджана, большую часть Армении и половину Грузии».

«Владелец Ашхабадской провинции Ага-Мохаммед-хан заигрывал со всеми потенциальными союзниками... Он приветствовал идею создания русской фактории на восточном берегу Каспия, которая, возможно, помогла бы его войску».

Саймон Себаг-Монтефиоре

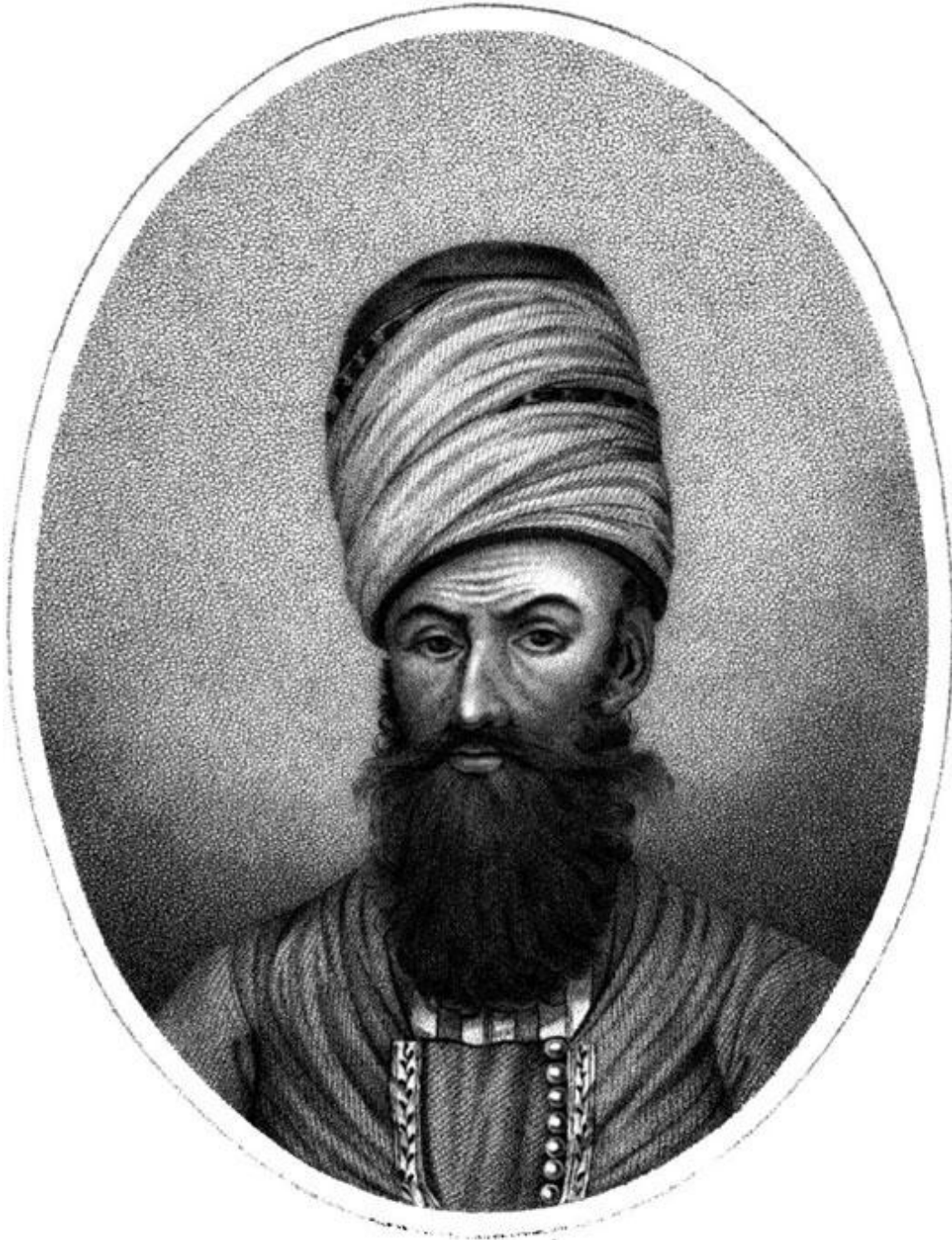
В составе экспедиции было три фрегата и несколько транспортных кораблей. 29 июня 1781 они вышли в Каспийское море, чтобы, по словам Себаг-Монтефиоре, «устроить торговый пост в Персии и заложить основы центральноазиатской политики Екатерины. В персидской администрации царил беспорядок. Владелец Ашхабадской провинции Ага-Мохаммед-хан заигрывал со всеми потенциальными союзниками... Он приветствовал идею создания русской фактории на восточном берегу Каспия, которая, возможно, помогла бы его войску».

Планам не суждено было осуществиться. «Князь приказывал Воиновичу действовать «только убеждением», – подчеркивает Себаг-Монтефиоре, – но по прибытии тот «стал делать прямо противоположное». Обнаружив на восточном берегу Каспия Ага-Мохаммеда и его армию, Войнович доказал, что он «такой же плохой царедворец, как политик». Персидский князь желал образования русской фактории и даже предлагал послать в Петербург своего племянника, но вместо этого Войнович учредил форт, как будто 600 человек с 20 пушками могли противостоять персидской армии. Салютуя персам пушечным огнем, он переполошил и без того подозрительных

местных воевод, до которых дошел слух, что по Дагестану идет Суворов с 60 тысячами человек. Эту дезинформацию, возможно, забросили в Персию англичане». Подозрительный Ага-Мохаммед предпочел отказаться от таких союзников, и под угрозой немедленной гибели предложил им уйти. Сказал он это у себя на обеде, куда пригласил Войновича. Тут посланец проявил благоразумие и увел экспедицию прочь.

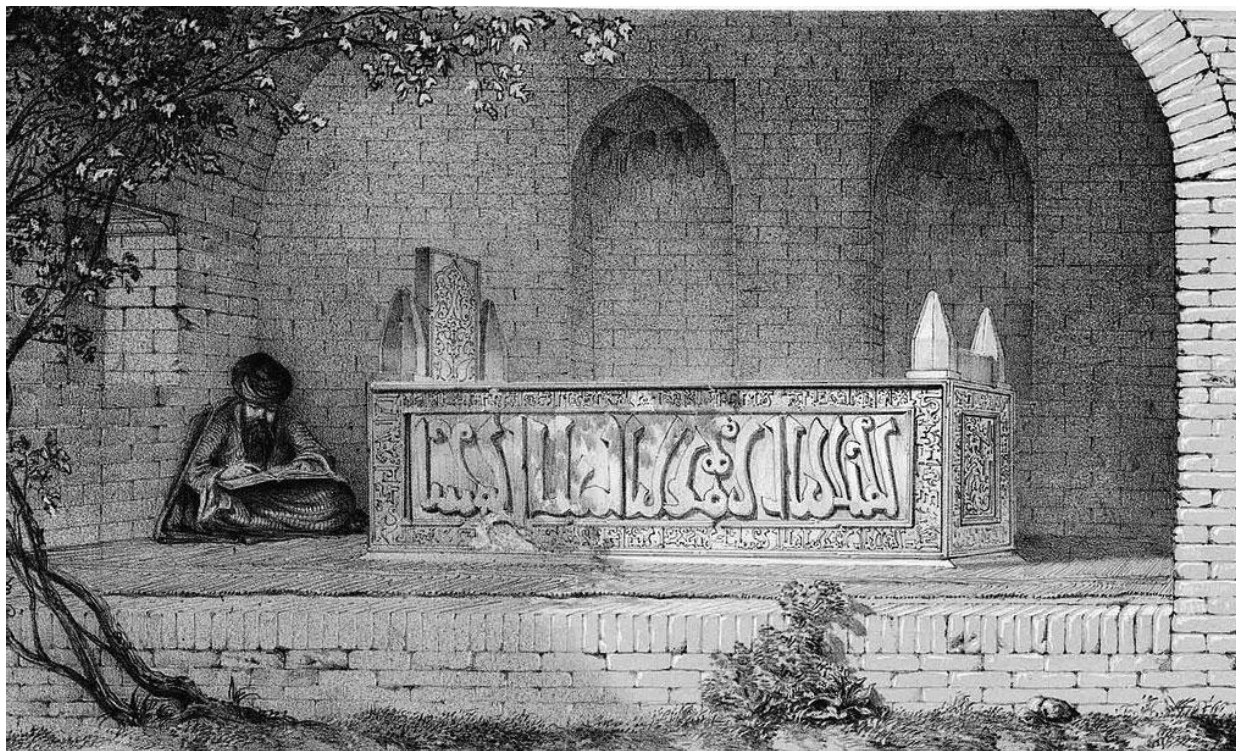
Недолгое «царство милосердия»

После гибели Надир-шаха страна вновь была охвачена междоусобицами. В 1753 году на престол возшла новая династия – Зенды. Первым ее представителем был Карим-хан, который так и не принял шахского титула. Карим-хан именовал себя «уполномоченным государства» и правил от имени последнего представителя Сефевидов – Исмаила III. При этом он заслужил любовь подданных и славу одного из лучших государей Персии за всю историю.

Карим-хан не знал грамоты, но любил и ценил поэзию, покровительствовал ученым и был почитаем за свой великодушный характер. «Я не властитель, – говорил он, – я просто люблю людей». При нем столица была перенесена в – родной город прославленных стихотворцев Саади и Хафиза. По его повелению искусные зодчие воздвигли роскошные мавзолеи над местами последнего упокоения

великих поэтов. В целом эпоха его правления примечательна тем, что не было войн, зато произошел заметный культурный расцвет.

Зенды оставались у власти почти до самого конца XVIII века. Но период благоденствия, который многие впоследствии именовали «царством милосердия», завершился практически сразу после кончины Карим-хана в марте 1779 года. И сразу начались междоусобицы среди его родственников. Наконец в Ширазе взошел на престол Лотф Али-шах, последний шах из династии Зендов. Он был известен как справедливый и добродетельный правитель, но против него выступил Ага-Мухаммед-хан, глава племени каджаров.

«Изо всех иранских династий не было другой такой человечной, справедливой, милосердной и доброжелательной династии. Карим-хан – один из наиболее человеколюбивых правителей в истории. Лотф Али – один из дорогих и близких сердцу мучеников в истории Ирана».

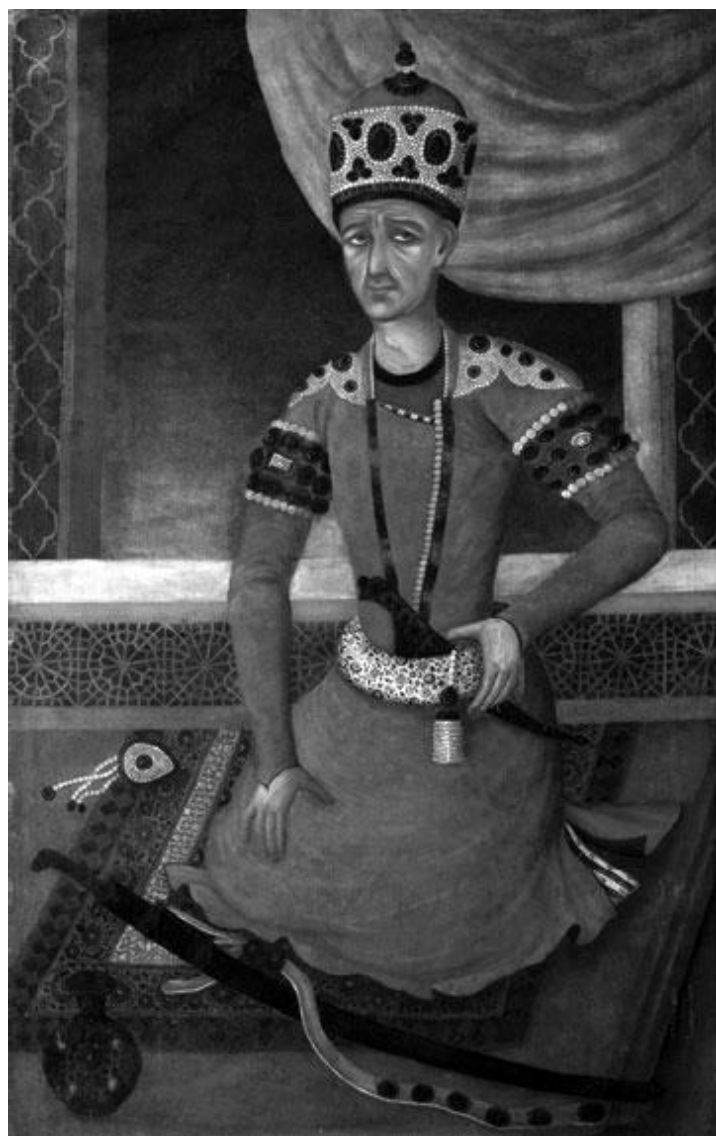
Саид Нафиси

В 1791 году войска Ага-Мухаммеда благодаря предательству сумели захватить Шираз, а через три года – и последний город, где находился Лотф Али-шах, – Керман. Лотф Али-шах попал в плен и был жестоко убит.

Современный иранский историк Саид Нафиси пишет о них: «Из всех иранских династий не было другой такой человеческой, справедливой, милосердной и доброжелательной династии. Карим-хан – один из наиболее человеколюбивых правителей в истории. Лотф Али – один из дорогих и близких сердцу мучеников в истории Ирана».

Своей столицей новый правитель Ага Мохаммед Шах Каджар сделал город Тегеран. Он вел множество войн и славился неоправданной жестокостью. Его родной брат по отцу, Муртаза-Кулихан, страшась гибели (Ага-Мухаммед приказал убить его мать), бежал в Россию, где просил убежища у императрицы Екатерины II.

В сентябре 1787 г. при поддержке русской флотилии Муртаза-кулихан вернулся в Гилян, но в сражении против брата потерпел поражение и был вынужден вернуться на русскую территорию, где и жил впоследствии до кончины. В одном из писем Екатерина II писала о нем: «Это человек добродушный и предупредительный. Он попросил осмотреть Эрмитаж и был там сегодня в четвертый раз; провел там три или четыре часа подряд, рассматривая все, что там находится... как настоящий знаток». По распоряжению Екатерины известный художник Боровиковский написал портрет Муртазы-Кули-хана.

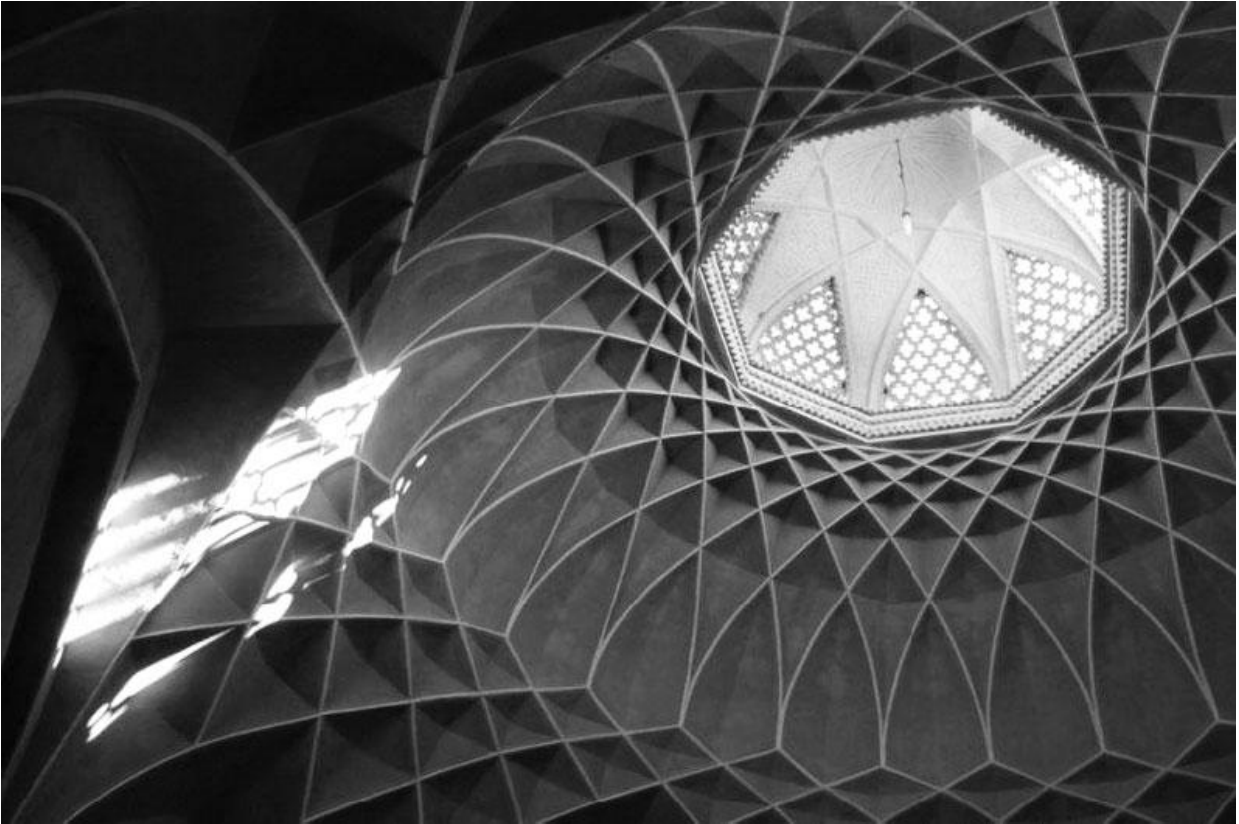

Есть версия, что именно с присутствием Муртазы-Кули-хана в Санкт-Петербурге связано появление впоследствии знаменитой повести Н. Гоголя «Нос». Одному из спутников персидского принца в плену у Ага-Мухаммеда отрезали нос. И как пишет в своей статье «О реальности основы сюжета повести Н. В. Гоголя „Нос“» А. Крашенинников, «Муртаза обратился к Зубову с необычной просьбой – сделать своему изуродованному спутнику протез носа. Вид безносого перса в свите хана пугал всех и вызывал у многих отвращение». За выполнение этой работы взялся Осип Шишорин. «Мастер реконструировал в рисунке отрезанный нос перса, затем вылепил его и сделал по этой лепной модели носа два медных штампа, – пишет Крашенинников, – вложив между которыми тонкий позолоченный изнутри лист серебра, выколотил своеобразный протез носа. Наличие штампов позволяло повторять его. По просьбе заказчика механик сделал второй, запасной протез. Наружную поверхность протеза он окрасил „под натуру“. Шишорин придумал также изящный способ ношения своего изделия на лице: оно крепилось изнутри к носовой кости хозяина „пружиной-биндажем“ (само название подтверждает английскую выучку Шишорина) – приспособлением вроде того, что позднее применялось на пенсне. Но как бы плотно ни прикреплялся металлический нос пружиной, между изделием и щекой оставалась легкая щель, для маскировки которой мастер придумал подобие лейкопластыря из тонкой шелковой тафты (тоже, вероятно, телесного цвета), пропитанной гуммией (клейким соком особых растений). Стоило лизнуть, клей растворялся, ткань прилипла к коже и металлу».

«Это человек добродушный и предупредительный. Он попросил осмотреть Эрмитаж и был там сегодня в четвертый раз; провел там три или четыре часа подряд, рассматривая все, что там находится... как настоящий знаток».

Екатерина II о Муртазе-Кули-хане

Ага-Мухаммед, желая отомстить за поддержку брата, разорил русские поселения и консульство на каспийских берегах, после чего вторгся в Закавказье. Грузинский царь Ираклий II обратился к России за помощью, итогом стало присоединение Грузии к Российской империи. В 1797 году Ага-Мухаммед был убит своими приближенными. По одной версии, ему подали отравленную дыню, по другой – просто закололи. На престол Персии взошел Фетх Али-шах, сын еще одного брата Ага-Мухаммеда.

К началу XIX века Персия вновь стала одним из участников всемирной истории, заключая союзы с мировыми державами. В Тегеран отправлялись французские, английские и русские дипломатические миссии.

6. Россия и Персия в первой половине XIX века

Фатх Али-шах, суверен с длинной и остроконечной черной бородой, ниспадающей до пояса, судя по портретам (Музей Виктории и Альберта, Лондон), которые были очень характерны для искусства каджарской эпохи, способной привлекать зрителя интересным смешением иранских традиций и европейских влияний, – так вот, Фатх Али-шах, желая быть ближе к России, к чему он стремился прежде всего, перенес столицу в окрестности старинного и славного города Рея, в городок Тегеран, и стал превращать последний в огромный город, каким мы знаем его сегодня, строя там мечети и дворцы и разбивая сады.

Жан-Поль Ру

«История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней»

XIX век стал для Персии эпохой сражений и правителей-реформаторов, формирования обновленных, не всегда простых, отношений с европейскими державами.

Бурное начало столетия

XIX век стал для Персии эпохой сражений и правителей-реформаторов, формирования обновленных, не всегда простых, отношений с европейскими державами и развития новой, с 1795 года, столицы Тегерана, где были возведены великолепные архитектурные комплексы, в том числе Мраморный дворец и Шахская мечеть.

Затяжная русско-персидская война 1804–1813 годов началась после присоединения к Российской империи Грузии. 12 сентября 1801 года император Александр I утвердил «Манифест об учреждении нового правления в Грузии», согласно которому Картли-Кахетинское царство становилось Грузинской губернией. Через два года в состав Российской империи были также приняты Мегрелия и Имеретинское царство. 10 июня 1804 года владыка Персии Фетх Али-шах, ранее заключивший союз с Великобританией, объявил России войну.

Это военное противостояние продолжалось с переменным успехом. В нем были и эпизоды, когда Фетх Али-шах лично и с успехом водил войска в бой, например в битве за Эривань, и драматические моменты, подобные знаменитому походу полковника Карягина, который с немногочисленным отрядом противостоял многократно превосходящим силам под командованием Аббас-Мирзы. Именно история Карягина, когда пушки через овраг переправляли по «мосту», который состоял из солдат-добровольцев, была впоследствии запечатлена на знаменитой картине Франца Рубо «Живой мост». Потом в военных действиях наступило затишье, было даже заключено Узун-Килисское перемирие.

«Поелику чрез предварительные сношения между двумя Высокими Державами взаимно соглашено уже, чтобы постановить мир на основании Status quo ad presentem, то есть, дабы каждая сторона осталась при владении теми землями, ханствами и владениями, какие ныне находятся в совершенной их власти, то границею между Империею Всероссийскою и Персидским Государством от сего времени впредь да будет следующая черта: начиная от урочища Одина-Базара прямою чертою чрез Муганскую степь до

Едибулукского брода на реке Аракс, оттоль вверх по Араксу до впадения в оную речки Капанакчая, далее же правую стороною речки Капанакчая до хребта Мигринских гор...»

Гюлистанский мирный договор

Фетх Али-шах

Родившийся 5 сентября 1772 года Фетх Али-шах был племянником и наследником основателя Каджарской династии Аги Мохаммеда и после его смерти унаследовал трон.

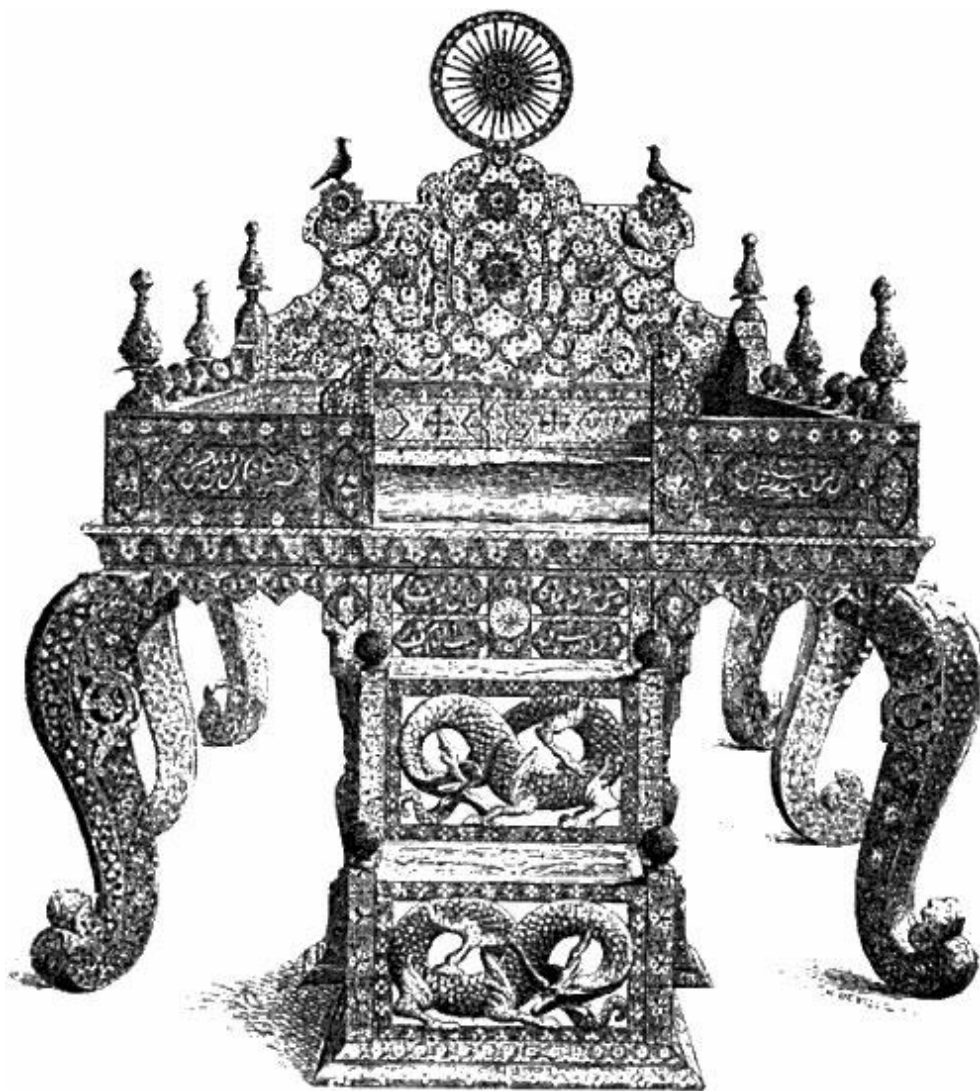
На долгую эпоху правления Фетх Али-шаха – с 27 июня 1797 года по 23 октября 1834 года – пришлось несколько войн (с Российской и Османской империями), попытки стать другом властелина почти всей Европы – Наполеона и наладить дипломатические отношения с европейскими державами.

Как отмечал в своей «Истории Ирана и иранцев. От истоков до наших дней» Жан-Поль Ру, «Фатх Али-шах, суверен с длинной и остроконечной черной бородой, ниспадающей до пояса, судя по портретам (Музей Виктории и Альберта, Лондон), которые были очень характерны для искусства каджарской эпохи, способной привлечь зрителя интересным смешением иранских традиций и европейских влияний, – так вот, Фетх Али-шах, желая быть ближе к России, к чему он стремился прежде всего, перенес столицу в окрестности старинного и славного города Рея, в городок Тегеран, и стал превращать последний в огромный город, каким мы знаем его сегодня, строя там мечети и дворцы и разбивая сады».

Шах сочинял стихи на фарси и был покровителем персидской литературы, вместе с тем отдавая должное и торжественным дворцовым церемониалам. Поскольку упоминается, что у шаха было

150 сыновей и 20 дочерей, то на многие государственные должности (в том числе и губернаторов) назначались члены Каджарской династии.

С именем Фетх Али-шаха связано и одно из уникальных персидских сокровищ: он приказал придворным мастерам изготовить уникальный трон, вошедший в историю под названием «Солнечный трон». Так его называли, потому что на спинке трона было изображено солнце. Трон был изготовлен в 1812 году (в ряде источников называются другие даты). Позже этот трон стали называть «Павлиньим», поскольку Фетх Али-шах взял в жены Тавус («Павлин») Тадждоле. Но это вовсе не тот, ранее упоминавшийся легендарный «Павлиний трон», привезенный из Индии Надир-шахом.

Пришедший к власти Насреддин-шах повелел добавить к трону несколько панелей с поэтическим строчками. До 1981 года трон находился во дворце Голестан, а затем перевезен в Национальную сокровищницу при Центральном банке Ирана.

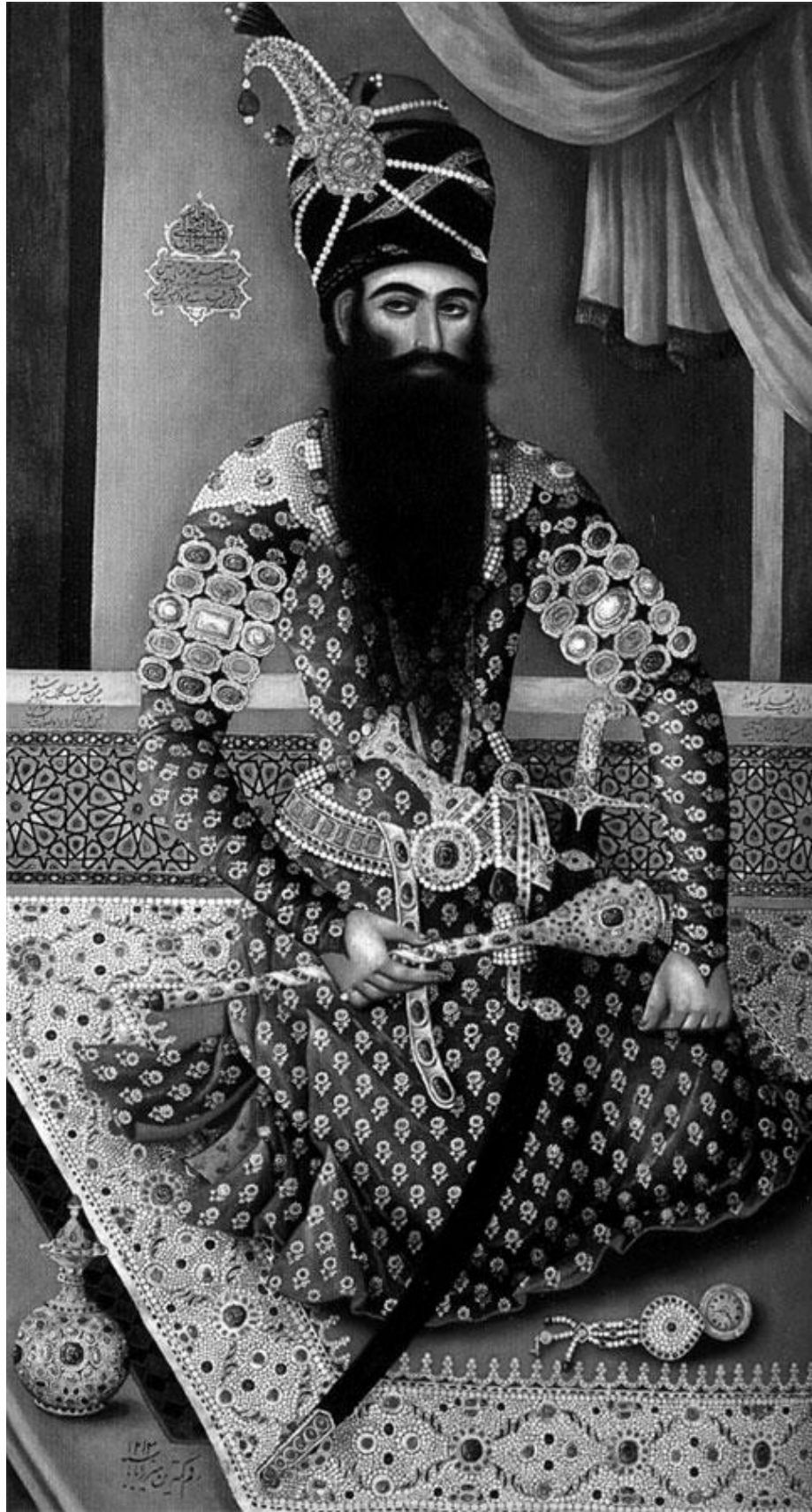
«Теперь во внутренности Персии царствует спокойствие; ничто не возмущает безопасности граждан; торговля цветет; нигде не заметно междуусобия, неудовольствия, неустройства. Персия, в настоящем положении вещей, не может опасаться нового нападения со стороны Руских: если Российская армия войдет во внутренность Персии, то, без сомнения, не иначе, как с собственного согласия Фетали-Шаха».

Журнал «Вестник Европы»

Персидский Шах Фетали, друг Императора Наполеона

В журнале «Вестник Европы», созданном при участии известного отечественного историка и литератора Николая Карамзина, а после редактируемом Василием Жуковским, в части 39. № 11. 1808 г., был опубликован следующий текст.

«Персидский Шах Фетали, друг Императора Наполеона. Вся Персия, выключая провинции Кандагар и Георгию, принадлежит теперь скипетру Фетали-Шаха, которого правление кротко и правосудно. Он имеет не более 45 лет, умен, приятен, ласков, полководец мужественный и знающий, но чуждый всякого честолюбия и разрушительных замыслов завоевателя; Фетали-Шах, довольствуясь неограниченностью верховной власти и почестями, с нею неразлучными, не мыслит ни возмущать спокойствия соседей своих, ни похищать насильственной рукою принадлежащих им владений – с этой стороны он совершенно противоречит правилам своих предшественников, честолюбивых, привязанных к корысти, преисполненных хищнического духа. Водимые сими страстями, они позволяли себе все то, что могло ускорить падение их трона и свергнуть отечество их в ужасные беспорядки безначалия.

Прекрасные и обширные провинции Георгии платили со времени Шах-Абасса дань Персидским Монархам; но в 1801 году последний Царь Георгий Ираклиевич, желая положить навсегда преграду нападениям и хищничеству Персов, покорился со всем народом своим Скипетру России. Манифестом Александра I жители Грузии причислены к Российским подданным, а их провинции – навсегда к владениям Русского Императора.

«Он имеет не более 45 лет, умен, приятен, ласков, полководец мужественный и знающий, но чуждый всякого честолюбия и разрушительных замыслов завоевателя; Фетали-Шах, довольствуясь неограниченностью верховной власти и почестями, с нею неразлучными, не мыслит ни возмущать спокойствия соседей своих, ни похищать насильственной рукою принадлежащих им владений...»

Журнал «Вестник Европы»

Молодой Принц Ираклий, который не хотел отказаться от права своего на корону Грузии, бежал к Фетали-Шаху, увидя Российское войско в своем отечестве. Персидский Монарх, опасаясь Руских, послал навстречу к ним Грузинского Принца с отделением Персидской армии. Молодой Ираклий был разбит, дал знать Фетали-Шаху о своей неудаче и требовал снова помощи. Между тем Руские подвигались вперед, заняли Дербент, Баку и другие Каспийские гавани; наконец овладели Эриваном и Генге.

Фетали-Шах находился тогда в Мезандеране; он усмирять бунтующих Туркоманов. Узнавши о вступлении в Персию и первых успехах Руского войска, он поспешил возвратиться в Тегеран для сбора нужной армии. Переговоры, продолжавшиеся в течение 1804 и 1805 годов, остановили на время неприятельские действия; наконец они прекращены совершенно Тильзитским миром, который переменял намерения Императора Наполеона. Войска Фетали-Шаха могут простираться от 90,000 до 100,000.

«1. Внушать Порте доверие и уверенность в ее безопасности; Франция хочет ее усиления.

2. Тройной союз – я, Порты и Персия – против России».

Из секретной инструкции французскому послу в Османской империи Себастиани

Теперь во внутренности Персии царствует спокойствие; ничто не возмущает безопасности граждан; торговля цветет; нигде не заметно междуусобия, неудовольствия, неустройства. Персия, в настоящем положении вещей, не может опасаться нового нападения со стороны Русских: если Российская армия войдет во внутренность Персии, то, без сомнения, не иначе, как с собственного согласия Фетали-Шаха».

Наполеон 20 июня 1806 года в секретной инструкции французскому послу в Османской империи Себастиани подчеркивал, что задача французской дипломатии: «1. Внушать Порте доверие и уверенность в ее безопасности; Франция хочет ее усиления. 2. Тройной союз – я, Порты и Персия – против России».

Шах обещал Наполеону помощь в реализации его восточного проекта: повергнуть Англию, отобрав у нее «жемчужину» – ее колонию Индию. Шах предлагал Бонапарту реализовать мечту о походе на Индию через территорию Персии и будущего Афганистана.

Финкенштейнский договор

4 мая 1807 года в Финкенштейнском дворце графов Дона был заключен Финкенштейнский договор, подписанный Наполеоном и персидскими послами, представлявшими владыку Персии Фетх Али-шаха. Этот союзный договор был де-факто инициирован императором Франции и направлен против Российской и Британской империй.

Договор состоял из преамбулы и шестнадцати статей и провозглашал «мир, дружбу и союз» между шахом и Наполеоном, который не только гарантировал Персии неприкосновенность ее тогдашней территории, но признавал Грузию, уже входившую в состав Российской империи, законно принадлежащей шаху. В тексте указывалось, что французский император предоставит шаху необходимое количество пушек и ружей, а также офицеров различных родов войск для проведения модернизации персидской армии «согласно принципам европейского искусства». По договору Фетх Али-шах брал на себя обязательство порвать с Британской империей все политические и торговые сношения, и, объявив ей войну, отозвать персидского посла из английских владений в Индии, и не допускать на персидскую землю британских представителей и агентов.

«Персия рассматривается Францией с двух точек зрения: как естественный враг России и как проход в Индию».

Инструкция главе французской миссии Гардану

Помимо этого, согласно статье № 12 договора, Фетх Али-шах обязался обеспечить свободный проход через Персию французской армии, если повелитель Франции отправит ее в Индию.

Договор имел целью не только подготовить поход Наполеона против британской Индии и заранее изгнать англичан из Персии, но и не допустить присоединения к Российской империи Закавказья.

За несколько дней до заключения Финкенштейнского договора, 12 апреля 1807 года, Наполеоном был подписан декрет о миссии, которая должна была быть направлена в Персию. Ее главой был назначен бригадный генерал Клод-Матье Гардан, через несколько месяцев

ставший графом. Он появился на свет в семье посланника короля Людовика XV при персидском дворе Анжа Гардана и его супруги Марианны де Манюэль.

В день подписания декрета о миссии в Персию Наполеон отправил послание главе своего внешнеполитического ведомства князю Талейрану, в котором обратил его внимание на вопрос оказания персидскому шаху военной помощи против России.

Французский император предлагал князю сообщить главе персидского посольства, что Франция готова направить в Персию, помимо десяти тысяч ружей, пушек и канониров, в октябре 1807 года, морем отряд в полторы тысячи человек, чтобы сделать «громадную диверсию против России». Этот отряд под командованием Гардана в

дальнейшем должен был развернуться в корпус численностью 12 тысяч человек.

10 мая 1807 года Гардану была дана письменная инструкция, в которой подчеркивалось, что «Персия рассматривается Францией с двух точек зрения: как естественный враг России и как проход в Индию».

Глава французской миссии в Персии должен был «поддерживать неприязнь персов против России», персидские войска должны были войти в Грузию и оттеснить русскую армию.

Входившие в состав миссии французские офицеры должны были собрать стратегически важную информацию о Персии и ее соседях, изучить дороги, караванные тропы, порты Персидского залива и Каспия.

24 декабря 1807 года, после приезда французской миссии генерала Гардана в персидскую столицу и завершения переговоров, в Финкенштейнском договоре возникла дополнительная статья. Согласно ей, правительство шаха передавало французской империи остров Карек и предоставляло французским офицерам право реформировать персидскую армию по европейскому образцу. Помимо этого, французы получили право устраивать военные фактории в Гомбруне и Бушире.

«Буонапартовы замыслы касательно Индии Восточной имели выгодные следствия для Географии. Офицеры и Дипломаты, посланные ко Двору Фетх Али-Шаха, собрали множество новых известий о положении мест, о направлении дорог, о силах государства, о средствах управления и о гражданском состоянии народа в Персии».

Адриан Дюпре

В 1807 году в Персию для обучения шахской армии прибыла большая французская военная миссия генерала Гардана, в состав которой входили несколько дипломатов, составившие самые первые европейские географические описания ряда персидских провинций.

Среди французских дипломатов был атташе Адриан Дюпре, который пересек Западную Азию от Стамбула до Багдада и в конце 1807 года перешел через хребет Загрос в Хамадан, откуда в феврале следующего года добрался до берега Ормузского пролива и дошел до Шираза.

В «Вестнике Европы» (Часть 106. № 16. 1819 г., текст – Каченовский М. Т. 1819 г.) были напечатаны «Некоторые известия о нынешнем состоянии Персии» – «Извлечено из Путевых записок Адриана Дюпре, в нынешнем году вышедших в Париже на Французском языке». Среди заметок о правлении и династии Андриан Дюпре проводит и исторические параллели: «Буонапартковы замыслы касательно Индии Восточной имели выгодные следствия для Географии. Офицеры и Дипломаты, посланные ко Двору Фетх Али-Шаха, собрали множество новых известий о положении мест, о направлении дорог, о силах государства, о средствах управления и о гражданском состоянии народа в Персии.

Государство сие, потерявшее с восточной стороны Кабул и Кандагар, а с северной Ширван и Грузию, лишилось еще некоторой части естественных своих укреплений и со стороны Турции. Арабы беспокоят южные берега его, к которым уже никто не ездит удивляться богатству и роскоши купцов Ормуских...

Нынешнее Персидское правительство точно таково же, каким оно было при Кире и Дарии; оно основано на патриаршеских понятиях, свойственных роду жизни племен кочующих. Государь есть в прямом смысле отец своего колена; потом уже, в смысле обширнейшем, он становится отцем всей нации... В Азии неизвестны политические наши умозрения: она управляется посредством любви, преданий, страха, оружия. Там представить себе не умеют, каким образом существовать может какая-либо другая власть, кроме неограниченной...

В Персии правила воспитания теперь совсем не те, какие представляет нам Киропедия. Когда царствующая фамилия приумножается рождением Принца, то Шах отправляет его к одному из вельмож, которой имеет обязанность воспитывать его на своем иждивении до тех пор, пока молодой Принц не будет в состоянии управлять какою-нибудь областью или городом. Тогда воспитатель имеет случай воспользоваться высокою честью уделить своему питомцу 50 или 60 тысяч томанов на первое обзаведение. Нетрудно догадаться, что вельможи Персидские не отчаиваются в признательности любезных своих воспитанников, которых с младенчества приучили уже находить удовольствие в похвалах и ласкательстве.

«Нынешнее Персидское правительство точно таково же, каким оно было при Кире и Дарии; оно основано на патриаршеских понятиях...»

Адриан Дюпре

Можно себе представить, что излишняя плодовитость Шаховой фамилии иногда бывает опасна для Персидского престола. Мугаммед-Таки-Хан, семилетний сын Шаха, однажды употреблен был главным орудием при возмущении против отца его: один из дядей, нарядивши его в царскую одежду, посадил на коня, блестящего золотом и камнями. Дитя было в восхищении от таких прекрасных игрушек и гордо сидело на коне впереди сорокатысячной армии, собранной на тот конец, чтобы свергнуть с престола его родителя. Над мятежным войском одержана решительная победа, и Шах велел четырем сынам своим схватить за руки и за ноги маленького хищника, если б не захотел он отдаться добровольно. Принц более всего плакал о том, что с него сняли нарядное платье; однако ж в присутствии отца бросился

перед ним на колена и просил помилования. Шах проучил его отеческим наказанием».

Другой участник французской миссии генерала Гардана – капитан инженерных войск М. Трюилье, прошедший путь из персидской столицы на восток, в Мешхед, стал первым европейским автором, описавшим путь от этого места до Йезда.

«Мугаммед-Таки-Хан, семилетний сын Шаха, однажды употреблен был главным орудием при возмущении против отца его: один из дядей, нарядивши его в царскую одежду, посадил на коня, блестящего золотом и камнями. Дитя было в восхищении от таких прекрасных игрушек и гордо сидело на коне впереди сорокатысячной армии, собранной на тот конец, чтобы свергнуть с престола его родителя».

Андриан Дюпре

Но планы самого Наполеона по разгрому Британской империи при помощи персидской державы остались только на бумаге. Финкенштейнский договор, поначалу получивший в Европе широкую огласку, так и не был реализован. Меньше чем через год после его заключения британский дипломат Джон Малькольм сумел де-факто его аннулировать и добиться в 1808 году подписания Англо-персидского договора, который тоже был направлен против Российской империи.

Однако 12 октября 1813 года между Персией и Россией был заключен Гюлистанский мирный договор, который зафиксировал включение в состав Российской империи Дагестана, Грузии, Имеретии, Гурии, Мингрелии и Абхазии, а также Карабагского, Гянджинского, Шекинского, Ширванского, Дербентского, Кубинского, Бакинского и Тальшинского ханств.

Договор, в частности, гласил: «Поелику чрез предварительные сношения между двумя Высокими Державами взаимно соглашено уже, чтобы постановить мир на основании Status quo ad presentem, то есть, дабы каждая сторона осталась при владении теми землями, ханствами и владениями, какие ныне находятся в совершенной их власти, то границею между Империею Всероссийскою и Персидским Государством от сего времени впредь да будет следующая черта: начиная от урочища Одина-Базара прямою чертою чрез Муганскую

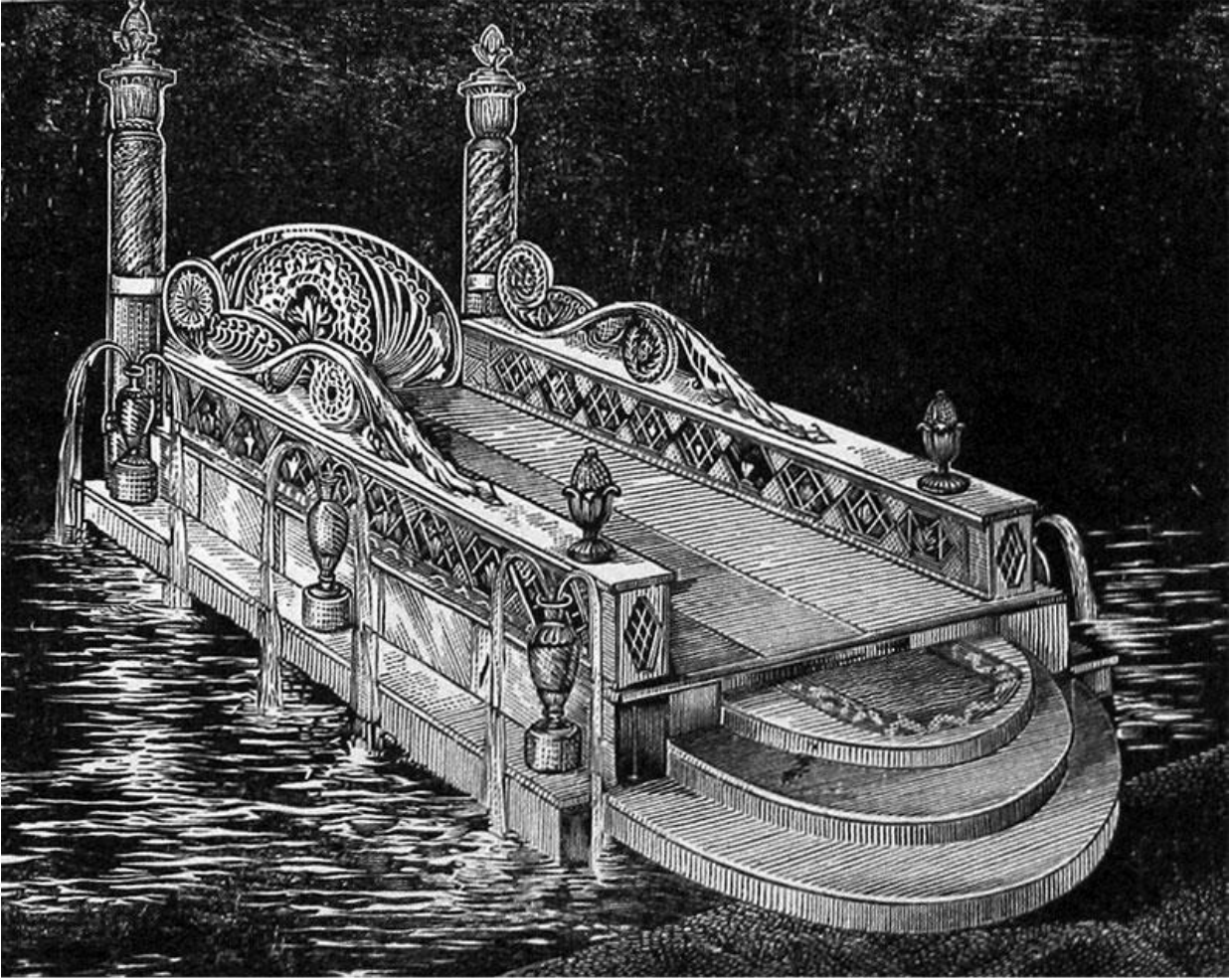
степь до Едибулукского брода на реке Аракс, оттоль вверх по Араксу до впадения в оную речки Капанакчая, далее же правою стороною речки Капанакчая до хребта Мигринских гор...»

Россия в свою очередь получила исключительное право иметь на Каспийском море военный флот и обязалась в случае необходимости оказывать назначенному шахом наследнику престола «помощь в утверждении на троне». Купцы обеих стран обрели право свободной торговли на территории другой страны, а русские купцы освобождались от уплаты внутренних таможенных пошлин и других сборов в Иране.

Хрустальное ложе

В начале царствования императора Николая I персидскому шаху был отправлен уникальный подарок – парадная хрустальная кровать, отделанная гравировкой и искусной огранкой. Даже в наше время доставить из одной страны в другую большой, тяжелый и хрупкий предмет – задача нетривиальная. Но все же в те времена, когда единственным транспортом на большей части пути между Санкт-Петербургом и Тегераном могли быть только тряские повозки или вьючные лошади, смогли благополучно доставить из одной столицы в другую это великолепное ложе.

К тому времени изделия Императорского стекольного завода, созданного еще князем Потемкиным и после его смерти отошедшим в государственную собственность, уже славились во многих странах. И вот для подарка владыке Персии Фетх Али-шаху заводские мастера под руководством инвентора А. И. Иванова изготовили драгоценное парадное ложе в виде трона с тремя ступенями и изящными колоннами при изголовье. Когда великолепный подарок был готов, его показали зрителям в Санкт-Петербурге. Журнал «Отечественные записки» посвятил этому особую статью: «Недавно лучшая публика стекалась в Таврический дворец любоваться выставленной там хрустальной кроватью, назначенной в дар от Российского Монарха Персидскому Шаху. Великолепная и, можно сказать, единственная в свете кровать сия блистала серебром и разнообразной гранью хрусталей, украшена хрустальными столбами и ступенями из синего стекла. Она устроена таким образом, что с обеих сторон ее могут бить фонтаны благовонной воды, они склоняли к дремоте сладким шумом своим, а при освещении она сверкала тысячами алмазов – и, без сомнения, удивит восточную пышность и роскошь. Кровать сия есть изделие Императорского стекольного завода». Уникальность хрустальной кровати заключалась еще и в том, что она была разборной.

Сразу после выставки хрупкий сверкающий подарок тщательно упаковали, и поручик И. Носков с верным денщиком и двумя мастерами отправился в долгий путь: сначала в Астрахань, оттуда на корабле через Каспийское море, а дальше по реке и через горы... Дорога была тяжелой, оба мастера скончались от лихорадки. К тому же снова начались военные действия между Персией и Россией. Однако поручик Носков сумел-таки доставить во дворец шаха императорский подарок. В своих мемуарах он писал: «...потребовал меня к себе управляющий городом Тегераном, сын шаха Али-Шах-Мирза и объявил о полученном им повелении от родителя своего, чтобы предоставлена была мне свобода избрать во дворце приличное и удобное место для установления привезенной мною хрустальной кровати... Руководствуясь составленными мною еще в Петербурге рисунками и описью всех частей кровати, я исполнил желание шаха и установил многосложную эту вещь, приведя в надлежащий вид все части ее, из

которых ни одной не было повреждено ни в дороге, ни при собирании». Фетх Али-шах пожаловал Носкову орден Льва и Солнца II степени и 1000 туманов, подарил ему кашемировые шали и почетную одежду, а в России за исполнение царского поручения поручик был награжден орденом Святого Владимира IV степени и переведен на службу в гвардейский Генеральный штаб.

«Великолепная и, можно сказать, единственная в свете кровать сия блистала серебром и разнообразной гранью хрусталей, украшена хрустальными столбами и ступенями из синего стекла. Она устроена таким образом, что с обеих сторон ее могут бить фонтаны благовонной воды, они склоняли к дремоте сладким шумом своим, а при освещении она сверкала тысячами алмазов – и, без сомнения, удивит восточную пышность и роскошь».

Журнал «Отечественные записки»

«Персидские поэты писали оды к этой кровати; в Тегеране только и говорили, что о хрустальной кровати, «которая сияет подобно тысяче одному солнцу».

Федор Корф

По свидетельству барона Федора Корфа, запечатленному в его «Воспоминаниях о Персии», Фетх Али-Шах был в восторге от великолепного ложа, и все придворные разделяли восхищение владыки: «Персидские поэты писали оды к этой кровати; в Тегеране только и говорили, что о хрустальной кровати, «которая сияет подобно тысяче одному солнцу». Между тем возгорелась война с Россией. Эривань была взята, Нахичевань также. Русские приближались к стенам Тебриза. В одно прекрасное утро Шах, возвратившись с прогулки, проходил мимо той залы, где стояли подарки Русского Государя. Красота кровати соблазнила Убежище Мира: несмотря на войну, ему захотелось полежать на ней. Вздумано, сделано. Спустя не более четверти часа после того, как «тень Аллаха» улеглась и покоила уставшие члены, приезжает чапар (курьер) из Тебриза с известием, что главные города Адербаеджана и местопребывание наследника

Персидского престола заняты Русскими. Бешенство Шаха, когда он узнал об этом, не имело границ. Он по суеверию своему приписал взятие Тебриза неверной кровати, на которой он в тот день первый раз расположился. Тотчас велел он разобрать этот дар, уложить его в ящики, в которых хрусталь была привезена, и поставить в подвалы. Ревность слуг Шаха к исполнению как можно скорее его воли была так велика, что они второпях переломали много кусков. С тех пор никто не видал более знаменитой кровати, и, вероятно, никто ее уже и не увидит» (текст воспроизведен по изданию «Воспоминания о Персии 1834–1835. Барона Феодора Корфа. СПб. 1838»).

Драгоценные шали

Подаренные поручику Носкову за труды по доставке и сборке хрустальной кровати «кашмирские» шали как раз незадолго перед тем вошли в большую моду в Европе. Однако их история намного древнее, и ценность проверена столетиями. Исследователи считают, что этот вид ткачества, а также традиционный дизайн шалей происходят из Персии, потому что само слово «шаль» издавна употреблялось в Кашгаре, находившемся тогда на ее территории. Местные жители называли «шаль» покрывала и одеяла, необходимые в климатических условиях их проживания.

Древние руководства, рукописные трактаты по изготовлению шалей написаны на персидском языке. В них есть подробные описания и символы, обозначающие расположение узелков, нитей и цвета. В Европу эти уникальные шали попадали Великим шелковым путем или другими караванными дорогами того времени. Одна из подобных шалей восхитила Наполеона в 1796 году, он подарил ее своей жене Жозефине, сделавшей новому аксессуару французской моды самую лучшую рекламу.

Искусство изготовления настоящих шалей сохранилось и в наши дни. Они традиционно делаются из тончайшего и мягкого подшерстка, вычесанного и скрученного в тончайшую пряжу, пуха особой породы коз. Не так давно вышивкой этих шалей занимались только мужчины. Узоры не должны были повторяться на разных шалях и выполнялись легкими и тонкими стежками, похожими на вышивание гладью с обозначенным контуром и серединой узора из коротких линий, которые даже не всегда были соединены меж собой. Нарядные шали мастера вышивали по всему полю, а повседневные окаймляли вышивкой по краям.

В настоящее время существуют семейные мастерские, изготавливающие шали по старинной методике. Женщины должны сначала отсортировать и очистить шерсть-сырье, имеющую множество оттенков: бежевый, желто-коричневый, серо-коричневый, светло-коричневый, коричневый и даже белый. Белая шерсть наиболее редкая, ее получают немного, и ценится она выше. Из нее ткют самые редкие, чисто белые, шали. Шерстинки перед прядением распределяют по толщине на три вида: тонкие, средние и толстые. Чтобы придать шерстинкам некоторую жесткость для удобства прядения, их дополнительно подвергают обработке пастой из растений, обладающей эффектом крахмала. Сложенную связками пряжу по старинному рецепту предков окрашивают отдельно в нужные цвета. Толстые и тонкие шерстинки имеют разную степень окраски, и мастер всегда учитывает этот нюанс.

Определившись с дизайном будущей шали на ручном станке делают основу с учетом рисунка покрывающего ее поле и края, то, какими будут ее края (кисти, бахрома, подшивка). За один день можно выткать не более сантиметра шерстяного полотна, поэтому одну шаль делают долгие месяцы, примерно полгода уходит на двухметровую несложную шаль и полтора-два – на празднично-изысканную.

Ермолов и Грибоедов

История персидско-российских отношений первой трети XIX века неразрывно связана с двумя известными государственными деятелями Российской империи – Александром Сергеевичем Грибоедовым и Алексеем Петровичем Ермоловым.

4 июня 1777 года в Москве в небогатой дворянской семье орловских помещиков на свет появился Алексей Петрович Ермолов, прославленный российский генерал и наместник Кавказа. Учился он в Московском университетском пансионе, в четырнадцать лет поступил на военную службу. В семнадцать лет Ермолов уже участвовал в боях, а в двадцать один год, будучи подполковником, был заключен в Петропавловскую крепость по обвинению в участии в тайном обществе, направленном против Павла I. На самом деле Ермолов не был противником существующего режима, но он не скрывал своих невысоких оценок деятельности не только высокопоставленных вельмож, но и самого императора, открыто выражая свое нелюбимое мнение как в письмах, так и в личных разговорах (в том числе и с сановниками, например в то время почти всемогущим Аракчеевым), за что и подвергался всевозможным гонениям. Из ссылки Ермолова вернул Александр I.

Ермолов прославился как лучший артиллерист и опытный военачальник в войне с Наполеоном, отличился в Бородинском сражении и в «битве народов» при Лейпциге. 6 апреля 1816 года герой Отечественной войны 1812 года был назначен командиром Отдельного Грузинского корпуса и управляющим по гражданской части на Кавказе. Поскольку Ермолов не торопился с присягой новому императору из-за путаницы с отречением от престола царевича Константина, то возник нелепый слух, что командующий якобы был в сговоре с мятежниками и теперь со своим Кавказским корпусом собирается выступить против правительственных войск. Николай I, подозревавший Ермолова в симпатии к декабристам (а возможно, и тайном участии в их обществе),

не доверял Ермолову. Вскоре Ермолова сменил царский любимец И. Паскевич, и генерал уехал в Орел, к отцу.

Александр Грибоедов, известный русский поэт, драматург и дипломат, родился 15 января 1795 года в Москве. Получив прекрасное домашнее образование, он уже в одиннадцать лет стал студентом Московского университета, который с блеском окончил. Когда армия Наполеона вторглась в Россию, Грибоедов ушел добровольцем на войну. В 1817 году Грибоедов поступил на дипломатическую службу, но из-за участия в дуэли в качестве секунданта ему пришлось оставить столицу.

24 ноября 1817 года на Волковом поле в Санкт-Петербурге состоялась одна из самых известных российских дуэлей XIX века – между графом А. Завадовским и кавалергардом В. Шереметьевым. Дуэль, как это часто случалось, состоялась из-за женщины: в данном случае из-за 18-летней прославленной балерины Авдотьи Истоминой, о

которой писал в стихах и А. С. Пушкин. Повод для дуэли дал именно А. Грибоедов, привезя Авдотью Истомина в дом Завадовского, в котором и сам тогда проживал. Кавалергард Шереметьев, любовник Истоминой, узнав о том, что балерина пробыла в доме Александра Завадовского два дня, подстрекаемый корнетом лейб-уланского полка Якубовичем, вызвал соперника на дуэль. Оружием были выбраны пистолеты. Шереметьев был смертельно ранен и через несколько часов скончался. Через год состоялась и дуэль секундантов, где Грибоедов был ранен. Пуля попала Грибоедову в мизинец левой кисти руки. По этой-то метке и опознают Грибоедова в Тегеране...

Грибоедову был предложен выбор – отправиться в Калифорнию, заняв место чиновника русской миссии в США, или получить назначение на должность секретаря при царском поверенном в делах Персии. Он выбрал Персию...

Судьба посланника Грибоедова

11 февраля 1829 года в столице Персии Тегеране во время беспорядков, вызванных последствиями подписания с Российской империей Туркманчайского договора, был убит русский посланник Александр Грибоедов.

Туркманчайский договор был подписан годом раньше, после завершения русско-персидской войны 1826–1828 гг. По этому поводу снова состоялся обмен дарами, и сейчас в военном музее Афиф Абад в Ширазе можно увидеть у парадной лестницы две бронзовые пушки и прочесть надпись: «Пушка сия подарена уполномоченному от Персидского двора при заключении мира в Туркманче 1828 года наследнику престола Аббасу Мирзе от Российского Императора Николая I в знак дружбы».

«Роковая для дальнейшей судьбы поэта забота о пленных поглощала его еще задолго до трагедии в Тегеране. Он приехал в Персию с наказами многих грузин и армян, просивших разыскать в этой стране своих родных и близких... и никакие опасности не останавливали этого порыва. «Пленные здесь меня с ума свели. Одних не выдают, другие сами не хотят возвратиться», – переживал тогда поэт...»

Сергей Дмитриев

Среди условий мира была выплата Персией контрибуции в 20 миллионов рублей серебром. Именно внесения очередного платежа и должен был добиться от персидского шаха посланник Грибоедов.

«Важной в договоре была и статья о пленных, которые, согласно версии договора на русском языке, должны были быть возвращены в течение трех месяцев после заключения договора, а беглецы и преступники могли вернуться только по их желанию. Однако благодаря хитростям перевода в персидском тексте было сказано: «Как пленные, так и беглецы возвращаются по их желанию»... Это недоразумение привело к тому, что данная статья фактически не работала и вопрос о пленных по-настоящему стал решаться только после Туркманчайского договора, и в этой работе деятельное участие принял Грибоедов», – пишет Сергей Дмитриев в своем фундаментальном исследовании «Последний год Грибоедова. Триумф. Любовь. Гибель».

Ситуация изначально была сложной. «Роковая для дальнейшей судьбы поэта забота о пленных поглощала его еще задолго до трагедии в Тегеране. Он приехал в Персию с наказами многих грузин и армян, просивших разыскать в этой стране своих родных и близких... и никакие опасности не останавливали этого порыва. «Пленные здесь меня с ума свели. Одних не выдают, другие сами не хотят возвратиться», – переживал тогда поэт». И эту взрывоопасную проблему приходилось решать под пристальным вниманием английских агентов. Британия была весьма обеспокоена усилением российского влияния в Центральной Азии вообще и Персии в частности.

Удивительное совпадение: в момент рокового возмущения, стоившего жизни Грибоедову и почти всем сотрудникам русской

миссии, в Тегеране не было никого из английских представителей. Одним из первых на это обратил внимание генерал Паскевич, который писал тогда: «Странно, что в кровавый день убийства Грибоедова в Тегеране не было ни одного англичанина, тогда как в другое время они шаг за шагом следили за русскими». Дмитриев предполагает, что «самые активные участники заговора с английской стороны, а ими были – по степени убывания их возможного участия в этой провокации – Макнил, Уиллок и Кемпбелл, по-видимому, находились в тот период где-нибудь в Казвине или совсем неподалеку от столицы Персии, например в городе Кередже, ставшем сейчас фактически пригородом Тегерана. И оттуда они могли появляться инкогнито в столице, где, несмотря на все эти ухищрения, само помещение английского посольства функционировало в обычном режиме...».

«Странно, что в кровавый день убийства Грибоедова в Тегеране не было ни одного англичанина, тогда как в другое время они шаг за шагом следили за русскими».

Генерал-фельдмаршал Иван Паскевич

Существует немало документальных свидетельств современников о том, что предшествовало трагическому разгрому русской миссии в Тегеране 11 февраля 1829 года, и как особенности характера А. С. Грибоедова могли повлиять на развития событий.

Так, Ф. В. Булгарин в своих «Воспоминаниях о незабвенном Александре Сергеевиче Грибоедове», которые были впервые напечатаны в январской книжке журнала «Сын Отечества» за 1830 год (№ 1, том IX, стр. 3–42), писал: «В Персии он стал обучаться по-персидски и в скором времени не только объяснялся свободно на сем языке, но и понимал персидских авторов. Поведением своим и характером он снискал себе уважение целой английской миссии в Таврисе и приобрел особую благосклонность наследника престола, принца Аббаса-Мирзы, который истинно любил Грибоедова и находил удовольствие в его беседе. Все отличнейшие сановники персидские также уважали Грибоедова; он много способствовал к поддержанию доброго согласия между Аббас-Мирзою и правлением нашим в Грузии. Во время пребывания своего в Персии Грибоедов убедил множество русских, поселившихся в Персии и вступивших в военную службу, возвратиться на лоно отечества. Ему поручено было проводить этот отряд в российские пределы, и Грибоедов неоднократно подвергался опасности лишиться жизни в сем походе от озлобленных персиян, которым неприятно было возвращение сих переселенцев. Однако ж это дело нимало не ослабило благосклонности Аббаса-Мирзы, который даже упросил шаха, родителя своего, пожаловать Грибоедову персидский орден Льва и Солнца 2-й степени...»

«В Персии он стал обучаться по-персидски и в скором времени не только объяснялся свободно на сем языке, но и понимал персидских авторов. Поведением своим и характером он снискал себе уважение целой английской миссии в Тавресе и приобрел особую благосклонность наследника престола, принца Аббаса-Мирзы, который истинно любил Грибоедова и находил удовольствие в его беседе. Все отличнейшие сановники персидские также уважали Грибоедова...»

Фаддей Булгарин

Впоследствии, по словам того же мемуариста, Грибоедов не только способствовал заключению мирного договора с Персией, но и был тем, кто преподнес трактат о мире русскому императору, получив «чин статского советника, орден Св. Анны 2-й степени с алмазами, медаль за Персидскую войну и 4.000 червонных. В апреле сего же 1828 г. мудрый монарх наш благоволил назначить его полномочным министром при дворе персидском».

Граф Иван Симонич, преемник Грибоедова в качестве русского полномочного министра при персидском дворе, в очерке «Убийство русского посланника» свидетельствовал, что решение разместить в посольстве беглого придворного евнуха Мирзу Якуба было весьма опрометчивым: «Но спросят, может быть, мог ли министр русский нарушить свой долг, отказывая в убежище подданному своего государя? Разумеется, нет, ежели б человек этот пришел внезапно, желая самопроизвольно стать под его покровительство; но тут ведь были предварительные интриги, переговоры... Грибоедов имел время сообразить, какое унижение он готовил шаху, ободряя предприятия этого человека... Он должен был бы предложить евнуху Мирзе Якубу отложить на некоторое время свое предположение побега, тем более что неизвестно, имел ли он право считаться в числе русских подданных...»

Дезертиры

Проблема пленных, равно как и беглецов-дезертиров, носила застарелый характер. Как писал в воспоминаниях русский офицер капитан Лев Альбранд, командированный в Персию, в частности, и для решения этой проблемы, дезертиры искали убежища в Персии на протяжении нескольких десятков лет подряд. Причем безуспешно. «Принц Абас-мирза сформировал из них батальон, который в 1829 году состоял из 1400 человек. После холеры в 1880 году и в особенности после смерти Абас-мирзы численность батальона значительно уменьшилась; но еще в 1838 году, когда я прибыл в Тегеран, в нем считалось до 500 человек. Легкая служба, хорошее содержание увлекали наших солдат в Персию. Многие подвиги храбрости в делах против Туркменцев и Авганцев приобрели им большое уважение в Персии. Батальон пользовался славой, которая делала его грозным в глазах Персиан и их врагов на Востоке. Он носил название Гренадерского (Багадерон) и у Фет-Али-шаха и его преемника, Магомета, содержал Дворцовый караул».

Именно эти части оказались опорой Мухаммед-шаха в его противостоянии с Зели-султаном. Но поскольку такая ситуация, по мнению российских властей, дурно влияла на некоторые пограничные части, то император Николай I потребовал дезертиров вернуть. Хотя при этом сам объявил им прощение. С этой миссией и был отправлен в Персию капитан Альбранд. «Генеральный консул Кодинец, опасаясь чтобы дезертиры, узнав прежде времени требование о выдаче их, не разбежались, предъявил шахские дестхаты лишь по моем прибытии. В этих дестхатах было сказано: отдать нам только тех дезертиров и жен их (между дезертирами нашими было более 260 человек, женатых на Армянках, несторианках, Персианках и Туркменках), которые пожелают идти в Россию, отнюдь не употребляя насилия; а детей их, как персидских подданных, не отдавать». Но, как вскоре выяснили представители русской миссии, ни сам правитель не стремился возвращать беглецов, ни они сами, невзирая на государево прощение, не желали покидать своих близких. «Я расспрашивал дезертиров, поступивших в мое ведение, почему они упорствовали возвратиться в Россию. Они объясняли, что не столько выгоды, которые предлагали им

Персиане, не столько страх вновь служить в России, их колебали, сколько горе расстаться с семействами, которые они должны покинуть в Персии...» (Текст воспроизведен по изданию: Командировка капитана Альбранта в Персию в 1838 году, рассказанная им самим // Русский вестник, № 3. 1867). Лев Львович Альбранд проявил во время исполнения этой миссии немалые дипломатические способности, сумев поладить как с самими «возвращенцами», так и с персидской стороной. По завершении командировки он в знак признания заслуг был сразу произведен в звание полковника.

«Легкая служба, хорошее содержание увлекали наших солдат в Персию. Многие подвиги храбрости в делах против Туркменцев и Авганцев приобрели им большое уважение в

Персии. Батальон пользовался славой, которая делала его грозным в глазах Персиан и их врагов на Востоке».

Лев Альбранд

Миссия принца

Сергей Дмитриев в своем труде отмечает, что характер посланника Грибоедова повлиял на развитие событий: «...принцип личного участия в том, что ты изучаешь, Грибоедов распространял и на «свет и любовь», и на войну и дипломатию, и на литературу и музыку, и на иностранные языки и религиозные учения, ко всему относясь серьезно. Проявляя себя во всех этих ипостасях, поэт всякий раз делал то, что было близко его сердцу, умея переключаться от одного дела к другому».

Во время русско-персидской войны 1826–1828 гг. Грибоедов принимал участие в военных действиях, а потом внес значительный вклад в разработку условий Туркманчайского мирного договора, не только завершившего конфликт, но и сделавшего Россию и Персию добрыми соседями. «Не будет преувеличением сказать, что то, как встречали Грибоедова в Петербурге 14 марта 1828 г., позволяет утверждать, что ни до этого дня, ни после никто из русских поэтов не удостоивался такой высокой чести за свои подвиги и достижения, тем более выраженной публично, в парадной обстановке, на виду у всех самим императором, – подчеркивает Сергей Дмитриев. – Слава, известность, благосостояние стали заслуженной наградой поэта, хотя причиной этой награды были не его творения, а служебная деятельность».

«Горестное событие было «обдуманном последствием самого вероломного коварства», то есть заговора. Целью этого заговора было вовлечь Персию в новую войну с Россией и сместить с места наследника престола Аббас-Мирзу, заменив его одним из сыновей шаха».

Сергей Дмитриев

Но успехи русской дипломатии в лице Грибоедова были не слишком приятны Британии, желавшей взять Персию и прилегающие страны под полный свой контроль. И у англичан нашлись, как убедительно показывает автор книги, общие интересы с некоторыми представителями высшей персидской аристократии – теми, кто желал

скомпрометировать путем новой войны с Россией, а потом и отстранить от власти наследника престола Аббас-Мирзу, который со своей стороны вел переговоры о Туркманчайском мире.

Череду событий, приведших к трагической гибели Грибоедова и сотрудников русской миссии, Сергей Дмитриев восстанавливает буквально поминутно, анализируя многие источники. И делает обоснованный вывод, что ситуация, когда на фоне начавшейся русско-турецкой войны возникли проблемы с выполнением условий Туркманчайского мирного договора, была спровоцирована не только британскими агентами, хотя они приложили к тому немало усилий, но и соперниками Аббас-Мирзы в будущей борьбе за власть. «Горестное событие было «обдуманым последствием самого вероломного коварства», то есть заговора. Целью этого заговора было вовлечь Персию в новую войну с Россией и сместить с места наследника престола Аббас-Мирзу, заменив его одним из сыновей шаха». Но, несмотря на тегеранскую трагедию 1829 года, мирный договор нарушен не был. Его первая статья недаром гласила: «Отныне на вечные времена пребудет мир, дружба и совершенное согласие между Е. В. Императором Всероссийским и Е. В. Шахом Персидским, их наследниками и преемниками престолов, их державами и обоюдными подданными». С тех пор Россия и Персия никогда друг с другом не воевали, более того, не раз выступали в качестве союзников.

После той трагедии шах оказался вынужден послать в Россию своего внука – принца Хосрев-Мирзу с богатыми дарами, среди которых был знаменитый желтый алмаз «Шах» с выгравированными на нем именами владевших им правителей: Бурхан-Низам-Шаха, Джахан Шаха из династии Великих Моголов... Позже его в числе прочих военных трофеев захватил Надир-шах.

«Отныне на вечные времена пребудет мир, дружба и совершенное согласие между Е. В. Императором Всероссийским и Е. В. Шахом Персидским, их наследниками и преемниками престолов, их державами и обоюдными подданными».

Туркманчайский мирный договор

О судьбе алмаза писал впоследствии знаменитый минералог Александр Ферсман, которому выпало первым взять в руки это сокровище после всех потрясений Первой мировой войны, революции 1917 года и Гражданской войны: «Камень перешел в Персию, и почти через сто лет на нем была выгравирована третья, также художественно сделанная надпись: «Владыка Каджар-Фатх'али-Шах Султан. 1242» (т. е. 1824 год по нашему летосчислению)... 30 января 1829 года в столице Персии Тегеране произведено нападение на русского дипломата... В России поднимается волнение, царская дипломатия требует примерного наказания Персии, волнуется и русское общество, ибо убит знаменитый писатель А. С. Грибоедов, автор «Горя от ума». Персия должна «умилостивить белого царя», и с особой депутацией в Петербург отправляется принц Хозрев-Мирза, который должен передать России одну из ценнейших вещей персидского двора – знаменитый алмаз «Шах». За кровь Грибоедова было заплачено камнем... В Петербурге камень после торжественного приема делегации помещается среди других драгоценностей в бриллиантовой кладовой Зимнего дворца. Прекрасный камень с тремя выгравированными на нем надписями лежит на бархате, охраняемый часовыми гвардейских полков...»

25 марта 1829 года шах отправил послание генералу Паскевичу: «Ныне мы повелели сыну нашему, Наследнику Персидского престола, отправить к Вашему Сиятельству любезного сына его Хозрев-Мирзу и при оном находиться высокостепенному Мамед-хану, главнейшему из особ Персидской державы, дабы загладить извинением сие происшествие. Хозрев-Мирза подробно объяснит Вам обстоятельства дела, и, по доверенности вашей к нему, все представления его удостоены будут монаршей нашей ратификации».

Через несколько дней принц со свитой выехал из Тавриза. Знаменитый поэт А. С. Пушкин, чей рассказ о том, как ему повстречалась процессия с гробом погибшего в Тегеране Грибоедова, широко известен, в том же «Путешествие в Арзрум» отмечает, что видел и персидского принца, направлявшегося в Санкт-Петербург: «Я пошел пешком, не дождавшись лошадей, и в полверсте от Ананура, на повороте дороги, встретил Хозрев-Мирзу. Экипажи его стояли. Сам он выглянул из своей коляски и кивнул мне головою. Через несколько часов после нашей встречи на принца напали горцы. Услышав свист

пуль, Хозрев выскочил из своей коляски, сел на лошадь и ускакал. Русские, бывшие при нем, удивились его смелости...»

«Я пошел пешком, не дождавшись лошадей, и в полверсте от Ананура, на повороте дороги, встретил Хозрев-Мирзу. Экипажи его стояли. Сам он выглянул из своей коляски и кивнул мне головою. Через несколько часов после нашей встречи на принца напали горцы. Услышав свист пуль, Хозрев выскочил из своей коляски, сел на лошадь и ускакал. Русские, бывшие при нем, удивились его смелости...»

А. С. Пушкин

В Москве принца и его приближенных поселили в доме Разумовских на Тверской. Этот великолепный «дом со львами», впоследствии известный как Английский клуб, сохранился до наших дней, в нем теперь находится Музей современной истории России.

Для встречи персидского посольства был разработан особый церемониал, предусматривавший мельчайшие детали: «Из Подольска прибудет Принц со всею своею свитою в Коломенский Дворец, где, выходя из дорожного своего экипажа, имеет быть встречен и приветствован краткою речью назначенным по Высочайшей Воле для пребывания при нем Двора Его Императорского Величества камергером – действительным статским советником Булгаковым; при чем поставленный на дворе караул отдаст Его Высочеству должную честь.

Когда Принц, войдя в приготовленные для него внутренние апартаменты, скинет дорожное платье и примет некоторое отдохновение: то камергер Булгаков испросит приказания его, тотчас ли будет ему угодно продолжать путь в Москву, или же пожелает Его Высочество остаться в Коломенском для завтрака, или, смотря по времени, для обеденного стола? Из сего Дворца до заставы Принц будет ехать в нарочно высланной карете, запряженной осмериком и сопровождаемой конвоем конницы; свита же его отправится в тех же дорожных экипажах.

Стоящий у заставы караул отдаст Принцу должную честь, а г. Московский обер-полицмейстер, подъехав верхом к его карете, поздравит его с благополучным прибытием в Москву и вручит ему рапорт после чего Его Высочество пересядет в парадную карету. Все прочие главнейшие чиновники, составляющие свиту посольскую, также разместятся в приготовленные для них экипажи...»

Был определен и порядок построения кортежа: «Полицмейстер с ординарцами для устройства и указания дороги. 24 жандарма, по 12-ти на стороне, при одном обер-офицере едут возле тротуаров, дабы улицы не были загорожаемы народом... Рота гранодер с музыкою. Четыре берейтора верхом... Принцева лошадь верховая в богатой сбруе; ведут два придворные конюха... Четвероместная раскидная карета для Мирзы Джафара, младшего гофмаршала, запряженная цугом, так, как и все следующие... Четвероместная осьмистекольная карета, запряженная шестью лошадьми, в оной: Принц Хозрев-Мирза с

особами, коих угодно будет Его Высочеству избрать самому для сопровождения его. У всякой лошади по придворному лакею, за каретою два придворных лакея; возле кареты, с той стороны, где сидит Принц, едет Московский обер-полицмейстер верхом, а поотдаля от него один полицмейстер, оба со свитами их и казаками; а с другой стороны в равном с полицмейстером расстоянии начальник жандармского эскадрона с двумя жандармами и один из адъютантов московского военного генерал-губернатора».

«Из Подольска прибудет Принц со всею своею свитою в Коломенский Дворец, где, выходя из дорожного своего экипажа, имеет быть встречен и приветствован краткою речью назначенным по Высочайшей Воле для пребывания при нем Двора Его Императорского Величества камергером – действительным статским советником Булгаковым; при чем поставленный на дворе караул отдаст Его Высочеству должную честь».

Официальный церемониал встречи принца Хозрев-Мирзы в Москве

Определена была и дорога следования: «От Серпуховской заставы к Серпуховским воротам по Полянке через Каменный мост; здесь поворотит оный направо вдоль Москвы реки до Москворецкого моста; тут поднимется кортеж налево к Лобному месту и мимо монумента Князя Пожарского через Воскресенские ворота... У Серпуховских ворот, против монумента Минина и Пожарского у Сенатской стены, на Тверской против дома Московского военного генерал-губернатора, а равно у Тверских ворот будет поставлено войско для отдания Принцу чести при проезде его».

Земля перед крыльцом усадьбы Разумовских была устлана красным сукном, а в «передней комнате» дома принца встречали представители знатного московского купечества с хлебом-солью, фруктами и цветами.

Находясь в Первопрестольной, принц Хозрев-Мирза посетил Кремлевский дворец и Оружейную палату, Московский университет, кадетский корпус, архив Коллегии иностранных дел. Также он совершил визит к матери погибшего посланника Анастасии Федоровне,

о чем сохранились отчеты уполномоченных III отделения: «Свидание их было, как сказывают, очень чувствительно и интересно, разумеется, она как мать не могла быть равнодушною, увидя единоземцев народа, который лишил ее сына. Принц со слезами у нее просил за них прощения ее, чтоб она сказала ему, в чем он может ей быть полезен, жал ей долго руку и в это время слезы катились по лицу Его...». Также в честь принца князем Юсуповым был дан парадный обед в имении Архангельское.

Дальнейший путь персидского посольства лежал в Санкт-Петербург, причем по дороге Хозрев-Мирза по особому приглашению императора Николая посетил закрытые военные поселения под Новгородом Великим.

В российской столице, куда посольство прибыло 4 августа 1829 года, принца и его приближенных разместили в Таврическом дворце. 10 августа состоялась торжественная аудиенция в Зимнем дворце. Хозрев-Мирза вручил Николаю I послание шаха и произнес речь, в которой были такие слова: «Покой и радость, воцарившиеся в Иране, и подлинный союз, явившийся результатом мира между его величеством шахиншахом Ирана, моим повелителем и уважаемым дедом, и вашим императорским величеством, побудили ревностную звезду, которая по своей злости ввела в заблуждение разъяренную толпу, повлекла за собой инцидент, при котором погибли уполномоченные лица России. Это трагическое событие окутало трауром и горем великую семью шаха и всех его слуг. Могучее государство его величества шахиншаха Ирана глубоко потрясено одной мыслью о том, что рукой интриги и провокации горсть злоумышленников может разрушить мирные отношения и союз, восстановленный с великим русским царем... С надеждой, что мой искренний голос у благосклонного императора найдет отклик, жду, что мои слова послужат сохранению истинной дружбы, которая будет способствовать союзу двух великих государств и двух сил мира».

«Могучее государство его величества шахиншаха Ирана глубоко потрясено одной мыслью о том, что рукой интриги и провокации горсть злоумышленников может разрушить мирные отношения и союз, восстановленный с великим русским царем...»

Речь принца Хозрев-Мирзы на встрече с императором Николаем I

Ответ русского императора история сохранила в максимально лаконичной форме: «Я предаю вечному забвению злополучное тегеранское происшествие». Хотя на самом деле переводчик Шанбург

произнес от имени Николая I речь, не менее торжественную и прочувствованную: «Его императорское величество, мой великий государь, уполномочил меня заверить вас, великого набоба, в том, что горестное соблезнование, выраженное вами от имени вашего падишаха, было принято с верой, заключившей в себе полную удовлетворенность. Его величество бесконечно огорчен событием, возникшим по воле злоумышленников, желающих снова поспорить два соседних государства... Великий набоб, сообщив его величеству шаху о наших намерениях, пусть заверит его в воле императорского величества сохранить мир и укрепить дружбу и добрососедские отношения, которые были в высшей степени достигнуты Туркманчайским договором».

Среди даров, преподнесенных тогда персидским принцем, кроме уже упоминавшегося алмаза «Шах», были драгоценные украшения для императрицы и великих княжон, сабля для цесаревича Александра, уникальные старинные манускрипты и великолепные ковры. Ответные российские дары для шаха включали 12 новейших пушек. Вдобавок император Николай I уменьшил сумму контрибуции, предусмотренной Туркманчайским мирным договором, на 2 миллиона рублей (то есть на 1 курур – 500 тысяч туманов), а срок выплаты оставшихся 2 миллионов рублей увеличил на 5 лет.

Во время своего визита в Россию принц часто бывал в обществе, посещал театры. Известный актер и драматург Петр Каратыгин вспоминал: «Хозров-Мирза был юноша лет шестнадцати или семнадцати, очень красивый собою; он сделал большой эффект в петербургских обществах; особенно дамы были от него в восхищении и не давали ему проходу на гуляниях».

«В продолжение двух дней в качестве чрезвычайного посла он принимал всех, кто имеет на это право. Он первым

разослал свои визитные карточки послам. На Елагином острове мы видели его гарцующим на коне, и это ему очень к лицу. В театре, где в его честь дали концерт, он заинтересованно, с удовольствием слушал музыку».

Долли Фикельмон

Графиня Долли Фикельмон, хозяйка знаменитого литературного салона, так описывала высокородного персидского гостя: «У него прелестнейшее лицо, точно у персонажа из арабской сказки или поэмы, роста он небольшого, но довольно гибкий, с грациозными движениями. Очень красивая голова, бархатные глаза, мягкий, меланхоличный взгляд, очаровательная улыбка, изящная и одухотворенная физиономия. На голове небольшая черная шапочка, и он носит шальвары. Свита у него довольно многочисленная. Среди них встречаются красивые лица, серьезные, разумные, но у всех немного дикие глаза. В продолжение двух дней в качестве чрезвычайного посла он принимал всех, кто имеет на это право. Он первым разослал свои визитные карточки послам. На Елагином острове мы видели его гарцующим на коне, и это ему очень к лицу. В театре, где в его честь дали концерт, он заинтересованно, с удовольствием слушал музыку».

Визит принца был настолько заметным событием, что он дважды упоминается в произведениях Николая Гоголя, прежде всего в повести «Нос», где говорится: «Потом пронесся слух, что не на Невском проспекте, а в Таврическом саду прогуливается нос майора Ковалева, что будто бы он давно уже там; что когда еще проживал там Хозрев-Мирза, то очень удивлялся этой странной игре природы».

Наблюдения барона Корфа

Барон Федор Федорович Корф, отечественный прозаик, драматург и журналист, родственник М. А. Корфа, лицейского товарища А. С. Пушкина, до 1833 года служил в Преображенском лейб-гвардии полку. В 1834–1835 годах занимал пост второго секретаря в русской миссии в Тегеране и написал «Воспоминания о Персии 1834–1835», в которых приводил множество своих наблюдений, зарисовок и услышанных им рассказов. Например такой: «В царствование Фетх-Али-Шаха жил был в Тегеране некто, не знаю, как по имени, положим, Гусейн-Бек. Этот Гусейн был великий мастер на всякие штуки. Он поправлял часы, чинил замки и т. д. Шах получил в подарок от какого-то кафира прехитрый калейдоскоп, в котором по мере поворачивания являлись портреты разных известных лиц. Шах восхищался затейливой игрушкой и до того употреблял ее, что механизм расстроился. Средоточие вселенной изволил сильно разгневаться и не знал, как пособить делу.

В Тегеране только и речей было, что об испорченном калейдоскопе, никто не мог придумать средства исправить его; умы надседались по-пустому. Весть о злосчастном приключении доходит до ушей Гусейн-Бека. Он является к Шахскому Хазнодару (хранителю сокровищ) и объявляет ему, что, услышав о несчастном приключении, постигшем Фетх-Али-Шаха, он явился предложить свои услуги и исправить испорченную игрушку. Хазнодар доложил Шаху. Калейдоскоп выдан Гусейн-Беку. Тегеранский искусник, разглядев, в чем дело, вздумал не только исправить, но даже пополнить Шахскую забаву. К находившимся в калейдоскопе портретам прибавил он изображение Фетх-Али-Шаха и отнес к Хазнодару. Шах долго любовался выдумкою своего подданного и в вознаграждение трудов его сказал: «Барикелла, барикелла!» (браво, браво.) Гусейн-Бек считал себя крайне обиженным, тем более что иностранец, вручивший Шаху калейдоскоп, был осыпан его щедротами. Механик отправился снова к Хазнодару и просил одолжить ему еще на время калейдоскоп под предлогом некоторых исправлений, которые он хотел в нем сделать. Хазнодар на этот раз не затруднился выдачею. Проходят три, четыре дня, неделя – Гусейн-Бек не является. Посылают к нему на квартиру,

находят двери запертыми, спрашивают соседей, они говорят, что не видали его уже давно. Наконец выламывают дверь, входят в комнату: она пуста, только на полу лежит что-то завернутое в бумагу и письмо. Развертывают пакет и находят в нем калейдоскоп, разбитый в мелкие куски. Письмо было писано рукою Гусейн-Бека. Он объявлял в нем, что, видя труды свои ничем не вознагражденными, он очень рад возможности, представившейся ему, отплатить за нанесенную ему обиду, и что если угодно иметь о нем известие, то можно адресоваться к Иمامу Маскатскому, к которому он отправляется».

«Шах получил в подарок от какого-то кафира прехитрый калейдоскоп, в котором, по мере поворачивания, являлись портреты разных известных лиц.

Шах восхищался затейливой игрушкой и до того употреблял ее, что механизм расстроился. Средоточие вселенной изволил сильно разгневаться и не знал, как пособить делу...»

Федор Корф

«Одна из дворцовых зал имеет престранную мебель: весь ее пол уставлен фарфоровыми и стеклянными вещами, которые были подарены Европейцами; чайники, чашки, умывальники, стаканы, рюмки, блюда, молочники, кофейники, соусники стоят на полу в беспорядке; оставлены только пустые места для прохода и небольшая площадка, где Фетх-Али-Шах садился при приеме гостей».

Федор Корф

Корф приводит и подробности того, как во дворце демонстрировались преподнесенные правителю дары: «Одна из дворцовых зал имеет престранную мебель: весь ее пол уставлен фарфоровыми и стеклянными вещами, которые были подарены Европейцами; чайники, чашки, умывальники, стаканы, рюмки, блюда, молочники, кофейники, соусники стоят на полу в беспорядке; оставлены только пустые места для прохода и небольшая площадка, где Фетх Али-Шах садился при приеме гостей».

Также он подробно описывает помещение для трапезы во дворце, оснащенное огромным опахалом в виде длинного полотна, которое раскачивают два служителя. Барону довелось увидеть даже комнаты, занимаемые главной женой Фетх Али-Шаха. Считалось, что это самое прекрасное жилище во всем Тегеране, и Корф признавал, что оно и впрямь замечательно отделано и украшено.

«Главный торговый город Персии для Европы есть без сомнения Тебриз, и потому я исключительно займусь им, – отмечал Корф. – Должно начать с того, что Тебриз по близости своей к нашей границе (всего два дня перехода от Аракса до Тебриза с вьюками) представляет для нас первое место, в котором товары наши, идущие через Грузию и Армянскую область, могут быть сбыты. Рассмотрев теперь с другой стороны торговлю Англии с Персией, мы находим, что она имеет также два пути: один через Бендер-Бушир (этот путь есть собственно путь торговли Ост-Индской Компании с Персией) и другой через Требизонд и Арзерум в Тебриз. Главный путь сообщения есть последний, и в этом случае Тебриз стоит на дороге, по которой Английские товары идут из Требизонда в какой бы то ни было пункт Персии.

«Тебризские базары наводнены иностранными товарами, капиталы в непрерывном движении, и, несмотря на всю эту жизнь, на всю деятельность, Персия далеко еще не снабжается потребным для нее количеством Европейских товаров, и если иногда иностранные товары, продающиеся на сроки, нелегко сбываются и даже, может быть, не приносят той выгоды, которой купцы от них ожидают, то этому никак не должно полагать причиной недостаток в потребителях. Это происходит не от чего иного, как от ложного или поверхностного знания Европейцами местных обстоятельств или нужд и неумения их приноровляться ко вкусу Персиян...»

Федор Корф

Из этого видно, что в Тебризе сходится вся главная Европейская торговля. Тебризские базары наводнены иностранными товарами, капиталы в непрерывном движении, и, несмотря на всю эту жизнь, на всю деятельность, Персия далеко еще не снабжается потребным для нее количеством Европейских товаров, и если иногда иностранные товары, продающиеся на сроки, нелегко сбываются и даже, может быть, не приносят той выгоды, которой купцы от них ожидают, то этому никак не должно полагать причиной недостаток в потребителях. Это происходит не от чего иного, как от ложного или поверхностного знания Европейцами местных обстоятельств или нужд и неумения их приноровляться ко вкусу Персиян, что, однако, при небольшом старании и даже при ограниченных способах весьма нетрудно узнать с точностью. Главные ошибки наших Европейских купцов состоят в том, что они привыкли, не зная почему, считать Азию вообще, а Персию в особенности за какое-то захолустье, куда ворон костей своих не заносит, где все живут разбойники и воры, где родная копейка не охранена ничем, где всегда должно действовать на авось...»

Барон оставил подробные описания тегеранских базаров, выстроенных в виде длинных крытых галерей, по обеим сторонам которых находились лавки купцов и ремесленников: «...занимаются каждый своим делом: кто кует подковы, кто точит сабли, кто шьет туфли, кто точит из дерева кальянные чубуки, кто печет хлеб, кто варит пилавы. Базар есть вместе и фабрика, и рынок. Самый занимательный из всех базаров – тот, где стряпают кушанье; там главная суэта...»

К числу самых замечательных зданий в Тегеране Корф относил Шахскую мечеть, «у которой вызолочен небольшой купол: все уста в Персии кричат про это диво и удивляются щедрости Фетх-Али-Шаха, который украсил Тегеран блестящею точкою». Также он оставил подробные и часто весьма поэтичные описания предместий Тегерана. Среди мест, вызвавших у него особый интерес, – Касри-Каджар, то есть «Замок Каджаров». Корф восхищался как самим дворцом, пристроенным к склону горы уступами, так и «одним из лучших в Персии» садом с многочисленными водоемами, изящными беседками и обильной зеленью: «особенно хороши высокие ивы; их ветви падают длинными кистями в таких поэтических формах, их зелень так прозрачна, что трудно вообразить себе что-нибудь красивее».

Принц Аббас-Мирза

Принц Аббас-Мирза, второй сын Фетх Али-шаха Каджара, родился 26 августа 1789 года. Именно он был назначен наследником персидского престола. С малых лет Аббас-Мирза был наместником шаха на азербайджанской земле. Принц проявил разнообразные таланты, в том числе организаторские и литературные, а также военные, проявив себя в качестве одного из лучших персидских военачальников. Во время войн с Российской и Османской империями (одержав несколько побед в 1821 году) Аббас-Мирза командовал армией, проявляя личное мужество и отвагу на поле боя.

Именно Аббас-Мирза не только предпринимал попытки модернизировать персидскую армию, но и был инициатором отправления персидских студентов на учебу в европейские университеты. Аббас-Мирза руководил переговорами с европейскими послами и послом Российской империи, завершившимися подписанием Туркманчайского договора.

Когда в 1833 году Ост-Индская компания по собственной инициативе послала новую партию английских офицеров и унтер-офицеров для обучения персидских войск, то шах Фетх Али-шах выразил свое недовольство, запретив им двигаться из Шираза, куда они прибыли, дальше, говоря, что он не нуждается в них, что он не просил

их присылать и что, следовательно, имеет право не принимать их. Только после переговоров и интриг англичане смогли добиться от правителя Персии, чтобы он разрешил британским офицерам прибыть в столицу. В Тегеране в то время находился принц Аббас-Мирза, который получил разрешение от своего отца-шаха на то, чтобы оставить этих офицеров в персидской армии в качестве инструкторов, но при условии, что британцы не будут получать жалованье от персидского шаха.

Граф И. О. Симонич в своих «Воспоминаниях полномочного министра» (Воспоминания полномочного министра: 1832–1838 гг. – М.: Наука. 1967 г.) писал о нем: «Когда только распространился слух, что Аббас-мирза при смерти, в Табризе знали, что он уже умер. Русская и английская миссии находились в разных местах: первая – в Табризе, вторая – в Тегеране. Нужно было определить свою позицию и поторопить шаха, пока в нем еще теплилась жизнь, с выбором преемника. Русский посланник ни минуты не колебался в том, кому следует покровительствовать, и обратил все свое внимание на Мохаммед-шаха, старшего сына Аббас-мирзы. Английская миссия, напротив, долго размышляла; она пыталась удовлетворить желания всех партий и поддерживала надежды всех претендентов. Впрочем, Мохаммед-мирзы не было в числе тех, кому она покровительствовала.

«Русский посланник ни минуты не колебался в том, кому следует покровительствовать, и обратил все свое внимание на Мохаммед-шаха, старшего сына Аббас-мирзы. Английская миссия, напротив, долго размышляла; она пыталась удовлетворить желания всех партий и поддерживала надежды всех претендентов».

Иван Симонич

[Англия или, вернее, Ост-Индская компания была представлена тогда при персидском дворе капитаном сэром Джоном Кэмпбеллом, помощником которого, или первым секретарем, был бывший врач Макниль...]

Среди претендентов на корону, обладавших хоть видимым правом на нее согласно завещанию, оставленному основателем Каджарской

династии, был Али-шах Зеллесолтан, знакомый уже нам родной брат Аббас-мирзы; другие же не имели никаких прав».

Аббас-Мирза скончался 25 октября 1833 года, руководя войсками, направлявшимися против Герата. Через несколько месяцев умер его отец, Фетх Али-шах, и владыкой Персии был провозглашен Мохаммед-шах, который в конце октября 1834 года унаследовал престол деда.

Подготовка к походу и осада Герата

По словам Жана-Поля Ру, Фетх Али-шах пытался хотя бы частично воссоздать Великий Иран, завоевав для этого Месопотамию и Герат. В 1833 году Мохаммед-шах должен был принять участие в походе на Герат. Но умер его отец, а потом и дед. Взойдя на трон и разобравшись с неотложными делами, Мохаммед-шах стал готовиться к новому походу.

Во время подготовки похода на Герат, начатом в 1836, а позже перенесенном на 1837 год, британский посол пытался предложить свои услуги в качестве посредника, возможно, имея настоящей целью остановить подготовку похода, но Мохаммед-шах, ссылаясь на статью № 9 договора 1814 года («В случае войны между афганцами и персами английское правительство не будет вмешиваться в дела ни одной из сторон, если только они сами не обратятся к его посредничеству в целях восстановления мира»), отклонил это посредничество.

По словам графа Симонича, «это ни в малейшей степени не помешало посланнику Англии заняться переговорами, в которых посол Герата в точности следовал всем полученным наставлениям. Согласно этим советам, посланец предложил возобновить договор 1833 г., предусматривавший уплату Камран-мирзой дани с обязательством скрыть укрепления у Гуриана. Он обещал препятствовать разбою и запретить торговлю персидскими пленными. Более того, он брал на себя обязательство приступить к чеканке монеты с именем шаха, покровительствовать шиитам, давая им возможность свободно исповедовать свою религию, послать в Тегеран заложников, взятых из семей, указанных шахом; в числе заложников должен был находиться сын Яр Мохаммед-хана, министра Камран-мирзы.

Конечно, для Персии ничего не могло быть более выгодным, чем этот договор, и шах принимал его условия, но не хотел брать на себя личных обязательств; он не хотел также приостанавливать поход до введения в действие этого соглашения. Иными словами, дабы удостовериться в искренности этих обещаний, шах потребовал, чтобы подписанию этого документа предшествовала предварительная выдача ему заложников и скрытие гурианских укреплений. Английский посланник использовал всю свою изобретательность ради устранения

посла России от какого-либо участия в этих переговорах; он был до такой степени осторожен, что не позволил посланцу из Герата нанести мне визит».

«Английский посланник использовал всю свою изобретательность ради устранения посла России от какого-либо участия в этих переговорах; он был до такой степени осторожен, что не позволил посланцу из Герата нанести мне визит».

Иван Симонич

В 1837 году осадившие город Герат войска под личным командованием шаха имели в своих рядах и российских офицеров. Военным советником был опытный военачальник, генерал-майор Иван Осипович Симонич, который в 1832 году был назначен императором Николаем I полномочным министром в Персии.

Послом в Персии Симонич пробыл шесть лет. Его биография могла бы стать сюжетом фильма или романа. Родившийся в 1794 году в городе Себенико (Далмация) Симонич служил в армии Наполеона и участвовал в походе против России. После разгрома «Великой армии» он попал в русский плен и четыре года спустя стал русским офицером: по «высочайшему приказу» был зачислен капитаном в Кременчугский пехотный полк. Благодаря проявленному усердию и таланту через год Симонич был произведен в майоры, а спустя два года – в подполковники. В основном служил на Кавказе.

В своей анкете, дошедшей до наших дней, Симонич сообщал, что владеет русским, французским, итальянским и латинским языками, знает историю, географию, математику, артиллерию, фортификацию.

Во время Русско-персидской войны 1826–1828 гг. Симонич отличился в Елизаветпольском сражении, за которое был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени. Командовал полком в Русско-турецкую войну в 1828–1829 годах. Через несколько месяцев после ее окончания был произведен в генерал-майоры.

Вот как описывает российский посол свои переговоры с Мохаммед-шахом накануне похода: «Шах с чувством глубокого удовлетворения и признательности принял предложенный ему С.-Петербургским кабинетом план объединения под его (шаха) эгидой

стран, некогда принадлежавших его предшественникам, но вот уже в течение столетия не признававших господства Персии; тем более что от него не требовалось дорогостоящих жертв. Его величество одобрил миссию русского офицера и содержание данных ему предписаний. Что касалось Герата, то шах остался твердым в своем намерении послать армию в Хорасан и действовать по ее прибытии, исходя из преданности, с которой Камран примется за выполнение предварительных условий, предполагая, что преданность эта искренна».

В августе 1837 года в персидскую столицу пришло сообщение о смерти британского короля Вильгельма IV и восшествии на престол королевы Виктории. Никто еще ни в Европе, ни в далекой Персии не догадывался о том, что ей предстоит более полувека править Британией и стать императрицей Индии. В мировую историю вошли такие

термины, как викторианская эпоха и викторианский стиль. Став королевой 20 июня 1837 года, Виктория ознакомилась со своими правами и обязанностями, среди которых были давать своему правительству советы, расформировать армию, отправлять в отставку всех королевских офицеров, начиная с главнокомандующего, и увольнять чиновников, даровать звание пэра любому гражданину Великобритании, и даже миловать осужденного преступника. По традиции британский монарх проводил церемонии открытия парламента и участвовал в военных парадах и торжественных мероприятиях, например, закладке первого камня английского университета или музея.

«Во время похода персидской армии к Афганистану его величество покойный император Николай предпринял поездку на Кавказ, посетил Тифлис, но ранее побывал в Эривани. Здесь его встретил губернатор персидской провинции Азербайджан амир-низам из Тавриза, чтобы приветствовать его величество от имени шаха. Амир-низам прибыл на встречу, по персидскому обычаю, с большой свитой, в которой находился и юный наследник престола, нынешний шах Насер эд-Дин, тогда восьмилетний мальчик. Император принял мальчика очень дружелюбно...»

Иван Бларамберг

Узнав о новой правительнице Британской империи, Мохаммед-шах назначил своего первого адъютанта Хосейн-хана чрезвычайным послом для передачи королеве Виктории своих поздравлений. Помимо этого, Хосейн-хану были даны поручения и для других европейских владык: он должен был передать письма и подарки для австрийского императора и французского короля. Мохаммед-шах решил последовать по пути своего деда и продолжить прежние связи с правителями этих держав. Но британский посол в Персии выразил недовольство шахским выбором посланника, считая его недостаточно знатным по происхождению. Тем более когда на грузинской земле ожидали приезда российского императора Николая I, который решил лично побывать на южной окраине своего государства и стал первым российским государем, ступившим на землю Грузии.

27 сентября 1837 года Николай I приплыл на пароходе «Полярная звезда» в крепость Редут-Кале на черноморском побережье Грузии (теперь это поселок Кулеви). Владыка Персии отправил на встречу с императором посольство во главе со своим старшим сыном.

Иван Федорович Бларамберг, будущий генерал-лейтенант, директор Военно-топографического депо, управляющий Военно-топографической частью ГУ Главного штаба – начальник Корпуса военных топографов, 18 января 1837 года был назначен адъютантом посла в Персии – генерал-майора графа И. О. Симонича. Капитан Бларамберг участвовал в осаде Герата и оставил подробные описания событий того времени (И. Ф. Бларамберг. Воспоминания. Глава III. 1838 год. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978 г.). «Во время похода персидской армии к Афганистану его величество покойный император Николай предпринял поездку на Кавказ, посетил

Тифлис, но ранее побывал в Эривани. Здесь его встретил губернатор персидской провинции Азербайджан Амир-Низам из Тавриза, чтобы приветствовать его величество от имени шаха. Амир-Низам прибыл на встречу, по персидскому обычаю, с большой свитой, в которой находился и юный наследник престола, нынешний шах Насер эд-Дин, тогда восьмилетний мальчик. Император принял мальчика очень дружелюбно, посадил его себе на колени, приласкал и щедро одарил, но в беседе с Амир-Низамом заявил, что со стороны шаха, его друга и доброго соседа, нелюбезно не только принимать к себе русских и польских дезертиров, но и, более того, формировать из них под командованием бывшего вахмистра целый батальон, который теперь находится при армии шаха и, вероятно, стоит уже у стен Герата. Итак, он желает, чтобы эти дезертиры были отправлены в Грузию. Желание императора было для Амир-Низама, естественно, приказом, и он ответил его величеству, что тотчас же сообщит об этом своему государю, но счел необходимым добавить, что отправка дезертиров назад связана в данное время с некоторыми трудностями, так как русский батальон, вероятно, уже под стенами Герата. Император Николай настаивал, тем не менее, на его выдаче и выехал из Эривани в Тифлис. Граф Нессельроде поставил в известность графа Симонича о воле его величества императора и приказал ему приложить все усилия к тому, чтобы завершить это дело. Между тем слух об этом дошел до графа уже с персидской стороны. Однако персидская администрация начала с того, что стала поспешно переправлять в лагерь под Гератом снаряжение русских и польских дезертиров, находившихся в Тегеране и Тавризе. Эти действия не свидетельствовали о персидской лояльности. Так как шах и его первый министр Мирза Хаджи-Агасси (который был действительным правителем Персии) находились под Гератом и граф ни с одним из них не мог вступить в прямой контакт, чтобы обсудить этот вопрос, он в записке графу Нессельроде попросил добиться для него разрешения его величества лично отправиться в лагерь под Гератом и переговорить с шахом и его министром об этом деле...

Полностью укомплектованный персидский полк (фаудж) насчитывает 1000 человек и формируется из племен, населяющих Персию. Обычно командиром такого полка является глава соответствующего племени, иногда 12-летний мальчик. Полки одного племени не подчиняются главе другого племени, и часто между разными полками существуют соперничество и вражда.

Полки, находившиеся в окопах под Гератом, редко или совсем не сменялись, и поэтому сарбазы стремились создать себе здесь максимум удобств. Они отрывали по обеим сторонам окопов в жирном суглинке ниши, своего рода каморки, и, так как здесь очень редко шли дожди, довольствовались этими жилищами...

С рассветом в лагере играли утреннюю зорю, затем барабанщики, горнисты и флейтисты отправлялись в окрестности, чтобы поупражняться в своем искусстве, и так как каждый играл сам по себе и на собственный манер, то это была ужасная музыка. Ежедневно за час до захода солнца на широкой площади перед шатром, а позднее у дома шаха собирались три разных оркестра. Начиная оркестр русского батальона, хотя многие его инструменты имели не совсем чистый строй. Затем вступал оркестр, состоящий из 20 барабанщиков, горнистов и флейтистов. И наконец за дело брался личный оркестр шаха (негаре-хане) с бубнами, волынками и длинными огромными прямыми трубами двух размеров, каждая из которых тянула лишь одну ноту. Музыка этого последнего оркестра была особенно ужасна для европейского слуха. Нетрудно представить, что это был за кошачий концерт из разных мелодий, когда на заходе солнца все три оркестра начинали играть одновременно. Тем не менее персидские солдаты и прочий народ каждый вечер окружали их плотным кольцом и считали эту какофонию очень приятной».

Против начавшегося похода выступали англичане, требовавшие от шаха вывода его войск с территории Гератского княжества, угрожая Персии военным вмешательством. Описывая Герат и его оборону, Симонич приводит следующие данные: «Четыре стены города, образующие четырехугольник, обращены к четырем сторонам света. В городе пять ворот: на каждой стороне плюс дополнительные ворота на северной. Именно с этой стороны находилась крепость. Шах стал лагерем с запада в полутора верстах от города. Подступы к городу были

облегчены для осаждающих тем, что земля была покрыта развалинами, которые (о азиатская беззаботность!) никто не потрудился даже убрать от рва; но Хаджи, как всегда своенравный, счел достаточным установить наблюдение только за двумя воротами. Таким образом, трое ворот были совершенно свободными, что давало возможность пополнять городские запасы провизии. Если развалины, о которых мы только что говорили, служили на пользу осаждающим, то не менее полезными были они и для осажденных; последние, хорошо зная все ходы и выходы, бродили днем и ночью вокруг шахского лагеря, похищали и убивали отдельных людей, выходявших за дровами или мародерствовать».

«Англия уже не собиралась позволять кому бы то ни было вторгаться в Афганистан, из которого она сделала охраняемое охотничье угодье; она дала об этом знать Тегерану и, поскольку город оборонял в числе прочих и один англичанин (Поттинджер, простой лейтенант, и этим все сказано!), сочла, что иранцы напали на нее саму».

Жан-Поль Ру

20 июля 1838 года в персидский лагерь под Гератом прибыл британский полковник Стодарт и вручил официальную ноту, в которой английский министр при персидском дворе Макнил заявлял, что Великобритания рассматривает осаду Герата как враждебный акт, направленный против Индостана, и требует от шаха немедленно снять осаду; в противном случае английское правительство будет вынуждено вмешаться.

Британская империя ввела свой флот в Персидский залив и высадила на берег роту индийских сипаев, захватив персидский остров Харг, а затем введя войска в город Бендер-Бушир, подчеркнув тем самым решимость начать военные действия на персидской земле в случае продолжения боевых действий на земле Гератского княжества.

Как пишет Жан-Поль Ру, «Англия уже не собиралась позволять кому бы то не было вторгаться в Афганистан, из которого она сделала охраняемое охотничье угодье; она дала об этом знать Тегерану и, поскольку город оборонял в числе прочих и один англичанин

(Поттинджер, простой лейтенант, и этим все сказано!), сочла, что иранцы напали на нее саму».

Как пишет в воспоминаниях И. Ф. Бларамберг, во время парада перед каждым полком было зачитано обращение шаха: «Нашим сертипам, серхенгам и другим командирам нашей победоносной армии, всем отважным полкам сарбазов, нашей мужественной кавалерии и всем присутствующим в лагере!

Когда в свое время по приказу почившего Фатх Али-шаха мы отправились под командованием покойного Наиб-Султана (Аббас-Мирзы) в Хорасан, нашей целью было, имея в виду благополучие этой провинции, положить конец продаже пленного населения и вообще установить в Хорасане спокойствие. Для достижения этой цели я во время последнего похода (1833 г.) получил приказ наказать жителей Герата, но, так как между тем Аббас-Мирза отправился в мир иной, мы ушли из-под стен Герата. Уже тогда властитель этого города Камран-Мирза дал клятву, что в будущем гератцы не станут больше совершать набегов на наши границы и прекратят грабить и опустошать деревни и окрестности Хорасана.

Но не прошло и двух месяцев, как эта клятва была нарушена и гератцы снова стали грабить наши деревни и уводить жителей, наших подданных, как пленных [чтобы продавать их как рабов в Бухару и Хиву]. Я чувствовал себя виноватым перед Богом, так как по Его милости все было подготовлено к войне [против Герата], и я тем не менее колебался освободить наших людей. Если бы тогда я выполнил свое намерение, то ни Аллах, ни Пророк, ни люди не имели бы права упрекнуть меня. Я стыдился самого себя, так как моему желанию ничто не мешало. Даже если бы все народы, живущие между Оксусом и Индом, захотели покорить меня, я сомневаюсь, что они рискнули бы задержать наше продвижение через эти страны, тем более что сардары из Кабула и Кандагара, властители Систана и Белуджистана, а также Шамс эд-Дин-хан направили ко мне послов, чтобы уверить меня в своей верности. Итак, с их стороны мы не ожидали сопротивления.

«Даже если бы все народы, живущие между Оксусом и Индом, захотели покорить меня, я сомневаюсь, что они рискнули бы задержать наше продвижение через эти страны, тем более что сардары из Кабула и Кандагара, властители Систана и Белуджистана, а также Шамс эд-Дин-хан

направили ко мне послов, чтобы уверить меня в своей верности...»

Фирман Мохаммед-Шаха

Наконец мы подошли к Герату; армия осадила город и достойно сражалась с врагом. Проявив отвагу, завладела Бадкиром, Мюманом и покорила их всех, так что от Инда до Оксуса не было не покоренного нами народа. Правитель Балха, начальники аймаков (хезарейцы), а именно из Фирузкуха, джемшиды и другие явились к нам сами и попросили милости. Я остался доволен войсками. С редким терпением они переносили холод зимы и зной лета, работали в окопах, сражались с врагом на краю крепостного рва и с большим трудом доставляли продукты питания из внутренних районов государства. Со всем этим войска справились отлично, всегда проявляли примерное рвение и блестящее мужество. Всадники, как львы, преследовали врага, а артиллеристы метали снаряды с быстротой молнии. Войска несколько раз предпринимали штурм города, мужественно жертвуя собой, наносили врагу чувствительные потери и забросали осажденный город 40 тыс. снарядов всех видов. Вследствие этого Герат был опустошен настолько, что более 30 тыс. жителей покинуло этот город и тысяча человек поступила к нам на службу, в то время как начальники в Герате тайно посылали уверения в своей верности и предложения сдаться.

Случилось так, что, несмотря на три официальных договора, подписанных также [английскими] посланниками, в которых было определено, что Англия ни в коем случае не должна вмешиваться в дела Афганистана, английское правительство прислало нам объявление войны. В нем говорилось, что война, которую мы ведем с гератцами, вредит интересам Англии и ее господству в Индостане и что она рассматривает наши действия против Герата как враждебные по отношению к ее территории. Английские военные корабли силой завладели нашей землей, десант с них высадился на остров Харг. Объявлено, что он вторгнется в провинцию Фарс и продвинется до Шираза, если мы не откажемся от наших притязаний на Герат. Поскольку мы твердо надеялись на соблюдение вышеуказанных договоров, мы полагали, что побережье Персидского залива, а также Фарс защищены от нападения. Более того, мы считали, что договоры сильнее, чем сотня крепостей и орудий, которые мы воздвигли и

установили вдоль упомянутого побережья. Исходя из этого обстоятельства, поскольку война с афганцами и их союзниками – узбеками продолжается уже два года и поскольку Англия, могущественное государство, противится ее продолжению, мы посчитали разумным закончить войну и отступить. У населения Персии, возможно, сложится впечатление, что война утомила меня и что я отказался от намерения освободить наших плененных подданных. Никогда! Никогда! Я клянусь Богом! Наши плененные подданные могут быть уверены в том, что, пока я живу, меня ничто не отвлечет от моего намерения в этом отношении и с помощью Бога я верну их обратно (освобожу).

Теперь мы возвращаемся на родину, чтобы дать отдохнуть войскам и укрепить наши границы. Тем временем я пошлю в Гуриан, этот ключ к Герату, гарнизон из хорасанских войск, а также из лучших регулярных пехотных полков с командиром из Хорасана, который при первой же попытке неприятеля навредить нам ринется на Герат. В городах Торбет и Мешхед будет также оставлено достаточное количество наших отважных сарбазов и нашей храброй кавалерии наряду с артиллерией, которые с Божьей помощью в состоянии изгнать армию в 100 тыс. человек.

Пусть знают наши верные сарбазы, наша мужественная кавалерия, что почетная смерть достойнее, чем столетняя жизнь в бесчестии и унижении. Я всегда считал и считаю, что с помощью победоносного льва (Али) – да будет он благословен! – вы в состоянии легче переносить трудности, выразить большие усердие, мужество и готовность защитить честь нашей родины и нашу религию, чем любая европейская армия. Все, что я имею, я поделю с вами. Я желал лишь возместить потери, которые нанесли жителям Хорасана узбеки и туркмены, не причиняя никому зла. Исполнение этих желаний – для меня высшее счастье, а вы останетесь навсегда моими верными спутниками и товарищами по вере!

Написано 5-го числа месяца джомади ус-сани, 1254» (т. е. 13 сентября 1838 г.)».

13 августа 1839 года был подписан «Договор о дружбе и союзе между достопочтенной Ост-Индской компанией и Его Величеством шахом Камраном Гератским». Документ давал этому правителю и его наследникам владение Гератом: «Британское правительство, в пределах

своих возможностей, обязуется предоставлять его Величеству офицеров, а также обеспечивать его денежными займами и всякими другими средствами... для защиты как персоны Его Величества, так и страны, и для того, чтобы помочь защитить права и интересы Его Величества против любых вторжений иностранных держав».

Мохаммед-шах издал фирман, гарантирующий британцам безопасность в Персии.

Армия покинула лагерь под Гератом, а в марте 1841 г. персидские войска были выведены с тех земель, но борьба за это княжество продолжалась еще несколько лет.

Мохаммед-шах

Мохаммед-шах, сын Аббаса-Мирзы, родился 5 января 1810 года. К моменту смерти своего отца Мохаммед-шах не был единственным претендентом на шахский престол. Среди них был и его дядя, Али-шах Зелле-солтан, родной брат Аббаса-Мирзы, но он не только не обладал всеми нужными для владыки Персии качествами, но и, по словам русского посла, «занимаемой позицией не смог бы обеспечить России того, что она искала в его племяннике».

В своих записках посол, граф Симонич, подробно объясняет, почему им было отдано предпочтение именно юному принцу, сыну Аббаса-Мирзы, который себя к тому времени ничем пока особенным не проявил. Дело было прежде всего в единодушной воле населения Табриза и Азербайджана, которое через мулл и знатных лиц страны обратилось к императору Николаю I за покровительством в пользу наследника Аббаса-Мирзы, достойно правившего в Азербайджане. Как писал Симонич, в первую очередь «это объяснялось интересами России, требовавшими создания в Персии стабильного и сильного правительства, которое было бы в состоянии сдерживать живущие вдоль общей границы дикие племена и обеспечить безопасность путей, по которым шли торговые обмены... Когда Мохаммед-шах станет главой государства, он не пожелает надолго сохранять за братьями своего отца права, которыми они располагали скорее как вассалы, подчинявшиеся суверену, чем как подданные шаха. Он создал бы из Персии единое государство, которое ныне по причине своей раздробленности не может гарантировать безопасность представителям иностранных держав в осуществлении торговых и политических связей. Мохаммед-шах, оказавшись на персидском троне, установил бы навсегда спокойствие в этой стране, где каждый раз со смертью государя возникали междоусобные войны; наконец Россия обрела бы благодарного союзника, чья вероятная преданность избавила бы ее от всяких опасений за свои обширные границы по Араксу».

При этом, отправляя в столицу одного из своих доверенных лиц, чтобы выразить шаху соболезнование в связи со смертью наследника-сына, российский посол (как он затем отмечал в своих записках) «рекомендовал этому чиновнику прямо назвать имя преемника, казавшегося наиболее подходящим, но в то же время он должен был дать шаху понять, что Россия не имеет ни малейшего намерения навязывать ему свое мнение; она предоставляет ему полную свободу действий и не замедлит при любых обстоятельствах признать того, кого его величество соизволит назвать своим наследником». Правительство Российской империи одобрило выбор своего посла и, как он позже отмечал, и его поведение.

«Он создал бы из Персии единое государство, которое ныне по причине своей раздробленности не может

гарантировать безопасность представителям иностранных держав в осуществлении торговых и политических связей. Мохаммед-шах, оказавшись на персидском троне, установил бы навсегда спокойствие в этой стране, где каждый раз со смертью государя возникали междоусобные войны».

Иван Симонич

Сразу после смерти Фетх Али-шаха русский и английский послы явились, чтобы выразить дань уважения новому владыке Персии, который, по словам графа Симонича, даже и не ожидал, что будет признан европейскими державами так быстро.

Второй секретарь русской миссии в Тегеране барон Федор Корф так описывал церемонию коронавания Мохаммед-шаха: «Коронавание Шаха происходило в большом дворце, в огромной тронной зале, с такими же обрядами, как и поклон в Нигаристане, но с тою разницею, что публика была многочисленнее. Во все время палили из пушек и Зелли-Султан присутствовал, en amateur, при возложении на врага венца, сорванного с его головы. Самая жалкая фигура во всем собрании; он стоял преспокойно, не примечая даже презрения к себе всех присутствовавших; лицо его не выражало ничего, кроме совершенной преданности к тому, кто сидел на его троне.

Коронавание Мугаммед-Шаха ознаменовано было некоторыми милостями: раздачею халатов, сабель, орденов Льва и Солнца, назначениями в почетные должности и так далее. В числе прочих и я удостоился милости Шаха: мне пожалован орден Льва и Солнца второй степени и подарена Кашмирская шаль. Фирман, который я получил от Его Величества при пожаловании ордена, слишком любопытен, слишком оригинален в глазах Европейцев, чтобы мне не поделиться им с моими читателями. Вот перевод Фирмана:

«Во имя Всевышнего.

«Высочайше повелено: связи дружбы и согласия соединяют ныне две великие державы, Иран и Россию, столь прочными узами, что взаимные подданные их, отличающиеся поступками своими, должны быть целью благоволения их венценосных Повелителей. Посему, взирая на то, что высокостепенный, возвышенноместный, владетель храбрости и ума, предводитель Христианских сановников, Капитан Барун Курф, движимый чувствами дружбы, существующей между

помянутыми государствами, находился возле победоносного стремени Нашего Величества во время проезда нашего из Тебриза в Тегеран и многочисленными трудами и услугами своими успел обратить на себя внимание наше, мы пожаловали ему знаки ордена Льва и Солнца 2-й степени, дабы украсить ими Достоинство особы его и сделать его предметом уважения и почестей со стороны сановников обеих держав.

«Высочайше повелено: связи дружбы и согласия соединяют ныне две великие державы, Иран и Россию, столь прочными узами, что взаимные подданные их, отличающиеся поступками своими, должны быть целью благоволения их венценосных Повелителей».

Фирман Мохаммед-шаха

«Да введут сей высочайший Фирман Гг. секретари наши в государственные журналы и да считают акт сей подлинным. Дан в Тегеране месяца Зилькеаде 1250 года».

В начале Фирмана приложена печать Шаха с следующей, скромною надписью: «Хвала края и веры, краса века и образец добродетелей, Мугаммед-Шах, Герой, властелин венца и перстня Царского». Фирман на полях и между строчками украшен разноцветными арабесками и позолотою. На обороте находятся подписи и печати Визиря и нескольких Мустоуфи».

В 1834 году новый персидский шах был награжден следующими высшими наградами Российской империи: орденом Святого апостола Андрея Первозванного, орденом Святого Александра Невского, орденом Белого орла, орденом Святого Станислава I степени. При нем возросло влияние Британской империи, которая оказывала помощь шаху – как финансовую, так и военную: на персидской земле появились английские офицеры-инструкторы, да и объем торговли с Британской империей возрастал. Но постепенно ситуация поменялась, и большее значение стала играть Российская империя.

В 1846 году Мохаммед-шах заключил договор с Российской империей. По нему Россия получила не только желаемые торгово-промышленные права, но и право постоянно держать свои военные корабли в Реште и Астрабаде – территориях, возвращенных персидской державе в 1735 году.

Мохаммед-шах скончался 5 сентября 1848 года. Ему наследовал Насреддин-шах.

7. Шах-реформатор

Путешествуя через Германию и Бельгию, Насреддин-шах достиг Лондона 18 июня. Британское правительство, помня о русской угрозе в Центральной Азии, надеялось установить с Ираном более близкие отношения. Поэтому шах был принят с большой помпой; в основном его принимал принц Уэльский, будущий король Эдуард VII. Были смотри войск, приемы, вечера в загородных домах и визит в Виндзор, где королева Виктория, «возбужденная и взволнованная великим событием того дня», приветствовала шаха «у подножия парадной лестницы». Украшенный великолепными рубинами и изумрудами, шах выглядел внушительно, когда его ввели в зал государственных приемов, чтобы наградить орденом Подвязки. Шах наградил королеву орденом Льва и Солнца.

Фируз Казем-Заде, доктор исторических наук, профессор Йельского университета

XIX век стремительно менял жизнь людей во всем мире. Путешествия, успех которых ранее зависел от направления ветров и течений или силы вьючных животных, стали совершаться с помощью паровых двигателей. И в Персии овеянные древностью традиции сталкивались с натиском эпохи, опиравшейся на достижения технического прогресса.

Насреддин-шах

Насреддин-шах (Насер ад-Дин Шах Каджар), родившийся 16 июля 1831 года сын Мохаммед-шаха, в семь лет был награжден российским императорским орденом Белого орла. Будущий персидский правитель провел свою молодость в Тебризе, в отдалении от столицы и шахского двора. Будучи еще совсем юным, он присутствовал на приеме у королевы Виктории, которая лично подарила ему входившую тогда в европейскую моду фотокамеру. Так родилось одно из увлечений Насреддин-шаха – фотография. На протяжении многих лет он фотографировал персидские и зарубежные пейзажи, свое дворцовое окружение и любимых жен. Сам шах тоже очень любил позировать, и до наших дней дошли его фото.

Персидские поэты традиционно воспевали сияние очей и безупречные черты своих прекрасных возлюбленных, но первые фотографические изображения иранских красавиц появились в конце XIX века. Насреддин-шах составил целую галерею портретов своих жен. И сейчас облик обитательниц шахского гарема, сохраненный для нас тогда новейшим, а сейчас привычным фотоискусством, способен немало удивить тех, кто привык руководствоваться стереотипными мнениями. Жены Насреддин-шаха вовсе не выглядят робкими, напротив, это вполне уверенные в себе дамы.

THE ILLUSTRATED LONDON NEWS

PRINTED BY THE EDITOR, 25, ABchurch Lane, LONDON, E.C. 4.

No. 2021.—VOL. XCIV. SATURDAY, JULY 13, 1880. PRICE 6D. EXTRA SUPPLEMENT 10d. PER COPY.

Сохранились также портреты матери Насреддин-шаха и его дочерей. На большинстве снимков женщины и девушки облачены в традиционные одежды, но при этом компоновка кадра напоминает о

жанре портретной съемки в европейских фотоателье. А после того, как жены шаха стали в качестве домашней одежды носить костюмы, подобные тем, в которых выступали танцовщицы, эта мода вскоре проникла и в дома знати, а также просто обеспеченных людей.

«Библиотекарь заметил в одной книге знаменитого персидского философа запись, сделанную рукою шаха. Эта запись была представлена шаху, и он признал ее за свою и вспомнил, что она была сделана им 35 лет тому назад, после сна, который он видел, заснув над этой книгой. Запись гласила: «Ему советуют быть дружным с Россией, главное, с Александром III, так как Александр II, хотя много сделает добра для народа, но падет от злодейской руки». К несчастью, предсказание сна сбылось согласно тому, как видал 35 лет тому назад шах».

Мисль-Рустем

К власти Насреддин-шах пришел в семнадцать лет и с 17 сентября 1848 года долгие сорок семь лет правил Персией, пытаясь провести реформы, которые сделали бы страну более могущественной и процветающей.

Насреддин-шах, пытавшийся приобщить Персию к европейскому пути развития цивилизации, совершил несколько поездок по развитым странам Европы – в 1873, 1878 и 1889 годах. Владыка Персии посетил и Российскую империю. В российской столице Насреддин-шаха торжественно встречал император Александр II. Описания его первого

путешествия были опубликованы на английском языке в 1874 году в британской столице. В 1887 году они вышли в Санкт-Петербурге на русском языке под названием «Путешествие шаха Наср-Эддина по Мазандерану. Собственный его величества дневник».

Во время правления Насреддин-шаха существовала Персидская казачья бригада (официально именовалась «Казачья его величества шаха бригада»). Обучением ее личного состава занимались русские инструкторы, один из которых по фамилии Меняев оставил весьма интересные мемуары о своем пребывании в Персии, опубликованные им под псевдонимом Мисль-Рустем. Так, в частности, он писал: «В 1881 году стали переносить шахскую библиотеку в другое помещение. Библиотекарь заметил в одной книге знаменитого персидского философа запись, сделанную рукою шаха. Эта запись была представлена шаху, и он признал ее за свою и вспомнил, что она была сделана им 35 лет тому назад, после сна, который он видел, заснув над этой книгой. Запись гласила: «Ему советуют быть дружным с Россией, главное, с Александром III, так как Александр II, хотя много делает добра для народа, но падет от злодейской руки». К несчастью, предсказание сна сбылось согласно тому, как видал 35 лет тому назад шах. Вспомнил ли шах об этом сне, получив известие о трагической кончине Императора Александра II, неизвестно, но только вслед за этим печальным известием он послал немедленно за русскими инструкторами и объявил им со слезами на глазах, что он «потерял лучшего друга – Императора Александра II» (текст опубликован по изданию: Мисль-Рустем. Персия при Наср-Эдин-шахе с 1882 по 1888 г. – СПб., 1897).

В свой первый визит в Россию, длившийся месяц, шах отправился из Тегерана в Анзали, а затем поплыл на корабле по Каспийскому морю. Пресса Российской империи писала, что 10 мая 1873 года половина жителей столицы заполнила Невский, чтобы увидеть торжественный приезд персидского шаха к российскому двору.

Мисль-Рустем запечатлел в своих записках и подробности того, как выглядели обычно парадные одежды персидского властителя: «Обыкновенно шах одевается в черный или пестрый шалевый «сардали» (персидский сюртук); в руках любит вертеть тонкую тросточку; на шее у него, на цепочке, почти постоянно висит знаменитый огромный бриллиант. Но при выезде и приемах шах любит

разукраситься своими драгоценностями: на шапку тогда навинчивается знаменитое бриллиантовое перо, унизанное вместе жемчугом и изумрудом посередине, к которому приделан часовой механизм, отчего перо все время находится в движении и производит сильный блеск. На плечи он одевает тогда погоны, на которых посажено по два или по три огромных изумруда или бриллианта; на грудь пришпиливаются до 42 огромных алмазов, расположенных в несколько рядов. Сбоку бриллиантовая звезда и на усыпанной крупными бриллиантами портупее через плечо привешивается драгоценная кривая шашка. Сверх этого, он иногда одевает сделанные в Париже эксельбанты, у которых все шнуры сделаны из мелких бриллиантов, а на кончике насажены крупные».

«Но при выезде и приемах шах любит разукраситься своими драгоценностями: на шапку тогда навинчивается знаменитое бриллиантовое перо, унизанное вместе жемчугом и изумрудом посередине, к которому приделан часовой механизм, отчего перо все время находится в движении и производит сильный блеск».

Мисль-Рустем

Михаил Александрович Зичи (Михай Зичи) – венгерский рисовальщик и живописец из знатного рода Зичи – в течение пятнадцати лет, с 1859 по 1873 год, являвшийся российским придворным живописцем, во многих своих работах изобразил жизнь императорского двора, сцены приемов и охоты. Он создал картины, запечатлевшие первый визит Насреддин-шаха в Россию. Одна из этих картин, на которой изображен приезд персидского шаха в российскую столицу, теперь находится в иранской столице, во дворце Голестан. В Зимнем же дворце остались работы Зичи, посвященные приему Насреддин-шаха принцессой Марией Александровной, а в галерее Эрмитажа находится картина с изображением посещения персидского шаха торжественной церемонии парада императорской армии Александра II.

Интерес к созиданию

Специально для этой книги известный психолог Карина Сарсенова проанализировала историческую роль Насреддин-шаха:

«Что такое идеальный правитель? И вообще, существует ли он? Без сомнения, да. Идеальный – для своего народа. Для определенной эпохи его становления. Для важнейшего этапа в развитии этнического самосознания. Идеальный правитель отражает самим фактом своего бытия проявленные и скрытые ресурсы этноса. Детерминирует вектор продвижения общества и индивидуума. Превращает недостатки в достоинства. Идеальный правитель – это воплощение души народа, его осознанных и бессознательных устремлений и чаяний. Концентрация нынешней и грядущей современности в образе одного человека. И ярчайший пассионарий во всех его нюансах и смыслах.

Конечно, Насреддин-шах был подлинным пассионарием. И не абы каким, а позитивным, созидающим гением подчиненного ему времени. Создателем нового времени, наставником многомерных личностных поисков, проводником подсознательных импульсов народа в сферу их осознанной реализации. Страсть к жизни не может испытывать негативно настроенный человек. Самый долгоправящий, в пределах новой истории, шах Персии, пребывал покорным слугой огромной творческой силы, дарованной ему Всевышним. Грандиозность перемен, познанные Персией в результате многих лет его правления, трудно переоценить. Большое видится на расстоянии. Вклад творческих гениев в историю отдельной страны и всего мира становится очевидно масштабным по прошествии солидного промежутка лет. Хорошо это или плохо? Однозначно хорошо. Чем видимее след, тем выше вероятность его полноценного восприятия грядущими поколениями.

Страсть к жизни, к познанию, к творчеству и поэтому – к изменениям, вела судьбу великого шаха Насреддина. Обладатель внушительной силы воли, непреодолимого обаяния, уверенный в себе, мастер интуиции и логического анализа, редчайший симбиотик интроверсии и экстраверсии, он видел недоступные простому человеческому взгляду перспективы и сумел вложить любовь к жизни, к ее динамике в души своих подопечных, граждан Персии.

Карина Сарсенова

Страсть к жизни, к познанию, к творчеству и поэтому – к изменениям, вела судьбу великого шаха Насреддина. Обладатель внушительной силы воли, непреодолимого обаяния, уверенный в себе, мастер интуиции и логического анализа, редчайший симбиотик интроверсии и экстраверсии, он видел недоступные простому человеческому взгляду перспективы и сумел вложить любовь к жизни,

к ее динамике в души своих подопечных, граждан Персии. Пусть не сразу, но победа была одержана. Проведены задуманные реформы. Привит интерес к созиданию. Положены начала новых форм творческого самопознания. Изменены к лучшему, осовременены национальные черты, выпестован тот особый уровень этнического сознания, который позволил народу успешно взаимодействовать со стремительно меняющимся миром вокруг. Проложены мосты между, казалось бы, принципиально не соединяемыми цивилизациями Востока и Запада... Невозможное оказалось возможным в их совместном фокусе в сознании одного только человека... Сколь многое зависит от силы духа, решительности и смелости одной лишь личности и от ее истинного служения Всевышнему! И от глубокого понимания собственного народа, безусловной любви к нему и трепетного уважения, опираясь на которые, шах Насреддин сумел совершить действительно великие дела.

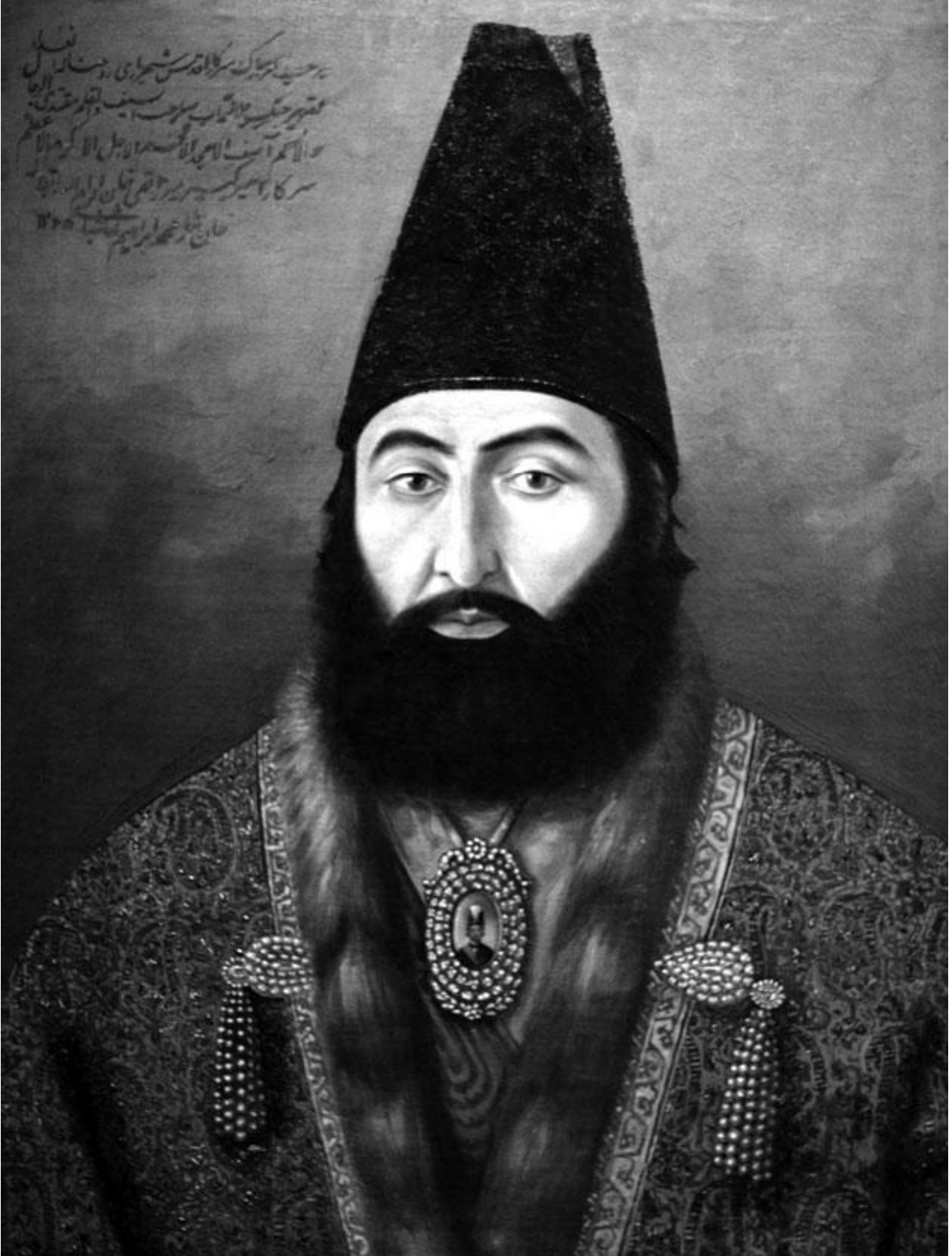
Быть первопроходцем всегда трудно. Эта задача неизменно возлагается на плечи лучших пассионариев современности, на лидеров с большой буквы. На людей с неординарным мышлением и принципиально отличным от других мировосприятием. Ярчайший

пример такого духовного, политического, культурологического лидерства, конечно же, шах Насреддин. Невозможно научиться быть лидером. Лидером рождаются, как Насреддин-шах, рождаются быть служителями своего народа, реализаторами его потаенных идей, вестниками культурной мощи... Пассионарий, по нраву сибарит, пользуется благами жизни для подпитки своей духовной силы. Без этого никак нельзя. Радость бытия возвращает пассионарию столь щедро затрачиваемую им энергию созидания и любви. И, естественно, люди, помогающие ему растить эту радость, сами духовно растут и развиваются. Наполняются силой сотворяющего бытия... И вместе с ведущим их лидером покоряют прежде невообразимые вершины материального и духовного развития».

Амир-Кабир

Одним из ближайших сподвижников четвертого шаха Персии из династии Каджаров был визирь (премьер-министр) Амир-Кабир (Мирза Таги Фархани), видный государственный деятель и просветитель.

С детства он выучился чтению и письму, затем благодаря своим талантам смог поступить на государственную службу писарем, и потом стал продвигаться по службе. В двадцать два года был направлен младшим членом персидской миссии в столицу Российской империи. Побывав в Османской империи на переговорах по заключению мира, Мирза Таги обратил внимание на проведенную соседом модернизацию. В 1847 г. вернувшись на Родину, он стал приближенным наследника, будущего правителя Насреддин-шаха и помог тому после смерти его отца получить престол. Будучи назначен великим визирем, Мирза Таги принял титул Амира Кабира – Великого эмира (министра), ставший его именем в персидской и мировой истории.

عبدالله بن محمد بن علی بن ابی طالب
صاحب زین العابدین علیه السلام
سنة ۲۰۰ هـ

Амир Кабир провел реформы государственного управления, сократив раздутые государственные расходы и вмешательство других стран во внутренние дела Персии, но сохранив при этом развитие торговых отношений.

По инициативе Амира Кабира в Тегеране был открыт первый иранский университет, получивший название – Дар-оль-Фонун (Дом знаний). В нем обучали и готовили людей к государственной службе, преподавали искусство управления.

По инициативе Амира Кабира в Тегеране был открыт первый иранский университет, получивший название – Дар-оль-Фонун (Дом знаний). В нем обучали и готовили людей к государственной службе, преподавали искусство управления.

Помимо этого, визирь был инициатором основания персидской газеты «Произошедшие события» («Вагэ-йе Эtteфагийе»). Помимо экономики, Амир Кабир занимался и дипломатией, выстраивая отношения с иностранными державами и курируя создание персидских посольств во многих странах мира.

Но обладающий прямым характером и заботившийся об интересах родной страны Амир Кабир был неугоден многим придворным сановникам и даже родственникам самого шаха, убедившим его, что визирь сам рвется к власти и хочет захватить трон. Поверивший им шах снял Амира Кабира с поста первого министра и отправил в ссылку в Кашан. Сотрудники российского посольства предложили ему получить убежище, уехав в Российскую империю, но Амир Кабир отказался и вскоре, находясь в ссылке, был приговорен к смерти и убит 11 января 1852 г.

В честь Амир-Кабера назван Тегеранский технологический университет.

Англо-персидская война

Противоборство за Герат, о котором уже говорилось раньше, между Персией и Афганистаном, а фактически – между Персией и союзной ей Российской империей, с одной стороны, и Великобританией, с другой – возобновилось в начале 1850-х годов. «Вернуть Герат, центр говорящей на фарси провинции, имевшей многочисленные связи с остальной частью Ирана, было мечтой каждого персидского правителя с тех пор, как наступили годы анархии, последовавшей за смертью Надира в 1747 г.», – говорится в книге Фируза Казем-Заде «Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии».

Очередному столкновению интересов из-за Герата предшествовали попытки англичан установить контроль над торговыми перевозками по морю. Это попытки носили весьма благородное обличье – прекратить работорговлю на море. В 1851 году была подписана конвенция, предоставившая английским чиновникам право обыскивать корабли персидских купцов: «В целях предотвращения ввоза негров-рабов мужского и женского пола, Персидское правительство соглашается разрешить военным кораблям Британского правительства и Ост-индской компании в течение одиннадцати лет обыскивать персидские купеческие суда... за исключением персидских государственных судов, не являющихся собственностью купцов или персидских подданных; в отношении такого рода государственных судов не должно быть никакого вмешательства... Если рабы на каком-либо из этих судов будут найдены, Британские власти должны забрать их; людей же, которые ввозили рабов не следует задерживать и применять к ним иные наказания, кроме отнятия у них рабов. Судно же, на котором ввозились рабы, совместно и с ведома чиновников Персидского правительства, находившихся на борту британских крейсеров, должно быть передано властям, находящимся в персидских портах, которые являются частью Персидского государства; и только власти Персидского государства могут наказывать и штрафовать собственника того рабовладельческого судна, который действовал в нарушение приказа Его Величества шаха Персии о ввозе рабов...».

«Судно же, на котором ввозились рабы, совместно и с ведома чиновников Персидского правительства, находившихся на борту британских крейсеров, должно быть передано властям, находящимся в персидских портах, которые являются частью Персидского государства; и только власти Персидского государства могут наказывать и штрафовать собственника того рабовладельческого судна, который действовал в нарушение приказа Его Величества шаха Персии о ввозе рабов...»

Англо-персидская конвенция 1851 г.

Однако главной точкой напряжения оставался Герат. Армия шаха предпринимала попытки установить контроль над Гератом в 1852 году, а четыре года спустя, 25 октября 1856 года персидским войскам удалось занять город. Но британцы были крайне заинтересованы в том, чтобы Афганистан оставался для них дружественной страной, поскольку он единственный мог представлять собой некую буферную зону между Средней Азией, где росло влияние России, и английскими владениями в Индии.

Поэтому после вступления персидских войск в Герат, ситуация обострилась до предела. 1 ноября 1856 года генерал-губернатор Индии, выполняя прямой приказ из метрополии, объявил войну Персии. В его официальном обращении к войскам, отправленным для высадки на побережье Персидского залива, подробно разъяснялась британская точка зрения: «Не так давно, в декабре 1855 г., Персидское правительство в статье тегеранской «Официальной газеты» объявило о своем намерении отправить войска в Герат, основываясь на том, что «соседи» эмира Дост Мухаммад-хана – правителя Афганистана – спровоцировали его к овладению Кандагаром...». Под «соседями» подразумевались как раз англичане, чьи интересы простирались не только до Кандагара. Но, разумеется, вслух этого никто из британских представителей признавать не собирался. А генерал-губернаторское послание было преисполнено негодования: «Это утверждение, что «соседи» подстрекали правителя Афганистана захватить Кандагар, или что они ему помогли в захвате этого города, или что он получал советы и поддержку от них, чтобы двинуться на Герат (если под «соседями» подразумевается Британское правительство), целиком

неверно. Никакого подстрекательства, помощи или поощрения (прямого или косвенного) со стороны Британского правительства не было оказано... Несмотря на это, Персидское правительство выполнило свое намерение. Персидские войска вмешались во внутренние дела Герата и вторглись на его территорию (хотя случай, который мог бы оправдать такие действия, не представился) и осадили город. Тегеранское правительство не только взяло на себя право назначить правителя Герата, но и, обращаясь к правителю города, объявило Герат персидской территорией...».

«Это утверждение, что «соседи» подстрекали правителя Афганистана захватить Кандагар, или что они ему помогли в

захвате этого города, или что он получал советы и поддержку от них, чтобы двинуться на Герат (если под «соседями» подразумевается Британское правительство), целиком неверно. Никакого подстрекательства, помощи или поощрения (прямого или косвенного) со стороны Британского правительства не было оказано...»

Чарльз Каннинг, генерал-губернатор Индии

В декабре 1856 года в Персидский залив вошла английская эскадра. Высаженные с кораблей десанты захватили остров Харг, а потом и город Бушир. В январе 1857 года между Англией и афганским эмиром, а еще точнее – «между эмиром Дост Мухаммад-ханом, правителем Кабула и тех районов Афганистана, которые ныне находятся в его владении, и сэром Джоном Лоуренсом, кавалером ордера Бани, главным комиссаром Пенджаба, а также подполковником Г. Б. Эдвардсом, кавалером ордена Бани (низшей степени), комиссаром Пешавара со стороны достопочтенной Ост-индской компании, находящейся под управлением пэра Чарльза Джона виконта Каннинга, генерал-губернатора Индии», был заключен так называемый Второй Пешаварский договор, который среди прочего гласил: «Принимая во внимание, что... сейчас идет война между Британским и Персидским правительствами, достопочтенная Ост-индская компания решила помочь Дост Мухаммад-хану защитить и удержать свои теперешние владения в Балхе, Кабуле и Кандагаре от притязаний Персии. Британское правительство настоящим согласилось, учитывая дружеские отношения, существующие между обоими правительствами, выплачивать названному эмиру один лак компанейских рупий ежемесячно в продолжении всего периода войны с Персией на нижеследующих условиях. Эмир обязан содержать то количество кавалерии и артиллерии, которое у него имеется, в настоящее время и кроме того, не менее 18 тыс. человек пехоты, из них 13 регулярных полков, общей численностью 13 тыс. человек...»

При этом Персия с самого начала изъявила готовность поскорее заключить перемирие, но британцы намеренно затягивали переговоры, продолжая продвигать свои войска в глубину персидской территории. События англо-персидской войны нашли свое отражение даже в работах Карла Маркса. «Следует, однако, напомнить, что, еще до того

как произошел захват Бушира, – писал он в одной из своих статей, опубликованных в газете «New-York Daily Tribune» от 24 июня 1857 года, – персидский посол Ферух-хан, во время своих длительных переговоров с лордом Стратфордом де Редклиффом в Константинополе, по собственной инициативе предложил эвакуировать персидские войска из Герата». Соратник Маркса – Энгельс – тоже не обошел вниманием эту войну: «Англичане напали на Бушир и натолкнулись на храброе, хотя и безуспешное сопротивление. Однако в Бушире сражались не регулярные войска, а войска, состоявшие из иррегулярных отрядов, набранных среди персов и арабов – жителей побережья. Регулярные части еще только сосредоточивались, находясь приблизительно на расстоянии шестидесяти миль, в гористой местности...»

К заключению мирного договора Англию подтолкнули тревожные вести из Индии, где назревало недовольство, обернувшееся вскоре знаменитым восстанием сипаев, а также проблемы в Европе, где стало очевидным сближение между Францией и Российской империей.

Договор о мире между британской короной и шахом Персии был подписан в Париже 4 марта 1857 года: «Ее Величество, королева Объединенного королевства Великобритании и Ирландии и Его Величество, знамя которого есть Солнце, священный, августейший, великий монарх, неограниченный Шах-ин-Шах всех государств Персии, объединенные искренним желанием покончить с бедствиями войны, которая противоречит их дружественным желаниям и склонностям, и, чтобы восстановить на прочной основе дружественные отношения, поддерживавшиеся так долго между двумя высокими государствами, решили заключить мир, рассчитанный на обеспечение взаимной выгоды и пользы... Его Величество шах Персии соглашается отказаться от всех претензий на суверенитет над территорией и городом Гератом и районами Афганистана и никогда не требовать от вождей Герата или властей других районов Афганистана каких-либо знаков повиновения, таких, как чеканка монеты, хутба или дань».

«В тот год возникновение всеобщего пожара казалось неизбежным. 1 ноября правительство Индии объявило Ирану войну и высадило войска в Бушире. Русские подготовились к интервенции. Свое посредничество предложил Наполеон III. Русские не шевельнули пальцем. Англичане в основном вывели вооруженные силы из Персидского залива. Насир ад-Дин отказался от всяческих притязаний на Герат. Наконец, в 1863 г. последний попал в руки афганцев и вошел в состав царства, к которому не имел никакого отношения»

Жан-Поль Ру

Впрочем, по поводу монет существовала и небезынтересная оговорка: «Однако, если гератское население по своему собственному желанию, как это было во времена покойных Камрана и Яр Мухаммад-хана, захочет послать Персии подарки деньгами и начеканит их с именем шаха, то Персия примет их без всякого возражения...»

Описывая события 1856 года, Жан-Поль Ру подчеркивает, что «в тот год возникновение всеобщего пожара казалось неизбежным. 1 ноября правительство Индии объявило Ирану войну и высадило войска в Бушире. Русские подготовились к интервенции. Свое посредничество предложил Наполеон III. Русские не шевельнули пальцем. Англичане в основном вывели вооруженные силы из Персидского залива. Насир ад-дин отказался от всяческих притязаний на Герат. Наконец, в 1863 г. последний попал в руки афганцев и вошел в состав царства, к которому не имел никакого отношения».

Таким образом, только в 1863 году Герат был окончательно присоединен к Афганистану.

Тайны и агенты: Большая игра и Персия

Термин «Большая игра» для описания сложного противостояния Российской и Британской империй в Южной и Центральной Азии был придуман английским офицером Артуром Конолли. Персия неизменно находилась в центре этих событий и часто принимала в них активное участие.

Согласно официальной исторической версии в 1840 году Конолли записал эти слова на полях скопированного письма. Само письмо было отправлено британским представителем в Кабуле губернатору Бомбея (ныне город Мумбаи в Индии). Впоследствии популярность выражения обеспечил Киплинг, использовавший его в романе «Ким» о мальчике-ирландце, выросшем в Индии среди местных жителей, что позволяет этому «сахибу, сыну сахиба» с легкостью становиться неотличимым от них. Конечно, он становится для тех, кто ведет Игру, весьма ценным кандидатом, перевоплощаясь то в проводника странствующего ламы, то в мальчика на побегушках у торговца.

«– Этот военный – мелкая рыбешка, – объяснил Махбуб Али, – но со временем мы поймаем более крупную. Он лишь продает быков за две разные цены: одна цена для него, другая – для правительства, а я это не считаю грехом.

– Почему мне нельзя было просто унести книгу и на этом успокоиться?

– Тогда он перепугался бы и донес об этом своему начальству. А мы, возможно, потеряли бы след большой партии новых ружей, которые переправляются из Кветты на Север. Игра так велика, что одним взглядом можно окинуть только маленький ее участок».

«Мы, участники Игры, беззащитны. Умрем, так умрем, и тогда имена наши вычеркиваются из книги. Вот и все».

Редьярд Киплинг

Впрочем, во все времена подобные тайные игры опасны для всех участников, но особенно для рядовых исполнителей, и Большая Игра не исключение. Ким по ходу действия сталкивается с одним из таких, на кого открыта охота: «– Но разве правительство не может тебя защитить? – Мы, участники Игры, беззащитны. Умрем, так умрем, и тогда имена наши вычеркиваются из книги. Вот и все. В Бандакуи, где живет один из нас, я попытался замести след и для этого переоделся махратом. Потом я приехал в Агру и уже собирался вернуться в Читтор, чтобы взять письмо. Так уверен я был, что улизнул от них...».

Биография самого Конолли в каких-то чертах сходна с жизнью героя романа Киплинга – он в 12 лет остался круглым сиротой, а через четыре года уже поступил на военную службу в Индии. Однажды в 1829 году он возвращался в Индию из отпуска, проведенного в Англии, и путь его лежал через Москву. Видимо, такой маршрут был выбран не случайно. Из Первопрестольной Конолли отправился на Кавказ, а потом в Хивинское ханство. Туда не добрался, зато попал в Герат. Поездка заняла почти год, по ее итогам Конолли написал книгу «Путешествие в Северную Индию сухопутным путем из Британии через Россию, Персию и Афганистан». В этой монографии он анализировал, какими путями русская армия может быть переброшена в Индию.

«Туркестан, Афганистан, Каспийский регион, Персия – у многих эти слова вызывают ощущение отдаленности, или воспоминание о странных превращениях, или отголоски умирающего романа. Для меня, признаюсь, они – шахматные фигуры на доске, где идет игра за мировое господство».

Джордж Керзон

Этому почти совпало по времени с появлением книг другого англичанина на ту же тему. Полковник Джордж де Ласи Эванс сначала выпустил книгу «Замыслы России», где утверждал, что в Санкт-Петербурге уже готов план вторжения. А потом, когда первое сочинение было воспринято публикой с изрядным недоверием, он же написал «Осуществимость вторжения в Британскую Индию». Поскольку Российская империя примерно тогда же разгромила Турцию, вторая книга Эванса вызвала интерес. Герцог Веллингтон даже высказал опасение, что если русские дойдут до Индии, местное население встретит их радостно, и владычеству Ост-Индской компании может прийти конец. И значит, решительное сражение надо давать где-то на территории Афганистана или Персии.

Есть версия, что Конолли потому и отправился в свою поездку, что получил приказ разведать путь возможного русского наступления.

При этом еще весной 1835 года появилась докладная записка Штаба Отдельного кавказского корпуса, где говорилось об ошибочности представления, будто «сокровища Индии могут нас завлечь в войну с англичанами, и проход нашими войсками почти 1000 верст через чужие земли для них кажется весьма легким и доказывает, сколь мало они знакомы с регулярными войсками и с потребностями, для них нужными». Но однозначно отрицать возможность похода на Индию аналитики корпуса тоже считали нецелесообразным: «...связи со Средней Азией для нас неопределимы и один вид, что мы имеем намерение идти в Индию, будет достаточен, чтобы склонить Англию на мир, или на согласие на наши предложения в политическом каком-либо деле».

Отчет такого серьезного ведомства как III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии за 1839 год гласил: «Англия, принимая возможность за самое дело, всегда подозревает Россию в интригах к разрушению английского могущества в Индии и влияния в Средней Азии. Кроме того, к этой мысли Англия склоняется тем более, что, употребляя политику единственно для возвышения своих торговых интересов, она обязана отчасти России упадку своей континентальной торговли и кредита... Оттого соперничество и козни англичан на Востоке, в Персии и ханствах, соседних с Персией и на Кавказе, примыкающем к морю... По общему мнению, нет никакого сомнения, что Хива подстрекается англичанами к грабежу наших

караванов. Когда разнеслись слухи, что генерал-адъютанту Перовскому поручена экспедиция в Хиву, здешнее английское посольство улыбалось, и в публике утверждали, что Англия уничтожит своим золотом все проекты России на основании влияния или владычества в Азии».

В 1840 году в Хиву был направлен капитан Джеймс Аббот, который должен был склонить хивинского хана на сторону Британии. Другие секретные поручения у него тоже были. Но в результате, как пишет О. М. Хлобустов в книге «Госбезопасность России от Александра I до Путина»: «1 мая 1840 г. при проведении рекогносцировки в окрестностях укрепления Ново-Александровского на российской территории Аббот и его сопровождающие были задержаны патрульным казачьим разъездом и доставлены к коменданту крепости. Оттуда они были направлены в Оренбург, а об инциденте сообщено в МИД. Во избежание дипломатического скандала Аббот был оставлен на свободе «под честное слово»... В июне Аббот был препровожден в Петербург, откуда он был выслан на родину».

«Англия, принимая возможность за самое дело, всегда подозревает Россию в интригах к разрушению английского могущества в Индии и влияния в Средней Азии... Оттого соперничество и козни англичан на Востоке, в Персии и ханствах, соседних с Персиею и на Кавказе, примыкающем к морю...»

*Отчет III Отделения Собственной Его
Императорского Величества канцелярии, 1839 г.*

В то же самое время в Бухару отправился подполковник Чарльз Стоддарт, которому было поручено воздействовать на тамошнего эмира, настраивая его против России. Но эмир Насрулла быстро проникся недоверием к гостю и заключил его под стражу. Пытаясь выручить Стоддарта, в Бухару приехал уже упоминавшийся Конолли, но вскоре он тоже оказался в тюрьме. «Лондон, стремясь спасти своего незадачливого агента в Бухаре, был вынужден обратиться к своему геополитическому сопернику, – пишет О. М. Хлобустов в книге «Госбезопасность России от Александра I до Путина», – российскому МИДу с просьбой о содействии в вызволении из плена Стоддарта». Но

и это не помогло. Оба британских агента были казнены в Бухаре в июне 1842 года.

В конце 1850 годов возрос интерес Императорского Русского Географического общества (созданное в 1845 году в Санкт-Петербурге при деятельном участии мореплавателя адмирала Федора Петровича Литке по высочайшему повелению императора Николая I, и до 1850 года называвшееся Русским географическим обществом) к исследованиям территорий, располагавшихся за пределами родной державы. То же самое касалось и деятельности географических обществ в Берлине, Лондоне и Берлине. Но если их деятельность «захватывала» Африку, то Императорское Русское Географическое общество уделяло внимание изучению Азии, в том числе территорий, прилегавших к персидской границе.

«...чтобы Герат не стал плацдармом интриг против Индии или в конечном счете исходным пунктом для вторжения, Персию следовало оттуда вытеснить, и поскорее. Нельзя было забывать, что Россия давно заключила с Тегераном соглашение, по которому имела право открывать свои консульства в любых провинциях, подвластных шаху».

Питер Хопкирк

Помимо исследований областей, географические общества испытывали не только сугубо академическое любопытство, но и собирали важную информацию для дальнейшей экспансии. Поэтому известный писатель Джозеф Конрад хлестко обозвал сложившийся в это время тесный альянс науки и расширения границ империй «воинствующей географией».

Осада Герата персидскими войсками подробно описана в других главах, но здесь мы снова вспомним о ней, как чередой событий, имевших к Большой игре самое прямое отношение. Для Англии это было весьма неприятным сюрпризом. «25 октября 1856 года после весьма непродолжительной осады Герат сдался персидским войскам, – пишет Питер Хопкирк в книге «Большая игра против России. Азиатский синдром». – Весть об этом целый месяц добиралась до Индии и застала англичан врасплох, хотя Дост Мохаммед предупреждал из Кабула, что Персия такую акцию планирует. Чтобы получить возможность отразить любое вторжение Персии в Афганистан, он просил оружия и помощи, но напрасно... Как бы там

ни было, но чтобы Герат не стал плацдармом интриг против Индии или в конечном счете исходным пунктом для вторжения, Персию следовало оттуда вытеснить, и поскорее. Нельзя было забывать, что Россия давно заключила с Тегераном соглашение, по которому имела право открывать свои консульства в любых провинциях, подвластных шаху».

Неоднократно высказывались и предположения, что восстание сипаев в Индии тоже было очередным ходом в Большой игре, хотя обычно подобные версии опровергались. Хопкирк как раз принадлежит к числу опровергающих связь мятежа с британо-русским противостоянием, впрочем, с оговорками: «Подобно Крымской войне и экспедиции в Персидский залив, он не был частью Большой игры, даже если некоторые «ястребы» подозревали участие в нем российских или персидских агентов. Кстати, ходили слухи, что в Персии похвалялись этим в открытую».

Слухи, действительно, ходили, некоторые из них нашли отражение в «Записке генерал-майора А. К. Гейнса о политическом положении и англичанах в Индии, о численности и состоянии ее войск, ее населении», датированной 3 апреля 1878 года. «После взятия Дели, столицы Магомет-Шах-Багадура (в 1857 году), в его архивах была найдена переписка, веденная им во время Севастопольской осады, с Персией относительно совокупных действий против англичан, – писал Гейнс. – В это же время Набоб Данди Пан, который приобрел впоследствии такую широкую известность под именем Нена Сахиба, ездил по Индии, рассказывая про неудачи англичан в Крыму. Подписка, открытая английским правительством в пользу раненых в Севастопольскую войну, получила у индусов название русской подати и, по мнению туземцев, предназначалась на пополнение истощенных сил Англии для новой борьбы с Россией...».

«После взятия Дели, столицы Магомет-Шах-Багадура (в 1857 году), в его архивах была найдена переписка, веденная им во время Севастопольской осады, с Персией относительно совокупных действий против англичан».

Генерал-майор А. К. Гейнс

Более того, отмечал автор «Записки», опубликованной вместе с другими архивными документами в сборнике «Большая игра»

в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии», по поводу отношения Британии к туркестанским интересам России тоже не должно быть иллюзий: «Нет никакого сомнения, что Англия с помощью денег будет стараться возбудить против нас Бухару, Хиву и туркмен и, может быть, южных киргизов оренбургского ведомства. Центром враждебной России пропаганды, вероятно, будет английское посольство в Персии и консульство в самом северном персидском городе Мешхеде».

На самом деле Бахадур Шах, Бахадур Шах II (Сирадж уд-Дин Абу-л-Музаффар Мухаммад Зафар) – последний падишах Империи Великих Моголов, официальный правитель Индии с 28 сентября 1837 по 14

сентября 1857 года, не имел реальной власти, находившейся в руках Британской Ост-Индийской компании. На 82-м году жизни последнему Великому Моголу суждено было сыграть заметную роль в ходе Индийского народного восстания 1857–1858 годов. 11 мая 1857 года, когда отряды восставших сипаев заняли Дели, он подписал воззвание, в котором говорилось о восстановлении имперской власти и звучал призыв ко всем индийцам объединиться в борьбе за свою родину.

«Нет никакого сомнения, что Англия с помощью денег будет стараться возбудить против нас Бухару, Хиву и туркмен и, может быть, южных киргизов оренбургского ведомства. Центром враждебной России пропаганды, вероятно, будет английское посольство в Персии и консульство в самом северном персидском городе Мешхеде».

Генерал-майор А. К. Гейнс

После разгрома восстания англичане начали судебное разбирательство в поисках виновных, и в показаниях арестованного Бахадур-шаха было сказано, что «все документы, которые сипаи считали необходимыми, составлялись по их приказанию. После этого их приносили ко мне и заставляли прикладывать к ним печать. Часто они прикладывали печать на пустые и незаполненные конверты. Всякий раз, когда принцы Мирза Могол, Мирза Хайр Султан или Абубакр приносили ко мне петиции, их неизменно сопровождали сипайские командиры, которые приносили приказы, какие им было желательно, уже написанные на отдельных листах бумаги, и заставляли их переписывать моей собственной рукой. Я был во власти солдат, и они с помощью силы делали, что им нравилось». Бахадур-шах был лишен власти, британское правительство объявило о ликвидации института Могольской империи. Бахадур-шах был отправлен в ссылку и 7 ноября 1862 скончался в Рангуне. Англичане убили двух его сыновей (Мирзу Могола и Мирзу Хайра Султана) и внука Мирзу Абубакра.

Так что, несмотря на заявления русского генерала, вряд ли последний могольский падишах переписывался с владыкой Персии Насреддин-шахом о совместных действиях против англичан, с которыми до 4 апреля 1857 года (когда был подписан мирный договор) персы вели войну.

Английские эмиссары неоднократно наведывались в среднеазиатские ханства, собирая разведывательные данные и по возможности лоббируя интересы Британии. Развернувшее соперничество между Российской и Британскими империями и сложная политическая обстановка в Европе, связанная с победоносной для России русско-турецкой войной 1877–1878 годов, явились причиной того, что в Российской империи было принято решение начать поход войск Туркестанского военного округа на юг в сторону Афганистана и Индии – так называемый «Индийский поход».

Судя по архивным документам, этот поход с самого начала планировался как отвлекающий англичан маневр, для пресечения их замыслов, направленных против России в Средней Азии. Немаловажную роль в реализации этой антибританской демонстрации должны были сыграть дружеские отношения Российской империи с Персией.

20 января 1879 года датирована «Докладная записка полковника А. Н. Куропаткина по поводу депеши военного агента в Великобритании Свиты Его Императорского Величества генерал-майора А. П. Горлова». В ней будущий военный министр Российской империи пишет следующее: «Наиважнейшая для противодействия англичанам наша новая граница, по-видимому, должна заключить в районе наших владений ханство Бухарское (до р. Аму-дарьи) и кочевья туркмен с Мервом и верховьями р. Мургаба. Мы тогда примкнем нашими границами к Персии и Афганистану и будем в силах не пропускать английское оружие и инструкторов в Бухарские владения и, что еще важней, в кочевья туркмен...

«Наше движение в туркменские степи выгодно для Персии и эти выгоды должны быть признаны персидским правительством. Поэтому при наших важных операциях, по-видимому, лучше отказаться от занятия, напр., верховьев Атрека, чем дать повод Персии отнестись враждебно к нашему движению вглубь туркменских степей...»

А. Н. Куропаткин

Наше движение в туркменские степи выгодно для Персии и эти выгоды должны быть признаны персидским правительством. Поэтому при наших важных операциях, по-видимому, лучше отказаться от занятия, напр., верховьев Атрека, чем дать повод Персии отнестись враждебно к нашему движению вглубь туркменских степей...

Утвердившись в Текинском оазисе, но не желая одним ударом покончить с Мервом, возможно начать готовить средства для борьбы с Англией путем дипломатических переговоров с Персией. Принятая нами на себя оборона этой богато одаренной от природы полосы привела бы ее в цветущий сад. Принятие подобного взгляда Персией было бы для нас чрезвычайно выгодным. Обязавшись защищать Персию от туркмен, мы могли бы добыть право занять нашими гарнизонами Мешхед и Серахс».

Видный британский государственный деятель лорд Джон Рассел, дважды (с 1846 по 1852 г. и с 1865 по 1866 г.) занимавший пост премьер-министра Великобритании, в 1860 году писал: «Наше воздействие на Санкт-Петербург следует оказывать крайне

осмотрительно и чрезвычайно редко. Ничто не возмущает Российское правительство так сильно... Необходимо дать России почувствовать, что ее поведение не является центром всеобщего внимания и что отношения Великобритании и Персии строятся как дружественные...».

В последней трети XIX века Российская империя занялась расширением своих среднеазиатских владений и завоеванием Туркестана войсками под командованием Михаила Скобелева, что немедленно привело к новому витку Большой игры. «Британское правительство также пробовало выработать политику в отношении Центральной Азии и Персии, – пишет Фируз Казем-Заде в книге «Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии». – Отправной точкой послужила депеша от британского посланника в Тегеране, Тейлора Томсона (№ 136 от 25 июня 1874 г.), в которой он возрождал предложение Иствика о предоставлении помощи Персии для того, чтобы препятствовать России в завоевании туркменских земель, в том числе Мерва. Томсон, подобно Иствику, чувствовал необходимость посылать британских офицеров в Тегеран для обучения и наведения дисциплины в иранском войске. Можно было бы даже субсидировать Персию «с целью обеспечения безопасности этой страны как барьера для Британской Индии против России».

«Необходимо дать России почувствовать, что ее поведение не является центром всеобщего внимания и что отношения Великобритании и Персии строятся как дружественные...»

Джон Рассел

Питер Хопкирк так описывает возросшую разведывательную активность британцев: «Если бы утром 1 октября 1880 года кто-то пересекал пустыню в Центральной Персии к востоку от Исфахана, он мог бы случайно наткнуться на любопытное зрелище. В уединенном, Богом забытом месте европеец явно военного вида и выправки раздевался и напяливал на себя наряд армянского торговца лошадьми.

На нем были такой же традиционный длинный стеганый халат и черная шапка из овчины, как и на двоих молча наблюдавших за ним спутниках. Они были одеты точно так же, с той лишь разницей, что это были подлинные армяне, в то время как он – британский офицер. Подполковник Чарльз Стюарт из 5-го пенджабского пехотного полка, вырядившись подобным образом, готовился отправиться на отдаленный участок северо-восточной границы Персии. Оттуда он собирался наблюдать за передвижениями российских войск в пустынных районах на севере Туркмении».

«Мы помним еще времена Британской империи, желавшей покорить весь мир, и иранский народ до сих пор не доверяет англичанам. А русского спокойно пригласят в гости: мы знаем, что у него за пазухой нет камня».

Хабиб Ахмад-заде

Отголоски тогдашних попыток британского вмешательства сохранились в памяти иранцев до сих пор. Известный писатель и сценарист, автор романа «Шахматы с Машиной Страшного суда» Хабиб Ахмад-заде так говорит об этом: «Мы помним еще времена Британской империи, желавшей покорить весь мир, и иранский народ до сих пор не доверяет англичанам. А русского спокойно пригласят в гости: мы знаем, что у него за пазухой нет камня».

Новый облик Тегерана

Во времена правления Каджаров Тегеран стал образцом нового иранского города, начали формироваться новые городские понятия – улица, площадь, городская среда, парк и официальные городские учреждения. Увеличилось количество иностранцев, которые стали возводить на территориях своих дипломатических миссий высокие здания и разбивать большие сады.

Начиная с 1899 г., когда был принят указ о создании мэрии (баладие), государство начало создавать организационные единицы городского управления. Изнанкой быстрого развития крупных иранских городов (в первую очередь столицы) стал кризис коллективной памяти, поскольку в результате внутренней эмиграции в эти города переехали группы людей из разных иранских провинций. Как подчеркивает Ниматулла Фазели в книге «Современная иранская культура», «неоднородность этих групп и отсутствие конкретных культурных программ не позволили появиться городскому коллективному чувству или коллективной памяти. Коллективная память и конкретная городская идентичность жителей разных регионов, которые в период Насер ад-Шаха и даже до него в пределах конкретных районов знали друг друга, были стерты». При этом шахское правительство не смогло предложить новую культурную политику вместо утраченной местной идентичности, и поэтому в столице не была полностью сформирована местная городская культура.

В конце XIX века, как отмечает иранский историк Ярванд Абрахамиан, в городах жило менее одной пятой части всего населения страны. Городское население Персии обитало в 36 городах, причем большинство жило в Тегеране (200 тысяч человек) и Тебризе (110 тысяч человек). В других крупных городах: Исфахане, Йезде, Казвине, Куме и Ширазе – численность жителей насчитывала от 20 до 80 тысяч человек. В городах Ардебиль, Кашан и Амол проживало примерно по двадцать тысяч человек.

«Тегеранскую площадь Тупхане (Пушечную) можно назвать первичной моделью современного иранского города или, как его еще называют сегодня некоторые иранские

исследователи, «тегеранским стилем». Площадь Тупхане, построенная в середине XIX века, включала в себя некоторые элементы и компоненты традиционного иранского города: рынок, правительственный дворец, мечеть и ворота, открывающееся в сторону жилых кварталов».

Ниматулла Фазели

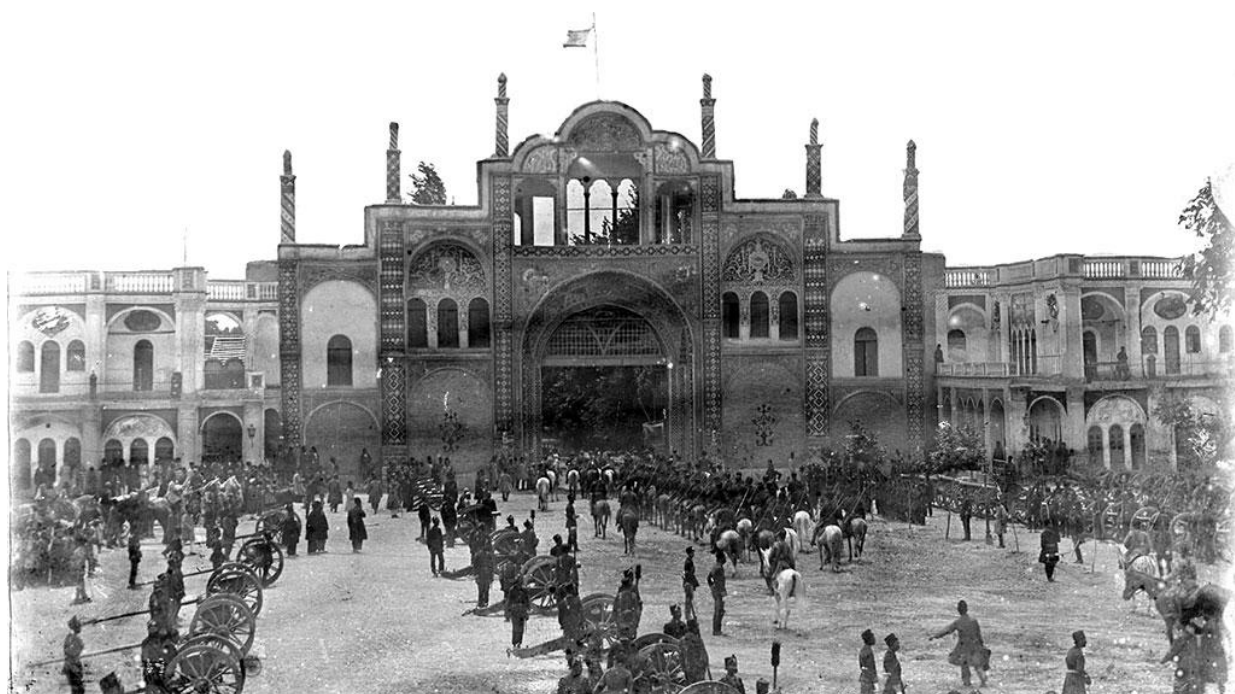

При этом система городского управления долгое время сохраняла традиционные черты: «вали» и «хакимы» управляли провинциями, а персидские города подразделялись на махалле (районы. – *Прим. авт.*), каждый из которых имело своего «кадхода». «Кадхода был посредником между жителями махалле и городским судьей... Он также заведовал кофейнями, зурханами (залами для занятий традиционным спортом. – *Прим. авт.*) и общественными банями».

Один из самых первых преобразователей облика персидских городов в XIX веке был упомянутый ранее визирь Амир Кабир (посещавший Санкт-Петербург), начавший реконструкцию шахских дворцов, затем – дорог, и задумавший организовать и большую артиллерийскую площадку. По приказу владыки-реформатора Насер ад-

Дин Шаха (неоднократно путешествовавшего по Европе и восхищавшегося Парижем, его бульварами и площадями) с 1877 по 1891 год прошла модернизация столицы, поэтому, по мнению многих иранских историков, именно Париж и стал образцом для преобразований персидской столицы.

По мере увеличения числа жителей Тегерана они перестали вмещаться на территории, огражденной городской стеной, построенной еще во времена шаха Тахмаспа (1514–1576) и почти одновременно с проведением первой переписи населения страны 1867 года, началось разрушение старой стены, опоясывавшей Тегеран и строительство новой... Но к этим традиционным постройкам добавились и приметы новизны – здесь появились здания телеграфа, мэрии, новая больница и другие постройки, обусловленные нуждами большого города и столицы государства.

Водопровод и змеиная кожа

Разумеется, процесс перемен не был гладким, он порождал и драмы, и комические ситуации. Так, популярный иранский писатель Мохаммад-Казем Мазинани в в романе «Последний из Саларов» с юмором описывает начало модернизации городской жизни и его неизбежные издержки: «Ровно на десять утра был назначен пуск водопровода: было объявлено, что вода пойдет из гидранта на главной площади города. Народу собралось – не протолкнуться, и все городские власти присутствовали...

«Кадхода был посредником между жителями махалле и городским судьей... Он также заведовал кофейнями, зурханами и общественными банями».

Ниматулла Фазели

Древний провинциальный городок, подобно старому змеиному королю после последней случки, находился в процессе сбрасывания кожи. Голову он положил возле недавно разбитых бульваров, а хвостом обвился вокруг минарета исторической мечети и непрерывно извивался, чтобы старая кожа слезла с него, как футляр. Куски этой прежней шкуры еще видны были в нижней части города.

Бульдозеры вскрывали старую городскую ткань, чтобы заложить основания нового: парков и школ, контор и домов геометрических форм – квадратных и прямоугольных. А каких только тайн не выходило на поверхность при сносе старого... В полночь люди слышали стоны и хныканье нечистой силы из разрушенных старых бань и крытых водохранилищ. Древние крепостные стены тряслись от безжалостного натиска бульдозерных ножей и с трудом удерживали сами себя от обвала. На месте улиц неожиданно появлялись сады. Переулки и улицы, как поднявшееся тесто, раскатывались под колесами автомобилей и делались все длиннее и длиннее. С каждым днем росло количество автомастерских и автослесарей; свои промасленные руки они вытирали о рваные женские платки и мужские шаровары, о сюртуки из цветной бязи и об армяки старого покроя...

Из японского динамика на минарете Сельджукидских времен разносился по городу призыв к полуденному намазу. Услышав азан, ветер древности вставал на свои параличные ноги и шаркал в главную мечеть, и там позади Сасанидских колонн читал один намаз за другим. Потом торопливо покидал мечеть и пытался отдышаться где-нибудь в садах южной части города. Так он действовал уже не одну тысячу лет, но теперь он, кажется, совсем обессилел. Говорили, что он это делал еще и в те годы, когда мечеть была зороастрийским храмом: так же шелестом своим сопровождал чтение Авесты на староперсидском языке.

Губернатор провинции закончил речь под аплодисменты публики. Мэр города с его круглым животиком, на котором галстук лежал, словно змея, греющаяся на солнышке, шагнул вперед. Девушки в традиционных нарядах возле крана гидранта держали поднос с большими ножницами. Мэр взял ножницы и шагнул к гидранту. Площадь ждала в пыльном молчании. Мэр перерезал ленточку, и стальной кран открыли, и со свистом и бульканьем под напором пошла вода. Эта вода шла из глубокого колодца и, в отличие от воды в старых городских арыках, была заключена в темницу чугунных труб, из которых теперь вырывалась и с ворчанием падала в бетонное русло, и текла уже по нему дальше...».

Бульдозеры вскрывали старую городскую ткань, чтобы заложить основания нового: парков и школ, контор и домов геометрических форм – квадратных и прямоугольных. А каких только тайн не выходило на поверхность при сносе старого... В полночь люди слышали стоны и хныканье нечистой силы из разрушенных старых бань и крытых водохранилищ. Древние крепостные стены тряслись от безжалостного натиска бульдозерных ножей и с трудом удерживали сами себя от обвала. На месте улиц неожиданно появлялись сады. Переулки и улицы, как поднявшееся тесто, раскатывались под колесами автомобилей и делались всё длиннее и длиннее.

Мохаммад-Казем Мазинани

Железные дороги

Интенсивное развитие урбанизации страны, появление новых предприятий и вызванная этим необходимость быстрой перевозки больших партий грузов способствовали развитию транспортной системы Персии. Традиционные купеческие караваны вьючных животных уже не могли обеспечить потребности экономики. Немалую роль играло и взаимодействие с Российской империей, которая, как пишет Святослав Рыбас в книге «Заговор верхов, или Тотальный переворот», после поражения в Крымской войне «и утраты из-за сопротивления Англии всех преимуществ, полученных после войны с Турцией... повернулась в противоположную сторону от Европы».

Не только на персидской земле появление железных дорог и ездивших по первым паровозов порой пугало людей, относившихся к новому способу передвижения с опаской. Когда в августе 1851 года российский император Николай I отправился в Москву на празднование 25-летия своего коронавания, в сопровождении свиты и нескольких немецких принцев, то большие мосты из боязни переходил вслед за поездом пешком.

Тем не менее в 1864 году в Тегеране появился человек, представлявшийся как «господин Савалан», и предложил правительству Персии проект строительства железной дороги. Получить концессию он тогда не сумел, однако добился обещания уведомлять его в течение следующих 10 лет о всякой вновь открывшейся перспективе железнодорожной концессии.

В 1866 году Мошен-хан Мойн ол-Молк, персидский посланник в Лондоне, вел переговоры о постройке железной дороги от Тегерана до города Рей с прусским предпринимателем Строусбергом, который в то время занимался строительством и эксплуатацией железных дорог в Румынии.

«Горчаков выразил недовольство концессией, заявив, что она нарушит персидскую независимость. Шах ответил Горчакову, что его страна не может остаться без железных дорог, строительство которых требует привлечения иностранных компаний. Он предложил русскому канцлеру помочь в этом деле. Горчаков заверил шаха, что он попробует найти компанию, подходящую для этой цели».

Александр Широкоград

Проявляли интерес к возможности строить железные дороги в Персии и англичане, которые опасались, что если их опередят русские, то влияние Российской империи в Центральной Азии еще более возрастет. Соответственно, и в России этот вопрос воспринимался как весьма важный. Обсуждение возможного получения британской стороной железнодорожной концессии происходило, в том числе, и во время визита Насреддин-шаха в столицу империи. «За кулисами были проведены серьезные переговоры между шахом, мирзой Хосейн-ханом и князем А. М. Горчаковым, канцлером России, – пишет А. Б. Широкоград в книге «Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907». – Горчаков выразил недовольство концессией, заявив, что она нарушит персидскую независимость. Шах ответил Горчакову, что его страна не может остаться без железных дорог, строительство которых требует привлечения иностранных компаний. Он предложил русскому

канцлеру помочь в этом деле. Горчаков заверил шаха, что он попробует найти компанию, подходящую для этой цели. Возможность, которая внезапно открылась перед Россией, не была упущена опытным дипломатом. Министерство иностранных дел немедленно представило предпринимателя, желающего вложить капитал в Иран, – отставного русского генерала барона фон Фалькенгагена, который прибыл, снабженный наилучшими рекомендациями. Он был приглашен в Тегеран обсудить условия контракта».

Какое-то время продолжалась борьба интересов разных держав, поиск финансовых средств и добросовестных исполнителей. Российские предприниматели и правительство по-прежнему интересовались сотрудничеством с Персией в области развития железных дорог. В марте 1889 года правительству Российской империи было предоставлено на 5 лет исключительное право на разработку проектов железных дорог в Персии. Промышленники Хомяков,

Третьяков и Корф вели переговоры о предоставлении концессии на сооружение Трансперсидской железной дороги от Решта до южного побережья Персии. Проект не был тогда осуществлен, не в последнюю очередь из-за противодействия Англии. В России тоже сложилась обеспокоенность, что постройка Трансперсидской дороги послужит не расширению российской торговли на юге Персии, а наоборот, будет способствовать проникновению английских товаров с побережья Аравийского моря в Северную Персию. Да и оценка необходимых расходов вызвала сомнения в том, что проект возможно быстро осуществить – ведь в самой России в то самое время строилась грандиозная и остро необходимая Транссибирская магистраль.

«В 1893 году Персидское страховое и транспортное общество Лазаря Полякова приобрело концессию на строительство дороги Энзели-Казвин, было образовано Общество Энзели-Казвин, получившее право проложить дорогу до Тегерана и Хамадана. 77 процентов выпущенных Обществом акций, по указанию С. Ю. Витте, были выкуплены государственным казначейством».

Святослав Рыбас

Тем не менее, в 1890 году между Российской империей и Персией было заключено соглашение, что в течение 10 лет никакие железнодорожные концессии в Персии никому без согласия России предоставляться не будут. «В 1893 году Персидское страховое и транспортное общество Лазаря Полякова приобрело концессию на строительство дороги Энзели-Казвин, – отмечает Рыбас, – было образовано Общество Энзели-Казвин, получившее право проложить дорогу до Тегерана и Хамадана. 77 процентов выпущенных Обществом акций, по указанию С. Ю. Витте, были выкуплены государственным казначейством. Весь контроль над деятельностью Общества Энзели-Тегеранской дороги оказался сосредоточенным в руках правительства... Особая роль принадлежит Учетно-ссудному банку Персии, созданному Я. С. Поляковым и переданным им в управление Государственному банку. В 1894 году частный банк фактически стал структурой русского Государственного банка, являясь главным инструментом для закрепления России в Персии, провозглашенного в

конце 1890-х годов Министерством финансов. По предложению С. Ю. Витте были определены основные задачи банка: содействовать «развитию активной торговли русских в Персии, сбыту туда русских фабрикатов, распространению среди персидского населения российских кредитных билетов, а равно вытеснению из Персии английских произведений».

Лазарь Поляков, известный финансист и промышленник, одним из первых в России обратил внимание на перспективность рынка Центральной Азии. Он построил в Тегеране фабрику по производству спичек. Также им были основаны Персидское и Центрально-Азиатское промышленное и коммерческие общества. С 1890 года Лазарь Поляков являлся генеральным консулом Персии в Москве. Был награжден персидскими орденами – Орденом Льва и Солнца и Орденом Меджидие I степени. В 1897 году в России он был возведен в потомственное дворянство и получил герб, одним из элементов которого было «червлёное крылатое колесо» как символ строительства им железных дорог.

Однако экономический кризис 1908 года помешал Полякову провести задуманную им железнодорожную линию в Персии. Первая железная дорога появилась там только в 1914 году, соединив Тебриз и Джульфу на границе Российской империи.

Розовая мечеть

Среди архитектурных шедевров Ирана почетное место занимает расположенная в Ширазе мечеть Насир-аль-Мольк, иначе именуемая «Розовая мечеть». На самом деле этот замечательный памятник эпохи Каджаров сияет многообразием всех красок и оттенков, какие только существуют. Строительство мечети было начато в царствование Насреддин-шаха по распоряжению одного из родственников правителя – Мирзы Хасана Али, носившего прозвище Насир-аль-Мольк, которое закрепилось за мечетью. Руководил возведением мечети, длившимся 12 лет, архитектор Мухаммад Хасан.

Интерьеры Розовой мечети украшены пестрой мозаикой, образующей сложные орнаменты. Но главной ее достопримечательностью являются витражные окна. Проходя сквозь оконные проемы, в которых установлены узорчатые разноцветные стекла, солнечный свет обретает невероятное богатство красочности, благодаря чему внутреннее пространство мечети словно наполняется сиянием драгоценных камней.

Многочисленные арки, соединяющие помещения мечети между собой, а также служащие выходами во двор и на террасы, украшены фресками и облицованы изразцами тонкой работы. Расписной изразцовой плиткой выложен и свод большой арки над входными воротами. В северной части мечети находится обширный внутренний двор. Свод западного шабестана украшен росписью и опирается на двенадцать колонн, отсюда во фронтальную часть мечети ведут семь дверных проемов – деревянные двери, подобно окнам, застеклены многоцветными витражами.

Кстати, многие исследователи придерживаются мнения, что впервые образцы мозаики и витражей появились именно в Персии. До наших дней из древности дошли замечательные персидские шкатулки, украшенные наборным рисунком из кусочков цветного стекла. Впоследствии оконные переплеты, в которые вставлялись разноцветные стекла, стали неременным украшением священных сооружений и дворцов знати. И постепенно традиция украшения построек разноцветными узорчатыми окнами и наборными узорами на стенах, полах и потолках распространилась из Персии по всему миру.

Судьба древних памятников

Город Сузы (персидское название Шуш), расположенный в провинции Хузестан на западе Ирана, – один из древнейших городов мира. Здесь были найдены уникальные предметы, созданные задолго до нашей эры, еще в пятом тысячелетии.

Шли столетия, менялись державы. В 538 году до н. э. в Сузы пришел Кир Великий. Его сын, Камбиз II, перенес в Сузы столицу персидской державы. Позже враги не раз подступали к городу и захватывали его, истребляя жителей. Многие сооружения былых времен были разрушены.

Одним из первых сооружениями древних Суз заинтересовался в 1836 году Генри Роулинсон, осмотревший эту территорию, затем в 1851 году – Уильям Лофтус. Французский архитектор и востоковед Паскаль Кост в 1839–1841 гг. путешествовал по Персии вместе с художником и археологом Эженом Фланденом. В 1851 году они выпустили шеститомный труд «Voyage en Perse». В 1885–1886 гг. французский археолог Марсель-Огюст Дьёлафуа вместе со своей женой Жанной-Паулой-Рашель провели раскопки в Сузах. Они исследовали дворцы Дария I и Артаксерса II; невзирая на договор с персидским правительством о находках, Дьёлафуа вывез оттуда барельефы из глазурованного кирпича, которые вместе с другими его находками были выставлены в особом зале Лувра, названном его именем.

Марсель-Огюст вернулся на государственную службу, а Жанна-Паула, которая во время путешествия и раскопок вела дневник, куда заносила свои наблюдения за жизнью местных жителей и описания археологических находок мужа, издала два тома записок – «La Perse, la Chaldée et la Susiane» (1886) и «A Suse. Journal des fouilles» (1888). Так, в ее дневнике были следующие строки: «Сегодня я с большим сожалением осматривала огромного каменного быка, найденного на днях. Его вес составлял почти 12 тонн и сдвинуть с места такую глыбу не представлялось возможным. В конце концов мне удалось совладать со своими чувствами. Я взяла молоток и набросилась на каменного зверя, нанося ему ожесточенные удары. В конце концов капитель треснула, как спелый плод. Таким образом мы смогли разделить ее на части и перевезти во Францию».

THE ILLUSTRATED LONDON NEWS

PRINTED BY W. G. BARNES, 11, SOUTH BARRICK, LONDON.

No. 2020.—VOL. XXV.

SATURDAY, JULY 6, 1889.

THIRTY-SIX PENCE.
PAGES 1-16.

«Сегодня я с большим сожалением осматривала огромного каменного быка, найденного на днях. Его вес составлял почти 12 тонн, и сдвинуть с места такую глыбу не представлялось возможным...»

Жанна Дьёлафуа

Узнав об экспозиции древних персидских памятников, в нарушение договоренностей вывезенных из страны, правительство Персии заявило официальный протест, но в ответ французское правительство предложило шаху посетить французскую столицу и увидеть там предметы, найденные во время раскопок Сузах. В ходе своей последней поездки в Европу в 1889 году Насреддин-шах посетил экспозицию персидских древностей, которую Франция отказалась ему передать...

Прочестъ неведомые письма

А когда европейцы стали проявлять научный интерес к изучению восточных древностей? Итальянский аристократ и путешественник Пьетро делла Валле, оставивший одну из первых европейских записей о древнем Вавилоне и его «замечательные описания», побывал на персидской земле, посетив Персеполь.

Пьетро делла Валле был принят при дворе шаха Аббаса, став его гостем. Да и в дальнейшем персидские древности вызывали неустанный интерес. «В 1767 г. король Дании впервые отправил на Восток научную экспедицию, чтобы ее члены собрали как можно больше информации, касающейся различных отраслей знания, в том числе археологии, – пишет Жорж Ру в книге «Великие цивилизации Междуречья». – Ее руководитель Карстен Нибур, математик по профессии, скопировал в Персеполе множество надписей, которые впоследствии были переданы филологам... С тех пор почти все, кто посещал Восток, вносили свой вклад в изучение его руин, собирали древности, копировали надписи».

Британский археолог, лингвист и дипломат Генри Роулинсон вошел в историю как дешифровщик знаменитой Бехистунской надписи. В 1837–1844 годах Роулинсон многократно, рискуя жизнью, взбирался на Бехистунскую скалу и копировал персидскую и эламитскую части надписи. Вернувшись в 1849 году на родину, Роулинсон через год напечатал и свои воспоминания, и саму надпись. В 1859 году он получил должность английского посланника в персидской столице, но через несколько месяцев ушел в отставку.

«В 1767 г. король Дании впервые отправил на Восток научную экспедицию, чтобы ее члены собрали как можно больше информации, касающейся различных отраслей знания, в том числе археологии. Ее руководитель Карстен Нибур, математик по профессии, скопировал в Персеполе множество надписей, которые впоследствии были переданы филологам... С тех пор почти все, кто посещал Восток, вносили свой вклад в изучение его руин, собирали древности, копировали надписи».

Жорж Ру

В тексте книги рассказывается о великих державах и их правителях, богах Шумера и шумерском пантеоне. Поскольку боги Месопотамии обладали различными статусами, то и размеры святилищ были у них разные. Часть богов – среди которых Шара и Забаба – были покровителями городов-государств. Объектами всеобщего поклонения был бог Луны Нанна, и его сын Уту. Отдельные главы посвящены эре героев, Хаммурапи и династии Саргона, величии и падению Вавилона. «В длинном клинописном тексте, составленном на трех языках: древнеперсидском, вавилонском и эламском – вырезанном на скале в Бехистуне (неподалеку от Керманшаха), – напоминает Жорж Ру, – чтобы увековечить память о победах Дария над врагами, сам перс рассказывает, как некий вавилонянин по имени Нидинту-Бел собрал целое войско, провозгласив, будто является Навуходоносором, сыном Набонида, и захватил вавилонский престол. Дарий лично выступил против него, наголову разбил вавилонян на берегах Тигра и Евфрата и преследовал самозванца до самой столицы, где тот был схвачен и казнен».

Значение расшифровки Бехистунской надписи для мировой культуры и науки можно сравнить только с самим фактом того, что этот памятник благополучно сохранился до наших дней. Роулинсон поначалу имел в своем распоряжении некоторые уцелевшие фрагменты других древних надписей, часть которых он сумел расшифровать. Но для полного прочтения, для верного понимания не хватало материала. Требовалось больше надписей, а самое главное – имен. «И он нашел их на Бехистунской скале, в надписи из многих сотен трехязычных строк, выбитых на специально подготовленной поверхности скалы площадью свыше 1200 квадратных футов, которая также частично была заполнена низким скульптурным рельефом, – пишет Самюэль Крамер в книге «Шумеры. Первая цивилизация на Земле». – К несчастью, этот памятник был расположен на высоте более 300 футов над уровнем земли, и добраться туда не было никакой возможности. Поэтому Роулинсону пришлось соорудить специальную лестницу, и время от времени, желая получить как можно более полную копию, он болтался на веревках напротив скалы».

Роулинсон начал копировать персидские фрагменты Бехистунской надписи в 1835 году, и эта работа с пятью отрывками, содержащими

414 строк, продолжалась более года. Причем за это время ученый смог скопировать примерно половину текстов. Но уже тогда, опираясь на классические трактаты и труды географов Средневековья, он сумел распознать и прочесть часть названий, упоминаемых в надписи. «К 1839 г. он познакомился с трудами своих европейских коллег и с помощью полученной дополнительной информации успешно перевел первые 200 строк древнеперсидской части бехистунского текста, – пишет Крамер. – Ему хотелось скопировать всю надпись с Бехистунской скалы до мелочей, но его обязанности военного прервали эти усилия, и вернуться к любимому занятию он смог уже только в 1844 г. В тот год он вернулся в Бехистун, полностью завершил копию 414 строк древнеперсидской надписи и скопировал все 263 строки второй, эламской, как это теперь известно, версии».

«И он нашел их на Бехистунской скале, в надписи из многих сотен трехязычных строк, выбитых на специально подготовленной поверхности скалы площадью свыше 1200 квадратных футов, которая также частично была заполнена низким скульптурным рельефом. К несчастью, этот памятник был расположен на высоте более 300 футов над уровнем земли, и добраться туда не было никакой возможности. Поэтому Роулинсону пришлось соорудить специальную лестницу, и время от времени, желая получить как можно более полную копию, он болтался на веревках напротив скалы».

Самюэль Крамер

На этом упорный исследователь не остановился. «В 1847 г. он снова путешествовал из Багдада в Бехистун и с риском для жизни и конечностей, – подчеркивает Крамер, – перенес на бумагу вавилонскую версию, снабдившую его 112 строками, готовыми к расшифровке при помощи уже расшифрованного к тому моменту древнеперсидского текста. Более того, в процессе работы он обнаружил еще одну существенную черту вавилонского письма, «полифонию», когда один и тот же знак мог означать более одного звука или «единицы» (достоинства). В результате Роулинсон теперь сумел правильно прочесть около 150 знаков; он знал, как читаются и что означают почти

200 слов языка». Более того – ему стала понятна даже примерная грамматическая схема доселе неведомого наречия.

Лишь в 1848 году Роулинсон отправил свою рукопись «с копиями, транслитерацией, переводом, комментариями и примечаниями» в Королевское азиатское общество. Так была заложена научная основа расшифровки древнеперсидских текстов.

Персидское серебряное плетение

Традиции персидской культуры хранят в себе и множество приемов изготовления удивительных в своей великолепии и легкости украшений, в том числе и сплетенных из тончайшей серебряной проволоки. Серебряная филигрань – это цепочки, серьги, кольца, изготовленные из гибкой серебряной проволоки, образующей тончайший воздушный узор со «снежным блеском». Говоря об эталонах современной филигрании, прежде всего вспоминают «персидский завиток», «персидское плетение».

Серебро для филигрании смешивается с малым количеством свинца, отливается в слитки, после расплющивается в пластины, из которых вытягивают тонкую и длинную проволоку. Для создания узора ее переносят по частям на лист слюды и приклеивают, потом спаивают отдельные фрагменты узора. Мастера делают вначале каркас из тонкой серебряной проволоки, после заполняют внутренность узорным плетением, специальной пастой закрепляют на листе слюды и паяют. Чтобы изделие не тускнело, его покрывают после обжига и очистки лаком. По окончании работы украшению придают особый «снежный» блеск.

Секреты ремесла ювелиров обычно передаются в семьях по наследству, и уже с детства ученики начинают выполнять самую сложную работу. «Даже такому тонкому и чуткому инструменту как рука искусного мастера, не достает аккуратности при изготовлении воздушной филиграни, и с этой паутиной из проволоки работают лишь дети», – гласил каталог одной из ювелирных выставок, проходившей во Франции в 1886 году. И в наши дни столь деликатное искусство требует зорких глаз и чутких рук – проволоку иногда перекручивают, как тоненький канат, и многие операции под силу лишь десятилетним детям – подмастерьям. Делая каркас или лепесток, мастер дает юному помощнику резать проволоку нужной длины, после этого подготовительного процесса, осторожно загибая на полвитка один конец проволоки, ее вставляют в каркас до полного заполнения.

Миссия генерала Куропаткина

Алексей Николаевич Куропаткин, начальник Закаспийской области генерал-лейтенант Генерального штаба, был отправлен в Персию Николаем II с официальным визитом, чтобы сообщить Насреддин-шаху о вступлении на престол нового российского императора, и помимо этого, обсудить пограничные вопросы двух держав. Куропаткин находился в персидской столице с 12 января по 23 февраля 1895 года, встречался с шахом, его первым министром и другими влиятельными персидскими сановниками, с российскими дипломатами и командиром Персидской казачьей бригады.

После возвращения в Россию, 25 марта 1895 года, Куропаткин был принят Николаем II, которому представил свой отчет. В своем документе («Всеподданнейший отчет генерал-лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения высочайше возложенного на него чрезвычайного поручения» // Добавление к Сборнику географических, топографических и статистических материалов по Азии. – 1902. – № 6) генерал-лейтенант и будущий военный министр империи писал, что «поддержание преобладающего влияния нашего в Персии и на будущее время является настоятельно необходимым... заботливо охранять целостность Персидского государства. Если не для нас, то для детей и внуков наших вся Персия должна войти в сферу русских политических и экономических интересов... вооруженные силы в Персии в настоящее время незначительны, не устроены и не обучены должным образом. Но материал имеется хороший и если явятся опытные инструкторы и прекратится воровство сумм, ассигнуемых шахом на армию, то в Персии может быть создана значительная военная сила... Принимая на себя миссию по охране целостности этой страны, мы, по-видимому, должны влиять на персидское правительство... дабы в Персии не развивались и не совершенствовались вооруженные силы».

Документ произвел впечатление на российского императора, который в своем дневнике 30 мая 1895 года написал, что «читал с интересом отчет Куропаткина о его поездке зимою в Персию». В середине 1890-х годов продолжилось вытеснение Британской империи

из Персии Российской империей, используя, в том числе и экономические методы.

Прошло пять лет, и А. Н. Куропаткин, произведенный в декабре 1900 года в генералы от инфантерии, и военный министр Российской империи (в 1898–1904 годах), отмечал в своих записках (Куропаткин А. Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб.: Полигон, 2002.), что «в главе 2-й всеподданнейшего доклада военного министра в 1900 г. изложен военно-стратегический обзор границ России. Общие мои выводы относительно различных участков нашей границы были сделаны в этом труде следующие.

Поддержание преобладающего влияния нашего в Персии и на будущее время является настоятельно необходимым... заботливо охранять целостность Персидского государства. Если не для нас, то для детей и внуков наших вся Персия должна войти в сферу русских политических и экономических интересов».

Генерал-лейтенант Алексей Куропаткин

б) К востоку от Турции на Кавказе мы граничим на 698 верст с Персией, с Персией же наша граница идет по Каспийскому морю 412 верст и к востоку от него на протяжении 890 верст до Зюльфагарского прохода на р. Герируд. Общая длина нашей границы с Персией, считая с берегом Каспийского моря – 2000 верст.

Торговые наши обороты с Персией, постепенно возрастая в последние 10 лет, с 20 млн руб. в 1888 г. достигли в 1897 г. 35 млн руб. в год. Из торговых оборотов по сухопутной границе только торговые обороты с Германией, Австрией и Китаем превышают нашу торговлю [63] с Персией. Наш отпуск за последние 10 лет с 9 млн достиг 16 млн руб., привоз – с 11 млн до 19 млн руб.

Необходимо, однако, добавить, что отпуск наших товаров искусственно увеличивается весьма серьезными льготами по вывозу сахара и хлопчатобумажных изделий, а ввоз уменьшается высоким обложением чая (привозимого через Персию из Индии и Китая) и почти запретительным обложением иностранной мануфактуры.

Выгоды географического положения на берегу Индийского океана и на кратчайшие пути из Европы в Индию в связи с культурной

отсталостью Персии и военной слабостью делают ее естественной ареной борьбы за преобладание между несколькими державами. До сих пор в этой борьбе принимали главное участие Россия и Англия, ныне же к ним, по-видимому, готова присоединиться Германия, делающая серьезные попытки утверждения своего присутствия по соседству с Персией в Малой Азии.

Непосредственное соприкосновение наше на протяжении почти 2000 верст, продолжительность мирных сношений (граница в Закавказье остается без перемены в течение 70 лет), выгоды, даваемые нам Гюлистанским договором (статья 4), которым мы приобрели право вмешиваться во внутренние дела Персии, приобретенное тем же трактатом право исключительного господства на Каспийском море, омывающем беззащитные северные персидские берега, наконец, совершенное наше превосходство в военном отношении дают в настоящее время России политическое преобладание в Персии. Что же касается экономического преобладания, то мы господствуем только в трех северных провинциях Персии, на всей же остальной ее площади экономическое господство принадлежит не нам, и, собственно, в южных провинциях оно принадлежит Англии. Идя по пути постепенного расширения сношений с Персией, Англия, по-видимому, стремится захватом побережья Индийского океана, проложением железнодорожной сети и развитием торговых сношений не только вполне обеспечить свое господство на юге Персидского государства, но постепенно занять экономически средние провинции и даже [64] бороться с нами в северных. Серьезным противником нашим в будущем должна вскоре явиться Германия, имеющая уже ныне в своих руках важный караванный путь Трапезон – Тавриз.

Относительно Персидской границы в докладе моем 1900 г. сделано следующее заключение:

«Граница наша с Персией установлена весьма прочно, и мы ни в политическом, ни в военном отношении отнюдь не нуждаемся в изменениях нашей пограничной черты и в каких-либо приобретениях от Персии. Напротив, приобретение новых земель, населенных иноплеменниками, необходимость чрезвычайных и постоянных расходов на устройство сих земель может скорее ослабить, чем усилить нас на Персидской границе; ослабится уже тем, что подорвет ту

приязнь, с которой персидское население к нам относится как к добрым соседям.

Нет необходимости в изменении пограничной черты собственно и в военном отношении. Только на небольшом протяжении в Ленкоранском уезде и вдоль р. Атрека она разделяет родственные племена персов и туркмен. На остальном протяжении, идя по естественным линиям, она служит и этнографической чертой: в Закавказье – между армянами и турками, в Азербайджане – между персами, турко-татарами и курдами, в Средней Азии – между туркменами и русскими Закаспийской области, курдами и персами Хорасана.

Таким образом, ни политические, ни военные условия не вызывают необходимости каких-либо изменений на обширной границе нашей с Персией.

За последние 50 лет наша торговля с Персией по ввозу и вывозу возросла с 4 до 35 млн руб. в год. Мы обязаны охранять достигнутые результаты и развивать их, принимая все меры, дабы, прежде всего, рынки северной части Персии – Азербайджан, Тегеранский и Тавризский с каждым годом все надежнее упрочивались за нами.

Дальнейшее возрастание нашей торговли с Персией возможно прежде всего лишь в том случае, если населению Персии будет обеспечено внутреннее спокойствие.

Покорением туркмен 20 лет тому назад мы обеспечили Персии спокойное развитие населения Хорасанской провинции. Ныне мы пожинаем плоды победы над Геок-Тепе, ибо наш торговый оборот только по Хорасану уже составляет 10 млн руб. в год. Несомненно поэтому, что и в будущем на нашей обязанности лежит оказать в случае надобности содействие персидскому правительству к водворению спокойствия в соседних с ним местностях Персии.

Таким образом, нашими наиболее настоятельными задачами в Персии в настоящее время являются поддержание спокойствия в пограничных с нами местностях и занятие господствующего положения на северных рынках Персии».

«Граница наша с Персией установлена весьма прочно, и мы ни в политическом, ни в военном отношениях отнюдь не нуждаемся в изменениях нашей пограничной черты и в каких-либо приобретениях от Персии. Напротив,

приобретение новых земель, населенных иноплеменниками, необходимость чрезвычайных и постоянных расходов на устройство сих земель может скорее ослабить, чем усилить нас на Персидской границе; ослабится уже тем, что подорвет ту приязнь, с которой персидское население к нам относится как к добрым соседям».

Военный министр Алексей Куропаткин

«Таким образом, нашими наиболее настоятельными задачами в Персии в настоящее время являются поддержание спокойствия в пограничных с нами местностях и занятие господствующего положения на северных рынках Персии».

Военный министр Алексей Куропаткин

Имея в виду Персию...

Россия продолжала расширение своих границ в Туркменистане, но при этом всегда учитывалось возможное беспокойство Персии, для которого не следовало давать повода. В 1873 году войска под командованием генерала Н. Н. Головачёва заняли селения Хорезмского оазиса. В 1877 году был занят Кызыл-Арват. В 1879 году войска генерала Лазарева штурмовали Геок-Тепе, но неудачно. После этого туда направлен генерал Скобелев во главе 11 тысяч солдат и с сотней пушек. Он получил строжайшее указание не перемещать войска на восток за пределы оазиса Ахал-Теке и не совершать маневров на персидской границе.

Скобелев осадил крепость Геок-Тепе и 12 января 1881 года взял ее штурмом, несмотря на численное превосходство обороняющихся – в крепости было, по разным оценкам, 20 или даже 25 тысяч воинов. Брат известного художника-баталиста Верещагина – Александр – участвовал в том походе, будучи в чине майора, и был по приказу Скобелева назначен временным комендантом Геок-Тепе. В своих воспоминаниях «Дома и на войне» (книга вышла в Санкт-Петербурге в 1886 году) он писал о защитниках крепости: «стреляли они хладнокровно, редко и необыкновенно метко». Крепость была взята благодаря умело подведенной мине, с помощью которой подорвали стену. Сохранились воспоминания Александра Майера, участвовавшего в этой отчаянной операции («Наброски и очерки Ахал-Текинской экспедиции 1880–1881», изданы в Санкт-Петербурге в 1886 году): «Гардемарин нагнулся осмотреть, хорошо ли вложена мина, и убедился, что весь цилиндр скрылся под землей... Фитиль Бикфорда выдавался на пол-аршина из обломков глины, которыми была сделана забивка мины... – Ребята, уходите все по траншейке... Живо!..».

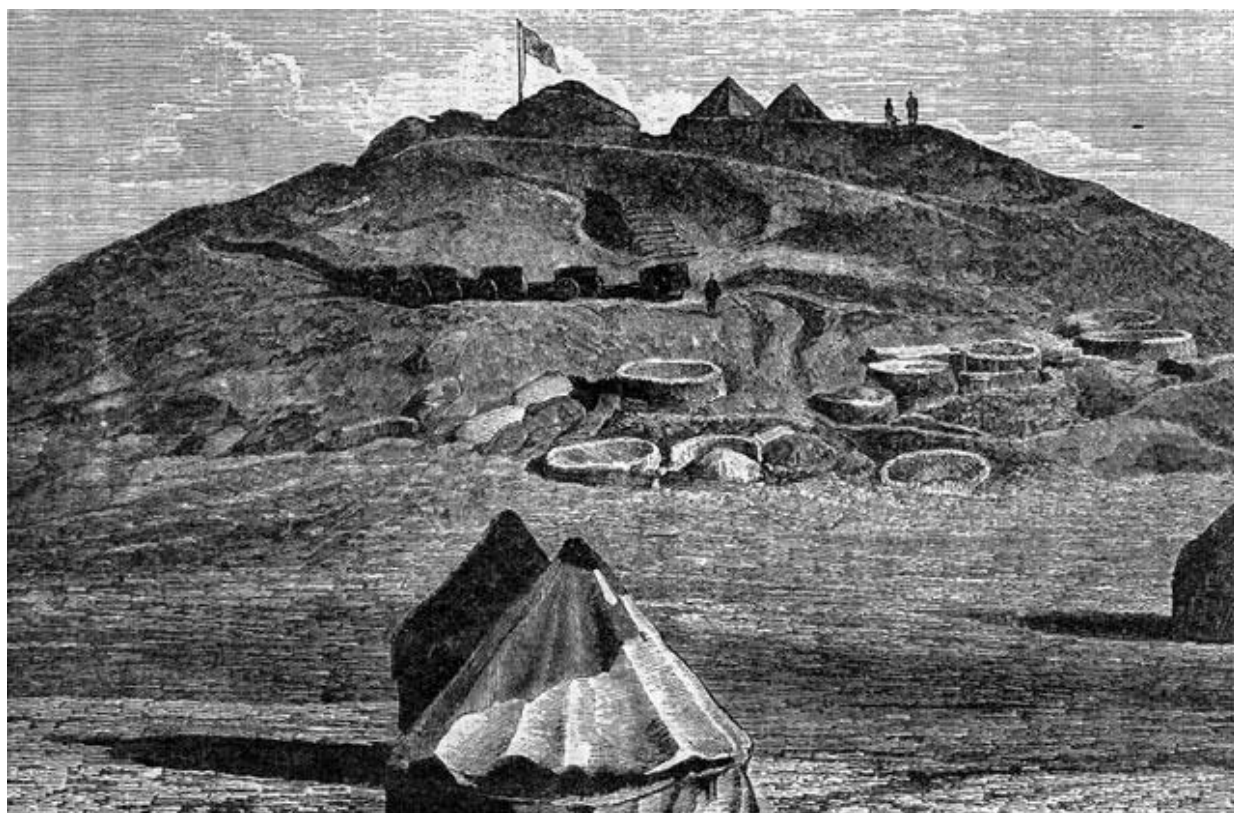

Известный русский этнограф Евгений Марков запечатлел рассказ одного из участников обороны крепости: «...Скобелев уж очень хитер был. Мы ждали, что русские на стены полезут, как в первый раз; а Скобелев какой хитрый! Все из пушек нас бил, а на стены не шел. Вот

мы слышим ночью, что русские под стеной ход копают, лопатами стучат. Ну, думаем, вот это хорошо! Мы всю ночь шашки точили, думаем, станут они из-под земли вылезать, а мы им головы будем рубить. Нам только этого и нужно было. Вдруг, как задрожит земля, как взлетит вверх стена наша, мы думали, что весь свет сквозь землю провалился! Все голову потеряли! А тут русские ура закричали... В крепость ворвались...». В середине 1990-х годов в Гёкдепе (нынешнее название Геок-Тепе) была построена мечеть Сапармурата-хаджи в память о погибших защитниках города.

«Накануне этого дня Скобелев командировал в Персию начальника штаба отряда, полковника Гродекова (теперь генерал-лейтенант), с тремя офицерами. Цель командировки заключалась в устройстве вспомогательной довольственной базы в Буджнуре, лежащем недалеко от Геок-Тэпе».

А. В. Щербак

Несколькими днями позже взятия Геок-Тепе отряд полковника А. Н. Куропаткина занял Ашхабад.

Перед тем, как выступить на Геок-Тепе, Скобелев тщательно проанализировал предыдущий неудачный поход и пришел к выводу, что основной причиной поражения стало недостаточное снабжение, как боеприпасами, так и продовольствием. Поэтому он позаботился о подвозе всего необходимого по Каспийскому морю и далее по новой, стремительно построенной железной дороге. Также он отправил в Персию Николая Гродекова, будущего Туркестанского генерал-губернатора и командующего Туркестанским округом, чтобы тот организовал на персидской территории базу, расположенную всего в одном дневном переходе от Геок-Тепе, и заготовил там требуемые припасы.

«Афганистан и Персия приветствовали экспедицию Скобелева, ибо сами не могли справиться с ахалтекинцами, живущими одним разбоем. Только воинственные курды жестоко отмщали текинцам за их набеги. А в Персии и Афганистане целые области, когда-то богатые и густо населенные, теперь оставались безлюдны и одичалы...»

Валентин Пикуль

В книге врача и писателя, участника русско-турецкой войны и Ахал-текинской экспедиции А. В. Щербака «Ахал-Тэкинская экспедиция генерала Скобелева в 1880–1881 гг.», изданной в Санкт-Петербурге в 1900 году, подробно описана эта вдумчивая подготовка: «Отъезд свой генерал назначил на 31 августа. Накануне этого дня Скобелев командировал в Персию начальника штаба отряда, полковника Гродекова (теперь генерал-лейтенант), с тремя офицерами. Цель командировки заключалась в устройстве вспомогательной довольственной базы в Буджнуре, лежащем недалеко от Геок-Тэпе. Предполагалось образовать там 4-х-месячный запас довольства на 5000 человек, с тем, чтобы при движении нашего отряда к Геок-Тэпе, также и во время осады этой крепости и дальнейших действий, можно было бы подвозить запасы из ближайшего пункта. Операция эта, благодаря энергическому содействию нашего посланника в Персии, представляла все данные к успешному выполнению».

В популярном историческом романе Валентина Пикуля «Генерал на белом коне», рассказывающем о деятельности генерала М. Д. Скобелева, есть следующие строки: «Афганистан и Персия приветствовали экспедицию Скобелева, ибо сами не могли справиться с ахалтекинцами, живущими одним разбоем. Только воинственные курды жестоко отмщали текинцам за их набеги. А в Персии и Афганистане целые области, когда-то богатые и густо населенные, теперь оставались безлюдны и одичалы... Потому-то навстречу отрядам Скобелева неустанно шли караваны верблюдов: персы и афганцы добровольно помогали русским, присылая им в подарок ячмень, рис, горох и коровье мясо...».

«Многочисленные развалины указывают, что еще в недавнее относительно время местность эта была населена. Туркмены-текинцы разрушили персидские деревни и частью умертвили, частью угнали в плен их жителей...»

А. Н. Куропаткин

По свидетельству Алексея Николаевича Куропаткина, написавшего об этом в своей книге «Завоевание Туркмении. Поход в Ахал-теке в 1880–1881 гг.» (издана в Санкт-Петербурге в 1899 году), русскими войсками в крепости Геок-Тепе были освобождены из рабства 500 персов. «Рабы-персияне и пленные персиянки отправлены на родину», – писал Куропаткин. В его воспоминаниях рассказывается и о последствиях текинских набегов, которые он наблюдал собственными глазами: «Пространство между персидскими и туркменскими поселениями, ограниченное Атреком на юге, главным его притоком р. Сумбаром на западе и курдскими поселениями на востоке, еще 8 лет тому назад представляло из себя обширный треугольник, заполненный отрогами Кюрен-дагских и Эльбрусских гор и лишенный всяких поселений, хотя пространство это способно к культуре; по горам много пастбищ, а долины весьма плодородны и отличаются хорошим климатом. Многочисленные развалины указывают, что еще в недавнее относительно время местность эта была населена. Туркмены-текинцы разрушили персидские деревни и частью умертвили, частью угнали в плен их жителей... Сотни некогда цветущих деревень и теперь еще лежат в развалинах по северной границе Персии».

Когда шла подготовка к Ахал-Текинской экспедиции, персидские власти и русский посол Зиновьев договорились о том, что текинцам продовольствие в Хорасане продавать не будут, вывоз провианта был

запрещен. Кроме этого, по свидетельству Куропаткина, «шах Персидский запретил пускать на персидскую территорию и переселенцев-текинцев».

Заботу Скобелева о поставках провианта из Персии описывает и Валентин Рунов в книге «Гений войны Скобелев. «Белый генерал»: «Для улучшения продовольственных поставок М. Д. Скобелев решил воспользоваться улучшением российско-иранских отношений. На территории Ирана в городе Гермамбе был создан специальный магазин (склад), где оптом закупаются продукты в Иране, и уже оттуда они поставлялись в Туркмению. При этом была исключена целая цепь перекупщиков и цены, естественно, упали».

«На территории Ирана в городе Гермамбе был создан специальный магазин (склад), где оптом закупаются продукты в Иране, и уже оттуда они поставлялись в Туркмению».

Валентин Рунов

Взятие крепости Геок-Тепе еще не завершило противостояние в этих землях. Эдвард Аллворт в книге «Россия: прорыв на Восток» пишет: «До 1884 года обстановка постоянно осложнялась из-за набегов

на русскую зону туркменов Мары. В 1883 году в Мары был послан полковник Алиханов. Он убеждал племенных предводителей и известных граждан в необходимости подчинения российским властям ради собственных интересов. Такие усилия принесли плоды, ибо 1 января 1884 года была созвана ассамблея ведущих туркменских деятелей в Мары по вопросу присоединения к России. Оазис преобразовали в округ Мары». Это встревожило англичан. Однако русское правительство предложило Британии совместно определить границу с Афганистаном. Тем самым, острого конфликта удалось избежать. Граница от реки Амударья до персидского Хорасана была установлена в 1887 году.

Персидская казачья бригада

Это весьма примечательное подразделение персидской армии, о котором уже упоминалось в предыдущих главах, было создано после второй заграничной поездки Насреддин-шаха, во время которой он путешествовал, в том числе, и по Закавказью, подвластному Российской империи. Сопровождали царственного гостя во время этого визита кубанские и терские казаки. Они так впечатлили шаха своей великолепной джигитовкой и красочной форменной одеждой, что персидский владыка пожелал непременно создать и у себя на родине подобные войска. Советский историк Н. Р. Рихсиева в своем исследовании, опубликованном в 1978 году, утверждала, что «определенную роль в выборе играло личное желание Насреддин-шаха, которого в неоднократных поездках по России сопровождали русские казачьи части и покорили его выправкой и дисциплиной» (Рихсиева Н. Р. «К истории иранских казачьих частей»).

Также очевидцы свидетельствовали, что шах был искренне восхищен Собственным Его Императорского Величества Конвоем, состоявшим из кубанских казаков. «Персидская казачья бригада сформирована в 1879 году русскими инструкторами, – писал военный инструктор Меняев, опубликовавший под псевдонимом Мисль-Рустем книгу «Персия при Наср-Эдин-шахе с 1882 по 1888 г.», – откомандированными из России персидскому шаху, по его желанию. Во время пребывания шаха в Петербурге ему очень понравился Конвой Его Величества, и с того времени он решил сформировать у себя подобный же конвой. Это единственная часть персидской кавалерии, которая обучается строю по русскому сокращенному уставу и походит на регулярную кавалерию».

В ходе поездки шах попросил кавказского наместника – великого князя Михаила Николаевича – направить в Персию русских офицеров, которые могли бы сформировать и обучить казачьи кавалерийские подразделения. Правительство Российской империи ответило согласием, и в ноябре 1878 года в Персию был командирован участник только что закончившейся Русско-турецкой войны, штаб-офицер для особых поручений при штабе Кавказского военного округа подполковник Алексей Домонтович, потомственный кубанский казак.

«К середине XIX в. русско-персидские отношения заметно улучшились. Россия была важным торговым партнером Персии, а главное, стратегическим союзником против ее извечного врага – Турции, – пишет Александр Широкопад в книге «Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907». – В ходе войны 1877–1878 гг. Персия оказала определенную помощь русской Кавказской армии. В 1879 г. русское влияние в Тегеране значительно возросло в результате создания персидской казачьей бригады под командованием русских офицеров. В ее состав вошли четыре конных полка двухбатальонного состава, пехотный батальон и две четырехорудийные батареи. Штатная численность бригады составила 1750 человек. Бригада подчинялась лично шаху и быстро стала важной опорой его власти». Действительно, командир бригады подчинялся только самому шаху и садр-азаму, то есть первому министру, минуя персидского военного министра.

«Персидская казачья бригада сформирована в 1879 году русскими инструкторами, откомандированными из России персидскому шаху, по его желанию. Во время пребывания шаха в Петербурге, ему очень понравился Конвой Его Величества, и с того времени он решил сформировать у себя подобный же конвой».

Мисль-Рустем

Впрочем, О. А. Гоков в исследовании «Создание и начальный этап существования Персидской казачьей бригады» указывал, что формирование этого подразделения стало реализацией давних задумок, связанных и с необходимостью сдерживать английскую экспансию. По его словам, в 1894 году товарищ министра иностранных дел в своем письме начальнику Главного штаба Н. Н. Обручеву вспоминал: «Пятнадцать лет назад бывший посланник наш в Тегеране тайный советник Зиновьев побудил шаха обратиться к нашему содействию для образования персидской кавалерии по образцу нашего казачьего войска... имея в виду главным образом приобретение влияния на персидское правительство и помешать другим, враждебным нам правительствам, взяться за это дело».

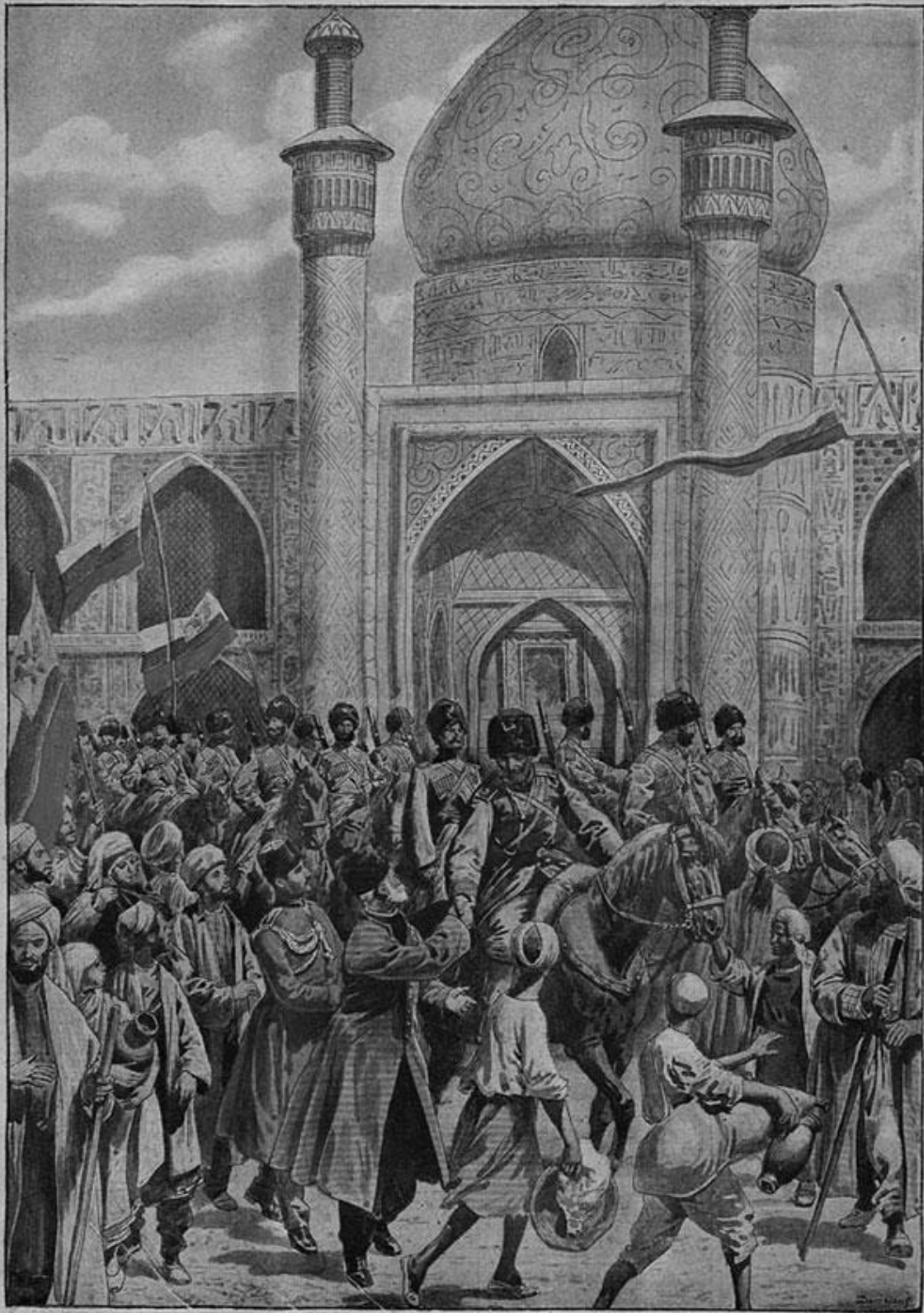
Важность крепкого сотрудничества с Персией в самых разных областях, в том числе и военной, была отмечена и генерал-майором Генерального штаба И. Блаамбергом в «Записке о значении для России Каспийского моря как торгового пути в Центральную Азию».

Блаламберг многократно руководил экспедициями, изучавшими побережье Каспийского моря. «Россия должна обратить свой взор на Азию как рынок важный и обширный», – писал он.

Русский посланник в Тегеране Лаговский еще в 1857 году докладывал директору Азиатского департамента Ковалевскому: «Присылка сюда офицеров может быть чрезвычайно полезна, внушая персиянам к нам доверие, ибо видя наше желание усилить их страну... они перестанут мечтать и верить наущениям наших противников о наших намерениях подчинить себе эту страну».

«В 1879 г. русское влияние в Тегеране значительно возросло в результате создания персидской казачьей бригады под командованием русских офицеров. В ее состав вошли четыре конных полка двухбатальонного состава, пехотный батальон и две четырехорудийные батареи. Штатная численность бригады составила 1750 человек. Бригада подчинялась лично шаху и быстро стала важной опорой его власти».

Александр Широкопад

LES RUSSES A ISPAHAN

Как бы то ни было, Домонтович провел смотр персидской кавалерии и составил план действий по созданию Персидской казачьей бригады. 7 февраля 1879 года Домонтович подписал контракт с персидским правительством об организации постоянной русской военной миссии. Сам он стал начальником этой миссии и первым командиром Персидской казачьей бригады, находясь в этом качестве в Персии по 1882 год. О. А. Гоков в своем исследовании указывает, что официально новая воинская часть именовалась «Его Величества шаха бригада», а ее командир – «Заведующий обучением персидской кавалерии». В качестве дара от правительства Российской империи бригаде была придана батарея конной артиллерии.

Оружие персидских казаков подробно описано в книге Мисль-Рустема, достаточно долго наблюдавшего жизнь и службу в бригаде изнутри: «Вооружение всех полков состояло из кинжала и шашки кавказского образца, часто под серебром, и из винтовки системы Бердана, которые выдаются на руки только на время учения, а в остальное время хранятся в цейхгаузе. Берданки – несколько сот штук, – с комплектом патронов, были подарены шаху Государем Императором Александром II. Патронташи одеваются через плечо. Батарея, входящая в состав этой бригады, состоит из 4 легких стальных орудий, подаренных шаху Государем Императором Александром III в 1883 году, и имеет лошадей по мастям. Одно орудие даже на серых лошадях. К этим орудиям был прислан в подарок и комплект снарядов».

Поступающий на службу должен был прибыть со своей лошадью, а также представить поручительство от уже зарекомендовавшего себя достойным доверия лица. «Бригада эта была первый раз сформирована русским полковником Домонтовичем, приехавшим в Персию по назначению русского правительства, с тремя обер-офицерами и 5 урядниками – от Терского и Кубанского войска, – писал Мисль-Рустем. – Это была, так сказать, русская военная миссия. Лицам, вошедшим в ее состав, сохранялась служба в России и платилось содержание как от русского, так и, отдельно, от персидского правительств, и, надо отдать справедливость, содержание очень хорошее: полковник получает до 10.000 руб. в год, обер-офицеры около 5.000, а урядники около 1.200 руб. (смотря по курсу). Выдача производилась частью персидской серебряной монетой, частью

русскими кредитками. Желавшие поступить в бригаду приводили с собой лошадь с седловкой, а остальное выдавалось им за деньги, вычитаемые потом из жалованья. При определении на службу требовалось только, чтобы кто-нибудь поручился за поступающего, что он не сбежит и не унесет выданную ему в кредит обмундировку. В 1883 году бригада пополнилась, по желанию шаха, еще полком мухаджир и легкой батареей из четырех орудий».

«Присылка сюда офицеров может быть чрезвычайно полезною, внушая персиянам к нам доверие, ибо видя наше желание усилить их страну... они перестанут мечтать и верить наущениям наших противников о наших намерениях подчинить себе эту страну».

Александр Лаговский, старший секретарь русской миссии в Персии

Командир бригады официально подчинялся шаху, однако он был подотчетен также российскому Генеральному штабу, кавказскому наместнику и Министерству иностранных дел, то есть русскому посланнику в Тегеране. Основным местом дислокации казачьей бригады был Тегеран, но также были отделения в Тебризе и других городах Северной Персии. Общая численность личного состава доходила до 900 человек. Хотя посетивший Персию в конце XIX века лорд Керзон зафиксировал в своих записках, что численность казачьей бригады составляла порядка 2 тысяч человек. Но многие историки отмечают, что, говоря о Персидской казачьей бригаде, Керзон руководствовался официальными положениями и указывал максимальный заявленный состав. Например, по его сведениям, «Полный комплект русских инструкторов обыкновенно составляли: один полковник, три капитана, один поручик и десять унтер-офицеров; но в настоящее время число их уменьшено до следующих размеров: один полковник, один капитан, один поручик и шесть унтер-офицеров». Хотя фактически состав русской военной миссии на всем протяжении ее существования не менялся, и в нее входили полковник Генштаба, три обер-офицера и пять унтер-офицеров. Об условиях службы в бригаде Керзон писал: «Субалтерн – и унтер-офицеры ежегодно получают от казны по одному мундиру персидской шерстяной материи, по два

мундира из тонкой хлопчатобумажной материи и по паре сапог, на сумму в 100 кранов».

В казачьей бригаде были как кавалерийские, так и пехотные подразделения. Пехотинцы-казаки именовались на русский манер пластунами и носили пластунскую форму, кавалеристы – форму Кубанского казачьего войска. Русские инструкторы были одеты в форму Терского казачьего войска. А парадная форма шахского конвоя соответствовала форме Конвоя Его Величества.

Мисль-Рустем описывает облик и амуницию персидских казаков, а также коней и сбрую весьма подробно: «Обмундировку и вооружение этим полкам дали по образцу кавказских казаков. Первый полк получил обмундировку кубанских казаков, т. е. бешметы и верх папахи красные; второй – казаков Терского войска, т. е. бешметы и верх папахи голубые, а третий – зеленые бешметы и белый верх; погоны с инициалами полка. Обмундирование батареи было схоже с формой кубанских русских батарей. При бригаде, с самого ее основания, был учрежден также

особый взвод «garde» (т. е. гвардейский), как называли его персы, который был одет, как наш конвой Его Величества, в красные, а по будням синие, обшитые галуном черкески и посажен не на гнедых, как у нас в конвое, а на серых жеребцах. В полках допускались лошади всех мастей, но они ранжировались мастьми по эскадронам и взводам. Так, я заметил, что первые эскадроны имели больше вороных, вторые гнедых и рыжих, третьи разношерстных, и четвертые – серых и белых мастей. Седла и уздечки – кавказского образца, но большею частью с азиатскими мундштуками; хотя русские инструктора и добивались, чтобы все ездили на удилах, а не на мундштуках, но это оказалось невозможным, так как тамошние жеребцы привыкли к строгим мундштукам и на удилах заносили».

«Лицам, вошедшим в ее состав, сохранялась служба в России и платилось содержание как от русского, так и, отдельно, от персидского правительств, и, надо отдать справедливость, содержание очень хорошее: полковник получает до 10.000 руб. в год, обер-офицеры около 5.000, а урядники около 1.200 руб. (смотря по курсу). Выдача производилась частью персидской серебряной монетой, частью русскими кредитками. Желаящие поступить в бригаду приводили с собой лошадь с седловкой, а остальное выдавалось им за деньги, вычитаемые потом из жалованья».

Мисль-Рустем

В бригаде существовали такие звания, по соответствию русских и персидских чинов: казак, серджюге (приказный), векиль-чап (младший урядник), векиль-раст (старший урядник), векиль-баши (вахмистр), муин-наиб (подхорунжий), наиб-сейюм (прапорщик), наиб-дейюм (хорунжий), набаваль (сотник), султан-капитан (подъесаул), явер (есаул), наиб-сергенг (войсковой старшина), сергенг (полковник), сартип 1-го ранга (бригадный генерал), сартип 2-го ранга (генерал-майор), мир-пендж (генерал-лейтенант), амир-туман (полный генерал), сардар-маршал (маршал), амир-найон (главнокомандующий). На погонах, которые тоже были русского образца, помещались персидские накладки из бронзы: у казаков – лев с короной, у обер-офицеров – лев с короной в лавровом полувенке, у штаб-офицеров – лев с короной и

венки в три четверти, у генералов – лев с короной и полный венки, у сардара – большой лев с короной без венка.

В 1883 году бригаду возглавил новый командир полковник Чарковский, который сформировал третий казачий полк, а также эскадрон ветеранов. Был в составе бригады даже свой оркестр.

Это о Чарковском, среди прочего, Мисль-Рустем писал: «Я должен добавить, что русский полковник Ч. в 1883 году устроил одну дежурную комнату по европейскому образцу; там был даже деревянный пол, что большая редкость в Персии, устроенный им из досок ящиков, в которых привезли орудия из России. На стенах были портреты шаха, разных персидских знаменитостей и картины; в подставках стояли знамена; было даже кресло с серебряной дощечкой, имевшей надпись, что шах в 1883 году удостоился, при посещении казарм, сесть на него...»

Посетивший Персию британский врач Уильс писал в книге, которая была издана на русском языке в 1887 году: «Три года тому назад шах имел три казачьих полка, получавших правильное жалование, при которых состояли инструкторами европейцы. Мне не приходилось видеть более красивого состава солдат и лошадей».

Впоследствии на рубеже 1890-х годов бригада пришла в не лучшее состояние, однако ситуация была исправлена не в последнюю очередь усилиями нового командира – полковника Косооговского, назначенного в 1894 году. Он хорошо говорил по-персидски и еще до своего назначения много ездил по стране. Ему принадлежали идеи реформирования всей персидской армии, которые были впоследствии реализованы на практике. В сентябре 1894 года в бригаде было 500 обученных и экипированных казаков. 1 марта 1899 года шах повелел увеличить численность бригады на тысячу человек, что и было исполнено уже к 31 августа 1899 года.

«Я заметил, что первые эскадроны имели больше вороных, вторые гнедых и рыжих, третьи разношерстных, и четвертые – серых и белых мастей. Седла и уздечки – кавказского образца, но большею частью с азиатскими мундштуками; хотя русские инструктора и добивались, чтобы все ездили на удилах, а не на мундштуках, но это оказалось невозможным, так как тамошние жеребцы привыкли к строгим мундштукам и на удилах заносили».

Мисль-Рустем

По наблюдениям Мисль-Рустема в жизни Персидской казачьей бригады периодически происходили курьезы, связанные с особенностями местного менталитета: «Через казармы вы проникаете в две кухни, чистенькие, с котлами, с двумя пузатыми самоварами, которые для виду возились всюду за бригадой. В этих кухнях никогда ничего не варится. Полковник Ч. вздумал было не давать порционные деньги на руки, но это удалось ему ненадолго: появился ропот, и пищу перестали варить. Дело в том, что на полученные порции персидский казак умудряется кормить всю свою семью, а из котла это сделать невыносимо».

Бывали и откровенно забавные случаи, которые также запечатлел в своей книге Мисль-Рустем. Однажды, по его словам, в бригаду явились два более чем почтенных и откровенно не подходящих для строевой службы старика, которые, тем не менее, каким-то образом умудрились раздобыть фирман о зачислении их в ряды шахских казаков. Озадаченный инструктор был вынужден согласиться и поставил их в последнюю шеренгу, поскольку было очевидно – строевые упражнения и освоение воинских приемов старцам не под силу. Вскоре на смотр в бригаду пожаловал сам Насреддин-шах. Дряхлых новоиспеченных «казаков» опять поставили подальше, но у них, оказывается, существовал собственный план действий. «Каково же было удивление инструктора, когда он, проходя по фронту с шахом, еще издали увидел опять в первой шеренге, безобразно державших шашки и сгорбленно стоявших, бородатых стариков. Шах, подойдя к ним, остановился, усмехнулся и сказал: «Вижу, вы старые служаки, – молодцы». Они же ему, без церемонии, стали из фронта кланяться и приблизительно держали такую речь: «Мы-то молодцы, носили тебя еще на руках во время твоего похода с отцом твоим Мамед-шахом на Герат (поход этот был лет 50 тому назад), а ты вот, неблагодарный, все нас держишь нижними чинами». Шаху очень понравилась эта речь, и он со смехом спросил, чего же они желают. Они отвечали: «Чина», чтобы иметь до смерти пенсию, – и шах им сказал: «Мобарек явер», что значит: «поздравляю майорами». И вот два старика-нахала, никуда не годные, сделались майорами и по проходе шаха были выгнаны из строя русским инструктором и никогда больше не показывались в бригаде. Не правда ли, оригинальное производство?»

При этом Мисль-Рустем отмечал, что хотя современные ему жители Персии в большинстве своем выражали склонность больше к торговым делам, нежели к проявлению воинственного духа прославленных героев прошлого, но изучение военного дела и в особенности верховой езды и джигитовки удавалось казакам из Персидской бригады очень хорошо.

Ван Хельсинг в Персии

Свидетельством того, насколько усердно британцы вели пресловутую Большую игру, может служить путешествие венгерского востоковеда Арминия Вамбери, предпринятое им в первой половине 1860-х годов. Он, переодетый дервишем, побывал в Бухарском и Хивинском ханстве и дважды – в Иране. Казалось бы, главной его целью было именно этнографическое изучение стран, городов и образа жизни людей. Но в 2005 году Британский национальный архив рассекретил документы, из которых стало ясно, что Вамбери был агентом английских спецслужб и его странствие являлось частью плана по противодействию намерениям России расширить сферу влияния в Центральной Азии.

Правда, заметки Вамбери, изданные им в виде книги «Путешествие по Средней Азии», содержат немало интересных наблюдений. Хотя достоверность части из них оспаривалась другими авторами. Так, генерал-лейтенант русской армии, историк и лингвист Михаил Терентьев сомневался, что Вамбери совершил весь тот путь, который описал: «Мне лично удалось проверить в Самарканде две вещи, – указывал Терентьев в книге «Россия и Англия в Средней Азии», – уличающие Вамбери в том, что он их не видел и, следовательно, в Самарканде не был».

Однако Ирану посвящена немалая часть книги Вамбери. Вот впечатления автора от прибытия в Мешхед: «Был один из тех прекрасных осенних дней, которыми так богат восточный Иран.

Местность – голая равнина с немногими холмами – не очень романтична; но тем красивее возвышающийся, словно оазис, город, окруженный садами, блистающий разноцветными куполами». Далее путешественник указывает, каким контрастом по сравнению с «тяжелым, подавленным настроением в туркестанских городах» показалась ему жизнерадостная персидская уличная толпа. «Пустынными улицы Мешхеда бывают редко; но особенно полны и даже, я бы сказал, забиты они в ясные осенние дни, и если в эту пору, между десятью и двенадцатью часами, взглянуть на пеструю сутолоку на всех улицах, то едва ли запомнишь точно хотя бы один из окружающих тебя сотен предметов...»

Особое впечатление на путешественника произвели некоторые архитектурные памятники: «Мечеть Гаухаршад... славится скорее не богатством, а как произведение искусства. Высокий портал из разноцветных изразцов, освещенный солнцем, благодаря своим великолепным краскам представляет феерическое зрелище. Руины Медресе-Ханым в Самарканде, как и развалины на Мусалла в Герате, были, может быть, роскошнее и богаче, но, мне кажется, едва ли красивее. Внутри также преобладают превосходные изразцы. Золото и серебро хотя и встречаются, все же персы правы, когда называют усыпальницу имама Ризы царственной, а мечеть – произведением искусства».

«Персия – именно та страна Азии, которая благодаря проявлению всех крайностей наиболее отчетливо показывает свой восточный характер».

Арминий Вамбери

С несомненным почтением Вамбери пишет об авторе «Шахнаме»: «Прежде чем расстаться со святым городом, я съездил на могилу великого иранского барда, на могилу Фирдоуси, которая, как мне указали, находится на развалинах Туса, лежащих к северу от города. Надгробный памятник очень скромный, а под ним лежит один из величайших национальных поэтов мира, который воспел историю своего народа в 60 тысячах стихов, включив в свой язык не более двух чужих (арабских) слов... Он хотел остаться верным иранцем и считал позором пользоваться языком угнетателей своего народа».

А в рассказе о посещении Нишапура он также отмечает великих поэтов, «чьи могилы немало прославили этот старый город Ирана. Один – это Фарид ад-Дин Аттар, великий мистик и философ, который написал интересное произведение «Мантик ат-тайр» («Логика птиц»). В нем представлены все разновидности пернатого мира, их мучает желание понять смысл своего существования, и они жаждут найти источник истины. Орлы, коршуны, соколы, а также ворон, голубь, горлица и соловей – всех их одинаково интересует этот важный вопрос. Все навещают всезнающую Худхуд, волшебную птицу Соломона, которую считают учителем, и расспрашивают ее в чрезвычайно курьезной беседе о желаемых сведениях. Она разыгрывает скромность, дает мудрые советы и ведет стаю на ту тропу, по которой попадают к Симургу, Фениксу восточного мира, который одновременно предстает символом ярчайшего света... Второй поэт, прах которого покоится в Нишапуре, – это Хайям, резкий антипод первого... И все-таки Хайяма читают не меньше, чем первого поэта. Персия – именно та страна Азии, которая благодаря проявлению всех крайностей наиболее отчетливо показывает свой восточный характер». При этом, отмечает Вамбери, именно в Персии при всех противоречиях и крайностях отчетливо выражена склонность и способность к мирному сосуществованию.

Вамбери был сильно впечатлен, по его словам, отношением иранцев к Нишапурской равнине: «Джелгей Нишапур (Нишапурская равнина) в глазах перса – это верх красоты и богатства. Для него воздух там чище и благоуханнее, чем где-либо, ее вода – самая сладкая в мире, плоды ее земли ни с чем не сравнимы, а когда он с гордостью и радостью указывает на лежащие к северо-востоку горы, богатые бирюзой и благородными металлами, можно себе представить, как сияют от восторга его глаза, когда он говорит об этих местах своей родины».

В дальнейшем странствии Арминия Вамбери можно заметить его регулярный интерес к русской теме в разных ее аспектах, причем именно в контексте Большой игры. «Шахруд – значительный торговый центр между провинциями Мазендеран и Ирак... Караван-сараев несколько, и в одном из них расположена фактория большой русской торговой компании «Кавказ», которая в последнее время почти вытеснила английскую торговлю в Хорасане благодаря импортной торговле Астрахани и Баку через Астрабад. Да, русские обладают

огромным влиянием во всей Азии, от Камчатского залива до Константинополя, и ни для кого это влияние не является таким опасным, как для британского льва, которому русский медведь теперь крепко наступает на пятки, и наступит время, когда он вцепится ему в шкуру своими острыми когтями».

«Персидская столица показалась мне местом, где процветают цивилизация и образованность».

Арминий Вамбери

«Шахруд – значительный торговый центр между провинциями Мазендеран и Ирак... Караван-сараев несколько, и в одном из них расположена фактория большой русской торговой компании «Кавказ», которая в последнее время почти вытеснила английскую торговлю в Хорасане благодаря импортной торговле Астрахани и Баку через Астрабад».

Арминий Вамбери

Он много пишет о набегах туркестанских кочевников на приграничные районы Персии и оживленные торговые пути, проходящие по этим местам. «Путешествие из Мешхеда в Тегеран всегда считается рискованным предприятием; но особенно опасен Хорасан, где страх перед туркменами, белуджами и курдами заставляет задуматься любого». Впрочем, тогдашнему управителю этих мест – «мечу государства» Султану Мурат-мирзе удалось достичь успеха в обеспечении безопасности дорог. «Он был энергичный и талантливый человек, – пишет Вамбери, – и наряду с другими похвалами, которые ему воздавались вполне по заслугам, существовала поговорка: «Ребенок мог бы уверенно и спокойно пройти по улицам с полной тарелкой фруктов на голове». Приводит путешественник и другую поговорку, относящуюся к дороге: «Девять фарсахов в Хорасане – это очень много, потому что пословица говорит: «Миля в этой провинции бесконечна, как женская болтовня, и кто примется измерять их, у того все мерные цепи лопнут». А Тегеран после всех треволнений пути

безмерно обрадовал путешественника: «Персидская столица показалась мне местом, где процветают цивилизация и образованность».

Среди фактов биографии Арминия Вамбери есть и такой: он был хорошо знаком с писателем Брэмом Стокером и, по свидетельству современников, именно Вамбери, один из первых европейцев, совершивших столь протяженное путешествие по Персии, стал для создателя «Дракулы» прообразом профессора Ван Хельсинга.

На рубеже веков

...В 1896 году завершилось правление Насреддин-шаха. К этому времени численность жителей Тегерана достигла четверти миллиона человек. В городе были не только построены новые, но и отремонтированы многие старые здания, создана централизованная система водоснабжения. Еще в 1870 году Насреддин-шах начал реконструкцию столицы, приказав взорвать все устаревшие и потерявшие свое оборонительное значение фортификационные сооружения. На освободившемся месте были построены новые городские кварталы, в которых поселились и те, кто раньше ютился в окрестных лачугах. В Тегеране была открыта французская школа, где преподавали естественные и гуманитарные науки: историю, географию, химию, медицину.

Насреддин-шах, как уже упоминалось, увлекся новейшим для того времени искусством – фотографией. Он специально выписал из Европы одного из лучших фотографов – француза Франсиса Карлиана и с его помощью создал в своем дворце первую в Персии фотостудию. Шах стал настоящим покровителем персидского фотоискусства, отправляя своих подданных в разные (в том числе и отдаленные) уголки страны,

где они фотографировали природу и селения, местные достопримечательности и базары, людей и живописную природу.

Среди прибывших в Персию зарубежных фотографов были и русские. В конце 1870-х годов в Тегеране открыл свое фотоателье мастер Антон Севрюгин, который удостоился чести стать придворным фотографом Насреддин-шаха. При участии Севрюгина была создана фотолетопись Персии, демонстрирующая, как менялся быт и облик жителей ее городов и столицы.

О сохранявшихся на этом фоне традициях легендарной персидской роскоши и в наши дни напоминает бесценный «Глобус Насреддин-шаха»: для его изготовления было использовано 34 килограмма золота. Моря и океаны изготовлены из изумрудов, а материки – из рубинов. Общий вес драгоценных камней, вставленных в это грандиозное ювелирное изделие, – больше трех с половиной килограммов.

Но тем временем мир вступал в следующий, XX век, где Персии-Ирану предстояло превратиться из далекой, неизвестной, отчасти романтической страны в полноправного участника многих мировых событий.

Приложение

Объекты Всемирного наследия ЮНЕСКО в Иране

Персия славится не только своими правителями и учеными, поэтами и художниками, но и выдающимися памятниками. Не все из них дошли до наших дней в первозданном виде, но память о них перешагнула тысячелетия и по-прежнему поражает наших современников. А 21 памятник истории, культуры и природы Ирана получил мировое признание и был внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Чога-Занбиль

Древний город и храмовый комплекс Чога-Занбиль находятся в современной иранской провинции Хузестан и сохранились со времен государства Элам. В Ветхом Завете о судьбе этого государства говорится: «И наведу на Елам четыре ветра от четырех краев неба и развею их по всем этим ветрам, и не будет народа, к которому не пришли бы изгнанные Еламиты. И поражу Еламитян страхом пред врагами их и пред ищущими души их; и наведу на них бедствие, гнев Мой, говорит Господь, и пошлю вслед их меч, доколе не истреблю их» (Иеремия 49:36–37)

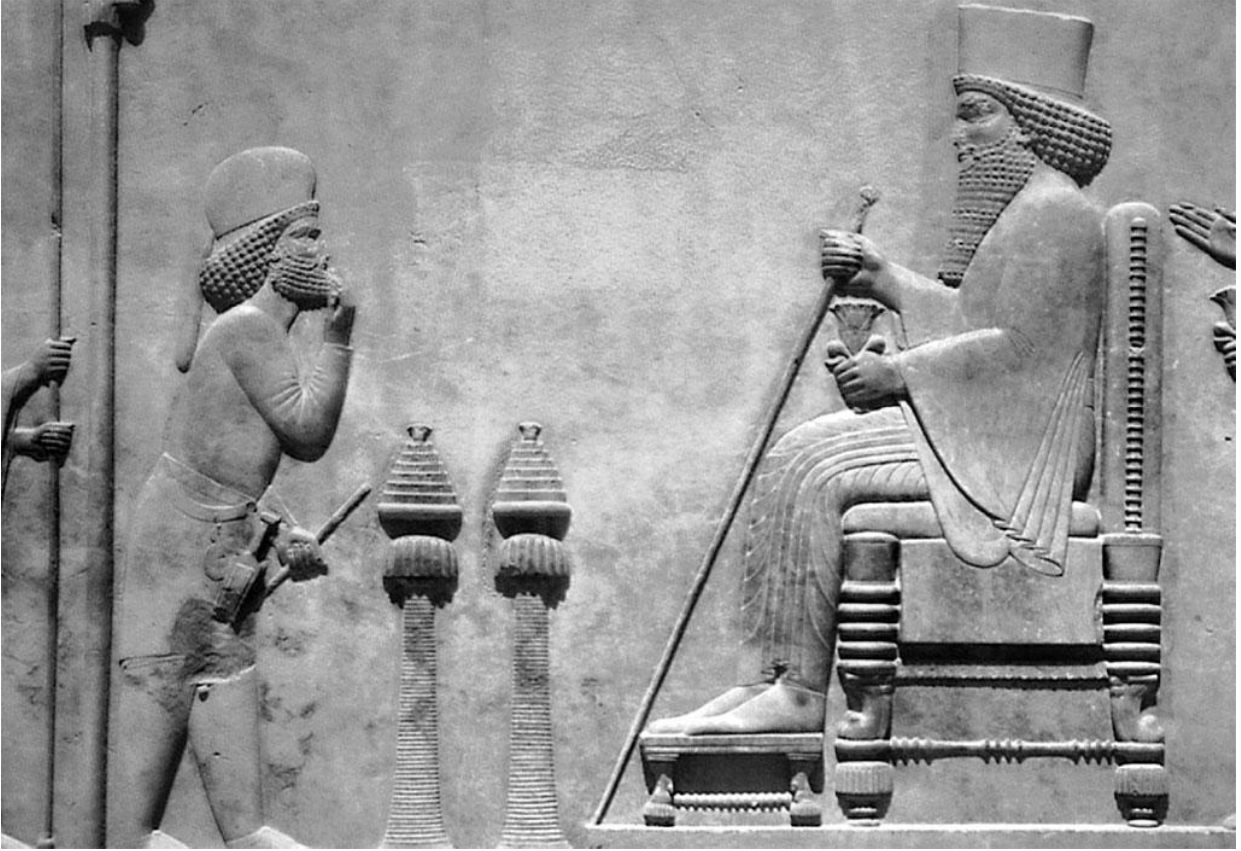
Изначально город назывался Дур-Унташ и представлял собой хорошо защищенную крепость с тремя кольцами стен. В центре находится большой зиккурат, посвященный божеству правосудия Иншушинаку, и 11 храмов малых божеств. Храмовый комплекс был построен около 1250 года до н. э. царем Элама Унташ-Напириша. В 640 до н. э. город был разрушен ассирийскими войсками царя Ашурбанипала. «В 642 г. до н. э. ассирийцы в очередной раз вторглись в Элам, и Умманалдаш III, покинув свою резиденцию в Мадакту, бежал за горную реку Идидэ (соврем. Аб-и-диз), в неприступную крепость Дур-Ундаси», – пишет об этом Михаил Мочалов в книге «Ассирийская держава. От города-государства – к империи».

Зиккурат в Чога-Занбиль считается наиболее хорошо сохранившимся из всех зиккуратов в мире. В 1979 году Чога-Занбиль стал первым объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО в Иране.

Персеполь

Легендарная столица древней Персидской империи, разрушенная и сожженная во время завоевательного похода Александра Македонского. О ней рассказывали историки античных времен от Диодора Сицилийского до Плутарха, ею восхищались археологи, которым посчастливилось найти и вернуть из небытия это поистине чудо света.

«Крепость, отметим сперва, окружена тройной стеной, – писал Диодор Сицилийский. – Первая часть этого строения стоит на сложном фундаменте. Оно шестнадцать локтей в высоту и увенчано зубцами. Вторая стена похожа во всех отношениях на первую, но двойной высоты. Третий участок прямоугольный в плане и шестьдесят локтей в высоту, построен из твердого камня и, естественно, прочный. На каждой из сторон установлены бронзовые ворота, рядом с каждым из которых стоят бронзовые столбы в двадцать локтей высотой, они предназначались привлекать взгляды наблюдателей, а ворота скрыть. В восточной части террасы находится так называемый царский холм, в котором были могилы царей. Это гладкая скала с выдолбленными во множестве камерами, в которых были гробницы мертвых царей. Нет у них другого доступа, но помещаемые саркофаги мертвецов подняты каким-то механическим устройством. Вокруг царской террасы были рассеяны резиденции царей и членов царской семьи, а также жилища знатных людей, все роскошно обставленные, и здание, соответственно сделанное для охраны царских сокровищ».

«Персеполь стоит и поныне, сохраненный для потомков самим фактом своего сожжения. Дворцы Дария и Ксеркса по-прежнему возвышаются над равниной – чудо для проезжающего мимо путника, –

свидетельствовал работавший уже в новейшее время историк Альберт Олмстед. – Их залы почти завершены настолько, что на закате нетрудно вызвать духов прошлого. Намеренное сожжение города Александром не уничтожило, а сохранило для нас практически без единой царапины великолепные барельефы... Разбитые вазы с подписанным на них именем Ксеркса были собраны по кусочкам терпеливым археологом, который также собрал множество осколков, иллюстрирующих повседневную жизнь персов. Если огонь, зажженный Александром, и уничтожил много бесценных пергаментов, то большинство из них в любом случае пропали бы просто с течением времени. Он невольно оказал нам бесценную услугу, подвергнув обжигу глиняные таблички, которые до того времени хранились только в сыром виде, а ведь сырая глина так легко распадается. Письмена на каменных плитах, обнаруженных археологом, были расшифрованы филологом, и оказалось, что это царские документы».

Археолог Эрих Шмидт, один из первых, кому посчастливилось возвращать из забвения этот царственный город, в своем труде «Персеполь», выпущенном издательством Чикагского университета в 1953 году, свидетельствовал: «...весь пол главного зала покрыт слоем золы и древесного угля (кедра, как показал микроскопический анализ), иначе говоря, обугленными останками потолочных перекрытий. Херцфельд определяет толщину этого слоя в 1–3 фута и отмечает следы огня на колоннах... Тронный зал и его портик, несомненно,

обрушились в результате бедствия, что, вероятно, совпало во времени с пожаром в казнохранилище по другую сторону улицы, к югу, и, возможно, с гибелью самой ападаны...»

Английский археолог, профессор Лондонского университета сэра Мортимер Уиллер в книге «Пламя над Персеполем» указывал на высочайший уровень развития персидской цивилизации того времени: «И все же в ахеменидском зодчестве Персеполя нет почти ничего от архитектуры Средиземноморья, если не считать египетскую. Во времена, когда Ксеркс и Дарий заготавливали пищу для факелов Александра, в Греции не строили дворцов, которые показались бы достойными этого названия. Независимо от положения в обществе люди жили в небольших домах, иногда каменных, обычно же глиняных...»

Персеполь внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 1979 году.

Площадь Имама

Площадь Имама, ранее называвшаяся Нагш-е Джахан, находится в центре Исфахана. Ее архитектурный ансамбль, замечательный своей гармоничностью и изысканным благородством облика зданий: мечеть Имама, дворец Али-Гапу, мечеть шейха Лутфуллы, Большой базар – был создан в XVI веке. В 1589 году шах Аббас I Великий перенес столицу в Исфахан и распорядился перестроить центр подобающим стольному граду образом.

В 1637 году Исфахан посетил известный ученый, путешественник и дипломат Адам Олеарий. Он оставил подробное описание всего «Царского стольного города Испагани» и в том числе главной площади. «Шах же Абас, перенесший сюда, ради приятного местоположения, свое Царское местопребывание из Касвина, не только обстроил город великолепными зданиями, но и заселил его множеством народа, переведенного сюда из разных других областей, так что теперь Испагань представляет собою как бы небольшой мир, в котором считается более 500 тысяч душ жителей».

По словам Олеария, площадь показалась ему столь обширной, что подобного путешественнику нигде видеть не доводилось: «...в длину 700 и в ширину 250 шагов. На западной стороне, где Царский Двор и Палаты, тянется довольно порядочно устроенное сводом здание, в два

яруса, с эйванами (открытыми покоем) и коридорами, в котором золотых дел мастера, ювелиры и другие ремесленники промышленно своим ремеслом; а перед зданием этим насажены красивые, стройные деревья, называемые шимшад (Schimschad, особый род букowego дерева), изящно подстриженные...»

И на другой стороне площади Олеарий увидел обширный, капитально обустроенный базар: «...воздвигнуты сводом же широкие ходы с арками и столбами, под которыми всякого рода ремесленники, каждый по собственному цеху своему, имеют свои мастерские; ибо Персияне, обыкновенно, или вовсе не работают, или мало работают в своих жилых домах и, работая свои изделия открыто, представляют для прохожих довольно приятное развлечение».

Адам Олеарий и его спутники были поражены великолепием окружавших площадь зданий, которые в наши являются памятниками классической персидской архитектуры, а тогда еще блистали новизной: «В южной части площади находится огромная, великолепная и богатейшая мечеть, которую начал строить и почти достроил Шах-Абас; Шах Сефи уже в наше время приказал только покрыть в ней еще одну стену несколькими плитами из мрамора... Дверь, растворяющаяся на обе стороны на прочных крючках, покрыта плотным листовым серебром, местами вызолоченным... Прошедши через площадку, в самой глубине достигаешь главной мечети... Вход в нее составляет свод, высоты достойной удивления, уложенный весь камнями, расписанными голубою глазурью и золотом. Мечеть сама по себе также чрезвычайно высока, с несколькими приделами и углами и множеством столбов из прекрасного мрамора. Направо от мечети, через ворота, выходишь в особый, изящно устроенный двор. Самое дорогое во всем здании, состояло в том, что все стены в ходах, дворах и главной мечети, на высоте 4-х локтей от полу, выложены мрамором, гладко, словно зеркало, выполированным, состоящим, правда, из плит, но таких, которые все длиною были выше роста человека, шириною же несколько уже, и вделаны они были одна к другой чрезвычайно искусно».

Площадь Имама внесена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 1979 году.

Тахт-е Солейман

Тахт-е Солейман, памятник Всемирного наследия с 2003 года, сочетает в себе и архитектурные памятники, и уникальный природный ландшафт. Находится на северо-западе Ирана неподалеку от города Текаб. Вокруг озера, которое представляет собой затопленную кальдеру древнего вулкана, археологами были открыты руины древнего города Шиз и храмового комплекса зороастрийцев. Расцвет этого города пришелся на эпоху правления Сасанидов. Здесь находился почитаемый храм огня Адур-Гушнасп. Сам природный водоем тоже был окружен почитанием из-за своего «огненного» вулканического происхождения и «крепостных стен» на берегах, сформировавшихся естественным путем благодаря сильной минерализации озерных вод. Некоторые исследователи считают, что выбор места для храма был обусловлен именно тем, что в окрестностях наблюдались признаки вулканической активности.

Как место для сакральных церемоний на государственном уровне Шиз начал использоваться при шахе Ардашире I. А прославленный Хосров I велел заново перестроить, расширить и украсить храм огня, проложить особую дорогу для торжественных шествий, которая вела от

богато отделанных ворот к храму, а потом продолжалась до берега озера.

После арабского завоевания это место породило новые легенды, в которых говорится, что именно здесь великий царь и мудрец Соломон запер под водами озера злых духов, чтобы они не вредили людям. Благодаря этим преданиям руины зороастрийского храма и получили название Тахт-е Солейман – «Трон Соломона».

Памятник Тахт-е Солейман внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2003 году.

Пасаргады

Это первая столица Персии, связанная с именем основателя державы – Кира Великого. Античный историк Страбон утверждал, что решающую битву, освободившую персов от владычества мидийского царя, Кир выиграл именно там, в честь чего и сделал это место своей столицей: «...он одержал там победу в последней битве над Астиагом-мидянином, присвоил себе владычество над Азией...» Там же находится и гробница Кира, который после долгого правления и длинного ряда блистательных побед погиб в одном из сражений на рубежах своей державы. Где именно – неизвестно. Геродот пишет о войне с массагетами за рекой Аракс, Ктесий – о войне с дербиками где-то ближе к Индии, вавилонский историк Бел-Уцур, живший в эпоху царя Антиоха I Сотера, – о походе против дахов. Но как бы то ни было, даже Македонец-завоеватель отнесся к месту последнего упокоения Кира с почтением, при этом был удивлен скромностью гробницы и повелел сопровождавшему его в походе инженеру и архитектору Аристобулу отремонтировать ее. Около гробницы сохранилась лаконичная клинописная надпись на трех языках: персидском, эламском и ассировавилонском: «Я – Куруш, царь, Ахеменид».

Мортимер Уиллер, британский археолог, в своих трудах обращал особое внимание на сходство Пасаргад и Персеполя, начиная от места строительства – в основании дворца, заложенного Киром, находится природная известняковая терраса, обработанная и выровненная мастерами-каменотесами. Такая же терраса впоследствии будет выбрана в качестве естественного фундамента для главного дворца Персеполя. «Огромная каменная платформа с ведущими на нее двумя лестницами венчает крутой холм, – описывает Пасаргады Уиллер, – внизу развалины укрепленных ворот, остатки садового павильона, небольшого жилого дворца и башнеподобной постройки... Последняя могла быть либо храмом, либо уцелевшим от храмового комплекса святилищем... Окрестная долина замкнута надежной стеной из сырцового кирпича, снабженной квадратными башнями; в ее пределах должны были стоять дома царских слуг и, вероятно, ремесленников. В полутора милях к югу одиноко возвышается гробница самого Кира. Когда-то в ней хранились сокровища покойного царя, кругом росли деревья, волновались под ветром высокие травы, журчали источники. Теперь она стоит в пустыне – простой и достойный памятник человеку, чье имя славно в истории...»

Город Пасаргады внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2003 году.

Крепость Бам

Крепость Бам (Арг-е Бам) была внесена в список Всемирного наследия в 2004 году как самая большая и древняя персидская глинобитная крепость. Она объединяет множество саманных построек разных веков, окруженных стеной со сторожевыми башнями, также построенными из необожженного саманного кирпича.

Изначально крепость была важным пунктом на Великом шелковом пути. На протяжении многих столетий в ней ремонтировались и перестраивались старые здания, возводились новые. Возраст самых старых построек исследователи определяют примерно в 2 тысячи лет.

В крепости Бам находится известная древняя так называемая «Девичья крепость», строительство которой началось еще при Сасанидах в VII веке. Есть несколько мавзолеев XII века, дворец наместника эпохи уже Сефевидов, соборная мечеть XVIII века.

Крепость не раз переживала времена упадка и забвения, после которых вновь возрождалась. Этому способствовало и наличие воды, подводимой подземными каналами-кяризами, самые древние из которых построены еще до нашей эры. Из глиняных кирпичей строились не только дома и стена города общей протяженностью почти

2 километра, но и многочисленные сторожевые башни, и башни-бадгиры для охлаждения жилищ и подземных хранилищ воды, а также подвалов-ледников.

В 2003 году крепость Бам была сильно повреждена мощным землетрясением, как и современная часть города Бам, и даже внесена в список памятников ЮНЕСКО, которым грозит уничтожение. Однако усилиями специалистов и множества добровольцев уникальный памятник был спасен от гибели.

Солтание

Небольшой город Солтание на северо-западе Ирана знаменит тем, что здесь находится ряд выдающихся памятников. Они появились при правителях из династии Хулагуидов, чьей столицей был этот город. Причем главная достопримечательность Солтание – мечеть над гробницей ильхана Олджейту – является не только архитектурным шедевром, внесенным в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2005 году, но и предтечей знаменитого Тадж-Махала. Беломраморный Тадж-Махал был воздвигнут как памятник любимой супруге Шах-Джахана, индийского властителя из рода Великих Моголов. История рода Хулагуидов тоже содержит немало рассказов о женах владык.

Эти повествования были собраны и сохранены для последующих поколений персидским мудрецом Рашид ад-Дином, одним из ближайших сподвижников ильхана Аргуна и его преемника Олджейту, занимавшим должность визиря. Рашид ад-Дин обращал особое внимание на те случаи, когда властители считали необходимым являть собой пример достойного поведения, оказывая милость и щедро одаривая, одновременно порицая скупость и зависть. «Однажды пришла одна хатун из родни хана и стала разглядывать платья, лалы и драгоценные украшения его жен. Он приказал Ялавачу: «Принеси заготовленный жемчуг». Тот принес двенадцать лотков жемчуга, купленного на восемьдесят тысяч динаров. Хан приказал высыпать его весь в подол и рукава той хатун и сказал: «Ты насытилась жемчугом, доколе еще будешь бросать взгляды на других?»

Солтание был заложен ильханом Аргуном, который, как писал Рашид ад-Дин, «основал город, вывел источники и проложил водопроводы. Он израсходовал громадные деньги на это место, но по причине короткой жизни Аргун-хана оно в его дни осталось недостроенным. Олджейту-султан в дни своего царства его достроил и положил ему имя Солтание».

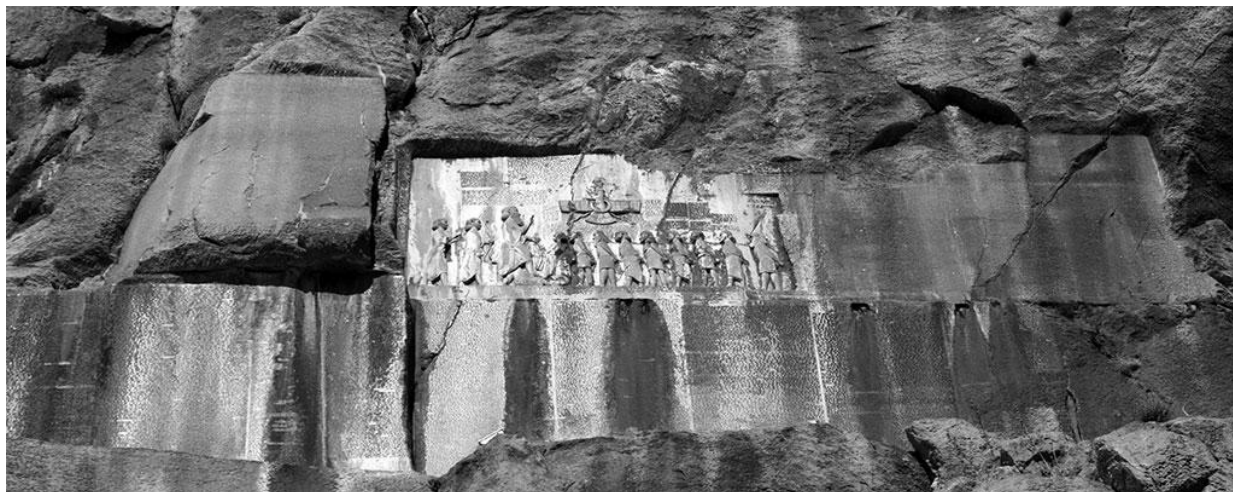
Мечеть-мавзолей ильхана Олджейту примечательна тем, что имеет первый в истории архитектуры Персии и сопредельных стран двойной кирпичный купол. Он уникален не только своими размерами и конструкцией, но и красотой облицовки – купол покрыт изразцами бирюзового цвета. Купол окружают восемь минаретов. Стены всей

постройки отделаны изразцами, украшены выложенным из кирпичей в ходе строительства орнаментом, резьбой по штукатурке, изящными росписями и каллиграфическими надписями.

Бехистунская надпись

Бехистунская (вариант – Бисотунская) надпись – клинописный текст на скале Бехистун, выбитый в камне по велению царя Дария I. Скала находится юго-западнее Экбатан между Керманшахом и Хамаданом. Надпись состоит из трех фрагментов с одинаковым содержанием на древнеперсидском, эламском и аккадском (ассиро-вавилонском) языках, она повествует о событиях 523–521 гг. до н. э. Это самая значимая из надписей времен владык-Ахеменидов, более того – один из крупнейших текстовых памятников древности. В силу своей труднодоступности уже в античные времена надпись была полулегендарной, некоторые авторы, упоминая о ней, относили ее к истории царицы Семирамиды.

Заново открыл надпись итальянский путешественник Пьетро делла Валле, а попытку скопировать и расшифровать ее предпринял датский ученый Карстен Нибур в XVIII веке. Писательница П. В. Утевская в книге «Слов драгоценные клады» так описывает начало истории расшифровки Бехистунской надписи Карстеном Нибуrom: «В течение трех недель он без усталости срисовывает надпись, на которую обратил внимание Пьетро делла Валле. Карстен Нибур заметил, что надпись разделена на три части, хотя графически она выполнена как будто бы одинаковыми знаками – клиньями, но в каждой они друг от друга в чем-то отличаются. Карстен Нибур делает правильный вывод: надпись

трехязычная... В одной он насчитал сорок три группы клинышков. Он решил, что это фонетические алфавитные знаки. Во второй их было около ста – уже похоже на слоговое письмо. В третьей насчитывалось так много знаков, что она могла быть сделана, решает Карстен Нибура, только знаками-словами».

Разумеется, кроме самого Нибура нашлось много желающих попытаться расшифровать загадочные знаки. Олаф Герхард Тихсен, ориенталист из Ростка, сделал вывод, что один из значков – это не буква, а разделитель слова. Фридрих Христиан Мюнтер из Копенгагена предположил, что надписи относятся ко временам персидских царей из династии Ахеменидов, причем все три надписи на разных языках идентичны по содержанию.

Георг Фридрих Гротефенд, учитель из Мюнхена, хорошо знал историю на уровне своего времени, то есть конца XVIII – начала XIX веков, когда история древней Персии подавалась в греческом пересказе, а имена в греческой транскрипции. «Гротефенд сумел, опираясь на исследования индогерманских языков, установить подлинные староиранские имена, – писал немецкий востоковед и популяризатор науки Эрих Церен в книге «Библейские холмы». – Это дало ему основание предположить, что каждый клинописный знак обозначает букву – звук. Дальнейшая работа над клинописными текстами привела Гротефенда к мысли, что повторяющиеся за каждым именем царя группы знаков выражают широко распространенный в Персии титул «царь царей». Но самое интересное наблюдение Гротефенда заключалось в следующем: он установил, что одно-единственное царское имя всегда встречается без этого титула. Отсюда он сделал вывод, что имя это должно принадлежать отцу великого персидского царя Дария, который никогда не был царем. Вот это-то и был тот рычаг, при помощи которого Гротефенд сумел установить три имени царей из династии Ахеменидов (Гистасп, Дарий, Ксеркс) и титул «царь царей». Это дало ему, в свою очередь, возможность определить звуковое значение двенадцати знаков древнеперсидской клинописи». Итоги своих исследований Гротенфенд опубликовал 4 сентября 1802 года.

Прочитать Бехистунскую надпись сумел только английский ассиролог, а также военный и дипломат Роулинсон примерно через сто лет после Нибура. Писательница Утевская изображает его как шпиона и авантюриста на службе британской короны, который при этом искренне

интересовался историей и культурой Персии. И именно ему было суждено не просто полностью скопировать Бехистунскую надпись, но и расшифровать ее: «Чтобы изучить историю, надо было прочесть древние письмена, только они могли рассказать о давно прошедших временах. В те годы дешифровка клинописи только начиналась. Роулинсону, с его неистовой натурой, захотелось и здесь попытать счастья. Умение разведчика пользоваться тайнописью, толковать секретные шифры пригодилось ему».

Скопировать надпись было нетривиальной задачей, сначала надо было до нее добраться, ведь древние мастера, завершив работу по ее созданию, разрушили свою каменную лестницу. «Прирожденный наездник, он ежедневно скачет на коне из Керманшаха к Бехистунской скале, – пишет Утевская. – У основания скалы, на которой была высечена надпись, Роулинсон заметил небольшой карниз. Правда, на высоте ста метров! Но для настоящего спортсмена это не преграда. Он карабкается по отвесной скале, взбирается на довольно узкий карниз. В одной руке записная книжка, в другой – карандаш. И ежедневно срисовывает несколько знаков. Из дня в день. Из года в год. Наконец надпись, идущая вдоль узкого карниза, списана. Теперь приходится работать, держась за переброшенную над пропастью лестницу или вися, будто в люльке, ежеминутно рискуя сорваться, разбиться об острые камни, сломать шею... Еще не вся надпись скопирована. Осталось самое трудное – ее верхняя часть. Даже для такого отличного спортсмена, как Роулинсон, это уж слишком сложно. За большие деньги мальчишка-курд согласился помочь. Он взбирается на вершину скалы и, вбивая в щели деревянные колышки, на веревке спускается туда, где высечены последние, еще не списанные строки. Мальчишка не умеет копировать письмена. Роулинсон находит выход и из этого положения: надо прижать к надписи размоченный в воде картон – и получается своеобразная матрица, точный оттиск клинописных строк».

Не менее драматичной предстает «бехистунская эпопея» Роулинсона в изложении Эриха Церена, который подробно описывает деревню Бехистун «на древней военной дороге, ведущей из Вавилона на восток» и скалу из белого мрамора, на которой древние мастера создали барельефы с изображением богов и людей. «В середине барельефа в стене скалы высечен объемистый клинописный текст. Эта надпись с магической силой привлекла к себе офицера британской

короны – Генри Кресвика Роулинсона. В 1837 году Роулинсон, находясь на временной службе в звании майора персидской армии, скуки ради искал таинственные клинописные знаки, о которых тогда говорил уже весь мир. В Бехистуне он спустился на длинной веревке к надписи и с опасностью для жизни перерисовал ее. Конечно, у него тогда не было необходимых средств, чтобы сделать точную копию... И все-таки того, что скопировал Роулинсон, было вполне достаточно, чтобы потом, в течение долгих, однообразных лет пребывания в Персии и Афганистане, ему было над чем поразмыслить. И ему удалось дать правильную дешифровку надписи. С тех пор полная разгадка древнеперсидской клинописи и языка перестала быть великой проблемой».

Роулинсон трудился не зря, он сумел прочитать тексты – помогло знание персидского языка, санскрита и ряда древних наречий, в том числе языка, на котором написаны тексты Авесты. Работа Роулинсона открыла путь к изучению, казалось бы, давно утерянных языков древности. В 1862 году Фридрих фон Шпигель, профессор восточных языков университета в Эрлангене, опубликовал свой труд «Древнеперсидские клинописные надписи. Основной текст, перевод, грамматика и глоссарий». Теперь стало возможно читать доселе таинственные вавилонские и персидские клинописные таблички, содержащие уникальные сведения.

Бехистунская надпись внесена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2006 году.

Древние армянские монастыри

В 2008 году в список Всемирного наследия ЮНЕСКО был включен объект «Армянские монастыри в Иране» – это монастыри святого Фаддея и святого Стефана, а также часовня Дзордзор.

Монастырь святого Фаддея находится поблизости от города Маку (провинция Западный Азербайджан). Предания гласят, что на его территории находится могила апостола Фаддея, а первая церковь была построена над ней в 68 году н. э. Первые исторические сведения об этом монастыре относятся к VII веку. Ныне существующий главный собор построен в 1329 году, после того как предыдущий был разрушен землетрясением. Монастырю в начале XIX века покровительствовал принц Аббас-Мирза, благодаря его помощи было обновлено большинство построек.

Монастырь святого Стефана, построенный в IX веке, находится в долине реки Аракс недалеко от города Джульфа. Часовня Дзордзор, возведенная в X веке и восстановленная после землетрясения в XIV веке, находится в области Артаз (провинция Западный Азербайджан). Во время строительства плотины и водохранилища на реке Макучай часовня была перенесена из зоны затопления на 600 метров.

Банд-е Кайсар – Дамба кесаря

Сохранившиеся до наших дней части ирригационной системы Банд-е Кайсар в городе Шуштар поражают воображение. Комплекс Банд-е Кайсар был построен пленными римскими легионерами из войск императора Валериана, которые были разбиты армией персидского царя Шапура I возле крепости Эдесса. Тогда в плен попал и сам римский император. Пленные по распоряжению победоносного царя возвели первую на территории Персии плотину таких масштабов.

Банд-е Кайсар находится на самой полноводной иранской реке Карун. Причем во время постройки вóды этой мощной реки были отведены в сторону по каналу, а дамбу с арочным мостом строили на осушенном дне. 500-метровая плотина стала залогом процветания земледельческих угодий вокруг Шуштара. Мост состоял примерно из сорока арочных проемов, прямоугольные каменные опоры между арками были укреплены в массивных основаниях, вытесанных из песчаника.

Кроме дамбы в ирригационную систему Шуштара входили многочисленные каналы: от самых больших, отводивших значительные массы воды в нужном направлении, до маленьких подземных каналов, которые подавали воду в подземные же хранилища, колодцы во дворах

домов, к мельничным колесам. Так, канал Аб-я Гаргар отходит от реки Карун, а через 50 км снова впадает в нее, образуя остров, на севере которого и находится город Шуштар. Чтобы управлять потоком воды, в этом канале была построена другая плотина, поменьше Дамбы кесаря – Банд-е Мизан. Каналы Шуштара одновременно служили для орошения и подачи воды в город и являлись защитным рубежом на случай нашествия врагов. Вся в целом гидротехническая система около города Шуштар в решении ЮНЕСКО от 2009 года о внесении ее в список Всемирного наследия заслуженно именуется «шедевром творческого гения».

Мавзолей-мечеть шейха Сефи ад-Дина

В городе Ардебиль находится гробница шейха Сефи ад-Дина, основателя суфийско-дервишского ордена Сефевие и родоначальника династии Сефевидов, чьей столицей поначалу и был этот город. Мавзолей шейха Сафи ад-Дина и поминальная мечеть при нем признаны уникальным шедевром архитектуры Северо-Западного Ирана.

Гробница составляет единый комплекс с мечетью и молитвенным залом. Также есть внутренний двор, а ко входу ведет длинная аллея, простирающаяся среди садов. Фасады зданий, как и внутренние

интерьеры, богато украшены. Внешняя сторона стен и купол отделаны разноцветными изразцами.

Здание мавзолея построил сын шейха Сефи ад-Дина – Садр ад-Дин шейх Муса, после смерти отца в 1334 году. В эпоху правления Сефевидов комплекс неоднократно обновлялся и достраивался. Хотя столица была перенесена в Тебриз, путешественники XVII века Адам Олеарий и Жан Шарден называли Ардебиль одним из важнейших городов Персии того времени. Здесь погребены многие из правителей династии Сефевидов, их жены и высшие сановники государства.

Мавзолей шейха Сефи ад-Дина внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2010 году.

Тебризский базар

Старинный крытый базар в Тебризе был внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2010 году. Этот город находился на Великом шелковом пути, причем на своеобразном перекрестке, откуда маршруты купеческих караванов расходились на юг, запад и север. Неудивительно, что торговля стала основой жизни и процветания города. Тебризский базар имеет протяженность почти 4 километра. Это ряд обширных крытых торговых помещений, которые и в наши дни используются по прямому назначению. По сути, знаменитый базар состоит из нескольких отдельных, хоть и объединенных, базаров, каждый из которых истари имел и продолжает иметь свою специализацию. Так, к примеру, на базаре Амир торгуют ювелирными изделиями, на базаре Моззаффарие – знаменитыми персидскими коврами. Всего на Тебризском базаре существует 22 широких торговых перехода и 7 специализированных базаров. Но здесь испокон веков не только торговали – в комплекс Тебризского базара входят 24 постоянных двора, 28 мечетей, 8 медресе, 5 бань. Также на территории базара находится знаменитый Мавзолей поэтов, где погребены многие поэты и мудрецы Ирана, начиная с Асади Туси, жившего в XI веке автора героической поэмы «Гершасп-намэ» и словаря новоперсидского языка. Ранее Мавзолей поэтов был увенчан традиционным для персидской архитектуры куполом, который разрушило землетрясение. Теперь надземная часть отстроена в модернистском стиле. Надгробия находятся в подземной части, там же на стенах выложены мозаичные портреты покоящихся здесь поэтов.

Персидские сады

Уникальное и изысканное умение создавать сады, которые не только давали тень и радовали цветами, но и были оформлены в строгом соответствии с философскими представлениями о гармонии всего и вся, не просто прославило персидских садовников, но и повлияло на садово-парковое искусство самых разных стран от испанской Андалусии до Индии. Недаром самым знаменитым образцом воплощения персидской философии сада является сад Тадж-Махала.

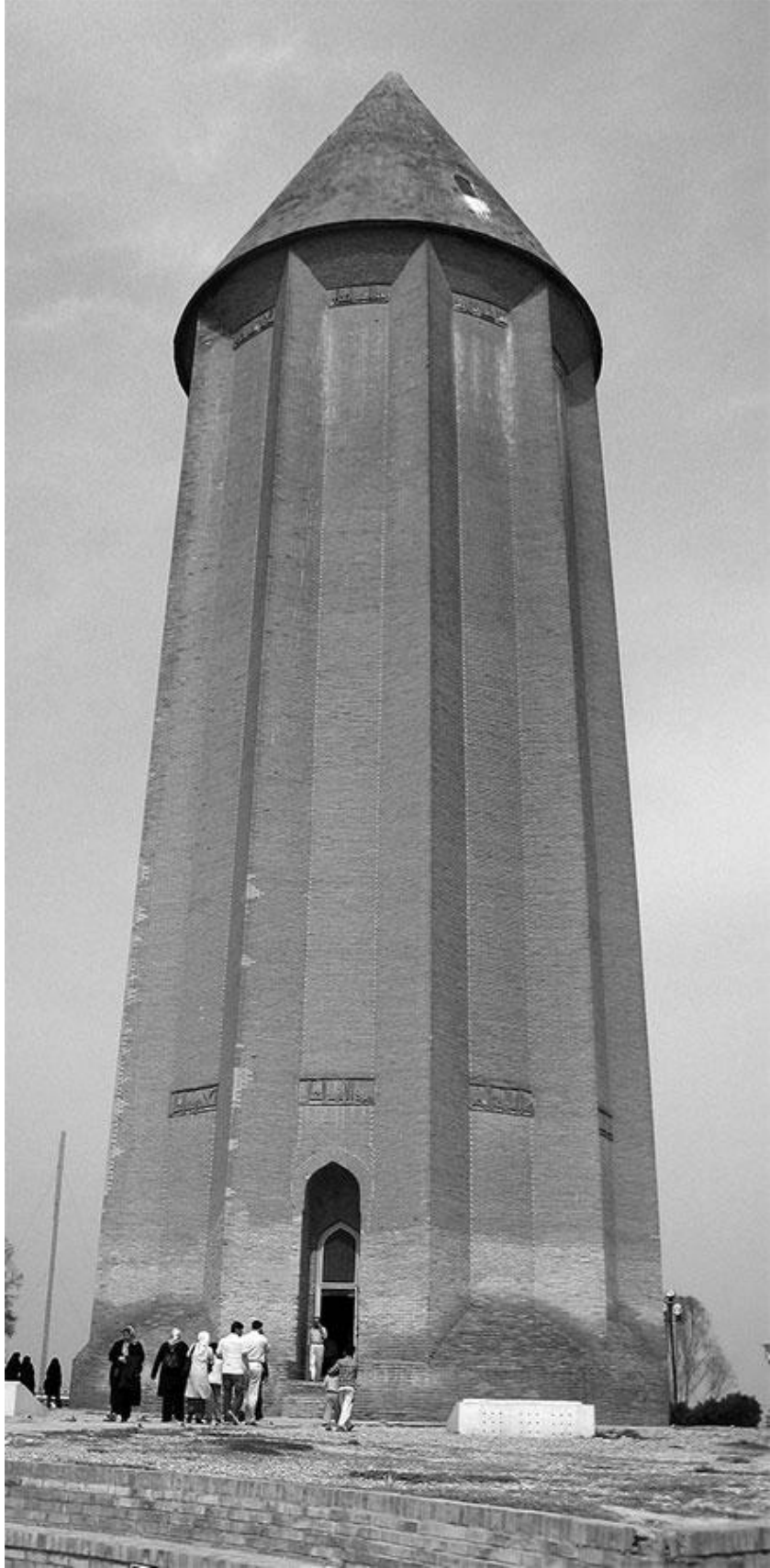
Путешественник, ученый и дипломат Адам Олеарий так писал о персидских садах: «Обширности города во многом, впрочем, помогает то обстоятельство, что при каждом доме непременно находится один, а иногда и два, довольно просторных сада. Персияне очень любят сады, но они не украшают их, вроде Европейцев, всеми возможными прекрасными цветами, но усаживают их в известном порядке всякого рода плодовыми деревьями и виноградником, в особенности же любят за красоту и тень дерево чинар, неизвестный в Германии род платана, которое растет прямо, вышиною с ель и толщиной вообщем в половину, а иногда и в целый локоть... Лучшее за тем, после таких деревьев, удовольствие и украшение садов составляют неглубокие, выложенные камнем колодцы и подземные водохранилища с желобами, положенными в известном порядке, через которые вода могла быть проводима из одного колодезя в другой. Обыкновенно колодези эти устраиваются один выше другого, так что, в случае надобности, вода изливается из одного в другой, бежит далее и орошает сад. Более зажиточные Персияне кроме всего этого устраивают в садах своих открытые галереи и особые беседки, которые часто бывают разукрашены лучше, чем их жилые дома».

В 2011 году девять сохранившихся старинных персидских садов на территории Ирана (в городах Пасаргады, Исфахан, Кашан, Шираз, Махан, Йезд, Аббасабад, Акбарих и Пахлеванпур) были включены в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Башня Гонбад-е Габус

Уникальная кирпичная башня-гробница Гонбад-е Габус высотой 55 метров была воздвигнута в эпоху правления султанов из династии Зияридов, властвовавших в прикаспийском Иране, в самом начале XI века. Это необыкновенное строение дало название всему городу, на территории которого сейчас и находится. О Зияридах мало что известно, хотя один из правителей Шемс-эль-Меали-Кабус, взошедший на престол в конце X века, любил книги и даже сам написал труд, названный его именем – «Кабус» (варианты звучания – «Габус» или «Кавус»). Город Гонбад-е Габус известен также тем, что был одним из опорных пунктов Великой Горганской стены длиной 155 км, укрывавшей Персию от набегов кочевников с Туранской равнины.

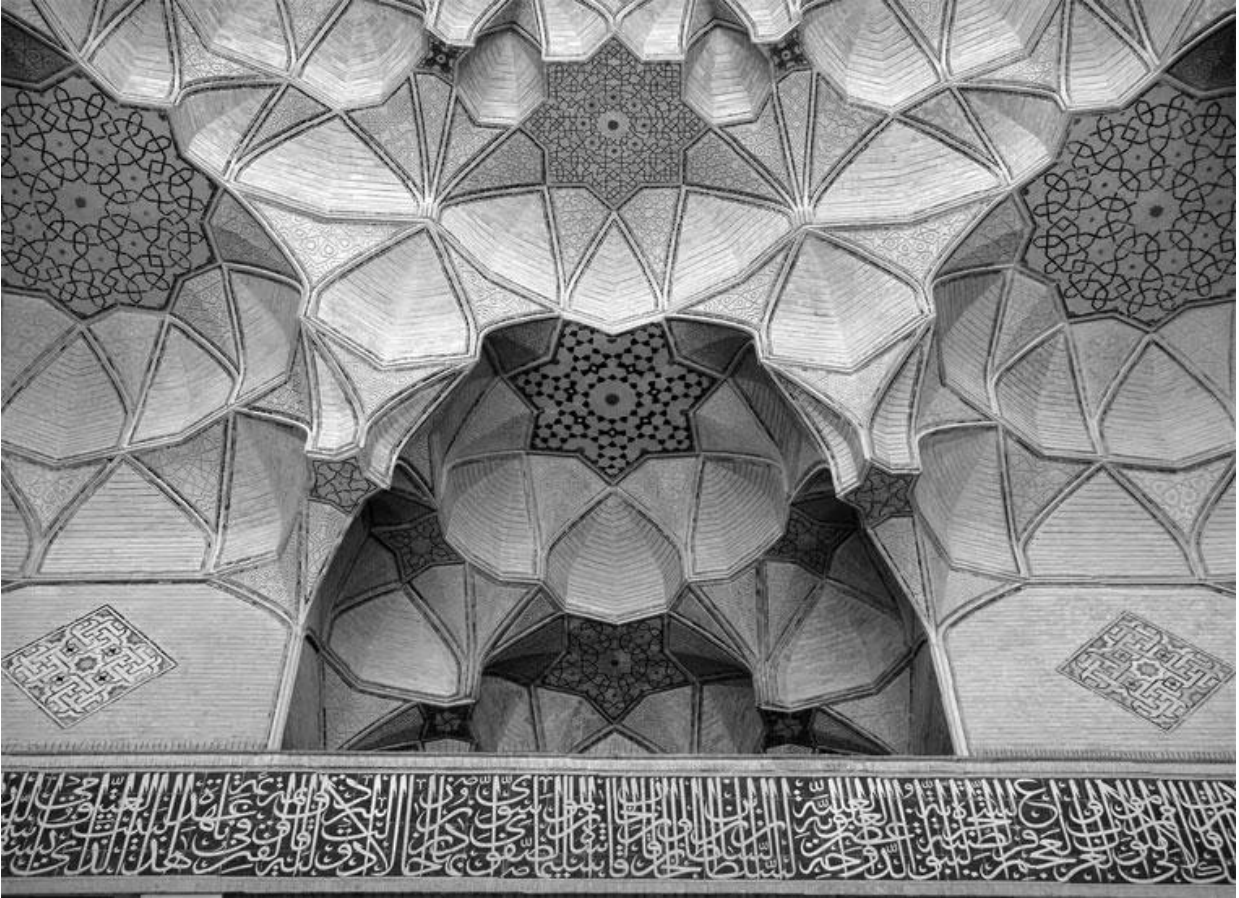
Башня Гонбад-е Габус внесена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2012 году.

Мечеть Джами в Исфахане

Мечеть Джами, или Пятничная мечеть, в Исфахане строилась в общей сложности более тысячи лет. Заложенное в 771 году здание достраивалось и реконструировалось до конца XX века. При этом ее изначальный облик определил само строение и традиционную архитектуру мечетей в самых разных странах Востока. Шли века, менялись династии владык, вспыхивали и угасали войны, а мечеть стояла. Ее своды помнят великого поэта Омара Хайяма.

Иногда во время военных конфликтов здание бывало повреждено, но его заботливо восстанавливали. Архитектура и отделка мечети поражают своей соразмерностью и великолепием: резной камень, каллиграфическая роспись, многоцветная мозаика... Мечеть Джами построена в стиле «четыре айвана» – это сводчатые залы, открытые с одной стороны, которыми оформлены выходы во внутренний двор. При Сельджукидах были построены два кирпичных купола мечети, причем первый из них, тот, что с южной стороны, в момент окончания его постройки был самым большим в мире.

В XIII веке южная сторона мечети была оформлена мукарнасами – сводами, похожими на пчелиные соты. Известный ученый XV века Гийат аль-Дин Масул Ал-Каши так описывал подобные «ячеистые» своды, искусство создания которых зародилось в Иране: «Мукарна – это ячейка, похожая на пирамиду с фацетами и плоской крышкой. Каждая грань пересекает прилегающую к ней либо под прямым углом, либо на его половину, либо на их сумму или же любую другую комбинацию этих двух углов. Две грани можно считать будто стоящими на плоскости, параллельной горизонту. Над ними устраивается плоская поверхность, либо две поверхности, можно плоские либо искривленные, которые образуют их крышку. Обе грани вместе с их крышкой зовутся одной ячейкой...».

С 2012 года мечеть Джами внесена в список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Дворец Голестан

Тегеранский дворец Голестан – «Дворец роз», называемый также и Мраморным дворцом – был построен во время правления шаха Тахмаспа I. В дальнейшем он неоднократно перестраивался, особенно во время царствования Карим-хана из династии Зендов, при Ага Мухаммад-хане, который перенес столицу в Тегеран, при Насреддин-шахе, который с удовольствием совершенствовал свой дворец и здесь же, на территории дворцового комплекса был похоронен.

В настоящее время Голестан является государственным музеем. Два десятка составляющих его зданий поделены на семь основных музейных зон – это Антропологический музей, Бриллиантовый зал, Акс-хане (Музей фотографии), Хоуз-хане (портретная галерея), Негар-хане (картинная галерея), павильон Шамс-оль-Эманех и Мраморный тронный зал.

Шамс-оль-Эманех («Дом солнца») – павильон с двумя красочно отделанными башнями и бассейном перед ним. Возведенный в 1867 году, он считается редким примером гармоничного и удачного сочетания архитектурных традиций Запада и Востока. Мраморный тронный зал был построен в 1806 по приказу Фетх Али-шаха. Зал использовался для официальных приемов, он богато украшен росписями, фресками, зеркалами, мрамором, изразцами, резными деревянными панелями. Изумительно тонкой работы трон сделан из резного желтого мрамора.

В коллекциях музея собрана керамика различных времен, образцы резного камня и металлического литья, ковры и гобелены, музыкальные инструменты, парадное оружие, украшения, традиционные костюмы, книги.

Дворец Голестан внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2013 году.

Шахри-Сухте

Шахри-Сухте на персидском языке дословно означает «сожженный город». Этот археологический памятник находится на юго-востоке Ирана, на берегу реки Гильменд и представляет собой останки древнейшего города. Специалисты относят время его существования к бронзовому веку. Предположительно он появился около 3200 г. до н. э. Город развивался и рос, был неоднократно уничтожен огнем в результате набегов неприятелей или больших пожаров мирного времени. Окончательно люди покинули это место примерно в 2100 г. до н. э. Городище было открыто в 1967 году. В ходе раскопок найдено множество уникальных предметов, в том числе глиняный кубок, покрытый рисунками, который называют древнейшим образцом анимации, и искусственный глаз из позолоченной битумной пасты.

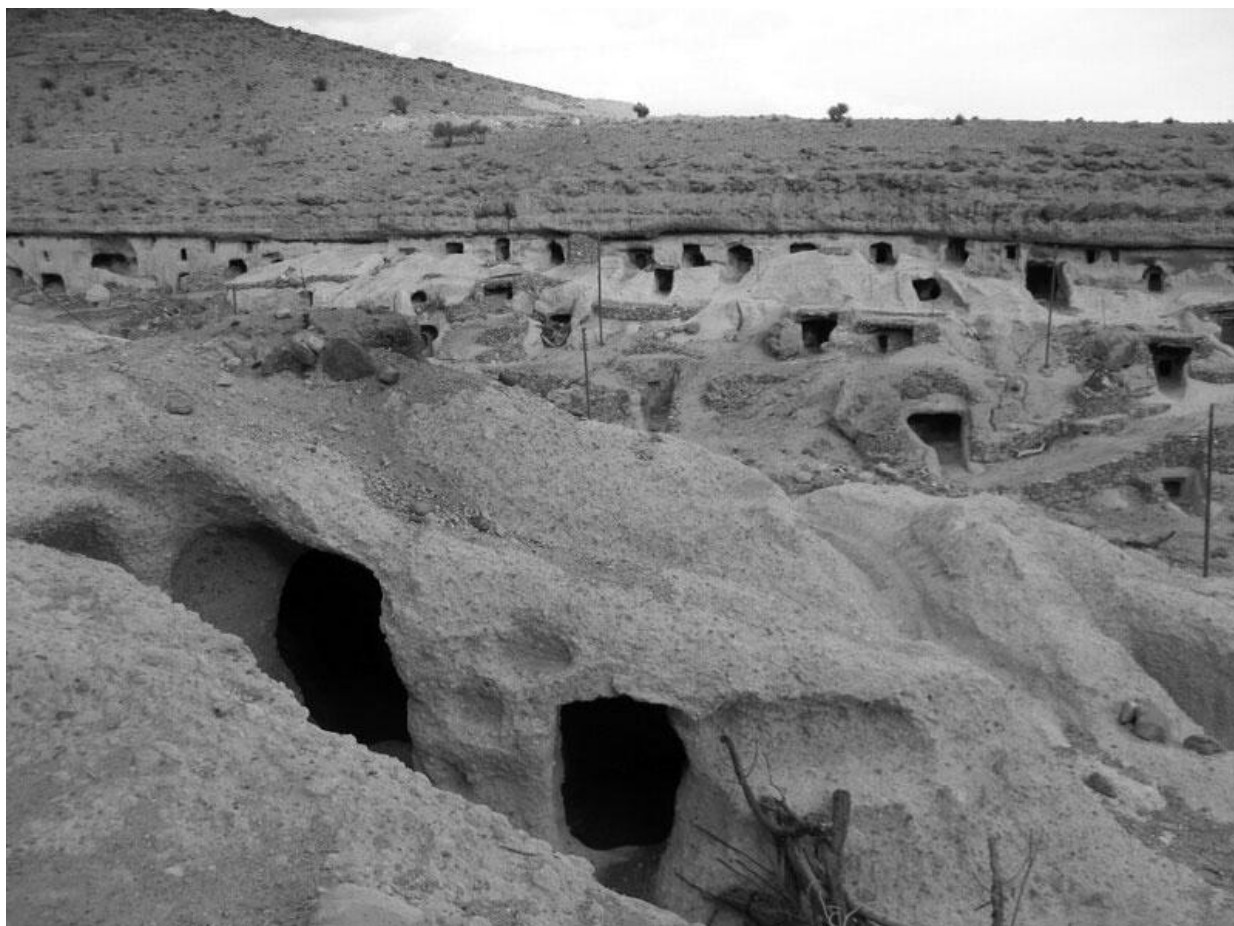
Памятник Шахри-Сухте внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2014 году.

Культурный ландшафт Майманд

Комплекс селений Майманд находится в долине среди южных отрогов центрального горного массива Ирана. Примечателен он тем, что свои дома местные жители с давних времен выдалбливали в туфе, из которого сложены склоны долины, благо этот мягкий камень достаточно легко поддается обработке с помощью простых инструментов. Коренное население долины обычно проводит лето со стадами на горных пастбищах, а к зиме спускается в свои рукотворные пещеры.

Культурный ландшафт Майманд внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2015 году.

Сузы

Сузы (Шуш) – один из древнейших городов мира. Он находится в иранской провинции Хузестан. Сузы были столицей Элама в III–I тыс. до н. э., потом одной из столиц Ахеменидов и Сасанидов. Есть версия, что название города произошло от эламского «сусан», то есть лилия, потому что в окрестностях росло множество этих цветов, прославленных чистой белизной и нежным ароматом.

Город Сузы неоднократно упоминается в Библии: «По окончании сих дней, сделал царь [Артахсеркс] для народа своего, находившегося в престольном городе Сузах, от большого до малого, пир семидневный на садовом дворе дома царского. Белые, бумажные и яхонтового цвета шерстяные ткани, прикрепленные виссонными и пурпуровыми шнурами, [висели] на серебряных кольцах и мраморных столбах. Золотые и серебряные ложки [были] на помосте, устланном камнями зеленого цвета и мрамором, и перламутром, и камнями черного цвета. Напитки подаваемы [были] в золотых сосудах и сосудах разнообразных, ценою в тридцать тысяч талантов; и вина царского было множество, по богатству царя» (Книга Есфирь 1:5–8).

Люди жили в этой местности испокон веков, первые археологические следы обитания человека относятся к периоду VII тысячелетия до н. э. Будучи столицей Элама, Сузы входили в Аккадскую империю, однако впоследствии эламский царь Кутик-Иншушинак освободил свою страну от этой зависимости. Завоеватели неоднократно приходили сюда, впрочем, жители Элама не оставались в долгу. В 1175 году до н. э. эламское войско царя Шутрук-Наххунте захватило богатую добычу в храмах Вавилона. Именно в Сузы победители привезли трофей – знаменитую каменную стелу, на которой были начертаны законы царя Хаммурапи.

После битвы при Сузах в 668 году до н. э., в которой царь Ашурбанипал победил эламитов, город был практически уничтожен, вскоре не стало и государства Элам. Однако город постепенно отстраивался. В 538 году до н. э. его занял Кир Великий. А сын Кира Камбиз II перенес сюда свою столицу. Дарий I заново перестроил древний дворец эламских царей.

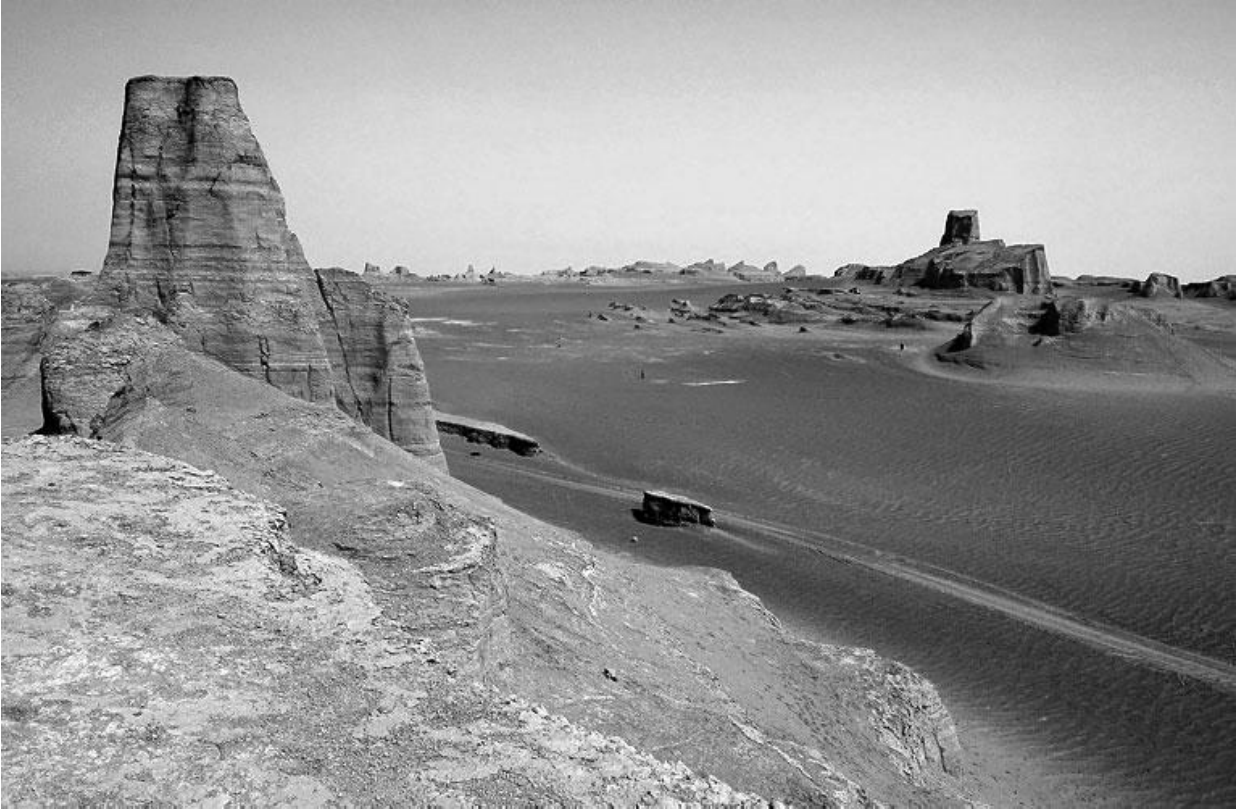
При Сасанидах Сузы были зимней столицей (а летней – Ктесифон). Город пережил многие войны, но монгольское нашествие стало причиной его долгого запустения. Археологические исследования здесь начались только в XIX веке. В 1836 году Сузы посетил и осмотрел их территорию Генри Роулинсон. Но то, что это именно Сузы, упомянутые в большом количестве древних источников, определил лишь в 1851 году Уильям Лофтус.

Город Сузы внесен в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2015 году.

Пустыня Деште-Лут

Деште-Лут является уникальным природным объектом, расположенным в центральной части Иранского нагорья на востоке страны. Эта полоса песчано-солончаковой пустыни протяженностью порядка 550 км. имеет в ширину от 100 до 200 км. Знаменита многочисленными столбами выветривания – скалами и плотными соляными останцами, которым воздействие ветра и песка в течение долгого времени придало различные причудливые очертания. Достопримечательностью этой пустыни является и один из самых высоких в мире барханов, вздымающийся более чем на 400 метров.

Пустыня Деште-Лут признана самым жарким местом на Земле, здесь зафиксирована температура +71 °С. У восточного подножия хребта Кухбенан в пределах пустыни находится солончаковая впадина Намакзар, здесь во время весеннего разлива рек образуется мелководное озеро. Но самые сухие участки пустыни известны тем, что в них нет жизни совсем, даже микробы не могут существовать в такой жаре и сухости.

Пустыня Деште-Лут внесена в список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2016 году.

Гонабадский кяриз

Во все времена вода была залогом жизни, а в жарком засушливом климате это придавало ей особое значение. Испокон веков женщины Персии и сопредельных стран нуждались в воде, чтобы готовить пищу, а их мужья, братья и сыновья – чтобы выращивать урожай на полях. И всем была необходима просто вода для питья...

Среди многочисленных шедевров старинной архитектуры можно сразу и не заметить скромные подземные акведуки – кяризы. Однако именно благодаря им жители Востока могли не просто выжить в суровых условиях, когда солнце жаркое, а дожди редки, но и выращивать среди скал и пустынь удивительные по пышности сады.

В Иране находится одна из таких гидротехнических систем – Гонабадский кяриз, включенный в список памятников ЮНЕСКО в 2016 году. Построенный около 2700 лет назад, этот подземный канал продолжает выполнять свое назначение и в наши дни, снабжая водой примерно 40 тысяч человек. По мнению ученых, это один из первых кяризов в мире; впоследствии искусство сооружения подземных каналов распространилось во всех сопредельных с Персией землях и даже дальше.

Персидские кяризы были подробно описаны еще древнегреческим историком Полибием, который отметил, что согласно местным законам и обычаям тот, кто организует постройку кяриза и проведет воду в засушливую местность, получает право свободно возделывать всю орошаемую территорию для себя и четырех поколений потомков.

Абдуллах ибн Тахир, правивший в Хорасане в IX веке, повелел благочестивым мудрецам-факихам внимательно изучить опыт создания кяризов и написать об этом книгу. Такой труд был действительно написан и получил название «Китаб ал-Куний» («Книга о колодцах»), став на многие века важнейшим пособием для ряда поколений мастеров.

Известный поэт, писавший на персидском языке, – Довлетмаммед Азади, чья гробница в иранской провинции Голестан и в наши дни является местом паломничества почитателей его творчества, в одном из главнейших своих произведений, трактате «Вагзы-азат», писал, что обустройство источников воды является «самым большим благодеянием на свете».

Кяриз, иначе ганат, представляет собой сложную систему горизонтальных подземных галерей и глубоких вертикальных колодцев. Многоопытные мастера-кяризгены путем долгих поисков обнаруживали место, где возможно достичь водоносного слоя, пролегающего глубоко под землей, а рельеф местности позволяет проложить слегка наклонную галерею по направлению к тому району, где можно было возделывать поля и сады. Знатоки обращали внимание на участки, где хорошо себя чувствовали растения с длинной стержневой корневой системой, способной достичь водоносных слоев, а также на сезонные родники, пробивающиеся среди камней. Тогда копали первый, самый глубокий колодец и от него вели эту галерею, пробивая снизу вверх вспомогательные колодцы. А в конце подземного пути кяриз переходил в открытый арык, откуда люди брали воду для питья и орошения.

Список литературы

Аббас I Великий // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

Абу Абдаллах Джафар Рудаки. Алматы, ИП «ДАР», 2008.

Агеев В. Ф. Английское завоевание Синда. М., 1979.

Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и Индии. М., 1977.

Акимушкин О. Ф. Средневековый Иран: культура, история, филология. М.: Наука, 2004.

Алавердянц М. Я. Кончина А. С. Грибоедова по армянским источникам. (Из сочинения Галуста Шермазяна «Материалы для национальной истории») // Русская старина, № 10. 1901.

Алворт Э. Россия: прорыв на Восток. М.: Центрполиграф, 2016.

Альбанезе М., Бурбон Ф., Демикелис С. Великолепие исчезнувших цивилизаций. М.: БММ, 2009.

Амбарцумян А. А. Хиониты и эфталиты по данным среднеперсидских источников // XXI научная сессия по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки, 3–5 апреля 2001, Санкт-Петербург.

Антология азербайджанской поэзии. М., 1960.

Антонова К. А. Дипломатическая Индия в средние века. История дипломатии. М., 1959.

Армения – Иран: История. Культура. Современные перспективы взаимодействия. Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Ин-т стран Азии и Африки / рук. проекта М. С. Мейер. М.: ИД «Ключ-С», 2013.

Арнольди М. В Закаспийском крае в 1877 году. СПб.: Типография Департамента уделов, 1885.

Арский Ф. Н. Страбон. М.: Мысль, 1974.

Арти Д. Александер. Fashion India. Энциклопедия. М.: Терраарт, РИПОЛ классик, 2009.

Арти Д. Александер. Nayastan-Hindustan. Легенды и реальность. М.: Грифон, 2015.

Арти Д. Александер. Танцующие с богами. Индийская энциклопедия. М., Терраарт, РИПОЛ классик. 2011.

Арунова М. Р., Ашрафян К. З. Государство Надир-шаха Афшара. М.: Изд-во восточной литературы, 1958.

Ахемениды // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

Бабаходжаев М. А. Борьба Афганистана за независимость (1838–1842 гг.). М., 1960.

Баганова М. Самозванцы. Главные аферы всемирной истории. Лжегерои. Лжезлодеи. Лжемудрецы. М.: Олимп, Астрель, 2010.

Банников А. В., Морозов М. А. История военного флота Рима и Византии (от Юлия Цезаря до завоевания крестоносцами Константинополя). СПб.: Евразия, 2014.

Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 г.). Ч. 4. М., 1902.

Бартольд В. Сочинения. Том VII. М., 1971.

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. I. Тексты. СПб., 1898.

Беднякова Н. Н. Музей Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Страницы истории. 1886–1919. Саратов: Новый ветер, 2011.

Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. М.: Мысль, 1971.

Беляев Е. А. Арабы, ислам и арабский халифат в раннее средневековье. М., 1966.

Бенуа-Мешен Ж. Юлиан Отступник. М.: Молодая гвардия, 2001.

Берже А. П. Кавказская старина. СНЕГ, 2011.

Берже П. Посольство А. П. Ермолова в Перчию. Исторический очерк // Русская старина, № 7. 1877.

Бернштейн Питер Л. Власть золота. История наваждения. М.: Олимп-Бизнес, 2004.

Бетгер Е. К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма Ибн-Хаукаля // Труды Среднеазиатского государственного университета. Вып. 111. Таш., 1957.

Бодянский В., Герасимов Е., Медведко Л. Княжества Персидского залива. М., 1970.

Боевая летопись русского флота: Хроника важнейших событий военной истории русского флота с IX в. по 1917 г. М.: Воениздат МВС СССР, 1948.

Босворт К. Я. Мусульманские династии. М., 1971.

Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586–1612 гг. М., 1976.

Бушев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613–1621 гг. М., 1987.

Бушев П. П. Посольство Артемия Вольнского в Иран в 1715–1718 гг. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1978.

Бэмбер Г. Великие Моголы. Потомки Чингисхана и Тамерлана. М.: Центрполиграф, 2003.

Бэр К. М. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний о России и пограничных с нею земель Азии. Ч. 2 // Записки Императорского Русского Географического общества. СПб., 1850. Кн. 4.

Вайнберг С. Объясняя мир: Истоки современной науки. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

Веляти А. А. Исламская культура и цивилизация. Феория, 2011.

Величко А. М. История византийских императоров. М.: Вече, 2015.

Веселаго Ф. Краткая история Русского Флота. М.—Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939.

Воспоминания о Персии 1834–1835 барона Феофора Корфа. СПб., 1838.

[*Гамильтон А.*]. Афганистан. (Гератская и Кандагарская провинции). Перевод с англ. Издание управления Окружного Генерал-квартирмейстера Штаба Туркестанского военного округа. Ташкент, Элек. – пар. типо-лит. Штаба Турк. воен. округа, 1911.

Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана М.: «КРОН-ПРЕСС», 1998.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с I половины VII века до конца X века по Р. Х.). СПб.: Типография императорской академии наук, 1870.

Герат и англо-иранская война 1856–1857 гг. М.: Изд-во восточной литературы. 1959.

Геродот. История / пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л.: Наука, 1972.

Гордин Я. А. Ермолов. М.: Молодая гвардия, 2012.

Грабар О. Формирование исламского искусства. М.: Садра, 2016.

Грантовский Э. А. Иран и иранцы до Ахеменидов: Основные проблемы. Вопросы хронологии. М.: Восточная литература, 1998.

Грибоедов. Его жизнь и гибель в мемуарах современников. М.: Захаров, 2015.

Грин П. Александр Македонский. Царь четырех сторон света. М.: Центрполиграф, 2010.

Гюиз Ф. Древняя Персия. М.: Вече, 2007.

Давыдов Д. В. Военные записки. М.: Воениздат, 1982.

Давыдов М. А. Оппозиция его Величества. М.: Зебра Е, 2005.

Дандамаев М. А. Месопотамия и Иран в VII–IV вв. до н. э. Социальные институты и идеология. СПб.: Факультет филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2009.

Дандамаев М. А. Мидия и Ахеменидская Персия // История древнего мира / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1989. Т. 2.

Дандамаев М. А. Политическая история Ахеменидской державы. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1985.

Дандо-Коллинз С. Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи. М.: Центрполиграф, 2013.

Дашков С. Цари царей – Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях. М.: СМИ-Азия, 2008.

Дегоев В. Северный Кавказ: исторические очерки. Кавказская война Надир-шаха. Дружба Народов, 2011, № 4.

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. СПб.: Алетейя, 2005.

Дмитриев В. А. Всадники в сверкающей броне. Военное дело сасанидского Ирана и история римско-персидских войн. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.

Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2013.

Дмитриев С. Н. Грибоедов. Тайны смерти Вазир-Мухтара. М.: Вече, 2014.

Дмитриев С. Н. Персидские напевы. От Грибоедова и Пушкина до Есенина и XXI века. М.: Вече, 2014.

Дмитриев С. Н. Последний год Грибоедова. Триумф. Любовь. Гибель. М.: Вече, 2016.

Ельницкий Л. Великие путешествия античного мира. М.: Ломоносов, 2013.

Жерве В. В. И. Паскевич о пользе изучения деяний великих полководцев и о своих действиях // Русская старина, № 7. 1902.

Жуковский В. А. О нынешней Персии. (Извлечение из Оливьерова путешествия в Персию) // Вестник Европы, Часть 39. № 10. 1808.

Жуковский В. А. Персидский шах Фетали, друг императора Наполеона // Вестник Европы, Часть 39. № 11. 1808.

Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915.

Журнал, или Поденная записка государя императора Петра Великого с 1698 года даже до заключения Нейштадтского мира. Ч. 1–2. СПб., 1770–1772.

Зонненитраль-Пискорский А. А. Международные торговые договоры Персии. М., 1931.

Иванов А. Ю. Наполеон. М.: Вече, 2014.

Иванов М. С. Очерк истории Ирана. М., 1952.

Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии (XVI – середина XIX в.). М., 1958.

Иоаннисян А. Р. Французское посольство в Иран в 1796 г. Советское востоковедение, 1956. № 1.

Исламская цивилизация. История и современность / сост. М. Аль-Джанаби. М.: Садра, 2016.

Исмаилов Э. Э. Персидские принцы из дома Каджаров в Российской империи. М.: Старая Басманная, 2009.

Историография истории Древнего Востока. Иран, Средняя Азия, Индия, Китай. Спб.: Алетейя, 2002.

История Иранского государства и культуры. К 2500-летию Ирана. М.: АН СССР. Ин-т востоковедения. Главная редакция восточной литературы, 1971.

История русской армии, 1812–1864 гг. СПб.: Полигон, 2003.

Ишрак 5 / сост. Я. Эшотс. М.: Садра, Восточная литература, 2014.

Ишрак 6 / сост. Я. Эшотс. М.: Садра, Восточная литература, 2015.

- Ишрак 7 / сост. Я. Эшотс. М.: Садра, Восточная литература, 2016.
- Казем-Заде Ф.* Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии. М.: Центрполиграф, 2004.
- Кази Ахмад б. Хусайн ал-Хусайни Куми.* Трактат о каллиграфиях и художниках. М.: Садра, 2016.
- Каталог арабских, тюркских и персидских рукописей Института рукописей им. К. С. Кекелидзе (коллекция К) / сост. Ц. А. Абуладзе, Р. В. Гварамия, М. Г. Мамацашвили; предисл. Г. В. Церетели. Тбилиси, 1969.
- Каченовский М. Т.* О нынешней Персии. (Из одного английского сочинения) // Вестник Европы. Часть 153. № 7. 1827.
- Каченовский М. Т.* О языке Персидском и словесности // Вестник Европы. Часть 82. № 15. 1815.
- Керсновский А. А.* История русской армии. В 4-х томах. М.: Голос, 1993. Т. 2.
- Кло А.* Харун ар-Рашид и времена «Тысячи и одной ночи». СПб.: Евразия, 2012.
- Колесников А.* Сасанидский Иран. История и культура. Нестор-История, 2012.
- Колесников А. И.* Завоевание Ирана арабами. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1982.
- Коран / пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. М., 1963.
- Котов Ф.* Хождение купца Федота Котова в Персию. М.: Издательство восточной литературы, 1958.
- Котовский Г. Г.* История Индии. М., 1973.
- Крамер С.* Шумеры. Первая цивилизация на Земле. М.: Центрполиграф, 2002.
- Красняк О. А.* Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг. (по материалам архивов русской военной миссии). М.: ЛКИ, 2007.
- Кремер В., Тренклер Г.* Лексикон популярных заблуждений. Крон-Пресс, 2000.
- Кривачек П.* Вавилон. Месопотамия и рождение цивилизации. М.: Центрполиграф, 2015.
- Крымский А. Е.* История Персии, ее литературы и дервишской теософии. I–III. М., 1917.
- Ксенофонт.* Киропедия. М.: Наука. 1976.

Кузнецова Т. И., Миллер Т. А. Античная эпическая историография: Геродот. Тит Ливий. М.: Наука, 1984.

Кули кан У. Персы и мидяне. Подданные империи Ахеменидов. М.: Центрполиграф, 2010.

Куропаткин А. Н. Русско-японская война, 1904–1905: Итоги войны. СПб.: Полигон, 2002.

Курукин И. В. Артемий Вольнский. М.: Молодая гвардия, 2011.

Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М.: Квадрига, 2010.

Курций Руф К. История Александра Македонского. М.: изд-во МГУ, 1993.

Лависс Э., Рамбо А. Эпоха крестовых походов. Смоленск: Русич, 2001.

Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М.—Л., 1950.

Лесин В. И. Генерал Ермолов. М.: Вече, 2011.

Летопись событий // Сын отечества. № 7. 1838.

Лихачев Д. С. Путешествия русских послов в XVI–XVII вв. М.—Л., 1954.

Лобов В. Н. Военная хитрость. М.: Московское военно-историческое общество; Логос, 2001.

Мазинани М. К. Последний из Саларов. М.: Садра, 2016.

Марков В. И. Тюркский след в истории Украины X–XVII вв. С.—П. Евразия, 2016.

Маркс К. Война против Персии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12.

Маркс К. Хронологические выписки. Архив Маркса – Энгельса / под ред. В. Адоратского. Т. 5–8. М., 1936–1946.

Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. М., 1964.

Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1. VII–XV вв. Арабские и персидские источники // Труды Института востоковедения. XXIX / под ред. С. Л. Волина, А. А. Ромаскевича и А. Ю. Якубовского. М.—Л.: изд-во Академии наук, 1939.

Маттиев И. Б. Взгляды Ибн Сины о здоровом образе жизни //

Актуальные вопросы современной педагогики: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2011 г.). Уфа: Лето, 2011.

Медведская И. Н. Древний Иран накануне империй (IX–VI вв. до н. э.). История Мидийского государства. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.

Меринг Ф. История войн и военного искусства. СПб.: Полигон, АСТ, 2000.

Миклухо-Маклай Н. Д. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке (Новый источник по исторической географии Азербайджана и Армении). УЗ Института востоковедения АН СССР. Т. II. М.—Л., 1954. С. 175–210.

Миклухо-Маклай Н. Д. Некоторые персидские и таджикские исторические рукописи. УЗ Института востоковедения АН СССР, т. XVI. М.—Л., 1954.

Мисль Рустем. Персия при Наср-Эдин-шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах. СПб., 1897.

Миссия посланника Русского государства А. П. Волынского в Азербайджане (1716–1718 гг.). Баку: Элм. 1979.

Михайлов А. А. Первый бросок на юг. М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003.

Молев Е. Л. Властитель Понта. Н. Новгород: изд-во ННГУ, 1995.

Молчанов М. Ю. Ассирийская держава. От города-государства к империи. М., Вече, 2015.

Молчанов М., Полежаев Д. Держава Сасанидов. 224–652 годы. М.: Ломоносов, 2016.

Мутаххари М. Иран и ислам. История взаимоотношений. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2008.

Наср С. Х. Исламское искусство и духовность. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2009.

Неру Д. Взгляд на всемирную историю. М.: Прогресс, 1977.

Никитин А. Хождение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. М.—Л., 1948.

Олмстед А. История Персидской империи. М.: Центрполиграф, 2012.

Офицерский корпус Русской армии. Опыт самопознания. М.: Военный университет: Русский путь, 2000.

Павленко Н. И. Петр Первый. М., 1975.

Павлов-Сильванский Н. П. Очерки по русской истории XVIII–XIX вв. Сочинения. Т. 2 СПб., 1910.

Панченко Г. Горизонты оружия. М.: Форум, 2006.

Перно Ф. Золото. М.: БММ, 2007.

Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV веках. СПб.: изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007.

Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI – начале XIX вв. Л., 1949.

Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.: изд-во Академии наук СССР, 1946.

Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII в. Л., 1958.

Письма и бумаги Петра Великого. Т. 11, вып. 1, 2. М., 1964.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т. II. М.: Наука, 1994.

Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 2 т. М.—Л.: изд-во АН СССР, 1961–1964.

Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740–1741 годах Гладышевым и Муравиным. СПб., 1851.

Поло М. Книга Марко Поло. М., 1955.

Посланник Петра I на Востоке. Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 годах. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986.

Потапов Г. Персидская империя. Иран с древнейших времен до наших дней. М.: Алгоритм, 2013.

Потто В. А. Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. 2.

Прина Ф., Демартини Е. 1000 лет мировой архитектуры. М.: Омега, 2008.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М.: Наука, 1993.

Путешествие в Персию. Письма кн. А. Д. Салтыкова. М., 1849.

Путешествия русских послов XVI–XVII вв. Статейные списки / под ред. Д. С. Лихачева. М.—Л., 1954.

Пушкин А. С. История Петра. Подготовительные тексты. Том X 16-томного собрания сочинений Пушкина. М.: изд-во Академии наук СССР, 1938.

Разин Е. А. История военного искусства древности. М.: Вече, 2016.

Река Карун и коммерческая география юго-западной Персии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Выпуск L. СПб. 1892.

Рицца А. Ассирия и Вавилон. Астана: Фолиант, 2016.

Робинсон Р. Доспехи народов Востока. История оборонительного вооружения. М.: Центрполиграф, 2008.

Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895–1907). М-Л.: изд-во Академии наук СССР, 1947.

Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята – Дон Жуана Персидского. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; изд-во СПбГУ, 2007.

Ру Ж.-П. Великие цивилизации Междуречья. Древняя Месопотамия: царства Шумер, Аккад, Вавилония и Ассирия. 2700–100 гг. до н. э. М.: Центрполиграф, 2016.

Ру Ж.-П. История Ирана и иранцев. От истоков до наших дней. СПб.: Евразия, 2015.

Руир М. Ф. Англо-русское соперничество в Азии в XIX в. М.: Красная новь, 1924.

Рыбас С. Заговор верхов, или Тотальный переворот. М.: Молодая гвардия, 2016

Рыжов К. В. Все монархи мира: Мусульманский Восток. XV–XX вв.: Справочник. М.: Вече, 2004.

Санаи М. Мусульманское право и политика. История и современность. М.: Садра, 2016.

Сахаров А. Степан Разин. М.: Молодая гвардия, 1987.

Свечин А. А. Эволюция военного искусства. Том I. М.—Л.: Воениз, 1928.

Сикха Н. К., Банерджи Ч. А. История Индии. М., 1954.

Скрутковский С. Э. Лейб-Гвардии Сводный полк на Кавказе в Персидскую войну 1826–1828. Санкт-Петербург, 1896.

Смирнова В. В. Иран, Византия, Арабский Халифат. М.: Айрис-Пресс, 2004.

Собрание восточных рукописей Академии наук Узбекской ССР / под ред. А. А. Семенова. Ташкент, 1952.

Современная летопись и политика // Сын отечества. № 2. 1849.

Соколов А. П. Русская морская библиотека. Записки Гидрографического департамента морского министерства. Т. 10. СПб.:

1852.

Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. М.: Голос; Колокол-Пресс, 1993–1998.

Сохраби-фарр, Мухаммад Таги. Разум и любовь: очерк жизни и идей Муллы Садры Ширази. М.: Дизайн. Информация. Картография, 2010.

Страбон. География. М.: Ладомир, 1994.

Суриков И. Е. Геродот. (Серия: Жизнь замечательных людей. Вып. 1374). М.: Молодая гвардия, 2009.

Сухоруков С. Иран между Британией и Россией. От политики до экономики. СПб.: Алетейя, 2009.

Тарле Е. В. Крымская война: в 2-х т. М.—Л.: 1941–1944.

Терентьев М. А. Россия и Англия в Средней Азии. СПб.: тип. П. П. Меркульева, 1875.

Торкаман А. Э., Непомнящий Н. Н., Бурьгин С. М. Загадки старой Персии. М.: Вече, 2010.

Туманович Н. Н. Европейские державы. М.: Наука. 1982.

Тураев Б. А. История древнего Востока / под ред. Струве В. В. и Снегирёва И. Л. Л.: Соцэкгиз, 1935. Т. 2.

Уильям А., Муратов П. Битвы за Кавказ. История войн на турецко-кавказском фронте. 1828–1921. М.: Центрполиграф, 2016.

Уортингтон Й. Филипп II Македонский. СПб.: Евразия, 2014.

Фазели Н. Современная иранская культура. М.: Садра, 2016.

Фарзалиев А. М. Южный Кавказ в конце XVI в. Осmano-Сефевидское соперничество. СПб., 2002.

Фарзалиев А., Мамедова Р. Сефевидское государство и империя Великих Моголов: их взаимоотношения в XVI – первой половине XVII в. по материалам «Мунша'ат-и Салатин» // Материалы международной конференции «300 лет иранистике» в Санкт-Петербурге». СПб., 2000.

Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. Книжный клуб 36.6, 2010.

Фетх-Али-Шах // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907.

Фирдоуси. Шахнаме. От царствования Йездигерда, сына Бахрама Гура, до конца книги. Т. 6. М.: Наука, 1989.

Фор П. Повседневная жизнь армии Александра Македонского. М.: Молодая гвардия, 2008.

Фрай Р. Наследие Ирана. М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1972.

Фрай Р. Н. Бухара в Средние века. М.: Центполиграф, 2016.

Фронтин С. Ю. Военные хитрости (Стратегемы). СПб.: Алетейя, 1996.

Фуллер Дж. Ф. Ч. Военное искусство Александра Великого. М.: Центрполиграф, 2003.

Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). М.: Издательство социально-экономической литературы, 1959.

Хансен В. Великий шелковый путь. Портовые маршруты через Среднюю Азию. Китай – Согдиана – Персия – Леван. М.: Центрполиграф, 2014.

Хатами А. Иран. Страна и люди. М.: Садра, 2016.

Херрин Д. Византия. Удивительная жизнь средневековой империи. М.: Центрполиграф, 2015.

Хизер П. Великие завоевания варваров. М.: Центрполиграф, 2016.

Холланд Т. В тени меча. Возникновение ислама и борьба за Арабскую империю. М.: Центрполиграф, 2015.

Хопкирк П. Большая игра против России: Азиатский синдром. М.: Рипол Классик, 2004.

Цветков С. Э. Царевич Дмитрий. Главная тайна Смутного времени. М.: Вече, 2016.

Чертанов М. Степан Разин. М.: Молодая гвардия, 2015.

Чичеров А. И. и др. Экономическое развитие Индии перед английским завоеванием (ремесло и торговля в XVI–XVII вв.). М., 1965.

Шабани Р. Краткая история Ирана. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002.

Шеннард Рут, Фаррох Каве. Македонцы против персов. Противостояние Востока и Запада. М.: Эксмо, 2014.

Широкопад А. Б. Борьба за Каспий и Каспийская флотилия. М.: Вече, 2016.

Широкопад А. Б. Британская империя. М.: Вече, 2014.

Ширококорд А. Б. Взлет и падение Османской империи. М.: Вече, 2012.

Ширококорд А. Б. Персия-Иран. Империя на Востоке. М.: Вече, 2010.

Ширококорд А. Б. Россия – Англия: неизвестная война, 1857–1907. М.: АСТ, 2003.

Шмидт Ж. Александр Македонский. М.: Молодая гвардия, 2015.

Шпаковский В. История рыцарского вооружения. М.: Ломоносов, 2013.

Штейнберг Е. Л. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX–XX вв. Исторические записки. 1950. Т. 33.

Штенцель А. История войн на море. М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс. 2002.

Эббот Д. Ксеркс. Покоритель Вавилона. М.: Центрполиграф, 2004.

Эгертон Э. Индийское и восточное оружие. От державы Маурьев до империи Великих Монголов. М.: Центрполиграф, 2007.

Эко У. История иллюзий: легендарные места, земли и страны. М.: Слово, 2014.

Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. (СПб.: Брокгауз-Ефрон. 1890–1907).

Эфендиев О. А. Азербайджанское государство Сефевидов в XVI веке. Баку, 1981.

Юсефи М. Первый в мир царь. Рассказы по мотивам «Шахнаме». М.: Садра, 2016.

Юсефи М. Рустам и Сухраб. Рассказы по мотивам «Шахнаме». М.: Садра, 2016.

Языков Д. Персидская география XIV в. // Русский исторический сборник. Том 4. Книга 1. 1840.

Яхро В. Иноземцы на русской службе. Военные, дипломаты, архитекторы, актеры, авантюристы. М.: Ломоносовъ. 2015.

Яценко С. А. Костюм древней Евразии: ираноязычные народы. М.: Восточная литература, 2006.